

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
Иллинойский университет (США)
Европейский университет в Санкт-Петербурге
Северо-Западное отделение Научного совета Российской академии наук по
истории социальных движений, реформ и революций
Профессура по изучению Российской революции ЕУСПб

Международный коллоквиум

Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917-1922

Сборник докладов

Санкт-Петербург, 10-13 июня 2019 г.

Международный коллоквиум проводится при поддержке АО «Гознак»

Доклады печатаются в авторской редакции

Не использовать и не цитировать без разрешения авторов

© Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2019

© Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2019

© Коллектив авторов, 2019

© Издательство «Нестор-история», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

I Организация повседневной жизни и самоуправления в условиях Гражданской войны	5
.....	5
<i>Александр Рабинович.</i> Петербургский комитет большевиков в годы Гражданской войны.....	5
<i>Павел Васильев.</i> Пробуя на ощупь границы утопии: Эмоции, право и повседневная жизнь в революционной России	25
<i>Дакота Ирвин.</i> Городская жизнь после «советского эксперимента»: Наследие большевистской власти и местное самоуправление в Екатеринбурге	37
<i>Дирдре Рушитти Харшман.</i> Советский городской быт: Районные советы и управление повседневной жизнью в Москве, 1918-1923 гг.....	48
<i>Айгуль Амантаевна Бимолданова.</i> Казахские волостные управители Степного края в условиях социального эксперимента 1917-1920 гг.: практики адаптации и выживания	56
II. «Жизнь в катастрофе»: повседневность и стратегии выживания	66
.....	66
<i>Вера Каплан.</i> «Мы надолго расстались с Петроградом и предпочитаем жить там, где над Кремлем не развивается красного флага»	66
<i>Марина Витухновская-Кауппала.</i> Карелы Северо-Запада России в Гражданской войне: поиск стратегий выживания.....	82
<i>Варвара Гелиевна Вовина-Лебедева.</i> Способы выживания академического сообщества в годы гражданской войны: По материалам переписки академика А.А. Шахматова	93
<i>Юэсинь Рейчел Линь.</i> Платить за ненависть добротой: китайско-российский кризис беженства 1916-1922 гг.....	104
III. Церковь и политическая культура	116
.....	116
<i>Павел Геннадьевич Рогозный.</i> Гражданская война и иконы.....	116
<i>Скотт Кенуорти.</i> Патриарх Тихон и первоиерархи Православной Российской церкви в годы Гражданской войны.....	127
<i>Элизабет Вуд.</i> Гендер и воображение в период Гражданской войны в России: Отсталые женщины и передовые мужчины в иконографической перспективе, 1917-1922	139
<i>Шейла Фицпатрик.</i> Н.К. Крупская и народное просвещение: новый подход к В.И.Ленину.....	151
IV. Человек эпохи Гражданской войны	165
.....	165
<i>Андрей Владиславович Ганин.</i> Командармы-изменники: Коллективный портрет представителей высшего командного состава РККА, изменивших Советской власти в период Гражданской войны в России, 1917-1922 гг.	165
<i>Александр Сергеевич Горный.</i> От «поповичей» до студентов: Коллективная биография деятелей белорусского национального движения времен Гражданской войны.....	184
<i>Кахрамон Кенджаевич Раджабов.</i> Мадаминбек ва Шермухаммадбек курбаши – вожди повстанческого движения в Ферганской долине	190
<i>Владимир Прохорович Булдаков.</i> Эмоциональные нарративы Гражданской войны в России (провинциальная газетная поэзия, 1918 – 1920 гг.).....	199

<i>Владислав Бэнович Аксенов.</i> От «революционного психоза» к «контрреволюционному комплексу»: психоэмоциональная динамика российского общества в статистике, диагнозах и оценках обывателей в годы революций и Гражданской войны	211
V. Политические режимы и национальные движения на постимперском пространстве	228
<i>Валерий Федорович Солдатенко.</i> Режим атаманщины в Украинской Народной Республике (1919 - 1920 гг.)	228
<i>Владимир Иванович Шишкин.</i> Власть и население партизанских районов Сибири во время Гражданской войны	238
<i>Василий Жанович Цветков.</i> Особенности отношения южнорусского крестьянства к реализации аграрной политики деникинского правительства в 1918-1920 гг.	250
<i>Норихиро Наганава.</i> Гражданская война как цивилизаторская миссия: Роль татарских политработников Красной Армии в Туркестане	256
<i>Александр Коробейников.</i> География советских национальностей в Сибири: горизонтальные связи и транскультурное взаимодействие в контексте формирования Якутской автономной советской социалистической республики	272
<i>Ойбек Анварович Махмудов.</i> На «окраине» бывшей Империи: революционные события, формирование и эволюция органов власти и Гражданская война на Памире (по архивным материалам)	283
VI. Насилие и политический террор.....	294
<i>Ольга Сергеевна Поршнева.</i> Практики насилия в воспоминаниях рабочих - участников Гражданской войны на Урале.....	294
<i>Харриет Мурав.</i> Некрополитика и художественная литература в эпоху Гражданской войны в России	306
<i>Илья Сергеевич Ратьковский.</i> Белый концлагерь: жизнь заключенного Гражданской войны в России	320
<i>Ольга Михайловна Морозова.</i> Женская жестокость времен Гражданской войны в свете мифов и документов	328
VII. Историография и историческая память	337
<i>Кирилл Михайлович Александров.</i> Профессор Николай Николаевич Головин и его сотрудники о социальном поведении в годы Гражданской войны: концептуальные тезисы	337
<i>Петр Юрьевич Мажара.</i> Вспоминая повседневность войны (по материалам устных рассказов нижних чинов Северо-Западной армии белых, записанных писателем Л. Ф. Зуровым).....	349
<i>Ярослав Анатольевич Голубинов.</i> Гражданская война как место и практики памяти в 1920-е — 2000-е гг.: случай Самары	358
<i>Константин Валерьевич Годунов.</i> Празднования годовщин революционного Октября в эпоху Гражданской войны: эмоции, сакральность, власть	369

I Организация повседневной жизни и самоуправления в условиях Гражданской войны

Александр Рабинович

Петербургский комитет большевиков в годы Гражданской войны

Основное внимание данной статьи будет посвящено Петербургскому комитету большевиков (ПК) с марта 1918 по ноябрь 1919 гг. За это время, которое охватывает самые страшные месяцы Гражданской войны на Северо-Западе России, основополагающие характеристики, статус и функции ПК кардинально изменились, прежде всего, в ответ на быстро развивающиеся политические и военные вызовы. Однако я хотел бы начать с некоторых предварительных замечаний о положении и структуре ПК в 1917 г., чтобы различия между этими двумя периодами были полностью понятны.

После Февральской революции 1917 года лидеры петроградских большевиков вышли из подполья или вернулись в столицу из ссылки в Сибирь или эмиграции. В эти первые недели их внимание было сосредоточено на восстановлении ПК как руководящего центра вновь легализованной оппозиционной политической партии, способной привлечь массовую поддержку, победить на выборах и со временем захватить государственную власть. ПК, созданный этими большевиками, представлял собой значительный руководящий орган, организованный и действовавший относительно демократически. Среди его первых членов, которых насчитывалось более сорока, а иногда и больше, были ключевые руководители местных партийных организаций и по одному или по несколько избранных представителей от каждого из пятнадцати большевистских районных комитетов (райкомов). В период с начала марта до конца 1917 г. этот первый легальный ПК собирался по меньшей мере пятьдесят раз, а если учитывать совместные встречи с Центральным комитетом партии (ЦК) и другими партийными организациями, расположенными в Петрограде, то это число достигает почти шестидесяти. Протоколы большинства этих собраний сохранились в относительной полноте по сравнению с аналогичными документами за 1918 и 1919 гг.¹ Этот, может быть, не лучший, чем какой-либо другой, источник, свидетельствует о достаточно открытых и демократических методах работы ПК в 1917 г., которые предусматривали удивительно свободные внутренние дискуссии и полезную, своевременную обратную связь от «низов». Они также передают волнение и энергию местных большевистских лидеров в ПК, когда они защищали то, что они считали своими прерогативами, оценивали быстро меняющиеся глобальные, национальные и местные политические реалии, и обсуждали стратегические и тактические альтернативы. В решении своих бесчисленных задач этим лидерам неизмеримо помогали деятельные партийные райкомы, а также постепенно созданные и тщательно выстроенные сети партийных коллективов на петроградских заводах и в воинских частях.

Иногда близость ЦК к ПК и потенциальное влияние действий ПК на всю страну приводили к напряженности между двумя руководящими органами. Однако все же

¹ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г. / ред. Т.А. Абросимова и др. СПб., 2003; Петербургский комитет РКП(б) в 1918 году / ред. Т.А. Абросимова и др. СПб., 2013. В настоящее время готовятся к публикации протоколы за 1919 г.

революционный курс, намеченный ими, был удивительно успешным. В период с марта по октябрь 1917 г. десятки тысяч петроградских фабричных рабочих, солдат гарнизона и моряков Балтийского флота удалось привлечь к поддержке радикальной большевистской программы, заключенной в лозунгах «Мир, земля и хлеб!» и «Вся власть Советам!». Более того, их внушительное количество присоединилось к партии. К тому времени, когда большевики пришли к власти, число членов партии в Петрограде и прилегающих районах возросло примерно с 2 тыс. в марте 1917 г. до почти 50 тыс. членов.

Кроме регулярных заседаний в 1917 г. были организованы три общегородские конференции, в которых ПК и избранные большевистские представители от райкомов, профсоюзов и других массовых организаций приняли активное участие. Естественно, что главной заботой этих конференций был поиск оптимального развития революции. Центральным вопросом первой городской конференции петроградских большевиков, которая прошла 14–22 апреля, было обсуждение и принятие ленинских «Апрельских тезисов». Вторая, проходившая 1-3 июля, с опозданием одобрила неудачное Июльское восстание. Вновь собравшись почти через две недели после подавления движения, представители партии отвергли идею Ленина об отказе рассматривать Советы как движущую силу революции. Наконец, третья партийная петроградская конференция 7-11 октября проигнорировала еще одно настойчивое требование Ленина: в данном случае сама конференция подтолкнула бы ЦК к мобилизации сил партии для немедленного вооруженного восстания против Временного правительства. 24-25 октября партийные лидеры на месте, действуя под видом защиты революции и используя Военно-революционный комитет Петроградского Совета под руководством Троцкого, совершили относительно мирную передачу государственной власти Второму Всероссийскому съезду Советов, где преобладали большевики.

1918

В 1918 г., как и в 1917 г., ПК собирался регулярно и относительно часто (примерно 60 раз). Среди основных проблем, стоящих перед ним в начале, были две противоречивые, принципиально важные проблемы, нерешенные с конца 1917 года. Первый из этих вопросов, касающийся позиции по отношению к Всероссийскому Учредительному Собранию, был не так прост, как может показаться. Созыв представительного Учредительного Собрания для разработки демократической политической системы России был главной целью русских революционеров на протяжении десятилетий. Более того, созыв Учредительного собрания был главным призывом большевиков во время подготовки к «Красному Октябрю». После некоторых первоначальных колебаний правительство Ленина все же провело выборы в Учредительное собрание, как и было запланировано. Что в результате? Большевики получили большинство голосов в Петрограде и окрестностях, что в конечном итоге имело решающее значение для выживания их правительства. Тем не менее, социалисты-революционеры (эсеры) оказались победителями в целом по стране. Они смогли беспрепятственно перейти от агитации к разработке законов для Учредительного собрания. Положение большевиков после выборов было более сложным. Даже в союзе с новорожденной партией левых эсеров¹ они рисковали остаться в меньшинстве в Учредительном собрании.

Эта дилемма вновь обнажила фундаментальный, давно возникший раскол в высшем руководстве большевиков между ленинцами и партийными умеренными по

¹ Левые эсеры составляли радикальное крыло партии эсеров до второй половины ноября 1917 г., когда они организовались как самостоятельная партия, подержавшая большевиков.

вопросу о развитии революции. Начиная с марта 1917 г., умеренные во главе с Львом Каменевым последовательно выступали против ленинского центрального тезиса о том, что «буржуазно-демократический» этап российской революции закончился, и вытекающего из него радикального тактического курса. То, что они постоянно выступали в качестве сдерживающегося фактора, их стремление к созданию коалиций с другими левыми социалистическими группами в течение весны и лета 1917 г. помогло расширить политическое признание партии. Их осторожность в ключевые моменты помогла спасти партию от вероятной катастрофы. После того, как умеренным, не смотря на все усилия, не удалось предотвратить «Красного Октября», Каменев и его единомышленники попытались значительно расширить новое советское правительство, но не преуспели в этом. Результаты выборов в Учредительное собрание укрепили их уверенность в том, что социалистическая революция в отсталой России оказалась преждевременной; что продолжение ленинского радикального курса губительно для партии и революции; и что большинство партийных лидеров по всей стране разделяют их мнение¹.

Именно поэтому, в середине декабря 1917 г. умеренные, изгнанные из высшего руководства партии созвали митинг значительного количества избранных большевистских делегатов в Учредительное собрание. Более того, они начали готовиться к его открытию, пока их не остановил руководимый Лениным ЦК. Ленин занял однозначную позицию, согласно которой существующий радикально-социалистический советский режим заменил собой любой «буржуазно-либеральный» политический порядок, который может создать Учредительное собрание. В ПК было мало умеренных. В споре об Учредительном собрании большинство петроградских большевиков были недвусмысленными сторонниками ленинской позиции. Радикальный курс, который вытекал из этого, вылился в события во время единственного заседания Учредительного собрания 5-6 января 1918 г.² Недовольство его произвольным роспуском было относительно легко преодолено во многом благодаря продолжающейся поддержке политической и социальной программы большевиков в Петрограде и Северо-Западном регионе. После этого на протяжении всей Гражданской войны петроградские большевики сосредоточили свое внимание на Европе в ожидании социалистических революций за рубежом, на которые Ленин и его сторонники возлагали надежды как на средство выживания радикальной социалистической революции в России.

Вторая важная задача, стоявшая перед ПК в самом конце 1917 г. и в начале 1918 г., была связана с настолько же спорным вопросом о войне и мире. Главная проблема здесь заключалась в том, принять ли тягостный сепаратный мир с имперской Германией, о котором шли переговоры в Брест-Литовске, как того требовал Ленин, или отвергнуть предложение и начать «революционную» партизанскую войну против немцев, на которой настаивали «левые коммунисты». По этому вопросу ПК порвал с Лениным и был главным, горячим и стойким сторонником левого коммунизма.

В течение данного периода большевики, конечно, укрепились в качестве правящей партии революционной России. Тем не менее, на этой самой ранней стадии большевистского режима ПК не играл системной роли в национальном или местном руководстве, за исключением предоставления высокого процента своих наиболее способных сотрудников на должности в национальном и местном управлении, а также на политическую и военную службу по всей стране. В марте 1918 г., когда оккупация столицы враждебной Германией казалась неизбежной, все общероссийское руководство во главе

¹ Рабинович А. Умеренные большевики об Октябре 1917 года // Исторические записки. 2008. № 11 (129). С. 330–347.

² Рабинович А. Большевики у власти: Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007. С. 146-151, 168-202.

с Совнаркомом, включая большевистский и левоэсеровский центральные комитеты, бежало из Петрограда в Москву, находившуюся в относительной безопасности. Некоторое время после этого основным органом власти Петрограда стал вновь образованный Совет комиссаров Петроградской Коммуны, в апреле замененный Советом комиссаров Северной Коммуны регионального масштаба.

Москва не оказывала давления на ведущие партийные органы, такие как ПК, чтобы установить абсолютный контроль над политикой в управлении до конца весны 1918 г. Однако петроградские большевики пытались оспаривать это серьезное системное изменение до конца 1918 г. и, на самом деле, на протяжении большей части 1919 г. Обязательное постановление VIII Всероссийского съезда Коммунистической партии в марте 1919 г. о центральной роли партии в руководстве страной не устранило беспокойство петроградских большевиков по поводу ослабления Советов. Вместе с тем задолго до этого ПК постепенно включился, хотя и спорадически, в процесс принятия решений по широкому спектру актуальных вопросов управления. Среди них, безусловно, наиболее трудоемкими были проблемы с поставками продовольствия, за которыми следовали правительственные и неправительственные назначения, а также вопросы, связанные со строительством Красной армии. Тем не менее, в течение 1918 г. и в начале 1919 г. ПК продолжал тратить большую часть своего времени на партийные вопросы. Исходя из частоты их включения в повестку дня заседаний, наиболее важным предметом обсуждения были деятельность и состав ПЧК (в течение всего периода с 1918 г. по 1919 г. ПЧК имела приоритет на без того скудные кадры); функционирование нового делегатского совета и партийных школ; планирование конференций и собраний того или иного рода; территориальное объединение партийных округов. Эти по существу партийные вопросы также включали в себя такие принципиально важные повседневные проблемы, как назначение и перевод работников, а также разработка и настройка агитации и пропаганды, являвшихся ключевыми для политики.

Все это время ПК сталкивался с необходимостью курировать местные партийные организации, одновременно пытаясь приспособиться к уже значительному и постоянно растущему дефициту «ответственных» членов партии. Среди прочего, изоляция, порожденная этой основополагающей организационной слабостью, помогает объяснить продолжавшиеся с конца марта 1918 г. усилия ПК по набору собственных, исключительно большевистских сил безопасности. Еще раньше непосильная нагрузка на руководящие кадры вынудила IV петроградскую городскую конференцию большевиков (16–20 февраля 1918 г.) сократить количество членов Исполнительного комитета ПК (переименованного в Бюро) с девяти до трех, а всего ПК с сорока или более представителей до девяти человек, избираемых на ежеквартальных городских конференциях.

Следствием этого количественного сокращения стало то, что не все райкомы имели право голоса в ПК. Чтобы компенсировать это нарушение норм 1917 г., IV городская конференция создала выборный «делегатский совет» с широким представительством, пользовавшийся авторитетом. Однако этот новый орган не смог взять на себя центральную руководящую роль, для которой он был создан, и вскоре был упразднен. Кроме того, IV городская конференция сформировала неформальный вспомогательный назначаемый совещательный орган - Собрание организаторов, состоявший из оплачиваемых «ответственных организаторов» от каждого райкома партии, которые претерпели изменения. Протоколы ПК за 1918 и 1919 гг. показывают, что Собрание превратилось в главный канал связи, через который ПК узнавал о проблемах, стоящих перед райкомами, и основной форум партийной организации для обсуждения и распространения организационных вопросов и политики.

Ни уменьшение численности ПК, ни создание Собрания организаторов не помогли смягчить разорительный кадровый дефицит партии. По мере того, как количество хоть сколько-нибудь дееспособных большевиков сокращалось, возрастала их доля на административной работе. Для петроградских большевиков печальным следствием этой практики стал разрыв тщательно выстроенных связей с заводскими рабочими, солдатами и моряками, которые были ключом к их успеху в 1917 г. Если во второй половине 1917 г. большевики «владели» цехами, то для первой половины 1918 г. это уже не было характерно. Меньшевики, эсеры и беспартийные противники большевизма получили относительно свободный доступ к фабричным рабочим и извлекли максимум из сложившейся ситуацией. Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов Петрограда (ЧСУ), в котором принимали участие представители большого числа петроградских промышленных предприятий, было самым зловещим признаком этой новой реальности. Вопрос достиг своей кульминации после того, как руководство ЧСУ назначило на 2 июля всеобщую забастовку. Большевистские власти приняли меры, чтобы предотвратить запланированные массовые акции и подавить ЧСУ раз и навсегда. Из-за их решительных шагов реакция на забастовку ЧСУ была незначительной, и судьба собрания была предопределена.

Как оказалось, для петроградских большевиков значение подавления ЧСУ было сведено на нет крахом их партнерства с левыми эсерами. На Северо-Западе альянс основных левых социалистических партий страны расцвел после ратификации Брест-Литовского договора¹. Однако этот союз не смог противостоять потрясениям, последовавшим за убийством посла Германии в Советской России графа Вильгельма Мирбаха 6 июля 1918 г. Левые эсеры, активно поставившие дефицитные кадры для аппарата управления и сил безопасности Петрограда, превратились в самого опасного внутреннего врага большевиков. Петроградские власти занялись систематическим преследованием левых эсеров. В ответ партия сама прибегла к крайним мерам. Например, 20 января 1919 г. левым эсерам петроградского района удалось созвать в книжном магазине в центре Петрограда подпольную партийную конференцию, на которой было утверждено применение индивидуальных террористических актов против большевистских деятелей с целью подорвать их власть². Нет никаких свидетельств, что какие-либо убийства были совершены в соответствии с этим решением. Тем не менее, петроградские левые эсеры, борющиеся с контролируемой большевиками советской властью, сыграли ключевую роль в забастовке, которая парализовала петроградские промышленные предприятия в марте 1919 г.

В 1918 г. ПК организовал пять общегородских конференций большевиков партийных, правительственных и массовых организаций. Кроме решения таких ключевых организационных вопросов, как компенсация значительного сокращения численности ПК, IV петроградская конференция большевиков в феврале 1918 г. мобилизовала оппозицию к ратификации Брестского договора. VI (8-10 июня), VII (17-21 сентября) и VIII (14-16 декабря) общегородские конференции большевиков посвятили значительное время оценке и решению проблем ПК, многие из которых вытекали из продолжавшегося оттока «ответственных» кадров, подходящих для партийной работы. Достаточно отметить, что примерно за пять месяцев между IV и VI конференциями петроградских большевиков членство в партии сократилось с 36 тыс. до 13 472 человек. Хуже того, как подсчитал сам Зиновьев, «сотни, если не тысячи» вновь прибывших из этого ничтожного

¹ Рабинович А. Большевики у власти. С. 387-418.

² Архив Управления ФСБ Санкт-Петербурга и Ленинградской области. № Р-42585; Левые эсеры и ВЧК: Сборник документов / сост. А.Л. Литвин. Казань, 1996. С. 293.

количества были откровенными преступниками¹. Не имея возможности замедлить эту угрожающую тенденцию и опасаясь контрреволюции в целом, на VII общегородской конференции в сентябре 1918 г. Зиновьев выступил в качестве главного в петроградской партийной организации защитника массового террора для поддержания порядка и сохранения власти.

1919

Серьезные и повсеместные политические, социальные и экономические проблемы обеспечили постоянный кошмар для петроградских большевиков на протяжении всего 1918 г. В январе 1919 г. социальные и политические потрясения в Германии породили надежды на то, что, наконец, наступят мировые социалистические революции. Празднования, вызванные новостями о провозглашении Венгерской Советской Республики в марте 1919 г., были еще одним убедительным признаком того, насколько большевики в Петрограде, как и по всей Советской России, все еще рассчитывали на революции на Западе для своего собственного выживания. И все же светлые надежды, вдохновленные отголосками политических событий за границей, одна за другой загорались и вновь угасали. Для петроградских большевиков 1919 г. оказался таким же трудным и разочаровывающим, как и предыдущий.

Протоколы ПК за 1919 г. показывают, что вызовы, стоявшие перед партией в начале года, заключались в продолжающейся бюрократизации государственных и партийных органов, а также коррупции, пьянстве и других злоупотреблениях властью со стороны советских служащих, поспешно завербованных членов партии низшего уровня, и даже сил правопорядка. В течение первого квартала 1919 г., когда была дозволена, а иногда даже поощрялась, некоторая открытая критика внутривнутрипартийных и правительственных злоупотреблений властью, внутренние проблемы открыто обсуждались в «Петроградской правде». Уменьшенный количественно ПК, Бюро ПК и Собрание организаторов, а также Петроградский Совет и его руководящие органы посвятили немало времени борьбе с тенденциями разложения в партии и правительстве. Так, значительная часть пленарного заседания Петроградского Совета 14 января была посвящена проблеме крайней бюрократизации. Подробный отчет о нем появился на следующей неделе в «Северной коммуне». Во время неформального общегородского собрания большевиков в конце марта Зиновьев говорил о внутривнутрипартийных реформах, предписанных VIII Всероссийским съездом Коммунистической партии, и, вызвав продолжительные аплодисменты, высмеял большевиков в кожаных куртках, презиравших всех и вся².

Тем не менее, даже массовая чистка петроградской партийной организации в июле 1919 г. не смогла существенно улучшить положение. Это произошло отчасти потому, что последовавшая кампания по набору членов партии исключительно из фабричных рабочих и солдат (первая петроградская «партийная неделя»), не смогла предотвратить зачисления в ее ряды вредных элементов³. В то же время большинство петроградских рабочих продолжали уклоняться от партийного призыва. Автор редакционной статьи «Петроградской правды» от 6 августа, не выбирая выражений, прямо заявил, что «по сравнению с общим числом петроградских рабочих количество членов партии

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 4. Д. 116. Л. 1, 6-13.

² Петроградская правда. 1919. 30 марта.

³ Об Июльской чистке (или «перерегистрации») и партийной неделе см. Рабинович А. Выживание большевиков: правительство и кризисы в Петрограде в годы Гражданской войны (предварительные выводы) // Эпоха войн и революций: 1914-1922. СПб., 2017. С. 195.

[большевиков] смехотворно»¹. В тот же период, выступая на митинге, Зиновьев подчеркнул исключительную важность массовой вербовки в партию для устранения стены, которая разделяла «нас и их» (большевиков и огромную массу беспартийных рабочих)². Борьба с растущей коррупцией на местах по-прежнему находилась в центре внимания на пленарном заседании Петроградского Совета 18 августа. Согласно докладу депутата Филиппа Медведя, главы ПЧК, не менее 40% случаев, расследуемых его ведомством, касались должностных преступлений. Разобравшись с ними, он заключил, что во время военной угрозы ЧК должна сосредоточить внимание на борьбе с контрреволюцией. Она вернется к таким насущным внутренним проблемам, как должностные преступления тогда, когда исчезнет непосредственная внешняя угроза³.

В 1919 г. на петроградских заводах вспыхнули с новой силой политические и социальные волнения. Это брожение явилось следствием массового голода, увольнений с производства из-за нехватки топлива, угрозы военной оккупации и все возрастающей нехватки надежных членов партии, которые могли бы справиться с множеством острейших проблем. В течение года произошли сразу две волны крупных волнений среди рабочих – в марте и в июле. Мартовские забастовки, в которых приняли участие 34 704 рабочих, привели к остановке 15 петроградских заводов и фабрик⁴. Большая их часть была вызвана угрозой еще большего голода. Однако заявленная цель левых эсеров, которые помогли организовать их, была открыто революционной. Листовки левых эсеров того времени показывают, что эти бывшие союзники большевиков рассматривали эти забастовки как первый шаг в свержении контролируемой большевиками советской власти⁵. Основной причиной еще более широкой волны рабочих забастовок, разразившейся 7 июля и продолжавшейся до 20 июля, снова был катастрофический голод. Но к этому времени левые эсеры были побеждены. Имеющиеся данные показывают, что цели июльских забастовок, в отличие от мартовских, были почти исключительно экономическими⁶. Однако для ПК и других партийных и руководящих органов революционного Петрограда это было слабым утешением, поскольку они мало что могли сделать, чтобы облегчить голод и отчаяние, которые он породил до сбора урожая в августе. В целом, во время этой второй крупной забастовочной волны 1919 г. кратковременные, но дестабилизирующие стачки и забастовки остановили работу почти 40 промышленных предприятий и трамвайных парков по всему Петрограду⁷. Просьбы, направляемые в Москву, об экстренной помощи с доставкой продовольствия остались без ответа. Власти Петрограда сумели подавить забастовки, перемежая уступки и репрессии. После этого они действовали гораздо быстрее, решительнее и жестче, чтобы подавить протест рабочих в зародыше. Кроме того, ПК стремился компенсировать свою

¹ Петроградская правда. 1919. 6 августа. В то же время почти все петроградские рабочие являлись членами профсоюзов, а 50% профсоюзных активистов составляли женщины.

² Петроградская правда. 1919. 6 августа.

³ Сборник стенографических отчетов заседаний Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов созыва второй половины 1919 года. Заседание третье. 18 августа 1919 г. [Пг., 1919]. С. 42-70.

⁴ Яковлева К. Забастовки фабрично-заводских рабочих г. Петрограда за первую четверть 1919 г. // Материалы по статистике труда. Пг., 1919. Вып. 5. С. 53.

⁵ Центр социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки России. Фонд Листовок.

⁶ О мартовских и июльских забастовках 1919 г. см. Рабинович А. Выживание большевиков. С. 184-191 и Рабинович А. Борьба с кризисами в период Гражданской войны в Петрограде (май-июль 1919 г.) // Государство, общество и личность в истории России (XVIII-XX вв.). Сб. Научных трудов к 80-летию со дня рождения В.С. Измозика. СПб., 2018. С. 172-175.

⁷ Бюллетени отдела статистика труда при Петроградском отделе труда и совете производственных союзов. №8. 15 ноября. С. 3-5.

численную слабость, направляя все большее количество дефицитных кадров в ПЧК в качестве поддержки политики возрастающего количества арестов, тюремных заключений и расстрелов реальных и потенциальных врагов. Таким образом, Петроград следовал общероссийской тенденции. В связи с ростом волнений и усилением беспорядков по всей стране ограничения ЧК по проведению расстрелов, принятые ЦК в начале февраля 1919 г., были отменены в конце марта¹. Несколько недель спустя правительство создало систему принудительных трудовых лагерей по всей стране. Власти в Петрограде начали создавать подобные лагеря в начале мая, если не раньше, еще до принятия подробных правил, регулирующих их деятельность². Например, 9 мая в связи с угрозой наступления финских войск в Карелии одним из шагов, предпринятых Исполнительным комитетом Петроградского Совета по защите тыла, стало массовое направление «белогвардейцев» в концентрационные лагеря³.

Безразличие Москвы к экономическим кризисам Петрограда было глубоко оскорбительным для большевистских властей города. Со временем это возмущение усиливалось напряженностью в политических и культурных вопросах. Пожалуй, самым ярким примером является внезапный роспуск Совета комиссаров Северной Коммуны в феврале 1919 года, произведенный ЦК в одностороннем порядке. Мне уже приходилось писать о той огромной гордости, которую Зиновьев и его соратники испытывали в отношении своего регионального правительства, Северной коммуны. Для них это был полноправный наследник Парижской коммуны и символ Красного Петрограда как «колыбели» и центра всемирной социалистической революции⁴. Ранее я также описывал предпосылки роспуска правительства коммуны на III съезде Советов Северной области 24 февраля⁵. Достаточно отметить, что накануне съезда петроградское руководство было обеспокоено тем, что Москва рассматривает вопрос об ограничении его власти. Однако очевидно, что до необычайно продолжительного заседания фракции большевиков, предшествовавшего открытию съезда, большинство ведущих партийных деятелей, и, конечно, петроградские большевики вообще ничего не знали о решении Москвы немедленно покончить с Северной коммуной. На этом заседании и в тот же день на съезде народный комиссар просвещения (Наркомпрос) Анатолий Луначарский сообщил, что руководство партии совсем недавно приняло решение о роспуске Северной коммуны. Он оправдал этот внезапный, на первый взгляд ошеломляющий шаг тем, что ЦК был удовлетворен тем, что правительство коммуны выполнило свою задачу по стабилизации революции на региональном уровне, что петроградское руководство было срочно необходимо в других местах, и что Москва пришла к выводу, что она достаточно сильна, чтобы приступить к дальнейшей централизации советского управления по всей стране. Луначарский объявил вопрос исчерпанным, а приказ обязательным. Постановление о роспуске Северной Коммуны было одобрено поднятием рук.

Впоследствии предписания со стороны Москвы о переводе ключевых партийных лидеров из бывшей столицы участились. Эта трудность достигла критической точки в конце лета. 2 сентября ПК предложил некоторые шаги для того, чтобы смягчить ситуацию. ЦК, в свою очередь, отреагировал еще менее значительными мерами для успокоения ПК⁶.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 9. Л. 1; Д. 10. Л. 1а-3.

² Декреты Советской власти. Т. 6. М., 1971. С. 69-70, 97-181.

³ ЦГА СПб. Ф. 150. Оп. 1. Д. 30. Л. 15. В фонде 1-го городского районного Совета за этот период содержится список из 166 человек, подлежащих аресту в качестве заложников, с указанием адресов и профессий (ЦГА СПб. Ф. 54. Оп. 1. Д. 20. Л. 252-254 об.).

⁴ Рабинович А. Большевики у власти. С. 534-539.

⁵ Рабинович А. Выживание большевиков. С. 193.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 230. Л. 77-78; Петроградская правда. 1919. 3 сентября.

Однако прогресс в решении проблемы был внезапно прерван чрезвычайными военными мобилизациями, первоначально для Южного фронта (против Деникина), а несколько недель спустя, для Петроградского фронта (против Юденича). В ноябре, после устранения этих угроз, отток служащих из Петрограда в Москву возобновился, как и прежде.

Яркий пример напряженности в отношениях между Петроградом и Москвой по культурному вопросу в течение лета и начала осени 1919 г. был связан с направлением, сроками и содержанием реформы начальной школы. Эти разногласия также продемонстрировали то, в какой степени петроградские большевики выступали в защиту того, что они считали своим неотъемлемым правом, и свою приверженность долгосрочным революционным целям, несмотря на кризисы того времени. 6 августа Бюро ПК заслушало выступление Златы Лилины, учительницы по профессии и жены Зиновьева, занимавшей руководящие посты в петроградских отделениях сразу двух Народных комиссариатов – социальной справедливости и просвещения. Лилина пожаловалась на сложность совмещения обеих должностей и попросила разрешить ей сфокусироваться на последней.

Похоже, ее мотивация была двоякой. С одной стороны, она больше предпочитала работать с детьми. С другой стороны, могла проявиться ее заинтересованность в том, чтобы помочь подтолкнуть петроградское отделение Народного комиссариата просвещения (Компрос) влево, в сторону более быстрых и радикальных изменений, чем те, которые проводил Луначарский в Москве и его сотрудники в Петрограде. Бюро одобрило предпочтительное предложение Лилиной¹. Кроме того, Бюро направило в Москву ее кандидатуру в качестве главы Компроса. Однако назначение не было одобрено. 8 сентября это решение вызвало гневную критику ПК в отношении Компроса из-за его некомпетентности и робости в школьной реформе, а также недовольство вмешательством Москвы в то, что местные партийные лидеры считали своим делом. Это обсуждение закончилось принятием предложения о вызове Луначарского в Петроград для реорганизации самого комиссариата².

Неделю спустя Луначарский предстал перед необычным совместным заседанием Исполкома Петроградского Совета и ПК для защиты Наркомпроса и Компроса, зависящего от решения из Москвы. Встреча была посвящена обсуждению фундаментальных различий в школьной реформе между, с одной стороны, радикальной петроградской точкой зрения, представленной Зиновьевым, ПК и Лилиной, при поддержке их сторонников из Компроса, и более осторожной точкой зрения Москвы, озвученной Луначарским и его сотрудниками Компроса, с другой. «Петроградцы» были намерены заложить основу для принципиально новой, децентрализованной сети единых трудовых школ. «Москвичи» же твердо решили начать с относительно умеренной реформы существующей школьной системы.

Защищая свой комиссариат, Луначарский решительно отклонил критику в свой адрес. «Мы знаем, что осуществить политическую революцию можно за час», - подчеркнул он, - «Социальные, экономические и культурные революции требуют десятилетий». Несколько наиболее авторитетных петроградских лидеров во главе с Зиновьевым вступили в полемику с Луначарским. Столкновение закончилось принятием недвусмысленной декларации о том, что настойчивое требование Москвы сохранить некомпетентную, неудовлетворительную коллегию граничит с лишением Петроградского Совета права выбирать своих собственных чиновников, с чем петроградская партийная организация никогда не сможет согласиться. Реакция Москвы содержалась в резкой

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 230. Л. 64.

² Там же. Л. 79 об.-80.

директиве, доведенной до сведения ПК 22 сентября, в которой подтверждались назначения Луначарского. Не удивительно, что ПК снова взорвался. Им был составлен текст заявления в ЦК, где говорилось о том, что комитет снимает с себя ответственность, если назначаемые из Москвы лица не будут в состоянии выполнять свои обязанности. Вместе с тем, ПК согласился, что вопрос о составе Компроса должен быть оспорен как дело принципа¹. Однако, неизвестно, была ли эта категорическая позиция доведена до Москвы, потому что на следующий день состав коллегии Компроса стал центром другой совместной экстренной встречи Исполкома Петроградского Совета и ПК. Григорий Евдокимов (председатель президиума Исполкома, член ЦК и ПК), который был отправлен ранее в Москву, чтобы выступить по делу Лилиной, описал разочарование, которое его постигло в столице. Высшее партийное руководство отказалось изменить свою позицию, и, что еще хуже, второй кандидат, Лазарь Зеликсон, также был отклонен.

На это новое противодействие Москвы ПК отреагировал с той же непреклонностью, что это и прежде, решив твердо отстаивать назначение Зеликсона в независимости от цены². В то же время Зеликсону было разрешено приступить к своим новым обязанностям, что он и сделал уже на следующий день. Его деятельность была прервана осенним военным кризисом. Тем не менее, она получила решительное одобрение XI городской конференции петроградских большевиков 25-26 ноября, после чего Зеликсон возобновил свою кампанию за фундаментальные изменения в начальной школе. Согласно его отчету на заседании Собрания организаторов неделю спустя (16 декабря), недавно созданная комиссия Компроса занималась проверкой работы всех учреждений Компроса и сообщала о проблемах районным отделам образования. Коллега Зеликсона по Компросу, явно недовольный осторожными темпами работы, потребовал более быстрых коренных изменений, включая немедленное изгнание всех умеренных из Компроса и безотлагательную реализацию программ переподготовки учителей. Встречая положительный отклик аудитории, оратор настаивал на том, что Компрос как никогда нуждается в политическом реформировании, а городские школы требуется превратить в «мощное оружие Коммунистической партии». 29 декабря на своем последнем собрании 1919 г. ПК еще раз подтвердил свое решение о том, что Зеликсон возглавляет Компрос³. Также все участники заседания согласились воздействовать на Москву для подтверждения назначения Лилиной в коллегию Зеликсона в качестве главы отдела Компроса по школьной реформе, несмотря на хорошо известную, твердую оппозицию Ленина этой идее⁴.

Независимо от сущности и причин продолжающихся разногласий между Петроградом и Москвой, способность ПК выполнять директивы последней неизменно осложнялась насущными местными требованиями. Например, после принудительной ликвидации регионального правительства Северной области в конце февраля 1919 г. ПК столкнулся с усилением напряженности и необходимостью мобилизаций, связанных с вторжением белофинов в Карелию. Чуть позже, когда Москва настояла на немедленной отправке максимального возможного количества членов партии и в целом рабочих и крестьян, чтобы остановить наступление войск адмирала Александра Колчака на Центральную Россию, петроградские лидеры столкнулись с резко обострившимися политическими и социальными волнениями в городе.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 230. Л. 87.

² ЦГА СПб. Ф. 1000. оп. 3. Д. 58. Л. 233; Петроградская правда. 1919. 24 сентября.

³ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 339. Л. 75 об.

⁴ 24 декабря, по настоянию Ленина, ЦК официально объявил выговор ПК за неподчинение в вопросе о назначении Лилиной. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 230. Л. 130-130 об.).

Эти проблемы в середине мая усугубились во время первой из двух попыток войск генерала Николая Юденича захватить Петроград. Получив одобрение и поддержку англичан, это первое наступление Юденича на Петроград развивалось с удивительной скоростью. Целые части Красной армии бежали в панике или массово дезертировали при первых признаках наступления противника¹. Когда к июню подразделения Северного корпуса приблизились к окраинам Петрограда, на Красной горке, Серой Лошади и Обручеве, трех стратегически важных фортах вдоль устья Финского залива, немедленно вспыхнули антибольшевистские восстания². Для иностранных наблюдателей падение большевизма в бывшей столице казалось делом времени. Разумеется, их постигло разочарование, отчасти потому, что к этому времени наступление Колчака на Востоке замедлилось, и Москва смогла уделить обороне Петрограда достаточное внимание, чтобы помочь остановить войска Юденича на ближних подступах к городу.

Принимая во внимание непрекращающееся давление со стороны Москвы, а также нестабильность, конфликты и внутреннюю угрозу в Петрограде, может показаться удивительным, что в 1919 г. ПК встречался реже, чем в 1918 г. (примерно тридцать девять и шестьдесят раз соответственно). Еще более нелогично на первый взгляд то, что в течение трех месяцев пиковой военной угрозы (май, июнь и октябрь 1919 г.) ПК собрался только пять раз. Основное объяснение этой бездеятельности заключалось в двух факторах: переход власти от государственных и партийных органов к новому специальному учреждению, Комитету революционной обороны Петрограда (КРОП), и перевод из Петрограда некоторых важных членов ПК в сочетании с тяжелой перегрузкой оставшихся. В течение 1919 г. практически все авторитетные члены партии, все еще находящиеся в ПК, совмещали множество других высоких постов в партии, администрации и/или армии. Начиная с мая, для того, чтобы заменить ПК, многие из его задач волей-неволей брали на себя Бюро ПК (которое все чаще выступало как по политическим, так и по административным вопросам, несмотря на свои собственные кадровые проблемы), Собрание организаторов или, по всей видимости, случайные члены ПК, оказавшиеся под рукой в Смольном. В то же время, КРОП стал самым мощным руководящим органом в городе.

В 1919 г. ПК созвал три официальные городские партийные конференции: IX общегородскую конференцию большевиков (8-13 марта) во время первой волны промышленных забастовок; X конференцию (28-29 июля), когда Петроград особенно сильно пострадал от внутренних и внешних кризисов, а ПК впервые столкнулся с устойчивой критикой; и XI конференцию (25-26 ноября), всего через несколько недель после последнего и самого опасного наступления на Петроград, когда критика ПК вновь активизировалась. В 1919 г. ПК также созывал периодические общегородские собрания всех членов партии и кандидатов. Эти крупные форумы были посвящены внутрипартийным проблемам, в том числе пьянству и крайней бюрократизации (8 января); отношениям между партией и Советами (29 марта); массовой мобилизации (16 апреля); призыву и первой «партийной неделе» (4 августа); отношениям между партией и профсоюзами (9 сентября); формированию исключительно большевистских вооруженных «отрядов ПК» (7 октября); VIII Всероссийской конференции Коммунистической партии и VII Всероссийскому съезду Советов (20 ноября).

¹ Масштабы дезертирства Красной Армии и интересные выводы об его причинах см. Hagen M. von. *Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State*. Ithaca, 1990. P. 69-80.

² Эти восстания, приуроченные к наступлению Северного корпуса, выявили уязвимость большевистской власти в Петроградском регионе. В период с 13 по 16 июня три мятежных форта с помощью активного артобстрела были приведены в подчинение красными сухопутными и военно-морскими силами.

Кроме того, ПК организовал специальные форумы, нацеленные на увеличение числа сторонников среди работниц. В начале марта 1919 г. среди 8815 членов петроградской партийной организации насчитывалось лишь 595 женщин¹. В то же время продолжающийся отток мужчин на партийную, руководящую и военную работу сочетался с сохраняющейся слабостью партии на фабриках, где трудились женщины. У ПК не осталось иного выбора, кроме как удвоить попытки привлечь работниц. Признаками этих особых усилий стали выпуск секцией ПК по партийной работе специального периодического издания «Работница», и организация двух крупных общегородских конференций для фабричных женщин. Бесспорно самым грандиозным собранием работниц, организованным женской секцией ПК в 1919 г., стал I съезд работниц и крестьянок Северной области, состоявшийся 22-26 января. Этот тщательно спланированный и организованный съезд открылся в Большом (Николаевском) зале Зимнего дворца, где 20 июля 1914 г. царская семья и около 5 тыс. высокопоставленных гостей приветствовали призыв царя Николая II к русскому народу объединиться в поддержку военных усилий страны. В заседаниях приняли участие 815 делегатов с петроградских фабрик и несколько сотен избранных крестьянок из деревень от всех восьми провинций Северной области. Отчеты о подготовке съезда свидетельствуют о том, что ему уделялось первоочередное внимание². Они показывают, что некоторые из наиболее известных женщин ПК разъехались по городам и селам Петроградской губернии, чтобы помочь с выборами делегатов съезда. Каждому официальному делегату не из Петрограда должны были обеспечить бесплатную поездку в город (плюс хлебное довольствие на обратную дорогу), жилье в Зимнем дворце или местной гостинице, паек красноармейца (по 10 руб. в день), специальное питание для тех, кто в этом нуждался, ежедневные порции сигарет и спичек для курильщиков, материнское молоко для кормящих матерей, экскурсии по городу и концерты.

Иногородних гостей на вокзалах Петрограда встречали приветственные плакаты. Делегатам вручались сувенирные портреты Маркса, Ленина и других революционных героев, а также памятные блокноты. Многие из прибывающих «крестьянских баб» имели при себе подробные наказы, проекты выступлений специальных сельских собраний, на которых они были избраны, и/или аналогичные воззвания³. Подобное явление демонстрировало мучительное и искреннее беспокойство делегатов. Судя по стенографическим отчетам съезда, представительницы деревень не имели или почти не имели формального образования и никогда не посещали больших конференций, не говоря уже о публичных выступлениях. Их неуправляемое поведение на съезде вызывало все более и более раздраженные замечания утомленных председательствующих. Эти делегатки были по понятным причинам смущены правилами проведения съезда и боролись с формальностями голосования по резолюциям. Тем не менее, несмотря ни на что, они сумели выразить свои мучения из-за войны, которая забрала их мужчин с полей, из-за красноармейцев, уносивших их постоянно сокращающиеся, совершенно недостаточные запасы зерна, оставляя их на произвол судьбы, а также из-за местных властей, стремившихся пресечь их богослужение.

Более образованные и лучше осведомленные делегатки внимательно слушали и так же страстно реагировали на выступления о текущем моменте, продуктивном снабжении, церкви и государстве, правах женщин, партийной работе в деревне, борьбе с проституцией и сельскохозяйственных коммунах. Ежедневные отчеты о съезде в

¹ Красная газета. 1919. 14 марта.

² ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 170. Л. 1-10.

³ ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 171.

петроградской прессе создавали позитивный образ гармонии между заводскими и крестьянскими женщинами, когда они слушали речи и обменивались взглядами на общие цели. Стенографические записи съезда передают другую картину. В них зарегистрированы эмоциональные, крайне возбужденные выкрики крестьянок, которые сопровождали почти все выступления. В целом запись отражает те фундаментальные различия, которые отделяли их от лучше обеспеченных, более образованных и политически сознательных женщин с петроградских фабрик.

Нехватка квалифицированных кадров у петроградской партийной организации в 1919 г. помогает объяснить ее усилия по обучению крестьян для советской работы¹, а также то, почему в критические моменты игнорировалось строгое разделение ролей между партией и Советами, утвержденное VIII съездом партии. В такие драматические периоды ПК или Бюро ПК встречались совместно с Исполкомом Петроградского Совета или его президиумом, чтобы принимать решения по безотлагательным вопросам. Однако гораздо более значительно повлияло на нарушение утвержденных большевиками организационных принципов то, что с начала мая 1919 г. до конца года Петроград и его окрестности находились в осадном положении, объявленном правительством в Москве. На протяжении большей части этого периода чрезвычайного правления власть КРОП, возглавляемого Зиновьевым, имела первостепенное значение. Архивные записи, как и поток директив, ежедневно публиковавшийся в петроградской прессе, свидетельствуют о широких полномочиях КРОП. Сфера деятельности чрезвычайного органа по политическим, экономическим и военным вопросам в течение семи месяцев осады превышала полномочия петроградских отделений правительственных комиссариатов, ПК и других партийных руководящих органов, Петроградского Совета и его учреждений, а также в значительной степени командования Петроградским военным округом. Одновременно районные революционные тройки, подотчетные КРОП, выполняли многие функции как райкомов, так и районных Советов.

Это значительное сокращение власти ПК и связанное с ним уменьшение и без того ограниченного влияния райкомов не было ни официально одобрено, ни стало предметом обсуждения. Вследствие этого, неудивительно, что местные большевистские лидеры были особенно обеспокоены таким положением. Их недовольство проявилось со всей ясностью на X и XI городских конференциях петроградских большевиков, в июле 1919 г. и в конце ноября соответственно. На июльской конференции в подробном отчете о работе ПК комиссар Равич преуменьшила выхолащивание роли ПК и, более того, признала за ПК ряд поразительных достижений. Хотя она признала, что напряженность в отношениях между ПК и профсоюзным руководством возникла из-за организационной роли сторон, особенно во время мобилизаций, она обвинила профсоюзы в сопротивлении руководству партии. Заявив это, Равич по сути проигнорировала хорошо известную зависимость ПК от более эффективного аппарата петроградских профсоюзов во время бесконечных массовых мобилизаций на протяжении 1919 г.² Аналогично, обвиняя большевистское профсоюзное руководство в том, что оно не подчиняется партийным органам, комиссар

¹ См. Дубенцов Б.Б. Создание крестьянского университета: замысел и результат 1918-1919 // Петербургский исторический журнал. 2019. №1. С. 107-126.

² ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 335. Л. 44-57; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 226. Л. 1-13. Во время апрельско-майского военного кризиса Петроградский совет профсоюзов приостановил все свои обычные функции и «превратился в Комитет содействия Красной армии». (Первая Петроградская губернская конференция профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов, 11-13 сентября 1919 г. Стенографический отчет. [Л., 1930]; ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 4. Д. 5. Л. 24-25, 28-29; Там же. Д. 46. Л. 43-44).

не приняла во внимание, что членство в профсоюзах намного превзошло партийное¹. Имеющиеся документы показывают, что во время чрезвычайных военных кризисов быстрые действия со стороны центрального профсоюзного руководства и отдельных профсоюзов были ключом к успеху.

Не успела Равич закончить свой доклад, как разразился ожесточенный спор между критиками и сторонниками существующего ПК². Эта дискуссия была начата разгневанными делегатами от райкомов и профсоюзов. Один за другим они высказывались о том, что Равич сгладила недостатки в работе ПК, которые могут обернуться фатальными последствиями. С точки зрения и координации масс, и руководства партийной организацией, и установления политики для правительства Петрограда, результаты ПК были удручающими. Некоторые критики настаивали на том, что вместо того, чтобы развивать независимую политическую линию, как то предполагалось, ПК последовательно следовал примеру ЦК или просто соглашался с решениями советских руководящих органов. ПК лишь подтверждал решения, принятые в других местах, неверно истолковал общественные настроения и давал обещания, которые он не мог сдержать. В результате ПК перестал быть значительной политической силой.

Столкнувшись с подобным наступлением, защитники ПК настаивали на том, что «старый» ПК сделал все возможное в невозможных обстоятельствах. Те, кто ожидал, что ПК будет на шаг впереди в принятии решений, забывали о том, что ситуация на местах развивалась с молниеносной скоростью, и что роль партии изменилась: из оппозиционной в 1917 г. она превратилась в правящую. Защитники ПК также привели в целом верный аргумент о том, что с 1917 г. как партийная организация, так и рабочий класс Петрограда были количественно и качественно ослаблены в результате переводов из города и постоянных мобилизаций. Когда судьба революции буквально висела на волоске, у партийного руководства не было иного выхода, кроме как использовать свои лучшие силы для защиты государства. Также критики ПК не брали в расчет, что с весны Петроград и его окрестности стали частью фронта. В этих условиях принятие решений, естественным образом, перешло в руки органов обороны. По словам сторонников ПК, передача власти «военщине» была неизбежна.

Поток гневной критики ПК на X городской конференции предвещал еще более сильную, более последовательную атаку на следующей, XI городской конференции в конце ноября. Вновь противники ПК поставили под сомнение способность комитета руководить. Многие из протестующих делегатов были молодыми, относительно новыми членами партии. Их наступление против пассивного поведения ПК, тех, кого сегодня можно было бы назвать «истеблишментом», четко прослеживается в стенографической записи конференции³. Дополнительные сведения об этом новом витке дискуссий в период, когда военный кризис середины октября 1919 г. еще был свеж в памяти, содержится в подробном отчете об XI конференции, написанном анонимным делегатом из Рождественского райкома⁴. По словам автора, который явно симпатизировал критикам

¹ В марте 1919 г. в партии числилось 8 815 человек, из которых впечатляющий 41% вступили менее 6 месяцев назад. В июле число членов партии сократилось до 5039 человек. Общее большевиков в августе 1919 г. составило 7 676. Для сравнения: на 1 марта число членов профсоюзов оценивалось в 144 224 человека. Самое главное, что в течение всего 1919 г. общее членство в партии померкло по сравнению с чрезвычайно большим числом рабочих, которые платили профсоюзные взносы, но отказывались вступить в партию, несмотря на сильное давление.

² ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 335. Л. 167-170; Д. 141. Л. 1-38.

³ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 4. Д. 142. Л. 59-81.

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 23. Д. 337. Л. 23-26 об.

ПК, «оппозицию» (термин этого делегата) на XI городской конференции возглавляли представители Выборгского, Петроградского, Нарвско-Петергофского и Василеостровского райкомов. Он подчеркнул, что причина действий «оппозиции» кроется в ненормальных отношениях, которые постепенно складываются между центром и районами в партийной и советской работе, а не в каких-либо принципиальных разногласиях по существенным вопросам. «Оппозиция» напала на ПК за то, что он не приложил никаких усилий, чтобы направить работу райкомов, в то же время систематически подавляя все их инициативы.

В августе и сентябре 1919 г. Зиновьев рассчитывал, что осень и зима не будут сопровождаться военными действиями на петроградском фронте. Он с нетерпением ждал передышки после кризисов военного времени, во время которой появится время для давно назревшей политической работы и мирного партийного и государственного строительства. 3 сентября, несомненно, с подачи Зиновьева, Исполком Петроградского Совета принял проект устава, направленного на централизацию городского управления, лишив ранее авторитетные районные Советы реальной власти. В соответствии с этим предложенным принципом руководящие отделы районных Советов должны были строго контролироваться соответствующими отделами Исполкомов Петроградского Совета, а районные Исполнительные комитеты ограничивались «общим контролем» над своими отделами, при этом они не должны были «вмешиваться» в делопроизводство¹. Две недели спустя, игнорируя бурный протест районных Советов, Исполнительный комитет принял план по реализации этого шага. Но, однако, эта и все подобные инициативы «мирного времени» были прерваны чрезвычайными военными мобилизациями.

В конце октября, после провала последнего наступления Юденича, петроградские власти отказались от секретных приготовлений по эвакуации города и вновь с нетерпением ожидали периода спокойствия. В целом эта надежда также оказалась эфемерной. Не успели войска Юденича отступить от Петрограда, как снова Москва потребовала немедленной передачи всех имеющихся людей, чтобы помочь добить Деникина. Хотя ситуация с продовольствием в городе немного улучшилась, в преддверии зимы почти ничего не было сделано, чтобы облегчить и без того плачевную, а по прогнозам катастрофическую нехватку горючего для домов и промышленности.

Страшный топливный кризис Петрограда зимой 1919–1920 гг. заслуживает внимания из-за того, что он позволяет увидеть фундаментальные недостатки ПК. С последней недели сентября до середины октября, когда угрожающая нехватка топлива была уже очевидна, проблема рассматривалась на двух сессиях Исполкома Петроградского Совета, на совместном заседании ПК с Исполкомом и на пленарном заседании Петроградского Совета (8 октября)². На всех этих встречах разгорелись жаркие споры по крайне деликатному вопросу о закрытии заводов и фабрик в качестве меры по экономии топлива. На каждом из них были предложены альтернативы закрытию заводов. Тем не менее все они пришли к, казалось бы, неизбежному выводу о том, что дальнейшие массовые закрытия предприятий были неизбежны. Наконец, 14 октября чрезвычайное городское совещание высокопоставленных партийных, профсоюзных и руководящих работников заслушало отчеты технических специалистов о размерах нехватки топлива и пришло к выводу, что закрытие большинства действующих фабрик и заводов нельзя

¹ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 58. Л. 196. Эти резолюции были опубликованы на передовице «Известий Петроградского Совета» (Известия Петроградского Совета. 1919. 6 сентября).

² ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 58. Л. 233; Красная газета. 1919. 24 сентября; Петроградская правда. 1919. 24 сентября; Сборник стенографических отчетов заседаний Петроградского Совета... Ч. 1. Заседание шестое. 24 сентября. С. 320-344, Красная газета. 1919. 25 сентября; ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 58. Л. 243, Петроградская правда. 1919. 9 октября; Известия Петроградского Совета. 1919. 9 октября.

откладывать¹. Это было крайне неудобное решение. Оно было также политически опасно. Увольняя большое количество рабочих, большевистское руководство Петрограда рисковало оттолкнуть своих основных сторонников. Тем не менее, несмотря на возможный эффект от принудительного закрытия заводов, решение Совета от 14 октября было немедленно обнародовано².

Остановка предприятий была отложена до конца октября, так как большая часть членов партии и беспартийных рабочих, оставшихся в Петрограде, были срочно отправлены на фронт. Городским властям пришлось вернуться к этому непростому вопросу вскоре после того, как миновала угроза для Петрограда. 11 ноября состоялось первое после наступления Юденича заседание Исполкома Петроградского Совета. На нем был утвержден длинный список чрезвычайных мер, направленных на резкое сокращение потребления и увеличение закупок топлива независимо от долгосрочных затрат. Однако обязательное закрытие фабрик и заводов в тот момент не планировалось³. Готовилась практически военная операция, общая организация и руководство которой было поручено небольшому, высокопоставленному топливному «штабу», как он фигурирует в документах⁴. Однако первые результаты его действий не соответствовали минимальным потребностям Петрограда. Между 15 ноября, когда был сформирован штаб, и 25 ноября, когда открылась XI городская конференция петроградских большевиков, чрезвычайная ситуация с топливом в городе значительно ухудшилась.

Поэтому, неудивительно, что наиболее насущной проблемой в перегруженной повестке дня конференции была именно катастрофическая нехватка топлива. К тому времени на многих предприятиях его запасы уже кончились, и увольнения, которых ждали с опасением, стали реальностью. На XI конференции профсоюзный лидер Григорий Циперович (представитель ПК в «штабе») подробно описал эти реалии и вновь напомнил о большом политическом риске, связанным с ними. Он несколько раз подчеркнул, что топливный кризис все еще можно преодолеть, если большевики подойдут к нему с той же спокойной решимостью, с какой они сражались с Юденичем. Слишком много партийных лидеров подходили к дефициту как к экономическому вопросу, когда он стал принципиально политическим, и его нужно было рассматривать как важный элемент борьбы большевиков за политическое выживание. Следует добавить, что обвинение Циперовича в отношении большевиков было поддержано тремя товарищами, которым удалось получить слово до того, как прения были закрыты⁵.

Зимой 1919-1920 гг., когда власти Петрограда столкнулись с угрожающим топливным голодом, они вернулись к длительным структурным «реформам» в советском руководстве и партии, а также в отношениях между ними. Они начались с централизации советской власти сверху донизу по распоряжению Исполкома Петроградского Совета 3 сентября⁶. Недовольство лишением районных Советов власти над своими собственными подразделениями, которое тлело во время угрозы со стороны Юденича, после этого решения вырвалось наружу. Действительно, спорный вопрос беспокоил и открыто обсуждался в серии уникальных статей на первых полосах «Петроградской правды» в

¹Петроградская правда. 1919. 15 октября. По словам Николая Иванова, комиссара труда в правительстве Петрограда, на этом заседании для немедленного закрытия были намечены в общей сложности 118 предприятий, на которых занято 20 900 рабочих.

² Петроградская правда. 1919. 15 октября.

³ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 58. Л. 281, 281 об.

⁴ Сборник стенографических отчетов заседаний Петроградского Совета... Ч. 1. Заседание одиннадцатое. 15 ноября. С. 50б.

⁵ ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 4. Д. 143. Л. 105-119, 123-126, 130-131.

⁶ ЦГА СПб. Фонд 1000. Оп. 3. Д. 58. Л. 196.

конце ноября и начале декабря¹. Когда 1919 г. подходил к концу, проблема централизации руководства, связанная с судьбой районных Советов, как и вопрос о характере школьной реформы, остались нерешенными.

Какие произошли структурные изменения в партии? В 1919 г., задолго до последнего наступления Юденича на Петроград, ПК сформировал отдельные секции для таких важнейших задач, как партийная работа среди работниц и рабочей молодежи, а также для агитации и пропаганды. Кроме того, в период затишья между военными кризисами приоритетное внимание уделялось развитию партийных школ для координации и подготовки новых членов партии, а также партийных клубов, где новобранцы, рядовые партийные работники и фабричные рабочие могли отдыхать, читать, участвовать в образовательных кружках, смотреть кино или слушать лекции и концерты. Разумеется, быстрое продвижение Юденича привело к немедленному прекращению всех подобных инициатив. В несколько дней общие усилия по обороне Петрограда, последовавшие сразу за мобилизацией на восточный и южный фронты, лишили город большого процента оставшихся старых большевиков, а также значительной части рядовых членов партии, включая молодежь и новобранцев. Только появившиеся и даже давно существовавшие структуры – от райкомов до самого ПК – были моментально обескровлены². ПК столкнулся с необходимостью масштабной перестройки, прежде чем он смог вновь создавать такую «роскошь», как партийные школы и клубы.

В конце октября 1919 г. ПК столкнулся с множеством других проблем. Очевидная перспектива спокойствия на Северо-Западе поставила перед РК ряд новых, неотложных и сложных задач. С одной стороны, он должен был обеспечить координацию и подготовку все большего числа новых членов, привлеченных в партию после ее внезапной, убедительной победы над классовым врагом. С другой стороны, ему нужно было разработать стратегию борьбы с еще большим числом вооруженных, недовольных и все еще «политически незрелых» войск, возвращавшихся с фронта в убогие казармы, кишасшие грызунами и насекомыми. В более широком смысле ПК, в тесном взаимодействии с Собранием организаторов, столкнулся с фундаментальной, системной задачей, заключающейся в утверждении контроля над правительственной политикой, как того требовал от партии VIII съезде.

Вопрос о том, как наилучшим образом организовать политическую работу среди возвращающихся войск, оказался главным в повестке дня расширенного заседания Собрания организаторов 12 ноября. Среди его участников были ведущие члены ПК и представители партии из Красной армии и флота. Здесь возник серьезный спор о том, кто будет направлять политическую работу среди вернувшихся красноармейцев: военный отдел Петроградского Совета или ПК. ПК одержал победу. Обсуждение завершилось решением создать постоянную военную секцию ПК. Цель этого нового отдела состояла в том, чтобы руководить политической деятельностью в вооруженных силах с тем, чтобы облегчить вербовку новых членов и их идеологическое воспитание во всех подразделениях армии и флота, базирующихся в Петрограде³.

¹ Петроградская правда. 1919. 28, 30 ноября, 2, 5 декабря.

² О хаосе в петроградской партийной организации в конце октября 1919 г. см. Протокол расширенного заседания Собрания организаторов от 29 октября. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 2. Д. 344. Л. 36-38). Большая часть организаторов и других представителей партии, собравшихся там, сообщили, что во время кризиса практически все большевики в своих районах были мобилизованы и что в настоящее время партийная работа зашла в тупик. На заседании ПК двумя днями ранее Анна Иткина начала оценку состояния партийной работы, призвав уделять повышенное внимание деятельности среди работниц, поскольку большинство взрослого населения (рабочего класса), все еще находящегося в Петрограде, были женщинами. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 339. Л. 2).

³ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 344. Л. 43-49 об.

27 ноября новый состав ПК, избранный на XI городской партийной конференцией, начал рассматривать такие ключевые организационные вопросы, как роль и функции комитета, а также структуру и обязанности его исполнительного Бюро и руководящих секций. Насколько можно судить по скудным записям, ПК, которому вменялось собираться еженедельно, должен был дать партийной организации общее политическое руководство. Бюро из трех человек отвечало за повседневную работу, включая надзор за работой секций. Существующие отделы по агитации и пропаганде, организации работниц и рабочей молодежи, а также политической работе в армии были сохранены. Кроме того, создан совершенно новый организационно-инструкторский отдел. Как объяснила ведущий большевистский организатор Женя Егорова, которой было поручено возглавить эту новую структуру, ее главная цель состояла в том, чтобы наблюдать за подготовкой новых членов партии, влившихся после победой над Юденичем. Помимо этого, отдел должен был контролировать организационную работу по всему Петрограду и обеспечивать обучение и проверку на рабочих местах.

Поскольку развивать деятельность нового отдела возможно было только в тесном сотрудничестве с райкомами, Егорова поставила вопрос о секциях ПК перед Собранием организаторов. Обсуждение этого вопроса, продолжавшееся два заседания, заслуживает отдельного внимания¹. Создание нового организационно-инструкторского отдела и сохранение секций по агитации и пропаганде, а также партийной работе среди работниц, красноармейцев и молодежи встретили общее одобрение. Вместе с тем большинство организаторов также высказались за создание совершенно новых секций для работы с Советами, профсоюзами и прессой. Советскую секцию считали принципиально важной для распределения, наблюдения и руководства в отношении работников Советов, а также для установления партийного контроля над Советами. Мотивация для создания нового отдела ПК по работе с профсоюзами состояла в том, чтобы курировать профсоюзные вопросы, связанные с политикой. (Ответственность за обе эти задачи VIII съезд партии возложил на фракции большевиков в Советах и профсоюзах.) Что касается отдела прессы, то его необходимость объяснялась неудовлетворенностью внимания «Петроградской правды» на отдаленных международных и общегосударственных вопросах в ущерб повседневным заботам местного населения.

ПК заслушал доклад Егоровой об этих рекомендациях 15 декабря. Ожидаемо обсуждение создания пяти новых отделов, поддержанное всеми организаторами и с которыми уже согласился сам ПК, ограничивалось практическими проблемами с их реализацией. Зиновьев, который редко посещал заседания ПК и чей авторитет в качестве регионального «вождя» основывался на руководстве Петроградским Советом, первым выступил против создания нового отдела по советской работе. Он считал, что механизм партийного контроля над Советами уже существует, и все, что нужно, это укрепить его. Зиновьев также опасался ужесточения мер по борьбе с все еще авторитетным, исключительно большевистским профсоюзным руководством, а также изменения статуса общегосударственного органа печати, соответствующего мировому статусу Петрограда в его понимании. В конечном итоге он высказал решительный протест против создания новых отделов по работе с профсоюзами и прессой, заявив, что оба они «абсолютно не нужны»². Естественно Циперович, высокопоставленный профсоюзный деятель, выступил категорически против создания нового профсоюзного отдела, создаваемого для того, чтобы ослабить то немногое, что осталось от независимой политической позиции

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 339. Л. 45–46 об.; д. 344. Л. 46-49.

² ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 339. Л. 57.

профсоюзного руководства и независимости профсоюзов в целом. В конце концов, ПК отклонил все три дополнительных отдела, предложенных Собранием организаторов¹.

Возможно, не случайно после этого решения ПК обсудил и конкретизировал отношения между ним и Бюро ПК, с одной стороны, и Собранием организаторов, с другой. ПК должен был руководить работой Собрания, которое в свою очередь должно было стать консультативным и исполнительным органом ПК. Членам Бюро поручалось присутствовать на заседаниях организаторов (читай: осуществлять надзор). Проекты планов, разработанные организаторами, полагалось отправлять на утверждение в ПК. Предложение о том, чтобы два выборных организатора присутствовали на заседаниях ПК без права голоса, было отклонено².

ПК провел свое последнее заседание 1919 г. 29 декабря. Оно прошло в необычно полном составе и было в основном посвящено подготовке к первому организационному собранию вновь избранного Петроградского Совета на следующий день. Таким образом, это может служить подтверждением возобновления усилий ПК по налаживанию широкого партийного контроля над Советами, санкционированного VIII Всероссийским съездом Коммунистической партии. На этом заседании присутствовало большинство членов ПК и кандидатов, избранных на XI городской конференции. Во-первых, шесть членов ПК (включая Зиновьева) были намечены в качестве членов президиума Исполкома Петроградского Совета. Основная часть Исполкома должна была состоять из большевиков, выдвинутых райкомами партии, при условии их утверждения со стороны ПК. Кроме того, во главе всех основных секций Петроградского Совета были избраны члены и кандидаты в члены ПК или хорошо известные оставшиеся без назначения большевики.

Новые должности ведущих деятелей ПК, которые все еще были перегружены множеством других важных обязательств, могли быть болезненным напоминанием о постоянной, острой нехватке руководящих кадров в петроградской партийной организации. Во всяком случае, неудивительно, что на последнем заседании года, ПК вернулся к этой самой неразрешимой и изнурительной организационной проблеме. В последнем пункте повестки дня «О недостаточности партийных работников в Петрограде» ПК вновь обратился к ЦК с просьбой о помощи с квалифицированными кадрами, которая игнорировалась в течение большей части этих двух лет³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эта статья в основном касается деятельности ПК во время Гражданской войны, в особенности в период между мартом 1918 г., когда столица была перенесена в Москву, и ноябрем 1919 г., окончательным разгромом Юденича. Место ПК в партийной иерархии и его политическое поведение в течение этого времени были обусловлены тем фактом, что Петроград стал «вторым городом» России на периферии основного военного фронта. В связи с этим, власти Петрограда должны были каким-то образом балансировать между, с одной стороны, сохранением и развитием революции в своем городе, который они продолжали рассматривать как настоящий штаб мировой социалистической революции, и, с другой стороны, с потребностями защиты и обороны, которые Москва считала необходимыми для выживания и расширения большевизма по всей стране.

В течение этого почти двухлетнего периода большевистские власти в старой и новой столицах России вели острые споры по ключевым политическим вопросам, таким как

¹ Там же. Л. 55-60 об.

² Там же.

³ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Д. 339. Л. 71-81 об.

судьба Северной Коммуны и сопутствующее сведение на нет статуса Петрограда на местном и региональном уровнях, обязательный перевод необходимых работников из города и так далее. Они также спорили по ряду экономических и культурных вопросов. В этой статье затронуты дискуссии о чрезвычайной продовольственной помощи, характере и темпах радикальной школьной реформы. Исторические источники также показывают, что имела место и полемика представителей райкомов и профсоюзов с ПК по поводу прерогатив и деятельности последнего (например, на X и XI городских конференциях). Гораздо более важным с точки зрения долгосрочного исторического значения является тот факт, что партийные организации в обеих столицах, вместе с гораздо более крупными профсоюзами, оставались едиными в общей смертельной, но в конечном итоге успешной битве за выживание революции.

Долгосрочные политические издержки этой «победы» были ошеломляющими. Помимо колоссальной цены войны с точки зрения человеческих потерь и физического уничтожения, именно тогда, когда петроградские большевики изо всех сил пытались выжить, и «военщина» укрепила свою власть, было утрачено сравнительно демократическое внутреннее функционирование времен 1917 г., а идеологическая косность усилилась. Массовые расстрелы политических противников и изоляция реальных и потенциальных врагов в принудительных трудовых и концентрационных лагерях стали рутинным делом. Сформировалась авторитарная, репрессивная военизированная советская политическая система. Открытым оставался вопрос, возможно ли вернуть эгалитарные идеалы и относительно гибкую практику 1917 г. в отсутствие мировой революции, как, несомненно, надеялись большинство ветеранов-большевиков, ведь эра Гражданской войны для Петрограда закончилась.

Перевод с английского Константина Тарасова

Пробуя на ощупь границы утопии: Эмоции, право и повседневная жизнь в революционной России

В начале 1914 г. молодой юрист Исаак Штейнберг сделал в Московском юридическом обществе доклад на тему «Что такое движение свободного права? (Закон и судья)». В этом докладе он представил своим слушателям краткий обзор этого молодого на тот момент направления юридической мысли и отметил его растущую популярность в немецкоговорящих землях Центральной Европы. Штейнберг особенно отметил, что «движение свободного права» предлагает более «эмоциональный» подход к отправлению правосудия и поддерживает творческое применение правовых норм судьями (Штейнберг 1914). В консервативном и легалистском контексте позднеимперской России, эта речь могла прозвучать достаточно радикально. Впрочем, это была всего лишь абстрактная теория. В то время Штейнберг не был особенно заметной фигурой в мире права – всего лишь помощник присяжного поверенного.

Всё изменилось в 1917 г., когда Россию захлестнула волна революций, и радикальные политические, экономические и общественные преобразования осуществлялись всего за нескольких месяцев. В силу своей активной вовлеченности в политику и левых взглядов Исаак Штейнберг смог занять место народного комиссара юстиции в первом советском правительстве, образованном после Октябрьской революции, и стал ответственным за проведение в жизнь широкомасштабной судебной реформы, которая отчасти действительно была основана на идеях, заимствованных у «движения свободного права».

В данной работе я исследую интеллектуальную историю понятия «чувства законности» и связанных понятий, а также и попыток организовать на их основе юридическую практику в России начала 20 в. Во-первых, я отмечаю возникновение новых идей относительно юридических эмоций в Российской империи рубежа 19-20 вв. и подчеркиваю как международное, так и отечественное влияние на эти идеи. Затем, я исследую развитие этих теорий после Российской революции 1917 г. и отмечаю как преемственность, так и разрывы на этом историческом рубеже. Наконец, я обращаюсь к попыткам реализовать эти радикальные идеи на практике, фокусируясь в особенности на экспериментальной правовой модели «революционной законности», которая существовала в Советской России с 1917 по 1922 гг. и подчеркивая разрывы и несоответствия между смелыми утопическими проектами и суровой реальностью повседневной жизни революционного периода. Исследуя как теоретические основы, так и практическое применение правовой модели, основанной на «чувстве законности», и используя наблюдения, сделанные в рамках исследовательского направления «история эмоций», я предлагаю новый взгляд на историю правовой мысли о роли эмоций в юридическом суждении и на историю правовых реформ в советской России.

1. Переводя Freirechtsbewegung на русский: «Психологические» правовые теории и проблема судебных эмоций в позднеимперской России

Как было отмечено в ряде недавно опубликованных исторических исследований (Schnädelbach 2015, Barclay 2017, Vasilyev 2017), проблема судебных эмоций находилась в поле зрения правоведов по крайней мере с начала Нового времени – а потенциально и гораздо дольше (Maroney and Ackerman-Lieberman 2014). Эти дискуссии особенно интенсифицировались на рубеже 19-20 вв., когда в целом ряде правовых направлений стали подчеркивать роль эмоций при вынесении судебного решения. В американском

контексте, наиболее известным из таких направлений являлся т.н. «правовой реализм», а в Европе наиболее значительным было «движение свободного права» (*Freirechtsbewegung*), возникшее в Германской империи и Австро-Венгрии в районе 1900 г. (Riebschläger 1968, Herget and Wallace 1987). Ассоциируемое обычно с такими правоведами, как Ойген Эрлих, Эрнст Фукс и Германн Канторович, «движение свободного права» предлагало радикальную альтернативу привычным правовым системам континентальной Европы того времени (Flavius [Kantorowicz] 1906, Ehrlich 1913, Fuchs 1929).

Как было отмечено выше, одним из ключевых аспектов школы *Freirechtsbewegung* был выдвигаемый ей акцент на роли эмоций в юридическом суждении, в особенности в связи с идеей о «свободной правовой интерпретации» (*freie Rechtsfindung*) и способности отдельного судьи найти и применить свое «чувство законности» (*Rechtsgefühl*), а также различные формы «живого права» (*lebendes Recht*), которые естественным образом возникают в человеческих коллективах (Silberg 2005, Hertogh 2008). Разумеется, такой подход предполагал значительную степень независимости судей и даже определенную правотворческую функцию судебной ветви власти (в некотором смысле схожую с местом судьи в англосаксонских правовых системах).

«Движение свободного права» было влиятельным, однако спорным течением, которое на протяжении первых десятилетий 20 в. боролось за то, чтобы найти свое место в юридической науке и получить легитимность. Как уже было отмечено исследователями, оно оказалось довольно влиятельным в отдельных национальных контекстах – например, в Северной Америке или в Центральной и Восточной Европе (Herget and Wallace 1987, Erringer 2008, Likhnovski 2008). В дальнейшем я хотел бы подчеркнуть, какое влияние оказали радикальные идеи сторонников «движения свободного права» на территориях, входивших в состав Российской империи.

Уже в первые десятилетия 20 в. *Freirechtsbewegung* начало становиться популярным в Восточной Европе (Vasilyev, 2017, p. 280-281), и российские правоведы внимательно следили за правовыми инновациями на Западе. Хотя переводы правовых текстов на русский язык были немногочисленны (см., например, Иеринг 1907), такие юристы как Исаак Штейнберг активно продвигали этот новый образ мышления касательно принятия решений судьями и того, какую роль в этом играют эмоции (Штейнберг 1913, Штейнберг 1914). Некоторые исследователи даже предполагали, что российские судьи и общество в целом могут быть лучше подготовлены принять роль эмоций в правовом суждении – в силу предполагаемой «душевности, которая так свойственна русской натуре» (Шершеневич 1897, с. 3).

Пожалуй, еще более важным является тот факт, что ряд исследователей, таких как Лев Петражицкий, Иосиф Покровский и Павел Новгородцев, разработали свои оригинальные правовые теории, которые подчеркивали нравственное (и особенно «психологическое») происхождение права и даже предлагали видеть в праве своего рода судебную эмоцию, инстинкт или интуицию (Новгородцев 1900, Покровский 1901, Петражицкий 1907-1910, Walicki 1987, p. 213-290, Поснов 2006).

Развитие этих новых правовых теорий в контексте позднеимперской России можно проиллюстрировать на примере правовой теории Льва Петражицкого и его интерпретаций права как объекта «эмоциональной психологии». Петражицкий был влиятельным правоведом, преподававшим на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, а также активным политиком либерального толка. Он был одним из ключевых основателей Конституционно-демократической партии (кадеты) и продвигал прогрессивную повестку дня в Государственной Думе – впрочем, без особого успеха.

В молодости Петражицкий учился в Германии и испытал на себе влияние новых европейских правовых идеалов того времени. Впрочем, его теория в общем является совершенно независимой и представляет собой весьма оригинальное рассуждение о происхождении и природе права и о роли эмоций в правовом суждении. Согласно Петражицкому, каждый социальный феномен существует только субъективно, в сознании человека, который его изучает. Это положение явилось как ключевым аспектом его научного метода, так и основополагающим камнем всеобъемлющей дисциплины «эмоциональной психологии», которую он предлагал развивать (Поснов 2006, с. 88-89).

В собственно правовой сфере это вело к созданию «психологической» теории права, которая настаивала на том, чтобы рассматривать право как своего рода естественный судебный инстинкт, которому тома кодексов и «позитивное право» только чинят препятствия. Петражицкий предлагал вернуться к «интуитивному» праву, которое будет гораздо более гибким, индивидуализированным, а также внимательным к социальным и материальным обстоятельствам каждого конкретного дела (Петражицкий 1905). Важно, что Петражицкий особенно подчеркивал эмоциональный элемент в этом новом способе правового суждения и отвергал принятую традицию, которая отводит приоритет рациональным факторам в судебном принятии решений.

Хотя теории Петражицкого и его коллег не были общепризнаны и в конечном итоге не смогли оказать серьезного воздействия в достаточно консервативном климате позднеимперской России, они тем не менее приобрели целую группу сторонников (Дембский 1909). Немаловажно, что некоторые из идей «психологической» правовой школы были также восприняты новой группой российских интеллектуалов левого толка (таких, например, как Штейнберг или Михаил Рейснер) (Рейснер 1908, Штейнберг 1914, см. также Хочоян 2008, Скибина 2013, Працко и Болдырев 2015а, Працко и Болдырев 2015б). Это влияние окажется довольно существенным после Российской революции 1917 г., к обсуждению итогов которой мы сейчас и обращаемся.

2. Революция и чувство законности: Правовая теория после 1917 г.

Российская революция способствовала распространению целого ряда экспериментальных теорий, практик и стилей жизни (Stites 1989, Plaggenborg 1996, Krementsov 2014, Willimott 2017). Казалось, что самые необычные художественные, научные и политические проекты могут быть осуществлены всего лишь за несколько лет. Немаловажно, что, как было подчеркнуто в ряде недавно опубликованных работ (Beer 2008, Neumann and Willimott 2017), эти проекты во многих случаях были сформулированы еще в консервативном контексте позднеимперской России, но смогли быть реализованы только в более открытом культурном ландшафте первых лет советской власти.

В этом разделе, я рассматриваю случай советской правовой теории как пример такого рода утопических трансформаций и исследую, каким образом идеи о «чувстве законности» и эмоциях в судебном суждении развивались после 1917 г. В качестве примера я выбрал книгу Григория Португалова «Революционная совесть и социалистическое правосознание», изданную в Петрограде в 1922 г. (Португалов 1922). Этот трактат открыто взывал к эмоциям судьи, фокусируясь на роли совести и «внутреннего чутья» в отправлении правосудия и отходя от традиционного взгляда, который считает рациональность ключевым элементом при принятии судебных решений.

В своей работе Португалов в основном фокусировался на двух ключевых понятиях раннесоветского права – «революционная совесть» и «социалистическое правосознание», соответственно. В первой части книги Португалов исследовал историю совести и ее значения для принятия судебных решений и проследил эволюцию от древнеримской идеи «доброй совести» (*bona fides*) сквозь века и различные «социальные

формации» и до начала 20 в. Португалов особенно критиковал средневековую идею совести, которая, по его утверждению, в сознании инквизиторов была неразрывно связана с пытками, непредсказуемостью принятия решений и фанатической религиозностью, которая, естественным образом, была совершенно неуместна в контексте раннесоветской России (Португалов 1922, с. 5-6).

В соответствии с марксистским взглядом на историю, сдвиги в «социальных формациях» неизбежным образом приводят к изменениям как в человеческой субъективности, так и в праве. Таким образом, новое, «социалистическое» чувство совести виделось раннесоветскими исследователями как фундаментально отличное от древнеримских, средневековых или капиталистических предшественников. В новом социально-экономическом контексте после революции, совесть предполагалось «изобрести» заново, освободить от всех нежелательных черт и сформировать так, чтобы она отражала «правильное» мировоззрение, ценности и аффективные диспозиции победившего рабочего класса. Принципиально важным является в данной связи утверждение Португалова о том, что это новое чувство должно также по-другому работать в правовом контексте. «Отрешившись от старых мерил познания добра и зла», революционная совесть могла «мгновенно реагировать на разнообразные проявления человеческой воли, подчиняя ее зарождающемуся новому укладу права ... творимому революционной волей всего народа» (Португалов 1922, с. 40). Примечательно также, что Португалов напрямую связывал свое представление о революционной законности с «психологической» («интуитивной») правовой теорией Льва Петражицкого (Петражицкий, 1907-1910). В частности, он связывал его с взглядами Петражицкого на право как своего рода эмоцию, схожую с гневом, которую человек должен испытывать по отношению к «морально грязному поступку» (Португалов 1922, с. 18).

После революции новое, революционное право должно было создаваться путем импровизации масс, которым были предоставлены значительные свободы для отправления правосудия и вынесения приговоров в «народных судах» (Frame 2013). Народный комиссар просвещения Анатолий Луначарский с энтузиазмом приветствовал эту творческую атмосферу в судах и описывал ее как «кипящую, бродящую, как молодое вино» (Луначарский 1917). Петр Стучка, который занял пост народного комиссара юстиции после Штейнберга, признавался, что находил особое удовольствие в чтении приговоров народных судов. По его словам, несмотря на все «дикие, несуразные решения», эти приговоры всё же являлись примерами «живого дела» и свидетельствовали об активном участии рабочего класса в строительстве социалистического государства (Стучка 1918, с. 6-7).

В своем анализе этой экспериментальной правовой системы, однако, Португалов стремился провести различие между «революционной совестью» и «социалистическим правосознанием». С одной стороны, он видел совесть как эмоцию, испытываемую индивидом, в то время как правосознание являлось скорее надличностным, социальным чувством (Португалов 1922, с. 19). С другой стороны, как уже было отмечено выше, у понятия совести была своя сложная история, которая тесно связывала его с феодализмом и капитализмом, в то время как правосознание воспринималось как отчетливо социалистическое и даже «очищающее» (Португалов 1922, с. 20-21). Важно отметить, что как коллективное чувство, оно также было теснее связано с большевистским политическим проектом и имело значительные идеологические коннотации. Более того, из тех требований, которые Португалов выдвигал к судьям, видно, что это понятие ассоциировалось с более образованными и опытными членами партии (Португалов 1922, с. 32, 45, см. также Чельцов-Бебутов 1924, с. 73).

В определенном смысле, «революционная совесть» являлась важным эмоциональным элементом в трехчастной структуре «революционного правосознания», описанной Португаловым. Сначала, судья должен был тщательно рассмотреть все обстоятельства дела (в этом ключе, Португалов не воспрещал судьям полагаться на рациональность, логику и экспертное научное знание). Затем, суд должен был учесть декреты советского правительства (таким образом показав свою политическую лояльность). Однако самым важным элементом считалось всё же «внутреннее убеждение» социалистического суда – его «революционная совесть». На нее следовало полагаться в конечных стадиях процесса и в особенности при вынесении наказания (Португалов 1922, с. 24-26). По словам Португалова, сам акт вынесения наказания должен был полностью основываться на «душевном чутье» судьи (Португалов 1922, с. 47). Таким образом, видно, как раннесоветские юристы уделяли очень большое значение роли эмоций в правовом суждении и полагали необходимым высокую степень независимости судей.

Также важным является тот факт, что Португалов воспринимал эволюцию раннесоветского права как движение от «революционной законности» к более широкому понятию «социалистического правосознания». Эта точка зрения была отражена и в правительственных декретах, которые сдали отдавать предпочтение второму термину с начала 1920-х гг. Португалов написал свою книгу в год, когда первый советский Уголовный кодекс вступил в силу, и защищал кодификацию как своего рода «кристаллизацию» и возвращению «социалистического правосознания» обратно массам (Португалов 1922, с. 24, 38-39, 49). На поверхности, возвращение Уголовного кодекса, казалось бы, противоречило марксистско-ленинскому принципу постепенного исчезновения государства и права (Ленин 1918). Тем не менее, Португалов, кажется, не видел в этом проблемы и продолжал верить в практически трансцендентное единство кодифицированного права и «социалистического правосознания». Для него, это единство было феноменом массовой психологии, отражающим процесс освоения «научно-социалистических» законов социального развития коллективным разумом рабочего класса (Португалов 1922, с. 46).

Частично это единство кодифицированного права и правосознания должно было быть достигнуто путем судебной реформы, в рамках которой судьи назначались бы на основе своего классового происхождения, а не на основе профессиональных квалификаций. По крайней мере в теории большинство судей не должны были иметь специальной подготовки, и назначение «буржуазных» судей с университетскими дипломами не поощрялось. Португалов отмечал, что «суд трудящихся над трудящимися дает наивысшую гарантию понимания условий быта, мировоззрения, обычая, всего жизненного уклада» (Португалов 1922, с. 31).

Примечательно, что способность рабочих независимо принимать правильные решения в зале суда зачастую воспринималась сквозь призму понятия «классового инстинкта». В силу самой своей принадлежности к рабочему классу, эти новые судьи, как считалось, обладали «здоровым классовым инстинктом», который сможет направить их. В данном контексте понятия «чувства законности» обретает почти биологический окрас, но также становится более надежным и подходящим для советской правовой системы, которая открыто признавала свой классовый характер и провозглашала привилегированный характер ранее маргинализированных социальных групп (Иоффе 1957, с. 39). Среди других важных черт рабочего класса также часто отмечали творческое начало, инициативность и «самодетельность» (Козловский 1918, с. 27, Стучка 1918, с. 3). Примечательно, что, как считалось, эти инстинкты и черты всегда были спрятаны в душе

рабочего, но могли быть проявлены только после 1917 г., поскольку, по словам Стучки, «пролетарская революция поощряет творчество» (Стучка 1918, с. 3).

Целый ряд публикаций других раннесоветских правоведов развивал, дополнял и критиковал схему Португалова. На протяжении 1920-х и начала 1930-х гг. «чувство революционной законности», «революционная совесть» и другие близкие понятия оставались частью раннесоветского правового словаря. Они даже оказали обратное влияние на правовые теории Центральной и Западной Европы, так как за развитием событий в Советском Союзе пристально следили и в немецкой профессиональной литературе (см., например, Rümelin 1925, p. 4). Тем не менее, существовал значительный пробел между теоретическими формулировками раннесоветских правоведов и реальностью судебной реформы на местах. Это несоответствие будет более подробно разобрано в следующем разделе.

3. Смешанные чувства: Революционная законность на практике

Как уже было отмечено ранее, Российская революция 1917 г. радикальным образом трансформировала политический, экономический и культурный ландшафт страны. Среди других изменений этого турбулентного периода правовая реформа была одной из самых резких и значительных. Важно, что она создала новый, *революционный*, тип права – понятие, которое довольно мало изучено, но при этом является исключительно важным для понимания отношений между правом и эмоциями в обществах переходного периода. По мнению Португалова, раннесоветское право было «совершенно изолировано в системе мировых законов». Таким образом, это давало правоведам возможность исследовать законотворчество и правосознание в квази-экспериментальном режиме (Португалов 1922, с. 23).

Исключительным свойством раннесоветского периода, имеющим значение для исследования истории права и эмоций, являлось понятие «революционной законности», который продвигался советскими политиками самого высокого уровня и поддерживался декретами Совета народных комиссаров. Основная идея заключалась в том, что судьи должны были руководствоваться на практике своим революционным «чувством законности», а не ограничивать себя узкими рамками формального «буржуазного права». В действительности, после революции все действовавшие на тот момент законы были отменены, и до июня 1922 г. в Советской России отсутствовал Уголовный кодекс. Историк В.И. Мусаев отметил, что на практике отсутствие четких юридических норм в тот период означало, что «государственные органы основывались на *собственном* понимании того, что может и что не может быть терпимо в новом обществе» (Мусаев 2001, с. 169). Так как декреты советского правительства давали только краткие и нечеткие указания относительно сущности новой правовой системы, правоохранителям и судьям приходилось справляться с нелегким заданием по применению схематических классификаций к тем реальным преступным деяниям, с которыми им приходилось сталкиваться на ежедневной основе. Естественным образом, между отдельными судами существовали весьма значительные отличия. В этом плане раннесоветской правовой эксперимент был беспрецедентным, так как сочетал в себе строгий идеологический контроль и политические репрессии с нечеткими, постоянно меняющимися правовыми дефинициями, что давало почти безграничную свободу судам на местах.

Роль эмоций в отправлении правосудия – популярная тема в современной литературе о праве и эмоциях (Maroney 2011, 2012, Sanger 2013). Однако историки пока что обходили данный вопрос стороной. «Эмоциональное» восприятие правосудия, которое определяло раннесоветскую правовую систему, отличало ее от большинства привычных нам правовых систем, которые основаны на рациональной процедуре. Самый

первый декрет «О суде», изданный в ноябре 1917 г., провозгласил, что местные суды должны учитывать законы «свергнутых правительств» только в той мере, в которой они не противоречат «революционной совести» и «революционному правосознанию» (О суде 1918, с. 404). Позднее советские правоведы также отмечали значение «революционного сознания» и «революционного чувства» для отправления правосудия в период после Революции 1917 г. (Трайнин 1922, с. 5, Тоцкий 1922, с. 9, 10).

Однако на деле юридическая практика оказалась гораздо более сложной. Во-первых, несмотря на то, что новое правительство сделало акцент на назначении судей-рабочих без юридического образования, в реальности ему пришлось достаточно долгое время по-прежнему зависеть от «старых» сотрудников. Эту проблему открыто признавали и сами теоретики и практики раннесоветского права, которые сокрушались о трудностях, связанных с вовлечением «рабочих масс» в проект построения «пролетарской демократии» (Португалов 1922, с. 31-32, см. также Чельцов-Бебутов, с. 31-32, Антонов-Саратовский 1926, с. 2).

Были, однако, и другие значительные ограничения, которые сильно замедляли ввод в действие модели «революционной законности». Практически сразу после прихода к власти в октябре 1917 г. большевики оказались вовлечены в полномасштабную Гражданскую войну (на фоне окончания Первой мировой войны), сопровождавшуюся также иностранной военной интервенцией. На практике это означало, что зарождавшемуся социалистическому государству крайне не хватало материальных, финансовых и человеческих ресурсов и приходилось прибегать к чрезвычайным мерам для обеспечения своего выживания (равно как и выживания своих граждан). Политическая полиция, чрезвычайные суды для контрреволюционеров и другие внесудебные меры применялись повсеместно и неизбежным образом мешали реформе уголовного права, которая должна была основываться на принципах «чувства законности».

В дополнение к этому, голод, холод и болезни были постоянными факторами повседневной жизни российского населения в 1917-1922 гг. (см. Френкель 1923). Крайняя степень нехватки практически всех потребительских продуктов нашла свое отражение и в материальной практике раннесоветских судов, которые зачастую целыми неделями были вынуждены работать без бумаги, карандашей и перьев (не говоря уже о печатных машинках) и по этой причине выносить исключительно устные приговоры или откладывать их (Государственный архив Псковской области (ГАПО), фонд Р-515, опись 1, дело 4, лл. 45, 63 об.). Так, например, во время очередного совещания народных судей во Пскове весной 1921 г. председатель бюро юстиции Флорианский предупредил, что «полное отсутствие у нарсудов самых необходимых канцелярских принадлежностей грозит приостановкой их деятельности» (Государственный архив Псковской области (ГАПО), фонд Р-515, опись 1, дело 4, л. 74 об.).

Более того, в разгар Гражданской войны где-то на местах судей и вовсе не было. В июне 1919 г. председатель бюро народного суда по Новоржевскому уезду И.Ф. Григорьев решил проинспектировать работу своих подчиненных и нашел, что все они в рабочее время не присутствовали на работе или даже вовсе уехали из города. Некоторые из камер народных судей были совсем закрыты – на месте не оказалось даже секретарей или других технических работников. Хотя в данном конкретном случае Григорьев и вынес жесткое решение, грозя «строгим преследованием» того, что воспринималось им как «халатность» и «саботаж» (Государственный архив в городе Великие Луки (ГАВЛ), фонд Р-1315, опись 1, дело 34, лл. 34-34 об.), подобные отчеты продолжали поступать от других судебных чиновников (см. Государственный архив Псковской области (ГАПО), фонд Р-515, опись 1, дело 2, лл. 32-32 об., 35-38, 63). Отчасти, конечно, это отражало более общий

тренд на деорганизацию и децентрализацию управления во время Гражданской войны, но имелись также и указания на то, что профессия судьи воспринималась населением как трудная и плохо оплачиваемая, а оттого многие старались ее избегать любой ценой (Государственный архив в городе Великие Луки (ГАВЛ), фонд Р-1315, опись 1, дело 4, лл. 145).

В связи с комбинацией факторов, описанных выше, а также и в связи с более общей переориентацией советского государства на «новую экономическую политику» в начале 1920-х гг., модель «революционной законности» была оставлена и заменена более традиционной континентальной системой в 1922-1923 гг. Тем не менее, хотя продолжающаяся «нормализация» повседневной жизни и постепенная кодификация права были призваны достичь «установления твердых основ революционного правопорядка» (О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР 1922, с. 1), они также вызвали у многих чувство ностальгии по романтическим и хаотическим временам Гражданской войны, «военного коммунизма» и «революционной законности» (Бровкин 2004, Булдаков 2013). Действительно, кодификация не должна восприниматься нами как неизбежная стадия в хронологическом развитии советского права (равно как и любого другого послереволюционного права). Выражая альтернативную принятой большинством юристов точку зрения, правовед Илья Славин в своем комментарии к принятию первого советского Уголовного кодекса в 1922 г. особо отмечал, что «революцию в архив еще никто не сдал, и революционное правосознание должно проходить красной нитью в каждом приговоре или решении; оно лишь ограничено писаными нормами, но оно не упразднено» (Славин 1922, с. 7). К концу 1920-х гг., однако, большинство представителей как партийного аппарата, так и юридической профессии отвергли эту «романтическую» точку зрения (ср. Тоцкий 1922, Трайнин 1922, Антонов-Саратовский 1926, Яхонтов 1926, Орловский 1927, Васильев-Южин 1927). В долгосрочной перспективе принцип кодификации фундаментально противоречил той логике, на которой оперировала модель, основанная на «чувстве законности».

На протяжении российской истории велись ожесточенные дебаты относительно соотношения между жизнью «по закону» и жизнью «по справедливости», и некоторые исследователи предлагали рассматривать эти два понятия не как комплементарные (как они обычно представляются в концептуализациях правового государства / *Rechtsstaat*), а как противоречащие друг другу (см. Baberowski 1991, Engelstein 1993, Burbank 2004, Плотников 2011, Haardt 2013, Sproede, Schomacher and Zabirko 2013). В определенном смысле раннесоветские правовые эксперименты представляли собой амбициозную (и отчасти успешную) попытку преодолеть это противоречие с помощью, с одной стороны, замены профессиональных «буржуазных судей» на «обычных людей», а также через поощрение эмоционального и импровизированного правотворчества судей (а не холодной рациональности Уголовного кодекса).

Анализ раннесоветского права показывает, однако, что существовали существенные несоответствия между моделями, предлагавшимися советскими правоведами, и действительной имплементацией новой правовой модели на практике. Хотя во время революционных волнений роль эмоций в юриспруденции можно было быстро легитимизировать всего за лишь несколько месяцев, эти эмоции не всегда совпадали с политическими/идеологическими предписаниями государства, что и привело к возврату кодифицированного права. В частности, как показал наш анализ работы Португалова, после того как революционная эйфория несколько успокоилась в начале 1920-х гг., юристы пришли к мнению, что чувство совести и связанные с ним эмоции в правовом контексте являются нежелательными и требуют «усмирения» и замены более общими правовыми понятиями, которые государству будет легче контролировать. Хотя этот

маневр был умело замаскирован как «возвращение» социалистического правосознания обратно к массам, он в конечном итоге позволил партийным бюрократам консолидировать контроль над судебной системой, что заложило основы сталинской репрессивной машины 1930-х гг.

Заключение

В данной работе я рассмотрел, как в позднеимперской и раннесоветской России развивались дискуссии правоведов о «чувстве законности» и роли эмоций в правовом суждении. Я показал, каким образом «психологические» теории, возникшие на рубеже 19-20 вв., заимствовали новейшие образцы европейской юридической мысли и при этом создавали новые варианты понимания судебных эмоций, которые имели исключительно российскую специфику. Далее, я подчеркнул особую роль Российской революции 1917 г. как важного водораздела, который способствовал развитию данных радикальных идей и их практическое применение в рамках модели «революционной законности». Наконец, в данной работе я подчеркнул, как трудности повседневной жизни революционного периода, а равно и институциональные ограничения, внесли свои коррективы в этот смелый утопический проект и привели к его краху на протяжении всего лишь нескольких лет.

В заключение, я хотел бы подчеркнуть значение существенного политического сдвига, необходимого для того, чтобы любая радикальная правовая реформа судебных эмоций могла осуществиться. Должны иметься как институциональные, так и интеллектуальные рамки, которые обеспечивают судьям возможность выносить решения на основе своих чувств и применять судебное усмотрение где это необходимо. Такая модель, однако, почти автоматически ведет к высокой степени независимости судей, которая властями и населением в целом может быть воспринята как оппортунизм или даже как прямая опасность. Конечно, краткая (хоть и насыщенная) история «чувства законности» в контексте позднеимперской и раннесоветской России не предлагает нам готового решения или системы сдержек и противовесов, которые могли бы позволить свободно использовать «чувство законности» и в то же время предотвращали бы от его потенциальных опасностей. Скорее, эта история подчеркивает значение институциональных и материальных ограничений, а равно и важность полноценной реформы судебных эмоций (а также предостерегает нас от чрезмерно оптимистического восприятия возможностей такой реформы в будущем).

Литература

Антонов-Саратовский, В., 1926. О революционной законности. *Революционная законность* 3-4, 1-3.

Бровкин, В.Н., 2004. Культура новой элиты, 1921-1925. *Вопросы истории* 8, 83-98.

Булдаков, В.П., 2013. Деструкция личности революционера в России, 1920-е гг. В: Н.В. Михайлов и др., ред. *Человек и личность в истории России: конец XIX-XX век*. СПб.: Нестор-история, 162-182.

Васильев-Южин, М.И., 1927. Пролетарская революция и суд. *Вестник Верховного Суда СССР и Прокуратуры Верховного Суда СССР* 4, 3-11.

Государственный архив в городе Великие Луки (ГАВЛ). Фонд Р-262, опись 1, дело 4; фонд Р-1315, опись 1, дело 34.

Государственный архив Псковской области (ГАПО). Фонд Р-515, опись 1, дела 2, 4.

- Дембский, Д., 1909. «Философия права и нравственности» проф. Л. И. Петражицкого. Харьков: Б. Бенгис.
- Иеринг, Р., 1907. *Борьба за право*. М.: М. Н. Прокопович.
- Иоффе, О.С., ред., 1957. *Сорок лет советского права, 1917-1957: Период строительства социализма*. Л.: Ленинградский университет.
- Козловский, М., 1918. Пролетарская революция и уголовное право. *Пролетарская революция и право* 1, 21-28.
- Ленин, В.И., 1918. *Государство и революция*. Пг.: Жизнь и знание.
- Луначарский, А.В., 1917. Революция и суд. *Правда*, 1 декабря.
- Мусаев, В.И., 2001. *Преступность в Петрограде в 1917-1921 гг. и борьба с ней*. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Новгородцев, П.И., 1900. *История новой философии права: Курс лекций*. М.: Общества распространения полезных книг.
- О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР. 1922. *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства* 15, 1.
- О суде. 1918. *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства* 26, 401-404.
- Орловский, С.Н., 1927. Революционная законность в периоды военного коммунизма и НЭПа. *Вестник Верховного Суда СССР и Прокуратуры Верховного Суда СССР* 2, 22-27.
- Петражицкий, Л.И., 1905. *Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология*. СПб.: Ю.Н. Эрлих.
- Петражицкий, Л.И., 1907-1910. *Теория права и государства в связи с теорией нравственности*, т. 1-2. СПб.: Слово. М.: Меркушев.
- Плотников, Н.С., ред., 2011. *Правда: Дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории*. М.: Справедливый мир.
- Покровский, И.А., 1901. *Справедливость, усмотрение судьбы и судебная опека. Дилеммы современного гражданского права в области договоров*. Киев: Университет святого Владимира.
- Португалов, Г.М., 1922. *Революционная совесть и социалистическое правосознание*. Пг.: Госиздат.
- Поснов, И.В., 2006. Соотношение права и нравственности в психологической теории права Л.И. Петражицкого. *Вестник МГТУ* 9 (1), 96-105.
- Працко, Г.С., Болдырев, О.Н., 2015а. Развитие психологической теории права в работах М.А. Рейснера. *Философия права* 1, 16-20.
- Працко, Г.С., Болдырев, О.Н., 2015б. Влияние идей Л.И. Петражицкого на развитие психологического обоснования права в трудах М.И. Рейснера. *Юрист-правовед* 2, 10-13.
- Рейснер, М.А., 1908. *Теория Л.И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология*. СПб.: Общественная польза.
- Скибина, О.С., 2013. Психологическая теория права Л.И. Петражицкого и марксизм в учении М.А. Рейснера. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики* 9-1, 163-167.
- Славин, И.В., 1922. Суд и новая экономическая политика. *Еженедельник советской юстиции* 1, 6-7.
- Стучка, П., 1918. Пролетарская революция и суд. *Пролетарская революция и право* 1, 21-28.
- Тоцкий, Н., 1922. Право и революция. *Право и жизнь* 1, 9-11.
- Трайнин, А., 1922. О революционной законности. *Право и жизнь* 1, 5-8.
- Френкель, З.Г., 1923. *Петроград периода войны и революции: Санитарные условия и коммунальное благоустройство*. Пг: Петгуботкомхоз.

- Хочоян, А.Г., 2008. Развитие идей психологической школы права в трудах М.А. Рейснера и Я.М. Магазинера. *Право и государство* 9, 132-135.
- Чельцов-Бebutov, М.А., 1924. *Социалистическое правосознание и уголовное право революции*. Харьков: НКЮ УССР.
- Шершеневич, Г.Ф., 1897. *О чувстве законности: Публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г.* Казань: Императорский университет.
- Штейнберг, И.З., 1913. Движение в пользу свободного права (Закон и судья). *Юридические записки, издаваемые Демидовским юридическим лицеем XVI-XVII (I-II)*, 223-253.
- Штейнберг, И.З., 1914. *Что такое движение свободного права? (Закон и судья): Доклад, читанный в Московском юридическом обществе*. М.: Поманский и Запольский.
- Яхонтов, В., 1926. О революционной законности. *Советское право* 1, 3-12.
- Vaberowski, J., 1991. Das Justizwesen im späten Zarenreich 1864-1914: Zum Problem von Rechtsstaatlichkeit, politischer Justiz und Rückständigkeit in Russland. *Zeitschrift für neuere Rechtsgeschichte* 13 (3-4), 156-172.
- Barclay, K., 2017. Performing Emotion and Reading the Male Body in the Irish Court, c. 1800–1845. *Journal of Social History* 51 (2), 293-312.
- Beer, D., 2008. *Renovating Russia: The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity, 1880-1930*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Burbank, J., 2004. *Russian Peasants Go To Court: Legal Culture in the Countryside, 1905-1917*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.
- Ehrlich, E., 1913. *Grundlegung der Soziologie des Rechtes*. Munich and Leipzig: Duncker & Humblot.
- Engelstein, L., 1993. Combined Underdevelopment: Discipline and the Law in Imperial and Soviet Russia. *The American Historical Review* 98 (2), 338-353.
- Eppinger, M., 2008. Governing in the Vernacular: Eugen Ehrlich and Late Habsburg Ethnography. In: M. Hertogh, ed. *Living Law: Reconsidering Eugen Ehrlich*. Oxford: Hart Publishing, 21-48.
- Flavius, G. [Kantorowicz, H.], 1906. *Der Kampf um die Rechtswissenschaft*. Heidelberg: C. Winter.
- Frame, M., 2013. Crime, Society and “Revolutionary Conscience” during the Russian Civil War: Evidence from the Militia Files. *Crime, History & Societies* 17 (1), 129-150.
- Fuchs, E., 1929. *Was will die Freirechtsschule?* Rudolstadt: Greifenverlag.
- Haardt, A., 2013. *Gerechtigkeit in Russland: Sprachen, Konzepten, Praktiken*. Paderborn: Fink.
- Herget, J.E. and Wallace, S., 1987. The German Free Law Movement as the Source of American Legal Realism. *Virginia Law Review* 73 (2), 399–455.
- Hertogh, M., ed., 2008. *Living Law: Reconsidering Eugen Ehrlich*. Oxford: Hart Publishing.
- Krementsov, N., 2014. *Revolutionary Experiments: The Quest for Immortality in Bolshevik Science and Fiction*. New York: Oxford University Press.
- Likhnovski, A., 2008. Venus in Czernowitz: Sacher-Masoch, Ehrlich and the Fin-de-Siècle Crisis of Legal Reason. In: M. Hertogh, ed. *Living Law: Reconsidering Eugen Ehrlich*. Oxford: Hart Publishing, 49-72.
- Maroney, T.A. and Ackerman-Lieberman, P., 2014. “As a Father Shows Compassion for His Children”: Ancient and Contemporary Perspectives on Judicial Empathy. *Journal of Law, Religion and State* 3 (3), 240-275.
- Maroney, T.A., 2011. The Persistent Cultural Script of Judicial Dispassion. *California Law Review* 99 (2), 629-681.
- Maroney, T.A., 2012. Angry Judges. *Vanderbilt Law Review* 65 (5), 1207-1286.

Neumann, M. and Willimott, A., eds., 2017. *Rethinking the Russian Revolution as Historical Divide*. Abingdon: Routledge.

Plaggenborg, S., 1996. *Revolutionskultur: Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrussland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus*. Cologne: Böhlau.

Riebschläger, K., 1968. *Die Freirechtsbewegung: Zur Entwicklung einer soziologischen Rechtsschule*. Berlin: Duncker & Humblot.

Rümelin, M., 1925. *Rechtsgefühl and Rechtsbewusstsein: Rede gehalten bei der akademischen Preisverteilung am 6. November 1925*. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).

Sanger, C., 2013. Legislating With Affect: Emotion and Legislative Law Making. In: J.E. Fleming, ed. *Passions and Emotions*. New York and London: New York University Press, 38-76.

Schnädelbach, S., 2015. The Jurist as Manager of Emotions: German Debates on Rechtsgefühl in the Late 19th and Early 20th Century as Sites of Negotiating the Juristic Treatment of Emotions. *InterDisciplines: Journal of History and Sociology* 6 (2), 47-73.

Silberg, S., 2005. *Hermann Kantorowicz und die Freirechtsbewegung*. Berlin: Logos.

Sproede, A., Schomacher, G. and Zabirko, O., eds. 2013. *Osteuropäische Rechtskultur: Studien zu Literatur und Recht in Russland und der Ukraine von der Frühen Neuzeit bis zur Gegenwart*. Paderborn: Fink.

Stites, R., 1989. *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. New York: Oxford University Press.

Vasilyev, P., 2017. Beyond Dispassion: Emotions and Judicial Decision-Making in Modern Europe. *Rechtsgeschichte - Legal History* 25, 277-285.

Walicki, A., 1987. *Legal Philosophies of Russian Liberalism*. Oxford: Oxford University Press.

Willimott, A., 2017. *Living the Revolution: Urban Communes & Soviet Socialism, 1917-1932*. New York: Oxford University Press.

Городская жизнь после «советского эксперимента»: Наследие большевистской власти и местное самоуправление в Екатеринбурге

Утром 25 июля 1918 года антибольшевистские войска (преимущественно чехословацкие и казачьи формирования) вошли Екатеринбург. Закончилось более чем восьмимесячное правление советской власти в «столице Урала». Главная газета Екатеринбурга «Уральская жизнь» писала: сотни людей вышли на улицы, чтобы поприветствовать победно шествующих солдат, и многие собрались вокруг штаба Сибирской армии с целью вступить в ее ряды. Местные жители восхищались «прекрасной дисциплиной» чехословацких солдат. К вечеру на центральных улицах, возле зданий была установлена охрана, и газета с радостью прокомментировала: «Давно уже обыватели города не спали так спокойно, как в эту ночь». На следующее утро по улицам прошел парад «белогвардейцев» под звуки военного оркестра и со знаменами с надписью «Да здравствует Учредительное собрание!». Военные и «огромная толпа» жителей города собрались в центре города, где их приветствовал командующий Чехословацким легионом и офицеры войск Временного сибирского правительства (ВСП), объявившие об освобождении Екатеринбурга от советской власти¹. По словам меньшевика Петра Мурашева, «после ухода большевиков город приобрел вид, который был до революции. Открылись частные магазины и кафе, а театры были заполнены интеллигенцией и дамами в элегантных платьях»². Местный банкир Владимир Аничков, который вернулся в Екатеринбург из деревни, где скрывался от большевиков, выразился так: «В те первые дни настроение было таким радостным, что я часто наблюдал, как люди на улице и в общественных местах приветствовали, целовались, поздравляли друг друга с великим праздником освобождения от большевистского ига. Радость напоминала священный праздник Пасхи»³.

Однако на самом деле атмосфера в Екатеринбурге была не такой праздничной. Во время своей эвакуации большевики опустошили город, забрав с собой все деньги и ценности, хранящиеся в местных банках⁴. Запасы продовольствия были сильно истощены, в результате чего в городе осталось всего 1500 пудов муки, несколько пудов сахара и не было табака⁵. Военные власти установили ценовые ограничения на широкий ассортимент продуктов питания и потребительских товаров, пытаясь контролировать инфляцию⁶. Отряды Красной Армии оставались в пределах досягаемости Екатеринбурга, так как фронт простирался всего в нескольких десятках километров от города.⁷ Более того, в первые дни после освобождения города распространились слухи об еврейском погроме, который заставил военные власти опубликовать 25 июля декларацию, призывающую жителей признать, что они «все граждане России», и избежать усиления религиозной или этнической напряженности⁸. Другие слухи о побеге преступников из екатеринбургских

¹ *Уральская жизнь*, № 123, 28 июля 1918.

² Государственный архив Пермского края (ГАПК), ф. Р790, оп. 1, д. 4265, л. 6.

³ В. П. Аничков, *Екатеринбург-Владивосток (1917-1922)* (М: Русский путь, 1998), 151.

⁴ *Уральская жизнь*, № 127, 2 августа 1918.

⁵ *Уральская жизнь*, № 123, 28 июля 1918.

⁶ Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 39797, оп. 1, д. 3, л. 11.

⁷ *Уральская жизнь*, № 128, 3 августа 1918.

⁸ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), ф. 41, оп. 1, д. 127, л. 2; 17.

тюрем создавали напряженную атмосферу. Однако журналисты из «Уральской жизни» отрицали обоснованность этих утверждений, отмечая, что, хотя небольшое количество преступников вступили в ряды Красной Армии, тюрьмы не пустовали¹. Солдаты патрулировали по улицам днем и ночью, чтобы препятствовать распространению преступности. Это стало необходимой мерой, учитывая, что в ночь на 29 июля 1918 г. был убит ученик местной гимназии, который вызвался пойти в караул².

В докладе анализируется создание антибольшевистской власти в Екатеринбурге и восстановление бывших органов гражданского муниципального управления, таких как, например, Городская дума. Рассматриваются проблемы, с которыми сталкивались новые власти, разношерстная коалиция политических партий, в том числе конституционных демократов (кадетов), правых эсеров и меньшевиков, а также консерваторов-монархистов и офицеров антибольшевистских формирований, в деле восстановления функционирующей системы местного самоуправления. Выйдя из подполья после падения большевистской власти в городе, новые (и, следовательно, старые) политические лидеры Екатеринбурга попытались восстановить «порядок» после «советского эксперимента», который они считали эфемерной аберрацией в политической истории России. Они стремились восстановить государственную систему на законодательной основе, установленной Временным правительством, используя при этом лозунги Февральской революции, включая идеи «демократии», «свободы» и поддержки Учредительного собрания. Тем не менее, восемь месяцев правления большевиков в Екатеринбурге нельзя было просто игнорировать или отрицать, а дискуссии о том, что должно быть сохранено или выброшено из руин советской власти, вызвали споры о будущем антибольшевистского движения. И левая, и правая фракции определили политику большевиков как «незаконную». Однако соблюдение законов центральной власти, которой на самом деле больше не было, заставило их опутать руководителей местных органов устаревшими правовыми и политическими рамками, не соответствовавшими действительности.

После своего реформирования Екатеринбургская Городская Дума занималась созданием муниципальной администрации и системы коммунальных услуг, и одновременно закрывая советские учреждения. Как и большевики, новые власти действовали медленно, организовав комиссию «для роспуска комиссариатов», отделы которых продолжали функционировать. Через несколько недель комиссариаты были просто переименованы в «комиссии» и поставлены под контроль Городской управы, что только формально изменило преобразования большевиков и еще больше подчеркнуло преемственность в административной практике между советской и антибольшевистской властью. Отмена большевистской муниципализации частного бизнеса, за что активно выступали многие члены либеральных и правых партий, не произошла сразу, поскольку гласные думы ограничили свои действия в решении данного вопроса, придерживаясь законов не существующей центральной власти. Лев Кроль (1871-1931), левый кадет, подытожил дилемму: «Как быть с этими [большевистскими] декретами? Должно ли их считать законами, подлежащими отмене и замене другими, или же нужно признать, что никакой законной власти не было, никаких законов не было, а потому все старые законы восстанавливаются одним росчерком пера?»³.

Когда бывшие владельцы городских аптек, муниципализированных большевиками, просили о возвращении их заведений, члены думы сослались на «отсутствие у них прав»

¹ *Уральская жизнь*, № 123, 28 июля 1918.

² *Уральская жизнь*, № 125, 31 июля 1918.

³ Л. А. Кроль, *За три года: Воспоминания, впечатления и встречи* (Владивосток: тип. «Свободная Россия», 1921), 74.

для решения данного вопроса и посоветовали им обратиться к начальнику гарнизона¹. Отвечая на предложение сохранить муниципальный контроль над аптеками, Сергей Кванин (1873-1935), правый кадет, приветствовал такой шаг, если это разрешалось законом, но при этом он сослался на закон 1912 года, ограничивающий право местных властей управлять такими заведениями. Он напомнил присутствующим: «Если мы не пойдем по пути закона, мы пойдем по пути большевиков». Эсер Александр Егоров возразил: «Жизнь диктует законы, а не наоборот. Может быть многие незаконные распоряжения большевиков придётся утвердить, так как много воды утекло». Удивительно, но Кванин согласился с тем, что «многие большевистские преобразования будут сохранены», но утверждал, что Городская дума не является законодательным органом: «мы законодательствовать захватным правом не можем»².

Занимаясь проблемой городских финансов, оказавшихся в катастрофическом состоянии, гласные Городской думы отчаянно искали новые источники дохода. Как сказано выше, большевики в значительной степени опустошили Государственный банк. Владимир Аничков отметил, что, хотя работники банка работали энергично, но для кредитования денег не было³. Обращаясь к поставленному Кролем вопросу о том, следует или нет признавать большевистские законы, гласные Городской думы решили, что будут выполнять все финансовые обязательства, накопленные при советской власти, поскольку при Временном правительстве было создано соответствующее законодательство, обеспечивающее правовые рамки таких действий. Таким образом, новое местное самоуправление взяло на себя ответственность за все долги, сделанные большевиками в условиях утраты контроля над приносящими доход муниципальными заведениями. Ранее собирались, как добровольно, так и принудительно финансовые средства у местной буржуазии – важный источник дохода для большевистской муниципальной политики. Взяв на себя эту ответственность, Городская дума не смогла дезавуировать все, что произошло между ноябрем 1917 года и июлем 1918 года в Екатеринбурге, и вынуждена была сохранять преемственность с предыдущими властями несмотря на то, что советская власть воспринималась как жестокое, но эфемерное «междоцарствие». Принятие долговых обязательств помогло восстановить верховенство закона и заверить кредиторов в том, что новый режим будет оплачивать свои счета, но политическая ситуация и пустая городская казна создавали серьезные проблемы.

Одним из решений для смягчения муниципального финансового кризиса, предложенного думой, явилось введение единовременного «чрезвычайного» 25-процентного налога на имущество «богатых» жителей Екатеринбурга. Это предложение получило широкую поддержку в Городской думе, как «справедливое», предусматривающее единовременную плату с владельцев недвижимости за «незаработанное увеличение стоимости» зданий, что, в свою очередь, указывало на рост цен на недвижимость в городе⁴. Однако правая партия «Союз домовладельцев» выступила против этих мер, утверждая, что большинство так называемых «домовладельцев» Екатеринбурга на самом деле были бедными торговцами, которые в таких условиях вынуждены будут продать свои дома «армии капиталистических спекулянтов» для уплаты налогов⁵. В конечном итоге Министерство внутренних дел ВСП в Омске отклонило предложение Городской думы о взимании чрезвычайного налога, оставив ее членов искать альтернативные источники доходов.

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. Р1196, оп. 1, д. 1, л. 28-29.

² ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 1995, л. 11-12.

³ Аничков, *Екатеринбург-Владивосток*, 189.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. Р141, оп. 8, д. 28, л. 2-3.

⁵ ГАРФ, ф. Р141, оп. 8, д. 28, л. 4-7.

К таким источникам относилась кампания по сбору добровольных пожертвований в городской бюджет. В отличие от опыта большевистского «комиссародержавия», введение добровольной системы коллективных пожертвований, с точки зрения сторонников данной меры, способствовало бы укреплению среди местного населения духа патриотизма, идей «государственности» и стремления к установлению порядка. Яков Никитич Чупраков (1875-?), инженер и влиятельный член партии меньшевиков, выступая в Городской думе, отметил, что необходимо «ввести принцип как добровольного, так и обязательного самообложения налогом граждан, среди которых должны быть Минины, и в итоге мы найдем и Пожарских»¹. Однако планы по привлечению пожертвований практически никогда не осуществлялись, в значительной степени из-за нежелания местного общества открывать свои бумажники для поддержки властей. Зимой 1918 года общегородская благотворительная акция на публичную рождественскую елку в центре города принесла всего 5 рублей².

В условиях финансового кризиса способность муниципальных органов по предоставлению государственных услуг, конечно, была поставлена под сомнение. Особенно большой проблемой стало финансирование городской милиции, одной из главных структур, призванной обеспечить законность и порядок. Однако из-за военного положения формирования Сибирской армии все еще обеспечивали безопасность в Екатеринбурге. Учитывая то, что большевики распустили «народную милицию» весной 1918 года и заменили ее тыловыми частями Красной Армии, никакой административной структуры для восстановления милиции не существовало. Расследование показало, что в бывшем отделении милиции четвертого городского района «не было ни документов, ни оружия, ни имущества, кроме книжного шкафа и двух сломанных столов»³. Военное положение отрицательно сказалось на способности Городской думы напрямую контролировать управление милицией. Гласные ограничивали свою деятельность лишь утверждением финансовых смет. Кроме того, в это время судебная система занялась дублированием большевистских приговоров преступникам (неполитическим), поскольку новые власти отвергли советское законодательство и сочли решения, принятые в его рамках, недействительными, что с другой стороны противоречило заявлениям Городской думы о принятии советских долгов⁴.

Сводки о преступлениях, которые ежедневно собирал начальник милиции, и направлял главе города, рисуют тревожную картину преступности в Екатеринбурге в последней трети 1918 года. Незначительные преступления варьировались в широких пределах – от краж и грабежей (часто совершаемых детьми), до пьяных драк (так, один мужчина дрался со своим хозяином), или нарушений общественного порядка (например, с участием нескольких женщин, приехавших из деревень). В отношении таких действий милиция проводила расследования. Более серьезные происшествия включали обнаружения тайников с оружием, взломов и краж крупных сумм, а также несколько убийств⁵. За первый месяц антибольшевистской власти в Екатеринбурге число людей, ежедневно задерживаемых милицией за уголовные преступления (не считая преступлений-политического характера, когда обвиняемого отправляли непосредственно к военному коменданту города), колебалось между 35 и 50. Однако в период с 25 по 31 августа 1918 года число задержанных возросло с 46 до 161, что отражает возросшее

¹ ГАСО, ф. Р1196, оп. 1, д. 1, л. 17.

² ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 1995, л. 190-93.

³ ГАСО, ф. Р1196, оп. 1, д. 49, л. 18.

⁴ ГАСО, ф. Р1951, оп. 1, д. 5, л. 354.

⁵ ГАСО, ф. Р1196, оп. 1, д. 49, л. 22-35.

присутствие милиции на улицах, когда местная власть увеличила число милиционеров¹. Количественный уровень задержанных неуклонно снижался в течение октября и ноября 1918 года, но Екатеринбург оставался опасным и криминальным городом, до начала 1919 года здесь было зарегистрировано не менее шести убийств.

После Февральской революции Временное правительство отменило контроль центральных ведомств, делегировав полномочия по охране общественного порядка муниципальным органам власти, а также финансовую ответственность за обеспечение его надлежащего функционирования. Обремененная долгами Екатеринбургская Городская дума изо всех сил пыталась поддерживать эффективную работу милиции, стал вопрос о легитимности учреждения. После возвращения к власти гласных Екатеринбургской думы, они предполагали, что вернутся к либеральной программе Временного правительства после окончания войны². Однако летом 1918 года ВСП в Омске разработало планы по передаче контроля над милицией от городских дум к провинциальным комиссарам, назначаемым центральным правительством, чтобы избежать «двоевластия» между местными и государственными властями. В районах военного положения, в том числе в Екатеринбурге, местная милиция должна была напрямую подчиняться МВД, что являлось «чрезвычайной мерой государственного управления», хотя, учитывая политические склонности членов ВСП, неясно, была ли эта политика временной³.

В то время как Городская дума боролась за обеспечение безопасности на улицах Екатеринбурга от преступности и беспорядков, она также оказалась вынужденной противостоять резкому ухудшению санитарных условий и здоровья населения. В первые дни после освобождения города от большевиков тела убитых солдат и трупы лошадей валялись прямо на улицах, а раненые чехословацкие и русские солдаты Сибирской армии, доставленные из районов боевых действий, заполнили городскую больницу и клиники. Поскольку раненых было много, муниципальные власти столкнулись с реальными проблемами в деле восстановления функционирующего аппарата общественного здравоохранения. Алкоголь оставался дефицитным продуктом, поскольку все его оставшиеся запасы были эвакуированы во время отступления большевиками. В результате аптеки и больницы остались без необходимых дезинфицирующих средств. Нехватка средств и медикаментов привели к новой волне тифозных инфекций, усугубленной невозможностью закупать чистое и дезинфицированное постельное белье даже на открывшемся рынке⁴. Газета «Уральская жизнь» писала: «грязь царит повсюду» в городских больницах и поликлиниках, что является результатом неправильного управления и беспорядка на всех уровнях работы администрации⁵.

Когда в результате скопившихся отходов на улицах стал распространяться тиф, жители Екатеринбурга обратили свой гнев на Городскую думу. При этом недавнее наследие советской власти тяжело сказывалось на ее деятельности. Екатеринбургские большевики реализовали давние цели муниципальных врачей, создав единый аппарат общественного здравоохранения, который в конечном итоге стал комиссариатом здравоохранения. До Октябрьской революции ни один орган не контролировал санитарии и здравоохранение в Екатеринбурге с хаотично распределенными обязанностями между думой, местным военным гарнизоном и рядом специальных и временных учреждений, созданных для решения конкретных проблем. Когда «белые» отменили местную комиссариатскую систему, центробежное давление дезорганизации и

¹ ГАСО, ф. Р1196, оп. 1, д. 49, л. 42.

² ГАСО, ф. Р1463, оп. 1, д. 3, л. 132-33.

³ ГАРФ, ф. Р131, оп. 1, д. 48, л. 8.

⁴ ГАСО, ф. Р1996, оп. 1, д. 7, л. 110.

⁵ *Уральская жизнь*, № 161, 13 сентября 1918.

недостаток финансирования вернули Екатеринбург в эту неудовлетворительную ситуацию, что еще больше разожгло общественное недовольство и дискредитировало думу. Сельский врач И. К. Кудров по этому вопросу высказался следующим образом:

Медицинская помощь екатеринбургского городского самоуправления остается неорганизованной. Существует санитарное бюро, имеющее смешанные функции городского и государственного органа, которое по многим вопросам даже не находится под прямой юрисдикцией городской думы. Существуют больничные учреждения с собственными отделениями, которые не объединены общими инструкциями и директивами, которые действуют как автономные органы. . . Все это создает впечатление полной неопределенности, хаоса и создает представление о том, что общественного здравоохранения нет даже на первых этапах его организации.

Кудров сделал несколько предложений по реформированию медицинских учреждений, опираясь на те же принципы централизации, которые были введены при большевиках. По проекту Кудрова Управа должна была заниматься основными вопросами и осуществлять надзор за финансами, в то время как Медико-санитарный совет, наделялся полномочиями для координации политики общественного здравоохранения и осуществления повседневного управления¹. Городская дума, после нескольких месяцев колебаний, в конце концов создала Медико-санитарный совет в январе 1919 года, хотя Управа отказалась делегировать большие полномочия новой структуре, оставив ее мертворожденной и неспособной эффективно реализовать управленческую деятельность, к чему стремились Кудров и другие гласные².

Обеспечение продовольствием жителей Екатеринбурга также стало серьезной проблемой для гражданской администрации. После захвата города военные власти пытались регулировать цены и распределение продуктов питания, в то время как местные чиновники начали работать над тем, чтобы свернуть большевистскую модель централизованного снабжения и восстановить рыночные условия. Рынки и торговые лавки вновь открылись в Екатеринбурге, и «Уральская жизнь» рассказала о радости, которую испытали жители города, которые 31 июля 1918 года впервые пришли на рынок и больше не должны «стоять в бесконечных очередях», чтобы купить еду. Газета сообщила, что «почти все пищевые продукты» были представлены на рынке, цены на муку и зерно значительно упали после нескольких месяцев дефицита продовольственных товаров при советской власти.³

Хотя крестьяне вернулись в город, чтобы продавать свои товары по более высоким ценам, благополучие не продлилось долго. Нехватка основных продуктов питания скоро стала реальностью. Цены выросли и широко распространилась спекуляция, несмотря на меры регулирования, принятые военными и гражданскими должностными лицами⁴. Кроме того, в период гражданской войны Екатеринбург столкнулся с тенденцией увеличения населения, что создавало серьезную проблему для новых муниципальных

¹ *Уральская жизнь*, № 202, 3 ноября 1918.

² ГАСО, ф. Р1196, оп. 1, д. 4, л. 140.

³ *Уральская жизнь*, № 127, 2 августа 1918; Игорь Нарский, *Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг.* (М: «РОССПЭН», 2001), 242-44.

⁴ *Уральская жизнь*, № 131, 7 августа 1918.

властей¹. В результате притока внутренних мигрантов из сельской местности и беженцев Первой мировой войны с европейской части России, а также из регионов, контролируемых большевиками, в Екатеринбурге с относительно стабильной численностью населения в 77 205 человек (согласно переписи 1917 года) количество жителей к июню 1918 года возросло до 82 000². Таким образом, пост-большевистские городские лидеры должны были управлять растущим населением и решать проблему с обеспечением продовольствия в то время, как военные контролировали важнейшие транспортные связи с Сибирью.

Военные власти начали демонтировать большевистский аппарат, распустив Продовольственную управу бывшего Городского совета в августе 1918 года, хотя на самом деле этот шаг лишь означал перевод учреждения и его сотрудников в структуру Управы. Примечательно, что участковые продовольственные комитеты, созданные большевиками, остались без изменений и даже получили поддержку военных. Комитеты продолжали раздавать муку беднейшим жителям города через государственные лавки³. У Городской думы, однако, были другие планы, так как большинство ее депутатов, членов несоциалистических партий, поддержали восстановление свободной торговли, и поэтому попытались восстановить Продовольственную комиссию, сформированную во время Первой мировой войны, главной целью которой являлась «борьба со спекуляцией основных продуктов питания». По мнению многих депутатов думы, деятельность Комиссии должна была осуществляться в области регулирования цен, путем создания специального продовольственного запаса, который будет выпущен на рынок во время повышения цен⁴. Комиссия, созданная с единогласного одобрения городской думы, координировала закупки и распределение между существующими общественными организациями, что ознаменовало изменение государственного управления продовольствием. При самодержавии и Временном правительстве власти закупали хлеб у частных торговцев для дальнейшего распределения, но советская власть полностью уничтожила частный рынок, установив хлебную монополию. Возвращение к системе снабжения продовольствием, основанной на рынке, отражало интенсивность опыта государственного контроля при большевиках и стремление антибольшевистских лидеров повернуть вспять эту тенденцию. Однако, учитывая продолжающуюся гражданскую войну на Урале, а также сложность восстановления рыночных условий после государственной монополии, новая продовольственная система не смогла стабилизировать ситуацию.

Сеть кооперативов в Екатеринбурге должна была стать основой системы беспроцентной торговли продуктами питания, чтобы закупать продукты оптом и распространять их среди населения⁵. В Екатеринбурге до Октябрьской революции была развитая кооперативная система, обычно связанная с эсерами, которая впоследствии была включена в советский муниципальный аппарат. Сторонники кооперативов надеялись создать «регулируемую систему», в отличие от монопольного государственного контроля или полной свободной торговли, когда лицензированные кооперативы приобретали бы продукты питания по ценам, установленным

¹ Например, между 1917 и 1920 годами Москва потеряла миллион жителей, то есть половину всего населения. Население Петрограда сократилось с 2,5 млн. до 700 000 за тот же период времени; Diane Koenker, "Urbanization and Deurbanization in the Russian Revolution and Civil War," *The Journal of Modern History* 57:3 (1985): 424. В Саратовской губернии, городское население сократилось на 7,7 %, с 380 978 до 351 374; Donald J. Raleigh, *Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917-1922* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002), 181.

² ГАРФ, ф. Р141, оп. 10, д. 1, л. 169; *Уральская жизнь*, № 118, 15 июня 1918.

³ *Уральская жизнь*, № 132, 8 августа 1918.

⁴ ГАСО, ф. Р1196, оп. 1, д. 1, л. 33-34.

⁵ ГАСО, ф. Р1196, оп. 1, д. 1, л. 55.

правительством. Такая система представлялась многим единственным вариантом во время войны¹.

В то время как «Уральская жизнь» с гордостью писала в конце июля 1918 года, что жители Екатеринбурга могли купить пуд муки за 29 рублей, к началу октября стоимость выросла до 49 рублей, то есть на 60 %. Возможно, это было связано с перебоями в поставках муки, которые, как надеялись, будут временными². В середине сентября 1918 года военный комендант города закрыл государственные пункты раздачи продовольствия, однако система нормирования карточек не была упразднена, что привело к путанице относительно того, где и как жители будут получать продукты³. Кроме того, Продовольственная комиссия не приступила оперативно к активной деятельности, и в течение первых недель своего существования ее сотрудники по-прежнему занимались организационными вопросами. В конце сентября члены думы начали критиковать это учреждение, и один из них заявил: «Даже при царской думе эти вопросы [о продовольствии] часто обсуждались; наша комиссия существует уже месяц и даже не удосужилась представить свой доклад по такому важному вопросу». Кадеты и члены консервативных партий поддержали критику Комиссии, но отклонили просьбу левых гласных провести содержательное обсуждение общей ситуации с продовольствием.⁴

Когда Комиссия, наконец, представила свой доклад, в котором предстала мрачная картина существующей ситуации и неспособности этого учреждения принять меры, необходимые для стабилизации продовольственного рынка. В докладе отмечалось, что, согласно «потребительским нормам», Екатеринбург должен был получить 174 вагона муки, зерна и хлеба в сентябре месяце, однако на самом деле прибыло только 60 вагонов. Один из членов думы предложил обмен спичек и керосина на хлеб с соседним Шадринском, но представитель Комиссии сообщил, что фабрика по производству спичек, одно из немногих таких предприятий в регионе, накапливает запасы и отказывается торговать ими. Члены Комиссии жаловались на то, что не имеют возможности размещать больше заказов на хлеб и зерно. В ответ на это дума приняла формальное решение, побуждающее Комиссию покупать больше хлеба⁵. В январе 1919 года члены Комиссии высказались за ее самороспуск и замену учреждением другого типа, которое сможет регулировать торговлю на местных рынках⁶. Усилия, направленные на регулирование, а не на распределение, наряду с запросами к центральному правительству в Омске о срочном финансировании для закупки продуктов питания, мало помогли смягчить недовольство населения антибольшевистской системой снабжения продовольствием, которая выявила неспособность рынка распределять товары.

В местной газете «Отечественные ведомости» один комментатор обвинил «спекулянтов» и «мародеров» в коллапсе продовольственного снабжения, используя термины из большевистской пропаганды. Он утверждал, что вся система свободной торговли провалилась, зарекомендовав себя «ненадежной» в условиях сбоя в транспорте: «Мы не можем полагаться на свободную торговлю, поскольку в этих нынешних условиях она открыла возможности только для неограниченного роста цен»⁷. В другой статье критиковалось совещание по вопросу о поставках продовольствия, состоявшееся в Омске, «за то, что там даже не подняли ни одного вопроса по наиболее

¹ *Зауральский край*, № 23, 24 августа 1918.

² *Уральская жизнь*, № 127, 2 августа 1918; *Уральская жизнь*, № 175, 2 октября 1918.

³ *Уральская жизнь*, № 164, 17 сентября 1918; *Уральская жизнь*, № 175, 2 октября 1918.

⁴ ГАСО, ф. Р1196, оп. 1, д. 1, л. 50; 54.

⁵ ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 1995, л. 64-65.

⁶ ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 2004, л. 29.

⁷ *Отечественные ведомости*, № 57, 18 марта 1919.

важным проблемам» – об организации системы распределения продовольствия на территориях, недавно освобожденных от большевиков, многие из которых оказались далеко от сибирских хлебных запасов. Автор заметки заявил, что освобожденные районы требуют «чрезвычайных» мер, которые сам рынок не в состоянии осуществить. Он предложил рецентрализовать систему снабжения продовольствия под государственным контролем, объединив гражданские и военные перевозки, чтобы избежать перебоев с поставками по железной дороге¹. Кризис свободного рынка, вызванный разрушенной транспортной структурой, спекуляцией и инфляцией, побудил либералов и консерваторов присоединиться к социалистам и призвать к возвращению к централизованной, управляемой государственной системе распределения, по крайней мере, в краткосрочной перспективе.

Наконец, в первые месяцы своего существования антибольшевистская Городская дума не решала вопрос о проведении новых выборов, отчасти из-за деликатности этой проблемы, а также из-за большого объема текущей работы. Правовой статус думы также оставался под вопросом. Согласно циркуляру, выпущенному ВСП до взятия Екатеринбурга в июле 1918 года, любые органы местного самоуправления на «освобожденных» территориях, которые не восстановились в соответствии с законами Временного правительства от апреля 1917 года, будут считаться незаконными². Вопрос о выборах стал более острым, однако, через нескольких недель, по разным причинам, начались отставки депутатов думы, покинувших свои посты в критический момент для городской администрации³. Для их замены были взяты лица из списков муниципальных избирательных партий от ноября 1917 года, но их значилось там так много, что один из гласных предложил выбрать новых членов из «других списков», составленных самими партиями⁴. Замена думских гласных еще больше подорвала основы демократическую легитимности, которыми еще обладал этот орган, что подпитывало требования как левых, так и правых в отношении нового подхода к формированию муниципальной администрации.

На заседании думы 3 ноября 1918 года был поднят вопрос о муниципальных выборах, что привело к ожесточенным дебатам среди наиболее поляризованных политических фракций. Кадеты предложили ввести ограничения, включая повышение минимального возраста для голосования до 25 лет, чтобы не допустить участия «недостаточно зрелых» избирателей. Аркадий Кошечев, видный местный эсер, возражал, утверждая, что крестьяне и рабочие с возраста 14 – 16 лет уже участвовали в экономической и административной деятельности, напомнив членам думы, что эти две социальные группы составляют большинство жителей Екатеринбурга. В конечном итоге кадеты поддержали установление избирательного возраста с 21 года, но ввели ограничения, которые требовали, чтобы избиратели проживали в городе не менее трех месяцев. Сергей Кванин напомнил, «как приходили войска, подкидывали Думу и уходили. Если Дума ставить интересы города выше интересов отдельных лиц, то она должна принять этот ценз». Кошечев обвинил кадетов в «стремлении отказать в правах одному слою общества». Городская дума утвердила ценз оседлости от трех месяцев и более с разницей голосов 22 к 11, что подчеркивает доминирование правых⁵.

Консенсус между членами Думы все же возник вокруг вопроса об участии в муниципальных выборах политических партий, таких как большевики, левые эсеры и

¹ *Отечественные ведомости*, № 117, 5 июня 1919.

² GARF, ф. Р141, оп. 11, д. 3, л. 8.

³ ГАСО, ф. Р1196, оп. 1, д. 1, л. 27-63.

⁴ ГАСО, ф. Р1196, оп. 1, д. 1, л. 51.

⁵ ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 1995, л. 101-02.

анархисты, что выявило подавляющее большинство в пользу запрета этих партий. Сергей Кванин предложил даже исключить тех, кто «принимал активное участие в советской власти», из голосования, а также предложить поправку, чтобы установить ограничения на «левые беспартийные билеты», потому что «под этими именами прячутся большевики». Чупраков согласился с тем, что большевики являются «антигосударственным элементом», но поинтересовался, почему Кванин не упомянул об опасности, которую представляют монархические организации. В заключении он заявил, что «наказывать можно только за преступления, а не за убеждения». Кощеев попытался объяснить негативные последствия ограничения избирательных прав: «В таких условиях избранная дума не будет выражать интересы всего населения. Было бы ошибкой думать, что таким путем будет достигнуто спокойствие; и мы сможем создать двигатель Папена¹. Мы должны помнить, что вызвало большевизм. Это прогноз, а не угроза, и я боюсь, что прав». Кванин отрицательно отреагировал на эти заявления, сказав: «Я говорю: большевики отрицают саму идею государства. Если Чупраков считает, что монархисты разрушают идею государства, то это совершенно другое». Он добавил, что избирательное законодательство Временного правительства уже исключало часть граждан из процесса голосования, таких как глухонемые, психически больные, и владельцы борделей, и, следовательно, добавление дополнительных ограничений не нарушало дух закона. Один представитель Союза домовладельцев сказал присутствующим, что монархизм – это «принцип, а что такое большевизм? Благодаря монархизму Россия существовала веками»².

По причине военного положения и действий со стороны МВД в Омске, в Екатеринбурге при антибольшевистском правлении так никогда и не были проведены муниципальные выборы, что вызывало опасения и у гласных, и жителей города, которые смотрели на городскую думу как на восстановленный демократический орган местного «самоуправления».

Взятие Екатеринбурга антибольшевистскими силами летом 1918 года дало многим жителям надежду, что город и страна вернуться к широкой либерально-демократической государственной системе, созданной после Февральской революции. Екатеринбургский Городской совет, распустивший думу, спустя несколько месяцев после Октябрьской революции, был заменен бывшими традиционными органами «самоуправления», положив конец произволу «комиссародержавия». Однако при большевиках местная власть расходовала финансовые средства для реализации социальных и общественных нужд, включая бесплатное здравоохранение, распределение продуктов питания, вывоз мусора и другие сферы. Несмотря на то, что большевики говорили о своих преобразованиях языком революционного марксизма, в Екатеринбурге они достигли давних муниципальных целей всех политических партий, что ставило серьезные вопросы по изменению, отмене или сохранению на местах советской политики.

Кроме того, гласные Городской думы, которые вернулись на свои посты, заседали в учреждении, воссозданном без выборов с участием местного населения. Это учреждение было дискредитировано до Октябрьской революции именно потому, что оно, как было установлено, не отражало «волю народа». Восстановление думы было объявлено победой «демократии» и возвращением общественного участия в городских делах. Однако без выборов демократические заявления и либеральный язык Февральской революции резко контрастировали с реальностью. Многие гласные думы, такие как эсер Аркадий Кощеев и кадет Лев Кроль, понимали существующую социальную и

¹ Кощеев ссылается здесь на паровой цилиндр, изобретенный французским физиком Дени Папеном в 1690 году, чтобы описать рост социальной напряженности, если эти меры будут приняты; "Papin's Digester," *Journal of the Society of Arts* 21 (1873): 133.

² ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 1995, л. 104-05.

политическую напряженность, которая помогла большевикам «прийти» к власти в Екатеринбурге и в других местах. Но, столкнувшись с противодействием других партий, увидевших рост большевизма именно на «демократических» выборах, которые в ноябре 1917 года привели к большевистскому доминированию в городской думе, умеренные и либералы оказались бессильны. Влияние военных и консервативных думских фракций, а также продолжающаяся гражданская война сделали возвращение либерально-демократической политики маловероятным, но все это не было predetermined заранее.

На таких шатких основах Екатеринбургская Городская дума должна была возобновить, почти без финансовых ресурсов и без поддержки центрального правительства, предоставление основных муниципальных услуг. Муниципальные власти во всех антибольшевистских регионах, не имея существенных налоговых платежей и благотворительных пожертвований на социальное обеспечение, боролись за предоставление общественных услуг, которыми местное население пользовалось при советской власти и ранее. Новая власть не оказалась достаточно могущественной или, возможно, ей не хватило воли, чтобы полностью порвать с административной системой, созданной большевиками в Екатеринбурге после Октябрьской революции. Концептуально они не могли признать, что в правовом и административном отношении большевистский период просто «не существовал», и поэтому они столкнулись с запутанной дилеммой, связанной с принятиями решений о том, какие акты останутся в силе, а какие – нет. Гласные думы всех политических партий отдавали дань уважения законам, установленным Временным правительством, стремясь установить преемственность со своими последними «законными» предшественниками и отвергая то, что они считали пренебрежением большевиков к верховенству закона. Однако большие усилия в воссоздании системы и практики местного самоуправления, которая потерпела неудачу еще до Октябрьской революции, подорвала способность антибольшевистского движения предложить законную политическую альтернативу, и его сторонники не смогли создать необходимые условия для создания национального антибольшевистского государства.

Советский городской быт: Районные советы и управление повседневной жизнью в Москве, 1918-1923 гг.¹

Трудно не рассматривать повседневную жизнь в Москве в период гражданской войны как катастрофу. В Москве, да и во многих городах новообразованной Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), в военное время было много проблем: жилой фонд и другие здания оставались разрушенными после того, как годы реквизиции сделали невозможным даже незначительный ремонт; основные товары и продукты питания было трудно или даже невозможно найти или купить; городское население значительно сократилось. И все же в разгар всех этих лишений начался поворот к тому, что могло бы стать альтернативой. В этом докладе я расскажу о том, как местные органы и учреждения работали над созданием советского «нового быта» в городском контексте, даже в условиях войн и катастроф.

Огромная административная ответственность была возложена на местные органы власти в эпоху гражданской войны, и жилищный вопрос не стал исключением. Хотя в постановлениях верховных государственных органов были прописаны правила, которым должны были следовать местные муниципальные органы, эти органы в значительной степени отвечали за воплощение общих идеологических решений в действительное воплощение. Например, рассмотрим основной вопрос управления жилищным фондом. В декрете Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и Совет народных комиссаров (СНК) РСФСР от 20 августа 1918 «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» было постановлено, что домовладельцы не будут ни владеть, ни управлять какой-либо собственностью, которой они владели, в любом городе с населением более 10,000 человек, а местные органы власти несут ответственность за создание новой системы управления, которая могла бы заменить прежнюю систему домовладения.² Когда в конце Гражданской войны процесс демуниципализации предоставил бывшим домовладельцам возможность подать заявку на владение и управление своей бывшей собственностью, именно местные органы определяли параметры, в соответствии с которыми происходил этот переход. Это взаимодействие между указами, принятыми верховными органами власти и местными учреждениями, имело место на всей территории власти РСФСР. Городские и районные советы по всем советским республикам должны были наладить отношения с Советской властью. Но хотя каждый регион сталкивался со своими уникальными проблемами, в этом докладе особое внимание уделено отдельным случаям, возникшим перед московскими районными советами (с этих пор, райсовет).

Как новая столица социалистического государства, Москва должна была быть авангардным городом авангардной страны. Из-за центральной роли города и его многочисленного населения повседневные проблемы местных органов Москвы были огромны. Например, в один день, 22 мая 1922 года, управление недвижимым имуществом Рогожско-Симоновского райсовета получило по меньшей мере 65 запросов из различных источников, включая частные лица, фабрики, заводы, прочие места работы

¹ Я искренно благодарена Александру Резнику и Елизавете Жданковой за их помощь с этим докладом, и Марку Стейнбергу, Диане Конкер, и Мэтью Харшману за их совет вообще.

² *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР* (М: 1942), 883-836.

и другие местные органы управления.¹ Каждый подотдел этих местных органов должен был распределить равное количество заявлений, а также бороться с нехваткой основных товаров.

Но, несмотря на эти острые проблемы, методы управления жилищного вопроса показывают, что в течение гражданской войны местные органы власти стремились создать систему, которая улучшила бы повседневную жизнь для большинства жителей, которые считали этот район своим домом. Райсоветы серьезно относились к своей роли авангарда, и за четырехлетний период гражданской войны (с 1918 до 1922 года) эти райсоветы перешли от хаотической ситуативной системы управления к более упорядоченному ряду форм и действия, которые могли сделать процесс управления жильем более простым. Это не значит, что система не была лишена недостатков. Частота заявлений жителей указывает на то, что многие жители оказались в ситуациях, которые они считали крайне неудовлетворительными. Зачастую одного заявления было недостаточно, и жители полагались на свое место работы или другое влиятельное учреждения для отправки второго или третьего заявления. Во многих из этих заявлениях отмечалось, что на предыдущие заявления не было получено ответа, предполагая, что либо возникла проблема в их доставке по адресу, либо запросы, которые подотдел не мог удовлетворить или не хотел удовлетворить, были просто проигнорированы. Но, несмотря на эти законные жалобы, в этих документах показано, как местные органы решали жилищный вопрос, стремясь улучшить повседневную жизнь.

Учреждения социалистической власти возникали в Москве сразу после Октябрьской революции. До конца 1917 г. местные райсоветы были созданы в основных районах по всей Москве: Городской, Сокольнический, Басманный, Благуше-Левортовский, Рогожско-Симоновский, Замоскворецкий и Алексеево-Ростокинский. Каждый из этих райсоветов был разбит на несколько отделов, а затем далее разделен на подотделы. «Жилищный вопрос» находился в сфере жилищно-земельного отдела. Под этим отделом находятся жилищный подотдел, подотдел управления недвижимых имуществ, и подотдел коммунального хозяйства.²

Важно отметить, что не все райсоветы сохранили свои документы в одинаковой степени. В некоторых районах, например, в городском райсовете, осталось очень мало архивных записей из всех отделов, в том числе из жилищно-земельного отдела. Большинство документов в этом докладе из тех районов, которые лучше всего сохранили свои документы – например, Сокольнический, Рогожско-Симоновский и Замоскворецкий райсоветы. Большинство из сохраненных документов касаются повседневных решений, принимаемых местными служащими райсоветов, включая внутренние записи между различными отделами или подотделами, заявления от жителей или других советских учреждений, а также инструкции другим служащим в райсовете. Есть также большое количество протоколов заседаний, проводимых представителями других райсоветов или между служащими одного райсовета и другими учреждениями. Наконец, в последние годы гражданской войны, вплоть до середины 1920-х годов, существовало несколько

¹ Центральном государственном архиве города Москвы (ЦГАМ), Ф. 2354, оп. 1, д. 8, л. 1-45

² Все архивные документы находятся в Центральном государственном архиве города Москвы (ЦГАМ). Фонды, которые используются в этом докладе, следующие: Ф. 2311 (Жилищно-земельный отдел Сокольнического райсовета рабочих и красноармейских депутатов г. Москвы); Ф. 2320 (Подотдел коммунального хозяйства Замоскворецкого райсовета г. Москвы); Ф. 2348 (Жилищно-земельный отдел Рогожско-Симоновского райсовета г. Москвы); Ф. 2354 (Подотдел управления недвижимым имуществом Рогожско-Симоновского райсовета г. Москвы).

форм и актов, созданных муниципальными органами для стандартизации общих практик, связанных с управлением жилищным фондом. Вместе эти документы дают представление об административных трудностях, с которыми сталкивались райсоветы в период гражданской войны, а также об их методах управления.

После их создания, первая большая задача жилищно-земельных отделов этих райсоветов возникла в виде декрета от ВЦИК и СНК РСФСР из 20 августа 1918 «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах». Все здания, включая жилье, в любом городе с населением более 10 000 человек должны были быть муниципализированы. Домовладельцы должны были лишиться своего недвижимого имущества, а управление этими помещениями должно было определяться местными органами. Наиболее распространенным решением назывались жилищные комитеты.¹

Как следует из отчетов жилищно-земельного отдела Сокольнического райсовета, райсоветы играли существенную роль в превращении жилищных комитетов из революционной формы управления, использовавшейся несколькими домами в Петрограде в 1917 году (Юрий Ларин, говоря о рождении идеи жилищного комитета, утверждал, что они создались самотеком в домах в бывшей столице по воле своих жителей) в форму массового управления жильем. Первой реакцией среди многих жителей был скептицизм, и даже те, кто согласился работать в жилищных комитетах, делали это неохотно. «В настоящее время определенно выяснилось положение в районе в отношении владений, подходящих под декретом от 12 декабря 1917. До сих пор наблюдались резкие колебания в отношении домовых комитетов к возложенным на них декретом обязанностям по управлению владением. Наблюдалось некоторое недоверчивое отношение к самому факту социализации недвижимостей, неуверенность в нашей и своей силе. Приходилось в сношениях с представителями домовых комитетов быть весьма осторожным и чутким. В этот период работы домовых комитетов при малейшем затруднении, искали выхода в сложении ими своих полномочий и назначении администрации от жилищной комиссии», написано в рапорте. После этого начального периода, который продолжался около двух месяцев (в соответствии с докладом), они столкнулись с проблемой оппозиции: домкомы, воодушевленные их успехами, стали чрезмерно усердными. Так написано: «Не приходится уже более говорить об отказе домовых комитетов от своих обязанностей. Наоборот, все чаще и чаще, приходится сталкиваться с фактами желаний домовых комитетов взять в управление владение, не подходящее под декрет.» Отчет, однако, закончился на положительной ноте: «Домовые комитеты в курсе дела, представляют себе обязанности точно и определенно. Редко приходится слышать о невозможности справиться с работой по управлению, дело считается налаженным и протекает нормально. Противодействующие элементы тоже потеряли надежду на скорое избавление от возложенных на них обязательств, и насколько нам кажется, примирились «с временным положением вещей.» Жилищная комиссия с своей стороны следит и контролирует подобные домовые комитеты.»²

Несмотря на это повествование о прогрессе, на протяжении всего этого процесса работа служащих осложнялась тем фактом, что местные должностные лица часто имели лишь слабое представление о людях и собственности в их районах. Некоторые райсоветы ввели временные переписи, чтобы попытаться выявить местное население и его бытовые условия. Например, в начале 1918 года Сокольнический райсовет разослал жителям района анкету. На анкете они попросили предоставить информацию о здании (наличие кухни, водопровода или освещения, тип отопления), его управлении (домовладельцы или

¹ ЦГАМ, Ф. 2311, оп. 1, д. 1, л. 1-2

² ЦГАМ, Ф. 2311, оп. 1, д. 1, л. 1-2

жилищный комитет, а также вопросы об уровне арендной платы), интерьер квартир (размеры спален, количество людей проживающих в настоящее время), а также о районе в целом (какие магазины и школы находились в близости). Хотя они получили некоторые ответы, ни одна из анкет не была заполнена до конца.¹ Они также использовали опросы и поиски для составления списков доступных объектов недвижимости.² Мебель, которая всегда находилась в дефиците, была особенно востребована. Некоторые поиски были особенно агрессивные и детализировали содержание дома вплоть до столового серебра, например, обыск, проведенный в течение шести с половиной часов в Рогожско-Симоновском районе, имел результатом шестистраничный список всех вещей в доме.³ В то время как некоторые обыски проводились против воли жителей, другие были запрошены жителями. В одном из таких запросов от Рогожско-Симоновского райсовета в 1922 году житель, переехавший в квартиру, которая была оставлена его предыдущими жильцами, запросил инспекцию с целью получения финансовой помощи для завершения необходимого капитального ремонта.⁴

На протяжении всего этого процесса жители часто отталкивались от того, что они считали превышением власти со стороны райсоветов. Приказы о выселении вызывали особенно сильное недовольство. В одном случае 1919 года жители трех соседних домов на Калининской улице в Сокольническом районе провели собрание, чтобы обсудить приказ о выселении, выданный им райсоветом. Согласно заявлению жителей, в приказе о выселении указывалось, что, поскольку у них не было письменного договора, позволяющего им арендовать дома, и их устная аренда была недействительной, их здания должны были быть изъяты посредством административного выселения, для использования Департаментом транспорта городского правительства. Жители отказались подчиниться приказу, заявив: «Выселение же грозит расстроить налаженный механизм и заставит в силу необходимость произвести ликвидацию своего хозяйства и уехать в деревню, нанося тем непоправимый ущерб народному благополучию, что едва ли допустимо в настоящее трудовое время.» Жители трех домов избрали представителя для ведения переговоров с райсоветом и транспортным отделом.⁵ Это был далеко не единственный случай, так как другие жители и даже бывшие домовладельцы оспаривали решения и обеспечение соблюдения райсоветов и других местных советских учреждений. В частных переписках даже сотрудники райсоветов беспокоятся о собственной эффективности. «Картина мрачная и серьезная», писал один служащий Жилищно-земельного отдела в отчете работ в 1920 года начальнику Сокольнического райсовета, потому что многие жители отказываются платить арендную плату за домкомы, утверждая, что они не получали никакой помощи ни от домкомов, ни от райсоветов, «Сделать то или другое опять-таки из отсутствия денежных сумм в Центре».⁶

Если ситуация была тяжелой для домов с домкомом, то она была еще более опасной для домов, оставшихся без администрации; так называемые «дикими домами», они оставались чрезвычайно распространенными даже в Москве. В отчете за январь 1923 года Рогожско-Симоновский район отметил, что 1242 из 3443 (или 36%) жилых домов были бесхозными; цифры были бы значительно выше несколькими годами ранее.⁷ Для

¹ ЦГАМ, Ф. 2311, оп. 1, д. 1, л. 27-50

² ЦГАМ, Ф. 2348, оп. 1, д. 4, л. 104-104об

³ ЦГАМ, Ф. 2348, оп. 1, д. 4, л. 51-56об

⁴ ЦГАМ, Ф. 2354, оп. 1, д. 8, л. 21

⁵ ЦГАМ, Ф. 2311, оп. 1, д. 68, л. 10-11, цитата из л. 10

⁶ ЦГАМ, Ф. 2311, оп. 1, д. 75, л. 4

⁷ ЦГАМ, Ф. 2354, оп. 1, д. 5, л. 256

городской администрации, которая пыталась создать стандартизированную форму жилья, распространенность «диких домов» была серьезным препятствием.

Более того, бесхозьяйственные дома оставались во все более шатком положении, которого надеялись избежать служащие из Райсоветов. После дефицитных военных лет становилось все больше зданий, требовавших капитального ремонта, «дикие дома» без централизованного управления часто передавались учреждениям в качестве нежилых помещений. Этот процесс, называемый административным выселением, позволил определенным учреждениям захватить жилье (если оно не было рабочей коммуной) и использовать его в своих целях. В случаях «диких домов» жители полагались на помощь со стороны правительства. В одном из таких случаев в 1918 году школа запросила два этажа здания (Третья Мещанская ул., д. 3) и выселила жителей. Жители коллективно составили яростное заявление Сокольническому райсовету: «Выселение жильцов в огромном большинстве советских работников... зимой, при полном отсутствии перевозочных средств, не может и не должно зависеть от недостаточно продуманных шагов Администрации школ, именуемой Советскою, что обязывает ее руководителей сообразоваться не только со своими предположениями, специального характера, но и с общими интересами Советской Власти». Хотя судьба жителей не известна, примечательно, что они считают, что райсовет должен заступиться за них.

Признавая свои собственные ограниченные ресурсы, они искали другой способ управления жильем. Некоторые бесхозьяйственные дома попали под административный контроль комендантов, но эта система была неудобна своей близостью к частной собственности и управлению бывших домовладельцев. Райсоветы нашли лучшее решение в движении кооперативного жилья, которое возглавил Юрий Ларин. Цель кооперативного жилья состояла в том, чтобы предоставить жителям большую возможность управлять своим бытом в коллективной форме. Наиболее распространенной формой жилищного сотрудничества был процесс, называемый жилищно-арендное кооперативное товарищество (с этих пор, «ЖАКТ»), посредством которого жители формировали комитет, который затем подает заявку на многолетнюю аренду (обычно на шесть лет), предоставляемую райсоветом.

Поскольку было труднее выселить жителей ЖАКТ, форма жилья была особенно привлекательной для тех, кто не относился к рабочему классу (рабочие были защищены от многих форм выселения). Служащие особенно часто создавали ЖАКТы. Стабильность этого типа жилья понравилась райсоветам, которые высоко оценили возможность передать административный контроль над домом группе, которая была заинтересована в проведении необходимом ремонте, а также в создании более коллективной формы повседневной жизни. В результате, они активно одобряли создание новых домов ЖАКТа по всей Москве. «Постановление Моссовета назначение комендантов в бесхозьяйственные домовладения должно носить характер воздействия и принуждения жильцов к организации жилищного товарищества или взятого домовладения в аренду, хотя бы частным лицом и комендатура должна немедленно сниматься там, где уже имеется постановление жильцов об организации жилищного товарищества или подано заявление о взятии домовладения в аренду», — сказано в циркуляре управления недвижимым имуществом Рогожско-Симоновского райсовета в 1918 г.¹ Райсоветы предприняли другие шаги, чтобы увеличить число членов домов ЖАКТ; например, выступили от имени жителей, чьи петиции о членстве в домах ЖАКТ были отклонены по неправильным поводам.² К эпохе Новой экономической политики (НЭП) движение

¹ ЦГАМ, Ф. 2354, оп. 1, д. 2, л. 84

² ЦГАМ, Ф. 2354, оп. 1, д. 5, л. 14; Ф. 2354, оп. 1, д. 8, л. 8

жилищного кооператива стало массовым движением с тысячами домов ЖАКТ по всему Советскому Союзу и с собственным журналом «Жилищное товарищество» (издавался с конца 1922 г.), во многом благодаря этой поддержке московских райсоветов.

В разгар этого периода инноваций в сфере жилищного товарищества, еще одно крупное изменение произошло в виде нового декрета. В августе 1921 года, вскоре после начала НЭП, снова возникли вопросы домовладения и собственности недвижимых имуществ. В двух параллельных декретах, принятых в тот же день, СНК отменил многое из того, что было установлено в декрете 1918 года. «О предоставлении собственникам немуниципализированных строений права возмездного отчуждения недвижимого имущества» давал гражданам право на законных основаниях владеть одним зданием и сдавать в аренду помещение в нем, при условии, что домовладельцы также проживают в этом здании. Хотя действия домовладельцев были строго ограничены из-за того, что никто не мог сдать в аренду более одного здания, этот акт вновь открыл возможность советскому гражданину законно работать как домовладелец. Затем, в мае 1922 года, декрет ЦИК «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР» давал право покупать, продавать, владеть и сдавать в аренду частную собственность недвижимых имуществ (в том числе жилищный фонд) в городах с населением более 10,000.¹ Этот процесс назывался демунципализацию.

Так же, как они отвечали за управление процессом муниципализации, так и местные органы власти, такие как райсоветы и горсоветы, отвечали за муниципальную деятельность. Их административная роль была непростой: им нужно было создать форму частной собственности на недвижимость, которая была бы приемлемой в социалистическом контексте, и одновременно защищать жителей от потенциальных эксцессов, которые, как они утверждали, характеризовали жилищную политику до революции. Чтобы создать такую систему, райсоветы начали все больше полагаться на стандартизированные акты и формы. Эти акты обычно бывают двух типов. Цель первого акта состояла в том, чтобы провести проверку данных бывших домовладельцев, чтобы выяснить, подходят ли они еще раз стать домовладельцами при советской системе. В одной из таких актов из Рогожско-Симоновского райсовета потенциальным домовладельцам был задан вопрос об их социальном положении (с рождения, а также их текущем социальном положении), отношении к труду («стали жить из самостоятельным трудом»), службе в армии (включая они служили в Красной или Белой армии), были членами какой-либо политической партии и своей деятельностью в определенные исторические периоды («чем занимались» до 1905 года; с 1905 по март 1917 года; с марта 1917 года до Октябрьской революции).² Цель второго акта состояла в том, чтобы разграничить обязанности, которые домовладельцы были бы иметь перед своими арендаторами. В примере этого акта от того же самого райсовета, домовладельцы должны были согласиться исправить любой необходимый ремонт (мелкий и капитальный), согласиться сохранить арендную плату по согласованной цене, поддерживать и заплатить за любые существующие коммунальные услуги (в том числе канализация, водопровод, и отопление), и согласиться разрешить все резидентские жалобы в народном суде.³ Если оба из этих акты были признаны удовлетворительными

¹ *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР* (М, 1944), 706-707.

² ЦАГМ, Ф. 2354, оп. 1, д. 17, л. 12-15

³ ЦАГМ, Ф. 2354, оп. 1, д. 8, л. 189

райсоветом, то домовладельцы могли подписать многолетнюю аренду для управления имуществом, обычно на два или три года.¹

Как этот процесс демуниципализации произошел, период гражданской войны сменялся в период нэпа. В этот переходный момент важно отметить, что многое изменилось с первых лет гражданской войны. В то время как ранние годы были отмечены большой путаницей, к началу 1920-х годов московские райсоветы создали более всеобъемлющую систему, которая дала жителям большую возможность понять, каковы были их обстоятельства и как они могут измениться. Но даже несмотря на то, что механика управления изменилась, райсоветы еще сосредоточили внимание о опытах жителей. В отношении каждого акта, используемого в процессе демуниципализации, основное внимание уделяется тому, как жители будут затронуты переходом к частной собственности, и были предприняты конкретные шаги для обеспечения гарантий для жителей. Даже когда система изменилась, служащие из райсоветов все еще были сосредоточены на воздействии этих крупных сдвигов на жителей.

К концу периода гражданской войны стало ясно, что авторитет этих местных органов ослабевает. Административная структура райсоветов была ограниченной; согласно архивным документам, не один из жилищно-земельных отделов не расширился после 1923 года. Но в период гражданской войны, важно отметить, что задачи московских райсоветов были практически невыполнимой. Их цель состояла не только в том, чтобы управлять городом во время войны и дефицита, но и таким образом, чтобы создать модель социалистического урбанизма, которая стала бы авангардом для РСФСР. Это было сделано с жилым фондом, который остро нуждался в ремонте: в отчете Сокольнического райсовета в 1920 году было отмечено, что из общего числа 61,095 комнат, 14,566 нуждались в капитальном ремонте.²

Нетрудно обнаружить неэффективность системы. Достаточно обратиться к документам городского архива, чтобы найти заявления жителей или учреждений от их имени, в которых подробно изложены жалобы или серьезные недостатки. Эти проблемы могут быть настолько неразрешимыми, что даже другие советские республики иногда пишут от имени своих граждан. Например, следующий 6 декабря 1922 года поступила одна из таких жалоб: «Студенты горной академии, т.т. командированные Азербайджанским ЦИК в честь 5-летия Октябрьской революции, СУЛЕЙМАНОВ и АБДУЛАЕВ, находятся под открытым небом, не имея возможности ни существовать ни заниматься. Полномочное Правительство убедительно просит предоставить им комнату в срочном порядке, так как дальнейшее их пребывание без крова угрожает их здоровью.»³ Это всего лишь один из многих примеров, и, учитывая подобные проблемы, нетрудно понять, почему историки ставят вопрос об эффективности работы местных учреждений и их служащих.

Не отрицая важности проблем, приведенных выше, также важно отметить значимость работы райсоветов. Они боролись с серьезным дефицитом. Они были готовы создавать различные формы управления жильем – в том числе домкомы, жилищное товарищество и, в конечном итоге, урегулированную частную собственность - и часто делали это так, чтобы ориентироваться на опыт жителей. Эти формы жилья будут распространяться по всему Советскому Союзу в последующие десятилетия, и хотя эти

¹ ЦАГМ, Ф. 2354, оп. 1, д. 8, л. 185

² ЦАГМ, Ф. 2311, оп. 1, д. 75, л. 58-58об

³ ЦАГМ, Ф. 2320, оп. 1., д. 14, л. 73.

формы управления жильем не решают жилищный вопрос, они дают сотням тысяч жителей возможность управлять своей жизненной ситуацией. Наконец, им удалось создать организованную структуру, которая сделала процесс управления жильем гораздо более упорядоченным и простым для понимания. В целом, микро–истории в архивных документах московских райсоветов показывают, что для понимания плана создания новой советской повседневности абсолютно необходимо взглянуть на практику управления быта.

Казахские волостные управители Степного края в условиях социального эксперимента 1917-1920 гг.: практики адаптации и выживания

1. Введение

Деятельность волостных управителей сыграла определенную роль в организации управления казахским населением в период Гражданской войны. Окраинные районы Степного края оказались в районе военных действий, и казахам пришлось контактировать с 1917 по 1920 годы с несколькими политически антагонистическими силами. Волостные управители к началу 1917 г. представляли нижнюю ступень местного административного управления в Степном крае и были связующим звеном с внешним миром для казахов. В предшествующий период сложилась административная система, сочетавшая в себе официальные нормы российского права и неофициальные традиционные нормы казахского общества. Казахские волостные управители являлись, по сути, чиновниками на службе Российской империи, с одной стороны; с другой стороны – эту должность можно было занять через процедуру выборов, которые происходили каждые три года в волости, поэтому казахские волостные управители зависели и от поддержки подведомственных родовых групп. Как правило, на должность претендовали наиболее влиятельные и богатые представители крупных казахских родов, которые стремились, пользуясь определенной бесконтрольностью в степном пространстве, управлять волостью в своих интересах [1, С.58]. Такая ситуация устраивала как самих волостных управителей и так и местную администрацию в лице Степного генерал-губернатора и областных губернаторов.

Целью нашей работы является проследить практики адаптации казахских волостных управителей, как руководителей крупных национальных социальных групп (родов) к условиям неоднократной смены политической власти.

2. История

В советский период в силу сложившегося идеологического диктата основное внимание исследователей было направлено на изучение деятельности большевистской партии в крае, формирование советских органов и частей Красной армии [2]. Отношение казахского общества к событиям Гражданской войны, практически не нашло отражения в исторической литературе. По мнению исследователя Г.Т. Каженовой: «Вопрос об участии казахов в гражданской войне в советской историографии затрагивался лишь в связи с критикой «буржуазных националистов», которые отрицали участие казахских трудящихся в борьбе за победу Советской власти в Казахстане и не принимали активного участия в гражданской войне 1918-1920 гг. В этом плане усилия историков сводились к тому, чтобы развенчать этот миф. На основе отдельных фактов пытались показать, что «за Советскую власть, за освобождение Казахстана от белогвардейцев, иностранных интервентов и их наемных палачей – алашординцев в рядах Красной армии стойко сражались тысячи сынов казахского народа» [3, С.290].

После обретения независимости в 1991 году, казахстанская историческая наука при исследовании событий Гражданской войны сфокусировала свое внимание на проблемах, которые не имела возможности затронуть в советский период: деятельность казахского либерально-демократического движения «Алаш» за создание национальной автономии, их взаимодействие с органами Советской власти, с белогвардейцами с представителями

мусульманского мира [4]. Лишь в последнее время появились отдельные работы посвященные развитию земства в Степном крае [5], антибольшевистским выступлениям в Северном Казахстане [6], применению насилия в отношении мирного населения в период военных действий [7].

Попытки найти новые подходы в изучении человека и общества в переходную эпоху показали актуальность обращения к проблеме изучения событий Гражданской войны в Степном крае, со стороны казахского общества, в том числе и через исследование деятельности волостных управителей, которые являлись региональными родовыми лидерами местного населения.

3. Материалы

Для достижения поставленных целей нами были исследованы материалы периодической печати 1917-1920 годов, изучены архивные документы Центрального Государственного архива Республики Казахстан, Государственного архива Акмолинской области и опубликованные сборники документов по истории Гражданской войны. Мы постарались охватить источники, созданные представителями всех сторон, вступивших в борьбу за власть на данной территории, к сожалению их очень мало и сведения в них носят отрывочный характер. Условно мы разделили изученные документы на четыре группы:

1. Документы местных государственных органов Советской власти (ревкомы и Советы рабочих солдатских и крестьянских депутатов).
2. Документы земских учреждений Акмолинской области (в основном областных и уездных).
3. Документы органов власти белогвардейского движения.
4. Документы казахского национального движения Алаш.

Анализ источников показал:

Во-первых, большая часть сохранившихся документов отражает события на окраинах Степного края граничащих с Оренбургом и Сибирью, документы по внутренним волостям Акмолинской области практически отсутствуют. По этому региону имеются лишь отрывочные сведения, которые, не позволяют в полной мере найти и раскрыть новые подходы в изучении казахского общества в период Гражданской войны.

Во-вторых, в исследованной официальной документации не отражены социальные аспекты взаимоотношений между казахским населением аулов и представителями красных, белых и алашевцев, что существенно затрудняет наше исследование.

Чтобы выяснить реальное отношение казахов к происходящим в тот период событиям, мы дополнительно использовали возможности литературных произведений о Гражданской войне, исходя из полидисциплинарной методологии осмысления литературных источников. «Произведения художественной литературы содержат интересный, а иногда, возможно, и неожиданный материал для историка. Этот материал позволяет посмотреть на избранную научную проблему совсем с другой стороны, чем это допускают традиционные акты или нарративные источники» [8, С.12].

В качестве исторических источников нами взяты произведения казахских писателей начала XX века Беимбета Майлина [9], Жусупбека Аймаутова [10,11], которые писали о событиях и процессах, современниками которых они являлись либо произведения были написаны «по горячим следам». В какой-то степени это сближает рассматриваемые источники с мемуарами. Мы опирались на точку зрения исследователя Е.В. Пономаревой и постарались использовать сюжеты, получившие отражение в официальных документах: «Литература 1920-х годов полной мере может интерпретироваться как исторический источник для понимания характера событий, наступивших после революции. Малая проза

выступила экспериментальной площадкой, позволившей точно и ярко воплотить концепцию человека и истории в момент социального напряжения» [12, С.45].

4. Результаты

Если говорить об историческом периоде с 1917 по 1920 гг. ситуация в Степном крае рассматривалась обычно с позиций борьбы за власть, то есть с политического ракурса. Большинство исследователей, направляли свое внимание на события, которые происходили в городах, события в сельской местности обычно затрагивались косвенно. Вместе с тем, помимо политических партий и их лидеров реальными участниками этих событий были казахские шаруа, в основной своей массе далекие от политической борьбы и проживающие в аулах. В начале XX века, согласно Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., численность населения края (Степной край и Туркестан) составляла примерно 4 млн. 333 тыс. человек, подавляющее большинство которого были жителями сельской местности — 3882350 чел., или 93,6 %[13]. Необходимо уточнить что, что жителями сельской местности были не только казахи, а также переселенцы-крестьяне, казачество, и в Туркестанском крае дехане – мусульмане. Если говорить конкретно о казахском населении, то, по мнению современных исследователей практически 99 % населения проживали в сельской местности и занимались кочевым и полукочевым скотоводством. Контроль над этим населением осуществляли волостные управители и аульные старшины.

После Февраля 1917 года в Степном крае начался процесс замены местного административного аппарата «старой» России выборными органами местного самоуправления. Если в центральных регионах практика работы земств уже существовала и были образованы волостные, уездные и областные комитеты, которые должны были стать временными органами до образования земских управ, то в Степном крае земств до 1917 г. не существовало. Лишь 17 июня 1917 года было принято Постановление Временного правительства «О введении земских учреждений в областях Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской и Уральской» Должности местного управления бывшей царской администрации, в том числе волостных управителей и аульных старшин упразднялись[14].

Формально, казахские волостные управители лишались властных полномочий и их должности ликвидировались, однако из-за отсутствия в Степном крае практики управления через систему земств процесс фактической передачи власти и устранение представителей старой администрации в казахских волостях затянулся на несколько лет.

Власть казахских волостных управителей в подведомственных территориях в предшествующий период существования Российской империи держалась не столько благодаря поддержке извне со стороны уездного и областного начальства, сколько из-за опоры на внутреннюю родовую поддержку. Поэтому смена власти наверху не могла сразу за короткий промежуток времени убрать влияние этой прослойки в ауле и волости. Формально наименование руководящих органов власти менялось, но, по сути, управляли в ауле и волости все те же лица. Одним из свидетельств этого служит заметка «Киргизы и равноправие» в Петропавловской газете «Степная речь» от 30 сентября 1917 года: «Когда предстоит выбор какого-либо должностного лица, когда существует интерес к предстоящим выборам того или иного кандидата, то главари партии бьют в набат и разжигают партийные страсти щедро награждаемые богачами сторонниками. Так было 8-9-10 сентября при реорганизации киргизского исполнительного комитета. Киргизы особенно бедная часть, по воле 3-х 4-х врагов общественности стали жертвами подкупов, обмана и распались на две враждебные партии. Во главе одной партии стояли престарелый (75 лет) Тарсан Жлемиков (Торсан Тлемисов), сыгравший изрядную роль в

доброе старое время, при «царстве» в Степных областях генерал-губернаторов Сухотиных, Надаровых, Шмидтов...»[15]. Упомянутый в заметке, Торсан Тлемисов длительное время с 1893 по 1908 гг. занимал должность волостного управителя Пресногорьковской волости Омского уезда и как видим, после революции не потерял своего влияния.

Такую же картину мы наблюдаем в Атбасарском уезде: «Так, в 11 отдаленных Баганалинских волостях Атбасарского уезда председателем комитета этих волостей был Касен Каскымбаев, бывший волостной управитель, которого называли эмиром или ханом» [5,С.16].

Ситуация особо не меняется в процессе выборов гласных в уездные земства. Например, в списке гласных избранных в Акмолинское уездное земство в 1919 г. от киргизских (казахских) волостей (31 человек), мы встречаем бывших волостных управителей или их близких родственников[16].

Таблица

	Имена, Отчества и Фамилии гласных	От какого округа	Какую должность занимал до февраля 1917 года
1	Нурмухамед Рахимджан Джаикпаев	Акмолинской волости	Волостной управитель
2	Темербулат Елезов	Карабулакской волости	Брат волостного управителя
3	Хусаин Ерденбаев	Ортавской волости	Бывший Народный судья, сын волостного управителя
4	Хасен Габдулкаримович Чакаев	Сартерекской волости	Брат волостного управителя
5	Султан Махамед Аблаевич Худаймендин	Бугулинской волости	Волостной управитель
6	Толыбай Барлыбаевич Нуралин	Коржункульской волости	Родственник волостного управителя
7	Тажмухамед Джакенев	Нельдинской волости	Сын волостного управителя
8	Мухамеджан Искаков	Еркесайской волости	Волостной управитель

В таблице указаны лишь те, кого удалось выявить, трудность заключается в том, что у казахов не было фамилий, в том понимании как мы привыкли видеть в российской традиции именовании. До революции 1917 г. формула именовании у казахов в официальных документах состояла, как правило, из двух компонентов – имени и отчества.

Отмечаем, что бывшие волостные управители предпринимали попытки войти в состав советских органов власти. Исследователь А.В.Сушко приводит в своей статье отрывок из заседания Акмолинского Политбюро, на котором отмечается, что ситуация коренным образом в ауле не изменилась: «В киргизские волостные и аульные советы в большинстве прошли зажиточные киргизы (баи), которые берут взятки у своих подчиненных, при каком-либо обвинении происходят всякого рода самочинные реквизиции всякого рода имущества в свою пользу. Нередко наблюдаются злоупотребления властью. Всякое распоряжение Советской власти в жизнь проводится слабо» [17].

В секретном докладе представитель ГПУ, давая характеристику «казахским нацгруппировкам», также указывает: «В моменты перевыборов Советов наиболее влиятельные роды путем подкупа слабейших обеспечивают себе желаемые выборные посты в соворганах и, попадая на таковые, всегда стараются проводить свою

национальную политику, от которой киргиз-бедняк ничего не получает, а киргиз-бай пользуется всеми благами» [18, С.502]. Хотя речь в документе уже идет о периоде после 1922 года.

Ж. Аймауытов в романе «Акбилек», показывает, как бывшим волостным управителям удастся остаться в советских властных структурах, через восприятие нескольких героев: простого аульного шаруа Бекболата и члена губернского ревкома Акбалы. По мнению шаруа Бекболата, простой человек не может тягаться в борьбе за должность с влиятельным волостным управителем, даже и бывшим: «Нашелся ворон на орла! Кто Абен, а кто он? Тот – лев, а этот – мышь. Баю Абену семь волостей смиренно в рот заглядывали. Не Абен разве ездил в Петербург и в гостях у самого царя побывал? Да как вздумал он биться с таким, с какого такого блеска своего, с какой такой силушкой? Несерьезный, видать, парнишка... вот и все, что пришло на ум» [11,С.76].

Мнение Акбалы, члена губернского ревкома перекликается с официальным докладом представителя ГПУ: «Мы должны посмотреть на богачей и бедняков с этой точки зрения. Абен не один, Абенов много. Нам надо бороться с ними, возможно, это будет долгая борьба. Они тоже обладают возможностями, сил у них много. Умеют найти лазейки. У них агенты и в уезде, и по всей губернии, откуда нам знать, кто с кем связан пуповиной? Прежде всего, мы должны очистить свои ряды от тех граждан, которыми руководят родовые связи, тут враждебное влияние. Если сами не будем чисты, ни с чем не справимся...» [11,С.110].

Во всех официальных документах ревкомов и Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов открыто пропагандировалось отрицательное отношение к волостным управителям, где их именуют «баями-эксплуататорами». Поэтому если самим влиятельным и состоятельным казахам не удавалось занять желаемые должности, в силу такого отношения, то они применяли тактику продвижения своих бедных сородичей, на которых имели влияние. Именно такой случай описан в рассказе Беймбета Майлина «Разговор в пути». Главный герой Токан рассказывает попутчику о бывшем волостном управителе: «В прошлом году, перед выборами, вызвал меня. «У всех нас, — сказал он, — один предок. Если мы будем дружны и едины, никакой враг так просто нас не одолеет. Вот опять пришли выборы. Захочу стать аулнаем, никто меня по рукам не шлепнет. Но для новой власти мы не особенно приятны. Сейчас стараются облагодетельствовать бедняков. Ну, что ж... Ты ведь из них. Лучше выберем тебя, чем какого-либо чужака. С тобой и поговорить и посоветоваться проще. Я поддержу тебя: будь аулнаем». Возражать почтенному человеку было не принято, и я ни слова не сказал ему поперек. Теперь он умер. Среди родичей нет такого, кому бы можно было доверить управление народом. А что толку от чина аульная, если опереться не на кого? В самом деле, тщетны мои потуги...» [9,С.69]. Ситуация описанная в рассказе – это практики управления, которые применялись в казахской степи в условиях острой предвыборной партийной борьбы за административные должности еще до революции.

Мы видим, что волостные управители всеми возможными методами пытались остаться в местных органах управления, даже несмотря на отрицательное отношение к ним Советской власти.

В сложившейся политически нестабильной ситуации волостным управителям как руководителям возглавлявшим, по сути, местные исполнительные органы приходилось контактировать с представителями красных, белых и алашевцев. Все эти политические группировки в период Гражданской войны через свои органы власти пытались получить от казахского населения провиант, фураж, транспорт (лошадей и подводы) и конечно людей.

В областной газете «Вестник Акмолинской области» было опубликовано постановление Совета Министров правительства Колчака от 21 февраля 1919 г. о принудительной поставке лошадей населением всех губерний и областей не занятых большевиками, в том числе и Акмолинской области для пополнения лошадьми вновь формируемых и развертываемых воинских частей. [19]. В нем были указаны цены, по которым они предлагали изымать лошадей, и это в первую очередь касалось казахов, так как разведением лошадей занимались в основном они.

В белогвардейской газете «За родину» от 14 октября 1919 г., в заметке «Национальная жизнь» говорится о добровольном пожертвовании со стороны казахов: «Представители киргизского населения единогласно постановили внести всем киргизам в кратчайший срок все земские и казенные сборы по 1 июля с. г. Мобилизованным казакам киргизы постановили пожертвовать 300 лошадей, для формирующихся отрядов милиции 80 лошадей. В означенный земской управой срок киргизы Кокчетавского уезда внесли в казначейство 700 000 рублей недоимок и доставили в Кокчетав обещанные 380 лошадей. В благодарность сибирским казакам за их решение защищать край и родину от советских банд, киргизы пожертвовали 14000 рублей на подарки казакам борющимся на фронте» [20].

В романе Ж. Аймауытова «Акбилек» при описании деятельности казахского влиятельного бая встречается подробное описание о добровольной поставке им за деньги лошадей в армию Колчака: «К тому же в 1919 году, находясь в Семипалатинске, нашел ход и к казне Колчака и обещал поставить армии 300 лошадей. Вернувшись домой, выслал 70 коней. Привез мануфактуры на 70 тысяч, на 30 тысяч чай и фабричной выделки кожу, кроме того, денег сто десять тысяч рублей. А взамен недопоставленных 230 лошадей перечислил в казну Колчака 500 рублей. Но и после этого под предлогом сбора лошадей отправлял в свои табуны лучших чужих коней. Несмотря на присылаемые официально ему телеграммы, лошадей не отправлял, таким образом, Матай-улы и этих лошадей присвоили...» [11,С85]. В этом отрывке отметим интересный момент, что волостной управитель, использовал сдачу лошадей для белогвардейцев для собственной наживы, в своих корыстных целях.

С другой стороны Советская власть через подкомитеты также требовала с казахского населения сдачу продрозвёрстки для снабжения красной Армии.

Если «белые» и «красные» не могли получить необходимое для снабжения армии добровольными путями, они прибегали к принудительным мерам.

Исследователь Г.С. Абдрахманова описывает ситуацию в Восточном Казахстане: «У населения кроме подвод, как уже сказано выше, производился сбор кибиток. ... Неисполнение требований управителей и старшин вызвало со стороны коменданта посылку солдат для оказания содействия, солдаты принудительно изымали из аулов подводы и прочее. Все эти действия администрации приводили к тому, что население волостей Восточного Казахстана при виде солдат убегали вместе со скотом, подальше от военных дорог [7].

Исследователь Г.Т. Каженова приводит аналогичный пример пассивного сопротивления казахского населения продроботникам в Акмолинской области. Начальник одной из заготовительных экспедиций в Атбасарский уезд в своей телеграмме заместителю начальника Омского губпродкома Бродскому требовал: «Срочно выслать продотряд в Атбасар из 500 красноармейцев для постановки на границе с Тургаем заградотряды. В противном случае уйдут за реку Чу на 900 верст из Атбасара, не выполнив причитающейся с них скотской повинности» [21,С.135].

Откочевки казахских родов вглубь степи подальше от военных действий мы можем отнести к практикам приспособления к проводимой сверху политике, как тактика

несогласия с решениями властей. Казахи подчинялись той власти, которая на данный момент имела власть на их территории, в меру возможностей они платили подати и возложенные на них военные налоги, но, если ситуация усугублялась, они прибегали к тактике откочевки вглубь степи.

Если говорить об открытом насилии и грабежах со стороны военных по отношению к казахам, то в официальных документах и периодической печати органов Советской власти упоминается о насилии и грабеже казахов белогвардейцами, и наоборот в местных газетах «белых» мы находим такие разделы как «Зверства большевиков» [22].

Само военное командование Красной армии признавало грабежи казахского населения со стороны своих солдат. В телеграмме М. Фрунзе в частности писал: «Между тем в Реввоенсовет поступают жалобы на то, что отдельные красноармейцы и группы их из состава проходящих через киргизские области частей продолжают делать злое дело предательства интересов революции из целого ряда докладов с мест видно, что у киргизского населения забирается скот, подводы, производятся грабежи и совершаются даже убийства» [23].

Сюжеты о грабежах населения аулов со стороны военных присутствуют в произведениях как Б. Майлина, Ж. Аймаутова и С. Сейфуллина. Конечно, от них страдали все слои населения и зажиточные слои в первую очередь. По мнению исследователя Е.В. Пономаревой: «Характер исторического времени обусловил то обстоятельство, что именно экспрессионистская модель мира в 20-е годы XX века расценивалась художниками в качестве более предпочтительной в осмыслении исторических событий, эпохи в целом: она заключала в своей основе те механизмы, которые были призваны адекватно выразить специфическое содержание времени и вместе с тем — сложную гамму чувств, ощущений, привнесённых исторической эпохой в жизнь человека, общей доминантой которых являлось чувство тотальной разобщённости, одиночества, безумия и страха» [12, С.45].

Именно такую гамму чувств и эмоций мы наблюдаем в произведении Ж. Аймауытова, когда герой романа «Карткожа» становится свидетелем страшной картины нападения на казахский аул: «Добрались, а там уже полным-полно белогвардейцев. Мат, вопли, стоны. Кого-то сгоняют в кучу, кто-то несется сломя голову... Кони, арба, железный кол, ствол винтовки — затылок, тихий вой... что скулишь, сука?! В кучу свалены ковры и войлок, в руках одеяла, покрывала. Серьги, серебряные подвески, русская речь, смех...

Там, у дальней юрты, раздался выстрел: Тарс! Карткожа едва стоит на ногах, все плывет перед глазами... хомут, дуга, “Глянь в сарае!”, под навесом для сена трое солдат, между ними молодая женщина... по очереди насилуют ее... жуть!... Карткожу принудили стать возчиком. [10, С.188-189].

В архивных документах, нами не обнаружены материалы об ответных нападениях на военных со стороны казахов, но такие сюжеты мы встречаем в литературных произведениях.

5. Заключение

Политические события периода 1917-1920 гг. для большинства казахского населения не имели классового и партийного окраса. Для них представления складывались так, что там кто наверху борется за власть, а какая политическая партия придет к власти социал-революционеры или социал-демократы для них особого значения не имело. В этих нестабильных условиях казахов волновали проблемы сохранения своего скота, для них важно было обеспечить процесс кочевания в этих военных условиях, так как от этого напрямую зависело их жизнеобеспечение. Еще до революции существовала тенденция борьбы за пастбища, а в условиях военного

времени она обострилась. Пока «белые» и «красные» воевали между собой, они решали свои насущные вопросы, волостные управители пытались самостоятельно решить вопрос о распределении кочевых пастбищ между казахскими родами, для этого они предпринимают попытки войти в состав создаваемых органов власти, в том числе и советских. Они вносили требуемые с них подати и налоги, но если размеры требуемых взносов становились непомерным и угрожали их жизнеобеспечению они прибегали к традиционной тактике откочевке от источника угрозы.

То огромное количество политических событий, которые произошли в стране за столь короткий промежуток времени, требовал определенного осмысления со стороны казахского народа, которому элементарно не хватало информации, о происходящих событиях.

Причины такого положения кроются в следующем:

Во-первых, это огромная территория Степного края и отсутствие в крае нормальных коммуникаций между сельской местностью и городами. В дореволюционное время, при существовании ямской гоньбы для передачи корреспонденции из области и уезда в волости в Степном крае требовалось не менее двух недель, естественно в условиях военного времени и разрушения системы ямской гоньбы ситуация складывалась еще более удручающая.

Во-вторых, в силу незнания языка большинством казахского населения, русскоязычная периодическая печать центра была недоступна для них, практически единственным источником информации для казахов Степного края были национальная интеллигенция и местная политическая элита в лице бывших волостных управителей. В сложившейся ситуации волостные управители пытались сохранить свое влияние на подведомственные им роды и территории и управлять в условиях существовавшей политической нестабильности. Деятельность волостных управителей являлась своего рода стратегией выживания местного населения на вызовы проведения в жизнь чуждой идеологии и непонятных социальных практик. Их действия скорее саботировали идеи установления Советской власти, чем содействовали претворению их в жизнь. В определенной степени деятельность казахских волостных управителей и условия кочевого социума явились одними из факторов, которые не позволили большевикам полностью изменить и реформировать местную административную систему вплоть до середины 1920-х годов.

Список источников:

1. Далаева Т.Т. Казахские волостные управители: стратегии легитимации местной власти в 1917-1919 гг. //Вестник (Хабаршы) КазНПУ им. Абая, Серия «Исторические и социально-политические науки», № 4(59), 2018 С.56-62
2. Елеуов Т.Е. Казахстан в огне гражданской войны. - Алма-Ата: О-во по распространению полит. и науч. знаний Казах. ССР, 1958. - 40 с.; Елеуов Т.Е. Установление и упрочение Советской власти в - Алма-Ата: АН КазССР, 1961. - 526 с. - (в пер.); Елагин А. С. Социалистическое строительство в Казахстане в годы гражданской войны. (1918-1920 гг.) - Алма-Ата: Наука, 1966. - 308 с.; Покровский С. Н. Разгром иностранных военных интервентов и внутренней контрреволюции в Казахстане (1918-1920 гг.) - Алма-Ата: Наука, 1967. - 365 с.; Покровский С. Н. Ленин и победа Советской власти в Казахстане - Алма-Ата: Наука, 1970. - 151 с.
3. Каженова Г.Т. Концептуальные проблемы истории гражданской войны в советской историографии. //«Наследие Л.Н. Гумилева и современная Евразийская интеграция»: Труды IX Евразийского научного форума, посвященного

100-летию со дня рождения Льва Николаевича Гумилева / под ред. Е.Б. Сыдыкова. – Астана: Издательство ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2012. С. 290-294.

4. Нұрпейісов К. Алаш Һәм Алашорда – Алматы: Ататек, 1995.-256 б.; Койгелдиев М. Алаш қозғалысы : Екі томдық монография. Т. 1. - Өнд., толықт. 2-ші басылым. - Алматы: Мектеп, 2008. - 474 б.; Аманжолова Д.А. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана Алматы: Издательский дом «Таймас», 2009. - 412 с.

5. Каженова Г.Т. Организация органов земского самоуправления в Степном крае (1917-1919 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири 2018г. 25 (1) С.11-18

6. Каженова Г.Т. Антибольшевистское выступление 1921 г. в Северном Казахстане //Проблемы востоковедения. 2018 (2) С.19-24;

7. Абдрахманова Г.С. Применение насилия сибирскими правительствами против мирного населения в годы гражданской войны // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII-XX веках: Сборник материалов международной научной конференции. Новосибирск: Параллель, 2011. С.222-228.[Электронный ресурс]. - URL:<http://sibistorik.narod.ru/project/conf2010/040-abdrahmanova.htm>

8. Болербух, А. Г. Художественная литература в историческом аспекте / А. Г. Болербух // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 2 / Рэдкал.: С. М. Ходзін (адказ. рэд.) і інш. – Мн.: БДУ, 2005. – С. 8–17

9. Майлин Б. Рыжая полосатая шуба: Повести и рассказы / Пер. с каз. Г. Бельгера и Ю. Домбровского. – Алма-Ата: Жазушы,1984. – 400 с.

10. Аймауытов Ж. Карткожа: Роман / Пер. с каз. Ш. Кусаинова - Алматы: Intelli Group, 2008.- 238 с.

11. Аймауытов Ж. Акбилек: Роман / Перевод с каз. Ш. Кусаинова - Алматы: Паритет 2007. – 232 с.

12. Пономарева Е. В. Малая проза 1920-х годов как исторический источник для понимания событий постреволюционной эпохи // Вестник Южно-Уральского государственного университета № 10 (269). Серия «Социально-гуманитарные науки». — Вып. 18. — Челябинск, 2012 – С. 45-50.

13. Население Казахстана в 1917-1939 гг. [Электронный ресурс]. - URL:<https://e-history.kz/ru/contents/view/1269>

14. Сборник законоположений о земстве в Сибири: с приложением статей и узаконений, на которые делаются ссылки в положениях о сибирском земстве — Томск : Издание Томской губернской земской управы, 1919 (Губернская типография). — VII, 201 с. [Электронный ресурс]. - URL:<http://elib.tomsk.ru/purl/1-7528/>

15. Степная речь.- Петропавловск, 1917, 30 сентября, № 222

16. Вестник Акмолинской области, - Омск, 1919 г.,4 июня, № 24

17. Сушко А. В. Деятельность казахской элиты по преодолению межродовых противоречий в процессе строительства Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках: Сб. мат. междунар. науч. конф. – Новосибирск: Параллель, 2011. С.229-233.[Электронный ресурс]. - URL:<http://sibistorik.narod.ru/project/conf2010/041-suchko.htm>

18. Россия и Центральная Азия. Конец XIX – начало XX вв.: Сб. док. и материалов / ответств. Ред. Д.А. Аманжолова, при участии Т.Т. Далаевой, Г.С. Султангалиевой. М.: Новый хронограф, 2017 – 592 с.
19. Вестник Акмолинской области. – Омск,1919, 22 марта, № 12
20. За Родину.- Семипалатинск,1919, 14 октября.
21. Каженова Г.Т. Осуществление продовольственной разверстки в северном Казахстане // Гуманитарные науки в Сибири. 2016 23(3) С.132-136;
22. Сибирская речь. – Омск,1918 г, 4 августа, 14 декабря
23. ЦГА РК, Ф.14.Оп.3,Д.10,Л.15

II. «Жизнь в катастрофе»: повседневность и стратегии выживания

Вера Каплан

«Мы надолго расстались с Петроградом и предпочитаем жить там, где над Кремлем не развивается красного флага»¹

Фраза, использованная в качестве заголовка, принадлежит Сергею Дмитриевичу Шереметеву, представителю одной из самых знатных семей России и историком-любителем, основавшему в свое время несколько влиятельных исторических обществ. Объясняя таким образом свой отъезд сначала из Петрограда в Москву, а затем из Москвы в одно из своих имений, Шереметев емко сформулировал основу одной из стратегий выживания, характерных для периода гражданской войны. Многие представители городского образованного класса, разочарованные развитием революционных событий, пытались отдалиться от центров политической борьбы, «переждать» политические катаклизмы, уехав из города в деревню. Когда и при каких обстоятельствах принималось решение об отъезде и какой видели меняющуюся деревню образованные горожане? Какие культурные и социальные механизмы обеспечивали или подвергали опасности их «выживание» в период, когда основы старого строя были разрушены, а институты нового режима еще только формировались? В представленном докладе делается попытка ответить на эти вопросы на основании анализа дневников, писем и воспоминаний историков Ю.В. Готье, Н.Д. Чечулина, Г.В. Вернадского и С.Г. Пушкарева.

Деревня как убежище

Сам факт отъезда в деревню не являлся ни радикальным, ни демонстративным шагом: летний переезд в имение или на дачу был типичен для годичного графика состоятельного горожанина – по-видимому, так выехал в 1917 в семейное имение Новое Загранье, находившееся в Весьегонском уезде Тверской губернии, московский историк, университетский профессор Юрий Готье. Именно здесь он начинает вести дневник, первая запись которого, сделанная в середине июля 1917, начинается фразой «Finis Russiac». Готье объясняет свое решение вести дневниковые записи ощущением приближающейся гибели России и осознанием обязанности «записывать свои впечатления и создать этим очень несовершенный, очень субъективный, но все же исторический источник, который, может быть, кому-нибудь пригодится в будущем».² Второй, и последний раз, Готье возвращается с Новое Загранье через год, в мае 1918, и подробно описывает в своем дневнике то, что происходило в окрестных имениях и деревнях в течение лета 1918. Одновременно он разбирает усадебный архив и начинает писать две работы, которые намеревается закончить до возвращения в Москву: «Загранскую хронику», основанную на найденном архиве, и «будущую французскую книгу». «На первое, - пишет он в своем дневнике 4 (7) июля 1918, - смотрю как на последнюю дань уголку, который был мне мил; на второе, как на тяжелый долг и, быть может, средство сколотить деньгу».³ 13 (26 августа) 1918 Готье уезжает из Загранья,

¹ Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом), ф. 463, оп. 1, д. 44, л. 16.

² Ю.В. Готье, Мои заметки//Вопросы истории, 1991, № 6, с. 155.

³ Ю.В. Готье, Мои заметки//Вопросы истории, 1991, № 11, с. 167.

которое, как следует из его записей, «ликвидировалось» (по крайней мере для его бывших хозяев) к концу октября 1918.¹

В отличие от Готье, петроградский историк Николай Чечулин решил в мае 1917 г. уехать в родовое имение Борисоглебское, расположенное в Череповецком уезде Новгородской губернии не на лето, а навсегда, после того, как ему пришлось покинуть пост попечителя Виленского учебного округа. «Сейчас утром получил телеграмму: 'При существующих обстоятельствах нахожу дальнейшее пребывание ваше в должности попечителя неудобным. Прошу прислать прошение об отставке. Министр народного просвещения Мануйлов.' Прочел совершенно спокойно и через минуту перекрестился. Слава богу!» - записал Чечулин в своем дневнике 25 апреля 1917.² Причину странного облегчения, испытанного им при известии о грядущей отставке, Чечулин объяснил в письме к своему многолетнему покровителю и другу, графу С.Д. Шереметеву, подчеркнув, что и сам думал об этом с первых дней марта, поскольку осознавал невозможность «идти в ногу и по одному направлению с новым министерством», и потому «с радостью поспешил это исполнить». В деревне он собирался работать над книгой *Русская провинция во второй половине XVIII в.:* «с этой темой я не расстаюсь – легко сказать! - уже более 30-ти лет; материалы собраны, половина уже написана, теперь надо докончить...», - писал он в том же письме.³ Действительно, Чечулин прожил в Борисоглебском до 1927, где и скончался в звании члена-корреспондента Академии Наук СССР, прожив все эти годы в уже бывшем семейном имении.

Примерно в те же летние месяцы 1917 магистрант историко-филологического факультета Петроградского университета Георгий Вернадский также оказался связан с деревней, но при иных обстоятельствах. Как следует из его воспоминаний, написанных почти 50 лет спустя, он и студент Политехнического института Дмитрий Новицкий были посланы агитационным бюро партии Народной Свободы «в какую-то большую деревню петроградского уезда», где «некоторые местные люди» интересовались программой кадетов и просили разъяснений. На собрание пришло много народу, в том числе и сочувствовавшие революционным партиям. «Сначала, - вспоминал Вернадский, – нас с Новицким чуть не избили, но потом дали говорить, и по крайней мере часть собрания осталась довольна нашими разъяснениями.»⁴ Кроме того, в мае-июле 1917 Вернадский был редактором газеты «Сельский вестник», издававшейся еженедельно при «Правительственном Вестнике», с целью «ознакомления крестьянства с задачами правительственной политики».⁵ Его черед искать в деревне убежища наступил в мае 1918, уже в бытность преподавателем Пермского университета, после предупреждения, что его собирается арестовать ЧК. Георгий с женой решили уехать в глухую деревню Пермского уезда и там «укрыться на некоторое время». Для этой цели они выбрали («по чьему-то совету») деревушку Быковку, где и прожили до конца июля 1918, пока в Перми не сменился начальник ЧК.⁶

¹ Ю.В. Готье, Мои заметки//Вопросы истории, 1991, № 12, с. 151, запись от 23 октября (5 ноября) 1917 г.

² ОР РНБ, ф. 838, оп. 1, д.8, л. 57 об.

³ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 1898, л. 66-67.

⁴ BAR, George Vernadskii Papers, box 97, Г. В. Вернадский, «Хронологическая канва моей жизни, 1887-1917: Моя политическая деятельность летом 1917,» 82. Как следует из бумаг Г.В. Вернадского и его писем сестре, Нине Толль, он интенсивно работал над своими воспоминаниями в 1969 и 1970; можно предположить, что он начал их писать в предыдущие годы - См. Г.В. Вернадский – Н.В. Толль, 15 мая и 20 июня 1970, BAR, George Vernadskii Papers, box 97.

⁵ BAR, George Vernadskii Papers, box 97, Г. В. Вернадский, Автобиографические заметки, 4; Хронологическая канва моей жизни, 1887-1917: Моя политическая деятельность летом 1917, 84-88.

⁶ BAR, George Vernadskii Papers, box 97, Г. В. Вернадский, Воспоминания, ч. II, 1918-1920 гг., 10-13.

Ровесник Вернадского, Сергей Пушкарев, закончивший в мае 1917 курс историко-филологического факультета Харьковского университета, приехал в родительское имение Прохоровка Белгородского уезда Курской губернии в июне 1917, но уже в июле, под впечатлением провала «наступления Керенского» вернулся в Харьков, чтобы добровольно записаться в армию. Свою службу в армии Временного правительства Пушкарев закончил юнкером Виленского военного училища, находившегося в то время в Полтаве и распущенного по решению училищного комитета в декабре 1917. Сняв погоны, Пушкарев вернулся в имение с намерением посвятить зимние и весенние месяцы подготовке к магистерскому экзамену по истории, назначенному на май 1918. В общей сложности, он провел в Прохоровке около трех месяцев, с конца декабря 1917 до 15 марта 1918.¹

Как дневники и письма Готье и Чечулина за 1917-1918 гг., так и воспоминания Вернадского и Пушкарева, написанные уже во второй половине 20-го века, свидетельствуют, что их авторы, ища в деревне убежища от вполне конкретных угроз и опасностей, имплицитно основывались в своих ожиданиях на тех представлениях о сельском мире, которые сформировались в пореформенной, дореволюционной России. Эти представления предполагали прежде всего относительную автономность и, как следствие – определенную стабильность деревенской жизни. Так, Борисоглебское описывается в письме Чечулина лета 1917 как оазис покоя, противостоящий «сутолке диких страстей и умственной незрелости», царящим в столице, Заграница становится для Готье «необитаемым островом» как только перестает приходить почта, а деревня Быковка «теряется в лесах», несмотря на то, что расположена всего лишь в нескольких верстах от железной дороги.² Плохо работающие железные дороги, переполненные вагоны, а летом 1918 – и новые границы, еще более «отдаляли» деревню от городских центров. «Дорога в Заграница заняла 28 часов», – записал Готье 11 (24) июня 1918; детальное описание его железнодорожного опыта 1918 заслуживает специального рассмотрения.³ Пушкарев описал в своих воспоминаниях, как 15 марта он «скорым шагом» ушел из имения, и, «отмахав» за 5 часов почти безостановочного марша 25 верст до станции Кустарной и пройдя немецкий пограничный патруль, смог наконец сесть в «переполненный поезд, тащившийся мучительно медленно и с долгими остановками» до Харькова.⁴ Автономность превращалась в оторванность деревни от внешнего мира, которая переживалась как временная «внезаходимость»: «зимой 1918 года я оказался как бы дачником, жившим в полном одиночестве в 6-ти комнатах и на полном пансионе» – описывает свое состояние Пушкарев.⁵ Другим важным элементом представлений о сельской жизни являлся труд. Образ деревни и как места, где может начать или завершить работу над книгой историк, и как пространства коллективного труда землепашцев легко очерчивается даже тяжеловесным слогом Чечулина. «У нас на Шексне пока все слава богу, – пишет он Шереметеву 2 июля 1917, – все спокойно, люди работают. Время стоит прекрасное, и я благодарствую на свободе, работаю над книгой, которая бог весть увидит ли когда свет, но меня она давно занимает всецело».⁶ И, наконец, деревня

¹ С.Г. Пушкарев, Воспоминания историка, 1905-1945 (Москва: Посев, 1999), Судя по предисловия Пушкарева, он записал свои воспоминания в 1980, повторяя в них частично те наблюдения, которые записывал «по горячим следам» в дневниках, «сгоревших во время революции». <http://xxl3.ru/belie/pushkarev.htm>

² РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 1898, л. 66.; Вопросы истории, 1991, № 11, 168, ВАР, George Vernadskii Papers, box 97, Г. В. Вернадский, Воспоминания, ч. II, 1918-1920 гг., 10.

³ Вопросы истории, 1991, № 11, 162.

⁴ Пушкарев, Воспоминания историка, <http://xxl3.ru/belie/pushkarev.htm>.

⁵ Пушкарев, Воспоминания историка, <http://xxl3.ru/belie/pushkarev.htm>

⁶ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 1898, л. 61.

привычно воспринималась как мир крестьян, гражданскую сознательность которых еще предстояло пробудить, причем существенная роль в их воспитании отводилась в пореформенной России помещику – рачительному хозяину, земскому деятелю, мировому судье. Вернадский находит себя в Быковке в привычной ему функции просветителя крестьян, когда они с женой, прежде чем поселиться в снятой избе, морят в ней клопов на глазах у собравшихся вокруг деревенских жителей; через некоторое время, однако, он оказывается в роли не слишком удачливого ученика, когда «бабы» учат его держать серп во время жатвы.¹ В начале июля 1917 Готье назидательно записывает в своем дневнике: «Крестьяне, с которыми я говорил сегодня в Запрудье, и некоторые Почепские реагируют слабо: чтобы играть роль в мире, надо обладать большей сознательностью».² Тем не менее, уже через неделю он описывал обострение своих отношений с крестьянами «перед севом и сенокосом» как с равными - новая ситуация в деревне требовала изменения сложившихся представлений и основанного на них социального поведения.

«Мирное сосуществование» крестьян и помещиков и его пределы

Уже летом 1917 Готье отметил появление нового типа крестьянина, который он обнаружил в деятеле местного волостного комитета:

[23 июля 1917] Недели две назад, по поводу переписи, я ездил в волостной комитет и беседовал с председателем – Сушегорицким крестьянином Василием Семеновичем Красавцевым. Это неглупый, даже не без дипломатичности, полуинтеллигентный крестьянин, очевидно, с-р., в достаточной мере распропагандированный; говорят, где-то сидел при старом порядке. Впечатление от него скорее хорошее; однако, видно, как он упивается своим положением и авторитетом – в нем уже виден будущий чиновник республики.³

Вслед за крестьянином-чиновником в дневнике Готье появляется и новая сельская бюрократическая процедура: «сегодня утром, - пишет он 30 июля 1917 – мне прислали из волостного комитета рассылного с требованием вернуть списки, и с приглашением кому-то на какое-то заседание, которое, может быть, будет, а может быть, нет – вероятно, так везде практикуется!».⁴ Готье, для которого разговоры и обмен визитами с крестьянами составляют важную часть сельской жизни в 1917, и становятся еще более существенными в 1918, отмечает противоречивость крестьянского мировосприятия, для которого, с его точки зрения, характерна «поразительная смесь пытливости, своеобразного и сильного патриотизма, недоверия, революционного протеста и нелепости.»⁵ Уже в августе 1917 он фиксирует потенциальную опасность позиции крестьян, записывая слухи о том, что на выборах в волостное земство кто-то дал лозунг бойкота помещикам.⁶ Ту же тенденцию вытеснения помещиков Готье видит в действиях волостного комитета:

¹ BAR, George Vernadskii Papers, box 97, Г. В. Вернадский, Воспоминания, ч. II, 1918-1920 гг., 12

² Вопросы истории, 1991, № 6, с. 155.

³ Там же, 159. Встреча Готье с Красавцевым по-видимому, касалась выборов в волостное земское собрание. 21 мая 1917 г. Временное правительство приняло закон о земской реформе, по которому предполагалось избрать всесословные волостные земства в 43 губерниях Европейской России, в 456 уездах и 9305 волостях. Гласных в волостные земские собрания могли избирать граждане, проживавшие в волости и достигшие 20 лет. Выборы в волостные земства растянулись с июня 1917 г. по февраль 1918 г.; о результатах выборов см. В.И. Гинев, Выборы в волостное земство в 1917 г.: либеральные ожидания и неоднозначная реальность // Петербургский исторический журнал, № 1 (2018): 117- 138.

⁴ Вопросы истории, 1991, № 6, с. 161.

⁵ Там же, 161.

⁶ Вопросы истории, 1991, № 6, с. 162.

В избирательный комитет по указанию волостного комитета, т.е., вероятно, того же г-на Красавцева, избраны Иван Терентьев, Федор Павлов и Мариетта [Куторга, двоюродная сестра Готье, постоянно жившая в Загранице]. Первые два – мужики-кулаки, собственники, приобретатели – чтобы им не попасть в гласные волостного земства, где людям момента нужны противоположного характера типы; а Мариетта – чтоб сказать, что к общему делу были привлечены и «помещики», ведь Мариетта для нынешних хозяев абсолютно безвредна.¹

К осени 1917 претерпевает глубокие изменения иерархия взаимоотношений в деревне: важным, а после взятия власти большевиками и принятия Декрета о земле и решающим, становится уже отношение крестьян к помещику, а не помещика к крестьянам, а в самой крестьянской среде появляются новые лидеры, заинтересованные в перераспределении власти и влияния.

В соответствии с Декретом о земле, помещичья собственность на землю отменялась немедленно без всякого выкупа, а помещичьи имения переходили в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до учредительного собрания.² Декрет не предписывал, как именно должны при этом поступить с владельцами имений, но рекомендовал руководствоваться крестьянскими наказами, по которым «за пострадавшими от имущественного переворота» признавалось «право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям существования.»³ В результате на практике в первые месяцы советской власти местные волостные органы и крестьянские сходы принимали решения относительно имений исходя из собственного толкования декрета, и, как показывают в своих исследованиях John Channon, S.A. Smith и Matthew Rendle, основываясь на традиционных крестьянских представлениях о справедливом переделе земли.⁴ Эти представления, однако, корректировались появлением новых претендентов на землю в лице возвращавшихся с фронта солдат и женщин-крестьянок, агитацией представителей новой власти, а при принятии решений многое зависело не только от характера отношений с теперь уже бывшими владельцами имений, но и от факта их присутствия или отсутствия в усадьбе. Так, Пушкарев, вернувшийся в родительское имение в декабре 1917, обнаружил, что его мать и брат продолжали жить в усадьбе, «не терпя никаких притеснений от крестьян», а власть в селе принадлежала сельскому сходу. Через несколько дней после его приезда в селе появился волостной комиссар – «высокий, здоровенный балтийский матрос бандитского вида и характера, с патронташем через плечо и револьвером на поясе», в полемике с которым на сельском сходе Пушкареву удалось отстоять свое право остаться в имении:

Собрание состоялось в местной школе. Толпа крестьян в полушубках, шапках и валенках тесно стояла в большой пустой комнате (парты унесли по случаю схода). Ораторы влезали на стол и держали речь. Я знал, что на сходе будет обсуждаться вопрос о нашей семье, и явился в своей солдатской шинели. Комиссар передал

¹ Вопросы истории, 1991, № 6, с. 163.

² Декрет II Всероссийского съезда Советов о земле, 26 октября (8 ноября) 1917 г. /Декреты Советской власти, т. 1, Гос. издательство политической литературы, 1957, 17.

³ Ibid., 18.

⁴ John Channon, "The Bolsheviks and the Peasantry: The Land Question during the First Eight Months of Soviet Rule," *Slavonic and East European Review*, vol. 66, no. 4 (Oct. 1988): 593-624; idem, "Tsarist Landowners after the Revolution: Former Pomeshchiki in Rural Russia during NEP," *Soviet Studies*, vol. 39, no. 4 (Oct. 1987): 575-598; S.A. Smith, " 'Moral Economy' and Peasant Revolution in Russia: 1861-1918," *Revolutionary Russia*, vol. 24, no. 2 (2011): 143-171; and Matthew Rendle, *Defenders of the Motherland: The Tsarist Elite in Revolutionary Russia* (Oxford University Press, 2010).

сходу привет от советского рабоче-крестьянского правительства и немедленно перешел к делу, ради которого он явился в Прохоровку: "Вот, товарищи, вышел декрет советского правительства, чтобы помещиков больше не было, а вот тут у вас в Прохоровке всё еще живут эти Пушкарки, так их надо отсюда вышвырнуть". Моя мать была хронически больна, не могла ходить без посторонней помощи и ее передвигали в специальном кресле. Для нас изгнание из дома в зимнюю стужу означало бы мучительную смерть, и я решил просить у схода, милости и справедливости. Поднявшись на стол, я сказал: "Граждане крестьяне! Гражданин комиссар совершенно неверно передает вам содержание земельного декрета 26-го октября. Там сказано, что помещичья собственность на землю отменяется, но о том, чтобы выгонять бывших помещиков из их домов, там не сказано ни слова". Крестьянская толпа загудела: "Ето он правду говорить! Земля ихняя отходить к народу, ето как полагается, а сами они как жили у своем доме, так нехай живут! Мы от них зла не видели, так нехай живут!"¹

В начале января 1918 г. мать и брат Сергея Пушкарева предпочли перебраться в Харьков, и он остался в прохоровском доме один. Отвечая много лет спустя на вопрос, почему он принял такое решение, Пушкарев писал, между прочим, что присутствие бывшего помещика защищало дом от расхищения, поскольку, согласно крестьянским моральным и правовым нормам, если помещичья семья уехала, и дом стоял пустой, то усадьба становилась «ничьей» и ее следовало разобрать, что, подчеркивал Пушкарев, не рассматривалось как грабеж.² Жизнь в усадьбе в последующие 3 месяца описывается в его воспоминаниях как «мирное сосуществование» с комитетом, созданным для управления имением и проявлявшим по отношению к нему «большую степень деликатности»:

Они, конечно, могли бы реквизировать две-три комнаты и поселиться в "господском" доме, но они этого не сделали, а поселились в тех двух комнатах [в доме, для работников, «людской»], где прежде жил управляющий. Ко мне же в дом никто из них не заглянул ни разу. Я тоже ни разу не заглянул к ним. Я свободно ходил по двору, обменивался дружескими словами с нашими бывшими рабочими (избегая "щекотливых" тем), заходил в большую конюшню, чтобы поведать своих четвероногих друзей.³

Благостную картину нарушали периодические вторжения «незванных посетителей», являвшихся в прифронтовую Прохоровку из «внешнего мира». Пушкарев делит их на три категории: размещение подразделений формировавшейся Красной армии («раза два в нашем доме по неделе квартировали штабы каких-то ее частей»), налеты военных команд, рассылаемых по уезду для обысков и разоружения помещиков («в нашем доме было два таких обыска») и визиты волостного комиссара – «того самого матроса». В первом случае контакт был минимальным, и присутствие в доме вооруженных людей не воспринималось Пушкаревым как нечто опасное для него:

До меня доносились то звонки, то грубые и отрывистые, казавшиеся мне бессмысленными фразы, пересыпанные крепким русским словом. Тревожные вопросы, сердитые окрики, бесконечные ругательства представляли собой сумбурную картину суматохи, безграмотности и бестолковщины. Иногда ко мне в комнату заходили отдельные штабисты и спрашивали, кто я, зачем нахожусь здесь

¹ Воспоминания историка, <http://xxl3.ru/belie/pushkarev.htm>

² Там же, <http://xxl3.ru/belie/pushkarev.htm>

³ Там же, <http://xxl3.ru/belie/pushkarev.htm>

и что делаю. Я объяснял, и они, оглядев горы книг и бумаг, расположенных всюду, где только было возможно, удалялись вполне удовлетворенные моими словами.¹

Более опасными были обыски, во время которых «бывший» хозяин имения оказывался лицом к лицу с 6-8 вооруженными людьми. Результат обыска был мало предсказуем, он мог обернуться как реквизицией – в случае Пушкарева её объектом стала коллекция старинных серебряных монет, так и угрозой расправы на месте. Пушкарев, в частности описывает драматическую ситуацию, возникшую в том момент, когда командир «военно-полицейской команды» нашел в его комнате маленький пистолет «монтекристо» и решил проверить, можно ли им убить человека, направив на Пушкарева. Но, несмотря на прямую опасность, исходившую от обысков, которые сам Пушкарев характеризовал как «налеты», в его воспоминаниях самыми тягостными предстают посещения «матроса-комиссара», приходившего изложить бывшему помещику свои политические воззрения:

Главным пунктом его политической философии было то, что в России надо сделать "еремеевскую" (т.е. варфоломеевскую) ночь, а именно перебить всех бывших помещиков и капиталистов, чтобы избежать опасности возвращения к "старому режиму" и к "проклятому царизму". Я слушал молча и не пытался спорить.²

Несмотря на иронию, сквозящую в написанных много лет спустя воспоминаниях, заметки Пушкарева позволяют различить сложный комплекс отношений, проявившихся или возникших после утраты молодым помещиком его статуса землевладельца. Рухнувшие социальные барьеры позволяют ему вести «интересные и душевные» беседы с горничной Гашей, вспоминая прежнюю спокойную жизнь, в то время как Гаши и кухарка продолжают привычно служить в доме, который официально перестал быть барской усадьбой. Осторожно-уважительное отношение к «барчуку» создает дистанцию в отношениях с крестьянами, которая позволяет Сергею сохранять свое собственное пространство, которое не нарушают местные «комитетчики». В тоже время, «пришлые», чувствующие себя хозяевами положения, именно на Пушкареве стремятся проверить границы своей власти, и именно к нему приходит волостной комиссар рассказать о планах террора, которые пока еще не реализовываются в практике насилия. «Мирное сосуществование» достигает апогея, когда в конце февраля 1918 к границам Курской губернии подходят немцы, представители советской власти бегут на север, и в Прохоровке в течение 2-х недель нет никаких властей, но тем не менее нет и анархии: система сложившихся отношений, не нарушаемая внешними факторами, способствует тому, что все живут «тихо и спокойно». Пушкарев, тем не менее, осознает, что по возвращении большевиков планы «еремеевской» ночи могут осуществиться, и, пользуясь затишьем, добирается до Харькова, где в мае 1918 благополучно сдает государственные экзамены и остается при университете «для подготовки к профессорскому званию». Через год, в июне 1919, он вступает в занявшую Харьков Добровольческую армию, и уже в качестве солдата генерала Шкуро, в ходе наступления белогвардейцев на Москву, оказывается в родовом имении матери под Старым Осколом – и находит огромную черную яму там, где прежде стоял дедовский дом.

Прямое насилие, по-видимому, не угрожало усадьбе Чечулиных и её обитателям. В письме Шереметьеву от 24 сентября 1918 Николай Чечулин утверждает, что их лично «никакие неприятности не коснулись», хотя «имущественно, конечно, постигло все то, что

¹ Воспоминания историка, <http://xxl3.ru/belie/pushkarev.htm>

² Воспоминания историка, <http://xxl3.ru/belie/pushkarev.htm>

и других» - и это несмотря на тот факт, что их общее с братом имение было национализировано еще в декабре 1917.¹ Парадоксальность ситуации он объясняет хорошими отношениями со всеми соседними крестьянами, закрепляемую тем, что его брат, врач Сергей Чечулин, «всегда оказывал и прежде, продолжает оказывать и теперь», самую широкую и всегда безвозмездную медицинскую помощь населению в самой широкой округе. «Каких-либо неприятностей от местного населения нет никаких оснований опасаться – но что будет, конечно, сказать трудно, потому что могут последовать всякие неожиданности и со стороны», - заключал Николай Чечулин.² Осторожный оптимизм Чечулина мог объясняться некоторой – очень непродолжительной - стабилизацией положения в деревне, вызванной принятием 27 января (9 февраля) 1918 Закона о социализации земли. Закон подтверждал отмену собственности на землю, но одновременно устанавливал, что право пользоваться землей не может быть ограничено и должно принадлежать тем, кто обрабатывает ее собственным трудом.³ Положениями (в частности, 20-й статьей) этого закона и воспользовались некоторые помещики: они просили о выделении им земли в своих бывших имениях для занятий сельским хозяйством, и получали участки в соответствии с местной потребительно-трудовой нормой землепользования.⁴ В Череповецком уезде, перешедшем с мая 1918 из Новгородской в Череповецкую губернию, число таких землевладельцев было довольно значительным: как свидетельствует краевед И. Ципилева, даже в 1925 г. список помещиков, оставленных в бывших своих имениях этой губернии, включал 27 фамилий;⁵ в 1918 их могло быть намного больше. Братья Чечулины, однако, не только получили часть своей бывшей земли и вместе с ней - возможность остаться в имении, но и создали сельскохозяйственное товарищество, которому закон отдавал предпочтение перед единоличным хозяйством. Как следует из более поздней переписки Сергея Чечулина, в их товарищество («трудовую артель») входило 13 человек – это были, наряду с членами семьи Чечулиных, «гр. Борин Вас. Васильев, проживающий в Борисоглебске с детства, его жена, Марья Михайловна, и одна из давних работниц в усадьбе, М. Сковородина».⁶ Земля и скот были выделены Чечулиным в марте 1918. Чуть позднее, подобный же шаг предприняли и бывшие владельцы Загранья. 5 (18) апреля 1918 Готье записал в своем дневнике: «В Загранье отправили письмо в Совдеп, сообщая, что мы организуем артель трудовую и чтобы за нами укрепили землю. Не знаю, что выйдет».⁷ Как и в случае Чечулиных, «артель» представляла собой, по существу, «расширенную» семью владельцев имения, традиционно включавшую всех

¹ По-видимому, национализация и Прохоровки, и Борисоглебского произошла только в конце декабря 1917 из-за того, что лишь в декабре (не позднее 12 (25) декабря) было принято Положение о земельных комитетах, в соответствии с которым учреждались Главный и местные земельные комитеты, задачей которых было «проведение в жизнь земельных законов, как уже изданных, так и имеющих быть изданными впредь». – Декреты Советской власти, том 1, с. 504. Характерно, что Готье вообще не упоминает о национализации Загранья, и продолжает относиться к нему как к «своему».

² РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 1898, л. 72 об.

³ «Основной закон о социализации земли, 27 января (9 февраля) 1918 г.»/Декреты советской власти, т. 1 (Москва: Издательство политической литературы, 1957), 407- 411.

⁴ «Основной закон о социализации земли», Раздел II, «Кто имеет право пользоваться землей», ст. 20, с. 410. Потребительно-трудовая норма землепользования устанавливалась на основании приложенной к закону инструкции, по которой «вся земледельческая Россия» распределялась на «такое количество поясов, сколько различных систем полеводства ...исторически сложилось в данный хозяйственный период», и для каждого земледельческого пояса устанавливалась своя особая норма – Там же, с. 411.

⁵ Ципилева. Судьбы дворянских усадеб Череповецкого уезда, http://www.booksite.ru/usadba_new/world/16_5_01.htm

⁶ ОР РНБ, ф. 838, Чечулин Н.Д., оп. 1, д. 4, л. 2

⁷ Вопросы истории, 1991, № 11, с. 151.

проживавших в усадьбе. «Переименование» семьи в «трудовую артель», по-видимому, не вызывало проблем в отношениях с новыми органами власти. Возможно, это было связано с тем, что, как следует из исследования Channon'a, большинство земельных комитетов местных советов представляли собой в это время бывшие земские земельные комитеты, также прошедшие процедуру «переименования».¹ Изменение юридического статуса земельных комитетов и превращение владельцев имений в «бывших» не отменяло сложившихся между ними отношений, хотя и вносило в них существенные изменения. Новым элементом, который несло с собой превращение в трудовую артель, было условие личного выполнения всех сельскохозяйственных работ. Изменение социальной иерархии меняло и привычную иерархию сельского труда: ученый мог вернуться в свой кабинет только закончив работу в поле.

Трудовая артель помещиков, или историк на сенокосе

Физический труд не был чужд никому из протагонистов этой статьи. Проработав летом 1917 два дня подряд на сенокосе, Готье записал в дневнике: «Физический труд дает несомненное удовлетворение и успокаивает (конечно, на время)», и саркастически предположил, что именно в этом элементарном удовлетворении и есть «секрет толстовства, интеллигентных земледельческих колоний и тому подобной чепухи».² Вернадский, описывая в воспоминаниях, как в Быковке он оказался перед необходимостью работать на жатве, чтобы взамен получить молока и яиц, упоминает, что он довольно хорошо косил в молодости. В Быковке, однако, он должен был работать серпом, чего делать не умел, и, пытаясь не отстать от деревенских жниц, в азарте сильно порезал палец левой руки. В воспоминаниях рассказ об этом эпизоде завершался иронической фразой: «Так мы и остались без молока и яиц.»³ В отличие от этих примеров, членство в трудовой артели предполагало превращение физического труда из временного или случайного в постоянный и обязательный. Выполняя свою часть полевых работ летом 1918, Готье одновременно анализирует переживаемое им состояние в дневниковых записях. Земледельческий труд уже не ассоциируется с удовольствием - 17 (30) июня 1918 он записывает в дневнике:

Вчера вечером я пришел в уныние и ужас, видя цивилизованных людей надрывающимися за сохой; конечно, и пахоту можно осилить, но выходит, что право жить и работать вне города в этой проклятой стране покупается тем, что люди, способные к высшей деятельности, должны опускаться до самых элементарных работ, хотя бы и очень полезных.⁴

Вместе с тем «упорная работа на сенокосе» приносит удовлетворение, когда в промежутке «удачно работает за письменным столом», и, описывая себя в третьем лице, Готье не пытается скрывать ноток восхищения «почтенным профессором, желающим до конца отстаивать свой угол» и обдумывающим план книги, гребя сено.⁵ Кроме того, сельская страда, диктующая свой темп времени и возрождающая практики прежней жизни, вызывает на некоторое время иллюзию «нормальности» - так происходит, в частности, во время «помочи», которую устроили чтобы выкосить дальний сенокос. «Это удалось, - пишет Готье, - но зато мы вдребезги устали, т. к. на этот раз пришлось, в противоположность прежним годам, быть не барином, созерцающим с высоты, а участником дела». Как и полагалось, «24 человека были накормлены завтраком,

¹ Channon, "The Bolsheviks and the Peasantry," 598.

² Вопросы истории, 1991, № 6, 157.

³ BAR, George Vernadskii Papers, box 97, Г. В. Вернадский, Воспоминания, ч. II, 1918-1920 гг., 12-13.

⁴ Вопросы истории, 1991, № 11, с. 164.

⁵ Записи 4 (17), 6 (19) и 13 (27) июля 1918, Вопросы истории, 1991, № 11, с. 167 - 168.

чаем, обедом, и выпито 8 ведер пива», при этом Готье отметил в дневнике: «нужно сказать, что отношение этих людей самое нормальное, и во время "помочи" ничего не напоминало, что мы находимся в революции...».¹

Революция, однако, напомнила о себе осенью 1918. Уже после отъезда Готье в Москву и его возвращения к профессорским обязанностям, в имении начались аресты и одновременно – поджоги. «В Загранице все арестованы; кругом жгут; в Загранице сожгли овин; запрещено выезжать в город за кем-либо из нас» - записывает он в дневнике 30 сентября 1918. 11 октября, описывая очередной арест брата и свои размышления о причинах поражения Германии, Готье добавляет короткую пометку:

Я забыл отметить, что уже несколько дней, как, незаметно для нас, ликвидировалось Загранице. Дом опечатан; какой-то инструктор сказал, что мы можем туда не возвращаться, так как мы имеем квартиру в Москве. Откровенно сказать, меня это не тронуло; хочется не жизни в Загранице, а чего-то другого – отъезда куда-то далеко.²

В октябре 1918 и семейству Чечулиных было приказано покинуть имение, в котором решено было создать советское хозяйство. В отличие от Готье, Чечулины попытались бороться за право остаться в усадьбе. Способы, с помощью которых Чечулин-врач и Чечулин-историк пытались оспорить выселение, представляют особый интерес.

Кому и как мог жаловаться бывший помещик?

В начале октября 1918 в Борисоглебск приехал член коллегии Череповецкого Губземотдела, заведующий его агрономическим подотделом В. Матюхин и, описав «движимость» в обоих домах [кроме «господского дома», в имении был построен еще один небольшой дом специально для Николая Чечулина – ВК], предъявил бывшим помещикам Чечулиным требование о выселении из усадьбы.³ В усадьбе действительно был организован совхоз, директором которого назначили бывшего управляющего имением.⁴ Поскольку он, по-видимому, не торопился выполнять решение о выселении, 6 ноября 1918 Матюхин направил ему грозное уведомление:

С получением сего предписываю немедленно приступить к выселению бывшего владельца имения и его семейства из занимаемых ими помещений. Ничего из описанного взять не имеют права.⁵

Это предупреждение, судя по дальнейшему ходу событий, тоже не подействовало, и Матюхину пришлось приехать в Борисоглебское еще раз и самому проследить за процедурой конфискации имущества бывших хозяев и их выселении.

В создавшейся ситуации Чечулин-врач и Чечулин-историк попытались защитить интересы семьи, действуя при этом по-разному. Сергей Чечулин решил вернуть свои права судебным порядком, используя уже новые законы: он пожаловался на Матюхина в революционный трибунал. Николай Чечулин попробовал получить защиту новой власти, воспользовавшись своим статусом историка. Результаты были различны, и достаточно красноречивы.

Череповецкий губернский ревтрибунал принял жалобу Сергея Чечулина. Следственная комиссия по делу Матюхина состоялась 4 октября 1919, и, согласно ее постановлению, обнаружила следующее:

¹ Запись 8 (21) июля 1918, Вопросы истории, 1991, № 11, с. 167-168.

² Вопросы истории, 1991, № 12, 150.

³ ОР РНБ, ф. 838, Чечулин Н.Д., оп. 1, д. 4, л. 2

⁴ Алексей Долгов, «Ирма: Доброе творение и тысячелетняя история» [Интервью с краеведом Э.В. Барановой], Звезда, № 84, 29 октября 2016 г., <http://zvezda.net/tags/barskie-usadby>

⁵ ОР РНБ, ф. 838, Чечулин Н.Д., оп. 1, д. 3, л. 1

...Тов. Матюхиным было отобрано имущество и излишки сельскохозяйственных продуктов у гр. Борисоглебского бывшего помещика Чечулина. Все отобранное имущество находится в Губземотделе, согласно выписки, имеющейся в деле (л. д. 37). Сельскохозяйственные продукты за исключением 2 фунтов какао и $1\frac{1}{8}$ ф. анису сдано в советское хозяйство, организованное из усадьбы тех же Чечулиных. Какао в присутствии себя Матюхин выпоил служащим и рабочим указанного советского хозяйства, а анис имеется при деле как вещественное доказательство (л. д. 64).¹

В действиях Матюхина следственная комиссия не нашла ничего предосудительного; существенно, что, разбирая эти действия, она не пыталась апеллировать к революционным декретам. Оценка «законности» или «незаконности» действий Матюшина обсуждалась в контексте обычного права, в которое «вплетались» элементы нового революционного языка. «Если Матюхиным сделано все незаконным, то Губземотделом не были бы приняты отобранные предметы, - рассуждали члены следственной комиссии. - И из дела не видно, что Матюхин чем-либо воспользовался для личной надобности, и как честный гражданин выполняет свой долг на фронте, да и гр. Чечулин не обвиняет в неправильных действиях и дискритировании [так в тексте] советской власти, а лишь просит уплотнить [так в тексте] по твердой цене за отобранные сельскохозяйственные продукты.»²

Не найдя состава преступления в поступках Матюшина, комиссия ревтрибунала тем не менее не оставила совсем без ответа и жалобу Сергея Чечулина. Постановлением «распорядительного» заседания Череповецкого губернского революционного трибунала дело за «неимением виновности» Матюхина было прекращено, трибунал постановил возратить Чечулину «вещественное доказательство – анис» и объявил, что он может обратиться с гражданским иском в местный суд.

Характерно, что во всех материалах трибунала – и во «внутреннем» постановлении следственной комиссии, предназначенном для членов коллегии, и в решении трибунала о закрытии дела, предназначенном для оглашения, элемент классового подхода был незначителен. Лишь однажды Сергей Чечулин фигурирует как «гражданин бывший помещик», и лишь в одном случае упоминается о том, что Матюхин – на фронте. Эти краткие упоминания безусловно отмечают социальный статус и истца, и ответчика, но еще не создают политически обусловленной иерархии, в которой права Чечулина были бы ущемлены вследствие его социального происхождения. В целом, исходя из документов дела, можно прийти к выводу, что члены трибунала, мало знакомые со сложным понятием «дискредитации власти», опираются скорее на традиционное крестьянское представление о справедливости, чем на нормы революционного права.³ Сергей Чечулин, в отличие от членов трибунала, хорошо знаком с декретами Советской власти и

¹ ОР РНБ, ф. 838, оп. 1, д. 3, л. 2.

² ОР РНБ, ф. 838, оп. 1, д. 3, л. 2

³ О «генетической» связи революционных трибуналов с крестьянскими волостными судами и их роли в формировании советской судебной системы см. Matthew Rendle, *Defining the 'Political' Crime: Revolutionary Tribunals in Early Soviet Russia*, *Europe-Asia Studies*, vol. 65, no. 9 (2013): 1771-1788 и особенно его же "How revolutionary was revolutionary justice? Legal culture in Russia across the revolutionary divide" in Matthias Neumann and Andrew Willimott (eds.), *Rethinking the Russian Revolution as Historical Divide* (London and New York: Routledge, 2018), 46-66; Aaron B. Retish, "Power, Control, and Criminal Activity: The Peasantry and the Soviet Revolutionary Tribunal in Viatka Province, 1918-1921", а также idem, "Judicial Reforms and Revolutionary Justice: The Establishment of the Court System in Soviet Russia, 1917-1922" in *Russia's Home Front in War and Revolution, 1913-22*. Book 3, 2018, и его же «Поиск справедливости в революции: местная судебная система Вятской губернии в 1917-1922 гг.» в сборнике *Эпоха войн и революций, 1914-1922, под редакцией Б. Колоницкого и Д. Орловского (Санкт- Петербург: Нестор-История, 2017)*.

использует свое знание новых законов, когда действительно решает обратиться с жалобой в Череповецкий губернский народный суд. Хотя его обращение и названо по-дореволюционному - прошение, бывший земский врач легко оперирует новыми понятиями: он просит суд установить, «с какими декретами должны быть согласованы действия» как местных властей, так и его самого; указывает, что вещи первой необходимости были оставлены его семье в количестве меньшем, чем «предписывается декретами предоставлять выселяемым из имений бывшим их владельцам», и подчеркивает, что «в противность и общему духу и смыслу существующих постановлений» и «прямых отдельных распоряжений» у них «были отобраны» все сельскохозяйственные продукты, добытые личным трудом на участке земли, «предоставленном нам уже революционной властью». Особо выделяется аспект продуктивности их личного труда: «огородных овощей было запасено нами и отобрано у нас столько, - пишет Сергей Чечулин, - что все советские служащие, находящиеся в усадьбе в количестве не всегда одинаковом, но обыкновенно в числе от 10 до 12 чел., пользовались ими с начала октября по конец февраля». ¹ Более того, по ряду формулировок прошения создается впечатление, что «советское хозяйство», в которое осенью 1918 переходят трое из членов его артели (Борин, его жена и Сквородина), рассматривается Чечулиным как своего рода преемник его трудовой артели.

Неизвестно, состоялось ли заседание суда по жалобе Сергея Чечулина, однако ясно, что уже с ноября 1918 во взаимодействии семьи Чечулиных с новой властью появился новый фактор – «охранное свидетельство», выданное Чечулину-историку наркомом просвещения Луначарским «на библиотеку и коллекцию гравюр высокой научной и художественной ценности».²

Охранные грамоты

Практика выдачи «охранных грамот» была достаточно широко распространена в первые годы Советской власти. Любопытное свидетельство содержится, например, в воспоминаниях архитектора Н. В. Виноградова, бывшего сотрудника Наркомата имуществ республики, записанных в 1971 г.³ Виноградов, бывший помощником наркома по учету и выявлению частных художественных имуществ, связывал практику выдачи охранных грамот с защитой помещений от реквизиции. Такие охранные грамоты, по его словам, выдавались при предоставлении списка предметов художественного и исторического характера, который проверялся агентами наркомата, причем владельцы имущества, по его словам, платили за охрannую грамоту 15 рублей. Всего, по оценке Виноградова, за период существования Наркомата имуществ республики, т.е. до августа 1918, когда вопросы культурного достояния были переданы в ведение Наркомпроса, было выдано около трех тысяч охранных грамот «на всю территорию» России.⁴ По воспоминаниям

¹ ОР РНБ, ф. 838, оп. 1, д. 4, л. 2

² Е.В. Неберекутина, «Заступник рода исторического»: деятельность М.М. Богословского в Экспертной комиссии ЦЕКУБУ//Археографический ежегодник за 2004 (Москва: Наука, 2005), 191-206, здесь 195.

³ Беседа В. Д. Дувакина с Н.Д. Виноградовым, «О реставрации Кремля, выдаче охранных грамот, создании пролетарских музеев и встречах с Лениным по поводу монументальной пропаганды», записана 6 октября 1971 в рамках проекта «Создание звукодокументов по истории русской культуры первой трети XX века» и опубликована 29 июня 2017, <http://oralhistory.ru/talks/orh-220%E2%80%9393221/text>. Согласно свидетельству Виноградова, Наркомат имуществ республики был создан на основе Министерства императорского двора и уделов, и в силу постановления V съезда Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов (4-10 июля 1918, Москва), был в августе 1918 слит с Наркомпросом и Наркомземом: все, что имело отношение к образованию и искусству, было передано в Наркомпрос, а все, что имело хозяйственный характер – в Наркомзем – там же.

⁴ «О выдаче охранных грамот», <http://oralhistory.ru/talks/orh-220%E2%80%9393221/text>

Виноградова, первоначально такие документы подписывал нарком имуществ республики, а после вступления его в должность помощника наркома – он сам, т.е. можно предположить, что существовала определенная официальная форма охранных свидетельств. Практика выдачи охранных грамот продолжалась и Наркомпросом, и иногда влекла за собой довольно сложную процедуру. Так, чтобы сохранить за Георгием Вернадским съемное жилье в Перми при отъезде из города в августе 1918 (как предполагалось, не более чем на месяц), понадобилась телеграмма зам. наркома просвещения Покровского на имя Пермского городского Совдепа и последующие переговоры профессоров университета А.А. Фридмана и Н.П. Оттокара с президиумом городского Совдепа. В результате хозяину квартиры, у которого жили Вернадский с женой, было выдано удостоверение, что занимаемое ими помещение - скромная трехкомнатная квартира - «ни реквизиции, ни уплотнению не подлежит и должна оставаться в полной неприкосновенности». Этого удостоверения, по-видимому, оказалось недостаточно, поскольку на следующий день, 31 августа 1918, было выдано еще одно, разъясняющее, что занимаемая Вернадским квартира состоит из полагающихся профессорам кабинета, спальни, и членам семьи «по установленной норме».¹

В некоторых случаях охранный грамотой могла служить даже записка, подтверждающая факт личного знакомства с представителем высшего эшелона новой власти. Примером может быть охранный документ, выданное Луначарским отцу и сыну, графу С.Д. и П.С. Шереметевым в сентябре 1918, где указывалось, что «граждане Шереметевы» знакомы ему лично как «надежные работники».² Характерно, что это не формальное, на первый взгляд, охранный документ было выдано в результате обращения сотрудников Петроградского археологического института, т.е. предполагало наличие определенной процедуры. Вместе с тем, именно в силу менее формального характера этого свидетельства в нем яснее просматривается «антропологическая» функция - предоставление защиты и покровительства. Документом такого же рода стала для Готье записка Инессы Арманд, к которой он обратился в октябре 1918 в поисках способа освободить арестованного брата и предотвратить собственный арест:

Ища всяческих ходов, я случайно вчера встретился с Ф.А. Армандом, который предложил мне обратиться к знаменитой товарищу Инессе, его матери, а моему другу детства. Сначала мне этого не хотелось, но потом, вспомнив, что *Not kennt kein Gebot* [про нужду закон не писан], я решился; сегодня я получил от нее *billet d'introduction* [рекомендательную записку] к комиссару военного округа Муралову и любезное письмо...³

Характерно, что записка Арманд не включала ни подтверждения лояльности Готье, ни прямой просьбы об оказании ему содействия, что обычно присутствовало в документах такого рода. Ее текст был очень краток: «Уважаемый товарищ! Прошу принять моего знакомого, Юрия Владимировича Готье. Буду Вам благодарна. Инесса Арманд».⁴ Но именно краткость записки выявляет элементы раннесоветского механизма предоставления личного покровительства: указание на персональный статус покровителя – товарища по партии, обладающего влиянием и репутацией, а потому представляющегося просто по имени; объяснение характера его отношений с тем, кому

¹ ГАПК (Государственный архив пермского края), ф. 180, оп. 2, д. 62, л. 44-45

² RGADA, f. 1287, op. 1, d. 3739, Otnosheniie soiuzn chlenov Petrogradskogo Arkheologicheskogo Instituta, l. 1.

³ Вопросы истории, 1992, № 12, 150. Как уточняют редакторы публикации дневника Готье, Муралов был командующим войсками, а не комиссаром Московского военного округа – там же, сноска 73, с. 163.

⁴ Вопросы истории, 1992, № 12, 163.

оказывается покровительство; и, наконец, обещание ответной услуги. Записка Арманд, таким образом, выполняла функцию охранной грамоты, даже не являясь ею формально.

К сожалению, на данный момент не удалось ознакомиться с текстом охранного свидетельства, выданного Чечулину, известно лишь, что его копия была приложена к одному из его более поздних писем московскому историку М.М. Богословскому.¹ В отсутствие доступа к тексту охранного свидетельства невозможно судить, носило ли оно личный или строго-официальный характер, но для местных властей безусловно являлось документом, свидетельствовавшим об особом статусе Николая Чечулина. О том, как действовала охранная грамота, писал в своем уже упоминавшемся обращении в суд Сергей Чечулин:

Брату моему, Н.Д. Чечулину, в ноябре месяце было выслано народным комиссаром Луначарским охранный документ, удостоверяющее что его квартира в с. Борисоглебском находится под охраной советской республики и реквизиции не подлежит; после этого он, с согласия земельного отдела, вернулся в середине декабря в маленький дом в Борисоглебск, остальные же члены моей семьи живут частью в соседней с Борисоглебском деревне Дреблево, частью же проживали зимой в Череповце, где часть служат, а сын учится.²

В имении, таким образом, остался только Чечулин-историк; Чечулин-врач уехал в Череповец, где начал работать в железнодорожной больнице, и все попытки взаимодействия с советской властью через ее судебные органы предпринимал уже находясь в городе.³ Тем временем, Николай Дмитриевич Чечулин, защищенный охранным свидетельством, принял на себя главную роль в представлении интересов семьи перед сельскими и уездными властями, пытаясь и здесь применить стратегию актуализации персональных связей и поиска покровительства. В июне 1920 он обращается в уездный земельный отдел с прошением о предоставлении семье брата участка земли. В этом чрезвычайно интересном документе все происходившие ранее события представляются в категориях отношений, при этом конфликтные эпизоды минимизируются или не упоминаются вовсе, а подчеркиваются «доброе отношение» волостного комитета в ответ на бескорыстную помощь, «какую Сергей Дмитриевич оказывает, как доктор, всем кто к нему обращается». Выделив, таким образом, элемент обмена услугами, Чечулин использует и аргумент продуктивности труда, занимающий центральное место в обращениях его брата, но, в отличие от Сергея, он делает акцент не на количестве выращенного, а на общеизвестности того, что они «своими личными трудами обрабатывали отведенные земельные участки».⁴ Самым удивительным при этом является тот факт, что из прошения Николая Чечулина следует, что такие участки уже совхозной земли предоставлялись семье Чечулиных не только в 1918, но и в 1919 г.

Трудно сказать, было ли удовлетворено это прошение Николая Чечулина (наложенные на него резолюции перенаправляли документ в губернские инстанции), но четыре года спустя, в августе 1924, он вновь обратился с просьбой, ссылаясь на «пример прежнего лета», засеять рожью и в будущем году снять урожай с полдесятины земли при советском хозяйстве Борисоглебска. «Заведующий хозяйством, - добавляет Чечулин, - находит, что это не вносит никакого неудобства, как не вносило ранее».⁵ Как это

¹ Е.В. Неберекутина, «Заступник рода исторического»: деятельность М.М. Богословского в Экспертной комиссии ЦЕКУБУ»// Археографический ежегодник за 2004 год (Москва: Наука, 2005), 195.

² ОР РНБ, ф. 783, оп. 1, д. 4, л. 3.

³ Алексей Долгов, «Ирма: Доброе творение и тысячелетняя история» [Интервью с краеведом Э.В. Барановой], Звезда, № 84, 29 октября 2016 г., <http://zvezda.net/tags/barskie-usadby>

⁴ ОР РНБ, ф. 838, оп.1, д. 4, л. 1-1об.

⁵ ОР РНБ, ф. 838, оп.1, д. 4, л. 4.

прошение, так и жалобы в суд его брата свидетельствуют, что не смотря на формальные запреты, все годы гражданской войны семейство Чечулиных получало участки совхозной земли для «личных работ». В 1924 г, однако, ситуация осложнилась. На обращение Николая Чечулина были наложены две резолюции двух различных представителей местной власти, резко отличающиеся друг от друга по тону и содержанию. Одна из них, адресованная директору совхоза, гласила:

Никаких посевов на земле совхоза посторонним [так в тексте] лицам, а особенно б. [бывшим] помещикам не допускается, а если и давали раньше – то это преступление и ничто иное. Посмотрите газету С.х. [Сельскохозяйственная] жизнь № 31, там ясно говорится, что надо делать с помещиками.¹

Другая резолюция, предназначенная уже «гражданину Чечулину», предлагала «войти с ходатайством в губисполком и представить охранительную грамоту от Луначарского», причем предлагалось сделать это срочно, чтобы «вопрос был разрешен раз навсегда».²

Две различных стратегии взаимодействия с новой властью, и две идентичности – бывшего помещика, уважаемого крестьянами, и историка – носителя культурных ценностей, и потому защищаемого властью, столкнулись, таким образом, на одном листе бумаги, причем практика поиска защиты и покровительства оказалась значительно более действенной, чем попытка апелляции к революционным законам.

Заключение

Во всех четырех случаях, рассмотренных в данной статье, попытка образованных горожан найти убежище в послереволюционной деревне увенчалась временным и относительным успехом. Пребывание в деревне, однако, обернулось для них встречей с «народом», характер которой отличался от сложившейся в предвоенные годы идеальной модели отношений между интеллигентами-просветителями и благодарными крестьянами. Политика национализации дворянских усадеб, проводившаяся советской властью, активизация радикальных элементов местного населения, происходившие в непосредственной близости военные действия, насилие, становившееся элементом повседневности, требовали новой модели поведения горожан в деревне. Протагонисты представленного исследования пытаются понять и использовать законодательство новой власти, мобилизуют свои социальные и культурные ресурсы – сложившиеся отношения с крестьянами, характерную для русской интеллигенции готовность к физическому труду, профессиональные знания и аналитический инструментарий, помогающие пережить не только физически, но и психологически момент исторического разлома, описывая его и сравнивая со «смутными временами» прошлого. Особенно эффективным оказывается механизм личных связей и патронатных отношений. Феномен таких отношений как в русской дореволюционной, так и в советской культуре хорошо изучен, но история выживания историков в период гражданской войны позволяет понять, в том числе, какую роль играли отношения формального и неформального покровительства в формировании советского строя. Персональное покровительство, оказываемое представителями новой власти, являлось важным элементом стабилизации нового режима, и, как показала в своих работах Sheila Fitzpatrick, было характерно для взаимоотношений советских вождей и образованного класса.³ Формализация процесса предоставления покровительства и

¹ ОР РНБ, ф. 838, оп.1, д. 4, л. 4.

² ОР РНБ, ф. 838, оп.1, д. 4, л. 4.

³ Fitzpatrick, Sheila. 'Patronage and the Intelligentsia in Stalin's Russia'. In *Challenging Traditional Views of Russian History*, edited by Stephen G. Wheatcroft, 92–111. Houndmills, Basingstoke, Hampshire, and New York: Palgrave

защиты в виде выдачи охранных грамот отражала его превращение в «регулярную» практику власти, институализированную, в частности, в практике ЦКУБУ.

Macmillan, 2002. См. также: Vera Kaplan, "Weathering the Revolution: Patronage as a Strategy of Survival," *Revolutionary Russia*, Vol. 26, No. 2 (2013): 97–127.

Карелы Северо-Запада России в Гражданской войне: поиск стратегий выживания

Революции 1917 года и развернувшаяся в стране Гражданская война стимулировали процессы быстрой фрагментации российского государства. Постепенная суверенизация отдельных регионов началась уже сразу после февральской революции, а к концу 1917 года империя начала стремительно разваливаться. В каждом отдельном случае эмансипация регионов была обусловлена не одной, а комплексом причин, среди которых присутствовали и национальная мобилизация, и стремление к политической и экономической независимости, и отчаянные попытки самосохранения и выживания в разваливающемся мире. В этом сообщении мы на примере одного из национальных регионов России попытаемся показать, как его население, оказавшееся под воздействием разнообразных, часто враждебных друг другу сил и под угрозой надвигающегося голода, искало стратегии своего коллективного выживания.

В фокусе нашего внимания будет находиться этническая группа карел, населявшая северо-западный регион империи, граничивший с Финляндией, получившей в конце 1917 года независимость.¹ Карелы более или менее компактно населяли четыре уезда: Повенецкий, Петрозаводский и Олонецкий уезды Олонецкой губернии и Кемский уезд Архангельской губернии.² В этническом отношении, а также по уровню экономического и социального развития и степени близости к различным промышленным и торговым центрам карельское население не было однородным.

Часть карельских волостей имела тесные экономические связи с Финляндией, которая являла собой модель быстро модернизовавшегося общества. Наиболее заинтересованными в контактах были т.н. «беломорские карелы» (в России их чаще называли архангельскими или кемскими), населявшие западную часть Кемского уезда и фактически оторванные от российских центров из-за слабой дорожной сети. Экономическая интеграция, обусловленная единой транспортной сетью, связывала с Финляндией и приграничные волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии – Ребольскую и Поросозерскую. Финляндия обеспечивала местное население рабочими местами, оттуда поступали товары первой необходимости и хлеб, а также предоставляла рынки сбыта, главным образом для лесной продукции.³ С другой стороны, ряд карельских волостей Олонецкой Карелии ориентировался на российские экономические центры, такие как Петрозаводск и Санкт-Петербург.

Экономическое воздействие Финляндии тесно сочеталось с её культурным и, главное, национальным влиянием. Финские национальные активисты рассматривали

¹ В начале 20 века в России существовало пять компактных групп карел, проживавших в различных губерниях севера Европейской России: Новгородской, Тверской, Ярославской, Архангельской и Олонецкой. Помимо этого, значительные карельские регионы существовали в приграничных зонах Финляндии. В нашем сообщении пойдёт речь о двух группах карел, располагавшихся в смежном с Финляндией северо-западном регионе России и позже давших название существующей здесь республике Карелия.

² По переписи 1897 года численность карел, проживавших в приграничных с Финляндией регионах Архангельской и Олонецкой губернии (на территории современной республики Карелия), составляла чуть более 75 тысяч человек.

³ Об экономическом влиянии Финляндии на Российскую Карелию см.: Марина Витухновская. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб., 2006. с. 54-99; Вадим Баданов, Николай Кораблёв. Использование агрохозяйственного опыта Финляндии Олонецким земством в начале XX века. – Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Вып. 3. Науч. ред. О.П. Илюха. Петрозаводск, 2009, с. 41-54.

приграничные карельские районы России как ирреденту, регион, населённый родственным народом, который должен стать составной частью будущей «большой финской нации», Великой Финляндии. Именно финские активисты и сотрудничавшие с ними проживавшие в Финляндии карелы создали в 1906 году первую карельскую националистическую организацию – «Союз беломорских карел», переименованную после февральской революции в «Карельское просветительское общество».¹ В предреволюционный период российская власть и националистически настроенные группы стали, в противовес финскому влиянию, «перетягивать» карел на свою сторону. Были разработаны экономические, культурные, церковные инициативы, развивалась сеть школ в карельских районах, готовились переводы на карельский язык. Однако наиболее результативными оказались силовые и запретительные методы – финских деятелей депортировали из Карелии, их союзников карел преследовали. Влияние Финляндии было фактически сведено на нет.²

Что же касается объекта этих противоположных влияний, самих российских карел, можно с достаточной степенью уверенности предположить, что основная их масса не была готова к национальному сближению ни с Финляндией, ни с великорусскими регионами. Не обладавшие, в большинстве своём, отчётливым национальным самосознанием, карельские крестьяне были носителями, используя определение Эрика Хобсбаума, «народного протонационализма».³ Это было замкнутое сообщество с отчётливой этнорегиональной идентичностью.⁴

Определённое отчуждение, испытываемое карелами по отношению к финнам, было обусловлено разницей языков, вер и культур, а также исторической памятью о множестве военных конфликтов. Ребольский земский деятель Фёдор Васильевич Нечаев писал летом 1917 года председателю Карельского просветительского общества Алексею Митрофанову, реагируя на проект присоединения Карелии к Финляндии: «как-никак, а всё же русское влияние сильно проявило себя здесь у нас в Карелии и присоединившись бы к финнам, [мы] должны бы были снова ломать всю жизнь, а что создали бы? Нужно понять карел, и я думаю, что уже между финнами и карелами образовалась большая брешь, заделать которую пришлось бы много потрудиться». «Да! - продолжает Нечаев, - повторяю, между финнами и карелами большая пропасть, и думается, что заделывать её не напрасный ли труд?»⁵

При этом карелы ясно сознавали свою языковую и культурную инаковость и по отношению к русским. Посетивший в 1879 году Беломорскую Карелию финский журналист Август Вильгельм Эрvasti вспоминал, что, когда финские путешественники с карельскими проводниками пересекли границу, один из финнов заметил: «Ну вот, теперь мы в России!». На это карелы в один голос ответили ему: «Не в России, а в Карелии!» («Ei Venähellä, vaan Karjalassa!»).⁶ Подобное же ментальное отделение России от Карелии отмечалось и русскими наблюдателями: когда олонецкий учитель П. Покровский

¹ О Союзе беломорских карел см. подробнее: *Raimo Ranta. Vienankarjalaisten Liitosta Karjalan Sivistysseuraksi v. 1906–1922.* Tampere, 1997; Марина Витухновская. Российская Карелия и карелы. С. 117–126.

² См. об этом: Марина Витухновская. Российская Карелия и карелы.

³ Эрик Хобсбаум. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998, с. 74–77.

⁴ О характере национального самосознания карел см. например: Марина Витухновская-Кауппала. «Карелия для карел!» Гражданская война как катализатор национального самосознания // *Ab Imperio.* 2010. No 4. С. 245–282; *Idem. The Eastern Karelians in the Russian Civil War of 1917-1922. - Nation split by the border. Changes in the ethnic identity, religion and language of the Karelians from 1809 to 2009.* Ed. Tapio Hämynen, Aleksander Pashkov. Tampere, 2012. P. 86–114.

⁵ Suomen Kansallisarkisto. Karjalan sivistysseuran arkisto ja säilytysyksiköt, puheenjohtajan kirjeenvaihto. Sidos 31.

⁶ A.E. Ervasti. Muistelmia matkalta Venäjän Karjalassa kesällä 1879. Ред. Pekka Laaksonen. Helsinki, 2005, с. 31.

описывал в 1870-х годах быт карел Горского прихода, он отмечал, что они называют соседний Лодейнопольский уезд с русским населением «Русью», в отличие от их собственного региона - «Карьялы».¹

Ощущая свою инаковость, отдельность от соседей, карелы тем не менее до 1917 года не выдвигали серьёзных национальных требований (в исключительных случаях звучали просьбы о проведении церковных служб на родном языке или введении школьных уроков на карельском). Ситуация в Российской Карелии изменилась после февральской революции. Здесь, как и по всей стране, рост нестабильности и обнищание населения подтолкнули национальные меньшинства к поиску стратегий выживания. По точному наблюдению Т. Ю. Красовицкой, в условиях нестабильности именно этнос воспринимался как аварийная группа поддержки, принадлежность к группе соплеменников давала человеку чувство защищённости.²

Уже в марте 1917 года во многих национальных регионах зазвучали требования автономизации. В Карелии, где мотором всего дела стал Союз беломорских карел, активно обсуждалась идея различных форм автономии карельских регионов.³ Упомянутый Нечаев писал летом 1917 года: «Идея о самоуправлении Карелии очень скоро стала здесь распространяться и нашла массу сторонников».⁴ Финский национальный активист Юхо Альфред Хейкинен рассказывает в воспоминаниях, что летом 1917 года большинство карел выступало за объединение Беломорской и Олонецкой Карелий в отдельную автономию и не одобряли идею присоединения к Финляндии.⁵

Идея национально-территориальной автономии карельского региона внутри России получила оформление на съезде представителей карельских волостей, происходившем 12-13 июля 1917 года в «столице» Беломорской Карелии, селе Ухта (ныне Калевала). Большинство делегатов поддерживало разработанный Обществом проект конституции, по которой автономная Карелия являлась бы составной частью Российского государства. Предполагалось создание особой административной области под названием Карельская или Карельско-Северная административная область.⁶ Звучали и немногочисленные голоса сторонников присоединения к Финляндии.⁷

Проект карельской автономии остался на бумаге, ибо вскоре в стране начались новые потрясения. Октябрьский переворот дал толчок бурным процессам, однако не сразу - первые два - три месяца 1918 года были относительно мирными. Финляндия была занята своими проблемами, там шла гражданская война, а большевистская власть, быстро распространявшаяся в карельских волостях Олонецкой и, в меньшей степени,

¹ А.М. Пашков. Краеведческое изучение олонцев карел сельскими учителями в 1870-е годы. – Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиция и закон в жизни карел. Материалы международного семинара историков, посвящённого 65-летию ПетрГУ. Петрозаводск, 2005, с. 136.

² Т.Ю. Красовицкая. С. 68-69.

³ См. об этом: М.А. Витухновская-Кауппала. Карелы в 1917 году: выбор национальной стратегии. От культурной автономии до присоединения к Финляндии // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2017. Вып. 2. <http://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=773>

⁴ Suomen Kansallisarkisto. Karjalan sivistysseuran arkisto ja säilytysyksiköt, puheenjohtajan kirjeenvaihto. Sidos 31.

⁵ Arvo Kokko. Hallan ukko. Piirteitä maanviljelijä J.A. Heikkisen elämästä ja elämäntyöstä. Porvoo-Helsinki, 1939. S. 246–247.

⁶ Границы области должны были проходить на юге по реке Свири, на востоке по Онежскому озеру, Выгозеру, реке Выг и Белому морю, на севере – по линии, соединяющей Кандалакшский залив и финляндскую границу, а на западе – по границе с Финляндией и Ладожскому озеру.

⁷ Е.Ю. Дубровская. Национальное движение в Беломорской Карелии в 1917-1918 гг. и вопросы национально-государственного самоопределения карелов // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 93.

Архангельской губернии, не вызывала у крестьян недовольства.¹ Их отношение к советам было скорее положительным – как справедливо подчёркивал Сергей Яров, «многие крестьяне не воспринимали Советы как некие совершенно новые органы. Они оценивались ими, скорее, как преемники прежних структур власти».² На третьем Олонецком губернском съезде Советов, проходившем в конце января – начале февраля 1918 года, была принята резолюция по земельному вопросу, согласно которой вся земля объявлялась общенародным достоянием, и только крестьянам присваивалось право перераспределения земель.³ С весны 1918 года в уездах и волостях начался уравнительный передел земли.

Но уже весной 1918 года в разных регионах Карелии и по разным причинам ситуация взорвалась. Обобщая, можно выделить следующие важнейшие факторы:

1. Острая нехватка продовольствия и угроза голода;
2. Политика продовольственной диктатуры, проводимая большевиками главным образом в районах Олонецкой Карелии, которая вела к глубокой социальной сегрегации деревни. Деревня раскололась, конфликты между односельчанами становились всё жёстче, атмосфера – всё накалённее. Свидетельством огромного социального и политического напряжения были крестьянские восстания, в частности, мятеж в Олонце в июне 1918 года, подавленный присланным из Петрограда Гатчинским полком.⁴

В интервью карельского крестьянина из д. Пяльозеро А. Ольшина (Ольшайнена), бежавшего в Финляндию, читаем: «Революция пришла и грабежи. Тогда стали облагать сильно, [мы] платили и платили, пока не содрали всё. [Мы] противились большевикам. [Нас] угрожали посадить в тюрьму. Было собрание, на котором опять угрожали. [...] Предстояло собрание – деньги отнимать. [Мы] сопротивлялись, не будем платить. Угрожали винтовкой.»⁵ Повествование Ольшина завершается рассказом о драке части деревенских с большевиками на собрании, о побеге нескольких человек в лес, а потом – в Финляндию. Подобная схема событий встречается во многих рассказах карельских беженцев – именно в Финляндии искали спасения угнетаемые «кулаки», именно оттуда ждали помощи недовольные новой властью жители карельских деревень Олонецкой губернии. Так социальное расслоение обернулось здесь расколом национальным: антисоветски настроенные крестьяне ориентировались на белую (после окончания Гражданской войны) Финляндию, а карелы, примкнувшие к большевикам, сражались в российской красной армии.

3. Последней каплей стала проводившаяся зимой-весной 1918 года принудительная мобилизация, против которой в волостях с карельским населением (Ведлозерской, Поросозерской, Рыпушкальской и Сямозерской) произошёл ряд протестных крестьянских выступлений.⁶ В правительство Финляндии хлынул поток писем из Олонецкой Карелии с просьбами о помощи и о присоединении к Финляндии.⁷

¹ О реакции крестьян на революционные изменения см.: Aaron B. Retish. *Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State, 1914-1922*. Cambridge, 2008. S. 95.

² С.В. Яров. *Человек перед лицом власти. 1917-1920-е гг.* М., 2014. С. 15.

³ История Карелии с древнейших времён до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 374.

⁴ А.Ю. Осипов. *Финляндия и гражданская война в Карелии*. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Петрозаводск, 2006. С. 79-80. Материалы расследования событий Олонецкого восстания содержатся в архиве УФСБ Российской Федерации по республике Карелия, Ф. 6, д. 13. О событиях Олонецкого восстания рассказывается также в воспоминаниях сына одного из инициаторов восстания, Пекки Парнанена: КА, Е-Aunus 12.

⁵ КА, Heimosota-asiakirjat, P-Aunus 48.

⁶ Осипов, с. 95-96.

⁷ Jouko Vahtola. *Nuorukaisten sota. Suomen sotaretki Aunukseen 1919*. Helsinki, 1997, s. 21-23.

4. Одним из наиболее существенных факторов, определявших ситуацию в Беломорской Карелии, являлась дислоцирование вооружённых сил Антанты в Мурманске, на Кольском полуострове и вдоль Мурманской железной дороги (март 1918 - сентябрь 1919гг.). Именно под эгидой и контролем союзных сил, и прежде всего английского военного командования происходило формирование финских и карельских воинских подразделений и их деятельность в регионе;¹

5. Важным фактором, влиявшим на ситуацию в Карелии, стала Гражданская война в Финляндии в январе-мае 1918 года, в результате которой отряды красных финнов, бежавшие через границу, концентрировались в пределах Российской Карелии и зачастую принимали участие в здешних событиях. Так, из финских красноармейцев в июне 1918 года был создан англичанами, т.н. Мурманский легион, воевавший на севере Беломорской Карелии и Кольском полуострове;²

6. Ведущую роль в событиях, разворачивавшихся в карельских регионах Архангельской губернии, играло сформированное в августе 1918 под эгидой союзников правительство белой Северной области во главе с генералом Евгением Миллером (просуществовало до февраля 1920гг.) и деятельность Северной армии. Беломорская Карелия в административном отношении была частью Северной области, однако претензии Северного правительства на управление карельскими регионами встречали резкий протест с их стороны;

7. Наконец, одной из важнейших сил, повлиявших на ход событий в карельских регионах, была Финляндия, в которой после получения независимости и особенно после победы белых в гражданской войне ускорились процессы национальной мобилизации. Широкие круги финских националистических активистов, охваченные стремлением воплотить в жизнь мечту о Великой Финляндии, а для этого присоединить к ней карельские регионы, разрабатывали и осуществляли планы военного вторжения.

Как руководство к действию было воспринято воззвание главнокомандующего финской белой армией Маннергейма, адресованное его воинам, которое содержало недвусмысленный призыв «защитить братьев в Беломорской Карелии», изгнав из неё «ленинских солдат и бандитов».³ Представления финского правительства и Главного штаба о реальной ситуации в Российской Карелии были искажёнными: они пользовались сведениями, поступавшими от карел, живших в Финляндии, которые сами часто принимали желаемое за действительное.⁴ Военная экспедиция финнов в Беломорскую Карелию длилась почти семь месяцев (с 21 марта по 2 октября 1918 года), и этот сюжет хорошо освещён в научной литературе.⁵ Для нас же особенно важно остановиться на

¹ Интервенция английских войск на Русском Севере началась 6 марта 1918 года высадкой небольшого отряда в Мурманске, затем, в начале августа 1918 года, английские войска высадились в Архангельске. Продвижение англичан вдоль мурманской железной дороги к югу началось поздней весной и летом 1918 года, но уже ранней весной всеми участниками конфликта ощущалось наличие их подразделений в регионе как серьёзного фактора. См. например: Richard H. Ullman. *Intervention and the War, Anglo-Soviet Relations, 1917-1921*. I. Princeton, 1961.

² О деятельности так называемого «Мурманского легиона» красных финнов в Поморье см.: J. Nevakivi *Murmannin legioona. Suomalaiset ja liittoutuneitten interventio Pohjois-Venäjällä 1918 – 1919*. Helsinki, 1970; В.И. Голдин. *Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918 – 1920*. М., 1993.

³ Цит. по: Элеонора Иоффе. *Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия*. Санкт Петербург, 2005. С. 157-158.

⁴ Raimo Ranta. S. 124.

⁵ См. например: Jouko Vahtola. "Suomi suureksi – Viena vapaaksi"; Mirko Harjula. *Venäjän Karjala ja Muurmanni 1914-1922: maailmansota, vallankumous, ulkomaiden interventio ja sisällissota*. Helsinki, 2007. S. 73-75, 78-81, 92-113; См. также: Марина Витухновская-Кауппала. «Карелия для карел!». С. 267-275.

реакции жителей карельских волостей на приход «соплеменников – освободителей» (именно так воспринимали себя финские добровольцы).

Важнейшим фактором в этом, как и во всех последующих случаях было то, что регион находился на грани голода. Местные жители с раздражением относились к пребыванию на своей земле финских отрядов, которые не только призывали уставших от войны карел присоединиться к их борьбе, но и истощали и без того скудный запас продовольствия.

В поисках поддержки и спасения карелы захваченных финнами волостей обратили свой взор на британские военные подразделения. Летом 1918 года с помощью британцев в Кеми был сформирован Карельский полк, который и выступил против финнов. Его лозунгами были "Финны, прочь из Карелии!" и «Карелия для карел!». История создания и функционирования Карельского полка хорошо изучена¹ и отражена в воспоминаниях как самих участников, так и руководителя отряда, британского полковника Филиппа Вудса, опубликованных Ником Бароном.² К октябрю 1918 года при активной поддержке англичан (справедливо считавших в то время Финляндию союзником Германии) Карельский полк полностью вытеснил финские добровольческие отряды с территории Беломорской Карелии, после чего дислоцировался в Кеми и освобождённых волостях, сформировав здесь заграждение вдоль границы с Финляндией.

Действия Карельского полка положили начало карельскому национальному движению, в течение нескольких месяцев приведшего к провозглашению карельской независимости. После изгнания финских добровольцев отряд дислоцировался в волостях Беломорской Карелии и создал реальную основу для формирования здесь независимого государственного образования. Окончательным толчком стала объявленная Северным правительством принудительная мобилизация. Это вызвало бурный протест карельского населения.

Помимо этого, раздражение карел вызывала неспособность белого правительства обеспечить снабжение их региона хлебом. Перечень претензий крестьян к белым содержится в более поздних донесениях начальников милиции волостей Беломорской Карелии, фиксировавших причины присоединения крестьян к самопровозглашённому карельскому правительству. Так, жители деревни Пибозеро (*Piepjärvi*) Маслозерской волости сообщили, что «их заставило приписаться к Ухтинскому Карельскому Правительству: 1). реквизиция лошадей, 2). распоряжение о сдаче военным властям шубы

¹ Stacy Churchill. Itä-Karjalan kohtalo 1917–1922. Itä-Karjalan itsehallintokysymys Suomen ja Neuvosto-Venäjän välisissä suhteissa 1917–1922. Porvoo-Helsinki, 1970. S. 98–101; Е.Ю. Дубровская. Общественная жизнь карельского населения. С. 136-152; Idem. Судьбы приграничья в "Рассказах о гражданской войне в Карелии" (по материалам архива Кар. НТЦ РАН) // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. Материалы международной конференции к 75-летию ИЯЛИ Кар. НТЦ РАН. Петрозаводск, 2005. С. 102-106; Idem. Карелия и Финляндия: гражданская война, интервенция и военная повседневность в исторической памяти населения приграничья // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Вып. 3. Петрозаводск, 2009. С. 253-262; Марина Витухновская-Кауппала. «Карелия для карел!». С. 271-275.

² Воспоминания участников похода хранятся в Научном архиве Карельского научного центра Российской Академии наук (НА КНЦ РАН). (Из воспоминаний И. Ф. Лежоева // НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 139; Из воспоминаний Ф. А. Лесонена // НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 140.) Воспоминания полковника Вудса см.: Nick Baron. The King of Karelia. Col. P.J. Woods and the British Intervention in North Russia, 1918-1919. A History and Memoir. London, 2007. Русское издание: Ник Барон. Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918-1919 гг.: история и мемуары. СПб., 2013.

и проч. английского обмундирования. 3). нежелание вести с кем либо войну и 4). недостаточный отпуск продуктов из Кемского Земства».¹

Начиная с февраля 1919 года было созвано несколько съездов представителей волостей Беломорской Карелии, на которых избрали, последовательно, Карельский национальный комитет (18.2.1919) и Временный Комитет Беломорской Карелии (21.7.1919; часто его называли сокращённо Toimikunta – Комитет), являвшиеся, по сути дела, временными правительствами региона. На каждом из съездов была провозглашена независимость Российской Карелии.

Полковник Вудс вспоминает, что в конце января 1919 к нему явилась карельская депутация. Карелы сообщили, что знают о скором уходе англичан из России, и опасаются оказаться вновь под русским господством. Вудс отмечает, что «среди карел необычайно вырос национальный дух», что они невзлюбили финнов и одновременно не доверяли русским. Поэтому они стремились стать независимой нацией.² Вудсу удалось точно сформулировать суть проблемы: национальный дух и стремление к независимости начали формироваться у карел тогда, когда они оказались в безвыходной ситуации, теснимые со всех сторон враждебными силами. Бойцам Карельского отряда и поддерживающему его населению виделся один выход – обособиться и создать независимое государственное образование. Создание своего, независимого ареала посреди бушующей схватки, на развалинах страны было одной из попыток спастись, такой же крестьянской стратегией, как массовое дезертирство и крестьянские восстания.

Постепенно резко антифинский настрой Комитета стал сменяться более миролюбивой позицией, которая мотивировалась острой потребностью в продовольствии. Британский источник снабжения был закрыт: союзники, требуя, чтобы карелы подчинились Северному правительству, разрешили им получать продукты только с его складов. Этот путь был для карел исключён, и единственной реальной альтернативой оказалась Финляндия.³ Перемены стали происходить и в настроениях финского правительства, которое после двух «освободительных» добровольческих походов⁴ сменило тактику, предпочитая теперь мирную инвазию в карельские регионы.⁵ Сближение интересов обеих сторон привело к принципиальному решению: Комитет обратился к финскому правительству с прошением о займе, и получил субсидию в два миллиона марок для приобретения продовольствия. Этот заём обеспечил Комитету стабильное существование, особенно начиная с сентября 1919 года, когда союзники покинули Мурманский край.⁶

¹ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-519. Оп. 2. Д. 1/3. л. 4 – 6 об., 9-13. Опубликовано в: М.А. Витухновская-Кауппала. Карельский крестьянин в горниле Гражданской войны, 1917-1922гг. // Карелы российско-финского пограничья в XIX – XX вв. / Сб. статей. Отв. ред. А.М. Пашков. Петрозаводск, 2013. С. 209.

² Ник Барон. Король Карелии. С. 109.

³ Stacy Churchill. S. 127.

⁴ Второй «добровольческий» поход финнов в Олонецкую Карелию (т.н. «Олонецкий поход») состоялся с 21 апреля по 18 сентября 1919 года. См. об этом: см.: Jouko Vahtola. Nuorukaisten sota. Suomen sotaretki Aunukseen 1919. Helsinki, 1997 и А.Ю. Осипов. С. 121-156.

⁵ В марте 1919 года прошли выборы в парламент Финляндии. Социал-демократы, которые выступали против военного вторжения в Карелию, вновь стали парламентским большинством, получив 80 мест из 200. Однако их позиция возобладали не сразу. Новое правительство, которое возглавил Карл Кастрен, поначалу поддержало т.н. «Олонецкий» добровольческий поход в Карелию. Однако неудача похода, как и отсутствие международной поддержки, привели к тому, что в Финляндии всё больше укреплялось мнение об отказе от военного решения «карельского вопроса». (см.: В.М. Холодковский. С. 73– 85).

⁶ Mauno Jääskeläinen. Itä-Karjalan kysymys. Kansallisen laajennusohjelman synty ja sen toteuttamisyritykset Suomen ulkopoliitikassa vuosina 1918–1920. Porvoo-Helsinki, 1961. S. 257.

Карельское независимое государственное образование получило окончательное оформление в ходе т.н. «Ухтинского съезда депутатов провинции» в марте-апреле 1920 года. Комитет понимал этот съезд как учредительное собрание, которое должно было выбрать форму правления и властные структуры, в его работе участвовало 118 делегатов от девяти волостей Беломорской Карелии. Съезд провозгласил независимость региона и желание карел «свободно и независимо решать свои дела», а также выбрал правительство. Однако в мае 1920 года окрепшие большевистские силы изгнали вновь избранное правительство и заняли волости Беломорской Карелии. 8 июня территория девяти объявивших независимость волостей была включена в состав Карельской трудовой коммуны (см. о ней далее).

Две приграничные волости Повенецкого уезда Олонецкой губернии, Ребольская и Поросозерская, избрали для себя другую стратегию. Одна за другой, с разрывом в год они приняли на общих собраниях решение о выходе из России и о вхождении в состав Финляндии. Эти волости располагались у самой границы с Финляндией и ещё в предреволюционное время были тесно экономически с ней связаны. Ребольская волость приняла решение о присоединении к Финляндии на общем волостном собрании 31 августа 1918 года. Поросозерская волость, также экономически ориентированная на Финляндию, последовала примеру Ребол летом 1919 года, во время финского волонтерского похода в Олонецкую Карелию.¹ Формально Ребольская и Поросозерская волости были независимыми образованиями под протекторатом Финляндии - и это стремление сохранить автономию говорит как о попытке жителей спасти карельскую национальную самобытность, так и об их стремлении предохраниться от хищнической эксплуатации финнами лесного фонда. Обе волости просуществовали под протекторатом Финляндии до Тартуского мира (14 октября 1920г.), по решению которого они были переданы Советской России.

Население Олонецкой Карелии, находившейся под властью большевистского правительства, не было способно выработать единой стратегии. Установление "продовольственной диктатуры" в Олонецкой Карелии, деятельность продотрядов и комбедов, несоразмерные поборы и рекрутирование мужского населения в ряды Красной Армии привели здесь к серьезным социальным конфликтам, как это было и по всей России. Сильное размежевание в пределах каждой деревни, давление пробольшевистски настроенных крестьян на мало-мальски имущих (имущественная дифференциация жителей карельских деревень не была глубокой) имели своим результатом локальные восстания, бегство крестьян в леса и обращения сельских собраний за помощью к Финляндии.²

Вследствие потока жалоб и просьб о помощи части олонецких карел в Финляндии в начале 1919 года вновь сформировались добровольческие отряды, вдохновлённые идеей спасения «соплеменников». 21 апреля 1919 года белые финские добровольческие отряды пересекли границу и двинулись «освободить» своих олонецких братьев. В их рядах было определённое количество карел-беженцев. И, если в Беломорской Карелии отряды добровольцев были встречены прохладно, то часть олонецких карел, уставшая от

¹ Пекка Кауппала. Формирование и расцвет автономной Советской Карелии, 1918-1929гг. Забытый успех раннесоветской национальной политики. // *Ab Imperio*, 2002, № 2, с. 317; о выделении Ребол: Mauno Jääskeläinen. Die ostkarelische Frage. Die Entstehung eines nationalen Expansionsprogramms und die Versuche zu seiner Verwirklichung in der Aussenpolitik Finnlands in den Jahren 1918-1920. Helsinki, 1965 (=Studia Historica 6), с. 143-145.

² См. об этом, например: Jouko Vahtola. Nuorukaisten sota.

комбедов и подразвёрстки, принимала их хлебом-солью. Правда, другая часть местных жителей сражалась на стороне большевиков.¹

Финские войска быстро продвигались на восток, захватывая всё новые волости. В июне на съезде в Видлицах было образовано подконтрольное Финляндии Олонецкое временное правительство. По мнению исследователей, его роль была скорее представительской, а вся реальная власть была в руках у финского командования.² Однако крестьянская масса была не готова присоединиться к военным действиям. Пассивные, аморфные и уставшие от войны карелы были в большинстве своём рады освободителям от большевиков, но, за исключением участия в отрядах шюцкора, почти не поддержали делом финские войска. В сентябре финские добровольцы под массивным напором красной армии покинули Олонецкую Карелию.

Один из участников этого добровольческого похода, капитан Саура, вспоминая о карельских беженцах, отступавших вместе с ним в Финляндию, дал точную характеристику настроений местных жителей. Он писал: «Лишь некоторые [из них] понимали цель войны и поддерживали её, но другие не понимали совсем, даже когда им объясняли. «Рюссия»³ был плохим, но правителем, «руочи»⁴ - хороший и слабый, таково было обычно [их] представление. [Они] везде желали, чтобы вернулось царское время».⁵

Советское правительство, стремясь противопоставить финскому и карельскому национальным проектам некую альтернативу, приняло решение воплотить в жизнь альтернативный карельский национальный проект, неразрывно связанный с Советской Россией. За основу этого проекта были взяты предложения финского социал-демократа Эдварда Гюллинга, находившегося в эмиграции в Швеции, отправленные им в Москву осенью 1919 года. Ирина Такала отмечает, что Гюллинг, предлагая идею «особой Карельской коммуны», предполагал решить три проблемы: удовлетворить национальные интересы карельского населения, лишиться Финляндию оснований претендовать на Российскую Карелию и создать плацдарм для подготовки революции в Финляндии и Скандинавских странах.⁶ Создание Карельской трудовой коммуны было одобрено Политбюро ЦК РКП (б) 18 мая 1920 года, а 8 июня декрет ВЦИК закрепил это решение.⁷

Против этого проекта энергично выступили тысячи карельских беженцев, находившихся в Финляндии. В расположенном недалеко от границы финском селе Лиекса 15 августа 1920 года было проведено общее собрание беженцев, решение которого было

¹ О т.н. «Олонецком походе» см.: Jouko Vahtola. Nuorukaisten sota, и Осипов, с. 121-156.

² Осипов, с. 127.

³ «Ryssä» - уничижительное название русских в Финляндии.

⁴ «Руочи» (от финского «ruotsi») – так карелы называли финнов. Это название вероятно связано с тем историческим периодом, когда финны в составе шведского государства участвовали в русско-финских войнах; боевые действия часто проходили в карельских регионах.

⁵ КА, Е-Аunus 22. Перевод автора.

⁶ Ирина Такала. Национальное строительство или политический проект? Финский фактор в становлении карельской автономии // Проникновение и применение дискурса национальности в России и СССР в конце XVIII - первой половине XX вв. / Ред. Индрек Яатс, Эрки Таммиксаар. Тарту, 2011. С. 138.

⁷ О создании Карельской Трудовой Коммуны см.: Pekka Kauppalä. Sowjet-Karelien 1917–1941: Leistung und Schicksal eines sozialistischen Regionalexperiments / Diss. Freiburg, 1992. Freiburger Dokumentenserver: <https://freidok.uni-freiburg.de/data/6678> Последнее посещение 8.02.2008; А. А. Левкоев. Национальная политика в Советской Карелии (1920–1928 гг.) / Дисс.... канд. ист. наук. Санкт Петербург, 1995; Idem. Финляндская коммунистическая эмиграция и образование Карельской автономии в составе РСФСР (1918–1923) // Общественно-политическая история Карелии XX века. Петрозаводск, 1995; Markku Kangaspuro. Neuvosto- Karjalan taistelu itsehallinnosta. Nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä 1920–1939. Helsinki, 2000 (=Bibliotheca historica 60); Ирина Такала. Национальное строительство или политический проект?; Андрей Изыдорович Бутвило. Карельская Трудовая коммуна. Петрозаводск, 2011.

адресовано финскому правительству. Резолюция собрания, в частности, гласила: «...мы, беженцы карелы Олонецкой и Архангельской губернии [...] узнав от вновь прибывших беженцев, что в гор. Петрозаводске Олонецкой губернии [...] было постановлено от имени всего карельского народа ввести в Карелии коммунистический строй. Ввиду этого мы карелы протестуем против явного насилия над волей карельского населения, которое далеко не желает ничего общего с коммунистами. Мы глубоко убеждены, что постановление в Петрозаводске было желанием ничтожного меньшинства из карел и большевиков-коммунистов, которое вылило своё желание в постановление от имени карельского народа, надавив на народную волю красноармейскими штыками в то время, наводнившими всю Карелию. [...] Надеемся, что Финляндское правительство и родственный нам финский народ доведёт [...] до сведения всего цивилизованного мира ещё одно большевистское насилие и ложь».¹

Невзирая на эти голоса, Карельская трудовая коммуна была создана, и ситуацию не смогли изменить никакие попытки реванша со стороны временного правительства Карелии. Начавшееся в ноябре 1921 года крестьянское карельское восстание, в котором участвовало около 2500 карел и пятисот финских добровольцев, и к которому массово присоединялись местные жители, было разгромлено в феврале 1922 года превосходящими силами Красной армии.²

Подведём некоторый итог. Карельское население Северо-Запада России оказалось в годы Гражданской войны объектом воздействия нескольких противостоявших друг другу политических сил и воинских формирований. Отчаянность положения карельских крестьян усугубляла висевшая над ними и всё время усиливавшаяся угроза голода, и именно это обстоятельство стало главным фактором при определении ими той или иной стратегии выживания. Крестьяне разных регионов Карелии выбирали те или иные способы самосохранения чутко реагируя на обстоятельства, выбирая те политические и военные силы, которые, по их мнению, были способны оказать им наиболее эффективную помощь.

В 1918 году для большинства беломорских карел это были вооружённые силы союзников, которые, не посягая на национальную самобытность карельского населения, помогли ему освободиться от финских волонтёрских частей и обеспечить регион продовольствием. Однако по мере того, как союзники всё больше и больше настаивали на подчинении карельских регионов правительству белой Северной области, настроения беломорских карел менялись, ибо идеи единой и неделимой России были им чужды, и своё спасение они видели в обособлении и создании своего, карельского государства.

Как нам кажется, карельский национальный проект может быть интерпретирован как одна из форм крестьянского сопротивления периода гражданской войны. По справедливому замечанию Т.В. Осиповой, «крестьянство в основной своей массе стремилось уклониться от участия в гражданской войне, остаться по возможности нейтральным».³ Если это не удавалось, крестьянские сообщества оборонялись, а потом восставали. Десятки крестьянских восстаний периода Гражданской войны проходили по более или менее похожей схеме: формировалась определённая самоуправляющаяся

¹ UA, ryhmä 11, osasto AI, asia 3.

² О карельском крестьянском восстании 1921-22гг. см.: Jääskeläinen, S. 319–321; К.В. Гусев. К истории карельского мятежа (по материалам комиссии по реабилитации при президенте РФ) // Отечественная история. 1996. № 6. С. 71-84; Юрий Килин. Карелия в политике Советского государства 1920 – 1941. Петрозаводск, 1999. С. 55-70; А.Ю. Осипов. С. 172-212.

³ Т.В. Осипова. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М, 2001. С. 119.

территория, охранявшаяся народным ополчением.¹ В случае с карельским квазигосударством важным является и национальный фактор – под внешним давлением карельский протонационализм начал быстро развиваться и оформился в полноценный национальный проект. Развернувшееся в конце 1921 - начале 1922 года и потерпевшее поражение Карельское восстание имело своей целью восстановление карельской государственности, но уже на антибольшевистской основе.

В нашем сообщении приведены и другие примеры тех стратегий самосохранения, которые избирались карельским населением. Характерное для некоторых национальных регионов периода Гражданской войны стремление «прислониться» к более состоятельному экономически и политически и близкому этнически соседу (один из примеров – создание государства Бурят-Монголия) привело Ребольскую и Поросозерскую волости к решению о выходе из состава России и принятии протектората Финляндии.

Наконец, пережившая нелёгкие распри, социально и политически расколота Олонецкая Карелия, а несколько позже и Карелия Беломорская, были вовлечены в созданный советским правительством альтернативный карельский национальный проект. Несмотря на протесты карельских беженцев, созданный 1 июля 1920 года Всекарельский съезд трудящихся карел, в котором приняло участие 142 делегата от 24-х карельских волостей, одобрил создание Карельской Трудовой Коммуны.² В резолюции съезда читаем: «Торжественно от имени карельских трудящихся масс Олонецкой и Архангельской Карелии [...] заявляем, что карельское трудовое население не хочет порвать культурных, экономических, политических и государственных связей с Советской Россией и совершенно не думает о присоединении к белой Финляндии. Карельский народ чувствует себя свободным в пределах Советской России...»³ Карельская Трудовая Коммуна, предложившая карельскому населению форму национального дома в виде национальной автономии внутри Советской России, просуществовала до июля 1923 года. Включив в свой состав русские районы Олонецкой губернии, Коммуна сменила название на Автономную Карельскую Социалистическую Советскую Республику, однако сохранила основные принципы частичного самоуправления. История этого государственного образования выходит за рамки нашей темы.

¹ О крестьянских восстаниях в период Гражданской войны см. например: Михаил Френкин. Трагедия крестьянских восстаний в России 1918-1921. Иерусалим, 1987; Т.В. Осипова. Российское крестьянство в революции и гражданской войне; П.Ф. Алешкин, Ю.А. Васильев. Крестьянские восстания в России в 1918-1922гг. От махновщины до антоновщины. М., 2012; Крестьянский фронт 1918-1922. Сб. статей и материалов. Сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М., 2013; «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сб. статей и материалов. Сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М., 2015; В.Г. Яценко. Хроника утаённого бунта: антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону (1918-1923). Изд. 2. М., 2017; Тамбовское восстание 1920-21гг.: исследования, документы, воспоминания. Под ред. А.В. Посадского. М., 2018; А.В. Посадский. Зелёное движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918-1922. М., 2018.

² Ibid., с. 429-430. О создании Карельской Трудовой Коммуны см.: Pekka Kaupala. Sowjet-Karelien 1917-1941: Leistung und Schicksal eines sozialistischen Regionalexperiments (Diss.). Freiburg 1992. Freiburger Dokumentenserver: <http://www.freidok.uni-freiburg.de/volltexte/6678/>; А.А. Левкоев. Национальная политика в Советской Карелии (1920-1928гг.) Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Рукопись. СПб., 1995; Ibid. Финляндская коммунистическая эмиграция и образование Карельской автономии в составе РСФСР (1918-1923). – Общественно-политическая история Карелии Карелии XX века. Петрозаводск, 1995; Markku Kangaspuro. Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta. Nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä 1920 – 1939. Helsinki, 2000 (=Bibliotheca historica 60).

³ Всекарельский съезд представителей трудящихся карел 1-3 июля 1920г. Первый Всекарельский съезд Советов 11-18 февраля 1921г. Протоколы. Петрозаводск, 1990, с. 35-36.

Способы выживания академического сообщества в годы гражданской войны: По материалам переписки академика А.А. Шахматова

Огромный по размеру фонд академика А.А. Шахматова хранится в СПб филиале Архива РАН и представляет собой собрание ценнейших источников по истории русской интеллигенции, в особенности, конечно, академической элиты, но также и настроений в различных культурных кругах за несколько десятилетий активной жизни в науки самого А.А. Шахматова, то есть с 1880-х годов по 1920 г. В частности, речь идет и о времени гражданской войны, жертвой которой в каком-то смысле стал он сам.¹ А.А. Шахматов умер в конце лета 1920 г. от заболевания, вызванного последствиями недоедания и тяжелых физических нагрузок. В отличие от многих своих коллег он не покинул Петроград и даже продолжал вести занятия в университете. Ему в это время писало огромное число людей его круга, зачастую только в нем видевших возможность узнать о судьбе близких, спасти то, что дорого, восстановить связь с Академией наук.

Таким образом, переписка А.А. Шахматова тех лет есть своеобразная «энциклопедию русской жизни», если не всей, то, во всяком случае, жизни академической (гуманитарной) элиты, которую разбросало почти по всей стране, тогда как в предшествующий период она вся была сосредоточена в основном в Петербурге и Москве, и отчасти в нескольких университетских городах. Это было первое и тяжелое испытание для ученых: быть оторванным от столиц, от библиотек, архивов, рукописных хранилищ, зачастую, от своих многолетних трудов; не знать их судьбы и бояться, что они погибли, что для многих было почти равносильно собственной смерти. К этому вопросу мы еще вернемся.

Нами уже была подвергнута исследованию переписка А.А. Шахматова в эпоху революций и гражданской войны с В.М. Истриным и В.Н. Перетцем.² Сейчас предметом анализа стали комплексы переписки с Н.К. Никольским, С.П. Розановым, А.Е. Пресняковым и письма ученика А.А. Шахматова С.А. Еремина своему учителю.

Основной проблемой для ученых того времени, как и для других жителей городов, стало физическое выживание в условиях города и лишений. Люди неожиданно оказались в условиях, к которым большая часть из них была совершенно не подготовлена опытом предшествующей жизни. В наиболее благоприятных условиях оказались те, кто смог уехать в свои еще сохранившиеся поместья (поместье А.А. Шахматова Губаревка, где он всегда жил летом, сгорело в самом начале гражданской войны, и это лишило его возможности найти там убежище от голода для своей семьи). Также очень помогала жизнь у родственников в деревне или на старых дачах, там, где можно было кормиться от земли и хозяйства. Некоторые ученые оказались в состоянии в итоге относительно удачно приспособиться к этой новой стороне жизни, хотя и не могли, разумеется, радоваться такому опыту. Наиболее подробно хозяйственная сторона новой жизни

¹ В настоящее время начало планомерное издание неопубликованной переписки А.А. Шахматова. См.: А.А. Шахматов. Избранная переписка. В 3-х томах. Т.1. Переписка с Ф.Ф. Фортунатовым, В.Н. Перетцем, В.М. Истриным. СПб., 2018/ отв. Ред. В.Г. Вовина-Лебедева.

² *Вовина-Лебедева В.Г.* Отражение революции в переписке А.А. Шахматова // Великая Российская революция 1917: сто лет изучения. Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2017. С. 432–441.

изложена в письмах А.А. Шахматову его коллеги по работе в Библиотеке АН и по трудам над древнерусскими хронографами С.П. Розанова.¹

Уже летом 1917 г. С.П. Розанов понял, что Петроград таит опасность, что там будет трудно выжить. В письме А. А. Шахматову 25–28 июля 1917 из Сосниц Черниговской губ., где он проводил лето на хуторе, подробно рассказывается о хозяйственных работах в Сосницах, о погоде, сене и видах на урожай. Видно, что С.П. Розанов был настоящим хозяином, разбирался в сельской жизни, и ввиду этого уже можно понять, что в грядущих испытаниях у него было больше шансов уцелеть, чем у иных коллег: «Сено у нас сейчас 1 р. 40 к. пуд, а из Москвы мне писали, что там 5 рублей и дороже. Конечно, хотелось бы продать подороже, и оно, как обычно, дальше, к весне, и будет дороже ... Не знаю, как это все будет, а хотелось бы и сделать фруктовые посадки, и увеличить площадь огорода, и осушить болотистые места, и мн. др.»².

Следующее письмо С.П. Розанова сохранилось уже от 30 апреля 1919 г. В нем сразу же сообщается самое главное, то, что могло быть и самым страшным и самым счастливым в изменившемся мире: «Мы все в сборе (двое старших сыновей приехали в начале августа и осенью никто из них в Петрограде не был), только старший работает в качестве фельдшера с 40 верстах от Сосницы». Первые слова («мы все в сборе») обретают особый смысл, если обратиться к письму С.П. Розанова этого же года, но уже декабря: «Напишите о себе, о своих, об Академии, университете и наших общих знакомых. Мы здесь сидим и ниоткуда почти вестей не получаем. Я недавно только узнал, что моя мать давно уже умерла, а младший брат убит, но при каких обстоятельствах — неизвестно...»

Возвращаясь к весеннему письму С.П. Розанова 1919 г., отметим, что в нем подробно рассказывается о том, как удастся выжить чудом собравшейся вместе семье: «С марта месяца я поступил здесь на службу в Отдел внутренних дел в качестве заведующего Информационно-инструкторским подотделом. Трудно со службой хозяйствовать в хуторе, но и без денег жить невозможно (получаю 798 руб.). К счастью, мне удалось найти товарища по обработке хуторской земли (с семьей в 3 рабочие силы) и мы теперь работаем вместе (когда я на службе, работает сын Володя). Благодаря хутору, мы все-таки сыты. Жаль только, что у нас нет коровы. Цены здесь такие: молоко до 1 р. стакан, масло коровье 35 руб. ф., сало 25 руб., мясо 10 р. (свинина 12 р.), яйца 13–15 р. десяток, куры 50–75 р. штука, картофель 25 р. пуд, муки и крупы на базаре почти нет, доставать можно только через знакомых (на днях объявили вольную продажу, но поздно, обыватели слишком запуганы и ко всему относятся подозрительно) по цене приблизительно: мука 300 руб. пуд, а крупы 5–7 рублей фунт». С.П. Розанов, видимо, принадлежал к типу людей, стоящих на реальной почве. Поскольку, по его словам, он «уже потерял надежду на скорое успокоение в России», то вывод был одним: «Приходится крепко держаться за свой уголок земли, так как с ним не голодаешь, а то ведь многое не достанешь и за деньги, да и плату натурой теперь предпочитают. Имею теперь на своей земле: рожь, ячмень, овес (немного), на днях буду сажать картофель, а потом сеять гречку. На огороде посеял кормовую свеклу и обычные огородные овощи, семян удалось достать, хотя и по очень дорогой цене»³. И через год, в мае 1920 г. С.П. Розанов все еще писал А.А. Шахматову: «Переезжать совсем в Петроград боимся, так как тогда мы лишимся хутора, а он пока как ни как кормит нас».

Любопытно это подробное перечисление цен, тем более, что в письме, написанном весной 1920 г. есть другой перечень, позволяющий увидеть гиперинфляцию за год:

¹ Переписка А.А. Шахматова с С.П. Розановым будет помещена во втором томе и в настоящее время готовится к публикации Е.Н. Груздевой.

² СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1300. Л. 116–117об.

³ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1300. Л. 118–120об.

«Жизнь наша — довольно грустная, но, по крайней мере, благодаря своему хозяйству, мы пока не голодаем: хлеб, картофель, молоко, яйца, чай (сушеные яблоки), кофе (ячмень), дикие груши, кислая капуста, огурцы, свекла пока свои. Базарные цены такие: печеный хлеб — 100 р. фунт, картофель — 600 р. пуд, крупа — 60 р. ф.; масло коровье — 700 р. ф.; сало — 600 р. ф.; мясо — 150 р. ф.; свинина — 200 р. ф.; курица — 500–1200 р. ф.; мало растительное — 500 р. ф.; сахар — 15 р. кусок, яйца — 200 р. десяток; молоко 15–20 руб. стакан. А получаем мы жалованья 3200, а новая ставка — 4300 в месяц, при чем учителям жалованье постоянно задерживается».¹

Несмотря на хутор, наличие которого, конечно, делало жизнь С.П. Розанова и его семьи гораздо более благополучной, чем у многих людей его круга, уровень жизни был, конечно, далек от привычного. 29/16 декабря 1919 г. С.П. Розанов писал А.А. Шахматову: «Мы, что называется, переползаем изо дня в день. Хотя и не голодные, но питаемся без мяса и почти без жиров, так как последние здесь дороги». Кроме вопросов питания остро ощущалось отсутствие условий для нормальной работы, в частности, проблемы с освещением, что для людей интеллектуального труда было важно: «Но что особенно нас удручает, это отсутствие настоящего освещения: освещаемся одной лампочкой, почему масса времени пропадает для дела. Я бросил свою службу в здешнем Исполкоме (где заведовал информационным отделом) и перешел в школу, в бывшую женскую гимназию (женская школа II-й ступени), где преподаю в общем классе историю литературы, а в другом педагогике, да состою товарищем председателя нашего Школьного совета. Хотя школа крайне расстроена, но все-таки чувствуется в ней куда лучше, чем в Исполкоме. Если бы было настоящее освещение, занялся бы курсом педагогики, но при этом освещении, да еще иногда и в холоде, ни к каким книжным занятиям не влечет, а днем некогда, так как кроме школы все остальное время без остатка поглощается хозяйством (прислуги у нас нет никакой, да во дворе 5 голов скота)».

И, конечно, в таких условиях было страшно куда-то уезжать: «Хотел было на Рождество съездить в Петроград, но без теплой одежды ехать в такие холода, да еще в нетопленых вагонах и в течение целой недели — боязно. А кроме того, может быть там у нас уже растащено то, что нам нужно. Приходится отложить до более теплого времени.»² В более позднем письме С.П. Розанов писал также, что «вагоны являются питомниками тифа: 2/3 едущих в них заболевают тифом», а ведь и так в Сосницах «нет почти дома, где не было бы тифа, и много умерло от него». Страх болезни был вызван, конечно, и боязнью за семью, которая жила вместе, и, следовательно, стала бы жертвой эпидемии, если бы заразился кто-то один. Правда, в мае 1920 г. произошло событие, которое, видимо, усилило мысли об отъезде в Петроград: «На днях у нас случилось несчастье: телка забодала насмерть мою единственную лошадь и теперь мы крайне затруднены в обработке земли».³

По мере нарастания этих мыслей, уже в марте 1920 г., С.П. Розанов стал думать о своем имуществе, оставленном в петроградской квартире. Любопытна последовательность перечисления им того, о чем беспокоились, что это могло пропасть: «Нам очень хотелось бы, чтобы Вы с кем-нибудь из Ваших посмотрели на наши вещи и, что возможно (из легкого по переноске), спасли бы, взявши к себе. Но боюсь, что там уже все раскрадено. Так, например, в письменном столе в правой тумбочке под письмами (кажется) лежали золотые часы; в шкапу с энциклопедическим словарем где-нибудь вверху или сбоку коробочка с старинными и иностранными деньгами; в детском матрасе

¹ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1300. Л. 114–115об.

² СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1300. Л. 121–122об.

³ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1300. Л. 106–107об. Автограф.

защита икона с дорогой ризой; у жены в письменном столе (с зеркалом) в коробочках каких-то золотой браслет и т.п.». На втором месте в письме перечислена одежда, дефицит которой ощущали все: «Но теперь для нас, конечно, очень ценна была бы одежда и белье, но, по-видимому, все это раскрадено. Мы здесь донашиваем рваные остатки и того, и другого». И только на третьем месте упомянуты книги: «Книги мои на виду, на полках, а работы или в папках, или в письменном столе, в ящиках (точно забыл)». С.П. Розанов просил А.А. Шахматова перенести его вещи в одну из комнат (кабинет) и запереть, а также платить за эту комнату, так как С.П. Розанов предполагал, что там, возможно кто-то уже живет и платит за нее. Позднее забота о книгах становилась более острой. В мае 1920 г. С.П. Розанов снова настойчиво просил А.А. Шахматова: «Книги и бумаги есть не только в моем письменном столе, но и в столе жены. Вообще возьмите все, что только можно»¹.

21 апреля 1920 г. С.П. Розанов писал, что его петроградский домохозяин сам хотел бы занять их квартиру, поэтому советовался с А.А. Шахматовым, стоит ли «продать крупные вещи, т. е. мягкую мебель и проч., — но жене очень жаль рояли, и она желала бы ее сохранить, да и кто будет продавать?». В своем сожалении о рояле С.П. Розанов, по-видимому, не совсем понимал, в каком положении находился А.А. Шахматов все это время, а также другие коллеги, оставшиеся в Петрограде. Между тем А.А. Шахматов всячески заботился об устройстве дел своих коллег, переживавших тяжелое время в провинции. Ему даже приходилось решать мелкие недоразумения, возникающие между ними. Так, С.П. Розанов все-таки ездил в Петроград летом 1920 г., после чего вернулся в Сосницы, и А.А. Шахматов писал ему 25 июля (уже незадолго до своей смерти, последовавшей 16 августа): «Вчера Беляев ходил, кажется с лампой или за лампой к г. Лаппо. Тот горько жаловался, что произошла ошибка. Его чай был сложен в Вашей жестянке, и Вы увезли эту жестянку; чаю было 6 фунтов. Не придумаете ли способа возратить ему этот чай? Переслать просто по почте невозможно. Быть может, согласится взять кто-нибудь служащий в Красной Армии». ² С.П. Розанов ответил: «Никакой жестянки с чаем не захватывал и таковой, положительно говорю, нет. Наш чай отличный, прессованный, морской; такого у Лаппо не может быть, да и этого у меня был всего 1 ф. да с 1/8 ф. старого в бумажной обертке... Жестянки же все пустые и сложены у Вас». ³

Но было бы несправедливо не упомянуть письма от 3 июля, из которого видно беспокойство С.П. Розанова за А.А. Шахматова, возможно, возникшее после свидания в Петрограде: «Стоит жаркая погода. Сегодня утром, купаясь, посмотрел вокруг, увидел, как у нас здесь хорошо и вспомнил про Вас: хоть бы на недельку Вы приехали сюда и отдохнули бы! Этот год у нас довольно много малины, которую мы и уничтожаем тотчас же и за чаем (вместо сахара), и за обедом с молоком, как кушанье. Порядочно есть и яблоков...» А.А. Шахматова звали к себе многие из его знакомых, но он не считал возможным покинуть Академию и университет.

Другой его известный корреспондент, А.Е. Пресняков, также неплохо в целом справлялся с новыми необычными задачами. Из его писем явствует, что в провинции не хватало не столько провизии, сколько предметов, которые на то время могли считаться «роскошью»: табака и мыла. Для горожан, имевших совершенно определенные гигиенические привычки, это было особенно мучительно. Но провизией они, если попадали в деревню, были обеспечены лучше тех, кто остался в городе, поэтому могли пересылать ее своим близким и друзьям, которые находились в более сложном положении. А.Е. Пресняков высылал А.А. Шахматову продукты, как это явствует из письма

¹ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1300. Л. 108–109.

² СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 4. Д. 55. Л. 95–95об.

³ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1300. Л. 110–111об. Автограф.

его от 21 мая 1919 г.: «Вчера были сняты заставы продотрядчиков, обязанностью которых было не пропускать с наших мест зернового хлеба и муки, и одновременно пришло разрешение от Глав. Почт. Телеграф Округа отправлять муку и хлеб, но не более 20 фунтов с тарой, и не более двух посылок вместе на одно лицо. Так как для Вас у меня была заготовлена мука, то спешу сегодня же отправить Вам 15 фунтов ржаной муки в бурачке, который Вам в хозяйстве пригодится; ящиков нет, гвоздей и тряпок тоже. Покупал муку по 320 руб. за пуд. Сидим на пайках, получка по 18 ф. в месяц на человека». А.Е. Пресняков мог «время от времени теперь посылать муку или хлеб; черкните, что для Вас необходимо». Практическую сметку, к которой вынуждены были прийти люди в тех условиях демонстрирует фраза в конце письма: «По возможности возвращайте тряпки и ящики». В ответ А.Е. Пресняков мечтал получить то, чего не доставало в провинции: «Если Вам будет не в труд, не откажите купить фунта 2 махорки, если нет крепкого табаку, две палочки белого фиктуара и туалетного мыла». И, как многие, от звал: «Как было бы хорошо, если бы кто-нибудь из Ваших приехал к нам гостить, здесь в глуши успокоились и не нуждались бы так, как в Питере». ¹

Совершенно другой тип являл собою Н.К. Никольский, также многолетний корреспондент А.А. Шахматова. Это был человек мало приспособленный к бытовым испытаниям, занятый даже в тяжелые дни раздумьями о своих научных проектах. Н.К. Никольский жил в Царском Селе, и в полной мере ощутил на себе тяготы петроградского голода и холода. Он был объектом забот А.А. Шахматова и предметом его волнений. К тому же он тяжело болел. В декабре 1918 г. Н.К. Никольский писал А.А. Шахматову: «В один из праздничных или послепраздничных дней — по Вашему выбору — разрешите воспользоваться Вашим недавним любезным предложением насчет дров. Буду премного обязан Вам, если Дроздов согласится приехать для этого в Царское. Большую услугу оказал бы он мне, если бы пред отъездом в Царское Село ... привез мне мою шубу. ... Здоровье мое понемногу поправляется, но слабость необычайная, подкрепляют меня мышьяком». ²

А.А. Шахматов занимался денежными и бытовыми делами Н.К. Никольского, писал 28/15 января 1919 г.: «Деньги 3000 р., которые Вы не могли получить по авансу, спасены. Мы ими уплатили по счету. Меня беспокоит вопрос о Вашей шубе; виноват в том, что забыл сказать о ней Дроздову. Очень и очень порадовался Вашему выздоровлению. Берегите себя. Сюда ездить незачем». ³

В особой ситуации находились те из ученых, которые были кровно связаны с деревней. В этом смысле представляют интерес письма к А.А. Шахматову его ученика С.А. Еремина, крестьянина по происхождению. Главной темой этих писем была забота ученика о своем учителе и подробное описание тех продуктовых посылок, которые он тому отсылал. ⁴

14 января 1918 г. С.А. Еремин писал А.А. Шахматову из деревни, находившейся недалеко от г. Весьёгонска Тверской губ.: «Пользуюсь случаем, чтобы с подателем сего послать Вам 2 фунта сливочного масла. Больше не берутся доставить, да и трудно все еще провезти. Готовлю для Вас небольшую посылочку из продуктов, разрешенных для отправки по почте. На ближайших днях вышлю, как только выясню все сюда относящееся.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1064. Лл. 143 – 144 об.

² СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1064. Л. 152.

³ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 729. Л. 203.

⁴ О С.П. Еремине см. подробнее: Вовина-Лебедева В.Г. К вопросу о школах А.А. Шахматова и В.Н. Перетца: Степан Антонович Еремин // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. М.: Индрик, 2015. Т. 2. С. 495–520.

Вместо с этим не откажите принять сердечное мое и искреннее к Вам расположение и пожелание всякого благополучия и здоровья».

С этого момента С.А. Еремин, видимо, считал заботу о продовольственной помощи А.А. Шахматову своей обязанностью, делал это обстоятельно, спокойно и практично. Он специально обдумывал содержание посылок как человек, который знал, что такое физическое выживание. Прошла зима, и 10 марта 1919 он писал: «Мне бы хотелось узнать, в каком виде была получена Вами моя посылка, не была ли она распечатана? Важно мне вот в какой отношении, — если она была получена в исправности, со всем содержанием и за печатью, то в зависимости от этого я предполагаю скомплектовать Вам новую посылочку с более “свободным” и разносторонним содержанием».

С.А. Еремин настойчиво добивался ответа на свои вопросы о том, как дошли посылки, используя для этого разные возможности, в том числе, оказии в Петроград и не унывая, если возникали сложности с почтой. 8 мая 1919: «Я очень извиняюсь, что Вам надоедаю своими письмами. Но мой “посланный” ничего мне толком не рассказал о Вас, я даже не знаю, получили ли Вы посылки, которыми я хотел Вас порадовать к Пасхе – там был хлеб, масло, творог, грибы. Если еще до сих пор не получили, то значит потерялись или съедены почтовым учреждением. Хотел Вам послать еще что-нибудь, но почта отказывается опять принимать».

А.А. Шахматов как человек очень щепетильный, конечно, принимал посылки лишь с условием оплаты их содержания. Это видно из письма С.А. Еремина от 22 ноября 1919: «Очень рад, что Вы получили посылочку. Весьма затрудняюсь определить ее стоимость. Посылка была сформирована и отправлена как раз в то время, когда меня не было дома. Соответствовать действительности, вероятно, будет такой расчет: сухари не стоят ничего, грибы, если они пришли весом 2 фунта, как было отправлено – 580 руб., отправление и почтовые расходы – 20 рублей. Итого 600 руб.». С.А. Еремин отнесся к оценке своих даров спокойно и с пониманием. Деньги за посылки А.А. Шахматов, видимо, переводил по почте.

22 декабря 1919 С.А. Еремин писал: «Последние два перевода в 1500 руб. и 804 руб. получил. Чтобы не остаться в долгу, на днях, точнее 21 декабря, послал Вам еще посылку (из сухарей). Издержки на отправку посылки исчисляются всего в 42 руб., само содержание посылки мне ничего не стоит, оно взято из моего пайка положенного по разверстке, а потому прошу его не оплачивать и вообще не беспокоиться, что отправленные вам посылки вызывают у меня какие-то расходы, никаких расходов, кроме почтовых отправлений, они не вызывают».¹

Итак, вопросы физического выживания стояли на первом месте у большинства корреспондентов А.А. Шахматова. Но, конечно, в письмах затрагиваются не только они. Во многих, особенно в начале гражданской войны, выражался ужас от происходящего, боль и сомнения в возможности продолжения прежней жизни. Тут, разница в позициях была даже еще более ощутимой, чем в вопросах бытового устройства.

А. А. Шахматов писал С. П. Розанову 13 июня 1917 г.: «Так же, как Вы, я в деревне отстал от политики; читаю мало газет и иной раз ограничиваюсь местной, впрочем, хорошей газетой, не развертывая ни “Речи”, ни “Русских ведомостей”, ни “Русской воли”, которые выписываются разными членами нашей семьи. И всякий раз как я погружусь в газету, я теряю душевное равновесие. Две в особенности вещи не дают мне покоя и не подлежат для моих умственных и нравственных сил ни учету, ни разрешению: вопрос о войне и вопрос украинский, кстати, задевающий серьезным образом и Ваши края. Пропала Россия! — вот мой малодушный вывод. И как ужасен вывод этот для нас, которые

¹ См. СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. Д.

в перемене правительственной системы видели и искали спасения России». Здесь А.А. Шахматов как активный кадет имеет в виду свою позицию, которая ясно проявляется во всей его переписке 1900-х годов. А.А. Шахматов и далее оставался всегда на позициях патриотических, о чем говорит и замечание по поводу «вопроса украинского» и позициях демократии.¹ Совершенно другая позиция высказана в ответном письме С.П. Розанова А.А. Шахматову от 25–28 июля 1917 г.: «Вполне разделяю Ваш пессимистический взгляд на ближайшее будущее России. Конечно, все идет естественно: гражданское чувство не только не воспитывалось, но гналось и как тогда, так и теперь «по Сеньке и шапка». Думаю, что остатки могут спасти или иностранцы, введя свою военную силу, или диктатор с казачьими войсками». Это замечание можно сравнить с тем, что было сделано в одном из писем В.М. Истрина А.А. Шахматову того же времени.² Такие мысли, конечно, свидетельствуют о панике, охватившей часть академического сообщества во время страшных испытаний. Но характерно, что А.А. Шахматов, который как раз находился в наиболее тяжелых условиях, этой панике не поддавался, и своих убеждений, по-видимому, не менял.

В других письмах С.П. Розанова постоянно выражается страх за будущее, за близких, неприятие нового режима. С.П. Розанов писал А.А. Шахматову 30 апреля 1919 г.: «с декабря месяца сюда пришли большевики-коммунисты и с тех пор доселе около ближайших к нам станций (Гомель — Бахмач) идет периодически борьба, а поэтому и почта часто вовсе не принимала заказной корреспонденции. К этому — упадок в личном настроении, так как вся жизнь свелась к узким материальным интересам, и не видишь конца этому положению. А у жены к этому еще — постоянный неотступный (до болезненности) страх за всех и за все». Даже осознавая, что ему, сравнительно с другими, повезло, С.П. Розанов постоянно сетовал на судьбу и свое положение. 30 апреля 1919 г. он писал: «...за первый период большевистской революции мы почти не пострадали, но собственно потому, что у нас, можно сказать, нечего взять». Когда через год гражданская война докатилась до Сосниц, в марте 1920 г. С.П. Розанов писал: «До нас иногда доносятся орудийные выстрелы со стороны Гомеля: по словам газеты, там (на польском или польско-немецком — неизвестно) идут «упорные» бои. Слухи идут всевозможные, но судя по прошлому вероятно, что все вранье. Внутри идет постоянная борьба с восстаниями крестьян. Пока большевики побеждают и жестко расправляются. Если по всей России народоправление такое же, как здесь, то из такой советской власти толку не выйдет: строительства ни на йоту, а добиваются остатки». А еще через год, 21 апреля 1920 г.: «Живется очень плохо, нравственно, конечно. Чувствую, что сильно постарел, хотя в глубине души сдаваться не хочется».

С пессимизмом смотрел С.П. Розанов и на ту школьную работу, в котором для жалованья принимал участие. 1 июля 1920 г. он писал А.А. Шахматову: «Как обнаружилось на съезде, учительство и теперь остается в таком же рабском состоянии от правительства,

¹ 19 июля 1917 г. А.А. Шахматов писал В.М. Истрину: «Неужели можно пережить позор и унижение Родины с легким сердцем. Вообще я лишен дара видеть что-нибудь впереди, но теперь события рисуются мне так, что Керенский недели через две-три будет устранен, а Некрасов пойдет на сепаратный мир и позорные условия. А что дальше, трудно себе даже и представить. Выходу кадетов из министерства сочувствую в особенности после покритого министрами предательства украинцев». См. Избранная переписка. В 3-х томах. Т.1. С. А.А. Шахматов. Избранная переписка. В 3-х томах. Т.1.; *Вовина-Лебедева В.Г.* Отражение революции в переписке А.А. С. 432–441.

² 21 мая 1918 г. В.М. Истрин писал А.А. Шахматову: «Откровенно говоря, была некоторая надежда на немцев, что они введут тут порядок, но теперь и на это нельзя надеяться. Нам остается только одно — чтобы союзники взяли нас в строжайшую опеку и дали бы нам ... хоть царя. Иначе — мы окончательно погибнем». А.А. Шахматов. Избранная переписка. В 3-х томах. Т.1. С. А.А. Шахматов. Избранная переписка. В 3-х томах. Т.1.; *Вовина-Лебедева В.Г.* Отражение революции в переписке А.А. Шахматова...С. 432–441.

как это было и в царский режим: за желание учительства мыслить и работать самостоятельно его подвергают со стороны местных властей-коммунистов нареканию в контрреволюционности. Я нахожу, что учительство, как и крестьяне, не контрреволюционно, а просто аполитично, что вообще смешивается с контрреволюцией. Рядом с учительским съездом в Сосницах идет и съезд крестьян-беспартийных. Я там ни разу не был, но слышал, что на этом съезде всех коммунистов забаллотировали, несмотря на все усилия местной партии большевиков-коммунистов».

Если зрелые люди, состоявшие в науке, успевшие сделать в жизни что-то существенное, были настроены таким образом, то в особенности отчаяние должно было посетить молодых, тех, кто еще только вступал в науку. С.А. Еремин, крестьянин, приложил огромные усилия, чтобы закончить среднее образование, приехать учиться в Петербургский университет. Он серьезно относился к своему будущему, надеялся на совместную работу с А.А. Шахматовым. У себя на родине он был избран волостным гласным. То есть, у него были надежды и планы на будущее, связанные со старым режимом. Поэтому ситуация, когда все это было поставлено под сомнение, оказалась мучительной. Надежда жила, и она была связана с университетом и А.А. Шахматовым. В недатированном письме, видимо, написанном, в конце 1917 г., он писал: «Вполне сознаю, что сейчас как будто не время заниматься личными делами, когда гибнет вся национальная культура и когда не знаешь, проснешься ли немецким поданным или «великороссом», когда поставлены на карту судьба не только науки, но и самого отечества, все же хотелось бы выяснить свое отношение к Университету, думаю, что так или иначе, а учиться все же будут и будут. 16-го декабря, как будто, должно было баллотироваться мое оставление, в каком смысле вырешился вопрос мне и хотелось бы узнать, чтобы в зависимости от результата направить свою волю и внимание». С.А. Еремин принял решение пока оставаться в деревне, так как «при «существующем порядке», больше сделаешь в провинции». Он сначала решил по возможности отстраниться от происходящего: «одно средство остается – углубиться в книжку, в какую-либо систему, чтобы отвлечься от “свистопляски” жизни. Ничего нельзя поделать, положения не спасти. И местное и неместное самоуправление лопнуло, затоптано в грязь, гласные разогнаны (в том числе и я) как волостного, так и уездного земства; в волости назначены перевыборы, а в уезде чуть-чуть не попал в тюрьму, спасла протекция — (новый исправник оказался земляк). Трудно социологически осознать жизнь, “ново право”. Столько сюрпризов, что, право, если исходить только от фактов, то нельзя предугадать конец». Как человек от земли, С.А. Еремин надеялся на то, что жизнь сама выправит режим, созданный «от ума»: «Спасет, быть может, быт: троньте-ка гражданина, вот он справляет “свадьбу”, женит сына, и то только потому, что достал 1 1/2 ведра вина да хмелю 9 фунт, наварил он “горшков” 40 пива и загуляет. Уклад крепкий и никакие социализации его не прохватят. В приходе начинает обнаруживаться клерикализм, вероятно тоже фактор, который, несомненно, будет иметь значение при итоге».

Через несколько месяцев, 26 февраля 1918 г. С.А. Еремин, видимо, переживал особенно тяжелое для себя время: «Обстановка и условия для занятий невозможны стали и в провинции. Сейчас переживаем последний крик моды — воцарение большевизма со всеми его прелестями: регистрациями, обысками, “обобществлением” имущества и пр. Все растрчено, все великое и святое загажено, растоптано..., и нет сил ни к моральному, ни интеллектуальному противодействию. Берет отчаяние, — подыдемся ли когда-нибудь: придет ли время для культурной и научной работы?»¹ И таким же чувством проникнуто письмо от 17 мая 1918 г.: «едва ли в русской истории стояли в такой степени,

¹ СПбФ АРАН Ф. 134. Оп. 3. Д. 516. Л. 5–5об.

как сейчас под угрозой полной гибели и уничтожения наша культура, наше духовное благо, наше творчество, наши знания, наши учебные и ученые учреждения. И чувство глубокой печали, уныние и тревоги охватывает душу все больше и больше с каждым пережитым днем и сбивает с делового настроения на лирический какой-то лад. Стоишь на каком-то распутье и не знаешь, что предпринять...». Отчаяние сменялось надеждой, связанной всегда с крестьянством, с той средой, которая была С.А. Еремину по-настоящему близкой: «острота общего государственного и хозяйственного кризиса как будто доходит до сознания темного народа, и начинает пробуждаться чувство ответственности за содеянное перед отечеством, элементы национального оздоровления уже можно подметить в самых широких слоях... Что-то будет?»¹. Такое состояние растерянности, очевидно, усиливалось молодостью С.А. Еремина и его неопределенным социальным статусом, утерей прежних надежд. В письмах старших коллег, настроение, как мы видели, было несколько иное: скорее раздражение и неприятие, чем растерянность. А в письмах А.А. Шахматова после лета 1917 г. вообще никаких описаний своих переживаний не содержится, только рассказ о конкретных событиях, касающихся Академии, университета и коллег.

Из писем коллег А.А. Шахматова и его молодого ученика С.А. Еремина, можно понять, что рано или поздно приходило осознание: работа – это способ выживания, путь возврата в прежнюю жизнь хотя бы отчасти. Настроение корреспондентов менялось, когда они получали возможность начать какую-то деятельность, пусть и далекую от прежней. С.П. Розанов писал А.А. Шахматову 30 апреля 1919 г.: «На 12 число мне, кажется, нужно будет ехать в Чернигов на съезд по вопросам информационно-инструкторского дела. Мое дело интересное, но при других бы обстоятельствах и личных, и общих. К счастью, наш заведующий Отделом человек серьезный и искренно стремится что-нибудь сделать — так при нем чувствуется легче. Но сколько придется мне здесь прослужить — неизвестно».

После краткой поездки в Петроград летом 1920 г. С.П. Розанов писал в письме от 1 июля: «Вообще считаю всю мою поездку в Петроград счастливейшей ... Дома все благополучно, и только работа без меня не спорилась, поэтому пришлось тотчас же, что называется, с места в карьер. А тут еще у нас в Соснице собрался съезд учителей — пришлось бывать и на нем. Очень жаль, что хозяйственные заботы мешают полнее войти в интересы учительской жизни и несколько поработать там».

Н.К. Никольский же никогда за время войны от научной работы не отходил, и даже в самое тяжелое время (когда он заболел, и речь, учитывая общее положение, шла о жизни и смерти) думал в основном о том, какую пользу можно извлечь из новой ситуации для своих давних проектов, в частности для давно задуманного грандиозного описания сохранившихся памятников древнерусской письменности. 15 июля 1918 г. он писал А.А. Шахматову из Царского Села: «Конференция Академии наук для ускорения рассмотрения своего бюджета постановила представить Совету Народных Комиссаров в срочном порядке записку о тех академических предприятиях, на которые требуются ассигновки в 1919 году. ... я намерен был обратиться к Вам с просьбой внести на обсуждение Отделения при составлении сметы его на то же год свои пожелания по вопросу о библиографии славяно-русской книжности старого времени ... В свое оправдание добавлю еще, что мне казалось также целесообразным лишней раз напомнить об изучении прошлой культуры рядом с широкими замыслами об улучшении

¹ СпбФ АРАН Ф. 134. Оп. 3. Д. 516. Л. 6–7.

производительности России и развитию прикладных знаний в ней, почему я и не устоял против соблазна включить в составляемую записку одно из таких напоминаний». ¹

Что касается С.А. Еремина, то он устроился работать лектором, что было востребовано, учитывая развернувшуюся под эгидой новой власти работу по культурному просветительству масс, тем более что С.А. Еремин обладал подходящим социальным происхождением. 26 февраля 1918 г. он писал: «С 1/8-ки хлеба не разбежишься. С марта приглашаюсь Весьегонским Союзом кооперативов для оборудования общеобразовательных курсов и в качестве лектора по истории русской культуры. Буду занят месяца три – четыре, если приму условия». 17 мая 1918 г. С.А. Еремин извещал А.А. Шахматова о своем повышении: «Пока в настоящее время состою заведующим культурно-просветительным отделом при Весьегонском Союзе кооперативов и существую на это жалование. На “хлеб и картофель”, даже на масло и “мясо” хватает одному вполне».

Эта работа, начавшаяся ради заработка, продолжалась и далее, но вдобавок появилось занятие, которое захватило С.А. Еремина. Он еще в студенческие годы стал интересоваться записями местных говоров своего уезда, поэтому вскоре оказался вовлеченным в развернувшееся движение краеведов. 2 июля 1919 он писал: «На днях только что вернулся из Твери, где нашем кое-какие материалы о Весьегонском уезде, материалы исторического характера, которые позволяют мне приступить в скором времени к задуманной работе». После этого общий тон писем С.А. Еремина стал иным, почти бодрым и деловым. Работы ради заработка уже воспринималась как досадное отвлечение от настоящего дела: «Сейчас мобилизован в уезде провести краткосрочные курсы для взрослых. Помимо заведывания курсами возложено на меня 8-часовой курс на тему: “Основные формы народного хозяйства – капиталистическая, социалистическая и кооперативная”. Все эти отвлечения ужасно мешают систематической работе и подготовке, когда только кончится вся эта канитель, не знаю».

9 марта 1920 С.А. Еремин просил А.А. Шахматова помощи в организации научной работы. По тону письма видно, что он уже чувствовал себя полезным участником большого дела: «Мне бы очень хотелось получить программу по собиранию народных говоров (северно-великорусских), хорошо было бы получить большую программу, но если таковой не окажется, то можно и маленькую. Программа необходимо местному обществу изучения края для собирания материала по местным говорам. Весьма не лишне было бы получить и программу для собирания этнографического материала. Нельзя ли как-нибудь устроить присылку их мне по почте, хотя бы бандеролью?»

И, конечно, научная работа не могла не оживить мечты о возвращении в университет. 17 мая 1920 он писал: «За последнее время все чаще приходит в голову мысль о перемене места жительства на зиму. А тут вдруг получаю Ваше письмо. В смысле продовольственном, из-за квартирных условий здесь, в провинции жить как будто бы лучше, чем в Петрограде, но в смысле занятий — здесь, на месте условия самые неблагоприятные. Размениваешься, масса отвлечений, “непредвиденных обстоятельств” и пр. – все это мешает и лишает возможности отдаться систематически делу подготовки».

С.А. Еремину было жаль оставлять начавшееся получаться дело в Весьегонске: «Правда, живя здесь, можно сделать много интересных наблюдений над говорами уезда, собрать материал по этнографии местного края», но он понимал, что все его перспективы связаны с Петроградом, где он был еще в 1917 г. оставлен при университете, и в мыслях он был уже вновь там, заботясь лишь об одном. Теперь его тревожило только то, что за

¹ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1064. Л. 142–142 об.

годы войны он мог утратить приобретенный ранее научный уровень. Эта тревога проскользнула в письме к А.А. Шахматову еще 17 мая 1918 г.: «Хотелось бы очень с Вами побеседовать о том, как быть и что мне предпринять в деле совершенствования в науках, чтобы выполнить обязательство, как перед Вами, так и перед Университетом». А весной 1920 г. С.А. Еремин уже весь был поглощен новыми планами, был готов к большой работе, от растерянности не осталось и следа: «Начинаю уже тревожиться, как бы не опуститься, не ослабить воли к труду. Но сдаваться не хочется. Надо выбираться и выбиваться. Товарищи, правда, они немного старше меня по курсу, идут вперед. Нужно подтянуться и мне».

Старшим его коллегам, скорее, была в эти годы свойственна тревога за свои уже написанные труды. С.П. Розанов писал А. А. Шахматову в декабре 1919 г: «Боюсь, чтобы не пропали в моей квартире остатки моих книг. Я писал, чтобы их передали Вам, особенно мои экземпляры Хронографа и папки с работами, да не знаю, как это могло бы удасться». А 15 мая 1920 г. С.П. Розанов писал, что собирается ехать в Петроград и хочет хлопотать о своих бумагах, и писать заявление в Академию наук, «так как мы ведь не бежали, а были распущены Советским правительством “на родину”, а отсюда я не мог выбраться в Петроград отчасти по служебным обязанностям (служил сначала заведующим информационным подотделом при Сосницком Исполкоме, а потом школьным учителем), а больше вследствие военных обстоятельств, так как здесь была прифронтовая полоса».

Живший один Н. К. Никольский в тяжелый момент, когда, как сказано в его письме А.А. Шахматову от 28 ноября 1918 г. «для удаления “инородного тела”, по моей неосторожности попавшего в пищевод мне на днях предстоит операция, исход которой, конечно, трудно предвидеть», писал, что «принужден оставить собранные для Академии материалы без призора» в надежде, что «как-нибудь они уцелеют до моего возвращения из клиники (вероятно Федорова), если таковое состоится», и что «в противоположном случае я просил бы вас принять меры к их охране». Он просил А.А. Шахматова «предпринять шаги к тому, чтобы все находящиеся в ней [квартире – В.В.] вместе с академическими материалами и книгами не было бы реквизировано... Если же Вам не удалось бы отстоять свои права на материалы и книги, принадлежащие Академии, то, конечно, должны будут погибнуть и все начатые работы мои».¹ По счастью тогда Н.К. Никольский, в отличие от А.А. Шахматова, уцелел, возглавил вместо А.А. Шахматова Библиотеку Академии наук и пережил его на 16 лет.

Итак, короткий анализ этой части переписки А.А. Шахматова позволил выделить в качестве основных три темы: описание быта и физического выживания, страх перед настоящим и тревога о будущем, стремление в Петроград для возобновления работы. Но у всех корреспондентов эти три темы раскрывались по-разному, в зависимости от типа личности, предшествующего опыта и сложившихся обстоятельств.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 191. Л. 78 – 79.

Платить за ненависть добротой: китайско-российский кризис беженства 1916-1922 гг.

В марте 1918 г., во время первых сражений Гражданской войны на Дальнем Востоке, маньчжурский военачальник Бао Гуйцин (Бао Гуицин) оказался в непростой ситуации. На Забайкальском фронте январское наступление белого лидера Г.М. Семенова провалилось, и красные силы неумолимо гнали его к китайской границе у станции Маньчжурия. В то же время победа красных в Благовещенске привела к бегству белых войск через Амур в Хэйхэ. Семенов и амурские казаки планировали укрыться в Китае и присоединиться к другим вождям контрреволюции в Харбине и Пекине. Будучи членом военного союза, Китай также был обязан прислушаться к антибольшевистской позиции союзников, позволив этим «воинам-беженцам» перегруппироваться и перевооружиться на китайской территории. Но китайские чиновники оказались в неловком положении, когда красные потребовали экстрадиции этих солдат и пригрозили преследовать их на территории Китая.

Бао с одобрения Пекина решил вести переговоры с красными на основе международного права¹. Его гарнизонный командир в Маньчжурии утверждал, что экстрадиция Семенова «не соответствует международному праву о защите политических заключенных (*yu gongfa baohu guoshifan zhi li bufu*)»². Окружному интенданту в Хэйхэ было поручено защищать всех солдат-беженцев «как политических заключенных (*zhao guoshifan yuyi baohu*)»³. Удовлетворение Китаем требований красных означало бы разоружение всех воинов-беженцев. В случае с Семеновым китайцы обещали не допустить его в Россию в течение трех недель⁴, и красные в Забайкалье и Благовещенске согласились, отказавшись от требования экстрадиции и нарушения китайской границы⁵.

Такие столкновения происходили снова и снова, и все большее число людей бежало от Красной армии, военного коммунизма и голода через китайско-российскую границу протяженностью в четыре тысячи миль. По мнению Е.М. Кулишера, до 1923 г. около 150 тыс. русских бежали на Дальний Восток, в основном в Маньчжурию и Синьцзян⁶. Они стали частью международной волны в 1,5 миллиона российских беженцев, которая совпала с окончанием Первой Мировой Войны и закреплением вильсоновских идеалов на Парижской мирной конференции. С созданием Лиги Наций и ее Верховного комиссара по делам беженцев реакция на российский кризис была поставлена на новую почву.

¹ Телеграмма Бао Гуйцину (Бао Гуицин), 12 марта 1918 г. // *Zhong-E guanxi shiliao: Dongbei bianfang (1), Minguo liunian zhi banian* (Исторические материалы о китайско-русских отношениях. Оборона границ Маньчжурии (1), 1917-1919 гг.) / Ed. by Ruyan Deng, Tingyi Guo and Qiuyuan Hu. Taipei: Zhongyang yanjiuyuan jindaishi yanjiusuo, 1960. P. 103 (Далее: DBBF1).

² Телеграмма Бао Гуйцина (Бао Гуицин), 10 марта 1918 г. // DBBF1. P. 96.

³ Телеграмма Бао Гуйцина (Бао Гуицин), 14 марта 1918 г. // DBBF1. P. 108.

⁴ Телеграмма Бао Гуйцина (Бао Гуицин), 22 марта 1918 г. // DBBF1. P. 117.

⁵ Телеграмма Чжана Шоуцзэна (Zhang Shouzeng), 21 марта 1918 г.; То же Бао Гуйцина (Бао Гуицин), 22 марта 1918 г. // DBBF1. P. 114-115, 117.

⁶ *Kulischer Eugene M. Europe on the Move: War and Population Changes, 1917-1947. New York: Columbia University Press, 1948. P. 54-55; Ginsburg George. The Soviet Union and the Problem of Refugees and Displaced Persons 1917-1956 // The American Journal of International Law. 1957. N 51(2). P. 326.*

Помощь беженцам стала рассматриваться как зона международной ответственности, оправданная гуманитарными соображениями¹.

Как и в приведенных выше переговорах Бао, китайцы быстро освоили новые нормы и язык в своих подходах к русскому перемещению. Они приняли форму апелляции к международному праву (*gongfa* или *gongli*, включая этическое измерение) и правовым категориям, таким, как политзаключенный (*guoshifan*, ныне устаревший термин). Китайские чиновники также использовали идеи гуманизма (*rendao*); как и *guoshifan*, этот термин был неологизмом, заимствованным у японцев. Чиновники использовали этот новый лексикон, чтобы разобраться в сложностях ситуации с беженцами, особенно в случае «воинов-беженцев» таких как семеновцы. Последние хотели использовать Китай в качестве безопасного убежища и как плацдарм для будущих нападений. Они представляли прямую угрозу безопасности границ и угрожали втянуть Китай в конфликт с красными. Апеллируя к гуманизму и международному праву, китайские чиновники пытались уравновесить противоречивые интересы: разоружить потенциальных возмутителей спокойствия, избежать осложнений с красными и союзниками, а также утвердить место Китая в клубе современных «цивилизованных» держав.

Русским беженцам в Китае было посвящено много исследований, особенно по социальной и культурной истории русской эмигрантской общины². Однако, помимо научных исследований, связанных с китайским и советским захватом Китайской Восточной железной дороги, китайская реакция на русскую эмиграцию была относительно слабой. Это особенно относится к противоречивой группе воинов-беженцев, чья связанная с насилием деятельность не вызвала сочувственных повествований о бегстве, выживании и ностальгии³. Таким образом, изучая то, как китайские чиновники обращались с воинами-беженцами, этот доклад проливает свет на до сих пор недооцениваемый аспект Гражданской войны в нескольких различных измерениях: местном, поскольку региональные субъекты имели дело с беженцами «на местах»; национальном, поскольку политика в отношении беженцев была разработана в Пекине; и глобальном, поскольку китайские чиновники использовали формирующийся язык гуманизма и международного права для защиты национальных интересов.

Прелюдия к революции: беженцы в Синьцзяне

Еще до первой Февральской революции 1917 г. на китайско-российской границе шла борьба с массовым перемещением населения. Подавление Центрально-азиатского восстания 1916 г. привело к бегству в Синьцзян 200-300 тыс. киргизских, казахских и уйгурских беженцев. Их потребности в пропитании создали нагрузку на ресурсы Синьцзяна и угрожали дестабилизировать хрупкое равновесие между оседлым (хань) и кочевым населением. Как и в случае с Семеновым, российские чиновники требовали высылки главарей беженцев и угрожали перенести карательные экспедиции на

¹ Long Katy. When Refugees Stopped Being Migrants: Movement, Labour and Humanitarian Protection // *Migration Studies*. 2013. N 1(1). P. 8-11; Gattrell Peter. Refugee History and Refugees in Russia During and After the First World War // Вестник Санкт-Петербургского университета: История. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 515-517; Marrus M.R. The Unwanted: European Refugees in the Twentieth Century. Oxford: Oxford University Press, 1985. P. 89, 111.

² Bakich Olga. Émigré Identity: The Case of Harbin // *The South Atlantic Quarterly*. 2000. N 99(1). P. 51-73; Lahusen Thomas. A Place Called Harbin: Reflections on a Centennial // *The China Quarterly*. 1998. N 154. P. 401-402; Gamsa Mark. Harbin in Comparative Perspective // *Urban History*. 2010. N 37(1). P. 137-139; Мелухов Г.В. Белый Харбин: середина 20-х. М.: Русский путь, 2003.

³ Исключение составляют: Stephan John. The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile. New York: Harper and Row, 1978; Hohler Susanne. Fascism in Manchuria: The Soviet-China Encounter in the 1930s. London: IB Tauris, 2017.

китайскую территорию, особенно после того, как некоторые кочевники взяли в заложницы русских женщин¹.

Губернатор Синьцзяна Ян Цзэнсинь (Yang Zengxin) сначала пытался остановить поток беженцев на границе, но вскоре понял, что такая политика неосуществима. Вместо этого беженцам было разрешено временно поселиться в Синьцзяне, при этом некоторые меры по оказанию помощи были возложены на китайские власти². Беженцев, которые в России считались преступниками, не вынуждали возвращаться против своей воли, позволяя им избежать наказания. Тем не менее кочевники должны были быть репатрированы, но только после того, как русские объявят им амнистию. Крупномасштабная репатриация, таким образом, началась только после Февральской революции, когда Временное правительство отменило проект военного приказа, вызвавшего восстание, и официально помиловало беглецов. Только тогда Пекин распорядился отослать кочевников по домам и сформировал китайско-русский комитет для их приема³.

Из переписки Яна ясно, что кризис с беженцами был не только вопросом безопасности, но и гуманитарным. В январской телеграмме 1917 г., протестуя против карательных экспедиций России, он описал отчаянное бегство кочевников через горные перевалы и разбросанные там замерзшие трупы: «Россия - цивилизованная (wenming), великая страна, которая всегда ценила гуманизм (rendao zhuyi), как она может это допустить?»⁴ И снова в апреле, сообщая о смертельной эпидемии среди кочевников и их скота в Или, Чугучаке и Аксу, Ян обвинил русских в отсутствии гуманизма⁵. Наконец, когда 700 вернувшихся киргизов были убиты российскими войсками в Алакуле, Ян обвинил виновных в «грубой бесчеловечности (sanwu rendao)» и в подрыве усилий по репатриации.

Это не означает, что обращение Яна с беженцами из Центральной Азии было образцом гуманитарной помощи. Сам Ян признал, что многие кочевники умерли от голода, холода и болезней в Китае, и подчеркнул их раздоры с местными скотоводами⁶. Последние были терпимы только до амнистии, как только она была объявлена, китайцы стали настаивать на скорейшем возвращении беженцев, независимо от их желания⁷. Но опыт кризиса беженства в Центральной Азии предвосхитил подход Китая к перемещению населения в результате Гражданской войны. Китайские чиновники использовали язык гуманизма и права, чтобы сформулировать свое отношение к беженцам. Так в феврале 1920 г., когда красные вновь захватили Благовещенск, военный губернатор Хэйлуңцзяна

¹ Телеграмма Яна Цзэнсиня (Yang Zengxin), 19 января 1917 г. // *Zhong-E guanxi shiliao: E zhengbian yu yiban jiaoshe* (1), *Minguo liunian zhi banian* (Исторические материалы о китайско-русских отношениях. Политический переворот в России и повседневные отношения (1), 1917-1919 гг.) / Ed. by Yujun Wang, Tingyi Guo and Qiuyuan Hu. Taipei: Zhongyang yanjiuyuan jindaishi yanjiusuo, 1960, P. 12-13 (далее: YBJS1); *Zeng Shaocong and Li Shanlong*. *Minguo shiqi Xinjiang Eshu Zhongya nanmin de anzhi he qianfan* (Расселение и репатриация русско-подданных среднеазиатских беженцев в Синьцзяне во время Китайской республики) // *Yunnan minzu daxue xuebao (zhexue shehui kexue ban)* (Вестник Юньнаньского университета национальностей. Философский и социологический выпуск). 2017. N 34(5). P. 109, 112-113; *Jacobs Justin M.* *Xinjiang and the Modern Chinese State*. Seattle: University of Washington Press, 2016. P. 50-55.

² Меморандум русскому послу Н.А. Кудашеву, 3 мая 1917 г.; Телеграмма Яну Цзэнсиню (Yang Zengxin), 3 мая 1917 г. // YBJS1. P. 93; *Zeng Shaocong and Li Shanlong*. *Minguo shiqi Xinjiang...* P. 113.

³ Телеграмма Яна Фэйся (Yang Feixia), 28 апреля 1917 г.; Телеграммы Яна Цзэнсиня (Yang Zengxin), 30 апреля и 25 мая 1917 г. // YBJS1. P. 89, 90-91, 101-102.

⁴ Телеграмма Яна Цзэнсиня (Yang Zengxin), 19 января 1917 г. // YBJS1. P. 13

⁵ Телеграмма Яна Цзэнсиня (Yang Zengxin), 9 апреля 1917 г. // YBJS1. P. 78-78.

⁶ Телеграммы Яна Цзэнсиня (Yang Zengxin), 12 апреля и 2 мая 1917 г. // YBJS1. P. 83, 92. Смотри также: *Share Michael*. *The Russian Civil War in Chinese Turkestan (Xinjiang), 1918-1921: A Little Known and Explored Front* // *Europe-Asia Studies* 2010. N 62(3). P. 396.

⁷ Телеграмма Яна Цзэнсиня (Yang Zengxin), 2 мая 1917 г. // YBJS1. P. 91-92.

Сунь Лечэнь (Sun Liechen) заявил, что русских беженцев следует принимать «на основе гуманизма и поддержания дипломатических отношений»¹. Беженцев сопровождала китайская полиция, и интендант округа Хэйхэ учредил фонды помощи на зиму и поездки. Когда красные потребовали экстрадиции более ста белых беженцев, обвиняемых в грабежах, изнасилованиях и растратах, Сунь заявил, что русские, мирно живущие в Китае, не могут быть произвольно высланы в соответствии с международным правом (*wanguo gongfa*), даже если они считаются преступниками².

Наиболее амбициозный проект организации помощи был выдвинут Бао Гуйцином (Бао Guiqing) в мае 1920 г. Его предложение, одобренное Государственным советом в Пекине, сочетало гуманитарные проблемы с проблемами безопасности и позволило Китаю встать в один ряд с Америкой:

С момента беспорядков в России беженцы снова собираются массами, а русские, уже проживающие в зоне железной дороги, борются за выживание из-за падения рубля. Если мы не найдем способ поддержать их и спланировать срочные мероприятия по оказанию помощи, эти иностранные жители, которые долгое время подвергались натиску красной идеологии, будут распространять ее между собой... В прошлом году президент США способствовал созданию Организации по оказанию помощи, и наши различные провинции с энтузиазмом поддержали ее пожертвованиями. Это лишь один аспект гуманизма³.

Организация Бао была ориентирована главным образом на китайских репатриантов после Гражданской войны, а не только на русских эмигрантов. Она также не могла быть отделена от его более широких политических целей, возможно, включая приобретение финансовых ресурсов⁴. Тем не менее, китайский подход вышел за рамки простой риторики: в докладе Верховного комиссара по делам беженцев 1924 г. отмечалось, что «китайское правительство в Маньчжурии», а также частные благотворительные организации потратили более 1 миллиона мексиканских долларов на питание и жилье для беженцев⁵. Пекин также проявлял готовность финансировать их дальнейшие поездки⁶.

¹ Телеграмма Сунь Лечэня (Sun Liechen), 6 февраля 1920 г. // *Zhong-E guanxi shiliao: yiban jiaoshe, Minguo jiu nian* (Исторические материалы о китайско-русских отношениях. Повседневные отношения, 1920 г.) / Ed. by Tingyi Guo, Yujun Wang, Yinghui Tao and Jianmin Li. Taipei: Zhongyang yanjiuyuan jindaishi yanjiusuo, 1968. P. 32 (Далее: YBJS).

² Телеграмма Ши Шаочана (Shi Shaochang), 10 февраля 1920 г.; То же Чжана Шоуцзэна (Zhang Shouzeng), 26 октября 1920 г. // YBJS. P. 36, 284; Телеграмма Сунь Лечэня (Sun Liechen), 4 мая 1920 г. // *Zhong-E guanxi shiliao: E zhengbian, Minguo jiu nian* (Исторические материалы о китайско-русских отношениях. Политический переворот в России, 1920 г.) / Ed. By Tingyi Guo, Yujun Wang, Yinghui Tao and Jianmin Li. Taipei: Zhongyang yanjiuyuan jindaishi yanjiusuo, 1968, P. 282-283 (Далее: EZB).

³ Телеграмма Государственного совета во все провинции, 27 мая 1920 г. // YBJS. P. 152-153.

⁴ Часть золота Семенова, конфискованного когда его сторонники бежали в Китай в марте 1920 г., была реквизирована Бао для этой цели. Против этого выступили китайские купцы, которые утверждали, что золото должно быть использовано для компенсации ущерба, нанесенного им грабежами Семенова, и обвиняли правительство в коррупции. См.: Письмо Бао Гуйцина (Бао Guiqing), 1 июня 1920 г.; Письмо Торгово-промышленной палаты Владивостока, 9 сентября 1920 г. // YBJS. P. 156-157, 225-226.

⁵ League of Nations. Reports by the High Commissioner for Refugees. 10 March 1924. // Доступно на сайте: https://biblio-archiv.unog.ch/Dateien/CouncilDocs/C-103-1924_EN.pdf (Дата посещения: 30 марта 2019 г.)

⁶ *Balawyder A. Russian Refugees from Constantinople and Harbin, Manchuria Enter Canada (1923-1926)* // *Canadian Slavonic Papers*. 1972. Vol. 14(1). P. 25.

Однако воины-беженцы - это совсем другое дело, поскольку они непосредственно угрожали границам Китая. Их деятельность осложнила дипломатические отношения Китая с союзными державами и красными. Принятие Семеновым японской помощи и советников вызвало опасения Китая относительно имперских амбиций Японии в Северо-Восточной Азии. Для решения этих сложных проблем китайские должностные лица вновь прибегли к правовым и гуманитарным нормам.

Непокорные «политические заключенные»

С начала Гражданской войны белые использовали Китай в качестве убежища. Антибольшевистские лидеры, такие как Д.Л. Хорват, Н.А. Кудашев и А.В. Колчак, собирали средства, вербовали солдат и искали поддержки в Китае. В случае неудач на поле боя Семенов и другие белые командиры могли бежать в Китай и рассчитывать там на подкрепление. Наконец, когда осенью 1918 г. началась Сибирская интервенция, Китайская Восточная железная дорога стала ключевой артерией, через которую люди и техника направлялись на борьбу с большевиками.

Как мы видели, китайские чиновники пытались выполнить свои обязательства перед союзниками и избежать вражды с красными, апеллируя к правовым прецедентам. Воины-беженцы рассматривались в качестве «политических заключенных», не подлежащих выдаче в руки своих врагов. Принимая такие формулировки, пекинское правительство, Бао Гуйцин (Bao Guiqing) и местные должностные лица опирались непосредственно на международные конвенции, введенные в Китае в конце XIX в. Политика невыдачи была описана как отличительная черта современного либерального государства, воплощавшегося Великобританией. Такой подход захватил воображение китайских юристов, дипломатов и прессы¹, и Китай мог утверждать, что политика разоружения и невыдачи соответствовала передовой международной практике.

Однако как на местном, так и на национальном уровне этот подход вызывал глубокую обеспокоенность. Бао и его подчиненные прекрасно понимали, что Семенов будет продолжать угрожать безопасности границ до тех пор, пока ему позволяют действовать в Китае². Хорват также активно лоббировал возвращение оружия, взятого у благовещенских беженцев, чему Бао пытался сопротивляться³. В ответ на эти озабоченности Министерство иностранных дел просило посла Кудашева обуздать Семенова и положить конец просьбам об оружии. Кудашев согласился призвать Семенова проявить «сознательность», но настоял на возвращении оружия амурским казакам, чтобы они могли присоединиться к Семенову. Во всяком случае, это сразу же поставило под сомнение добросовестность Кудашева⁴.

Двуличие Кудашева вскоре стало очевидным. Семенов не только не был обуздан, но и начал вербовать в свою армию китайцев и монголов, а также нанимать японских советников. В апреле 1918 г., всего через месяц после отступления в Маньчжурию, он вновь перешел в наступление против красных на территории России. Эта последняя кампания была не более успешной, чем предыдущая, и Семенова снова оттеснили к

¹ Peterson Glen. Forced Migration, Refugees and China's Entry into the 'Family of Nations', 1861-1949 // Journal of Refugee Studies. 2018. N 31(3). P. 275-277.

² Телеграмма Бао Гуйцина (Bao Guiqing), 26 марта 1918 г.; Письмо Генерального штаба и Военного министерства, 29 марта 1918 г. // DBBF1. P. 121-122, 128.

³ Письмо из Бюро военной подготовки, 28 марта 1918 г., Телеграммы Бао Гуйцина (Bao Guiqing), 4 и 12 апреля 1918 г. // DBBF1, P. 125-126, 139.

⁴ Переговоры между Чжу Хэсян (Zhu Hexiang) и Кудашевым, 30 марта 1918 г. // YBJS1. P. 320-321; Переговоры между Чжу Хэсян (Zhu Hexiang) и Кудашевым, 30 марта 1918 г.; Протокол встречи Кудашева с министром иностранных дел, 9 апреля 1918 г. // DBBF1. P. 132, 144.

китайской границе¹. К этому времени Хорват при поддержке Японии установил в Харбине антибольшевистский режим, который маньчжурские лидеры и пекинское правительство рассматривали как оскорбление китайского суверенитета².

Восстание чехословацкого корпуса в мае 1918 г. и последующая сибирская интервенция позволили Семенову избежать второго отступления в Китай, и вскоре Хорват перевел свое антибольшевистское правительство во Владивосток. Однако установление Белого правления в Сибири и на Дальнем Востоке имело катастрофические последствия для китайской диаспоры и национальных целей Китая. Учредившие свои вотчины на Дальнем Востоке Семенов, И. П. Калмыков и другие военачальники грабили, убивали китайских мигрантов и жестоко обращались с ними³. Непокоримая приверженность белых дореволюционным прерогативам России подрывала попытки Китая использовать Гражданскую войну для восстановления прав и территорий, утраченных в период царской экспансии. Наконец, тесные отношения белых военачальников с японской армией только подтверждали китайскую точку зрения о том, что они являются агентами японского экспансионизма. Полтора года белого правления вплоть до 1920 г. неблагоприятно контрастировали с более благожелательным подходом Советского правительства, особенно после того, как Караханским манифестом оно отказалось от всех царских привилегий в Китае.

Поэтому, когда колчаковский режим зимой 1919 г. рухнул, и большая часть союзных войск приступила к эвакуации из Сибири, китайские симпатии уже не склонялись в сторону белых. Пекину также не пришлось укрывать белые войска, как это было в начале 1918 г. Несмотря на это, китайские чиновники продолжали апеллировать к международному праву и гуманитарным стандартам, даже когда мстили отдельным белым лидерам.

Платить за ненависть добротой

Поскольку массовый исход из России начался в начале 1920 г., премьер-министр подтвердил официальную позицию Китая. Воины-беженцы, такие как Калмыков и Семенов, считались политическими заключенными. Они не подлежали экстрадиции, в противном случае это повредило бы репутации Китая на международной арене (*zhisun guoji shang zige*). Однако их надлежало разоружить на границе в присутствии наблюдателей, а в случае отказа сдать оружие, въезд в страну им мог быть запрещен⁴.

Тем не менее, к этому времени местные чиновники уже остро осознавали отсутствие доброй воли у воинов-беженцев и гнев китайской общины на отвратительное правление белых. Владивостокский консул Шао Хэнцзюнь (Shao Hengjun), знавший из первых рук о белом терроре, описывал, как Семенов убил тысячи китайских мигрантов, ограбил купцов на миллионы рублей и вступил в заговор с японцами: «Он наш смертельный враг... Если мы действительно позволим ему снова войти на нашу территорию, это будет все равно что лелеять паралитическое состояние... Это будет равносильно игнорированию [его] ненависти. Как это было бы стыдно»⁵. В Хэйхэ Сунь Лечэнь (Sun Liechen) отметил, что в отличие от ситуации двухлетней давности китайские купцы теперь питали «глубокую

¹ Письмо из Государственного совета, 6 апреля 1918 г.; Телеграмма Мэн Эньюаня (Meng Enyuan), 12 апреля 1918 г.; Телеграмма Бао Гуйцина (Bao Guiqing), 27 апреля 1918 г. // DBBF1. P. 141-142, 151, 175.

² Телеграммы Мэн Эньюаня (Meng Enyuan), 11 и 19 апреля 1918 г. // DBBF1. P. 149-150, 164-165.

³ Lin Y.R. *Among Ghosts and Tigers: The Chinese in the White Terror // Revolutionary Russia*. 2015. N 28(2); О насилии в годы Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке см.: *Bisher Jamie. White Terror: Cossack Warlords of the Trans-Siberian*. New York: Routledge, 2007.

⁴ Телеграмма из секретариата Государственного совета, 15 марта 1920 г. // EZB. P. 144.

⁵ Телеграмма Шао Хэнцзюня (Shao Hengjun), 4 февраля 1920 г. // YBJS. P. 31.

антипатию» к белым и не желали принимать беженцев-воинов из Благовещенска. Сунь был склонен к большей гостеприимности, отметив, что такие беженцы должны приниматься на основе гуманизма. Китай не должен «отплачивать за ненависть ненавистью (yiyuan baoyuan)», так как это «повредит национальному престижу»¹.

Как именно китайские чиновники планировали «отплатить за ненависть добротой», можно было увидеть на примере обращения с Калмыковым, Семеновым и туркестанским беженцем-воином Б. В. Анненковым.

Калмыков и границы гуманизма

Атаман Калмыков был первым воином-беженцем, который испытал китайскую терпимость, будучи одним из самых нелюбимых белых лидеров. Ходили слухи о его сговоре с японцами, а также о его жестокости по отношению к китайской общине в Хабаровске². В мае 1919 г. его люди самовольно пересекли границу в Доннин, чтобы совершить карательный рейд, убили нескольких китайцев и подожгли дома³. Наконец, в октябре 1919 г. он открыл огонь по китайской флотилии, плывущей вверх по Амуру, что вызвало народное возмущение, сравнимое с реакцией на расправу над китайскими мигрантами в Благовещенске в 1900 г.⁴

Когда в конце февраля 1920 г. Калмыков и 400 его сторонников бежали в провинцию Цзилинь, их разоружили и взяли под стражу под юрисдикцией Бао Гуйцина (Bao Guiqing)⁵. Китайские чиновники тогда боролись с желанием отомстить, демонстрируя приверженность гуманитарным стандартам. Ли Цзяо (Li Jiaao), представитель Китая в штаб-квартире союзников во Владивостоке, говорил представителям входящего туда российского социалистического режима, что китайцы с радостью арестуют Калмыкова «чтобы отомстить за национальный позор» в инциденте с флотилией, но при этом должны будут следовать международному праву⁶. Консул Шао рекомендовал в случае, если кто-либо из людей Калмыкова пострадает от травм или обморожения, принять их «любой ценой (*wulun ruhe*)». Тем не менее существовали две возможности наказать самого Калмыкова. Во-первых, Китай мог бы присвоить ему статус преступника, а не политического заключенного. Для этого красные должны были представить документ, обвиняющий его в конкретных преступлениях. Однако, поскольку еще не существовало признанного российского правительства, законность этого процесса ставилась под сомнение. Альтернативой могло бы стать помещение Калмыкова под конвой под предлогом его собственной защиты от народного гнева после инцидента с флотилией. Затем его можно было бы доставить на границу и передать красным. Это должно было происходить неофициально, переговоры велись бы местными деятелями, чтобы

¹ Телеграмма Сунь Лечэня (Sun Liechen), 6 февраля 1920 г. // YBJS. P. 32.

² Рапорт Фу Янсяня (Fu Yangxian), 16 августа 1918 г.; Письма из Пограничного бюро, 21 и 26 ноября 1919 г., // Zhong-E guanxi shiliao: chubing Xiboliya, Minguo liunian zhi banian (Исторические материалы о китайско-русских отношениях. Военная экспедиция в Сибирь, 1917-1919 гг.) / Ed. by Nianxuan Li, Zuohua Li, Shuzhen Xu, Tingyi Guo and Qiuyuan Hu. Taipei: Zhongyang yanjiuyuan jindaishi yanjiusuo, 1984. P. 257-258, 644-645, 650-651.

³ Письмо из кабинета губернатора Цзилиня, 3 июня 1919 г. // Zhong-E guanxi shiliao: E zhengbian yu yiban jiaoshe (2), Minguo liunian zhi banian (Исторические материалы о китайско-русских отношениях. Политический переворот в России и повседневные отношения (2), 1917-1919 гг.) / Ed. by Yujun Wang, Tingyi Guo and Qiuyuan Hu. Taipei: Zhongyang yanjiuyuan jindaishi yanjiusuo, 1960. P. 290-292.

⁴ Lin Y.R. White Water, Red Tide: Sino-Russian Conflict on the Amur 1917-20 // Historical Research. 2017. Vol. 90(247). P. 95.

⁵ Телеграмма от Ли Цзяо (Li Jiaao), 24 февраля 1920 г.; Телеграмма Бао Гуйцина (Bao Guiqing), 1 марта 1920 г. // EZB. P. 99-100, 115.

⁶ Телеграмма от Ли Цзяо (Li Jiaao), 26 февраля 1920 г. // EZB. P. 103.

освободить Пекин от ответственности¹. Союзники не должны были возражать, в конце концов разве М. Жанен не сделал то же самое с Колчаком? ²

В этот момент вмешался Государственный совет, настаивая на том, чтобы Китай следовал «международному прецеденту и общему праву» в отношении Калмыкова. Выдача его врагам была бы «ничем иным, как отправкой его на смерть» и привела бы к дипломатическим обвинениям в том, что Китай «не имел понятия о человечности (zhi waijiao shang wei wo wu rendao guannian)» ³. Пока Министерство иностранных дел выработывало решение, Бао по гуманитарным соображениям принял 200 человек раненых. Остальные силы Калмыкова были слишком многочисленны и не могли быть легко размещены и обеспечены, а если бы до них дошел слух, что Китай способен их приютить, то пришлось бы еще больше потерпевших поражение белых. Поэтому Бао отдал приказ об их выдворении⁴.

За этим последовал поиск безупречных юридических и дипломатических оснований для мести. Когда красные потребовали экстрадиции Калмыкова как обычного преступника, Шао и Ли запросили официальное обвинение. Они также провели переговоры с другими союзными силами во Владивостоке, чтобы прозондировать почву относительно возможной экстрадиции⁵. Вскоре выяснилось, что англичане и американцы очень не любят Калмыкова. Социалист-революционер А.С. Медведев также предъявил официальный документ, обвинявший Калмыкова и его подчиненных в грабежах банков в Хабаровске, наказуемых по статьям 1629 и 1632 Уголовного кодекса, а экстрадиция была запрошена в соответствии со статьей 8 Пекинского договора 1860 г. Показания были переданы китайскому консулу в Хабаровске⁶. К этому моменту китайцы, к своему удовлетворению, установили, что Калмыкова можно рассматривать как преступника, но военные действия между Семеновым, японцами и Красной армией помешали дальнейшему ходу дела.

Пока Калмыков и его помощники оставались под стражей в Китае, белые, включая российского консула в Гирине и посла Кудашева в Пекине, а также японцы настаивали на их освобождении⁷. Поэтому Министерство иностранных дел встретилось с представителями российского посольства и вновь заявило о причастности Калмыкова к делу флотилии. В ответ русские предложили освободить одного из его офицеров, В.В. Безуара, а самого Калмыкова экстрадировать во Владивосток, где ему «наверняка будет вынесен смертный приговор». Кудашев даже предложил китайцам полностью обойти судебные процедуры: Калмыкова можно было бы переместить на российскую территорию, чтобы его захватили красные, или китайцы могли бы сделать вид, что освободили его, и расстрелять «при попытке к бегству». Это, по утверждению Кудашева, был «устоявшийся метод (tongli banfa)» ⁸.

Безвыходная ситуация была преодолена в июле. Во-первых, норвежский посол официально обвинил Калмыкова в убийстве представителей Красного Креста,

¹ Телеграмма Шао Хэнцзюня (Shao Hengjun), 7 марта 1920 г. // EZB. P. 113-114.

² Телеграмма Шао Хэнцзюня (Shao Hengjun), 29 февраля 1920 г. // EZB. P. 113.

³ Письмо из Государственного совета, 12 марта 1920", // EZB. P. 135-136.

⁴ Телеграмма Бао Гуйцина (Bao Guiqing), 11 марта 1920 г. // EZB. P. 133.

⁵ Телеграмма от Ли Цзяо (Li Jiaao), 24 февраля 1920 г. // EZB. P. 99-100,

⁶ Телеграммы от Ли Цзяо (Li Jiaao), 28 февраля и 2 марта 1920 г.; Телеграмма Шао Хэнцзюня (Shao Hengjun), 2 марта 1920 г.; Письмо от Ли Цзяо (Li Jiaao), 28 марта 1920 г.; Письмо Цюань Шиэня (Quan Shien), 30 марта 1920 г. // EZB. P. 110, 116, 117, 162-163, 165-167.

⁷ Телеграммы Бао Гуйцина (Bao Guiqing), 27 мая и 20 июня 1920 г.; Телеграмма Шао Хэнцзюня (Shao Hengjun), 29 мая 1920 г.; Письмо военному министру, 29 мая 1920 г. // EZB. P. 355, 365, 365-366, 434.

⁸ Переговоры между министром Чэнь Лу (Chen Lu) и Кудашевым, 3 июня 1920 г. // EZB. P. 374-375.

предоставив китайцам веские основания, которые они могли представить союзникам¹. Во-вторых, Калмыков сам организовал побег при помощи русского консула². На этот раз Министерство иностранных дел решило принять советы Кудашева и поручило Бао убить Калмыкова, если тот будет сопротивляться аресту³. Министерство оправдало этот шаг, заявив, что теперь Калмыков «отвергнут как Китаем, так и иностранцами»⁴.

Когда в августе Калмыкова наконец обнаружили скрывающимся в консульстве, его отправили в Пекин под китайским эскортом. В серии телеграмм, посланных одна за другой, Бао описал, как Калмыков пытался бежать и был застрелен⁵. От союзных или российских дипломатов не последовало никаких протестов. Норвежский посол фактически выразил удовлетворение результатом, в то время как шведский посол только спросил, были ли найдены средства Красного Креста⁶.

Семенов: разоружение и репатриация

Как упоминалось выше, китайцы были знакомы с попытками Семенова использовать Китай в качестве убежища. Однако с уходом союзников и прибытием Красной армии в Забайкалье весной 1920 г. его войска были в третий раз оттеснены к китайской границе. В тот же день, когда Государственный совет изложил свой подход к Калмыкову, он также повторил свою позицию и по отношению к Семенову: его войска должны быть разоружены, если они хотят быть допущены в Китай⁷.

Поэтому, когда первая группа из 176 семеновцев в марте 1920 г. прибыла из Нерчинска, они были разоружены на границе. Японские офицеры настаивали на том, чтобы русские сохранили свое оружие, но китайцы твердо стояли на почве международного права. В просьбах об экстрадиции было отказано. Тем не менее маньчжурский правитель Чжан Цуолинь (Zhang Zuolin) настаивал на скорейшей репатриации семеновцев, чтобы избежать возникновения проблем на китайской территории⁸. Поэтому военное министерство рекомендовало использовать калмыковский прецедент, и все невредимые солдаты были изгнаны⁹.

Последующие волны семеновцев прибывали в августе и ноябре, так как отступление японцев в Приморье привело к новому натиску красных. 11 августа Семенов потребовал, чтобы его войскам разрешили проехать по Китайской Восточной железной дороге во Владивосток, а Сунь Лечэнь (Sun Liechen) настоял на том, чтобы их разоружили как политических заключенных¹⁰. Поэтому в Маньчжурии было проинспектировано и разоружено несколько поездов с семеновцами, которые были направлены непосредственно во Владивосток, причем было обеспечено наблюдение за тем, чтобы

¹ Переговоры между министром Чэнь Лу (Chen Lu) и Кудашевым, 16 июля 1920 г. // EZB. P. 522-523.

² Телеграмма Бао Гуйцина (Bao Guiqing), 20 июля 1920 г. // EZB. P. 535.

³ Телеграмма Бао Гуйцина (Bao Guiqing), 22 июля 1920 г. // EZB. P. 541.

⁴ Письмо военному министру, 28 августа 1920 г. // EZB. P. 642.

⁵ Телеграммы Бао Гуйцина (Bao Guiqing), 26 августа, 3 и 5 сентября 1920 г. // EZB. P. 635-636, 653, 657, 658.

⁶ Переговоры между министром иностранных дел Яном Хуэйцином (Yan Huiqing) и послом Норвегии, 8 сентября 1920 г.; Письмо исполняющего обязанности посла Швеции, 19 октября 1920 г. // EZB. P. 665-666, 706.

⁷ Письмо из Государственного совета, 12 марта 1918 г. // EZB. P. 136-137.

⁸ Телеграмма Чжана Цзолиня (Zhang Zuolin), 18 марта 1920 г.; Письмо Сунь Лечэня (Sun Liechen), 22 июня 1920 г. // EZB. P. 149, 437-439.

⁹ Письмо из Генерального штаба и военного министерства, 24 марта 1920 г.; Письмо Сунь Лечэня (Sun Liechen), 22 июня 1920 г. // EZB. P. 159-160, 438.

¹⁰ Телеграмма Сун Сяоляня (Song Xiaolian), 15 августа 1920 г.; Телеграмма Сунь Лечэня (Sun Liechen), 17 августа 1920 г. // EZB. P. 607, 611.

никто не высаживался в Китае¹. Еще один раунд переговоров состоялся 12 ноября, на этот раз позволив тысячам солдат потерпевших поражение войск войти в Китай. И вновь возражения Японии против разоружения и просьбы красных об экстрадиции были отвергнуты обращением к международному праву и статусу Семенова как политического заключенного².

Еще одна проблема заключалась в том, что делать с тысячами семеновцев и каппелевцев, которые в это время находились на Китайской Восточной железной дороге. Как и в случае с мартовским конвоем, китайские чиновники стремились как можно быстрее отправить их за границу. Посол Дальневосточной республики И.Л. Юрин, прибывший в Пекин для переговоров о возобновлении дипломатических отношений с Китаем, предложил репатриировать их в Читу, но Китай отказался по гуманитарным соображениям³. Консул Шао вместо этого начал переговоры об их переезде во Владивосток, но тамошний режим тоже не хотел их принимать⁴. Представитель Министерства иностранных дел попытался бороться с гуманизмом при помощи гуманизма:

Из уважения к гуманизму выражаю свое сочувствие; более того, к моим соотечественникам, как может быть иначе? Но злые замыслы [Семенова] ясны, и от этого будет опасность. И Китай, и Россия пострадают от него. Тогда грубая бесчеловечность, которая произойдет, будет результатом нашего уважения к гуманизму, и кто будет нести ответственность?⁵

Шао назвал эти слова блефом, попросив правительство Владивостока принять хотя бы раненых, женщин и детей, но оно отказалось. На следующей встрече Шао заявил, что урегулирование правительством ситуации с беженцами нанесет ущерб китайско-российской дружбе. В конце концов был достигнут компромисс, в соответствии с которым семеновцам разрешалось въезжать как отдельным лицам в обычных пассажирских поездах, а не как воинским единицам⁶. Таким образом, первые группы беженцев-семеновцев начали покидать Китайскую Восточную железную дорогу в начале декабря.

Анненков: лагерь и восстание

На протяжении всей Гражданской войны прозрачность Синьцзян-Туркестанской границы позволяла красным и белым силам относительно легко переходить ее. Военный губернатор Ян Цзэнсинь (Yang Zengxin) терпел это до тех пор, пока под угрозой не оказалась китайская территория⁷. Однако, когда военные удачи переменялись в пользу красных, лидер белых Анненков и 2 тыс. его солдат в мае 1920 г. бежали в Синьцзян. Ян утверждал, что, поскольку Китай был нейтрален в Гражданской войне в России, Анненкова не следует рассматривать как врага или как прямого военнопленного. Вместо этого его следует убедить отказаться от оружия, а голодным солдатам дать кров. Ян

¹ Телеграмма Бао Гуйцина (Bao Guiqing), 18 августа 1920 г.; Письмо генерального директора Китайской Восточной железной дороги, 23 августа 1920 г.; Телеграмма Сун Сяоляня (Song Xiaolian), 30 августа 1920 г. // EZB. P. 613, 626-627, 644-645.

² Телеграммы Сунь Лечэня (Sun Liechen), 14, 19, 22, 24, 26 и 30 ноября 1920 г. // EZB. P. 741-742, 749-750, 757-758, 763-764, 769-770, 776.

³ Переговоры Лю Цзинжэнем (Liu Jingren) и И.Л. Юриным, 30 ноября 1920 г. // YBJS. P. 144 (E dui Hua waijiao shitan).

⁴ Телеграмма Бао Гуйцина (Bao Guiqing), 26 ноября 1920 г. // EZB. P. 769.

⁵ Телеграмма Шао Хэнцзюня (Shao Hengjun), 27 ноября 1920 г. // EZB. P. 772.

⁶ Телеграмма Шао Хэнцзюня (Shao Hengjun), 29 ноября 1920 г. // EZB. P. 774.

⁷ *Share Michael*. The Russian Civil War in Chinese Turkestan... P. 401-406.

утверждал, что во всех вопросах Китай должен действовать в соответствии с международным правом, поскольку красные внимательно следят за ситуацией¹. Большинство солдат отправили обратно в Россию, но оставшиеся 700 были размещены лагерем около Гучэна².

Тем не менее Анненков оказался куда менее сговорчивым, чем надеялся Ян. Его войска отказались покинуть свою базу в Синьцзяне и продолжали совершать нападения на Россию. Что еще хуже, Анненков вступил в сговор с Семеновым в Монголии, угрожая контролю Китая над монголами. Он продолжал хранить несколько тайников с оружием, которые китайские чиновники постоянно выкапывали³. Последней каплей стало событие января 1921 г., когда Анненков и его люди начали неудачное восстание в Гучэне⁴. Ян с горечью жаловался:

Из уважения к гуманизму я взял этих поверженных русских солдат... Теперь Анненков действует не из добродетели, а из ненависти, отказываясь сложить оружие. Это действительно является нарушением международного права⁵.

Министерство иностранных дел ответило, что Анненкова следует изгнать, как изгнали войска Семенова и Калмыкова. Ян не согласился, заявив, что репатриированные солдаты присоединятся к Семенову в Монголии. Вместо этого они должны быть разделены, Анненков и половина его сил должны быть изолированы в отдаленных пещерах Дуньхуан в Ганьсу. Расходы на их переезд и снабжение предполагалось покрыть за счет Синьцзяна и других провинциальных властей⁶. Ян также обратился лично к Анненкову с просьбой сдать все свое оружие в соответствии с международным правом⁷. План Яна был одобрен пекинским правительством, которое подчеркнуло, что Китай должен добросовестно снабжать Анненкова едой, одеждой и жильем, чтобы «он мог почувствовать признательность»⁸. Войска покинули лагерь в конце апреля и прибыли в Дуньхуан в середине июня, где им дали припасы, топливо и корм для лошадей⁹.

Плоды гуманизма

В ноябре 1920 года французский посол Бопп встретился с министром иностранных дел, чтобы выразить протест против одностороннего отказа Китая от признания всех российских дипломатов царской эпохи, поскольку это повлияло бы на управление русскими беженцами. Министр возразил, что во время Гражданской войны русские оскорбляли и грабили китайских мигрантов, сжигали их дома и нападали на китайские

¹ Телеграммы Яна Цзэнсиня (Yang Zengxin), 7 и 19 мая 1920 г. // EZB. P. 288, 330-331.

² Телеграмма Яна Цзэнсиня (Yang Zengxin), 17 января 1921 г. // Zhong-E guanxi shiliao: Zhongdong tielu E zhengbian, Minguo shinian (Исторические материалы о китайско-русских отношениях. Китайско-Восточная железная дорога и политический переворот в России, 1921 г.) / Ed. by Yujun Wang, Yinghui Tao, Jianmin Li, Kui Chen and Dexi Jin. Taipei: Zhongyang yanjiuyuan jindaishi yanjiusuo, 1974. P. 5-6 (E zhengbian, далее: CEREZB).

³ Телеграммы Яна Цзэнсиня (Yang Zengxin), 14 января и 29 апреля 1921 г. // CEREZB. P. 2-3, 3-4, 47 (E zhengbian).

⁴ Телеграмма Яна Цзэнсиня (Yang Zengxin), 17 января 1921 г. // CEREZB. P. 5-7.

⁵ Письмо Яна Цзэнсиня (Yang Zengxin), 8 апреля 1921 г. // CEREZB. P. 41-42.

⁶ Телеграмма Яну Цзэнсину (Yang Zengxin), 18 января, 24 февраля и 2 марта 1921 г. // CEREZB. P. 7, 21, 24-25.

⁷ Письмо Яна Цзэнсиня (Yang Zengxin) Анненкову, 27 марта 1921 г. // CEREZB. P. 35-36.

⁸ Письмо из Генерального штаба и военного министерства, 13 марта 1921 г. // CEREZB. P. 31.

⁹ Меморандум Государственного совета, 27 сентября 1921 г. // CEREZB. P. 117-119.

войска в Монголии. И все же Китай относился к русским с великодушием, позволяя им проникать в Маньчжурию и Шанхай и способствуя облегчению голода¹.

Этот обмен мнениями завершил формирование подхода Китая к российским беженцам. На местном, национальном и международном уровнях, китайские чиновники обратились к принципам гуманизма и международного права для достижения конкретных целей: повышения безопасности китайско-российской границы и предотвращения иностранного вмешательства. Не меньшее значение имело притязание Китая на международную легитимность в вильсоновском миропорядке, где соблюдение принципов гуманизма придавало «цивилизованный» статус нации и придавало ей дипломатический вес среди великих держав. Как и Япония во время Русско-Японской войны², Китай использовал российский конфликт, чтобы продемонстрировать эти качества.

В заключение следует высказать одно предостережение. Гуманизм Китая, безусловно, не являлся безоговорочным. В конце концов, должностные лица всех уровней предпочитают репатриировать беженцев, как только возникает малейшая возможность. Китай в этом не был уникален, достаточно вспомнить нежелание западных держав принимать российских беженцев. Однако, учитывая собственные гражданские войны Китая в этот период, возникает вопрос: в какой степени гуманизм и разоружение были обусловлены желанием отдельных военачальников к овладению оружием и деньгами? Оружие Семенова оказалось на полях сражений Чжили-Аньхойской войны, а Ян обогатил арсенал Синьцзяна оружием Анненкова. Возможно, в этом и заключался наиболее зловещий аспект приверженности Китая международным стандартам - "бесчеловечность, являющаяся результатом гуманизма", по словам правительства Владивостока.

Перевод с английского Николая Михайлова

¹ Переговоры во Французском посольстве, 23 ноября 1921 г. // YBJS. P. 195 (Tingzhi E shiling daiyu)

² *Shimazu Naoko*. Japanese Society at War: Death, Memory and the Russo-Japanese War. New York: Cambridge University Press, 2009. P. 157-196; *Kowner Rotem*. Japan's Enlightened War: Japanese Military Conduct and Attitudes to the Enemy during the Russo-Japanese War // *The Japanese and Europe: Images and Perceptions* / Ed. By Bert Edström. Avon: Japan Library, 2000. P. 134-151. См. также: *Käser Frank*. A Civilized Nation: Japan and the Red Cross 1877-1900 // *European Review of History*. 2016. Vol. 23(1-2). P. 16-32.

III. Церковь и политическая культура

Павел Геннадьевич Rogozный

Гражданская война и иконы¹

Летом 1918 года группа красноармейцев под командованием бывшего царского офицера члена партии большевиков Валентина Несмелова для поимки другого офицера нагрянула в Раифский монастырь под Казанью. Согласно церковным данным группа красноармейцев начало кощунствовать над иконами, из них якобы выдирали драгоценности. Согласно другой версии красноармейцы вели себя корректно, но монахи все равно ударили в набат. Сбежавшиеся крестьяне устроили самосуд, все красноармейцы были убиты. Погибший командир красноармейцев был родным сыном крупнейшего в Казани, а может быть во всей России богослова, профессора Несмелова. В советское время Несмелов младший стал героем, ему посвятили повесть,² его именем назвали улицу в Казани, на месте его гибели воздвигли обелиск. Подвергшийся аресту как «явный контрреволюционер» его отец профессор-богослов и до конца свой жизни не поменял своих взглядов. Так гражданская война и иконы раздели отца и сына.

О том, что пройдет немного времени и иконы запылают по всей России, тогда никто не думал.³

23 января 1918 года в прессе был опубликован Декрет Совета народных комиссаров «О свободе совести». Уже при второй публикации он получил другое название «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви»⁴. Так или иначе, этот «Декрет» затрагивал фактически все населения бывшей Российской империи. Декрет был декларативен, и как его проводить в жизнь на местах часто не понимали. В самом декрете об иконах ничего не говорилось, но 28 августа 1918 года Народный Комиссариат юстиции выпустил постановление «О порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви

¹ Любая работа начинается с историографии, и книги и статьи, где упоминается судьба икон в период Гражданской войны есть, и они упоминаются в тексте статьи, но исследования гонений на иконы периода революции и Гражданской войны нет.

² *Евгеньев П.К.* Обелиск в Раифе. Казань 1969. Написанная неплохо документальная повесть стала местным бестселлером. Что ее главный герой Несмелов был сыном профессора духовной академии, автор не скрывает. С.11. Вообще автор повести хорошо знает реалии первого года Гражданской войны. Реликтом хрущевской эпохи атеизма в повести можно рассматривать описание, как монах под «хмельком» заливает воду в резервуар для слез чудотворной иконы. С.126-127. Относительно новая книга. Журавский Александр Трагедия в Раифском монастыре. Казань 1994.

³ Воровство икон было распространено в России, и продолжалась в эпоху революции. Самый известный случай произошел в 1904 году когда была похищена и сожжена чудотворная икона Казанской Божьей Матери. В 1917 году, согласно докладу архимандрита Матфея на Поместном Соборе, крестьяне похитили из монастыря образ Озерянской Божьей Матери и «объявили его своей собственностью». (Священный Собор Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. Обзор деяний. Вторая сессия. М., 2001. С. 448). Тут видна сплошная корысть, крестьяне, похитившие икону сказали бы и о повышенном благочестии. В случае сжигание иконы данный мотив отсутствует. Вообще спор о принадлежности иконы, особенно чудотворной, в царской России мог быть долгим. См.: *Платонов Е.В.* Почитаемые родники и приходские конфликты в России второй половины XIX века // Петербургский исторический журнал. 2018. № 3. С.43.

⁴ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 373-374.

от государства и школы от церкви»¹. Постановление, или инструкция, как она именовалась, более подробно объясняло механизм проведения декрета. Подробно разъяснялась передача церковного имущества в Советы и из них обратно «местным жителям соответствующей религии». Таковых, согласно инструкции, должно было быть не менее 20 человек. Именно отсюда появляется известное в церковной среде слово «двадцатка».

В инструкции четко разъяснялось, что «не предназначенные для богослужбных целей имущества церковных и религиозных обществ, а также бывших вероисповедных ведомств, как-то: дома, земли, угодья, фабрики, свечные и другие заводы, рыбные промыслы, подворья, гостиницы, капиталы и все вообще доходные имущества, в чем бы они ни заключались... незамедлительно отбираются от означенных обществ и бывших ведомств»². Это был серьезный удар по экономической стороне жизни Церкви: если в декрете была размытая формула о том, что они объявляются «народным достоянием», то теперь – власть попросту отбирала в свою пользу имущество Церкви.

В инструкции содержался пункт «О религиозных церемониях и обрядах», относительно которых говорилось, что «в государственных и в иных публично-правовых общественных помещениях безусловно не допускается совершение религиозных обрядов и церемоний (молебнов, панихид и проч.), помещение каких-либо религиозных изображений (икон, статуй религиозного характера и проч.)»³. Этот пункт, отсутствовавший в декрете, и вызвал наибольшее сопротивление верующих.

Удивительно, что историки, писавшие про «Декрет» просто прошли мимо этого факта и его последствий.

Согласно инструкции иконы должны были быть вынесены также из учебных заведений и с заводов и фабрик. Проведение этой меры часто вызывало большое негодование и, по-видимому, мало исполнялось, особенно в первое время. Попытки выноса икон из общественных учреждений предпринимались и до издания данной инструкции, если верить докладу священника Лахостского, сделанному на Поместном Соборе⁴. Действительно изымать иконы из общественных мест стали еще раньше. Так железнодорожники Липецка просили В.И. Ленина вернуть иконы на вокзалы еще до опубликования инструкции об изъятии икон.⁵

¹ Постановление НКЮ «О порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция) 24 августа 1918 г. // К истории отделения церкви от государства и школы от церкви в СССР. Документы и материалы. // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1958. С. 11

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 16.

⁴ Говоря «о гонениях на иконы», Лахостский приводил следующие данные: в Москве учитель Каренторядского училища приказал вынести иконы из школы, а в Петрограде приказали удалить иконы из дома Ремесленной управы (Деяния Священного Собора Российской Церкви. М., 1994. Т. IV .С. 11). Видимо, первые попытки выноса икон с «монархическими надписями» предпринимались сразу после Февральской революции: в архиве Синода сохранилось дело о иконах в Архангельской губернии, однако из самого дела неясно, вынесены ли были иконы из храма и что за «монархические надписи» были на них. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Д. 987. Л.1–1 об. Член кадетской партии А.В.Тыркова записывает в свой дневник 19 июля 1917 года., видимо передавая разговоры внутри партии. «Выносятся иконы из присутственных мест. Закон Божий упраздняет». См.: Наследие Андрианы Владимировны Тырковой. Дневники. Письма. М., 2012. С. 202.

⁵ Ходатайство служащих ст. Липецк Юго-Восточной железной дороги председателю СНК РСФСР В.И.Ленину о возвращении икон и разрешении богослужения в помещениях железнодорожных вокзалов. 13 апреля 1918 г. // Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в Советской России октябрь 1917- 1918 гг. Сборник документов. М., 2016. С. 578. Резолюция Ленина «По- моему, на вокзалах нельзя». (Там же). Видимо, впоследствии в некоторых епархиях для орханы вокзальных икон была создана особая должность. «Приспело время подвига... » (Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. о начале гонений на Церковь .М., 2012. С. 393).

После появления инструкции эта мера получила юридическое обоснование, хотя встречала сопротивление даже в рабочей среде.

Так, когда на Шуйской фабрике, по инициативе местных большевиков, в 1919 году в цеху были сняты иконы, это вызвало настоящие волнения среди рабочих, которые прекратили работу и потребовали «повесить таковые на прежние места». Фабрика забастовала! Коммунисту Языкову, проводившему эту акцию, пришлось каяться в том, что он приступил к исполнению «неумело и без разрешения Исполкома и партии, а действовал лично от себя, а потому он один во всем и повинен и просит о наказании его, если он заслуживает»¹. Если уж самый «революционный» класс так реагировал на антирелигиозные акции, то что тогда говорить о крестьянстве!

Еще более показательный случай произошел в Тульской губернии. Там на праздновании Первомая руководитель местной партийной организации попытался представить себя «демократом», сказав, что «всякий гражданин, заметивший неправильность в действиях кого бы то из членов Совета, как сельского, так и волостного» может подавать письменные заявления «на неправильность действий». Один из присутствующих спросил, можно ли подавать заявление словесно, «и, получив утвердительный ответ, возбудил вопрос о внесении икон в здание Исполкома, чем зажег среди присутствующих волнения на религиозной почве». После этого участники празднования заставили членов коммунистической ячейки внести и повесить иконы в помещении Волисполкома. Председатель «волостной коммунистической партии» Бузанов сообщал, что «после того как иконы были повешены, то присутствующие силой заставили всех снять шапки, и были угрозы, что каждый, кто коснется икон, будет повешен»².

Исполнявшие приказы толпы большевики понимали, что эти угрозы вовсе не шуточные, за полгода до этого эпизода в городе Новосиль в той же Тульской губернии произошло, по интерпретации властей, «восстание на религиозной почве», спровоцированное арестом местного священника, тогда были избиты местные коммунисты и разогнан волостной Совет, причем восставшие «внесли туда икону, удаленную по декрету Совнаркома, и поставили на старое место»³.

В Новгородской губернии попытка вынести икону из здания местного Совета вообще окончилась кровопролитием. По сообщению представителя Наркомата юстиции бывшего священника Михаила Галкина,⁴ прибывший из столицы в Любинскую волость «инструктор» наркомата юстиции потребовал удаления иконы из помещения местного Совета, однако председатель Совета, ссылаясь на свои религиозные чувства, это сделать отказался. Тогда «инструктор-коммунист» лично вынес икону. «Это создало, как отмечал Галкин, громадное волнение среди местных крестьян»⁵. Волость была самим «инструктором» объявлена на военном положении, что только ухудшило обстановку. Из

¹ ГАИВО. Ф. Р-708. Оп. 1. Д. 35а. Л. 7–7 об. Благодарю за предоставленную выписку из архивного дела Н.В. Михайлова. «В каждом цехе или мастерской находилась своя икона, перед которой горела неугасимая лампада. Поддержание огня возлагалось на специально назначенного рабочего...». *Габко М.Е.* Деятельность Русской Православной Церкви в рабочей среде московской губернии в конце 19 начале 20 века. М., 2017. С. 91.

² Акт о внесении икон в здание Сорочинского волисполкома Крапивенского уезда Тульской губернии 19 мая 1919 г. // *Русская Православная Церковь в Тульской области. 1918–1991.* Тверь, 2012. С. 27–29.

³ В Новосильский уездный комитет РКП(Б) 14 января 1919г. // *Русская Православная Церковь в Тульской области...* С. 18.

⁴ О Михаиле Галкине и его деятельности. См.: *Рогозный П.Г.* Духовенство против Церкви в 1917-1918 гг. (Церковный большевизм и церковные большевики) // *Эпоха войн и революций 1914-1920.* СПб., 2017 С. 375-391

⁵ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 696. Л. 21.

Старой Русы были вызваны красноармейцы, которые произвели «в толпу крестьян залп». Председатель местной ЧК Воронов считал, что данный «инцидент вызван нетактичным поведением инструктора, позволявшего себе, не зная местных условий и настроение фанатиков-крестьян, глумление над их религиозными чувствами. До этого инцидента волость считалась одной из самых спокойных и благожелательно настроенных к Советской власти»¹.

В Симбирской губернии на почве выноса икон из знаний школ даже произошел антисоветский мятеж. Причем главным лозунгом восставших был - «Бей коммунистов и учителей»². На вопрос, почему вы в школе шумите, а дома ведете себя тихо, один из учеников Саранского уезда ответил: «здесь можно, икон нет»³. Очевидно, что вынос икон из школ начался сразу после декрета. Офицер французской армии, бывший в России с дипломатической миссией Пьер Паскаль, записал в своем дневнике случай, связанный с появлением в одной из школ директрисы, поддерживавшей новую власть: «Осматривая классы, распорядилась: Надо убрать эти предметы культа (указывая на иконы). Скрепя, сердце подчинились». Кроме этого, по словам Паскаля, учительница намеревалась воспрепятствовать поклонению иконе Иверской Богоматери, которую должны были доставить в школу. «Узнав об этом, комитет служащих решил убить учительницу, если она будет мешать доступу к Иверской Богоматери. Служащие-большевики внесли Богоматерь на плечах»⁴.

По словам того же Галкина, когда съезду учителей в Старой Русе предложили «озаботится изгнанием из школьных помещений предметов религиозного культа, съезд попросил не обострять отношения между учащими и родителями учеников»⁵. По мнению учителей, этим должны заниматься волостные Советы. Впрочем, как отмечал Галкин, на местах в сельской местности такие акции, как удаление икон, встречают «противодействия крестьянства»⁶. Галкин как бывший священник не мог не понимать роль икон в народной религиозности.

Вынос икон из зданий фабрик и заводов, общественных присутствий, школ и т.п. был очень болезненным вопросом; часто, как на Шуйской фабрике или в Тульской губернии, это вызывало бурю негодования, и большевики вынуждены были разъяснять свои цели публично. Это было связано с тем, что слухи об иконах быстро распространялись и принимали удивительные формы, даже ходил слух, что вообще все иконы отнимут. «Нет более гнусной и подлой лжи, чем эта, – сообщалось в листовке петроградских большевиков. – Да и кому придет такая нелепая мысль – отбирать иконы. Кому, кроме верующих, нужны иконы? Разве накормить ими голодных или перелить в пушки?»⁷

¹ Там же.

² Крестьянство и казачество в России в условиях революции 1917 года и гражданской войны: национально-региональный аспект. М., Саранск. 2017. С. 974. Вообще обвинения учителей в выносе икон было распространено в крестьянской среде. Об атеизме и религиозности учащихся см.: *Балашов Е.М.* Школа в российском обществе 1917-1927 гг. Становление «нового человека» СПб., 2003. С. 143-151.

³ Цит. по: Козлов Федор. Государственно-церковные отношения в 1917 – начале 1940-х гг. в национальных регионах СССР. (На примере республики Марий Эл, Мордовии и Чувашии). М., 2017. С. 69. Вообще вынос икон из школ можно было рассматривать как оскорбления чувств верующих, об этом на Восьмом съезде РКП(б) говорил один из самых яростных атеистов П.А. Красиков. (Доклад П.А. Красикова // Конфессиональная политика Советского государства 1917-1924. М., 2018. Т. 1. Кн. 1. С. 127).

⁴ *Паскаль Пьер.* Русский дневник 1916-1918. Екатеринбург, 2014. С. 462. Запись от 8 апреля 1918 г. В последних цитируемых строках Паскаль, очевидно, имел в виду внесения в школу иконы Иверской Богоматери

⁵ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 696. Л. 21.

⁶ Там же.

⁷ Листовки петроградских большевиков. Л., 1967. С. 160.

Однако такие разъяснения, видимо, не сильно помогли делу. Распространялись и слухи, что после изъятий икон начинаются повальные эпидемии тифа. Так игумен Шатской пустыни просил Ленина возвратить из под «ареста» (Так. - П.Р.) чудотворную икону Казанской Божьей Матери.¹ Игумен сообщал, что икона изъята согласно Декрету 23 января, о котором он «чистосердечно признаюсь, не знал».² Интересен язык самого письма Ленину. Игумен называет изъятие иконы «арестом» и признает, что он вообще не знал о знаменитом большевистском декрете, что в условиях 1918 года кажется вероятным. Эта история имела трагическое продолжение. Согласно свидетельства бывшего народного комиссара, левого эсера Штейнберга, местные крестьяне сами пошли выручать арестованную икону, власти открыли пулеметный огонь³. Вообще тогда любое покушение на икону тщательно фиксировалась⁴.

Похожий случай произошёл 23 ноября 1918 года в Грылевской волости Осташковского уезда. Когда икону сняли в местном исполкоме и поместили в арестантскую комнату, начались крестьянские волнения, тогда председатель вынужден был икону вернуть, а советские плакаты убрать⁵. Вообще икона считалось личностью, ее можно, подкормить⁶, ее можно арестовать. За нее можно получить выкуп. Риза на иконе могла, рассматривается как одежда⁷. Стоящие дома иконы, могут по каким-либо причинам разодраться⁸.

Трагический случай произошел в городе Трубчевске Брянской губернии, где уездный комиссар Раков «призвал» к себе икону Божьей матери и во время молебна выстрелил в икону, а потом стал ее топтать ногами. В результате этих действий комиссар был убит местными крестьянами, которые с участием жителей окрестных сел устроили на этой почве целое восстание⁹.

¹ Прошение игумена Шатской Успенской Вышинской пустыни Августина (Щеглова) председателю СНК РСФСР В.И. Ленину о возврате чудотворной иконы Казанской Божьей Матери и снятии контрибуции с обители. 9 октября 1918 г. // Отделение Церкви от государства и школы от церкви в Советской России. Октябрь 1917 -1918 г.: Сб. документов. М., 2016. С. 588.

² Там . же.

³ *Шрейнберг И.З.* Нравственный лик революции 1917-1919. М., 2017. С. 87-88.

⁴ См.: *Агеев Евгений, священник* Православная Церковь на Среднем Дону в соборный и послесоборный периоды 1917-1930 гг. М., 2019. С. 94. То, что красноармейцы прострелили икону, было доложено местным священником отдельно. Историки имеют хорошо задокументированный комплекс материалов о покушении на фреску в средневековой Флоренции: *Коннел Дж. Констебл Джэйлс.* Святотатство и воздаяние в ренессансной Флоренции. Дело Антонио Ринальденски М., 2010. Антонио Ринальдески проигрался в карты и в порыве бешенства бросил в изображённую на церкви фреску Богоматери конским навозом. Святотатству Риналдски нашлись очевидцы, и вскоре его поймали. После того как он покаялся в своем действе, он был повешен рядом с изображением, которое осквернил. Чудо Богоматери было усмотрено в том, что Ринальдески не смог покончить жизнь самоубийством и умереть нераскаянным. Данный эпизод оказался хорошо задокументированным, и документы об этом приводятся в книге.

⁵ *Соколов К.И.* Пламя над Волгой. Крестьянские восстания и выступления в Тверской губернии в конце 1917 – 1922 гг. М., 2017. С. 52.

⁶ *Ратур-Лафеев Даниель.* Традиции почитания Богоматери в России глазами американского психоаналитика. М., 2005. С. 42. «Наделение икон столь развитыми “личностными” качествами заставляет думать, что они заняли нишу языческих идолов в структуре верований человека... ». (*Долгов В.В.* Быт и нравы древней Руси. Миры повседневности XI-XIII вв. СПб., 2017. С. 444.

⁷ «В Скорбящем монастыре при снятии ризы с иконы спасителя старушка от верующих причитала: неужели, Спаситель, допустит снятие одежды своей» // Сводка московской губернской комиссии о ходе работ по изъятию церковных ценностей в Краснопресненском районе г. Москвы за 1апреля 1922г. // Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году. М., 2006. С. 42.

⁸ *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб., 2007. С. 131.

⁹ *Измолик В.С.* Глаза и уши режима. (Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918-1918 годах). СПб., 1995. С. 68. Очевидно, комиссар Раков был или сильно пьян или находился в острой форме душевного помешательства. Эта простреленная икона сохранилась до наших дней.

Московский окружной комиссар Ярославский сообщал в СНК в декабре 1918 года, что проведение декрета встречает особенно упорное сопротивление в деревне: «целый ряд иногда кровавых столкновений происходит на почве того, что население противится выносу икон и предметов культа из школ». Местные советы, писал комиссар, «часто совсем не считаются с волей подавляющего большинства, а иногда и с единогласной волей», в результате агитация против Советской власти с лозунгом «она во всем согласна с большевиками»¹. В приводимой цитате интересно отметить, что на местах большевики часто не ассоциировались с советской властью, что, в принципе, было логично, ведь Советы могли быть многопартийными или отчасти беспартийными.

Касаясь изъятия икон, комиссар, со слов близкого друга Льва Толстого и редактора его произведений В.Г. Черткова, сообщал, что в деревне процветает своеобразная форма взятки «за то, чтобы не трогать иконы <...> за икону Иисуса Христа берут пять рублей, за Богородицу меньше»². В заключение военный комиссар сообщал, что у него есть письма от коммунистов, которые задают один и тот же вопрос: «Есть ли смысл обострять отношения к крестьянской массе по такому вопросу?»³

Как реагировали на это центральные власти? Восьмой отдел Комиссариата юстиции, занимавшийся вопросами отделения Церкви от государства, издал особый циркуляр, где разъяснялось, что при «изъятии икон из общественных мест никоим образом не следует делать из этого антирелигиозные демонстрации... вовсе не требуется, чтобы удаления эти производились в часы занятий в данном учреждении и в присутствии публики, ибо подобное демонстративное удаление икон... а тем более, как имело кое-где место, сопровождаемое совершенно ненужными выпадами против того или иного культа, создает лишь ложное представление в глазах населения о способах борьбы Советской власти с народными предрассудками»⁴.

Комиссару Ярославскому отвечали, что «недовольство актом порождается не столько фактом удаления икон, сколько употребляемым при этом способом, часто выливающимся в некультурную и даже грубую форму»⁵.

В свою очередь, когда рабочие «Перовских мастерских» в Москве обратились к властям с разрешением оставить иконы на местах, такое разрешение было дано. Возможно, сыграло роль то обстоятельство, что Нарком путей сообщений Л.Б. Красин писал в Наркомат юстиции: «принимая во внимание условия политического момента и настроение рабочих <...> я считал бы в настоящее время полезным признать ходатайства рабочих подлежащим удовлетворению»⁶.

В этом смысле показательно письмо во ВЦИК служащих Никольской конторы фабрик Морозовых в Орехове-Зуеве, написанное летом 1920 года. «Мы, – говорилось в обращении, – служащие Никольской конторы, в числе около 300 человек, подчиняемся всем декретам и распоряжениям Советской власти, но снятием святых икон в конторе все, как один человек, глубоко огорчены. Иконы в конторе находятся почти целое столетие, нарушать священные заветы наших предков для нас положительно нежелательно и глубоко прискорбно <...> Подчиняясь власти и не желая создавать неприятности, к прискорбию нашему иконы были сняты. Просим Всероссийский исполнительный Комитет Совета рабочих и крестьянских депутатов дело это разобрать и разрешить иметь в конторе

¹ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 3. Д. 696. Л. 216.

² Там же.

³ Там же. Л. 216об.

⁴ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 690. Л. 80.

⁵ Там же. Л. 217.

⁶ ГАРФ. Ф. 353. Оп.3. Д. 747. Л. 217. Православная Москва в 1917-1921 годах. Сб. документов и материалов. М., 2004. С. 200.

св. иконы и снятые поставить на свои места»¹. Служащие и рабочие, подписавшиеся под письмом, позиционируют себя сторонниками Советской власти и мягко просят не нарушать «заветы предков». Это было характерно и до революции, когда икону, часто в народе почитаемую за чудотворную отправляли висеть в церковь, это вызывало народный гнев, как нарушение «завета предков»².

В конце 1922 года на заседании так называемой «Антирелигиозной комиссии» был поставлен вопрос «об иконоборчестве» (Так. – П.Р.) и было принято постановление удалить все «религиозные изображения», вывешенные в общественных местах и публичных местах³. Полное удаление икон из всех общественных мест закончилось, видимо, только к концу 20-х годов. Важно отметить, что даже вскрытие мощей не вызвало таких значительных протестов населения, как изъятие икон; хотя иконы изымались из государственных и общественных заведений, но многие расценивали это как личное оскорбление и поругание особо дорогой святыни. Это объясняется особой ролью иконы в религиозной жизни народа⁴.

Во время петровской церковной реформы все попытки регламентации иконопочитания и иконописания «провалились». Изъятие привес, домовых или личных икон из церквей, попытки запрещения резных изображений – все это встречало открытое сопротивление вплоть до избиения лиц, собиравшихся проводить данные акции⁵.

В 1711 году в Петербурге стал распространяться слух, будто из храмов будут убирать иконы, который был связан с действиями настоятеля Александро-Невской лавры Феодосия, приказавшего убрать из храмов «лишнее иконы». Он распорядился очистить церкви от домовых икон и резных образов. Эти действия настолько взволновали горожан, что Феодосий сделался ненавидимой фигурой «за истребление икон, переходящее предел царских повелений»⁶.

После указа Петра Великого о снятии так называемых привес⁷ с икон священник вологодского собора Яков Никитин произнес: «кто-де велит оные привесы обирать, тово б у жены серги вынял из ушей, каково б де ему было, да я-де о сем и указов слушать не хочу». Действие против иконы сравнивалось с оскорблением жены. Даже попавший под следствие несчастный Никитин продолжал: «этот де царь иноземец, все по иноземчески делает»⁸. 200 лет спустя ситуация мало изменилась: конечно, иконы изымают евреи или, по крайней мере, люди, исполняющие распоряжение евреев.

¹ Там же. Д. 730. Л. 34–35. Православная Москва... С. 210.

² Об этом см.: *Шевцова Вера*. Православие в России накануне 1917 года. СПб., 2010. С. 321.

³ Протоколы комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) – ВКП(б) (Антирелигиозная комиссия). 1922–1929. М., 2014. С. 47.

⁴ О почитании икон в России порой принимающих причудливый характер см.: *Цеханская К.В.* Икона в жизни русского народа. М., 1998. *Ее же.* Почитание православных святынь в России. М., 2013. *Петренко. В.И.* Богословие икон: протестантская точка зрения. СПб., 2000. Атеистический взгляд на иконы: *Емельях Л.И.* Происхождение христианского культа Л., 1971. Об иконах с. 70-87. Так богатый дворянин, отправляясь из своего имения в Москву, вез впереди икону в золотой карете «в сопровождении крестового священника». См.: *Русский быт в воспоминаниях современников XVIII век.* СПб., 2012. С. 390. Богословская точка зрения на иконы наиболее исчерпывающе представлена: *Станислав Целистин Натюрковский.* Богородица в вероучении и предании Католической Церкви. М., 2016. Иконам посвящена целая глава с. 71- 105. Книга написана профессором мариалогии и отличается профессионализмом в этом сложном вопросе, в отличие от часто доморощенного «богословствования» современных отечественных авторов.

⁵ *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России. 1700-1740гг. М., 2000. С. 423-435.

⁶ См. подробнее: *Семенова Л.Н.* Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998. С. 192–193.

⁷ Это вешание на иконы драгоценностей колец, серег и т.п. Часто в знак исцеления или с просьбой об исцелении. Хотя привесы были запрещены при Петре, они встречаются и в настоящие время.

⁸ *Лавров А.С.* Указ соч. С. 419.

Следует отметить, что такая реакция на снятие и вынос икон была, видимо, именно низовой – в среде верующей интеллигенции она как будто бы была более спокойной. Историк Князев записал в свой дневник: «И пусть выносят иконы. Это оживит, опозитизирует умирающую религию, особенно каменевшее православие. Заставит многих одуматься, кто и думать забыл о Боге, о непреходящих ценностях»¹.

Конечно, тут налицо не только разное отношение к самой иконе, которую в среде простого народа могли считать богом, но и обычное для интеллигенции той поры убеждение, что любые гонения и акции большевиков только усилят веру. Такие мысли вряд ли разделяли крестьяне и рабочие, для которых эта акция была не только оскорблением Бога, но и глубоким личным унижением. Подливали масло в огонь и многочисленные слухи о чудотворных иконах, которые сами падали на головы большевиков во время произнесения антирелигиозных проповедей².

Именно в 1917 году родился слух о том, что один матрос на танцах, не имея партнерши, взял икону Богородицы и начал с ней танцевать и окаменел. Впоследствии, уже в советское время, этот рассказ переродился в известную легенду о так называемом «стоянии Зои», о котором снят даже художественный фильм «Чудо». Когда молодая девушка, обидевшись, что ее на танец не пригласил жених, стала танцевать с иконой Николы и окаменела³.

А 1 мая 1918 года случилось реальное «чудо», которое было зафиксировано многими современниками и рассказы о котором широко распространились, попав в прессу. Громадное красное полотнище, закрывающее поврежденный образ Николая Чудотворца в Московском кремле порывами ветра было разорвано и «обнажило как раз то место, где скрывался под красной тканью образ»⁴. В это время шло богослужение в Казанской церкви на Красной площади. Толпы богомольцев стали требовать проведения крестного хода, который и был проведен, и перед иконой был отслужен молебен.

Бывший очевидцем данного происшествия профессор Юрий Владимирович Готье записал в дневник. «Сегодня случилось чудо – Никольские ворота были задрапированы красным, причем завешана была икона, уже разрушенная в октябрьские дни. Вдруг сегодня красная завеса начала распадаться и открыла икону: ткань разлетелась сама собою по волокнам, точно ее облили какой-нибудь кислотой; собралась толпа, гудевшая о чуде, молебен, стрельба в воздух в результате, чтобы разогнать толпу»⁵.

Даже для скептически настроенного профессора-историка, заносившего в свой дневник и слухи, но не верившего им, данный случай был чудом – можно представить, какое впечатление это произвело на простого обывателя. Причем удостовериться в нем мог любой москвич, просто прийдя к Никольским воротам.

¹ Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента // Русское прошлое СПб., 1994. С. 75.

² Документы той поры переполнены свидетельствами о расстрелах икон и о том, что, входя в храм или в дом священнослужителя, солдаты не снимают шапки. См.: «Начался обыск. Матросы в шапках с папиросами пошли по комнатам. Я просил их снять шапки, потому что в комнатах святые иконы, но они с грубостью, указывая на мой клубок, ответили: “А ты что в шапке”! // Представление архиепископа Донского и Новочеркасского Митрофана (Симашкевича) Святейшему Патриарху Тихону о событиях в Новочеркасске // «Преспело время подвига...» Документы... С. 295. Письмо от 21 марта (2 апреля) 1918 года.

³ https://ru.wikipedia.org/wiki/Стояние_Зои.

⁴ Из сообщения о природном очищении святынь кремля от революционных плакатов // Православная Москва... С.422.

⁵ Готье Ю.В. Мои заметки. М. 1997. С. 137. В дневнике запись от 19 апреля (2 мая). Фактически аналогичная запись и в дневнике Окунева: «Первого мая к вечеру огромное красное полотнище, закрывающие изъяны, причиненные Никольским воротам во время Октябрьского переворота, когда была разбита икона Николая Чудотворца, порывом ветра была разорвана, и таким образом обнаружилась как раз то место, где скрывался под красной тканью образ. На другой день собралась к воротам огромная толпа людей, видевшая в этом чудо». (Окунев Н.П. Дневник москвича 1917- 1920. М., 1997. Т. 1. С. 175).

Запись в дневнике А.В. Орешникова: «Перед Никольскими воротами огромная толпа народу, что-то говорили о завешенном образе Николая Чудотворца над воротами; я скорее ушел из боязни эксцессов. Позднее узнал, что плакат, которым был завешен образ, ветром или от иных причин сорвало; явилось в глазах народа чудо; служили молебен; когда я собирался уходить, слышен бал выстрел, площадь от народа очистили; при выходе из музея (Орешников работал в Историческом музее. - П.Р.) я встретил бронированный автомобиль... чем все кончилось не знаю. Опасно шутить с религией!»¹ Еще больший скептик, чем Готье, Орешников, ни в чудотворные иконы, ни в нетленные мощи не верил, что не мешало ему исправно посещать церковь и быть ревностным православным². Тогда же икону Николы сфотографировали, и фото спустя некоторое время отправили Колчаку. Ровно через год в мае 1919 года в Омске состоялся многолюдный крестный ход с фотографией иконы³.

Как это ни покажется странным, но никакие действия большевиков по отношению к Православию не имели такой негативной реакции среди населения, как их политика по отношению к иконам. И большевики отступали.

Хотя иногда, особенно в провинции, отношения к иконам принимало, казалась бы невероятных характер, особенно когда страна разделилась на красных и белых. Дело доходило до того, что противники, захватив какое-либо, место сжигали или расстреливали иконы своих врагов. Интересно, что так поступали и белые и красные и зеленые⁴. Важно отметить, что это известная средневековая практика уничтожение чужих богов возродилась во время гражданской войны⁵. Грабежом церковью занимались не

¹ Орешников Алексей Васильевич. Дневник М., 2010. Т.1. С. 156. Запись от 19 апреля (2 мая) 1918 года.

² Обращает на себя внимание, что Орешников пишет «в глазах народа чудо». Это не мешает ему интересоваться событиями на Красной площади. О чуде с иконой в дневнике он пишет 4 раза. Отчасти он объясняет это чудо естественными факторами. «На Красной площади ветром сорвало большую часть большевических тряпок с кремлевских стен; перед Никольскими воротами толпа не уменьшилась, большевики время от времени стреляют в воздух (каналы, хотят испугать толпу, которая, разбежавшись, опять собирается)». Орешников...С.157. Запись от 24 апреля (7 мая) 1918 года.

³ Сизов С.Г. Белая столица России: Повседневная жизнь Омска (июнь 1918-ноябрь 1919) Омск, 2018. С. 172.

⁴ «Сторож Ильинской церкви при приближении красных вынес из церковного подвала все самые древние семейные иконы водоозеров, сложил их в кучу и сжёг их. Окончание конфликта, с точки зрения водоозеров, было достигнуто тоже лишь после того, как победители (красные) вынесли из домов проигравших (белых) семейные иконы и расстреляли их». (Логинов К.К. Традиционный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М.; Петрозаводск, 2010. С. 292). Интересно отметить, что так называемые семейные или личные иконы выносили из храмов в случае отлучения человека от Церкви в XVII веке. См.: Цеханская.К.В. Икона...С. 40. Расстрел икон современная исследовательница относит к 30 годам, но очевидно, что иконы приговаривали к смерти и расстреливали во время Гражданской войны. Херрин. Дж. Византия. Удивительная жизнь средневековой империи. М., 2018. С. 133.

⁵ Так расправлялись с чужими святынями и во время религиозных войн эпохи Реформации. См.: Натали Замен Девис. Обряды насилия // История и антропология. Междисциплинарные исследования на рубеже XX-XXI веков. СПб., 2006. С 111- 162. Об инооборчестве в Древней Церкви см.: Болотов В.В. Лекции по истории Древней Церкви. М., 1994. Т IV. С. 506-583. Это были скульптурные изображения. Карташев А.В. Вселенские Соборы. М., 1994. С 493. Лучше всего на русском языке «философия» иконоборчества представлена: Мелиоранский Б.М. История и вероучение христианской церкви М., 2016. С. 362-387. Тут нельзя не отметить особую роль женщин, как противников иконоборчества так и его сторонников . См: Делаю Жан. Ужасы на западе. М., 1994. С 154-160. Интересна статья: Маршал Г. Вехи средневекового иконоборчества // Анналы на рубеже веков: Антология. М., 2002. С. 105-129. Майзулис М.Р. «Если ты бог - защищайся»: католические модели протестантского иконоборчества // Одиссей. Человек в истории 2015-2016. М., 2017. С. 281-348.

только красные или просто бандиты под именем большевиков, но и части белых¹. Следует отметить, что пропагандистская машина с обеих сторон работала исправно².

Хотя, безусловно, выносы икон ассоциировались с новой властью, тем более это было законодательно оформлено. Когда красные оставили Ставрополь, новые власти вывесили распоряжение. «Объявляю населению, чтобы немедленно приступить к восстановлению икон во все учреждения, так как религия православных крестьян не может быть без помощи всевышнего Бога идти вперед...»³.

На Юге России проведение декрета началось только по окончании гражданской войны в 1921 году. Причем, если судить по документам, новые власти учитывали повышенную религиозность региона. Так даже через несколько лет проведение декрета, как тогда говорили, в жизнь наталкивалось на активное сопротивление верующих. Вот что по поводу икон говорил один член партии: «да и я сам не во что не верю, но вот у меня семья и я с нею ничего не поделаю, я хотел было иконы выбросить, а отец говорит, я тогда тебя выброшу»⁴. В губернии запрещено было говорить об «обновлении икон»,⁵ это приравнивалось к факту контрреволюции⁶. Вообще даже в последствии религиозная ситуация на Юге России отличалась от центральной части. Сложно представить, что в 1950 году у секретаря местной парторганизации дома висят иконы, а председатель колхоза исполняет религиозные обряды⁷.

Через год после принятия декрета в Комиссариат юстиции поступил доклад из Орловской губернии за подписью заведующего информационно-инструкторским отделом Дмитрия Кладова. В нем сообщалось, что «со времени опубликования декрета... прошло довольно много времени, но провести его в жизнь не только полностью, но и относительно не удалось <...> Слишком глубоко пустили корни религиозного суеверия в души темных масс <...> идеи религиозного культа настолько сильны и пользуются особой популярностью, что мероприятия бессильны бороться с темнотой. Образ мыслей как городского, так и сельского населения в отношении религиозных обрядов остался прежним, даже более – приходится наблюдать со стороны многих граждан особый аскетизм»⁸.

Этот текст, написанный правоверным большевиком, можно рассматривать как своеобразный итог действия Декрета и сопутствующих ему инструкций через год после его издания. Публицист Десницкий из горьковской «Новой жизни», написавший весной 1918 года статью «Отбой», оказался прав: общество, даже самое образованное, и революционное не приняло и не поняло данного декрета.

¹ Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. М., 1992. С. 355. Видимо, особенно тут «отличались» казаки. С икон обдирали серебряные ризы-оклады и считали это своей добычей. Указ. Соч. Там же.

² Священник Свенцицкий, оказавшийся на белой территории пишет, что большевики в икону Спасителя вставляли папиросы и прикуривали. См.: Русская православная церковь и белое движения М. 2008. С. 180.

³ Крестьянское движение в Поволжье. 1919-1922. Документы и материалы. М 2002. С. 109.

⁴ Из очерка С.Н. Манюкова « Жизнь деревни УМО» о религиозных предрассудках среди коммунистов // Религиозные организации нижней Волги и Дона в XX веке. Сб. документов. Волгоград, 1998. С. 56-57.

⁵ В глазах православного населения чудо, когда икона начинает сама по себе, блестять красками, как будто только написана.

⁶ Религиозные организации...С.57. Петр Великий запретил ложные чудеса. Сержант Преображенского полка Тулубьев был арестован за то, что говорил, что получил исцеление от иконы Тихвинской Богоматери. Однако когда в полковом архиве было обнаружено дело о болезни Тулубьева, Петр лично постановил дело прекратить. Чудо было подтверждено документально. (Лавров А.С. Колдовство и религия в России... С. 273). Таким образом, политика большевиков в этом вопросе была противоположной политике Петра, который требовал подтверждения чуда.

⁷ Из справки о состоянии научно атеистической пропаганды в Хоперском районе Сталинградской области // Религиозные организации... С. 154.

⁸ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 3. Д. 761. Л. 51.

Для интеллигенции он был слишком примитивен, а его проведение на местах напоминало гонения на религию эпохи Французской революции. Для крестьян и большей части рабочих лозунг «грабь награбленное» был понятен. О том, что епископ и местный благочинный – «буржуй», долго объяснять крестьянам не требовалось, но гонения на местные святыни, вынос икон, запрет преподавания «Закона Божьего» встречали повсеместное сопротивление. То, что писал о «суевериях» инструктор Кладов, было верно, однако из этих якобы «суеверий» и складывалось «народное православие». Новым властям напоминали что «уважение» к иконам чрезвычайно велико у народа. К. Чуковский писал А. Толстому в 1922 году, что русский народ «ни своих икон, ни своих тараканов никому не отдаст»¹.

В разгар Гражданской войны в январе 1919 года был принят еще один циркуляр по вопросу об отделении Церкви от государства. В нем констатировалась что «не все работники на местах правильно понимают задачи Советской власти»². Пункт пятый касался икон: «при удалении икон из общественных мест ни коим образом не следует делать из этого антирелигиозной демонстрации. Вовсе не требуется, чтобы удаление это производилось в часы занятий в данном учреждении и в присутствии публики...»³ Кроме того запрещалась снятие в том числе для «революционных целей» серебряных риз и украшений с окон. Кроме того запрещалось привлечение служителей культа к трудовой повинности. Данный циркуляр был срочно разослан по церквям⁴.

Новые власти временно отступили по некоторым пунктам и то в период войны. Однако когда после окончательной победы в Гражданской войне большевики начали действительную атеистическую кампанию, молодежь было к ней готова, и не попавшие в музей иконы запылали по всей стране⁵.

А на месте гибели Валентин Несмелова уже в наше время вместо обветшалого обелиска установили новый с плохо рифмуемой надписью: «Неважно, кто был виноват, земля погибшим пухом будет. Как символ примиренья пусть сей памятник потомкам служит».

¹ Цит. по Варламов А.Н. Алексей Толстой М., 2008. С.267.

²Отделение церкви от государства : полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т. д. с разъяснениями V отдела НКЮста РСФСР . Составитель. П. В. Гидулянов. М., 1923. С. 371.

³ Там же. С. 372.

⁴ Имеющийся у меня экземпляр этого циркуляра, написан от руки и размножен на ротапринте.

⁵ Интересно, что произведения древнерусской живописи, открытой от записей как раз в период революции, мировые шедевры - это было понятно даже новым властям. 30-е годы нужно было как-то соединить иконы и орудия пыток, служившие для показа эксплуататорского строя царской России. Такие выставки были характерны для эпохи. Уже в брежневские времена это факт вызывал резкое отторжение. (Лазарев В.Н. Предисловие // Корнилович Е. Окно в минувшее. М., 1968. С. 3).

Патриарх Тихон и первоиерархи Православной Российской церкви в годы Гражданской войны

Несмотря на то, что западная историография по различным аспектам Гражданской войны в России довольно обширна, практически полностью отсутствуют исследования по истории российского православия в этот период. Среди аспектов, которые привлекли определенное внимание исследований, можно отметить изучение влияния советских декретов на брак и развод, а также историю кампаний по гонениям на монастыри и вскрытию мощей святых¹. Это серьезная лакуна, учитывая, что во времена гражданской войны большинство российских граждан были православными, и православие сыграло значительную роль в формировании их мировоззрения. Кроме того, во время революции Православная Российская церковь являлась крупнейшим неправительственным учреждением, имевшим тесную связь со многими аспектами повседневной жизни и культуры, и чье руководство, вероятно, пользовалось большим уважением и авторитетом, чем любой отдельный политический лидер или партия в тот период времени. Следовательно, игнорирование судьбы православия, и менявшегося к нему отношения людей в революционном контексте, несомненно, ведет к потере крупного фрагмента этой истории. Как и в случае с революцией, о чем я писал недавно², большая часть англоязычных научных исследований о гражданской войне повторяет выводы, сделанные полвека назад Джоном Шелтоном Кёртиссом, который, в свою очередь, опирался, преимущественно, на советские источники³. Вследствие этого сформировался господствующий стереотип, который часто повторяют, о «контрреволюционной» природе церкви и ее деятельности во время гражданской войны. Отсутствие подобных исследований имело двойные последствия: с одной стороны, обобщающие исследования и обзорные труды по Гражданской войне просто-напросто игнорируют религиозный аспект и роль православия, в частности⁴. С другой стороны, часто повторяются некритические утверждения о «контрреволюционной» природе церкви и высказываются предположения о том, что советская атака на церковь, в действительности, началась только в 1922 году⁵.

Советская точка зрения, от откровенной антирелигиозной пропаганды, адресованной широким слоям населения, до более «академических» трудов,

¹ Freeze, "L'orthodossia russe e la crisis delle famiglie: Il divorzio in Russia tra la rivoluzione e la guerre (1917-1921); Wynot J. J. Keeping the Faith: Russian Orthodox Monasticism in the Soviet Union, 1917–1939. College Station: Texas A&M University Press, 2004; Kenworthy S. M. Monasticism in War and Revolution // Russia's Home Front in War and Revolution, 1914-1922, Book 2: The Experience of War and Revolution / Edited by Adele Lindenmeyr, Christopher Reed and Peter Waldron. Bloomington, IN: Slavica, 2016. P. 221-249; Smith S. A. Bones of Contention: Bolsheviks and the Struggle against Relics, 1918-1930 // Past and Present. 2009. № 204. P. 155-194; Greene R. H. Bodies Like Bright Stars: Saints and Relics in Orthodox Russia. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2010.

² Kenworthy Scott M. Rethinking the Russian Orthodox Church and the Bolshevik Revolution // Revolutionary Russia 2018. № 31: 1. P. 1-23.

³ The Russian Church and the Soviet State, 1917-1950. Boston: Little Brown and Co., 1953.

⁴ Например, такую особенность имеет важный сборник под редакцией Koenker, Rosenberg and Suny (Кёнкера, Розенберга и Санни), см: Party, State, and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History (1989); или недавнее исследование Лоры Энгельштейн: Engelstein L. Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914-1921. Oxford: Oxford University Press, 2018.

⁵ Figes Orlando. A People's Tragedy. P. 745, 748; Smith S. A. Russia in Revolution: An Empire in Crisis, 1890-1928. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 181, 243.

опиравшихся на первоисточники, была сформулирована во время и сразу после самой гражданской войны и оставалась неизменной до распада Советского Союза. Рассмотрим один ранний пример, книгу Я. Шипова «Тихоновская церковь и Врангель: Исторический очерк» (М., 1923). Автор утверждает, что церковь «играла (и продолжает играть)» контрреволюционную роль. «Эта роль последнее время заключалась во всевозможных попытках свергнуть Советскую власть или хотя бы поколебать ее авторитет в народных массах с одной стороны, а с другой – во всемирном содействии белогвардейским правительствам по ту сторону фронта. Многочисленные материалы тихоновского процесса дают исчерпывающую картину враждебного отношения церкви к Советской власти на той территории, которую последняя занимала во время гражданской войны»¹. Десятилетия спустя Ю. Плаксин по-прежнему заявлял: «Общее руководство антисоветской деятельностью православного духовенства в период гражданской войны как на территории Советской России, свободной от белогвардейцев, так и на территориях, занятых ими, осуществлял патриарх Тихон»².

Советская точка зрения, находившаяся под сильным влиянием «Обвинительного заключения» по делу патриарха Тихона, получила развитие в конце 1920-х и в 1930-х годах в статьях в различных журналах, таких как «Антирелигиозник», «Безбожник» и «Безбожник у станка». Они, в свою очередь, были позже превращены в брошюры и книги, особенно в 1930-х годах. Они последовательно изображали церковь как контрреволюционную³. Советская аргументация выражалась не только в декларации классической марксистской линии, согласно которой религия была «опиумом для народа», но, кроме того, утверждалось, что духовенство было враждебно настроено по отношению к трудящимся классам. Основной целью церкви было восстановление монархии и капитализма. Поэтому она работала рука об руку с помещиками, командующими Белой армии и всеми, с кем она могла вместе противостоять «народу» и правительству, которое его представляло, т.е. Советскому правительству. На территориях, контролируемых белыми, церковь активно поддерживала Белые армии и их деятельность, эффективно выступая в качестве «белогвардейского агитпропа»⁴. Они цитировали церковные источники, изображающие Советы как врагов России и православия, и поэтому долгом каждого российского верующего являлась борьба с ними. Советская литература также утверждала, что церковь активно поддерживала белых различными, не только идеологическими способами: духовенство приветствовало приход белых войск, служа молебны; в монастырях хранилось оружие и провизия для белых офицеров. Духовенство якобы активно поддерживало все антисоветские движения: не только белых, но и Скоропадского, немцев, чешских легионеров и всех иностранных интервентов. Духовенство даже взяло в руки оружие и образовало «Иисусовы полки» и «дружины святого креста». Хотя эта статья не будет посвящена истории церкви на территориях, которые контролировали белые, в настоящее время появляется все больше литературы по этому вопросу⁵.

¹ Шипов Я. Тихоновская церковь и Врангель: Исторический очерк. М., 1923. С. iii.

² Плаксин. С. 142.

³ Подробнее, см: Фирсов. Православная российская церковь и гражданская война в отражении советской антирелигиозной печати (1920–1941 гг.).

⁴ Фирсов. С. 256.

⁵ Нечаев М. Г. Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922. Пермь, 2004; Бирюкова Ю. А. Советская власть и православные общины Дона в 1920–1930-х гг. Ростов-на-Дону, 2012; Бирюкова Ю. А. Позиция Юго-Восточного русского церковного собора 1919 г. в политическом противостоянии периода Гражданской войны // Вестник ПСТГУ, 2 История. Вып. 5 (60), 2014. С. 9–17; Новикова Т. М. Православная церковь и правительство А. В. Колчака // Вестник ИрГТУ. 2010. № 4 (44). С. 268–272; Катунин Ю. А. Православие Крыма в годы первой мировой и гражданской войны (1916–1920 гг.) Б.м., 2000).

В этой статье будет пересмотрен вопрос об отношениях между патриархом Тихоном и советским государством во время гражданской войны. Как отмечалось выше, советские авторы, от Шипова до Плаксина, утверждали, что Тихон руководил всей антисоветской деятельностью духовенства, как на советских территориях, так и на территориях, занятых белыми. Практически все, что говорил и делал патриарх, особенно его публичные заявления, считалось контрреволюционным. Даже ведение переписки с подчиненным ему духовенством, находившимся на территориях, контролируемых Советами или белыми (например, с митрополитами Антонием Храповицким и Евлогием Георгиевским), или получение писем по различным дипломатическим и другим каналам, рассматривалось как часть его заговорщической контрреволюционной деятельности. Тихона также обвиняли в участии в различных антисоветских заговорах, даже в Москве. Возвращаясь к западной историографии, Кёртисс утверждал, что «не удалось обнаружить каких-либо первичных доказательств, для подтверждения или опровержения обвинений СССР в адрес Тихона, хотя такие действия с его стороны соответствовали бы сильной враждебности, которую он ранее проявлял по отношению к Советам»¹. Вслед за Кёртиссом доминирующая гипотеза западных ученых состояла в том, что патриарх поддерживал контрреволюцию. Однако в последние годы в российской науке растет число научных исследований, которые демонстрируют принципиально иную картину².

Патриарх Тихон и советское правительство во время Гражданской войны

Нет ничего удивительного в том, что православная церковь не приветствовала захват власти большевиками, поскольку враждебность последних по отношению к религии и церкви была хорошо известна. Многие из первых декретов нового правительства были нацелены на то, чтобы удалить церковь из политической, экономической и культурной жизни страны. Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятый в январе 1918 года, не только отделил церковь от государства, но также лишил церковь права на владение какой-либо собственностью и права обладать статусом юридического лица, так что фактически церковь перестала существовать в глазах государства.

И Поместный Собор, и патриарх Тихон выступили с критическими заявлениями относительно антицерковных действий советского правительства. В их числе – знаменитая «анафема» Тихона – послание 19 января 1918 года, в котором он, помимо прочего, критиковал нарушения прав человека и репрессии без надлежащей правовой процедуры. Патриарх призвал верующих защищать церковь силой своей веры, даже если бы это повлекло за собой страдания с их стороны³. Эти заявления были восприняты большевиками как контрреволюционные, а впоследствии и многие западные историки трактовали их в таком же ключе. Однако важно подчеркнуть, что он не упоминает большевиков, а скорее критикует конкретные действия, а не партии или идеологии. Вскоре после этого Тихон дал интервью газете «Фонарь». В нем он прямо заявил, что «Мы не призываем к бунту, – был ответ, – к бунту против власти, но только к борьбе против ее уродливых и преступных порождений. Власть может быть монархической или

¹ Curtiss. P. 92.

² Кашеваров А. Н. Православная Российская Церковь и советское государство (1917-1922). М. 2005; Крапивин М. Ю. Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (октябрь 1917-го - конец 1930-х годов). Волгоград, 1997; Лобанов В. В. Патриарх Тихон и советская власть (1917-1925 гг.). М. 2008; Лучшев Е. М. Антирелигиозная пропаганда в СССР 1917-1941. СПб, 2016.

³ Следственное дело. С. 813-814.

республиканской, кадетской или большевистской, но не должна она безнаказанно вызывать подобных беспримерных потрясений и разложения нравственных основ»¹.

В нескольких интервью он также защищал себя и первоиерархов церкви от критики, утверждая, что они не играют более активной роли в борьбе против правительства. Должна ли церковь призывать верующих к участию в религиозных процессиях, если есть угроза того, что они будут обстреляны и пролита невинная кровь? Он продолжил, что они издали воззвания, которые были разосланы повсюду и были зачитаны духовенством в своих приходах, чтобы православные люди знали, что было благословлено церковью, а что – нет. Но власти запрещали церкви активную деятельность, запрещали проводить крестные ходы или церковные службы на Красной площади.

Тихон продолжал открыто критиковать большевиков весной и летом 1918 года. В феврале он призвал положить конец междоусобицам: он всегда называл гражданскую войну братоубийственной – косвенно делая больший упор на веру и нацию, для объединения и преодоления межклассового конфликта. В марте он открыто раскритиковал мирный договор, подписанный большевиками, положивший конец участию России в Первой мировой войне. Тихон выступил против договора не только потому, что он разделил русских и оставил значительную часть населения под властью неприятеля. Он также понимал, что окончание войны с Германией не приведет к миру – скорее, полагал патриарх, большевики перенаправляли свои военные усилия на гражданскую войну, чтобы одолеть своих внутренних врагов и укрепить свою власть². В июльской проповеди в Москве он осудил казнь Николая II³.

Осень 1918 года совпала не только с более агрессивным воплощением декрета «Об отделении церкви и государства», после августовской публикации инструкций Наркомюста, но и с обострением гражданской войны. Церковный Совет был закрыт, а оставшиеся издательские органы церкви были ликвидированы. Красный террор начался в сентябре 1918 года, и многие из репрессированных были просто-напросто расстреляны в 1918-1919 годах; По оценкам некоторых ученых, 4000 священнослужителей (включая монахов и монахинь) были казнены, и еще 2300 священнослужителей подверглись другим формам репрессий в те годы⁴.

В первую годовщину Октябрьской революции Тихон направил советскому руководству письмо, в этом, самом решительном, заявлении он объединил всю свою критику в адрес нового правительства. Он утверждал, что большевики нарушили свои обещания, такие как мир, повторив свою прежнюю критику: они прекратили участие России в Первой мировой войне не для того, чтобы принести русским мир, а для того, чтобы направить свои силы на классовую борьбу. Они также пообещали свободу: «Это ли свобода, когда никто не может высказать открыто свое мнение, без опасения попасть под обвинение в контрреволюции? Где свобода слова и печати?»⁵. Он осудил большевистские репрессии и массовые убийства во время красного террора, как незаконные и внесудебные расправы. Он обвинил их в том, что они соблазняют людей возможностью легкой, хорошей материальной жизни, лишая их совести, понимания добра и зла. Тихон

¹ Коровин 23 января 1918 года *Фонарь*. М., 1918 No. 14 29 января. По Журналу Московской Патриархии 2005 No. 6: 58. Автор Коровин, газета *Фонарь*, но статья переиздана в ЖМП

² Следственное дело. С. 822-823.

³ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти 1917-1943. М., 1994. С. 142-143.

⁴ Следственное дело. С. 15; *Емельянов Н.Е.* 30.000 за Христа пострадавших в базе данных ПСТГУ. Анализ подвига русского народа // Труды Международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России» (к 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона). М.: ПСТГУ, 2007. С. 221–231.

⁵ Следственное дело. С. 839.

прямо заявил, что большевики увидят в его словах «лишь повод для обвинения нас в противлении власти». Однако он прямо заявил: «Не наше дело судить о земной власти», и что любое правительство получило бы его благословение, если бы оно действительно существовало ради блага своих подданных. Он смело увещевал: «Ныне же к вам, употребляющим власть на преследование ближних и истребление невинных, простираем Мы Наше слово увещания: отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устройению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани». Он завершил словами Евангелия от Матфея (26:52), что те, кто возьмут меч, погибнут от меча¹.

Для советского руководства, как будет показано ниже, эти критические замечания оказались болезненным уколом, и спустя год они все еще пытались заставить патриарха отречься от своих заявлений. Сами советские руководители признавали, что слова Тихона оказали сильное влияние на население, и они были обеспокоены тем, что это поставит под угрозу легитимность режима. Но они не только отвергли обоснованность критики, но и предположили, что, в случае Тихона, это равносильно контрреволюции, то есть что критика режима была тождественна призыву к его свержению. То, что так думали Советы, не должно вызывать удивления. Но то, что историки приняли эту оценку – это другое дело. Важно отметить, что Тихон нигде не приводит конкретных аргументов за или против какой-либо конкретной идеологической системы или какой-либо конкретной формы правления. Фактически он был последователен в этом отношении: хотя он открыто критикует действия советского руководства, особенно те, которые были направлены против церкви и верующих, он нигде не призывает к свержению режима. В этом контексте стоит сравнить критику Тихона с совершенно другим источником, но поразительно схожим, а именно со словами Максима Горького. Уже в ноябре 1917 года Горький подверг критике большевистское руководство за нарушение свобод в той же манере, как и патриарх: «Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия»². Несмотря на то, что критические замечания Горького, в некотором роде, даже жестче, чем критика Тихона, ни один историк не рискнул бы назвать Горького «контрреволюционером».

В ответ на письмо Тихона Советы заподозрили патриарха в поддержке белых и, как он и предсказывал, в контрреволюционности. ЧК провела обыск в его покоях и поместила его под домашний арест в ночь с 24 на 25 ноября 1918 года. На следующий день Н. Д. Кузнецов, адвокат и член Собора, назначенный церковной администрацией для защиты патриарха, отправил письмо в Совнарком. В нем он утверждал, что арест патриарха очень встревожил православное население Москвы, а также очень затруднил процесс управления церковью. Он также сослался на складывавшуюся во время Гражданской войны ситуацию: «Мало того, вообще арест Всероссийского Патриарха, хотя и домашний, может вызвать лишние толки о гонении на Церковь и даже недовольство не только в православном народе, проживающем в Советской Республике, но даже и за ее пределами в Украине, на Дону, в Сибири и т.д., которые Советская Республика стремится включить в свои пределы»³. Другими словами, Кузнецов утверждал, что Советы повредят своим планам объединения этих территорий, преследуя церковь в районах, которые уже принадлежали Советской Республике.

¹ Следственное дело. С. 840.

² Новая Жизнь. 1917. 7 ноября. № 174.

³ Следственное дело. С. 73.

Письмо Кузнецова осталось без ответа. Неясно, выдвинула ли ЧК обвинения против патриарха, но они подозревали его в подписании прокламации, призывавшей к свержению советской власти. 6 декабря Патриарх Тихон направил в Совнарком письмо, в котором указывалось, что он не подписывал такого воззвания и не предпринимал таких действий. Он прямо заявил: «Что многим мероприятиям народных правителей я не сочувствую и не могу сочувствовать, как слугитель Христовых начал, этого я не скрываю и о сем открыто писал в обращении к Народным Комиссарам пред празднованием годовщины Октябрьской революции, но тогда-же и столь же откровенно заявлял, что не наше дело судить о земной власти, Богом допущенной, а тем более предпринимать действия, направленные к ея низвержению. Наш долг лишь указывать на отступления людские от великих Христовых заветов любви, свободы и братства, изобличать действия, основанные на насилии и ненависти, и звать всех ко Христу»¹. Кузнецов повторно отправил это письмо вместе со второй апелляцией, но, видимо, безрезультатно. В начале января ряд московских приходских церквей и Священный Синод обратились с новыми апелляциями, и он, наконец, был освобожден².

В 1919 году было опубликовано меньше публичных Посланий и циркуляров Патриарха Тихона, чем в предыдущем году. Однако, когда до него дошли известия о жестокостях гражданской войны, особенно о безжалостных репрессиях, совершаемых обеими сторонами друг против друга, в послании 21 июля 1919 года он ответил призывом к христианам – воздержаться от мести. Он специально акцентировал внимание на преследованиях православных христиан, которые зачастую становились жертвами красного террора. Он напомнил своей пастве, что Христос предупреждал, что его последователи будут подвергаться преследованиям. Поэтому они должны следовать примеру Христа, который не поднял меч против своих гонителей, а скорее молился за них. Страдать за Христа – значит обрести спасение, но стараться отомстить за страдания, причиненные преследователями, означает отказаться от этого спасения.

В этом послании он сделал особый акцент на еврейских погромах и насилии против евреев, которые совершались обеими сторонами конфликта – и, конечно, белыми армиями, а также независимыми формированиями на Украине. Более того, в советской антирелигиозной пропаганде популярным рефреном стало утверждение о том, что церковь провоцирует разжигание еврейских погромов. После рассказа о различных восстаниях и новых партиях и партизанах, которые «сводили счеты» друг с другом, так что градус жестокости и насилия поднимался все выше, Тихон заявил: «Но это еще не все. Дальше еще ужас. Доносятся вести о еврейских погромах, избиении племени, без разбора возраста, вины, пола, убеждений. Озлобленный обстоятельствами жизни, человек ищет виновников своих неудач, и, чтобы сорвать на них свои обиды, горе и страдания, размахивается так, что под ударом его ослепленной жаждой мести руки падает масса невинных жертв.... Православная Русь. Да идет мимо тебя этот позор. Да не постигнет тебя это проклятие.... Помни: погромы – это бесчестие для тебя, бесчестие для святой Церкви!»³.

Тихон утверждал, что отличие красных от христиан заключалось в том, что красных ничто не сдерживало от совершения бесчеловечных актов мести, «ведь эти действия шли

¹ Следственное дело. С. 75.

² Там же. С. 75-78. Не ясно, какая именно апелляция оказала наибольшее влияние; Судя по доступной документации, обращение группы прихожан было отправлено в Совнарком, а Бонч-Бруевич перенаправил его Красикову, в VIII-й отдел Наркомюста, с пометкой «срочно», и в течение 5 дней, как отметил Курский, Тихон был освобожден. (Следственное дело. С. 79).

³ Следственное дело. С. 842. См.: *Фирсов С.Л.*. «Еврейский вопрос» и святой Патриарх Тихон. Континент. 2002. No. 1. С. 367-379.

там, где не знают или не признают Христа, где религию считают опиумом для народа, где христианские идеалы – вредный пережиток, где открыто и цинично возводится в насущную задачу истребление одного класса другим и междоусобная брань. Нам ли, христианам, идти по этому пути. О, да не будет!»¹. Патриарх решительно подчеркивал, что для христианина никогда не было уместным поднятия меча для отмщения своим врагам, независимо от того, сколько страданий они причинили. Основное различие между этим посланием и посланиями 1918 года, состоит в том, что, хотя в нем и присутствует указание на преследование духовенства и верующих и критика Советов, оно не адресовано им. Это послание, скорее, было адресовано тем, кто считали себя православными христианами, но оказались вовлечены в конфликт гражданской войны, среди этих людей, безусловно, были и те, кто сражался за белых. Это послание практически полностью игнорирует политический конфликт. Можно задаться вопросом, как это было воспринято белыми, которые также были виновны в некоторых действиях, осуждаемых патриархом.

Патриарх обнародовал второе важное послание 8 октября 1919 года, в разгар похода Деникина на Москву, в котором содержался открытый призыв к духовенству – не занимать ничью сторону в гражданской войне. Патриарх еще раз указал на жестокое насилие, охватившее Россию, которое часто применялось не только против активных участников конфликта, но зачастую и против тех, кого просто подозревали в поддержке другой стороны. Он также признал, что священнослужители часто оказывались особыми мишенями этого насилия. Но здесь он пытался защитить духовенство от преследований со стороны Советов, которые оправдывали гонения, ссылаясь на контрреволюционность духовенства: «только потому, что мы, служители и глашатаи Христовой истины, подпали под подозрение у носителей современной власти в скрытой контрреволюции, направленной, якобы, к ниспровержению Советского строя. Но мы с решительностью заявляем, что такие подозрения несправедливы: установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа. Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение»². Он продолжал, опровергая обвинение в том, что церковь поддержала или «благословила» иностранную интервенцию. Он также утверждал (возможно, менее убедительно), что те священнослужители, которые звонили в колокола или служили молебны по прибытии белых сил, делали это только по требованию нового правительства или по желанию народа, а не по собственной инициативе. Но самое главное, однако, заключалось в том, что патриарх недвусмысленно призвал духовенство не принимать участия в политическом конфликте гражданской войны. Священнослужители «по своему сану должны стоять выше и вне всяких политических интересов, должны памятовать канонические правила Святой Церкви, коими она возбраняет своим служителям вмешиваться в политическую жизнь страны, принадлежать к каким-либо партиям, а тем более делать богослужебные обряды и священнодействия орудием политических демонстраций». Это было особенно важно для духовенства: «не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность Советской власти, подчиняйтесь и ее велениям, поскольку они не противоречат вере и благочестию»³.

Это послание сбило с толку обе стороны конфликта, и белых, и красных. Г. Н. Трубецкой отмечал, что Тихон отказался тайно отправить свое благословение одному из лидеров Белого движения, «настолько он держался в стороне [sic] от всякой политики». По поводу послания 8 октября Трубецкой писал так: «Я помню, как нас, стоявших тогда

¹ Следственное дело. С. 842.

² Следственное дело. С. 843-844.

³ Следственное дело. С. 844.

близко к Добровольческой Армии на юге России, огорчило это послание Патриарха». И лишь годы спустя Трубецкой смог оценить его мудрость, потому что все те священнослужители, которые служили молебны во имя победы Белой армии, были вынуждены бежать с белыми, и тем самым покинуть свою паству, «к великому ущербу для церковного дела»¹.

Советское руководство находилось в ни меньшем замешательстве. Были те, кто хотел использовать публикацию послания, которое должно было способствовать разложению Белого движения, в чем некоторые были убеждены, и некоторые белые, как указывал Трубецкой, опасались, что это может сработать. С этой целью возникло предложение опубликовать и массово распространить послание. Они также не знали наверняка, было ли это «искренним» и фундаментальным изменением курса патриарха или просто тактическим шагом для «выигрыша времени», на случай провала Белого движения (хотя на самом деле это было не так). Красиков, начальник VIII отдела Наркомюста, ответственного за религиозные дела, выступил категорически против публикации этого послания. Он возражал, потому что, по его мнению, это послание искажало контрреволюционный характер церкви, которая, по его утверждению, была замечена в «многочисленных контрреволюционных восстаниях, выступлениях, избиениях советских работников, агитации с церковной кафедры, в деятельности служителей культа при занятии Советской территории белогвардейцами и т.д.». Кроме того, утверждал Красиков, в послании ответственность за репрессии против «контрреволюционного духовенства» по-прежнему возлагалась исключительно на советское правительство. Красиков полагал, что послание Тихона являлось лишь тактическим ходом, признаком слабости (к тому времени, когда Красиков писал свои соображения, авангардные атаки Деникина уже были отражены), и поэтому его не стоило поддерживать, потому что это только продлило бы жизнь организации, которая, по мнению Красикова, была на пороге гибели. Наконец, он выступил против популяризации послания, потому что боялся, что это могло негативно отразиться на тех, кто сражался на фронтах гражданской войны, в частности, что это могло негативно повлиять на тех, кто сражался за красных. «Что касается впечатления, какое произведет это воззвание на среднего рядового крестьянина или рабочего, на тех из них у кого еще сохранилась вера в авторитет церкви, то необходимо придти к выводу, что оно ослабит у них желание с оружием в руках принять участие в том, что на языке патриарха называется распрями, производимыми людьми, коих следует остерегаться». Поэтому он выступил против массового распространения этого послания, так как боялся его негативного влияния на волю к борьбе у советских солдат². Однако, несмотря на возражения Красикова, послание было опубликовано и широко распространено³.

Как это ни парадоксально, но реакция ЧК на это послание не сильно отличалась от предыдущей, а именно: патриарх Тихон был вновь арестован. ЧК поместила его под домашний арест 23 декабря 1919 года. Как и в прошлый раз, первоиерархи церкви неоднократно обращались к советскому правительству с требованием освободить патриарха. Любопытным моментом в этом отношении является тот факт, что такие обращения направлялись Бонч-Бруевичу, как управляющему делами СНК. Бонч-Бруевич, в свою очередь, отправлял письма Красикову, в VIII отдел Наркомюста, и интересовался причинами ареста Тихона; Затем Красикову приходилось выяснять у ЧК – почему они арестовали патриарха. Другими словами, инициатива ареста исходила от ЧК, и его

¹ Валентинов А. А. Черная книга (Штурм Небес). С. 161.

² Следственное дело. С. 81-83.

³ По сведениям ЧК, публикацией занималась частная подсобная организация «Комитет по делам духовенства», тираж составил 50,000 экземпляров (Следственное дело. С. 96).

обоснование не обязательно было известно на других правительственных уровнях. Этот процесс продолжался в течение января 1920 года, пока, наконец, им не был дан ответ¹.

Ответ, содержащийся в секретном докладе, который ЧК направила в Наркомюст, представляет собой особенно показательный и интересный, многоуровневый документ. Причиной его ареста в конце 1919 года, в конечном итоге, стали различные послания, выпущенные им в 1918 году, которые, по признанию ЧК, «произвели в свое время огромное впечатление на массы Православного народа в смысле создания атмосферы недоверия к начинаниям Советской власти и содействовали образованию целого слоя, как интеллигенции, так и буржуазных элементов в крестьянстве и среди горожан, которые враждебно и до сей поры относятся к формам нового строительства России. Достаточно взглянуть на коллекцию плакатов и печатных листов в различных форматах с известным обращением Тихона к Совету Народных Комиссаров... чтобы понять, до какой степени в свое время приковано было внимание и интерес русской публики к этому воззванию и содержащимся в ней обличениям»². Кроме того, утверждалось, что циркулярные послания Тихона оказали серьезное влияние на формирование взглядов тех, кто поддерживал белых (сообщалось, что они напечатали «миллионы» копий). ЧК чувствовала, что нужно принимать какие-то меры, потому что влияние Тихона на массы было значительным, а его критика вредила новому правительству. В то же время ЧК признавала, что искала способы обнаружения компромата против церкви и патриарха, но у нее совсем не было знатоков церковных вопросов, которые могли выступить в роли информаторов, а духовенство было настолько замкнутой группой, что просто так не впускало никого нового в свои круги (т. е. у ЧК не получилось никого внедрить). Кроме того, условия гражданской войны и трудности, связанные со сбором информации шпионам из ЧК в Киеве, Харькове, Омске и Уфе, не позволили им установить прямых связей между Тихоном и Белым движением. Поэтому им пришлось сосредоточить свое внимание на единственном эпизоде: газетном репортаже, вышедшем на территории белых, в котором утверждалось, что Тихон направил Колчаку добрые приветствия и благословение на победу через Нестора, епископа Камчатского. По словам ЧК, эта новость вызвала сенсацию и воодушевила сторонников белых после предыдущего послания, в котором говорилось, что духовенство не вмешивается в политическую жизнь³.

Чекист М. И. Лацис допросил Тихона 23 декабря 1919 года. В результате были предоставлены две версии допроса: один исходил от ЧК, в котором, как представляется, пересказывается версия событий Лациса, и другой – от протопресвитера Николая Любимова, который представляет версию Тихона. Согласно протоколу ЧК, Тихон отверг обвинение в том, что он послал Нестора благословить Колчака, как абсурдное, на том основании, что Нестор покинул Москву еще даже до того, как Колчак стал лидером белых. Когда Лацис спросил патриарха, почему он не опроверг эту новость, если она была ложной, Тихон заявил, что когда он раньше пытался делать подобные вещи, газеты либо не публиковали то, что он писал, либо публиковали вместе со многими критическими замечания по поводу духовенства. В протоколе ЧК прослеживается чуть ли не крайняя необходимость заставить Тихона публично отказаться от любых связей с белыми; они критиковали Тихона за то, что он не отправил письмо в Совнарком – или, по крайней мере, епископам – с опровержением статьи, и утверждали, что он безмолвствовал из-за своей негласной поддержки контрреволюции. ЧК также заявила, что послания Тихона,

¹ См. переписку: Следственное дело с. 84-86, 92-93.

² Следственное дело. С. 93-94.

³ Следственное дело. С. 94-95.

выпущенные в 1918 году, не были правдивыми, и поэтому он должен публично отречься от них и принести за них извинения Советскому правительству¹.

Поскольку Тихон оставался непреклонным в различных вопросах, по поводу которых ЧК оказывала на него давление (о необходимости сделать заявление о лживости сообщения Нестора, об отречении от своего бывшего послания и т.д.), ЧК заявила, что решила оставить его под домашним арестом с условием, при котором они позволяли ему участвовать в заседаниях Священного Синода и принимать посетителей, но ЧК могла следить за теми, кто его посетил. Они утверждали, что домашний арест был «необходимым для более успешного получения материалов по прежним сношениям Патриарха и его приближенных, как то предполагается получивших из заграничных источников и распределявших значительные средства на нужды контрреволюции внутри России»².

Согласно версии Любимова, на допросе Лациса Тихон дал прямой ответ на вопрос о его политической позиции. На вопрос – признал ли он советское правительство, он ответил, что признал его, и никогда никому не говорил, что не нужно подчиняться ему в земных делах, а говорил лишь о том, что в делах веры нужно подчиняться только Богу – и что он не видит в этом никакой контрреволюции. По ответам на дальнейшие вопросы видно, что Тихон выразил готовность подчиняться советскому правительству внешним образом и принял его, но это не должно было касаться его мировоззрения, тем более что правительство атеистов проводило антицерковную политику. На вопрос Лациса о том, изменил ли Тихон свое отношение к советскому правительству с момента публикации его письма в первую годовщину революции, Тихон ответил, что «он и теперь держится прежних взглядов на власть и может изменить свое отношение только в том случае, если и она изменит свое отношение к Церкви и Христовой вере. Но это не значит, что он и не считается с велениями этой власти и ее не признает». Тихон утверждал со всей категоричностью, что он никогда не занимался агитацией за или против какой-либо формы правления в России «и ни в каком случае не будет насиловать и стеснять ничьей совести в деле всеобщего народного голосования». Наконец, Лацис спросил Тихона, является ли он все еще монархистом, на что Тихон ответил: «Прошу таких вопросов мне не предлагать и от ответа на них я уклоняюсь. Я, конечно, прежде был монархистом, как и все мы, жившие в монархической стране, и каких я лично теперь держусь политических убеждений, это для Вас совершенно безразлично: это я проявлю тогда, когда буду подавать голос за тот или другой образ правления при всеобщем народном голосовании»³.

Особенно показательным сравнение версии допроса, изложенной Любимовым, с версией ЧК. В кратком изложении чекистов этому аспекту допроса посвящена лаконичная запись: «как относится к Советской власти дать объяснений не может»⁴. Но, как мы только что могли убедиться, дело было не в том, что он не смог дать объяснений своему отношению к советскому правительству, а скорее в том, что чекисты не смогли этого понять. На протяжении всей своей жизни, особенно в Ярославле и Вильнюсе, после событий 1905 года, Тихон избегал участия в политических движениях. Тихон, очевидно, искренне верил в то, что было провозглашено на Соборе в 1917 году, а именно, что церковь должна быть выше партий, потому что партии разделяют людей, а церковь должна объединять людей, должна представлять всех людей независимо от их

¹ Следственное дело. С. 96-97.

² Следственное дело. С. 98.

³ Кашеваров А. Н. Арест и допрос патриарха Тихона в декабре 1919 г. Вводная статья, подготовка текста и комментарии. Русское прошлое книга 8. СПб, 1998. С. 215-227.

⁴ Следственное дело. С. 97.

политических взглядов. Поэтому Тихон считал своим долгом, как церковного лидера, *не* навязывать свои политические взгляды другим – и он употребил очень сильную формулировку («насиловать совесть»). И поскольку Тихон не считал уместным навязывать кому-либо свои политические взгляды, которые являются личным делом каждого, он настаивал на том, что и Лациса не должны волновать его политические взгляды, которые были известны только ему и урне для голосования (что, конечно, могло быть скрытой критикой того факта, что Советы уже отказались от демократических принципов).

В заключении следует признать, что большевистское руководство считало духовенство, особенно первоиерархов церкви, классовыми врагами, которые, следовательно, по самой своей природе неизбежно воспринимались как контрреволюционеры. Так что вполне очевидно, что они были готовы интерпретировать заявления Тихона в таком ключе. Однако важно отметить, что, несмотря на всю их риторику о религии как об устаревшем пережитке, уже утрачивающем свою силу, по крайней мере, по служебной переписке ЧК видно, что они прекрасно понимали каким личным авторитетом патриарх обладал среди простых людей, и поэтому очень осторожно искали «законные» способы ограничить то, что воспринималось ими как его вредное влияние. Они не могли просто арестовать его и распоряжаться им по своему усмотрению, как другими классовыми врагами во время Красного террора, но изо всех сил пытались найти оправдание его аресту и обвинениям (хотя и не очень успешно). Между тем историки склонны рассматривать последующие действия Тихона только в свете его заявлений 1918 года, которые с самого начала воспринимаются как антибольшевистские. Но затем, как представляется, Тихон совершает крутой поворот, призывая к политическому нейтралитету в 1919 году. Однако, если обратить взор на всю его карьеру, его позиция будет выглядеть удивительно последовательной. На протяжении своей карьеры, даже будучи архиепископом в Северной Америке, Ярославле и Вильнюсе, он последовательно стремился создавать – или защищать, когда это было необходимо – церковь, и в то же время держать церковь вне политики и политику вне церкви. Представление о том, что не следует «делать богослужебные обряды и священнодействия орудием политических демонстраций», высказанное в его послании в октябре 1919 года, фактически согласуется с позицией Тихона той поры, когда он был студентом Санкт-Петербургской духовной академии. С этой точки зрения становится очевидным, что Тихон мог быть абсолютно последовательным в критике большевистских нарушений прав человека и нападков на церковь, не имея никакого намерения призывать к свержению большевистского режима.

Большевики были ослеплены своей идеологией, поэтому они смотрели на церковную иерархию как на «черносотенцев», но на самом деле, она была такой же неоднородной, как, к примеру, офицерский корпус. Среди церковной иерархии было много яростных противников большевиков, которые поддерживали деятельность Белого движения, но они покинули страну, так же, как и белые офицеры. Оставшиеся в России имели другую точку зрения. Если кто-то из иерархов, вроде митрополита Антония (Храповицкого), был «Колчаком» среди русских иерархов, то Тихон был «Брусиловым»: тем, кто, безусловно, больше симпатизировал мировоззрению белых, чем красных, но в равной степени противостоял гражданской войне. Особенно с ростом авторитета Советского правительства, борьба с ним была вредна для России – чем-то недопустимым, исходя из брусиловской трактовки патриотизма¹. Многие, по обе стороны баррикад, пришли к мнению, что их противники настолько идеологически «иные», что стали рассматривать войну против них, как против внешнего врага, а не как гражданский

¹ *Figes O. People's Tragedy. P. 560.*

конфликт русских против русских. Но каждое заявление, сделанное Тихоном, последовательно называло этот конфликт: «междоусобная брань» и «братоубийственные распри», и поэтому он имел принципиально иной характер, чем, скажем, война против внешнего врага, такая, как Первая мировая война. Хотя он никогда не жаждал свержения режима и не был «контрреволюционером», он, тем не менее, считал своим долгом защищать церковь от нападок большевиков на нее, и именно против этих нападок он направлял свою критику, а не против режима или его идеологии, как таковой. Поэтому его ответ на вопрос Лациса является прямым, ясным и совершенно разумным: «Вы изменили свое отношение к Советской власти?», он отвечал, что может «изменить свое отношение только в том случае, если и она изменит свое отношение к Церкви».

Перевод с английского Николая Родина

Гендер и воображение в период Гражданской войны в России: Отсталые женщины и передовые мужчины в иконографической перспективе, 1917-1922

Просьба, не цитировать и не воспроизводить данный текст без разрешения автора

«Женский вопрос для рабочих и работниц – это вопрос о том, как втянуть в организацию отсталые массы работниц, как лучше выяснить им их интересы, как сделать их товарищами в общей борьбе» настаивала Надежда Крупская в 1913 г.¹ Революция нужна была, чтобы преодолеть отсталость, оставить позади ненавистный автократический режим с его обскурантизмом и общим бесправием. Социалистическая интеллигенция хорошо знала признаки отсталости страны. Но им нужно было убедить массы сначала увидеть эту отсталость, а затем преодолеть ее. Во время Гражданской войны, охватившей территорию бывшей Российской империи, эти усилия приняли форму широкомасштабной пропаганды, в частности в виде плакатов, которые предназначались как для решения конкретных социальных проблем, так и для более широкого реформирования гендерных отношений.

Убеждая массы, нужно было, во-первых, мотивировать усердно трудиться для построения социализма и, во-вторых, доказать, что традиционный образ жизни устарел и его необходимо изменить. Отчасти потому, что эта пропаганда раннего периода Гражданской войны зародилась в эпоху тяжелых боев, а отчасти из-за того, что большая ее часть была представлена в виде плакатов, по своей природе она была довольно схематичной. Как будет показано в этой статье, непосредственный импульс к созиданию и к борьбе, как правило, иллюстрировался мужскими фигурами с вытянутыми руками, взглядом, направленным вперед, и широкими шагами. Женские фигуры, напротив, обычно изображались оглядывающимися назад, связанными с устаревшими практиками воспитания детей, неграмотностью, проституцией и абортами, которые необходимо было изменить.

Отсталость женщин фактически олицетворяла столь ненавистную отсталость самой России. Почти все недостатки развития России проявились в областях жизни, связанных с женщинами и семьями: неграмотность, материнская и детская смертность, алкоголизм, болезни, передаваемые половым путем (особенно сифилис), и проституция. Хотя алкоголизм мог быть более распространенным среди мужчин, тем не менее, все эти проблемы оказали огромное влияние на женщин². Более того, сама по себе отсталость обычно изображалась через ассоциацию с женщинами: женщина как сама неграмотная и как неграмотная воспитательница детей; женщины как плохие матери в целом (почти нет

¹ К истории издания журнала «Работница». Документы Института Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС // Исторический архив. 1955. № 4. С. 38.

² Классическую дискуссию о российской отсталости см. Gerschenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays*. Cambridge, 1962; Kingston-Mann E. *In Search of the True West: Culture, Economics, and Problems of Russian Development*. Princeton, 1998. Об амбивалентности героического, маскулинного в отношении коллектива см. Steinberg M. *Proletarian Imagination: Self, Modernity, and the Sacred in Russia, 1910-1925*. Ithaca, 2002. P. 112-118. О братстве рабочих см. Kolonitskii B., Figes O. *Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917*. New Haven, 1999. P. 110. Литературный образ квинтэссенции отсталой женщины, которая преодолела свой угнетенный статус, превратившись из избитой жены в героического активиста, представлен, конечно, в романе «Мать» Максима Горького (1907).

изображений плохих отцов); религиозные женщины; женщины, прислуживающие на кухне; и женщины, избиваемые пьяными мужьями.

В этой статье я рассматриваю образы передовых мужчин и отсталых женщин в период Гражданской войны 1917-1922 гг., анализируя визуальные материалы политических плакатов. Помимо демонстрации гендерного разделения мужских и женских изображений, я показываю, что многие из них в значительной степени навеяны иконами Русской Православной Церкви, особенно это касается мужских фигур.

Отсталость женщин в Русской революции не новая тема, так как она была затронута мною (в книге *The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia*, «Баба и товарищ: гендер и политика в революционной России»), Рошель Рутчайлд, Чой Чаттерджи, Элиот Боренштейн и другими специалистами по гендерным вопросам¹. Визуальные репрезентации той же темы изучали Виктория Боннелл, Фрэнсис Бернштейн и другие². Кроме того, есть небольшая, но важная литература по символике и иконографии в ранних советских визуальных образах³. Тем не менее, я берусь утверждать, что представление гендера, когда мужчина изображается впереди идущим, а женщина отстающей, недостаточно изучено и, кроме того, оно имело решающее значение для понимания долгосрочной перспективы гендерных отношений в Советской России.

Исследователи советского и восточноевропейского феминизма в последнее время стали активно обсуждать своего рода сегодняшнего женского вопроса (*querelle des femmes*), по поводу автономии женщин и степень их активного феминистского участия в

¹ Ruthchild R.G. *Equality and Revolution*. Pittsburgh, 2010; Chatterjee C. *Celebrating Women: Gender, festival culture, and Bolshevik ideology, 1910-1939*. Pittsburgh, 2002; Borenstein E. *Men Without Women: masculinity and revolution in Russian fiction, 1917-1929*. Durham NC, 2000; Gorsuch A.E. 'A Woman Is Not a Man': The Culture of Gender and Generation in Soviet Russia, 1921-1928 // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55. № 3/ P. 636-660; Attwood L. *Creating the New Soviet Woman: Women's Magazines as Engineers of Female Identity, 1922-53*. Springer, 1999; Kamp M. *The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling under Communism*. Seattle, 2011; Khalid A. *Backwardness and the quest for civilization: early Soviet Central Asia in comparative perspective* // *Slavic Review*. 2006. Vol. 65. № 2. P. 231-251; Edgar A. *Emancipation of the Unveiled: Turkmen Women under Soviet Rule, 1924-29* // *Russian Review*. 2003. Vol. 62. № 1. P. 132-149, Edgar A. *Bolshevism, Patriarchy, and the Nation: The Soviet "Emancipation" of Muslim Women in Pan-Islamic Perspective* // *Slavic Review*. 2006. Vol. 65. № 2. P. 252-72; Gradszkova Yu. *Speaking for Those 'Backward': Gender and Ethnic Minorities in Soviet Silent Films* // *Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. 2013. Vol. 2. № 2. P. 201-220; Kandiyoti D. *Identity and its Discontents: Women and the Nation* // *Millennium*. 1991. Vol. 20. № 3. P. 429-443 (о конфликте между государством и патриархальной семьей по поводу «защиты» женщин); Kandiyoti D. *The politics of gender and the Soviet paradox: neither colonized, nor modern?* // *Central Asian Survey*. 2007. Vol. 26. № 4. P. 601-623.

² Bonnell V.E. *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. Berkeley, 1997; Bonnell V.E. *The Representation of Women in Early Soviet Political Art* // *Russian Review*. 1991. Vol. 50. № 3. P. 267-288; Bonnell V.E. *The Peasant Woman in Stalinist Political Art of the 1930s* // *The American Historical Review*. 1993. Vol. 98. № 1. P. 55-82; Bernstein F.L. *Envisioning Health in Revolutionary Russia: The Politics of Gender in Sexual-Enlightenment Posters of the 1920s* // *Russian Review*. 1998. Vol. 57. № 2. P. 191-217; Waters E. *Childcare Posters and the Modernisation of Motherhood* // *Sbornik: Study Group on the Russian Revolution*. 1987. № 13. P. 65-93; Waters E. *The Female Form in Soviet Political Iconography, 1917-1932* // *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation* / eds. B. Evans Clements, B. Alpern Engel, C.D. Worobec. Berkeley 1991. P. 225-242; Reid S. *All Stalin's Women: Gender and Power in the Soviet Art of the 1930s* // *Slavic Review*. 1998. Vol. 57. № 1. P. 133-173.

³ Больше об иконографических аспектах раннесоветских визуальных репрезентациях см. Bonnell V.E. *Iconography of Power*; White S. *The Bolshevik Poster*. New Haven, 1988; Abel U. *Icons and Soviet Art* // *Symbols of Power: The Esthetics of Political Legitimation in the Soviet Union and Eastern Europe* / ed. C. Arvidsson, L.E. Blomqvist. Stockholm, 1987. P. 141-162. В своем эссе Боннелл использует понятие «окуляр-центризм» (ocularcentrism) Советского государства, т.е. его визуальность (Bonnell V.E. *The Representation of Politics and the Politics of Representation* // *Russian Review*. 1988. Vol. 47. № 3. P. 315-322).

поддерживаемых социалистическим государством «женских движениях». Отношения между идеологией и практикой в этой области особенно проблематизируются. В какой мере следует рассматривать коммунизм как «государственный патриархат», т.е. социальный и политический порядок репрессивный по своей природе, или как «государственный феминизм», используя набор стратегий и практик для эмансипации женщин?¹

Тезис данной статьи состоит в том, что дихотомия иконографии мужчин, стремящихся к социализму, и женщин, ассоциирующихся с отсталостью, затрудняла для женских отделов организацию женщин в положительных направлениях. В некоторой степени эта двойственность углубилась из-за характера новой пропаганды. Разработанная, чтобы быть наглядной и привлекающей внимание, большая ее часть была основана на стереотипах. Использование противопоставлений облегчило мобилизацию широких масс для перехода от «старого» к «новому», возможность стать активным в революции. Но противопоставленность мужского и женского, поскольку она накладывалась на идею о том, что можно назвать «продвинутым» и «отсталым», также имела реальные последствия для работы среди женщин и революции в целом. Это означало, что советские женщины, гораздо больше мужчин, были отнесены к объектам, а не субъектам изменений. В то же время «отсталая работница и крестьянка» стала важной метафорой в эти первые революционные годы, потому что она могла быть объявлена причиной бед Советской России. Ее образ можно было использовать, чтобы толкать женщин принять опеку Коммунистической партии.

Между Сциллой отсталости и Харибдой феминизма

После 1917 г. привлечение женщин в партию стало одной из главных задач большевиков. Создавая женскую секцию в партии, они пытались мобилизовать женщин для пользы партии, подняв их якобы низкий политический уровень: их нужно было «пробудить», «поднять» и «слить» с большим движением². В то же время, однако, их приходилось останавливать от действий в чрезмерно независимых направлениях, т.е. от участия в так называемых «феминистских отклонениях». В основе этих усилий по включению женщин в новый революционный проект была двойственность в отношении самого гендера. С одной стороны, женщин нужно было мобилизовать, поскольку в противном случае они могли нанести ущерб революции, будь то в качестве штрейкбрехеров или просто как пассивные граждане, которые оказались не вовлеченными в новый строй. С другой стороны, если они будут слишком озабочены женским вопросом, существовал риск, что они станут действовать вопреки интересам новой советской власти.

Отсталость очень скоро стала главным предлогом для мобилизации женщин, но вместе с тем и препятствием для нее. Для самих активисток отсталость их сестер служила оправданием, почему нужна особая работа, благодаря чему они, как организаторы, получали дополнительные пайки и зарплату. Тем не менее, они выразили амбивалентное

¹ Daskalova K. How Should We Name the 'Women-Friendly' Actions of State Socialism? // *Aspasia*. 2007. № 1. P. 214–219; De Haan F. Introduction // *Aspasia*. 2007. № 1. P. v–ix; Funk N. A Very Tangled Knot: Official State Socialist Women's Organizations, Women's Agency and Feminism in Eastern European State Socialism // *European Journal of Women's Studies*. 2014. Vol. 21. № 4. P. 344–360; Ghodsee K. Untangling the Knot: A Response to Nanette Funk // *European Journal of Women's Studies*. 2015. Vol. 22. № 2. P. 248–252. Целиком стоит посмотреть №1 и №10 «*Aspasia: international yearbook of Central, Eastern, and Southeastern European women's and gender history*» (2007 и 2016 соответственно) за обширный анализ женских движений в Центральной и Восточной Европе.

² Подробнее об этом см. Wood E.A. *The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia*. Bloomington, 1997. P. 38–39.

отношение к работе среди женщин из-за этой же отсталости и выражали опасения, что окажутся в изолированном женском пространстве, если будут работать над «женскими» проблемами вместо «настоящих». Они боялись, что направление в женскую секцию («баб-отдел» или «бабий-центр»), низводит их статус до второго сорта. Таким образом тем, кто решил работать с женскими вопросами, приходилось лавировать между Сциллой отсталости женщин, которая иногда отталкивала их, и Харибдой чрезмерного внимания к женскому вопросу, который мог восприниматься как «феминистский уклон».

Первичность бинарного

Работа среди женщин после 1917 г. имела тенденцию фокусироваться на трех группах противопоставления: 1) сознательный, квалифицированный рабочий мужского пола (представленный «передовым») и неквалифицированная и «несознательная» работница (репрезентуемая как «отсталая»); 2) героическое советское государство (часто просто «власть», или «революция») и отсталые женщины, которых нужно было «поднять» и/или «отбросить» (если они могли потянуть за собой назад других); 3) героические военные товарищи и пассивные страдающие женщины, которые нуждались в защите от хищных иностранцев и контрреволюционеров. Подразумевалась также оппозиция немногих героических женщин, работающих на новое социалистическое государство, и масс отсталых женщин. Постоянное повторение бинарных различий в 1917-1922 гг., по-видимому, выполняло несколько совершенно разных функций: а) они скрывали глубокую незащищенность организаторов новой политики, особенно рядового состава, которые часто не знали, что они делают; б) они допускали определенные эмоциональные упрощения, потому что представляли черно-белую картину мира; и в) они работали на мобилизацию широкой общественности, апеллируя к более старым, вероятно, моральным ценностям общества. Как показал Марк Стейнберг, особое внимание рабочих к их маскулинности часто служило укреплению их собственного чувства важности для спасения и защиты женщин¹.

По сути, эта проблема возникла из мизогинии, существовавшей еще в Российской империи, большинство жителей которой ассоциировали «женское» с обыденным, нелогичным, бытовым, слабым, отсталым, грязным и развращенным – в общем, со всем от чего «Советская Россия» пыталась уйти – особенно ее «отсталость». Как прокомментировала Александра Коллонтай в 1919 г., «женщина-пролетарка, забитая, робкая, бесправная, в момент волнений и стачек вдруг вырастает, выпрямляется и превращается в равного борца и товарища»².

Сколько различий имеет значение, кто-то может спросить. Исследователи феминизма Рэйчел Хэйр-Мастин и Джин Марсек утверждают, что можно различить «альфа-предубеждение», определяемое как тенденция подчеркивать или даже преувеличивать разницу, и «бета-предубеждение» - тенденцию минимизировать или преуменьшать различия³. В раннем советском случае казалось, что новые строители будущего разрывались между намерением установить тождественность мужчин и женщин с помощью законов, предписывающих равное обращение, и стремлением изображать женщин как принципиально других, нуждающихся в «особой работе» и организации из-за их собственной отсталости и ассоциацией с отсталостью нации. Ранние советские активисты настаивали на том, чтобы все мужчины и женщины были включены

¹ Steinberg M. Proletarian Imagination. P. 78-80, 203-206.

² Коллонтай А. М. К истории женского движения работниц в России. Харьков, 1920. Цит. по Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи. М., 1972. С. 284.

³ Hare-Mustin R. T., Marecek J. The meaning of difference: Gender theory, postmodernism, and psychology // American psychologist. 1988. Vol. 43. № 6. P. 455.

в одно объединенное рабочее движение, и любые различия должны быть либо преодолены (отсталость), либо отвергнуты и ликвидированы (буржуазные феминистские движения). Тем не менее, в то же время они часто подчеркивали различия, обращаясь к работницам, например, текстильной промышленности, как к отсталым и несознательным, в то время как мужчин-металлистов называли сознательными и организованными¹.

Конечно, активисты хорошо знали о демографических различиях между женщинами и мужчинами (а также внутри каждой из этих групп) с точки зрения их уровня квалификации и грамотности, но они, как правило, преувеличивали эти различия, чтобы сформировать противопоставление «сознательного» мужчины-рабочего и «несознательной» работницы. Работа историка Бориса Миронова о грамотности показала, что, хотя в 1897 г. 43% мужчин в европейской части России были грамотными против 22% у женщин, в городах эти цифры были ближе к 64% и 42% соответственно. В действительности, для некоторых городов Миронов показывает, что уровень грамотности в городах составляет 79,8% для мужчин и 61,1% для женщин, что не является таким большим разрывом². Конечно, исторически у мужчин был более высокий уровень грамотности, учитывая виды работы, которые они выполняли, их более высокие показатели миграции и их военную службу. Однако к 1897 г. женщины мигрировали в города в значительном количестве, и Барбара Андерсон обнаружила, что они с такой же вероятностью могли пересекать границы провинций, как и мужчины, то есть переселяться из своей родной провинции в другую³. Мужчины, которые хотели показать разницу по сравнению с отсталыми женщинами, утверждали, что женщины возвращались в деревни чаще, чем мужчины, которые чаще оставались в городах на постоянной основе⁴. Но это также было связано с тем, что во время Первой мировой войны рабочим по закону было запрещено возвращаться в деревню⁵.

Политически мыслящие рабочие стремились доказать свое превосходство и свою революционную добросовестность, демонстрируя, что женщины отстали и нуждаются в мужской опеке. Для новых государственных строителей было легко заявить, что женщины как особый класс людей должны быть выделены для революционной пропаганды и практик, как носители старой культуры, которую они воспроизводят и продолжают, воспитая своих детей⁶. Редакторы газет и художники, разрабатывая плакаты, несомненно, находились под влиянием ранней кинопродукции с ее склонностью к сенсационности и незатейливой мелодраматичностью, которые играли на различиях между полами, в особенности между безжалостными мужчинами и страдающими женщинами⁷.

¹ Больше примеров о сходстве и различиях см. главу 7 "The Trial of the New Woman" в Wood E.A. *Performing Justice: Agitation Trials in Early Soviet Russia*. Ithaca, 2005. P. 128-49.

² Mironov B. *The Development of Literacy in Russia and the USSR from the Tenth to the Twentieth Centuries* // *History of Education Quarterly*. 1991. № 31 (2). P. 235, 240-41.

³ Anderson B.A. *Internal Migration During Modernization in Late Nineteenth-Century Russia*. P. 58, 78. Подробнее о женской грамотности см. *Ibid.* P. 33-45, 94, 95, 99; о профессиональном разделении: *Ibid.* P. 65, 91, 154-55.

⁴ Kolonitskii B., Figes O. *Interpreting the Russian Revolution*. P. 109-110.

⁵ Alessandro Stanziani, "The Global Roots of the Russian Revolution" (доклад в Гарварде, 6 окт. 2017).

⁶ Файджес и Колоницкий сделали важный вывод, что в изображениях рабочих была некоторая изменчивость (Kolonitskii B., Figes O. *Interpreting the Russian Revolution*. P. 109-110), но я бы сказала, что важность братства перевесила это. Категорию трудящиеся могли составлять женщины и крестьяне, тогда как гораздо менее вероятно они попадали под категорию рабочих.

⁷ Дэниз Янгблуд в своей книге рассматривает замечательные мелодраматические фильмы, такие как «Братья разбойники» (Василий Гончаров, 1912) и «Буржуй – враг народа» (Петр Чардынин, 1917) (Youngblood D. *The Magic Mirror: Moviemaking in Russia, 1908-1918*. Madison, 1999). Можно подумать в этом контексте о феминизации буржуазии в фильмах Сергея Эйзенштейна, особенно о мещанках с зонтиками,

Другими словами, подчеркивание этих гендерных различий было удобным. Различия сразу же считывались не потому, что они обязательно были объективными (хотя они могли иметь некоторую обоснованность), а потому, что их в основном считали правдой. Они действовали как своего рода доxa, общепризнанное мнение, то есть как предубеждение, которое люди считают за правдивое, возможно, даже не замечая этого¹. Преодоление отсталости стало одной из главных задач революции. Я бы сказала, что противопоставление отсталости и цивилизации стало главной бинарностью, лежащим в основе других бинарностей – и именно оно могло объединить активистов с весьма разными убеждениями, от либералов до радикальных большевиков. Общая вера в цивилизационную миссию нового советского государства объединила специалистов и революционеров в годы после 1917 г.²

Можно еще и предполагать, что это конкретное бинарное различие – цивилизующее государство и нецивилизованные массы – было не просто предписано сверху, но и создавалось снизу. Например, подчеркивалась незащищенность женщин, особенно их практика обращения в центр за поддержкой и информацией³. Для активисток женского движения преимущества от изображения женщин в качестве неразвитых, несомненно, перевешивали затраты. Они могли получить больше ресурсов для женских секций. Могли усилить руководящую роль большевистской партии в миниатюре, поскольку обладали необходимыми знаниями. Наконец, они могли изобразить себя хорошими товарищами, послушными орудиями революции, которые подчинялись центру и выполняли его указания.

Новый общественный договор

После того как большевики захватили власть 25 октября 1917 г./, новые лидеры стремились выполнить новый общественный договор между народом и властью. «Что дала Октябрьская революция работнице и крестьянке?» - риторически вопрошали некоторые плакаты⁴. Здесь абстрактное подлежащее «Октябрьская революция» преуменьшает роль женского в пользу абстрактного коллектива в усиленном эмоциональном регистре. Женщины получают, они не производят. Женщина на первом плане этого самого известного среди других плакатов указывает на библиотеку, столовую, клуб работниц, школу для взрослых и «дом матери и ребенка». На ней кузнечный фартук, и в руках молот, а в то же время она в юбке и женских сапогах. Серп у ее ног означает, что она оставила крестьянскую жизнь в пользу рабочей. Она является воплощением андрогинности, фигурой, объединяющей женские и мужские качества.

Этот плакат также о ранних советских мечтах. Следует обратить внимание, что женщина стоит под лучами солнца, указывая на все новые учреждения. Но это также подразумевает долг женщин перед революционным государством, которое предоставляет такие возможности. Как отметил Джеффри Брукс в книге «Спасибо

которые атакуют матросов и революционеров, а также об интеллигентках/студентках, которые произносят речи, но не участвуют в реальной борьбе.

¹ О «doxa» см. Bourdieu P. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Routledge, 2013. P. 470-475.

² Hoffmann D.L. *Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939*. Ithaca, 2011; Hoffmann D.L. *Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917-1941*. Ithaca, 2003; Khalid A. *Backwardness and the Quest for Civilization*; Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, 2005; Northrop D. *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca, 2004.

³ Подробнее см. Wood E.A. *The Baba and The Comrade*.

⁴ Что дала Октябрьская революция работнице и крестьянке (1920) // Hoover institution [Электронный ресурс] URL: <https://digitalcollections.hoover.org/objects/25519/span-classqueryhlchtospan-span-classqueryhldala?ctx=5ec1f0c9-5607-43c6-95eb-c1452512eb8c&idx=1> (дата обращения 30.04.2019).

товарищу Сталину!»), большая часть ранней риторики мифологизированного государства касалась взаимных уступок этого нового режима, который претендовал на моральное превосходство, делая «народ» в долгу перед лидерами¹. Коммунистическая партия поможет женщинам выяснить их собственные интересы, как писала Крупская в 1914 г., строя новые заведения, такие как клубы, школы, библиотеки и детские дома.

Женщины, стоящие за мужчинами

подавляющее большинство самых известных плакатов периода Гражданской войны 1917-1922 гг. изображают мужчин, иногда рабочего и крестьянина вместе, совсем без женщины или с одной, стоящей на шаг или два позади. В «Годе пролетарской диктатуры» (1918 г.) Александра Апсита двое мужчин, рабочий и крестьянин, охраняют ворота социалистического рая на земле². Дмитрий Моор на плакате «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (1919 г.) показывает солдата, крестьянина и рабочего, объединенных под эмблемой молота и плуга на фоне красной звезды³. В «Долой Капитал. Да здравствует Диктатура Пролетариата!» (1920 г.) рабочий с винтовкой держит красное знамя. Обломки «капитала» валяются под его ногами. Массы следуют на расстоянии, но среди них нет женщин⁴. Наконец, двое мужчин (крестьянин и рабочий) пожимают друг другу руки на плакате «Победа революции в сотрудничестве рабочих и крестьян» (1925 г.) Михаила Черемных. Они стоят перед вывеской Съезда Советов. Здесь художник использует красный и синий цвета, чтобы показать крестьянский мир и городской индустриальный мир, сопровождая комментарием их единение: «в ряды плечо к плечу, труженики городов и деревень против железной цепи помещиков и фабрикантов мира»⁵. Мужчины на всех этих изображениях предстают в наклоненных вперед позах, обычно с вытянутыми или поднятыми руками, демонстрируя свою активность.

Когда на плакатах появляются женщины, они почти всегда стоят по крайней мере на шаг позади мужчин. «Первое Мая 1920 года. Через обломки капитализма к всемирному братству трудящихся!» (Н.М. Кочергин, 1920 г.) показывает три фигуры, идущие вперед: крестьянин, рабочий и крестьянка, но она явно отстает от двух других, держа серп внизу, в то время как они держат косу и винтовку высоко⁶. На плакате «Да здравствует комсомол. К седьмой годовщине Октябрьской революции» (1924 г.) изображены две фигуры, мужская и женская, идущие вместе, держа знамя. Однако, в то время как мужчина энергично шагает вперед, женщина поворачивается назад, чтобы посмотреть через

¹ Brooks J. Thank you, comrade Stalin! Soviet public culture from revolution to Cold War. Princeton, 2000.

² Год пролетарской диктатуры (1918) // Hoover institution [Электронный ресурс] URL: <https://digitalcollections.hoover.org/objects/25443/span-classqueryhlgodspan-proletarskoi-diktatury--ok?ctx=663c1e87-3065-4385-a928-2e2ed6ed96e3&idx=11> (дата обращения 30.04.2019).

³ Дмитрий Моор – псевдоним Дмитрия Стахиевича Орлова (1883- 1946). Пролетарии всех стран, соединяйтесь (1919) // International Institute of Social History [Электронный ресурс] URL: <http://www.iisg.nl/exhibitions/chairman/sov01.php> (дата обращения 30.04.2019).

⁴ Да здравствует диктатура пролетариата! (1920) // The New York Public Library Digital Collections [Электронный ресурс] URL: <https://digitalcollections.nypl.org/items/510d47da-402a-a3d9-e040-e00a18064a99> (дата обращения 30.04.2019).

⁵ Победа революции в сотрудничестве рабочих и крестьян (1925) // Hoover institution [Электронный ресурс] URL: <https://digitalcollections.hoover.org/objects/22933/span-classqueryhlpobedaspans-revolutiisii-v-sotrudnich?ctx=dc6c8efa-5392-42de-b083-65fb5d1bf473&idx=6> (дата обращения 30.04.2019).

⁶ Первое Мая 1920 года. Через обломки капитализма к всемирному братству трудящихся! (1920) // Hoover institution [Электронный ресурс] URL: <https://digitalcollections.hoover.org/objects/23761/span-classqueryhl1espan-maia-span-classqueryhl1?ctx=57cfd833-469e-4b9d-a3a7-902c84d5269d&idx=0> (дата обращения 30.04.2019).

плечо, заметно отставая от него. Более того, он обут, а она шагает босиком¹. Работница стоит у наковальни на работе Моора «1ое Мая Всероссийский Субботник» (1920 г.), но она держит кусок металла дляковки, в то время как рабочий-мужчина поднимает свой молот, чтобы ударить по железу. У нее более пассивная, помогающая роль, а он действует².

Иконография мужчин в период Гражданской войны

Образы Гражданской войны, конечно, в значительной степени опирались на изображения воинов-мужчин (солдат и матросов), а также сил, стоящих за войной, особенно кузнеца³. И все же до сих пор недостаточно проанализирована тесная связь между этими мужскими фигурами и русской православной иконографией, где замечаются изображения Святого Георгия и архангела Михаила, крылатых коней, ореолов и хоругвей, а также средневековых русских городов и крепостей. Эти внушительные фигуры воплощают святую мужественность, которая динамична, деятельна и драматична. Эти герои-мужчины выходят победителями после сражений с мифическими врагами.

Геометрия плаката «Вторая годовщина Красной Армии» Владимира Ивановича Фидмана (1920 г.) переносит зрителя в мир архангела Михаила на крылатом коне. Красноармеец (с тенью двойника за его спиной) едет на красном коне, наложенном на гигантскую красную звезду или пентаграмму. Над его головой слова «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» образуют ореол, а вторая пентаграмма (красная звезда) украшает его меховую шапку. Под ним пылающий Кремль окружен вооруженными полчищами, ощетинившимися копьями. Такой Кремль и орды с копьями часто появлялись на русских иконах. Красная звезда или пентакль была любимым символом на дореволюционных русских православных церквях⁴.

Плакат Дмитрия Моора «Советская Россия - осажденный лагерь. Все на оборону!» изображает в центре композиции двух рабочих и крестьянина, окруживших карту. Эти фигуры встроены на этот раз в перевернутую пентаграмму. В православных образах, которые были наверняка известны зрителям в 1920-х гг., эта перевернутая пентаграмма символизировала сошествие Христа в мир, отсюда и направленная вниз вершина. Подобную перевернутую пентаграмму использовал Андрей Рублев в «Преображении Господнем» начала XV в.⁵ В полукруглой полосе над перевернутой звездой (возможно, еще одним ореолом) написаны слова: «Рабочий кует оружие. Коммунист указывает врага и ведет в бой. Крестьянин везет хлеб». Более мелкий шрифт ниже, под фигурой женщины, меняющей сигналы на железнодорожном пути, гласит: «Женщина заменяет ушедшего

¹ Да здравствует комсомол (1924) // Hoover institution [Электронный ресурс] URL: <https://digitalcollections.hoover.org/objects/24267/da-zdravstvuet-komsomol--span-classqueryhlkspan?ctx=0abdf1b1-060b-4546-af5b-5ebc3e221fd9&idx=0> (дата обращения 30.04.2019).

² 1ое мая Всероссийский субботник // Hoover institution [Электронный ресурс] URL: <https://digitalcollections.hoover.org/objects/24108/1oe-span-classqueryhlmaiaspan--vserossiiskii-span?ctx=c793b213-9926-478c-a6f7-daa1f452d0bc&idx=1> (дата обращения 30.04.2019).

³ О кузнеце см. Bonnell V.E. Iconography of Power; Gill G. Symbols and Legitimacy in Soviet Politics. Cambridge, 2011. P. 32-34, 59.

⁴ Вторая годовщина Красной Армии (1920) // Издательство «Пятый Рим» [Электронный ресурс] URL: <https://5rim.ru/text-news/pochemu-krasnye-pobedili-odna-iz-vazhneyshih-prichin/> (дата обращения 30.04.2019). О связи пятиконечной звезды на церквях и советской красной звезды см. Матвейчев О. Пятиконечная звезда – православный символ // Livejournal [Электронный ресурс] URL: <https://matveychev-oleg.livejournal.com/5377842.html> (дата обращения 30.04.2019).

⁵ Советская Россия - осажденный лагерь. Все на оборону! // Tehne [Электронный ресурс] URL: http://tehne.com/assets/i/upload/library/polonskii-russkii-revoliutcionnyi-plakat-1925jpg_Page61.jpg (дата обращения 30.04.2019). Марафонец. О перевернутой пентаграмме см. Красная звезда, как символ Преображения мира. И, как символ лжи антисоветчиков // Livejournal [Электронный ресурс] URL: <https://marafonec.livejournal.com/1642377.html> (дата обращения 30.04.2019).

бойца». Женщина явно стоит на втором месте, заменяя ушедшего мужчину, нужна в случае если мужчины нет.

Образ красного Кремля повторяется в работе «Привет, товарищи!» Дмитрия Моора. Слова «Да здравствует III Интернационал» появляются на иконописной кремлевской стене, а кузнец в красной рубашке гордо стоит у наковальни. Его рука вытянута в стойке победы¹. Защита революционного Петрограда является главной темой еще одного раннего плаката Моора «Петрограда не отдадим» (1919 г.?). Здесь четыре мужские фигуры (рабочий, матрос, кузнец и крестьянин) склоняются над петроградскими стенами, а за ними светит красное солнце социализма. Красный, синий и белый цвета отражают российский триколор².

Более динамичные, мифические образы мужчин можно увидеть на плакатах «Борьба красного рыцаря с темной силою» (Борис Зворыкин, 1919 г.) и «Владыкой мира будет труд!» (неизвестный автор, 1920 г.). В первом случае Красный Рыцарь перекликается со Святым Георгием на лошади, поражающим своих врагов, но вместе с тем он кузнец, размахивающий молотом. Здесь манихейские образы подкреплены заголовком плаката, в котором говорится, что герой борется с «темными силами». На его щите изображен советский серп и молот. Он мифический богатырь. Плакат «Владыкой мира будет труд!» играет на понятии «владыка мира» – обычно Христос в иконах. На этом советской картине гигантская фигура Труда – ныне Повелителя мира – поднимает ногу, чтобы раздавить толстые буржуазные фигуры, одна из которых в цилиндре дяди Сэма Соединенных штатов Америки, а другая в британском твиде³. Еще на одном плакате нарисован человек в цилиндре в той же позе превосходства над своими врагами, на этот раз под заголовком «Мертвецы Парижской Коммуны воскресли под красным знаменем Советов!» (1921 г.)⁴. Здесь мертвый поднялся, чтобы поддержать революцию.

В «Вступайте до Червоної кінноти!» (Вступайте в Красную конницу) (1920 г.) другой всадник, на этот раз красный кавалерист, едет вперед на своем коне, исполненный бравадой и движением. Плакат был опубликован после поражения и отставки белого генерала Антона Деникина в марте-апреле 1920 г. как часть кампании против барона Петра Врангеля⁵. Более спокойное, но все еще динамичное изображение красного рабочего, протягивающего свою винтовку, появляется у Черемных в «Если не хотите

¹ Да здравствует III Интернационал // The New York Public Library Digital Collections [Электронный ресурс] URL: <https://digitalcollections.nypl.org/items/510d47e2-aa09-a3d9-e040-e00a18064a99> (дата обращения 30.04.2019). Нью-Йоркская публичная библиотека датирует плакат 1925 г., хотя встречаются и указание на 1920 г. (Бутник-Сиверский Б.С. Советский плакат эпохи гражданской войны. 1918-1921. М., 1960. С. 150; Полонский В. Русский революционный плакат. М. 1925. С. 135).

² Петрограда не отдадим // Tehne [Электронный ресурс] URL: http://tehne.com/assets/i/upload/library/polonskii-russkii-revoliucionnyi-plakat-1925jpg_Page71.jpg (дата обращения 30.04.2019).

³ Борьба красного рыцаря с томной силою // Tehne [Электронный ресурс] URL: http://tehne.com/assets/i/upload/library/polonskii-russkii-revoliucionnyi-plakat-1925jpg_Page212.jpg (дата обращения 30.04.2019). «Владыкой мира будет труд! 3 года пролетарской диктатуры». // The New York Public Library Digital Collections [Электронный ресурс] URL: <https://digitalcollections.nypl.org/items/510d47da-4075-a3d9-e040-e00a18064a99> (дата обращения 30.04.2019).

⁴ Мертвецы Парижской Коммуны воскресли под красным знаменем Советов! // Музей политической истории России. Информационно-справочная система по коллекциям [Электронный ресурс] URL: <http://collectiononline.polithistory.ru/items?query=%D0%BC%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%86%D1%8B&info=120641&sa-fund=9> (дата обращения 30.04.2019).

⁵ Вступайте до Червоної кінноти! (1920) // The New York Public Library Digital Collections [Электронный ресурс] URL: <http://digitalcollections.nypl.org/items/510d47de-83ae-a3d9-e040-e00a18064a99> (дата обращения 30.04.2019)..

возврата к прошлому - винтовку в руки! На польский фронт!» (1920 г.)¹. Он раскинул руки между прошлым (кабак и тюрьма) и будущим, обратив лицо вперед, по-видимому, к битве, но и к новому миру.

Последнее известное изображение Моора, в центре которого находится мужчина, можно встретить в «Красный подарок белому пану» (1920 г.). Плакат, вновь посвященный Польскому фронту, показывает исполненных в красном цвете двух мужчин, солдата Красной армии и рабочего, поднимающих гигантский фаллической формы снаряд на спины со словами: «Двинь-ка этим чемоданчиком пана в лоб»².

Женщины как жертвы, бабы и объекты перемен

Во время Гражданской войны основные изображения женщин показывают их либо обездоленными жертвами войны, либо истощенными медсестрами, помогающими красноармейцам. Например, Игнат Нивинский (1880–1933) написал в 1918 г. две разные версии плаката «Женщины, идите в кооперацию!». На одном варианте худая женщина держит над головой гигантский сноп пшеницы, а на другом – значительно более пышнотелая женщина склоняется под тяжелой корзиной, полной еды и сапог³. На этих и других изображениях женщинам говорят, что делать: «Идите в кооперацию», «Гоните дезертиров!»⁴. На другом плакате сообщается: «Раненый красноармеец найдет себе мать и сестру в каждой трудящейся женщине»⁵. Женщины открывают свои сундуки (предположительно с семейными ценностями и, возможно, своим приданым), чтобы передать свертки крепкому рабочему, который указывает на дрожащего красноармейца⁶.

В нескольких изображениях женщины служат символами нации. Один русскоязычный плакат Дени показывает Украину в виде женщины, которую распинают страшные палачи⁷. На другом плакате на украинском языке (автор неизвестен) изможденную женщину с огромными глазами, красным платком на шее и четырьмя

¹ Если не хотите возврата к прошлому - винтовку в руки! На польский фронт! (1920) // Tehne [Электронный ресурс] URL: http://tehne.com/assets/i/upload/library/polonskii-russkii-revoliucionnyi-plakat-1925jpg_Page77-1.jpg (дата обращения 30.04.2019).

² Красный подарок белому пану (1920) // The New York Public Library Digital Collections [Электронный ресурс] URL: <http://digitallibrary.usc.edu/cdm/ref/collection/p15799coll14/id/15906> (дата обращения 30.04.2019).

³ Женщины, идите в кооперацию! (1918) // The New York Public Library Digital Collections [Электронный ресурс] URL: <https://digitalcollections.nypl.org/items/510d47da-4081-a3d9-e040-e00a18064a99> (дата обращения 30.04.2019); Женщины, идите в кооперацию! (1918) // The New York Public Library Digital Collections [Электронный ресурс] URL: <https://digitalcollections.nypl.org/items/510d47da-4082-a3d9-e040-e00a18064a99> (дата обращения 30.04.2019).

⁴ Женщины, гоните дезертиров! (1920) // Tehne [Электронный ресурс] URL: http://tehne.com/assets/i/upload/library/polonskii-russkii-revoliucionnyi-plakat-1925jpg_Page81-2.jpg (дата обращения 30.04.2019).

⁵ Раненый красноармеец найдет себе мать и сестру в каждой трудящейся женщине // Tehne [Электронный ресурс] URL: http://tehne.com/assets/i/upload/library/polonskii-russkii-revoliucionnyi-plakat-1925jpg_Page81-4.jpg (дата обращения 30.04.2019).

⁶ Красный солдат на фронте не обут, не одет. Открывайте сундуки. Отдавайте все, что можете вашему защитнику. Не выдержит он, — погибнете и вы. На помощь Красной Армии! // Tehne [Электронный ресурс] URL: http://tehne.com/assets/i/upload/library/polonskii-russkii-revoliucionnyi-plakat-1925jpg_Page81-3.jpg (дата обращения 30.04.2019).

⁷ Палачи терзают Украину. Смерть палачам! // Tehne [Электронный ресурс] URL: http://tehne.com/assets/i/upload/library/polonskii-russkii-revoliucionnyi-plakat-1925jpg_Page86-2.jpg (дата обращения 30.04.2019).

маленькими детьми преследуют два злодея, которые ломают железную дорогу и крадут деньги (у первого из них болты от путей, а у второго мешок и нож)¹.

Но женщины также выступают как символ неразвитости, которая приводит к предательству революции. На известной работе Михаила Черемных «История про бублики и про бабу, не признающую республики» (1920 г.), отсталая женщина («баба»), продающая бублики, отказывается дать хотя бы один голодному красноармейцу, и в итоге ее целиком проглатывает жадный белый пан².

Кроме того, «бабу» призвали перейти «от старой жизни к новой». Сложная композиция плаката «Крестьянка! Будь готова уйти от старой жизни к новой» изображает женщину в красном рабочем платке и красном платье, стоящую под красной звездой и надписью «Выполняй заветы Ильича». Слева от нее показано зло Русской православной церкви, сделавшее ее подчиненной, а справа – равнозначный вред «Домостроя», средневекового текста, который предписывал подчинение женщин мужчинам. Только в центральном треугольнике, который начинается от красной звезды, описывается «новый лад». Здесь женщины «дружно шьют, кроят, строчат». Плакат призывает их: «И теперь уж не зевай – знай учись, пиши, читай!». Женщинам настоятельно рекомендуется лучше заботиться о своих детях и участвовать в кооперации. Прежде всего, они должны следовать ленинскому пониманию того, что теперь новое правительство не оставило следа от дореволюционных законов, закрепляющих женское подчинение. «Советская власть первая дала женщине полное равноправие»³. Не женщины сами добились новый лад, а советская власть им это дала.

Грамотность, конечно же, является ключом ко всем преобразованиям. Это видно в «Женщина! Грамотность – залог твоего раскрепощения» (1920 г.), где изображены женщины, жадно читающие под надписью «раскрепощение» на фоне высоких дымовых труб⁴. Власти не гнушались порицанием работниц, которые не были грамотными. «Эх, маманя! Была бы ты грамотной, помогла бы мне!» (1923 г.) – говорит девочка на плакате своей матери⁵.

Мужчины также появлялись на плакатах о грамотности, причем некоторые из них использовали иконописные образы. Самым известным из них, вероятно, является «Грамотность – путь к коммунизму» (1920 г.), на котором мы видим молодого мужчину с полуголым торсом, летящего на красном коне с поднятым факелом. Изображение сочетает в себе мотивы архангела Михаила и Пегаса (красная лошадь), римских богов (сандалии в римском стиле) и Прометея, который высоко держит пламя⁶. Он показывает

¹ Геть злодіїв з широкого шляху! // The New York Public Library Digital Collections [Электронный ресурс] URL: <http://digitalcollections.nypl.org/items/510d47de-8394-a3d9-e040-e00a18064a99> (дата обращения 30.04.2019)..

² История про бублики и про бабу, не признающую республики. Фрагмент // Tehne [Электронный ресурс] URL: http://tehne.com/assets/i/upload/library/polonskii-russkii-revoliutcionnyi-plakat-1925jpg_Page163-2.jpg (дата обращения 30.04.2019).

³ Крестьянка! Будь готова уйти от старой жизни к новой // Duke University Libraries. Digital Repository [Электронный ресурс] URL: <https://repository.duke.edu/dc/russianposters/rpcps01002> (дата обращения 30.04.2019).

⁴ Женщина! Грамотность — залог твоего раскрепощения // Российская государственная библиотека [Электронный ресурс] URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004877612> (дата обращения 30.04.2019).

⁵ Женщина! Учись грамотности! // Музей политической истории России. Информационно-справочная система по коллекциям [Электронный ресурс] URL: <http://collectiononline.polithistory.ru/items?query=%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C&info=312687&sa-fund=9> (дата обращения 30.04.2019).

⁶ Грамота — путь к коммунизму (1920) // Российская государственная библиотека [Электронный ресурс] URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005449296> (дата обращения 30.04.2019). Об образе Прометея см. Bonnell V.E. Iconography of Power. P. 33-34, 36, 289. Больше плакатов ликбеза см. Советская Россия. Плакаты

не отсталость, а обещание движения вперед к свету. Читающие солдаты-мужчины обрамлены пятиконечной звездой (вершиной вверх) на другом плакате «Береги книгу. Она верный товарищ в походе и в мирном труде» (1920 г.?)¹. На еще одном изображении слепой мужчина ступает с обрыва: «Неграмотный тот же слепой. Всюду его ждут неудачи и несчастья» (1918 г.). Он носит лапти и бороду крестьянина².

Лишь одно изображение времен Гражданской войны показывает женщину с винтовкой: «Работницы, берите винтовку!» (Лев Бродатый, 1920 г.)³. Начиная с 1924 г., на ряде плакатов пытались указать женщинам лучшие способы принять и помочь создать новый порядок. «Знание и труд новый быт нам дадут» (Л.М. Емельянов, 1924 г.) показывает улыбающихся крестьянку и работницу, которые идут навстречу друг другу и протягивают руки, на фоне трех зданий: избы-читальни, профсоюзной школы и строения, напоминающего университет. Теперь они в движении, чего не было во время Гражданской войны⁴.

В целом эффект плакатов гражданской войны, связывающих женщин с отсталостью России, заключается в том, чтобы усилить стереотип о роли женщин как матерей и хранительниц домашнего очага. Хотя новые советские законы настаивали на равенстве и даже одинаковости женщин и мужчин, плакаты рассказывают другую историю. Теоретически женщины были равны в праве участвовать в голосовании, владении землей, браке, разводе, алиментах и в признании того, являются ли их дети законнорожденными или нет. И все же на практике их иконографическая репрезентация связывала их с бедами России и тем, что нужно было изменить. В то время как героические мужчины смотрели вперед и шагали в будущее, женщины как объекты этой же пропаганды стыдились за свою неграмотность и невежество, оглядываясь через плечо на отсталость нации.

ликбеза // История пропаганды [Электронный ресурс] URL: <http://propagandahistory.ru/194/Sovetskaya-Rossiya--Plakaty-Likbeza/> (дата обращения 30.04.2019).

¹ Береги книгу. Она верный товарищ в походе и в мирном труде // The New York Public Library Digital Collections [Электронный ресурс] URL: <https://digitalcollections.nypl.org/items/510d47da-4018-a3d9-e040-e00a18064a99> (дата обращения 30.04.2019).

² Неграмотный – тот же слепой // The New York Public Library Digital Collections [Электронный ресурс] URL: <https://digitalcollections.nypl.org/items/510d47da-4051-a3d9-e040-e00a18064a99> (дата обращения 30.04.2019).

³ Работницы, берите винтовку! // Российская государственная библиотека [Электронный ресурс] URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01006688838> (дата обращения 30.04.2019).

⁴ Знание и труд новый быт нам дадут // Российская государственная библиотека [Электронный ресурс] URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004876956> (дата обращения 30.04.2019).

Н.К. Крупская и народное просвещение: новый подход к В.И. Ленину

«Разве мы, пропагандисты коммунизма, занимались когда-нибудь чем-либо, кроме народного просвещения?»¹

Так спросил Анатолий Васильевич Луначарский, первый советский Народный Комиссар Просвещения в 1919 г. Луначарскому, глубоко гуманистическому интеллигенту-большевику, казалось неспоримо ясно, что дать угнетенным народным массам тот доступ к образованию и культуре который при капитализме был закрыт - основная цель социалистической революции. Разумеется, многие его партийные товарищи могли бы судить иначе о приоритетах большевиков, особенно в разгаре гражданской войны, когда военная борьба, укрепление власти и уничтожение классового врага стали первоочередными задачами. Были, однако, старые большевики-интеллигенты, которые, как и Луначарский, считали, что просвещение народа являлось фундаментальной задачей революционера-большевика. Одна из них - Надежда Константиновна Крупская, жена В. И. Ленина, специалист по марксистскому народному образованию, которая после октябрьской революции стала заместителем Луначарского во главе Народного Комиссариата Просвещения (Наркомпроса). Для Крупской, народное просвещение являлось ключевой задачей революции, и роль партии и государства заключалась отнюдь не в доброжелательном попечительстве сверху, а в поощрении народной самодеятельности путем местных советов народного образования.

Крупская всегда говорила и писала, как будто у Ленина было точно такое же представление о задачах народного просвещения, и такая же высокая оценка их политического значения, как у нее. Ее мнение по этому вопросу стало частью постсталинского канона для советских историков и специалистов по народному образованию. Сегодня, однако, вряд ли кто-нибудь из западных или русских ученых принимает канон всерьез, в том числе и оценку Ленина Крупской. Теперь историки пишут о другом Ленине, который никак не являлся сторонником низовой демократии и просвещения народа. Западная историография обычно толкует его как циника, для которого характерны жажда власти, стремление к террору, враждебность к самодеятельности масс и безразличие к благосостоянию народа. Для Леонарда Шапиро, октябрьская революция – «история того, как в 1917 г. группировка упорных людей в России захватила власть и сделала все, чтобы другие не имели доступа к ней.»² Для Ричарда Пайпса, Ленин был «циничным и агрессивным» политиком, с «менталитетом жандарма» и, кроме того, «убийцей в массовом масштабе».³ В заключении недавно изданной английской популярной биографии, «после незаконного захвата власти, единственное, что занимало Ленина в течении остальной жизни – как ее не потерять.»⁴

Исключением в этом редком единодушии является американский историк Ларс Ли, который предлагает рассматривать в дореволюционном Ленине черты американского

¹ А.В. Луначарский, «Коммунистическая пропаганда и народное просвещение», *Известия*, 26 марта 1919 г.

² "The story of how a group of determined men seized power for themselves in Russia in 1917, and kept others from sharing it." Leonard B. Shapiro, *The Origin of the Communist Autocracy. Political Opposition in the First Soviet State; First Phase, 1917-1922* (New York, 1965). p. v.

³ "Cynical and aggressive", "policeman's mentality," "mass murderer." Richard Pipes (ed.), *The Unknown Lenin from the Secret Archive* (New Haven, 1998), pp. 6-12; Afterword to paperback edition, p. 181.

⁴ "Having achieved power illegitimately, Lenin's only real concern for the rest of his life was keeping it." Victor Sebestyen, *Lenin the Dictator. An Intimate Portrait* (London, 2017), p. 335.

миссионера-евангелиста 19-го века, с восхищением отмечая первые признаки народного признания слова бога, которые он обязан растить и развивать.¹ Народное просвещение было частью этого процесса, но Ли не обращает на него особого внимания; в предметном указателе оно упоминается только в качестве словосочетание «Народное просвещение как метафора».² А мне кажется, что для Ленина (как и для Крупской) «народное просвещение» - не столько метафора, сколько вполне конкретное дело. Как руководитель советского государства после октября, он постоянно практично и конкретно заботился о народном образовании, и в последние годы болезни, оно стало центральным предметом его внимания и беспокойства.

Крупская здесь играет ключевую роль, не только как близкий человек, но и, посмертно, как законный истолкователь и хранитель его наследства. Я, соответственно, буду писать о ней не только как о супруге, профессионально занимавшейся вопросами народного образования, но и об одной из немногих ленинских «significant others», во взаимодействии с которыми формировалось его интеллектуальное и политическое мировоззрение.³ Крупская - ярый сторонник народного просвещения и, в особенности, неперемногого участия в нем самых низов. В полемическом выступлении 1919 г., она писала:⁴

Мы не боимся устраивать революцию, не боимся народных масс, не боимся того, что они Советы не так выберут кого надо, попов туда посадят, мы хотим, чтобы массы управляли страной, сами были себе господами... Мы думаем все по старинке, что если мы будем себя не жалеть и день и ночь работать на пользу народную, то это и довольно. Этого мало. Наша задача – помочь народу на деле взять свою судьбу в свои руки.

Ленин защитил Крупскую в данном столкновении, однако, можно ли себе представить, что он сам мог написать такие слова? В настоящей статье, я постараюсь ответить на следующие вопросы: действительно ли Ленин придавал большое значение делу народного просвещения и, если так, считал ли он, что такое важное дело желательно организовать сверху или, наоборот, лучше развивать снизу, как результат инициативы масс?

Несмотря на то, что в годы дореволюционной эмиграции, Крупская большую часть времени была занята в партийном секретариате, ведя под ленинским руководством подпольную переписку с большевиками в России, она получила свой первый опыт революционной деятельности как учительница в вечерней школе для взрослых в Петербурге 90х годов. Она всегда чувствовала, что это – ее настоящая сфера действия, и однажды сказала партийной подруге, что когда революция победит в России, она хотела бы работать именно в области народного образования.⁵ Во время эмиграции она стала очень интересоваться вопросами прогрессивной педагогической теории, публикуя статьи о ней в русском журнале *Свободное воспитание*, под редакцией толстовца И. И. Горбунова-Посадова. В 1915 г. она написала солидную монографию, *Народное*

¹ Lars T. Lih, "The great awakening," in Sebastian Budgen, Stathis Kouvelakis and Slavoj Žižek (eds.), *Lenin Reloaded* (Durham, NC, 2007)

² Lars T. Lih, *Lenin Rediscovered: 'What is to be Done' in Context* (Chicago, 2008).

³ "Significant others", означающее главными интеллектуальными собеседниками Ленина в мире российского социалдемократического движения до 1917 г. является названием ч. 2 в кн. Lih, *Lenin Rediscovered*. Крупская не включается в его списке главных собеседников.

⁴ Н.К.Крупская, *Педагогические сочинения* т. 2 (Москва, 1958), стр. 76.

⁵ М. Эссен, «Встречи на партийной работе,» в кн. *Воспоминания о Надежде Константиновне Крупской*, под ред. А.М.Арсеньева, В.С.Дридзо и А.Г.Кравченко (Москва, 1966), стр. 61.

образование и демократия, изданную в России в 1917 г., в которой она описала развитие прогрессивного движения в теории и практике педагогики в Европе и Америке, особенно в отношении к рабочим школам и месту труда в процессе образования (первоначальное название книги – *Народное образование и рабочий класс*).¹ Поклонница «активных» методов Джона Дьюи и теории «трудовой школы» немецкого педагога Г. Кершенштейнера, Крупская защищала идею единой школы, из которой плохие старые традиции - шпаргалки, наказания, и буржуазная идеология патриотизма и религии - были бы изгнаны.

Отец Ленина, И. Н. Ульянов, был инспектором и потом директором народных училищ Симбирской губернии, и Ленин сам (как и большинство марксистских революционеров-интеллигентов его поколения) имел стаж работы в рабочих школах в 90-е годы. Но для него этот опыт не имел такого значения, как для Крупской. Когда, на первой его встрече с молодой Надеждой Константиновной на подпольном собрании социал-демократических революционеров, было предложено поддержать работы либерального Комитета по неграмотности, он не скрывал своего призрения к такому «культурничеству: как она вспоминала,]²

Владимир Ильич засмеялся, и как-то зло и сухо звучал его смех –(я потом никогда не слыхала у него такого смеха):

“Ну, что ж, кто хочет спасти отечество в комитете грамотности, что ж мы не мешаем.”

Возможно, что Крупская в самом деле больше не слышала этой ленинской насмешки, но она была известна его коллегам по революции. Для Ленина, суровая задача создания конспиративной партии революционеров-профессионалов стояла превыше всего, и он приветствовал свою репутацию «твердого» человека, сложившуюся в эмигрантских кругах социал-демократов. Несомненно, как предполагает Ли, ленинское чувство неотложности этой задачи связано с убеждением, что в рабочих массах стихийный подъем революционного энтузиазма уже начался и он должен быть перенаправлен партией в конкретные действия. Сама по себе, однако, политическая самостоятельность на местах его не особенно вдохновляла. Он остался сравнительно равнодушен даже при удивительном разцвете советов во время революции 1905 года. Поздно возвратившийся и недолго остававшийся в России эмигрант, Ленин имел только короткий и неудовлетворительный контакт с советами, и в его статьях этого периода не видно признаков того приподнятого настроения и возбуждения, которое охватило Троцкого и других революционеров, ближе связанных с жизнью советов.³

¹ *Народное образование и демократия*, в Н.К.Крупская, *Педагогические сочинения*, т. 1 (Москва, 1957), стр. 249-350, 490-91.

² Н.К.Крупская, *Воспоминания о Ленине* (Москва, 1957), стр. 10. Крупская не сразу преодолела неприятное впечатление от этой встречи, но ей постепенно стало ясно, что его чрезмерная суровость в отношении к либеральной филантропии произошла от остракизма, которому была подвергнута его семья после ареста и казни старшего брата Александра за революционную деятельность.

³ Как заметил Дейчер, те, кто поздно вернулся, как Ленин, «смотрели [на петербургский совет] с напряжением и смущенностью,» но «эмигрантский дух в них был слишком заметным, и они там не находили точки опоры.» (“watched in suspense and bewilderment” but “had too much the air of emigres to gain a foothold”). Isaac Deutscher, *The Prophet Armed. Trotsky, 1879-1921* (London, 1970), 135-6. Неудивительно, что в статье 1905 г. «Две тактики социал-демократии», Ленин сосредоточил внимание на вопросах руководства масс (В.И.Ленин, *Полное собрание сочинений в 58-м томах*, 5-ое изд. (Москва, 1958-70), т. 11, стр. 1-131) и в ретроспективном обсуждении революции 1905 г. («Доклад о революции 1905 г.», 1912, в Ленин, *Пол. Соб. Соч.*, т. 30, стр.322) писал больше о рабочих скачках и мятежей, чем о советах, отдавая последним только один небрежный абзац.

В 1905-1910 годы, Ленин довольно много писал о народном образовании и просвещении, в советском сборнике его трудов этой теме посвящено почти 300 страниц, в основном это отдельные абзацы в разных трудах, а не целые статьи, посвященные этой теме.¹ В этот период в основном Ленин писал о проблемах образования и культуры в связи с полемикой со своим политическим соперником, марксистским теоретиком А. А. Богдановым, сторонником «пролетарской культуры», как орудия революционного преобразования. Ленин эту теорию отвергал, настаивая на необходимости народных школ, в которых пролетариат мог бы приобретать знания (хотя бы «буржуазные») и навыки, нужные для полноценного участия в революции и в управлении государством.

В последние довоенные годы (1910-1914), вопросы народного образования, вместе с национальным вопросом, стали занимать центральное место в ленинских трудах. В число проблем, которые он обсуждал, включались политика царского Министерства Народного Просвещения, школьная реформа, еврейские школы, нацменьшинства в школах, сельские учителя и студенты.² В 1913 г. он написал черновик речи для оглашения депутатом-большевиком в Государственной Думе, в котором писал о неотложных проблемах культурной отсталости и ограниченного доступа к образованию для рабочих.³

Ясно, что усиленное внимание Ленина к вопросам народного образования отражало тогдашнюю погруженность Крупской в вопросы педагогической теории и политики, несмотря на трения (связанные с романом Ленина с Инессой Арманд) в их личных отношениях. Возможно, как предполагает мемуарист Н. Валентинов, что Ленин относился с долей скептицизма к некоторым аспектам прогрессивных педагогических идеалов жены.⁴ Как бы то ни было, он очень старался в найти издателя для ее монографии, и даже, за две недели до февральской революции, изложил план (позже охарактеризованный ей как «фантастический») их совместной работы над сочинением *Педагогического Словаря*, охарактеризованный им как коммерческий проект.⁵ В своих воспоминаниях, Крупская написала, что «Краковский период был своеобразной 'нулевой группой' (приготовительным классом) социалистического строительства» для Ленина, видимо имея в виду, что партийно-политические вопросы, которые часто монополизировали его внимание, отошли как раз на задний план, создав редкую возможность взглянуть вперед на самые главные вопросы строительства социализма, которыми придется заниматься после революции.⁶

В апреле 1917 г. Ленин и Крупская вернулись в Россию вместе с другими революционерами в специально организованном поезде из Швейцарии транзитом через Германию. Но они совсем не одинаково воспринимали возвращение на родину. Ленин яростно отдался политической борьбе и партийной политике, бросив вызов «двойной власти» и Временному правительству и, с лета, был все более поглощен подготовкой завоевания власти большевиками. По сравнению с ним, Крупская отошла от работы в

¹ См. *Владимир Ильич Ленин о воспитании и образовании в 2-х томах*, под ред. Е.М.Кожевникова (Москва, 1980), т. 1.

² То же.

³ Крупская, , стр. 206.

⁴ Nikolay Valentinov (N.V.Volsky), *Encounters with Lenin*, trans. Paul Rosta and Brian Pearce (London, 1968), 48-9. Надо, однако, заметить, что Валентинов Крупскую не любил, полагая, что она не одобряла его близости к Ленину в довоенные годы, и он не пропускал случая, как и в этой цитате из беседы с Лениным в 1912 г., отметить различие мнений между супругами.

⁵ Robert H. McNeal, *Bride of the Revolution. Krupskaya and Lenin* (Ann Arbor, MI, 1972), 163-5. Слово «фантастический» - из кн. Крупской, *Воспоминания*, стр. 270, где можно найти и ее характеристику цели плана как коммерческой выгоды. Создается впечатление, что ленинское желание войти в ее специальность с целью получения выгоды не было Крупской совсем приятно.

⁶ Крупская, *Воспоминания*, стр. 204.

партийном секретариате, где она так долго трудилась в годы эмиграции, предпочитая скромное место в отделе народного образования Выборгского района при Временном правительстве. Февральская революция создала возможность легальной просветительской работы в рабочих низах, и Крупская ей очень обрадовалась. Если она и разделяла ленинское убеждение в срочной необходимости подталкивания революции к новому этапу, она ничем это показывала.¹ Создается впечатление, что в этот период Ленин и Крупская жили более разобщенно, как политически, так и физически, чем в любое другое время их долгого партнерства.

Подход Крупской к политике, несмотря на ее преданность и самоотверженность в качестве жены и помощницы в годы эмиграции, всегда отличался от ленинского. Она всегда более, чем он, интересовалась налаживанием связей с рабочими низами, придавала меньше значения фракционной борьбе и мелким идеологическим разногласиям, и иногда скептически относилась к ленинскому увлечению некоторыми революционными тактиками, особенно связанными с употреблением насилия.² При прибытии на Финляндский вокзал в апреле 1917 г., Крупская якобы ужаснулась радикализмом и непримиримостью ленинского выступления.³ В июньские дни, она не разделяла его восхищения воинствующей демонстрацией на улице, отмечая: «не будет мирной, а потому ее, может быть, не надо проводить».⁴ В октябре, Ленин не сообщил ей о своем сложившемся плане завоевания власти; и в роковой день Крупская пришла поздно с выборгской стороны в Смольный, и позже даже не могла вспомнить, встречалась ли она там с мужем или нет. Как комментирует американский биограф, она была только «рядовой зрительницей октябрьской революции, причем зрительницей с довольно плохим билетом».⁵

Ленин провозгласил лозунг «Вся власть советам» в апреле: и в книге *Государство и революция*, написанной в августе-сентябре, он систематически изучал труды К. Маркса о парижской коммуне 1870 г. в поисках сведений о том, что может произойти с государственным режимом после революции. Ясно, что он ничего общего не будет иметь с представительной парламентской системой, так как опыт Коммуны показал, что революционный рабочий класс «не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей».⁶ Вместо этого, на вершине системы будет стоять «непарламентная, а работающая корпорация, в одно и то же время и законодательствующая и исполняющая законы» – то есть, что-то вроде парижской коммуны, описанной Марксом, которую Ленин все больше отождествлял с советами,

¹ Крупская, *Воспоминания*, стр.292-4ю

² См. воспоминания Г.И. Петровского в кн. *Воспоминания о Надежде Константиновне Крупской* (1966). стр. 82, где он передает беседы в 1912 г., в которой Ленин увлекался идеей о полезности роли партизанских отрядов в «дезорганизации существующего порядка». Крупской, очевидно, казалось, что в реальной жизни такие затеи не очень уместны.

³ В его неопубликованных воспоминаниях, Г. Денике передает сообщение прогрессивного педагогического теориста и «межрайонца» А. Пинкевича, стоящего в толпе рядом с Крупской, что последняя при слушании речи бормотала «Ильич с ума сошел!». Цитированное по Robert H. McNeal, *Bride of the Revolution. Krupskaya and Lenin* (Ann Arbor, MI, 1972), 171.

⁴ *Революционное движение в России в мае-июне 1917 г.: июньская демонстрация* (Москва, 1959), стр. 486: выступление Крупской на зас. ЦК РСДРП (б) 6-го июня 1917 г. «О демонстрации военных». Каменев и Зиновьев тоже выступили против демонстрации, Ленин – решительно за.

⁵ McNeal, *Bride*, 182. Для сухого описания этих событий самой Крупской, см. Крупская, *Воспоминания*, стр. 313-14.

⁶ *Государство и революция* (1917), Ленин, *Пол.соб.соч.*, т. 33, стр. 37 (цитата из К.Маркс и Ф. Энгельс, *Манифест Коммунистической Партии*).

возникшими в России в 1905 и 1917 гг.¹ Благодаря счастливой «помехе» Октябрьской революции, Ленин не смог дописать последнюю главу своей книги, описывающей «Опыт русских революций 1905 и 1917 годов», и соответственно не успел серьезно теоретизировать роль советов. В конце октября большевики пришли к власти во время съезда советов и во имя советов (хотя на самом деле это оказалось партийной инициативой), и можно было бы вполне ожидать, что высшим правительственным органом новой власти станет Исполнительный Комитет, избранный съездом. Однако вместо этого, без какого-либо серьезного обсуждения вопроса в партийном Центральном Комитете, оказалось, что в качестве высшего органа революционного правительства будет выдвинут совершенно новый институт, Совет Народных Комиссаров (Совнарком), непризнанный аналог Совета Министров при царе, только выбранный ЦК партии большевиков, во главе с Лениным.²

Центральной заботой Ленина в первые годы после Октября, оказалось создание и налаживание функционирования этого нового совнаркомовского правительства.³ Для Ленина эта радикальная и фундаментальная перемена практической ориентации, от руководителя конспиративной партии к «премьер-министру» действующего правительства, означала огромный интеллектуальный сдвиг. В своей статье «Очередные задачи советской власти», написанной в марте-апреле 1918 г., главным приоритетом провозглашалась организация управления России, в том числе «введение наилучших систем учета и контроля», способствующих планомерному производству и распределению продуктов; завершению национализации банков; установлению монополии на внешнюю торговлю; сбору налогов; и борьбе с буржуазией.⁴ По сравнению с этими неотложными делами, и с еще более срочными военными и международными задачами дня, советская низовая демократия неизбежно отходила на задний план.⁵ Разумеется, в будущем будет необходимо сочетать диктаторские полномочия, необходимые новому режиму, с низовой демократией, но это была не самая первостепенная задача на тот момент. Пока большевики учились руководить страной, массы должны были продолжать новую традицию митингования, не как средство политической деятельности, а как культурно-воспитательную практику, полезную для их психологического благосостояния.⁶ В то же время с весны 1918 года Ленин стал высказываться на новую тему – у него появилась идея критического значения для новой

¹ Neil Harding, *Lenin's Political Thought*, vol. 2: *Theory and Practice in the Socialist Revolution* (New York, 1981), 118.

² Т.Н. Rigby, *Lenin's Government: Sovnarkom 1917-1922* (Cambridge, 1979), 4-6.

³ См. Rigby, *Lenin's Government*.

⁴ Ленин, «Очередные задачи советской власти», *Пол.соб.соч.*, т. 36, стр. 172-3.

⁵ В кн. *Государство и революция*, Ленин оптимистически написал, что учреждения типа Коммун (советов) смогут легко перенимать функции управления от буржуазной власти, избегая опасности бюрократизации путем введения принципов выборности, отзыва и оборота работников (Ленин, *Пол.соб.соч.*, т. 33, стр. 44, 115). Через несколько недель, еще до захвата власти, Ленин писал о советах, как о новой форме государственного аппарата, настаивая на том, что сознательные рабочие и солдаты – если пока нет несознательная часть масс трудящихся - вполне готовы взять задачи управления в свои руки (Ленин, «Удержать ли Большевики государственная власть?», 1(14) октября 1917 г.б в *Пол.соб.соч.*, т. 34, стр. 315. Весной 1918 г., четыре месяца после октября, он уже стал более осторожным: «Надо научить соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением - воле одного лица, советского руководителя, во время труда. («Очередные задачи», Ленин, *Пол.соб.соч.*, т. 36, стр. 202)

⁶ Ленин не без снисхождения отметил, что «митингование, это и есть настоящий демократизм трудящихся, их выпрямление, их пробуждение к новой жизни, их первые шаги на том поприще, которое они сами очистили от гадов (эксплуататоров, империалистов, помещиков, капиталистов) и которые они сами хотят научиться налаживать по своему...»

власти помощи «буржуазных специалистов», обладающих техническими знаниями, необходимыми для управления страны.¹

В то время как местные советы отмирали как институты народного самоуправления, новая правительственная структура включала их к себя в качестве органов исполнительной власти Совнаркома и центральных Народных Комиссариатов, с должностными лицами, работающими на полную ставку и специализированными отделами. Никто не одобрял процесса «бюрократизации» (хотя в отчаянные годы гражданской войны мало кто на это обращал внимание), но этому было трудно представить практическую альтернативу.² Героическое, хотя и безуспешное, сопротивление этому явлению оказывалось только одним институтом нового правительства: Народным Комиссариатом Просвещения РСФСР, который возражал против создания отделов народного образования при исполнительных комитетах советов, считая их «бюрократическими». Он старался установить альтернативную систему управления в этой области, а именно местные «советы народного образования», с выбранным и часто сменяющимся персоналом вместо назначенного, обладающими функциями исполнительных органов по делам народного образования. Самой яркой сторонницей идеи советов народного образования была заместитель Наркома Просвещения Н.К. Крупская.³

Наркомпрос быстро разработал грандиозный и идеалистичный план реформы народного образования, включавший в себя создание сети учреждений «политпросвета» (школ для взрослых) с целью научить грамотности и социалистическим ценностям и дать населению культурную базу для демократического участия в политике. В Наркомпросе, Крупская отвечала за образование взрослых, так называемое *политпросвет* (политическое просвещение).

Крупская рассматривала советы народного образования в качестве ключевого инструмента «организовать самодеятельность масс в деле народного образования»,⁴ т.е. создания школ для детей и взрослых на основе народной активности на местах. Выборы советов народного образования должны были производиться так, как выборы общих советов рабочих и крестьянских депутатов, только с прибавлением выборных представителей учительства и старших учащихся. Когда стало ясно, что Наркомпросу волей-неволей придется примириться с нежеланными отделами народного образования с назначенным составом, в соответствии с общей системой управления через отделы с двойным подчинением центральным наркоматам и местным советам, одобренным Совнаркомом, он неохотно согласился с новой формулировкой своих функций как «контрольно-совещательных» по отношению к отделам.⁵

¹ «Ленин, Очередные задачи», *Пол.соб.соч.*, т. 36, стр. 178-81.

² Об отмирании советов, как учреждений революции, и их «мобилизации» большевиками после октября, см. John L. Keep, *The Russian Revolution. A Study in Mass Mobilization* (London, 1976). Для пронизательного обсуждения не только центральных, но и местных факторов, ведущих неуклонно к «бюрократизации» советов путем создания квази-профессиональных кадров госслужащих, см. Marc Ferro, *Des soviets au communisme bureaucratique* (Paris: Editions Gallimard/Julliard, 1980).

³ Sheila Fitzpatrick, *The Commissariat of Enlightenment. Soviet Organization of Education and the Arts, October 1917-1921* (Cambridge, 1970), 27-28. Нарком А.В.Луначарский в 1918 г. взял самое радикальное положение против самого существования назначенных отделов народного образования; Крупская в то время готова была согласиться на существования отделов, при условии что они работали под наблюдением советов народного образования. Но он недолго занимался этим делом, тогда как Крупская осталась упорным и неустанным защитником этой идеи.

⁴ Крупская, «О советах народного образования» (1918) в ее *Пед.соч.*, т. 2, стр. 75.

⁵ См. Fitzpatrick, *Commissariat*, 28-29. Интересно, что родители, как таковые, не играли роли в советах народного образования. В первые годы советской власти, Наркомпрос – как и ЦК партии – относился

Хотя на практике советам народного образования не удалось прижиться на местах, постановление Совнаркома от июня 1918 г. (при председательстве Ленина¹) их подтвердило, а глава о просвещении (написанная Лениным²), включенная в Программу Партии 1919 г. рекомендовала их в качестве способа «привлечени[я] трудящегося население к активному участию в деле просвещения».³ Весной 1918 г. в ключевом выступлении, посвященном первоочередным политическим задачам, Ленин похвалил их отдельно, как образец народного участия в демократическом политическом процессе. Позже, как вспоминала Крупская, говоря о неформальных рабочих советах, возникших до октября при Выборгском отделе народного образования, он высказал мнение, что «вот по такому типу должна будет складываться работа нашего государственного аппарата, наших будущих министров – по типу комиссий из рабочих, работниц, стоящих в гуще жизни, знающих быт, условия работы, то что в данную минуту всего более волнует массы».⁴ Для Крупской советы народного образования долго оставались «коньком», о желательности поощрения которого она часто напоминала коллегам.⁵

Что касается Ленина, его поддержка идеи советов народного образования была не аномалией, а частью последовательной политики защиты наркомпросовских реформ в области народного образования. В очередных бюджетных дискуссиях Совнаркома он неустанно поддерживал предложения и просьбы наркомата по вопросам народного образования; писал наброски постановлений и инструкций Совнаркома и Политбюро; часто выступал на конференциях учителей; и отправлял десятки писем руководителям партии и правительства и местным аппаратчикам, настаивая на аккуратном выполнении этих постановлений, ища пути преодоления заторов, и защищая специалистов и работников народного образования, находящихся в очередной раз под угрозой. Наркомпрос впутывался в непрерывные столкновения с другими учреждениями партии и правительства, особенно по поводу общего (против профессионального) образования, классового отбора в школах, и отношения к «буржуазным специалистам» и профессорам. По таким вопросам, Наркомпрос мог твердо надеяться на ленинскую поддержку.⁶ Когда наркомат вступал в неравную борьбу с хозяйственниками (стремящимся к увеличению производства квалифицированных рабочих для промышленности), Комсомолом (ярким

осторожно к родителям и родительскими комитетами, считая их «буржуазными элементами», вредное влияние которых должно быть ограничено пролетарским государством.

¹ «Положение об организации дела народного образования в Российской Республике», 26 июня 1918 г., в Крупская, *Пед. соч.*, т. 2, стр. 696-7 (примеч.)

² Черновик находится в Ленин, *О воспитании и образовании*, т. 2, стр. 81-2.

³ *Программа Российской Коммунистической Партии (большевиков)*, принята VIII съездом 18-23 марта 1919 года (Москва, 1919).

⁴ Крупская, *Воспоминания*, стр. 322.

⁵ В письме о школе М.Н.Покровскому в июне 1920 г., она коротко отвлекалась от главной темы, «возвраща[ющаяся] к своему 'пункту' – советам народного образования. Это лучшее средство втянуть массы в вопросы строительства трудовой школы...» *Пед. соч.*, т. 10, стр. 47. В его книге *The Kremlin and the Schoolhouse. Reforming Education in Soviet Russia, 1917-1931* (Bloomington, IND, 1991), 30, Ларри Хольмс делает заметку об упорстве Крупской вплоть до конца 20-х годов в отстаивании ее педагогических идеалов, «неустанно поддерживая идею советов народного образования» (“tirelessly keeping alive the idea of educational soviets”).

⁶ Единственным исключением является дискуссия об общем образовании против профессионального, произошедшая в конце 1920 г., в которой Наркомпрос, и Крупская больше всего, настаивали на приоритете общего образования, даже при современных условиях острого недостатка квалифицированных рабочих и кадров. В неоглашенном наброске комментария в черновике выступления Крупской, Ленин уступал требованиям хозяйственников больше, чем Крупская. Но несходство из мнений его беспокоило, и он поставил отметку «Приват. Черяк. Не оглашать. Я еще раз и два обдумаю это». Ленин, «О политехническом образовании. Заметки на тезисы Надежды Константиновны», *Пол. соб. соч.*, т. 42, стр. 228-30.

сторонником классового подхода в культуре) или ЦК партии, Ленин неизменно был человеком, к которому руководители Наркомпроса обращались за помощью.¹

Это тем более заметно, так как Ленин был единственным человеком в партийной верхушке, оказавшимся надежным покровителем Наркомпроса. Л. Д. Троцкий испытывал интеллектуальный интерес к вопросам революционного преобразования культуры, но из этого не следовало его практического внимания к делам народного образования. Так, он немедленно отказался от предложения Ленина вступить в должность народного комиссара просвещения и заместителя Ленина в качестве предсовнаркома после отхода от руководства Красной Армией по окончании гражданской войны. Н.И. Бухарин являлся «левым» в вопросах культуры в 20-е годы и считал, что Луначарский слишком мягко относился к «буржуазному наступлению» в культуре.² Несмотря на то (или из-за того?), что его жена, З. И. Лилина, заведовала ленинградским отделом народного образования в 20-е годы, Г. Е. Зиновьев был склонен к критике линии московского руководства Наркомпроса.³ Что касается И. В. Сталина, он в 20-е годы не считал вопросы народного образования и культуры своим поприщем и не включался в дебаты по ним.

Из дискуссий в которых Наркомпрос играл ключевую роль, самые значительные в общепартийном масштабе происходили зимой 1920-21 гг., когда претензии Пролеткульта на автономию были грубо отвергнуты ЦК партии. Луначарский, более или менее добродушно относящийся к Пролеткульту, оказался в некоторой степени жертвой пролеткультовского скандала. Хотя Ленин, подозревая влияние старого соперника А. А. Богданова, теоретика пролетарской культуры, был инициатором акции против Пролеткульта, в последующих событиях, включая призывы к отставке Луначарского, играл роль миротворца; с его помощью последнему удалось сохранить должность.⁴ В то же время Ленин активно поддерживал Крупскую, заведовавшую внешкольным отделом Наркомпроса, в ее борьбе с Политическим управлением красной армии (ПУР) и ЦК партии по вопросам допустимой степени политизации школ для взрослых, и применимости командных методов управления характерных для гражданской войны, в мирное время.

Отклоняя критику о том, что Наркомпрос якобы перегибал палку в отношении общего образования, Крупская писала резко:⁵

Политпросветчики *никогда* не стояли на точке зрения «просветительства вообще». Напротив, все время перегиб был в сторону агитации. Даде грамоту, обучение грамоте превращали в агитболтовню. Это страшно мешало делу.

В первое время работу тесно увязывали с самодеятельностью масс, с пропагандой. Такую линию дала партия, с частности Владимир Ильич, придававший самодеятельности масс громадное значени, мечтавшей о широком развитии

¹ Для конкретных примеров ленинской поддержки Наркомпросу, см. Fitzpatrick, *Commissariat*: 72-5, 82, 196-200, 210-15, 221-6, and 248 (по вопросам политики в области народного образования) and 204, 248, 276, and 285 (по вопросам бюджета и персонала). После того как XX съезд советов, к глубоким разочарованиям Наркомпроса, ввел плату за школьное обучение в 1922 г., Крупская написала коллегу «жаль, что Ильич был болен, а то бы это постановление, вероятно, не прошло» (Крупская, письмо З. Г. Гринбургу, 9 января 1923 г., *Лед.соч.*, т. 11, стр. 224.)

² В дискуссиях в Политбюро о политпросвете в 1920 г., Бухарин поддержал отдел агитации и пропаганды ЦК против Наркомпроса (и Ленина): Fitzpatrick. *Commissariat*, 185. В 1919 г., в курсе полемики о театральной политике, Луначарский назвал его защитником «абсолютно примитивного коммунизма»: цит. по А.Гозенпуду, *Русский советский оперный театр (1917-1941)* (Ленинград, 1963), стр.26ю

³ О конфликтах между Луначарским и Наркомпросом в Москве и Зиновьевым и Лилиной в Ленинграде, см. Fitzpatrick, *Commissariat*, 46, 190, and 276.

⁴ Fitzpatrick, *Commissariat*, 200.

⁵ Письмо Н.К.Крупской тов. Чистову (1928) в «Письма Н.К.Крупской», *Советская педагогика*, 1960 №. 11, стр. 143-5. О дискуссиях о политпросвете 1920-21, см. Fitzpatrick, *Commissariat*, 243-55.

библиотечного дела, об охвате всего населения учебой, читками вслух. Дело начало разворачиваться широко, но Гражданская война заставила гораздо больше обращать внимание на агитацию, в частности на художественную агитацию. Когда Гражданская война стала подходить к концу, в политпросвет влились громадные кадры военных работников, перенесшие в политпросветработу все методы работы на фронте. Самодеятельность населения, все формы углубленной работы были сведены на нет.

По всей видимости, Ленин разделял ее взгляды. После переименования внешкольного отдела Наркомпроса Главполитпросветом в 1920 г., он выразил свою неприязнь по поводу термина «политпросвет», объясняя, что задачи Наркомпроса «помочь людям учиться и учить других», а не в том, чтобы подвергать идеологической обработке или проводить политическую агитацию.¹ Всякое стремление организовывать пропаганду в деревне будет напрасно:

до тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, губельно для коммунизма.²

Такое мнение, связанное с общим беспокойством насчет практического функционирования советской власти, было характерно для «позднего Ленина», открытого западными историками в 60-е годы, после появления на свет 5-го издания *Полного собрания сочинений Ленина*.³ Фокус на позднем Ленине, с характерным для него неодобрением элементов бюрократизма и олигархии, появившихся в пролетарской диктатуре, создало альтернативную историографическую версию, предложенной раньше Л. Шапиро и Р. Пайпсом. Под знаменем десталинизации, некоторые советские историки тоже приветствовали открытие «позднего Ленина», хотя для них главным пунктом оказалось твердая уверенность Ленина в необходимости «культурной революции» как средства преодоления наследства отсталости в России.⁴

Ленин откровенно признал, что его приоритеты изменялись.

Теперь, мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Это коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т.д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переноситься на мирную «культурную» работу.

Во внутренней, в противовес внешней политике, «я готов сказать, что центр тяжести работы сводится к ‘культурничеству’».⁵

После установления пролетарской диктатуры,

¹ Ленин, «Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования», 3 ноября 1920 г., *Пол.соб.соч.*, т. 41, стр. 398.

² Ленин, «Странички из дневника» (1923), *Пол.соб.соч.*, т. 45, стр. 367.

³ См. напр., Moshe Lewin, *Lenin's Last Struggle* (New York, 1968). Для более современной версии, см. Slavoj Žižek, ed., *Lenin 2017. Remembering, Repeating, and Working Through* (London, 2017).

⁴ См., напр., кн. В.Т.Ермакова, *Исторический опыт культурной революции в СССР* (Москва, 1968). На западе, Carmen Claudin-Urondo подключил на тему в ее кн. *Lénine et la révolution culturelle* (Paris, 1974).

⁵ Ленин, «О кооперации» (1923), *Пол.соб.соч.*, т. 45, стр. 376.

осталось «только» одно: сделать наше население .. «цивилизованным»... Для того, чтобы совершить это «только», нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы... Это будет особая историческая эпоха, и без этой исторической эпохи, без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книгами, и без материальной основы для этого...без этого нам своей цели [социализма] не достигнуть.¹

Хотя Ленин и охарактеризовал это, как «коренную перемену», это не должно пониматься как извинение за его приоритеты в прошлом. Что плохого в том, спросил он после чтения критического анализа октябрьской революции Н. Сухановым, чтобы сначала сосредоточить силы на политической задаче завоевания власти и, после успехов в выполнении первой задачи, переключиться на вторую, культурную задачу просвещения народа?² Во всяком случае, теоретический и практический подход Ленина (если не правительства, во главе которого он стоял) к вопросам народного образования существенно не изменился в период 1918-23 гг. Заметки о народном образовании, написанные им во время болезни в январе 1923 г, в их поддержке более щедрого финансирования предприятий Наркомпроса и поощрении его усилий в сфере грамотности и других аспектов народного образования, мало чем отличались от целого ряда его статей, написанных в течении последних 5 лет – кроме, пожалуй, его мысли о том, что улучшение экономического положения теперь позволяло повысить ставки учителям, а также его бескомпромиссного заключения о том, что деньги, нужные Наркомпросу, необходимо будет взять из бюджетов других секторов.

Лейтмотивом последних трудов Ленина стала «борьба в бюрократизмом» с особым упором, с одной стороны, на создание институтов рабочего контроля и, с другой, на преодоление «комчванства», мешающего партийным ответработникам как следует использовать услуги «буржуазных специалистов».³ В предписания позднего Ленина не входило оживление советов. Уже в ранние 20-е годы всем стало ясно, что советы не оправдывали себя в качестве инструментов демократической самодеятельности на местах,⁴ а введение НЭПа не сопровождалось попытками их оживлять. Правда, Ленин посоветовал партийному товарищу Г. Мясникову, недовольному ограничением свободы печати и другими злоупотреблениями, не впадать в панику, подобно буржуазной интеллигенции, а погрузиться «в черную работу, медленную, трудную, тяжелую», необходимую для осуществления огромных практических задач строительства социализма на местах. «Оживление советов» - было другим предметом упрека Мясникова, и Ленин посоветовал ему поднять вопрос в соответствующих инстанциях. Но сам Ленин этого не делал, и пока он был жив, политика оживления советов не оказывалась на политической повестке дня.⁵

¹ Ленин, «О кооперации» (1923), *Пол.соб.соч.*, т. 45, стр. 372.

² Ленин, «О нашей революции (по поводу записок Н.Суханова)», *Пол.соб.соч.*, т. 45, стр. 380-1.

³ См. Lewin, *Lenin's Last Struggle*, 119-21 (о рабочей контроле) и Sheila Fitzpatrick, *The Cultural Front* (Ithaca NY, 1994), 6 (о буржуазных специалистах).

⁴ E.H.Carr, *Socialism in One Country 1924-1926* (London: Macmillan, 1959), vol. 2, 304-9.

⁵ После смерти Ленина, Зиновьев осенью 1924 г. спустил лозунг «Лицо к деревне», с целью оживления сельских советов. Его инициатива вполне поддержалась Крупской (которая вскоре присоединилась к фракции Зиновьева в внутрипартийной борьбе), но она, как и политическая статья Зиновьева, не процветала.

Наверно не случайно, что в последние годы жизни Ленина, период «позднего Ленина», он стал близок к супруге – не только физически, но и политически и интеллектуально – больше, чем за все время после возвращения в Россию в 1917 г. В результате сильного инсульта в мае 1922 г., Крупская стала и няней и «неофициальным политическим помощником ... точно такой ролью, которую она уступила в апреле 1917 г.»¹ Именно в этой роли она резко столкнулась со Сталиным. Выступая в ее защиту, Ленин запустил цепочку событий, которая привела к известному постскриптому к «Письму к съезду» (часто цитируемому под названием «Завещания»), в котором он обвинил Сталина в «грубости» и сомневался в том, что последний обладал личными качествами, соответствующими секретарю ЦК партии. Подозрение и неприязнь друг к другу засели в душах у обоих, и в борьбе за власть после смерти Ленина, Крупская стала активным членом зиновьевской оппозиции.²

Крупская больше всего раздражала Сталина, и представлялась ему угрозой, своим глубоким убеждением о том, что она лучше всех понимала и могла толковать для других ленинские мысли и политическое наследство. В своих беседах, докладах и статьях, она неустанно подчеркивала высокое значение, которое Ленин придавал делу народного образования и поднятию культурного уровня народа, особенно по отношению к школе и грамотности; его защиту Наркомпроса в финансовых вопросах; его поддержку общего образования (вместо узкотехнического обучения); и его неодобрение «агитпроповских» приемов в культурной работе в деревне.

Такие же суждения пестрили в заключительных главах воспоминаний Крупской о Ленине, написанных главным образом в 1930-е годы, под довольно сильным политическим давлением, в которых сухой официальный пересказ политических событий, как будто написанный комитетом и не живой личностью, иногда нарушается более аутентичными отдельными абзацами, в которых она, видимо, старается передать читателю истинный (в ее понятии) образ Ленина. Чаще всего, эти абзацы касаются народного образования – и в широком плане, приучению к участию в демократии с низу. Крупская делала упор на то, что ценности народной инициативы и «самодеятельности масс» - не менее дороги Ленину, чем ей. В их личных беседах, писала она, ему всегда хотелось больше слышать о ее конкретном опыте работы в деле просвещения низов, о разных проявлениях народной инициативы и народного изобретательства, с которыми она встречалась. По рассказам Крупской, он интересовался не только делами народного образования, но и их значением в деле создания демократических начал в системе советского государства.

Потому что Владимиру Ильичу казалось, что я понимаю, как втягивать массы в дело государственного управления, он особенно охотно и часто разговаривал со мной на эти темы; особенно ругал мне потом «паршивый» бюрократизм, лезущий во все щели.

Ленин был настолько убежден в ее компетентности в области управления, что он «неожиданно» поставил ее членом комиссии Совнаркома о единоначалии, поучая ее, что

¹ Robert Service, *Lenin. A Biography* (Cambridge, Mass, 2000), 463 (“his unofficial political assistant..., a role she had given up in April 1917”).

² О длительном конфликте Крупской со Сталиным, см. В.А.Куманев и И.С.Куликова, *Противостояние: Крупская-Сталин* (Москва, 1994). Публичный дебют оппозиции произошел в октябре 1925 г., когда Крупская вместе с Зиновьевым, Каменевым и Г. Сокольниковым подписала письмо с критикой политики партии к деревне. Ее отход от оппозиции был объявлен Сталиным в своих заключительных словах на XV конференции ВКП(б) в ноябре 1926 г., но ее публичное утверждение отхода последовало только в 1927 г., в письме опубликованном в газ. *Правда* за 20-е мая.

надо смотреть, чтобы единоначалие никоим образом не ... ослабляло связи с массами, надо сочетать единоначалие с умением работать с массой. Ильич старался использовать опыт каждого для построения государства нового типа. Перед Советской властью, во главе которой встал теперь Ильич, стояла задача – построить невиданный еще в мире государственный аппарат, опирающийся на самые широкие массы трудящихся, по-новому, по-социалистически перестраивающий всю общественную ткань, все человеческие отношения.¹

Крупская смотрела на Ленина через призму своих убеждений и понимания приоритетов, центральным местом в которых занимали народное образование и самодеятельность населения. В своей интерпретации Ленина, она преувеличивала именно те аспекты его мышления и практической деятельности, которые ей были более симпатичны, оставляя в стороне другие аспекты, которые для нее были менее приятны и актуальны.² Мне собственно кажется малоубедительным, что Ленин мог так беззаботно, как Крупская, отмахнуться от опасности того, что массы, оставленные без присмотра партии, «не выберут кого надо, попов туда посадят».³ Тем не менее, трудно совсем отказаться от версии Ленина, предложенной Крупской. Во-первых, она знала его лучше, чем любой другой человек. Во-вторых, тщательно изученные исторические источники, во многом подтверждают ее утверждения. Степень внимания Ленина к вопросам народного образования, выраженная в его текстах и действиях, менялась со временем. До 1910 г. его интерес был небольшим, поскольку он тогда связывал их с народничеством и буржуазным культурничеством, отвлекающими от революционного движения. В период 1910-17 гг., вероятно в результате разочарования от крушения революционных надежд, а также в связи с повышенным интересом Крупской к педагогической теории, он стал больше обращать внимание на такие вопросы. Во главе советского правительства после октября, он настаивал на важности и приоритете просвещения населения и последовательно поддерживал Наркомпрос и дело народного образования. Во время последней болезни, в результате нахождения рядом и в постоянном контакте с Крупской, идеи «культурной революции» в низах и опасности «бюрократизма» в советском управлении вышли у Ленина на переднее место. Имея все это в виду, можно заключить, что такие интересы являлись постоянной и фундаментальной частью – в зависимости от обстоятельств, то большей, то меньшей по размеру - его подхода к революции и ее целям.

Такое заключение уместно в любой дискуссии о демократическом потенциале октябрьской революции, а также в любом толковании политического мышления Ленина. Если Крупская была лишь наполовину права об отношении Ленина к вопросу народного просвещения и низовой демократии, это потребует известной поправки ныне модного взгляда о нем, как о циничном захватчике власти, человеку без стеснения и почти без идеалов. В разгаре революции Ленин, пожалуй, мало обращал внимания на самодеятельность на местах и низовую демократию, но это изменилось, как только шумиха улеглась, и Ленин мог снова размышлять о том, как должно функционировать на практике социалистическое управление. Несомненно, можно утверждать, что советы и их демократический потенциал всегда меньше занимали Ленина, чем Крупскую. Также можно оценить его аргументы по этой теме как неубедительные, а его практические рекомендации как неадекватные. Тем не менее, в общей сложности, кажется, что низовая

¹ Крупская, *Воспоминания*, 321-2.

² Например, институт единоначалия, который Ленин высоко оценивал по соображениям, чуждым образу мышления Крупской о деловитости.

³ см. цитату вверх, стр. 2.

демократия и самодеятельность действительно являлись частью, хотя и нередко второстепенной, ленинского понятия о социализме.

IV. Человек эпохи Гражданской войны

Андрей Владиславович Ганин

Командармы-изменники: Коллективный портрет представителей высшего командного состава РККА, изменивших Советской власти в период Гражданской войны в России, 1917-1922 гг.

Создание Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА) было бы невозможным без привлечения в ее ряды десятков тысяч бывших офицеров, получивших наименование военных специалистов. Их служба в РККА складывалась не всегда просто и проходила под знаком недоверия со стороны красноармейцев и комиссаров¹. Новая власть использовала знания и опыт этих людей, воспринимавшихся как классово чуждые. Позднее от основной массы «бывших» по существу избавились, заменив старые кадры, новыми, полностью лояльными большевикам.

Очевидно, что среди военспецов далеко не все были готовы идти с не доверявшими им большевиками до конца. Не только большевики негативно воспринимали бывших офицеров, но и наоборот. Многие бывшие офицеры считали большевиков предателями и инородцами, пришедшими к власти на немецкие деньги, стремившимися уничтожить национальную Россию. Воспринимали их как антигосударственную силу, которая попраля законность, подавляла православную веру, истребляла целые слои населения, ввергла страну в братоубийственную Гражданскую войну и была неспособна навести порядок.

В Красную армию офицеры попадали по разным причинам. Среди них было и патриотическое стремление защищать страну от немцев, и попытка удержать под своим контролем органы военного управления, не допустив в них большевиков, намерения организовать подпольную борьбу с большевиками, и, наконец, элементарное отсутствие средств к существованию.

Разумеется, те, кто оказался в рядах красных не по своей воле, были первыми кандидатами на измену. Масштабы измен поражают воображение. Еще в 1920-е гг. бывший советский главком С.С. Каменев отметил: «В этой же теме (командного состава Красной армии. – А.Г.) не обойтись и без освещения печальных страниц истории предательства и перебежек части командного состава из строевого офицерства. Эти страницы истории замалчивать нельзя, так как случаи были далеко не единичные и по своим последствиям очень болезненные для Красной армии. На этом фоне предательства представители другой части старого офицерства, честно выполнявшего свою работу и оправдавшего доверие рабочих и крестьян, будут ярче отмечены как активные участники революции»².

Об офицерах-изменниках, предательство которых обошлось Советской России тысячами жизней, неоднократно говорил советский вождь В.И. Ленин³. Об изменах военспецов многократно упоминал и вождь Красной армии Л.Д. Троцкий, причем в

¹ Подробнее см.: Ганин А.В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016.

² Каменев С. Предисловие // Гражданская война 1918-1921. М., 1928. Т. 2. Военное искусство Красной армии. С. 25.

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1974. Т. 40. С. 182, 218.

одном из выступлений конца 1919 г. дал краткий анализ этого явления: «У нас оказалось немало предателей и изменников, немало случаев перехода бывших офицеров в лагерь врага... Приливы и отливы были в этом процессе и у нас, происходил сложный естественный и искусственный отбор, в котором играло роль много факторов, а, прежде всего, самый ход военных операций, наши неудачи и удачи, наше международное положение»¹.

Политработники 3-й армии Восточного фронта осенью 1918 г. жаловались в ЦК: «У нас нет ни одной дивизии, в которой не было бы случаев измены»². Командующий советским Южным фронтом А.И. Егоров отмечал, что «наряду с многочисленной группой честно решивших работать в рядах новой революционной армии, связавших свою судьбу с пролетариатом, находилось немалое количество колеблющихся, случайно или под давлением различного рода обстоятельств попавших в армию, стремившихся при первом удобном случае изменить и перейти на сторону белых или же проводивших свою изменническую работу тайно, продолжая оставаться в рядах Красной армии»³.

Увы, призыв Каменева не замалчивать эти сюжеты услышан не был. К тому же у советских исследователей практически не было условий для разработки столь сложной темы, да и изучение деятельности предателей представлялось неперспективным. В постсоветское время конъюнктура вновь переменилась, что привело к практически полному прекращению изучения истории Красной армии периода Гражданской войны. Как следствие, исчезли целые научные школы, а некоторые новые работы по этой тематике носят вторичный, компилятивный характер, основаны на заимствованиях, выдаваемых за собственные архивные изыскания и содержат недостоверные сведения⁴.

До сих пор не существует ни одного специального исследования об офицерах-перебежчиках⁵. Однако проблема лояльности командных кадров в Гражданской войне серьезна, масштабна и интересна. Ведь, по всей видимости, речь идет о тысячах, если не о десятках тысяч офицеров, перебежавших из одного лагеря в другой или бежавших за границу. Таким образом, речь идет о явлении, которое, возможно, меняет некоторые базовые представления о Гражданской войне – например, стереотип незыблемости противоборствующих лагерей.

В поле нашего зрения наиболее высокопоставленная группа изменников, предательство которых было наиболее опасным для Красной армии. Речь идет о тех, кто изменил красным в Гражданскую войну, имея в своем послужном списке статус командующих армиями или выше и располагая реальной вооруженной силой⁶.

Прежде всего, необходимо определиться с кругом таких лиц. Военный историк А.Г. Кавтарадзе писал, что из 100 командующих армиями военными специалистами были 82

¹ Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 2: Кн. 2. Тысяча девятьсот двадцатый год. М., 1924. С. 8-9.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 7. Л. 3.

³ Егоров А.И. Разгром Деникина. 1919 г. // Гражданская война в России: Разгром Деникина. М., 2003. С. 82.

⁴ См., напр.: Игнатов В.Д. Дезертиры в истории России и СССР. М., 2018.

⁵ О генштабистах см.: Ганин А.В. Проблема переходов «лиц Генерального штаба» РККА на сторону противника в годы Гражданской войны // 1918 год в судьбах России и мира: развертывание ширококомасштабной Гражданской войны и международной интервенции. Сб. материалов международной научной конференции. Архангельск, 2008. С. 160-171; Он же. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 209-253. Об изменах летчиков см.: Хайрулин М. Летим на юг! Черный список красного воздушного флота // Родина. 2011. № 2. С. 84-89.

⁶ Такие люди были и среди тех, кто бежал от большевиков позднее. Можно отметить бежавшего в Польшу в 1925 г. бывшего помощника командующего Восточным фронтом И.Л. Дзевалтовского, имевшего чин штабс-капитана в старой армии. Подробнее о первых невозвращенцах см.: Генис В.Л. Неверные слуги режима: первые советские невозвращенцы (1920-1933). М., 2009. Кн. 1; М., 2012. Кн. 2.

человека, в том числе 62 бывших кадровых офицера, 17 членов РКП(б). Изменили Советской власти 5 человек, в том числе 3 бывших кадровых офицера (Б.П. Богословский, Н.Д. Всеволодов, Ф.Е. Махин) и 2 бывших офицера военного времени (И.Л. Сорокин и А.И. Харченко)¹. Кавтарадзе составил поименный список военспецов-командармов², а также тех, кто, командуя армиями, военспецами не являлся³. Сейчас очевидно, что списки эти неполны, равно как неполон и список изменников-командармов.

О некоторых командармах почти нет сведений (в особенности это касается тех, кто командовал «армиями» до возникновения регулярных армейских структур летом 1918 г.). Например, о бывшем прапорщике А.И. Ремневе, командовавшем в первой половине 1918 г. несколькими советскими армиями. Однако есть и другие примеры из более позднего периода. Неизвестна судьба командовавшего 2-й армией Восточного фронта партийного военспеца В.Н. Блохина (удалось установить, что в августе 1918 г. он был арестован М.С. Кедровым, причем допускалась возможность его расстрела за ложные успокоительные сведения⁴). Мало, что известно о первом командующем 4-й армией Восточного фронта. В многочисленных документальных сборниках, справочниках и исследованиях отмечается, что это А.А. Ржевский, служба которого в старой армии неизвестна, но вполне возможно на самом деле армией командовал выпускник Николаевской академии Генерального штаба бывший полковник П.В. Ржевский. Отрывочны биографические сведения и в отношении одного из крупнейших советских военных деятелей – командующего Южным фронтом, а также 5-й и 15-й армиями бывшего полковника П.А. Славена.

Не все однозначно и со списком командармов, изменивших Советской власти. Их перечень, составленный в советское время А.Г. Кавтарадзе, нуждается в корректировке. Например, по итогам исследований последнего времени главнокомандующий Красной армией Северного Кавказа И.Л. Сорокин представляется не изменником, а скорее жертвой самосуда⁵. С деятельностью Сорокина связан и расстрел в октябре 1918 г. командующего Таманской армией И.И. Матвеева за отказ выполнить приказ. Однако Матвеева также трудно отнести к изменникам⁶. Не всегда лояльным по отношению к Советской власти было поведение Ф.К. Миронова, но поскольку ему было выражено доверие, оставим его случай за рамками нашего анализа. Тем более, что деятельности Миронова посвящена обширная литература. Поскольку А.Г. Кавтарадзе писал только о военспецах, вне его внимания остались те высокопоставленные изменники, которые не являлись бывшими офицерами. К таковым относился, в частности, В.В. Яковлев (К.А. Мячин).

Существуют некоторые основания подозревать в измене командующего группой армий Южного фронта бывшего генерал-лейтенанта В.И. Селивачева, хотя прямых доказательств изменнических действий не обнаружено⁷. Рассуждая о командармах-изменниках, трудно обойти вниманием яркую личность генерала А.Л. Носовича, который формально должность командующего армией не занимал, но фактически обладал такого рода полномочиями и руководил действиями больших групп войск. Изменил большевикам, но уже не на должности командарма, бывший генерал-майор Н.А. Жданов.

¹ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917-1920 гг. М., 1988. С. 208.

² Там же. С. 259-262.

³ Там же. С. 217-218.

⁴ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 20. Л. 58, 61; Ф. 3. Оп. 1. Д. 92. Л. 2.

⁵ Карпов Н.Д. Мятаж главкома Сорокина. М., 2006. С. 364, 371; Лобанов В., Пученков А. «Авантюра» Ивана Сорокина // Родина. 2011. № 2. С. 65.

⁶ Карпов Н.Д. Мятаж главкома Сорокина. С. 319.

⁷ Подробнее о нем см.: Ганин А.В. Последние дни генерала Селивачева: Известные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012.

Присутствовала измена и на более высоком уровне. Советскими фронтами, по подсчетам А.Г. Кавтарадзе, командовали 20 человек, в том числе 17 военспецов¹. Пожалуй, самым высокопоставленным изменником за всю Гражданскую войну в лагере красных оказался главнокомандующий Южным, а затем Восточным советским фронтом, бывший подполковник М.А. Муравьев. Сюда же попадает и упомянутый выше П.А. Славен, командовавший Южным фронтом, но впоследствии изменивший красным.

Таким образом, в поле нашего зрения фигуры восьми наиболее высокопоставленных изменников, командовавших войсками Красной армии на уровне армий и фронтов: Б.П. Богословского, Н.Д. Всеволодова, Н.А. Жданова, Ф.Е. Махина, М.А. Муравьева, П.А. Славена, А.И. Харченко и В.В. Яковлева.

В советской историографии об этих людях или не упоминали вовсе, или же приписывали их действиям, даже задолго до измены, вредительский характер, а созидательная работа изменников игнорировалась или выдавались за умелую маскировку². В этой логике череда назначений М.А. Муравьевым летом 1918 г. на ответственные посты будущих изменников (Махина, Харченко, Яковлева) трактовалась как назначения ставленников и сообщников – таких же будущих предателей, а его же приказы о снятии Харченко и Яковлева с тех же постов оставались без комментария. Советский историк П.Г. Софинов изобразил М.А. Муравьева ставленником Л.Д. Троцкого, который также вел вредительскую работу³. На этом Софинов не остановился, отметив, что назначение Муравьева соответствовало замыслам левых эсеров и подпольного «Союза защиты Родины и свободы», а мятеж Муравьев должен был готовить по поручению ЦК партии левых эсеров, причем в подобных оценках Софинов был не одинок⁴. Разумеется, эти утверждения ничем не подкреплялись. О том, что логика такого изложения делала проводником замыслов антибольшевистского подполья уже и Троцкого автор, видимо, не задумывался. На самом деле реальность была совершенно иной и значительно сложнее⁵. Очевидным искажением истины являлся и эпитет в адрес командармов-изменников, высказанный на излете советской эпохи – «бездари и бездельники»⁶.

Что касается постсоветского периода, то история создания Красной армии после 1991 г. и вовсе оказалась на периферии исследовательского интереса, что приводило и приводит к тиражированию разного рода домыслов о высокопоставленных изменниках⁷.

Попробуем составить коллективный портрет этих людей, попытаюсь установить мотивы их измен и сделать обобщающие наблюдения.

Дореволюционное прошлое изменников

Все они, кроме профессионального революционера В.В. Яковлева, были военными специалистами. Первые четверо имели высшее военное образование, будучи выпускниками Николаевской военной академии, то есть принадлежали к наиболее

¹ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты. С. 207.

² Например, в таком ключе о М.А. Муравьеве и В.В. Яковлеве писал А.П. Ненароков в своей основательной монографии о Восточном фронте (Ненароков А.П. Восточный фронт 1918. М., 1969. С. 54, 97-102).

³ Софинов П.Г. Очерки истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917-1922 гг.). М., 1960. С. 78-79.

⁴ См., напр.: Ненароков А.П. Восточный фронт. С. 97; Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965. С. 32.

⁵ Отметим, что левые эсеры открестились от каких-либо связей с действиями М.А. Муравьева (Партия левых социалистов-революционеров. Док. и мат. 1917-1925 гг. М., 2015. Т. 2. Ч. 2. С. 94-95, 188, 196-197, 209-210, 296-297, 353), а ранее Муравьев открестился от связи с восстанием левых эсеров в Москве (Там же. С. 142-146).

⁶ Реввоенсовет Республики (6 сент. 1918 г. – 28 авг. 1923 г.). М., 1991. С. 211.

⁷ См., напр.: Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000. С. 61-62; Кантор Ю.З. Война и мир Михаила Тухачевского. М., 2005. С. 124.

интеллектуальной части офицерской корпорации. Все, кроме Харченко и Яковлева, относились к кадровым офицерам.

Борис Петрович Богословский родился в 1883 г. в Орловской губернии, в семье врача, надворного советника, личного почетного гражданина Калужской губернии. Окончил кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище в 1903 г. и Императорскую Николаевскую военную академию в 1912 г. Участвовал в Первой мировой войне, награжден Георгиевским оружием, в старой армии дослужился до подполковника.

Николай Дмитриевич Всеволодов родился в 1879 г., происходил из дворян Санкт-Петербургской губернии, окончил кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1898), Николаевскую академию Генерального штаба в 1905 г., а также годичный курс Офицерской кавалерийской школы (1906). В годы Первой мировой войны служил в различных штабах, сопровождал императора Николая II в поездках на фронт. Последний чин в старой армии – полковник, хотя многие однокашники Всеволодова встретили начало Гражданской войны уже в генеральских чинах. Вполне вероятно, это отставание связано с некоторыми проблемами по службе, которые возникли у офицера. Так, и.д. начальника Генерального штаба генерал-лейтенант П.И. Аверьянов 7 января 1917 г. отметил: «Последнее время служебные недочеты у полковника Всеволодова приняли такие размеры, что я нашел возможным оставление сего штаб-офицера в Генеральном штабе лишь при условии, если своею службою в действующей армии, он сможет реабилитировать себя в служебном отношении и этим доказать возможность продолжать службу в корпусе Генерального штаба»¹. Оказывается, Всеволодов ушел в отпуск, из которого вовремя не явился, сказавшись больным. Никаких оправдательных документов не представил, а от медицинской комиссии скрывался. За подобное поведение в военное время он был отчислен в резерв чинов². В том же году Всеволодова медицинская комиссия признала негодным к военной службе³.

Николай Александрович Жданов родился в 1867 г. в городе Изяславе Волынской губернии в семье потомственного дворянина Тульской губернии. Окончил кадетский корпус, 3-е военное Александровское училище по 1-му разряду (1889), два класса Николаевской академии Генерального штаба по 1-му разряду и дополнительный курс «успешно» (1903). В старой армии дослужился до генерал-майора. Участвовал в Первой мировой войне, награжден орденом Св. Георгия 4-й ст., Георгиевским оружием и даже солдатским Георгиевским крестом 4-й ст. в 1917 г. В феврале 1918 г. Жданов попал в плен⁴.

Федор Евдокимович Махин родился в 1882 г. в Иркутске в семье ветерана туркестанских походов и русско-турецкой войны 1877-1878 гг., кавалера полного банта знака отличия Военного ордена урядника Оренбургского казачьего войска Е.В. Махина, разжалованного и сосланного на бессрочную каторгу за оскорбление офицера, совершенное в нетрезвом состоянии в декабре 1879 г.⁵ Семья Махиных была старообрядческой. Детство Махин провел в Сибири. После амнистии отца в 1895 г. возвратился с семьей в станицу Буранную, где родители жили до ссылки. Отец вскоре занял должность почетного станичного судьи. В 1898 г. он был полностью восстановлен в

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1263. Л. 92.

² Там же. Л. 92об.-93.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 269. Подробнее о Н.Д. Всеволодове см.: Измена командарма Н.Д. Всеволодова / публ. А.В. Ганина // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 72-93; № 5. С. 71-91.

⁴ Подробнее см.: Ганин А.В. Измена командарма Жданова // Кавказский сборник (Москва). 2014. Т. 8 (40). С. 114-170.

⁵ Махров П. Памяти Ф.Е. Махина // Русские новости (Париж). 1945. № 16. 31.08. С. 6; Кобзов В., Кузнецов В. Зигзаги судьбы казаков Махиных // Гостиный двор (Оренбург). 2000. № 9. С. 98-99; Серков А.И. Русское масонство 1731-2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 530.

правах, возвращены награды. Ф.Е. Махин окончил Оренбургское казачье юнкерское училище по 1-му разряду (1904) и Императорскую Николаевскую военную академию (1913). Махин принимал участие в подавлении революционных беспорядков в Поволжье. Возможно, именно этот опыт повлиял на формирование у него социалистических убеждений. Участвовал в Первой мировой войне. Проявил себя как талантливый штабной офицер. Службу в старой армии закончил подполковником¹.

Михаил Артемьевич Муравьев родился в 1880 г. в бедной крестьянской семье Костромской губернии. Учился в Костромской учительской семинарии и Казанском пехотном юнкерском училище. Участвовал в Русско-японской войне, был ранен, имел боевые награды. Несколько лет по состоянию здоровья прожил за границей, в основном, во Франции, где посещал французскую военную академию и попал под влияние культа Наполеона. Участвовал в Первой мировой войне, был ранен, дослужился до подполковника. Немаловажно, что еще в старой армии у Муравьева было зафиксировано расстройство нервной системы, что влияло и на его поступки. Карьерный взлет Муравьева пришелся на 1917 г., когда этого офицера заметили сначала деятели Временного правительства, а затем и лидеры большевиков².

Петр Антонович Славен родился в 1874 г. в Лифляндской губернии, окончил Казанское пехотное юнкерское училище. Участвовал в Первой мировой войне, проявив себя храбрым офицером. Славен был награжден Георгиевским оружием. В старой армии дослужился до полковника.

Александр Игнатьевич Харченко был произведен в прапорщики за боевые отличия в ноябре 1914 г. (производство Высочайше утверждено в марте 1915 г.). Последним его чином в старой армии был чин поручика. Год рождения и происхождение Харченко пока не установлены.

Василий Васильевич Яковлев (настоящие имя, отчество и фамилия – Константин Алексеевич Мячин) родился в 1886 г. в крестьянской семье Оренбургской губернии. Он был служащим, но в годы Первой русской революции принял участие в создании отрядов боевиков, участвовал в «эксах» на территории Башкирии, затем в 1908 г. уехал из России. Жил в Бельгии, Германии, Италии, Швейцарии. Работал электриком. Вернулся в Россию в 1917 г. Активно участвовал в революционных событиях в Петрограде, даже стал комиссаром центральной телеграфной станции и помощником председателя ВЧК³.

Политические убеждения

Известны политические взгляды только части изменников.

Б.П. Богословский служил преподавателем Военной академии и был, как и другие преподаватели, настроен резко антибольшевистски, о чем детально известно из воспоминаний его коллеги по академии генерала М.А. Иностранцева⁴. В Красной армии

¹ Подробнее о Ф.Е. Махине: *Ганин А.В.* «Свой среди чужих и чужой среди своих»: полковник Федор Махин // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожakov русской смуты. Сб. статей и материалов. М., 2014. С. 16-59.

² Подробнее о М.А. Муравьеве см.: *Беленкин Б.И.* Авантюристы великой Смуты. Россия, XX век: Революция. Гражданская война. 20-е годы. М., 2001. С. 260-287; *Савченко В.А.* Авантюристы гражданской войны: Историческое расследование. М., 2000. С. 44-64; *Гриневиц В.А., Гриневиц Л.В.* Слідча справа М.А. Муравйова: документована історія. Київ, 2001; *Swain G.* Russia's Garibaldi: The Revolutionary Life of Mikhail Artemevich Muraviev // *Revolutionary Russia*. 1998. Vol. 11. № 2. December. P. 54-81

³ Подробнее о В.В. Яковлеве см.: *Авдонин А.Н.* В жерновах революции. Екатеринбург, 1995; *Сизов С.Г.* Беглый комиссар В. Яковлев (Мячин) и его «исповедь» в омской газете «Правительственный вестник» (ноябрь 1918 года) // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2017. № 2. С. 18-20.

⁴ *Иностранцев М.А.* Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма. Под ред. А.В. Ганина. М., 2017. С. 592-595.

он служить не хотел, а о своей преподавательской службе фактически в той же Красной армии рассуждал следующим образом: «Я считаю, ...что готовить невежественных недоучек для их армии и притом лишь для спасения академии это — одно дело, может быть, даже и полезное для их гибели, а самому служить в их штабе, да еще в штабе армии, и руководить их действиями против тех, кому я сочувствую всеми силами, это — совершенно другое»¹.

Н.Д. Всеволодов также был носителем офицерской психологии и противником большевиков, тем более отношения с новой властью у него не складывались. Не чужд он был и антисемитизма. В 1918 г., после освобождения из-под ареста, он пытался пробраться на Дон, но это у него не получилось. Насколько можно судить, служить в РККА он не стремился.

Оснований любить большевиков у Н.А. Жданова тоже не было. В результате революции он остался без средств – его имущество оказалось разграблено, процентные бумаги аннулированы², кроме того был расстрелян брат жены Жданова, захваченный в Ставке генерала Н.Н. Духонина осенью 1917 г.³ Впрочем, все это не помешало ему добровольно поступить на службу в РККА (возможно, в силу обстоятельств).

Ф.Е. Махин в 1917 г. (по другим данным – в 1906 г.) вступил в партию социалистов-революционеров, возглавлял штаб военной организации партии. В начале 1918 г. по заданию ЦК партии эсеров он вступил в РККА.

М.А. Муравьев был человеком авантюристического склада и, как отмечалось, человеком с расстроенной нервной системой. Неудивительно, что он совершал и эксцентричные выходки. В его биографии есть ссора с офицером с применением холодного оружия в 1903 г., завершившаяся несколькими месяцами гауптвахты⁴, а также попытка сместить одесского губернатора в 1917 г. Кроме того, будучи первоначально сторонником Временного правительства, позднее он был не прочь свергнуть это правительство⁵. Свое видение политических перспектив он изложил в 1917 г. в доверительной беседе с будущим лидером антибольшевистского движения на Дальнем Востоке есаулом Г.М. Семеновым: «Подождем лучше, пока большевики не повесят все Временное правительство, а мы с вами потом будем вешать большевиков»⁶. Но, по мнению Семенова, для роли русского Бонапарта Муравьеву не хватало только решительности. По взглядам Муравьев примыкал к левым эсерам и даже считал себя членом этой партии, хотя состоял ли он в партии официально, остается не установленным⁷. При этом Муравьев был сторонником идеи единой и неделимой России.

О взглядах П.А. Славена и А.И. Харченко сведений обнаружить не удалось. В.В. Яковлев как член РСДРП с 1905 г. являлся сторонником соответствующих взглядов.

Служба в РККА и причины занятия высоких постов

Как получилось, что потенциальные изменники получили столь высокие назначения? Как складывалась их служба в РККА?

Назначение преподавателя общей тактики Б.П. Богословского из Военной академии на фронт, по-видимому, было случайным. Богословский имел репутацию храброго и

¹ Там же. С. 592-593.

² ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 2об.

³ Там же. Л. 48об.

⁴ Беленкин Б.И. Авантюристы великой Смуты. Россия, XX век: Революция. Гражданская война. 20-е годы. М., 2001. С. 264.

⁵ Семенов Г.М. О себе (Воспоминания, мысли и выводы). М., 1999. С. 72-73.

⁶ Там же. С. 73.

⁷ Партия левых социалистов-революционеров. Док. и мат. 1917-1925 гг. М., 2015. Т. 2. Ч. 2. С. 353, 1034-1035.

квалифицированного боевого офицера-генштабиста. В условиях резкого ухудшения положения красных на Среднем Урале в июле 1918 г. и угрозы оставления Екатеринбурга выбирать советскому командованию не приходилось. 20 июля в Казани главнокомандующий Восточным фронтом И.И. Вацетис приказал академию Генштаба эвакуировать в Казань¹. В тот же день он же приказал Богословскому в течение 24 часов вступить в командование только что созданной из частей Северо-Урало-Сибирского фронта 3-й армией².

Н.Д. Всеволодов в 1918 г. был арестован, причем власть не посчиталась с его тяжелым положением. Мало того, что сам арестованный содержался в одном из лазаретов Петрограда, будучи еще в декабре 1917 г. признанным негодным к строевой и административной службе³, летом 1918 г. тяжело болела его жена. Управляющий делами наркомата по военным делам Н.М. Потапов телеграфировал председателю Петроградской ЧК Г.И. Бокию 11 сентября 1918 г.: «Подтверждая тяжкую болезнь его жены, полное отсутствие средств жизни и постоянно проявляющуюся им в моем присутствии корректность по отношению советской власти, ходатайствую [о] скорейшем рассмотрении его дела»⁴. В октябре 1918 г. Всеволодов уже находился на свободе. Он получил разностороннее представление о порядках, царивших в Советской России. По освобождении как инвалид и доброволец был направлен главкомом Вацетисом в октябре 1918 г. в Нижний Новгород на должность начальника штаба Приволжского военного округа. По прибытии выяснилось, что эта должность уже занята. Тогда Всеволодов по собственному желанию отправился на Южный фронт. В октябре-ноябре 1918 г. им был сформирован штаб 9-й советской армии. Работа была не из легких и требовала огромного перенапряжения, поскольку армия первоначально находилась в тяжелом состоянии. Ее фронт достигал трехсот верст, штабы дивизий располагались в 100–120 верстах от штаба армии. Именно Всеволодов первым донес Троцкому о неисполнении приказов начальником 16-й стрелковой дивизии В.И. Киквидзе, что имело большое военное значение. Таким образом, военспец заслужил персональное доверие Троцкого, предлагавшего ему должность командующего Камышинской группой войск и начальника 14-й стрелковой дивизии. По состоянию здоровья Всеволодову пришлось отказаться. Тем не менее, приказом Троцкого от 8 июня 1919 г. Всеволодов был назначен командующим 9-й армией. По-видимому, серьезного анализа кадров перед назначениями с точки зрения их лояльности не велось. Кроме того, сказывался острейший дефицит высококвалифицированных специалистов, которыми являлись генштабисты. Именно этим можно объяснить не оправдавшее себя назначение на ответственные посты военспеца, имевшего сложные отношения с советской властью.

Если верить показаниям Н.А. Жданова, на службе у красных он оказался случайно, причем при драматических обстоятельствах. С приходом к власти большевиков Жданов подал рапорт об отставке, но корпусной и дивизионный комитеты рапорта не приняли⁵. Пришлось дослуживать до демобилизации, но в феврале 1918 г. при отступлении в Витебской губернии Жданов попал в плен к немцам, а в апреле бежал из плена. Вскоре он добровольно поступил на службу в РККА и получил назначение на пост военного руководителя Курского района, а затем Оршанской группы. После этого Жданов был

¹ Собрание оперативных телеграмм, приказов и распоряжений главнокомандующего Восточным (чехословацким) фронтом тов. Вацетиса. 18.07.–07.09.1918 года. М., 1918. С. 41.

² Там же. С. 43; Директивы командования фронтов Красной армии (1917-1922 гг.) (далее – ДКФКА). М., 1971. Т. 1. С. 398.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 43об.

⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 247. Л. 25.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 48.

назначен начальником 1-й Могилевской дивизии, став одним из первых советских начдивов¹. Затем получил назначение военным руководителем Московского военного округа. В начале февраля 1919 г. Жданов по приказу главкома И.И. Вацетиса отправился на Каспийско-Кавказский фронт в Астрахань. 14 февраля он принял командование 12-й армией, а через месяц, 13 марта, – 11-й армией, созданной из остатков расформированной 12-й, а также упраздненного Каспийско-Кавказского фронта и непосредственно подчиненной главкому. Кроме того, Жданов исполнял обязанности командующего Каспийско-Кавказским фронтом в период его реорганизации в марте 1919 г.

Ф.Е. Махин в РККА получил назначение на должность начальника оперативного отделения штаба военного руководителя Московского района К.К. Байова². В служебных документах Махина в 1918 г. значилось, что он «желает получить должность в Приволжском или Приуральском воен[ных] окр[угах]»³. Думается, подобное прошение — не случайность. Еще весной 1918 г. социалисты-революционеры, придя к выводу о бесперспективности борьбы с большевиками в Петрограде и Москве, приняли решение о переводе своих организаций, в том числе и военной, в Поволжье и на Урал⁴. Судя по всему, Махин руководствовался именно этим решением ЦК партии, по заданию которой он поступил в РККА⁵. Просьба Махина была удовлетворена.

Он был назначен на ответственный пост начальника Уфимского полевого штаба и вр.и.д. командующего 2-й армией (26 июня – 3 июля 1918 г.). На этом посту Махин сменил В.В. Яковлева⁶, а произошло его назначение при помощи бывшего прапорщика Мартянова, тоже эсера, служившего в штабе советского Восточного фронта⁷. Приказ о назначении Махина был подписан другим будущим изменником, командующим Восточным фронтом М.А. Муравьевым⁸.

М.А. Муравьев выдвинулся как видный военный работник новой власти уже в октябре 1917 г. Он вошел в состав штаба Петроградского ВРК, стал начальником обороны Петрограда, главнокомандующим войсками Петроградского военного округа, руководил борьбой с выступлением генерала П.Н. Краснова. Именно Муравьев одним из первых применил тактику «эшелонной войны», предопределившей облик начального этапа Гражданской войны в России. В конце 1917 – начале 1918 г. Муравьев организовывал отряды для борьбы с донским атаманом А.М. Калединым, руководил советскими войсками, наступавшими на Киев. Его действия сопровождалась актами массового террора. Затем Муравьев командовал войсками Одесской советской республики. В апреле 1918 г. был арестован в Москве за злоупотребления властью и связи с анархистами, но в мае освобожден, а 13 июня был назначен главнокомандующим Восточным фронтом и внес значимый вклад в его становление и укрепление (отметим,

¹ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 174. Л. 19.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 357.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96. Л. 68об.

⁴ Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 368–369; Каревский А.А. Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Зима–осень 1918 г.: Автореф. дисс. ...к.и.н. М., 2001. С. 11.

⁵ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 178. Л. 58об.; см. также: Лебедев В.И. Борьба русской демократии против большевиков. Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири. Нью-Йорк, 1919. С. 21; Майский И.М. Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923. С. 151–152.

⁶ РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 9; Гражданская война в Поволжье. 1918-1920. Казань, 1974. С. 63.

⁷ Семенов (Васильев) Г. Указ. соч. С. 40.

⁸ Ненароков А.П. Восточный фронт. 1918. М., 1969. С. 101.

что в новейших исследованиях такая оценка роли Муравьева на Восточном фронте приобрела консенсусный характер¹).

П.А. Славен как латыш был выдвинутым главкомом И.И. Вацетиса. С 16 августа по 20 октября 1918 г. он командовал 5-й армией (по другим данным, с 14 августа по 20 сентября²). Сомнений в его лояльности не было. Славен имел заслуги перед Красной армией, отличившись при обороне, а затем и взятии Казани в августе и сентябре 1918 г., причем в октябре был представлен Реввоенсоветом Республики к ордену Красного Знамени³. Троцкий в январе 1919 г. даже отмечал, что, «несмотря на неустойчивость частей, колебания командиров, т. Славен ни на минуту не терял духа и уверенной рукой вел свою армию в бой, организуя и воспитывая ее под неприятельским огнем. Взятие Казани создало перелом в истории Советской Республики. Главная роль в этом деле принадлежит т. Славену»⁴. С 9 ноября 1918 г. по 21 января 1919 г. Славен командовал советским Южным фронтом, затем с 10 марта по 7 июня 1919 г. командовал армией Советской Латвии, переименованной в 15-ю армию, которой Славен командовал с 7 по 25 июня 1919 г. С должности он был снят в связи со сдачей Риги. 15-й армией. Славена называли безвольным и нерешительным⁵. Интересно, что в сентябре 1918 г. Троцкий по ходатайству Славена поднимал перед председателем ВЦИК Я.М. Свердловым и наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным вопрос о переводе семьи Славена из Риги в Москву, просил отправить семье деньги и помочь добраться⁶. Таким образом, военспец тогда собирался твердо связать свою жизнь и жизнь своих близких с Советской Россией. Однако позднее его позиция поменялась.

Обстоятельства службы в РККА А.И. Харченко малоизвестны. Известно лишь, что декретом РВС Восточного фронта № 1 от 16 июня 1918 г. он получил назначение командующим 1-й армией Восточного фронта, поскольку был лично известен другому будущему изменнику, М.А. Муравьеву, по работе на Украине, где также командовал 1-й армией другого формирования⁷. На Восточном фронте в должности командарма-1 Харченко пробыл короткий срок с 16 (по другим данным, с 19) по 28 июня 1918 г., за нераспорядительность он был снят с должности и сменил партийным военспецом, к тому же кадровым офицером М.Н. Тухачевским. Отметим, что решение об этом еще 26 июня (в день назначения Махина командармом-2) принял все тот же Муравьев. Тем не менее, затем Харченко (видимо, в силу кадрового дефицита и экстренных поисков надежного командующего после измены Махина) декретом РВС Восточного фронта № 10 от 3 июля 1918 г. получил назначение на пост командующего 2-й армией⁸, которой прокомандовал два дня (3-4 июля 1918 г.).

¹ Ганин А.В. Попытка упразднения Восточного фронта летом 1918 года. Малоизвестный эпизод советского военного строительства // Военно-исторический журнал. 2016. № 8. С. 14-18; Наумов Е.О. «Муравьев всячески мешал сосредоточению первой армии»: к вопросу о роли командующего Восточным фронтом в создании 1-й армии летом 1918 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2017. Т. 17. Серия. История. Международные отношения. Вып. 2. С. 262-268; Симонов А.А. Главком М.А. Муравьев и создание Восточного фронта (июнь – июль 1918 года) // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2013. Т. 13. Серия. История. Международные отношения. Вып. 1. С. 31-38.

² В боях рожденная. Боевой путь 5-й армии (1918–1920). Сб. док. Иркутск, 1985. С. 404.

³ РГВА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 148. Л. 274.

⁴ Цит. по: Гвардейцы Октября. Роль коренных народов стран Балтии в установлении и укреплении большевистского строя. М., 2009. С. 58.

⁵ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1562. Л. 18.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 22.

⁷ РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 3; Наумов Е.О. Создание объединений Красной армии в годы Гражданской войны в Среднем Поволжье (на примере 1-й армии Восточного фронта). Дисс. ...к.и.н. Саранск, 2017. С. 51.

⁸ РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.

В.В. Яковлев в 1918 г. руководил перевозкой бывшего императора Николая II из Тобольска в Екатеринбург, 13 мая 1918 г. Л.Д. Троцким он был назначен командующим Урало-Оренбургским фронтом¹, но фактически в конце мая создал два отдельных фронта – Оренбургский и Уральский со своими командующими (Г.В. Зиновьевым и А.А. Ржевским соответственно). С 22 июня Яковлев декретом РВС Восточного фронта № 3 был назначен командующим созданной из уфимской и оренбургской групп войск 2-й армией². 26 июня он был снят с этой должности, а 3 июля назначен комиссаром той же армии при командарме Махине³.

Мотивы измен, их обстоятельства и последствия

Следующий важный вопрос – мотивы измен, их обстоятельства и последствия.

Б.П. Богословский был ярким противником большевиков и не собирался им служить на командных постах, предпочитая даже расстрел. Из воспоминаний его товарища по академии профессора М.А. Иностранцева известно, что Богословский сумел убедить начальника академии А.И. Андогского в том, что его побег не повредит академии, если будет обставлен соответствующим образом. Богословский, являвшийся заядлым охотником, бежал из Екатеринбурга под видом охоты и присоединился к белым⁴. По версии Иностранцева, Богословский даже не вступил в должность. Однако в воспоминаниях советского генерала Г.П. Софронова отмечалось, что Богословский в должность все же вступил 23 июля и принял дела, заслушав доклады штабных работников и поразив всех вниманием и обходительностью. В ночь на 24-е Богословский бежал, собрав сведения, необходимые для белых⁵. Эту же версию событий подтверждает и другой сослуживец Богословского по академии П.Ф. Рябиков, отметивший, что Богословский успел отдать ряд вредительских приказов⁶, а также захватив оперативные документы, которые были переданы белым. Вацетис позднее вспоминал: «Исчезновение командарма, выбранного из высококвалифицированных военспецов, произвело нехорошее впечатление, как на местах, так и в центре. После такого неблагоприятного события вновь выдвинуть кандидатуру военспеца я не считал возможным»⁷. Таким образом, измена Богословского повлияла на кандидатуру его преемника. Командующим стал матрос Г.А. Угрюмов. У белых Богословский сразу же получил ответственное назначение – приказом Сибирской армии от 28 июля 1918 г. он получил должность начальника штаба Средне-Сибирского корпуса⁸. И хотя измена Богословского, видимо, нанесла незначительный ущерб Советской России, тем не менее, она усугубляла кризисную обстановку на советском Восточном фронте в условиях активных действий белых и чехословаков.

Н.Д. Всеволодов просил о переводе его на Кавказ и предоставлении полуторамесячного отдыха, но постоянно под разными предлогами (до сформирования штаба, до окончания операции) получал отказы, наконец, в феврале 1919 г. его прошение было отклонено категорически⁹. Тогда он решил пройти освидетельствование и в феврале 1919 г. заявил: «Опечален, что фронт меня не пускает, но он не имеет права держать

¹ Авдонин А.Н. В жерновах революции. С. 141.

² РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 5; ДКФКА. Т. 1. С. 389.

³ РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.

⁴ Иностранцев М.А. Воспоминания. С. 593-594.

⁵ Софронов Г.П. Неподвластное времени. М., 1976. С. 142-143.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 120об.

⁷ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 280.

⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 249.

⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 43-44, 59, 74, 81.

больного инвалида»¹. Последний раз Всеволодов отправил просьбу о переводе на Кавказ даже с понижением 5 апреля 1919 г., и вновь ему было отказано². Судя по всему, Всеволодов понял, что большевики его используют в своих интересах до полного истощения. Осознав это, он, будучи командующим 9-й армией, перешел на сторону Деникина.

Бегству Всеволодова предшествовали драматические события. В тылу его армии успешно действовали казаки-повстанцы, соседние армии отступали под ударами белых. Последний приказ Всеволодова датирован 21 июня 1919 г. Позднее у белых он сообщил, что отдал ряд вредительских распоряжений. Впрочем, сослуживцы злословили, отмечая благоволение белых к Всеволодову, «вся заслуга которого состояла в том, что он сорвал операцию не по умыслу, а по своей безграмотности»³. Отметим все же, что самоустранение Всеволодова от командования усугубило развал и отступление 9-й армии.

Всеволодов ввел в заблуждение как обоих членов РВС армии, так и командиров и комиссаров двух дивизий. Впоследствии открылись любопытные подробности умонастроений Всеволодова. Накануне побега он в беседах с охраной заявлял, что положение красных безнадежно, а Гражданская война продлится еще не более двух месяцев, что борьба казаков с казаками бессмысленна. Красный командарм всячески расхваливал армию Деникина. О себе Всеволодов говорил как о насильно мобилизованном, заявлял, что через две недели подаст в отставку⁴.

Переход Всеволодова к противнику стал предметом особого внимания председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского. Однако измена Н.Д. Всеволодова представляется ситуативной. Она была вызвана как фактором ареста Всеволодова новой властью в 1918 г., так и неблагоприятной для него обстановкой и угрозой репрессий летом 1919 г. Позднее Всеволодов попытался представить белому командованию свою деятельность как активную подрывную работу в РККА, однако это, по-видимому, вымысел. Начальник 16-й стрелковой дивизии Р.П. Эйдеман полагал, что «измена Всеволодова явилась результатом не его сознательного умысла, а следствием его бездарности, вызвавшей ряд неудач 9-й армии. Боязнь ответственности за неудачи в связи с общими успехами противника и толкнула Всеволодова на открытую измену в надежде этим спасти себя от ответственности и выслужиться перед противником»⁵. К этой оценке следует добавить фактор ареста Всеволодова, а также пренебрежения командования его просьбами на протяжении многих месяцев службы. Совокупность известных характеристик Всеволодова позволяет считать его не вполне порядочным человеком, приоритетом для которого был не служебный долг, а личное благополучие. В этом сходятся и белые и красные.

Одним из последствий глубокого отхода 9-й армии до линии рек Елань и Терса и измены Всеволодова стало отступление под угрозой охвата белыми правого фланга и даже выхода в тыл соседней 10-й армии⁶. Ранее 10-я армия, по свидетельству ее командующего, находилась на восемь переходов уступом вперед относительно соседней

¹ Там же. Л. 225об.

² Там же. Л. 293, 312.

³ Письмо ОТТУДА // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 70. С. 4.

⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 213-214.

⁵ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. М., 1990. Т. 2. 1919-1920 гг. С. 215.

⁶ Клюев Л. Борьба за Царицын (1918-1919 гг.). М.-Л., 1928. С. 48-49, 51-52; Крылова Е.Т. Борьба за освобождение Царицына от деникинской контрреволюции (июнь – декабрь 1919 года). Автореф. дисс. ...к.и.н. М., 1952. С. 8; Анулов Ф. «Красный Верден» (Борьба за Царицын в 1918-1919 гг.) // Сборник трудов Военно-научного общества. М., 1922. Кн. 3. С. 75.

армии Всеволодова. В результате частями Кавказской армии белых под командованием генерала П.Н. Врангеля 30 июня был взят Царицын – стратегически важный пункт на Волге, необходимый для связи с антибольшевистскими силами Востока России. Кроме того, Всеволодов передал белым важные сведения, которыми располагал. Белые угрожали Балашову и Камышину, заняли всю Донскую область, красные не смогли удержать Балашовско-Поворинский укрепрайон, в июле ими были оставлены Балашов и Борисоглебск. В результате следствия, проведенного белыми, было установлено, что Всеволодов открыл белым фронт на Балашов, и Донская армия смогла занять этот город, захватив богатую добычу.

Н.А. Жданов изменил красным уже не на высших постах. 30 мая 1919 г. он был освобожден от должности командующего 11-й армией по болезни. Уехал в Москву, откуда в августе 1919 г. был командирован на Украину в распоряжение командующего 12-й армией. Занимал должности инспектора запасных войск в Киеве (с 17 августа) и начальника 2-й сводной советской дивизии (с 26 августа). 30 августа вместе с семьей Жданов бежал к белым. По-видимому, он не был активным белым подпольщиком. Тем не менее, сохранилась масса свидетельств его пассивного и осторожного поведения на высоких должностях в Красной армии. Жданов, очевидно, не стремился принести большую пользу красным, уклонялся от активного участия в Гражданской войне, саботировал и при первой возможности перешел на сторону белых, успешно наступавших на советский центр. Сдавшись, Жданов передал белым оперативную информацию, которой владел (в том числе о подготовке обороны Гомеля как базы 12-й армии). Вероятно, задним числом он приписал себе заслуги в срыве действий советских войск и формировании соединений, для чего использовал реально имевшую место неразбериху в его армии весной 1919 г. Как бы то ни было, своими действиями он принес белым пользу.

Пожалуй, наиболее существенный урон Красной армии нанес своей изменой Ф.Е. Махин. За неделю пребывания на посту командарма он изменил оперативный план штаба, захватил важные документы. Надо сказать, что в Уфе подпольная работа против красных была поставлена на широкую ногу, не один только Махин был послан туда антибольшевистским подпольем¹. Сам Махин при подходе чехословацких войск к Уфе выехал из города со своим адъютантом навстречу командиру Поволжской группы чехословацких войск полковнику С. Чечеку и Махин фактически сдал тому Уфу². Свой переход на сторону противника он совершил, когда, по некоторым данным, уже было издано постановление о его аресте³. 4 июля 1918 г. чехословаки при содействии подполковника Ф.Е. Махина взяли Уфу, а уже через день на станции Миньяр в 110 километрах к востоку от Уфы произошло соединение челябинской (полковник С.Н. Войцеховский) и самаро-златоустовской (полковник С. Чечек) групп чехословаков, в результате чего от большевиков была практически полностью освобождена огромная территория от Волги до Тихого океана.

Обстоятельства измены М.А. Муравьева ситуативны. Еще до прибытия на фронт Муравьев распорядился о создании армейских штабов с привлечением бывших офицеров Генштаба. В войсках, в том числе вследствие боевой обстановки, происходил переход от отрядов к полкам, дивизиям и армиям⁴. Началось введение жесткой дисциплины. 27

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 178. Л. 58об.

² Чечек С. От Пензы до Урала (Доклад, сделанный в Обществе участников волжского движения) // Воля России (Прага). 1928. № 8-9. С. 264.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 764. Л. 24.

⁴ Кляцкин С.М. На защите Октября. Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике. 1917-1920. М., 1965. С. 206; Симонов А.А. Главком М.А. Муравьев и создание

июня Муравьев, разместивший свой штаб в Казани, издал первый приказ, в котором наметил регулярную организацию фронтового аппарата¹. В результате новейших архивных исследований удалось установить, что вероятной причиной измены Муравьева стал его конфликт с высшим советским военным руководством, в котором конструктивную позицию с точки зрения интересов Красной армии занимал как раз Муравьев². Создание фронта на востоке было воспринято военным руководителем Высшего военного совета бывшим генералом М.Д. Бонч-Бруевичем и, под его влиянием, председателем этого совета Л.Д. Троцким отрицательно. Свою роль сыграло резкое неприятие Бонч-Бруевичем какой-либо конкуренции в военном руководстве³.

Фактически центр попытался сорвать создание фронта, насаждая отрядную систему, принятую в войсках завесы. М.А. Муравьев был возмущен этими дезорганизаторскими предложениями. С учетом его личностных особенностей – налета авантюризма, стремления играть роль (в том числе как руководителя мощного и важного фронта) – эти события могли стать катализатором последовавшего через несколько дней выступления против Советской власти. Даже в работах советских авторов, в силу идеологических требований рассуждавших о заблаговременной подготовке Муравьевым почвы для измены, проскальзывали цитаты или упоминания, свидетельствовавшие о созидательной деятельности Муравьева как главнокомандующего⁴. При этом история с конфликтом штаба фронта и Высшего военного совета, которая позволяла в традициях советской историографии возложить всю вину на Троцкого, замалчивалась, поскольку представляла будущего изменника Муравьева в выигрышном свете.

Конфликт разворачивался на фоне окончательного разрыва большевиков с левыми эсерами и левоэсеровского восстания в Москве, а также череды восстаний, поднятых эсерами в Ярославле, Рыбинске и Муроме. Сам Муравьев, как известно, примыкал к партии левых эсеров, причем Ленин 7 июля просил членов РВС организовать личный надзор за ним и дежурить попеременно⁵. И хотя К.А. Мехоношин сообщил, что Муравьев отказался от членства в партии, пошедшей против Советской власти, Ленину этого показалось недостаточно, и он потребовал в тот же день от Мехоношина запротоколировать заявление Муравьева о выходе из партии и продолжать слежку⁶.

Бездумные приказы центра и действия комиссаров постепенно переполняли чашу терпения главкома. В ночь на 10 июля Муравьев тайно от членов РВС отплыл из Казани в Симбирск, куда вызвал командующего 1-й армией М.Н. Тухачевского со штабом. В Симбирске он арестовал Тухачевского и других советских работников, объявил себя главнокомандующим армии, действующей против германцев и призвал войска и население к восстановлению фронта против Германии. В тот же день Муравьева объявили вне закона и застрелили прямо на заседании губисполкома. Эти обстоятельства позволили позднее и М.Д. Бонч-Бруевичу, и М.Н. Тухачевскому возложить на Муравьева

Восточного фронта (июнь – июль 1918 года) // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2013. Т. 13. Серия. История. Международные отношения. Вып. 1. С. 34-35.

¹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 230. Л. 75.

² Подробнее см.: Ганин А.В. Попытка упразднения Восточного фронта.

³ Подробнее см.: Ганин А.В. Становление Красной армии во взаимоотношениях ее первых руководителей: М.Д. Бонч-Бруевич, И.И. Вацетис и С.С. Каменев // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 2. Архангельск, 2015. С. 59-111.

⁴ Ненароков А.П. Восточный фронт. С. 100. Подробнее о роли Муравьева в советском военном строительстве см.: Симонов А.А. Указ. соч. С. 31-38.

⁵ В.И. Ленин и ВЧК (1917-1922 гг.). Сб. док. М., 1975. С. 85.

⁶ Там же. С. 86.

ответственность за все неудачи¹, а заслуги главкома оказались приписаны другим. 11 июля должность главнокомандующего фронтом от СНК получил И.И. Вацетис², который стал развивать прежние идеи Муравьева по созданию на востоке полноценного боевого фронта. Как ни странно, Муравьев своим выступлением принес пользу Красной армии. Возможно, если бы не мятеж и последовавшая за ним череда перемен, Красная армия на Восточном фронте могла сорганизоваться еще не скоро, а это уже ставило под угрозу само существование Советской России.

Интересно, что будущий изменник П.А. Славен при анализе инспекционной комиссией Высшей военной инспекции причин поражения армии Советской Латвии сообщил 14 июня 1919 г.: «Командный состав был призван из запаса, так как центр нам никого не дал, и он, конечно, дезертировал. Командный состав дезертировал около 30%, а коммунистов 63%. Это вышло, как Ленин говорит, как редиска – сверху красный, а разрежешь – белый. И разведкой заведовали такие люди, которые подозреваются в шпионаже, начиная с[о] времени Теодори³, и вся разведка арестована. О таком положении вещей осведомлен и тов. Троцкий»⁴. К сожалению, обстоятельства измены Славена пока не установлены. Известно лишь, что 5 июля 1919 г. он был в Серпухове, в Полевом штабе Реввоенсовета Республики⁵, а в ноябре сдался латвийским властям. Можно предположить, что его бегство связано как с неудачами на фронте, так и с арестом его патрона, бывшего главкома И.И. Вацетиса по делу Полевого штаба. По другой версии, Славен просто стремился на Родину.

О бывшем поручике А.И. Харченко, командовавшем 1-й и 2-й советскими армиями и перешедшем к белым на Восточном фронте в июле 1918 г., также до сих пор практически не известно. 2-й армией он прокомандовал буквально два дня (3-4 июля 1918 г.), причем сразу после измены ее прежнего командующего Ф.Е. Махина. По некоторым данным, Харченко перелетел к белым на аэроплане с оперативными картами и двумя миллионами рублей⁶. Сдача также произошла в Уфе⁷. По-видимому, вред от этого перебежчика был несущественным.

С постов командарма и комиссара В.В. Яковлев, по утверждению уральского историка И.Ф. Плотникова, был понижен до должности третьего адъютанта штаба⁸ (впрочем, существование подобной должности в штабах РККА вызывает недоумение). Из Уфы Яковлев уехал в Бирск, сдал там все военные документы, затем перебрался в Сарапул⁹, а в августе 1918 г. был направлен в занятую белыми Уфу для подпольной работы¹⁰. Три месяца он находился на нелегальном положении, но в октябре предложил свои услуги Уфимской Директории. При этом он подготовил воззвание к красноармейцам

¹ Бонч-Бруевич М.Д. Первые дни Красной армии (воспоминания) // Война и революция. 1929. Кн. 2. С. 52-53; Он же. Вся власть Советам: Воспоминания. М., 1957. С. 295-297; Тухачевский М.Н. Первая армия в 1918 году // Тухачевский М.Н. Избранные произведения в 2 т. М., 1964. Т. 1. 1919-1927 гг. С. 75-79.

² РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 287; Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики И.И. Вацетис. Сб. док. Рига, 1978. С. 37.

³ Подробнее о Г.И. Теодори см.: Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 380-414.

⁴ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1567. Л. 20.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 144. Л. 2.

⁶ Кантор Ю.З. Война и мир Михаила Тухачевского. М., 2005. С. 152. По данным известного исследователя истории авиации М.А. Хайрулина, есть основания сомневаться в том, что Харченко совершил перелет, так как документальные подтверждения на этот счет неизвестны.

⁷ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 307. Л. 124.

⁸ Плотников И.Ф. Гражданская война на Урале (1917-1922 гг.). Энциклопедия и библиография. Екатеринбург, 2007. Т. 1. С. 226.

⁹ Авдонин А.Н. В жерновах революции. С. 43, 156.

¹⁰ Плотников И.Ф. Гражданская война на Урале. С. 226.

с призывом прекратить гражданскую войну¹. Свой переход он объяснял разочарованием в большевиках. Поскольку измена не была связана с командованием, последствий для Красной армии она не имела. По-видимому, Яковлев, как и некоторые другие изменники, являлся авантюристом.

Судьбы

Кратко упомянем о судьбах изменников. Б.П. Богословский у белых сделал хорошую карьеру, став ближайшим сотрудником и начальником штаба знаменитого генерала Р. Гайды, который забирал Богословского на штабные должности при себе по мере собственного карьерного роста. Богословский стал начальником штаба Сибирской армии, награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. за разработку и реализацию плана «очищения от армии противника обширной территории Уральского района». В декабре 1919 г. он дослужился до поста начальника штаба Восточного фронта белых. В конце декабря 1919 г. Богословский был ранен на станции Ачинск при взрыве эшелона со снарядами, а в начале января 1920 г., бросив главнокомандующего генерала В.О. Каппеля и штаб, прибыл по собственной инициативе в Красноярск, в штаб 30-й стрелковой дивизии РККА. Был направлен в Томск и Красноярск. До лета 1920 г. содержался в красноярской и омской тюрьмах. Президиумом полномочного представительства ВЧК по Сибири 17 июля 1920 г. приговорен к расстрелу и на следующий день расстрелян. Реабилитирован прокуратурой Омской области в 1991 г.

Н.Д. Всеволодов у белых карьеры не сделал. Около полугода он пробыл под следствием. Для содержания семьи бывший командарм спекулировал нитками². Всеволодов у Деникина был реабилитирован. В дальнейшем он служил в Крыму при генерале П.Н. Врангеле³. Нашел он себя на ниве военной журналистики. Белые газеты охотно печатали его воспоминания, военные и политические обзоры. В марте 1920 г. вместе с семьей Всеволодов выехал из Новороссийска на остров Лемнос. Позднее обосновался в Константинополе, после чего при содействии русского военного агента в Турции переехал в Будапешт, поскольку существовала вероятность советизации Турции. В Венгрии он дождался конца Второй мировой войны, затем перебрался в Австрию, Парагвай и Аргентину, а позднее в США, где и окончил свои дни не ранее 1964 г.

Н.А. Жданов у белых оказался под судом, но дело было прекращено. Генерал эмигрировал в Болгарию, проживал в городе Белградчике⁴. По некоторым данным, скончался в 1928 г. в городе Казанлык.

Ф.Е. Махин летом – осенью 1918 г. занимал ответственные командные посты в Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, был дважды ранен, произведен в полковники. В октябре 1918 г. ненадолго даже стал командующим Поволжским фронтом. Однако будучи партийным эсером не смог найти общего языка с белыми после прихода к власти в ноябре 1918 г. адмирала А.В. Колчака. Махин участвовал в заговоре против Колчака и его сторонника оренбургского атамана А.И. Дутова в Оренбурге. Заговор был раскрыт, а Махин выслан за границу. В эмиграции продолжал сотрудничать с эсерами, но позднее перешел на коммунистические позиции. В 1939 г. вступил в Компартию Югославии. В годы Второй мировой войны был одним из организаторов партизанского движения в Югославии, соратником И.Б. Тито. Умер в июне 1945 г. и похоронен в Белграде.

¹ Авдонин А.Н. В жерновах революции. С. 45-46, 149-151.

² ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 31.

³ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 233.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5928. Оп. 1. Д. 14. Л. 33, 59.

М.А. Муравьев погиб в июле 1918 г. непосредственно во время своего выступления в Симбирске. Судьба П.А. Славена после его сдачи латвийским властям противоречива. По некоторым данным, он умер в ноябре 1919 г. в латвийском лагере от воспаления легких или от тифа. А.И. Харченко в 1919 г., насколько можно судить, вновь оказался у красных и был расстрелян по делу «Приволжской шпионской организации»¹.

В.В. Яковлев у белых был арестован. Затем в начале 1919 г. освободился под подписку о невыезде и бежал в Харбин. Работал электромонтером, служил на КВЖД, переехал в Шанхай, устроился в советское консульство секретарем, служил в аппарате главного политического советника при правительстве Сунь Ятсена М.М. Бородина. Позднее попал в китайскую тюрьму, бежал в СССР, где в 1927 г. был арестован, осужден на 10 лет лагерей, но в 1933 г. вышел на свободу досрочно. Затем сам стал сотрудником ГУЛАГа. В феврале 1938 г. был арестован, а в сентябре расстрелян. Впоследствии реабилитирован.

Революция и Гражданская война стали временем радикального слома прежнего уклада жизни российского общества. На острие начавшегося противостояния оказалось офицерство, пребывавшее в растерянности и часто не имевшее приемлемой стратегии выживания в сложившихся обстоятельствах. Далеко не все могли сделать осознанный идейный выбор. Кто-то, не исключая представителей прежней военной элиты, попал под маховик мобилизаций или по каким-либо иным причинам был вынужден служить чуждому лагерю.

Разумеется, создавая Красную армию, большевикам приходилось опираться на, во многом, чуждое им офицерство, отношение к которому в Советской России трудно назвать благоприятным. Неизбежно возникала проблема нелояльности офицеров. В условиях Гражданской войны серьезный кадровый отбор по принципу лояльности был предельно затруднен, а возможности перейти к противнику, в лагере которого были знакомые и порой даже родственники, наоборот, очень широки.

Налицо стремление большевиков назначать на высшие посты партийных начальников. Поскольку партийных военспецов и вообще высокопоставленных членов РКП(б) при попадании в плен белые расстреливали, это было некоторой гарантией от измен (впрочем, случай В.В. Яковлева говорил и об обратном). Однако назначать членов партии удавалось в исключительных случаях, поскольку большая часть кандидатов на такие должности оставалась беспартийной. А.Г. Кавтарадзе в своем списке 82 военспецкомандармов приводит сведения лишь о 17 вступивших в партию до конца Гражданской войны². Среди 17 военспецов, командовавших фронтами, в РКП(б) состояли только трое³.

Случай В.В. Яковлева наглядно демонстрирует непредсказуемость некоторых измен, поскольку в его случае на сторону противника перешел старый большевик, разочаровавшийся в партии. Однако дефицит высококвалифицированных кадров в Советской России приводил к тому, что на руководящие посты в РККА могли попадать как реально, так и потенциально нелояльные бывшие офицеры, имевшие негативный опыт

¹ Кантор Ю.З. Война и мир Михаила Тухачевского. С. 152. В.В. Дубленных, перепутав А.И. Харченко с его однофамильцем В. Харченко, сидевшим в тюрьме в Оренбурге (Гражданская война в Оренбуржье (1917-1919 гг.). Док. и мат. Оренбург, 1958. С. 156), указал, что командарма якобы казнили дутовцы (*Дубленных В.В. Вооруженные формирования Урала периода Гражданской войны. Исторические справки.* Екатеринбург, 2002. С. 379).

² Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты. С. 259-263.

³ Там же. С. 208.

взаимодействия с большевистским режимом (в том числе прошедшие через аресты, немислимые для офицерской среды до 1917 г.), а также агенты противника.

Измены офицеров, ставших военными специалистами Красной армии, не были редкостью. Случаи измен получили некоторое распространение даже на самом верху советской военной иерархии – среди командующих армиями и фронтами. Разумеется, такие измены были наиболее опасны. Таких громких измен было несколько, соответственно они составляли сравнительно небольшой процент среди высшего командного состава РККА (изменили красным 6,7% из 120 командармов и командующих фронтами).

Надо ли говорить, сколь опасны могли быть последствия таких измен на самом высоком уровне. Все эти люди по своему статусу имели доступ к совершенно секретной информации, имевшей стратегическое значение. Кроме того, они могли передать противнику важнейшие сведения об оперативных планах, составе и дислокации войск, а накануне своего перехода отдать предательские приказы и подвести части под удар. Такие случаи действительно имели место, иногда они приводили даже к крупным неудачам на фронте, но эффективных способов борьбы с ними красные так и не нашли.

Из всех высокопоставленных изменников, по-видимому, лишь полковник Ф.Е. Махин вел в рядах РККА систематическую подпольную работу, кульминацией которой стала его измена, приведшая к сдаче антибольшевистским силам Уфы в июле 1918 г. Это и понятно, поскольку Махин был внедрен в Красную армию по заданию партии социалистов-революционеров для подрывной деятельности. Измены остальных, хотя всей полноты данных у нас до сих пор нет, были в большей степени ситуативны. Предотвратить их в той обстановке, по-видимому, не было никакой возможности.

29 июля 1918 г. было издано постановление ЦК РКП(б) о мероприятиях по укреплению Восточного фронта, в котором в связи с изменами Махина, Муравьева и Богословского («такие случаи, как побег Махина, как самостоятельный переезд Муравьева из Казани в Симбирск, как побег Богословского и проч.»¹) упрек в неумении бдительно следить за командным составом адресовался военным комиссарам. Отныне комиссары за побег или измену командующего должны были подвергаться суровым карам вплоть до расстрела.

Несмотря на подчас серьезные негативные последствия на фронте – потерю важных населенных пунктов, открытие фронта противнику, катастрофы для красных эти инциденты не повлекли. Обусловлено это, с одной стороны, тем, что речь шла об одиночках, а, с другой, из всех изменников с подпольем организационно связаны были лишь Ф.Е. Махин и, возможно, Б.П. Богословский. Кроме того, видимо, только пять из восьми человек совершили измену, находясь на высоких постах. Однако для успеха подрывной работы требовались слаженные действия целых подпольных организаций и единомыслие значительных групп военспецов, а также определенное стечение обстоятельств. Именно такой пример представляет измена красным старой Военной академии, перешедшей на сторону противника почти в полном составе в два этапа в Екатеринбург и Казани летом 1918 г.² В результате Красная армия лишилась важнейшего военно-учебного заведения и сотен высококвалифицированных специалистов. Думается, действия Б.П. Богословского были связаны с коллективными устремлениями личного состава академии. Известны и другие яркие примеры – измена штаба Приволжского военного округа в июне 1918 г., измена полевого штаба 14-й армии в Екатеринославе в

¹ ДКФКА. Т. 1. С. 412-413.

² Подробнее см.: Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014.

июне 1919 г., измены работников штаба 8-й армии¹ или группы военспецов из состава 2-й бригады 35-й стрелковой дивизии летом – осенью 1919 г.²

Высокопоставленные изменники, в большинстве, были лично храбрыми офицерами старой армии, отличившимися (кроме Н.Д. Всеволодова и М.А. Муравьева) в годы Первой мировой войны. По-видимому, этими же качествами обладал и партийный боевик В.В. Яковлев. Это и неудивительно – измена в условиях Гражданской войны требует решимости и мужества в силу непредсказуемости последствий. Высокопоставленные изменники в большинстве относились примерно к одной возрастной группе (на 1919 г.) от 33 до 40 лет. Значительно старше остальных был Н.А. Жданов, которому в 1919 г. исполнилось 52 года, чуть младше был П.А. Славен (45 лет).

Сильнее других не повезло 2-й армии советского Восточного фронта – два командарма (Ф.Е. Махин и А.И. Харченко) совершили измену непосредственно на этих должностях, а третий, В.В. Яковлев, позднее. Пять случаев измены связаны с Восточным фронтом, два – с Южным и один – с Западным. Только три случая измен связаны с событиями 1919 г., пять случаев относятся к 1918 г., когда обстановка была более хаотичной.

Всеволодов и Жданов бежали к противнику с семьями. Богословский также оказался у белых с супругой (по одной версии, они бежали вместе, по другой – супруга перебежчика попала к белым, оставшись в Екатеринбурге). Об остальных изменниках подробности такого плана неизвестны.

В Советской России некоторых перебежчиков (Всеволодова, Жданова) считали расстрелянными, хотя это не соответствовало действительности (возможно, такую версию было выгодно озвучивать родственникам, чтобы избежать преследований и в пропагандистских целях командованию). Тем не менее, судьбы большинства высокопоставленных изменников сложились не очень хорошо. Трое из них погибли насильственной смертью в связи со своими действиями в Гражданскую войну, один по этой же причине скончался в заключении. Один из изменников был расстрелян в 1930-е гг. Лишь трое умерли, спустя много лет, в эмиграции.

Представляется отчасти справедливой оценка видного военного специалиста РККА, бывшего генерала М.Д. Бонч-Бруевича: «Конечно, были изменники, перебежавшие к белым, но не они определяли лицо поступившего в Красную армию офицерства. Бегство к белым было зачастую вызвано не столько сознательным стремлением “предать” новую армию, сколько личными обидами, расстроеной психикой, а то и просто неумением противопоставить себя родным или сослуживцам, оказавшимся в белом стане»³. Действительно, не измены, даже на самом верху, задавали вектор развития Красной армии, поскольку абсолютное большинство военных специалистов на всех уровнях несло свою службу в Красной армии добросовестно.

¹ Подробнее см.: Ганин А.В. Последние дни генерала Селивачева.

² Подробнее о последнем случае см.: Ганин А.В. Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России 1917-1922. М., 2018. С. 229-270.

³ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957. С. 285.

От «поповичей» до студентов: Коллективная биография деятелей белорусского национального движения времен Гражданской войны

Просопография является на сегодняшний день одним из перспективных методов исторических исследований. Данный метод направлен на создание коллективных биографий, выявление определенного круга лиц, относящихся к определенной эпохе или местности, которые имели общие политические, социальные или этнические черты, либо занимали определенную должность. Просопография как метод исторического исследования уже достаточно хорошо разработан в зарубежной историографии, однако в белорусском историческом дискурсе только в последнее время начали появляться научные исследования в этом направлении.

В русле исследования истории белорусского национального движения в историографии основательно представлена персональная история многих известных национальных деятелей, лидеров ряда белорусских организаций и учреждений постреволюционных времен. В этом направлении осуществлялись исследования польских историков А. Бергман (биография Б. Тарашкевича)¹, Ю. Туронка (В. Ивановский)², белорусских исследователей А. Сидоревича (А. Луцкевич)³, А. Вашкевича (ксендз В. Годлевский)⁴, А. Чернякевича (П. Алексюк)⁵, А. Смолянчука (Р. Скирмунт)⁶ и др. Тем не менее, микроуровень белорусского национального движения, судьбы других белорусских активистов, остались малоисследованными. В историографии по-прежнему не создан коллективный портрет участников белорусского национального движения, что создает определенные препятствия для изучения микроистории и истории повседневности этого аспекта белорусской истории.

На рубеже XIX-XX вв. в общественно-политической жизни белорусских земель наблюдалось активное развитие национального движения белорусов и становление первых белорусских политических структур. Вслед за чешским историком М. Грохом можно признать, что в этот период белорусская интеллигенция переходила от стадии изучения истории, культуры и фольклора к стадии проведения патриотической агитации с целью распространения национального самосознания и расширения идеи собственной государственности, первоначально в виде автономии.⁷ Впервые подобные политические лозунги подняла группа журнала «Гомон» в 1884 г. Определенную роль в развитии белорусского движения оказала изданная в 1902 г. листовка «К интеллигенции», где содержался призыв активно расширять среди белорусов национальную культуру и самосознание. Выход листовки стал началом деятельности Белорусской революционной партии, из рядов которой впоследствии вышли организаторы Белорусской социалистической громады – одной из наиболее известных белорусских политических структур в начале XX столетия.⁸ Важным агитационным ресурсом белорусского движения

¹ А. Бергман. Слова пра Браніслава Тарашкевіча. Мінск, 1996.

² Ю. Туронак. Вацлаў Іваноўскі і адраджэнне Беларусі. Мінск, 2006.

³ А. Луцкевіч. Барацьба за вызваленне. Вільня-Беласток, 2009. С. 13-30.

⁴ А. Вашкевіч. Вінцэнт Гадлеўскі: насуперак часу. Мінск, 2018.

⁵ А. Чарнякевіч. Чужы сярод чужых: Павел Аляксюк і Беларусь «паланафілы». Мінск, 2017.

⁶ А. Смалянчук. Раман Скірмунт (1868-1939): жыццяпіс грамадзяніна Краю. Мінск, 2018.

⁷ А. Кравцевич, А. Смоленчук, С. Токть. Белорусы: нация Пограничья. Вильнюс, 2011. С. 88 – 89.

⁸ Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. Кн. 1. Мінск, 2011. С. 244-245; Wroń. Z powodu odezwy białoruskiej // Przedświt. 1903. Nr 2. S. 53–57.

стала газета «Наша нива», на страницах которой была сформулирована белорусская национальная концепция развития пяти западных губерний Российской империи.¹ Квинтэсэнцией деятельности белорусского национального движения стало провозглашение в марте 1918 г. независимой Белорусской Народной Республики (БНР).

Для более полного понимания коллективных биографий белорусских активистов периода Гражданской войны в данной статье я предлагаю рассматривать белорусское движение в разрезе поколений. При этом поколения белорусских деятелей определяются мной не только в интеллектуальном плане, но и в хронологическом. Важным рубежом для размежевания поколений выступает Февральская революция 1917 г. Таким образом, в белорусском движении в первых двух десятилетиях XX века существовало два поколения белорусских активистов, каждое из которых имело свои особенности происхождения, связи с белорусским движением, уровень интеллектуального и политического развития и т.д. Первое поколение условно можно назвать «нашенивским» либо старым поколением белорусских активистов. Политическая активность этих людей припала на период становления первых структур белорусского национального движения – Белорусской социалистической громады и газеты «Наша нива», т.е. на первое десятилетие XX в. Большинство деятелей старого поколения были выходцами из католической среды и, по мнению белорусского историка В. Ляховского, начали свою общественную активность под влиянием польских патриотических кружков.²

Второе поколение белорусских активистов условно можно определить как «поколение 1917 г.». В первую очередь это представители интеллигенции, ученической молодежи, военные и гражданские лица, которые присоединились к белорусскому движению на волне Февральской революции 1917 г. в России. Практически все они являлись представителями т. наз. «комитетского класса», который, по определению российского историка Б. Колоницкого, оформился в революционные дни 1917 г. Особенностью этого «класса» было стремление реализовать свои способности и самовыражение в политической жизни, захватить и удержать власть в своих руках, использовать политическую ситуацию для реализации карьерных амбиций.³ Многие из этих деятелей в Беларуси были выходцами из русскоязычного культурного окружения, православного вероисповедания, некоторые из них имели определенный опыт политической борьбы в рамках российских революционных организаций. В 1917 г. они пришли в белорусское движение, потому что почувствовали силу и перспективность этого политического проекта.

В просопографии обоих поколений белорусского движения значительным фактором выступало социальное происхождение того или иного деятеля. Социалистический по своей политической ориентации, белорусский национализм в позднее модерное время включал в себя людей разных социальных слоев. В старом «нашенивском» поколении преобладали выходцы из мелкого и среднего шляхетского сословия, повседневная практика которых, особенно в период становления личности, была тесно связана с польской культурной средой. В редакционной деятельности «Нашей нивы» в 1906-1915 гг. участвовали безземельные, мелкие и средние шляхтичи В. Ластовский, В. Ивановский, братья Луцкевичи, Ф. Стецкевич, Ф. Умястовский, А. Левицкий, К. Каганец (Костровицкий), Тетка (А. Пашкевич) и др.⁴ В период Гражданской войны

¹ А. Унучак. «Наша нива» і беларускі нацыянальны рух (1906 – 1915 гг.). Мінск, 2008. С. 4.

² У. Ляхоўскі. Ад гоманаўцаў да гайсакоў. Чыннасць беларускіх маладзёвых арганізацый у 2-й палове XIX ст. – 1-й палове XX ст. Беласток-Вільня, 2012. С. 33.

³ Б. Колоницкий. #1917: Семнадцать очерков по истории Российской революции. Санкт-Петербург, 2017. С. 118-119.

⁴ А. Унучак. «Наша нива» і беларускі нацыянальны рух (1906 – 1915 гг.). С. 35-36.

практически все они будут занимать достаточно видное место в белорусском движении, а некоторые – будут возглавлять различные белорусские политические структуры. При этом отношение к ним других социалистов с другим социальным происхождением было весьма позитивным и уважительным, в отличие от отношения к представителям крупного дворянства. Мелкую и среднюю шляхту рассматривали как часть сельского социума, людей, связанных с традиционной крестьянской культурой. По мнению И. Лесика, мелкая белорусская шляхта «более сохранила культурно-национальных традиций, типичной белорускости, нежели кто-нибудь другой. А по своему социальному положению – это тот же самый земледелец, что и крестьянин».¹

После 1917 г. в белорусское движение пришли многочисленные активисты, которые имели различное социальное происхождение. Несмотря на то, что белорусский национализм в первую очередь был сфокусирован на крестьянское население, из 9 членов-белорусов Народного секретариата БНР, сформированного в 1918 г. только 4 были выходцами из деревень, остальные родились в городах и местечках.² В основном в «поколении 1917 г.» преобладали представители интеллигенции – учителя, агрономы, юристы, мелкие чиновники, врачи. Из 36 членов Совета 1-го Всебелорусского съезда 19 были представителями выше перечисленных профессий.³

Показательным может выступать тот факт, что с «поколением 1917 г.» в белорусское движение пришло значительное количество так называемых «поповичей» – детей православного духовенства. Некоторые исследователи, особенно в советский период, подчеркивали, что православные священники до революции являлись главной опорой царского самодержавия в Беларуси. Безусловно, многие представители духовенства выступали важными проводниками политики русификации в белорусских губерниях.⁴ Тем не менее, в свете новых фактов можно констатировать, что еще до революции 1917 г. часть приходского духовенства пыталась пользоваться в своей пастырской деятельности белорусским языком, а так же оказывала помощь этнографам в изучении местных говоров, фольклора и литературы.⁵ Согласно переписи населения 1897 г. более 47% священников определили свой родной язык как белорусский.⁶ Поэтому очевидно, что дети православного духовенства, воспитываясь в непосредственном контакте с традиционной белорусской культурой, в будущем сделали выбор в пользу белорусского национального проекта. Это во многом подтверждает тот факт, что Православная церковь в белорусской провинции, несмотря на политику русификации, сохраняло связь с народной средой. Среди выходцев из духовного сословия были такие известные белорусские деятели, как председатели Рады БНР И. Середа и П. Кречевский, географы и педагоги А. Смолич и Г. Богданович, председатель Великой белорусской рады в 1917 г. В. Адамович, историки и публицисты М. Коханович и В. Игнатовский.⁷

Одной из особенностей белорусского национального движения в период Гражданской войны было отсутствие в нем большого количества активистов с высшим

¹ Я. Лёсік. 1921-1930: збор твораў. Мінск, 2003. С. 158.

² А. Буча. Хто ўваходзіў у першы беларускі кабмін // Наша гісторыя. 2019. № 3. С. 40.

³ Архівы БНР. Т.1. Кн. 1. Вільня, Нью-Ёрк, Менск, Прага, 1998. С. 37-38.

⁴ А. Цьвікевіч. «Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. Менск, 1993. С. 222.

⁵ А. Кравцевич, А. Смоленчук, С. Токть. Белорусы: нация Пограничья. С. 136-137.

⁶ П. Терешкович. Этническая история Беларуси XIX – начала XX вв. в контексте Центрально-Восточной Европы. Минск, 2004. С. 152.

⁷ Возможно, еще одним фактором, который подтолкнул многих белорусских «поповичей» присоединиться к национальному движению была активная пропаганда, которую проводили деятели Белорусской социалистической громады в Виленской духовной семинарии во время революции 1905-1907 гг. См. напр.: А. Луцкевіч. Да гісторыі беларускага руху. Беласток-Вільня, 2010. С. 168.

образованием. После закрытия в 1832 г. Виленского университета, на территории пяти белорусских губерний не было ни одного классического университета, что значительно замедляло процесс формирования местной интеллектуальной элиты. Согласно переписи населения 1897 г. только лишь 0,17% белорусов имели высшее или среднее образование.¹ В условиях имперской системы образования белорусы были вынуждены получать университетский диплом в других городах страны – в Петербурге, Москве, Варшаве. Поэтому, например, в структурах правительства БНР на разных этапах с 1918 по 1925 гг. работало только три белоруса с законченным университетским образованием – Е. Белевич, Л. Заяц и А. Цвикиевич (все окончили юридический факультет Петербургского университета).² Большинство активистов белорусского движения периода Гражданской войны в России имело среднее либо среднее специальное образование. В основном это были выпускники учительских семинарий, в которых готовились будущие учителя начальных школ. Учащиеся семинарий в условиях отсутствия высшего образования являлись значительным ядром формирования будущей местной интеллигенции и, в то же время, проявляли большую политическую активность, особенно в революционные годы.³

В то же время, после революции 1917 г. в белорусском движении более свободно начали участвовать учащаяся молодежь и студенты-уроженцы белорусских губерний, которые учились в различных вузах России. Наиболее активно с белорусскими организациями сотрудничали московские студенты-белорусы, создавшие ряд своих кружков в 1917-1918 гг.⁴ В белорусских городах, а также в условиях беженства, начали создаваться различные ученические структуры с ярко выраженным национальным вектором деятельности. Показательной здесь может выступать деятельность организации «Молодая Беларусь» при Минском учительском институте, который в 1917-1918 гг. находился в Ярославле. Члены организации проводили культурно-просветительскую работу среди беженцев-белорусов, организовывали различные мероприятия и распространяли белорусскую периодику.⁵ После революции 1917 г. студенты и учащиеся стали неотъемлемой частью различных белорусских собраний, съездов, конференций как показатель определенной приемственности со старыми поколениями белорусских активистов.⁶

Влияние политики русификации сказывалось и на гендерные расстановки в белорусском национализме. Гендерный состав белорусского национального движения в конце 1910-х гг. был фактически однородным. В различных белорусских структурах доминировали мужчины. К примеру, в 1918 г. из 80 членов Рады БНР только 3 были женщинами.⁷ Достаточно низкая ангажированность женщин в белорусское движение в период с 1917 по 1920 гг., скорее всего, была связана с низким уровнем женского образования в белорусских губерниях, особенно, среди православных белорусок. По подсчетам П. Терешковича, на рубеже XIX – XX вв. только 3% православных женщин Беларуси могли читать и писать, что во многом было обусловлено как традиционным

¹ Д. Міхалюк. Беларуская Народная Рэспубліка ў 1918-1920 гг.: ля вытокаў беларускай дзяржаўнасці. Смаленск, 2015. С. 56

² Беларуская Народная Рэспубліка – крок да незалежнасці: да 100-годдзя абвяшчэння: гістарычны нарыс. Мінск, 2018. С. 140, 143, 150.

³ У. Ляхоўскі. Ад гоманаўцаў да гайсакоў. Чыннасць беларускіх маладзёвых арганізацый у 2-й палове XIX ст. – 1-й палове XX ст. С. 37.

⁴ Там же. С. 93.

⁵ У. Ляхоўскі. Маладая Беларусь // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т.5. Мінск, 1999. С. 49.

⁶ См. напр.: Архівы БНР. Т.1. Кн. 1. С. 27; Стэнаграма 3'езду Заходняй Беларусі // Раніца (Вільня). 1921. № 3. С. 2.

⁷ Архівы БНР. Т.1. Кн. 1. С. 97-99.

отношением к женщинам в белорусском патриархальном крестьянском обществе, так и особенностями имперской системы образования на окраинах.¹

Важной особенностью просопографии деятелей белорусского движения являлся языковой аспект. Как известно, язык – это одна из главных составляющих национального самосознания и достаточно сильный объединяющий фактор для национального движения. Однако, на белорусских землях в начале XX в. языковая ситуация была неоднозначной, что оказывало большое воздействие на развитие структур национального движения и его консолидации. Несмотря на то, что во время переписи населения 1897 г. более 5 миллионов человек назвали своим родным языком белорусский, в общественной жизни, образовании, повседневных практиках жителей белорусских губерний доминировал русский язык.² К тому же часть дворянства и городского населения, особенно западных регионов Беларуси, придерживались польскоязычной культурной традиции.³ Несомненно, эти особенности не могли не влиять на своеобразие языка белорусских национальных активистов. Очень важным здесь был фактор поколений. Старое поколение белорусского движения, которое принимало участие в издании белорусской газеты «Наша нива», подготовки белорусских книг и журналов в дореволюционный период, рассматривало белорусский язык как некую доминанту национального строительства. По выражению А. Луцкевича «родной язык хранит в себе глубоко дух нации», его необходимо развивать для возрождения национальной культуры.⁴ Поэтому большинство представителей дореволюционного поколения белорусских деятелей стремилось использовать белорусский язык в повседневной жизни – при переписке с единомышленниками, в своих выступлениях, разговорной речи. К примеру, многие подписчики «Нашей нивы» вели корреспонденцию с редакцией газеты на белорусском языке, хотя нередко встречались русскоязычные и польскоязычные письма.⁵ Павел Аляксук, один из авторов «Нашей нивы» и активный участник белорусского движения в годы Гражданской войны, в 1910 г. вел переписку с польскоязычной газетой «Litwa» на белорусском языке.⁶

Совершенно по иному выглядела языковая ситуация в среде «поколения 1917 г.». Молодые люди, интеллигенты, представители дворянства и городского сословия, которые пришли в белорусское движение после Февральской революции, во многом были очень русифицированной частью белорусского общества. Русский язык являлся для них языком общения, мыслей, публицистики и межкультурных контактов. Поэтому в 1917-1918 гг. русский язык параллельно с белорусским использовался в дискурсе белорусского национального движения, а в некоторых случаях и преобладал. Например, документация многих белорусских организаций велась по-русски, в том числе и первые документы правительства Белорусской Народной Республики – Народного секретариата.⁷ На открытии первой сессии Центральной рады белорусских организаций ее председатель Петрашкевич заявил, что плохо знает белорусский язык и будет говорить по-русски.⁸ Русский язык использовался и в эго-документах большинства белорусских деятелей

¹ П. Терешкович. Этническая история Беларуси XIX – начала XX вв. в контексте Центрально-Восточной Европы. С. 116

² Д. Міхалюк. Беларуская Народная Рэспубліка ў 1918-1920 гг.: ля вытокаў беларускай дзяржаўнасці. С. 47-49.

³ Там же. С. 49

⁴ А. Луцкевіч. Барацьба за вызваленне. С. 63-64.

⁵ Lietuvos centrinis valstybės archyvas (LCVA), f.368, ap. 1, b.3, l. 10, 12, 23, 42, 43, 47.

⁶ А. Чарнякевіч. Чужы сярод чужых: Павел Аляксук і беларускія “паланафілы”. С. 16.

⁷ А. Агееў, І. Пушкін. Фарміраванне і дзейнасць Магілёўскага беларускага камітэта (1917-1918 гг.). Магілёў, 2017. С. 136, 145-146; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.6063, оп. 1, д.2, лл. 131-132.

⁸ А. Чернякевич. БНР. Триумф побежденных. Минск, 2018. С. 29.

«поколения 1917 г.» – в дневниках, автобиографиях, переписке.¹ В тоже время, недостаточное владение родным языком вызывало определенный дискомфорт у белорусских активистов и стремление расширить сферу использования этого языка. Полина Бодунова, одна из членов Рады БНР в 1918 г., несмотря на то, что пользовалась в своих выступлениях русским языком, требовала перевести выступления других членов Рады БНР на белорусский язык.² Постепенно, втягиваясь глубже в повседневность белорусского движения, белорусские активисты все чаще использовали родной язык и во многом переходили (либо были вынуждены переходить) на него при коммуникативных процессах. Та же Полина Бодунова уже в 1920-е гг. вела свою корреспонденцию на белорусском языке.³

Таким образом, среди деятелей белорусского движения времен Гражданской войны в России выделялось два поколения активистов. Первое поколение старых деятелей было тесно связано с редакцией белорусской газеты «Наша Нива», которая издавалась в 1906-1915 гг. Это были в основном выходцы из мелкой и средней белорусской шляхты, тесно связанные с польско-католической культурной средой, но активно использовавшие белорусский язык в качестве главного показателя своей идентичности. В период Гражданской войны они занимали достаточно важное место в структурах белорусского движения, в том числе и возглавляя некоторые правительственные институты. Наиболее многочисленным было второе поколение деятелей белорусского движения – «поколение 1917 г.». После Февральской революции 1917 г. к белорусскому движению присоединилось огромное число представителей местной интеллигенции и учащейся молодежи. В основном это были выходцы из городов и местечек, многие из которых являлись детьми православного духовенства. Особенности коллективной биографии «поколения 1917 г.» было наличие у активистов среднего или среднего специального образования, преобладание мужчин, использование русского языка при коммуникации. Во многом сосуществование этих двух поколений белорусских активистов значительно определяло развитие структур белорусского движения в 1917-1921 гг. и обуславливало появление на политической сцене Беларуси новых деятелей в условиях советской Беларуси и Западной Беларуси в составе Польши в межвоенное двадцатилетие.

¹ ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 777. Дневник Евгения Ладнова; Lietuvos Mokslo Akademijos Vrublevskio Biblioteka. Rankraščių skyrius (LMAVB RS), f. 21, b. 723, l. 1-3. Автобиография Федора Верниковского, 1919 г.

² В. Лебедзева. Пакліканая свабодай: нарыс жыцця і дзейнасці Палуты Бадуновой. Гомель, 2018. С. 18.

³ Архівы БНР. Т.1. Кн. 2. С. 1498-1499.

Мадаминбек ва Шермухаммадбек курбаши – вожди повстанческого движения в Ферганской долине

В повстанческом движении в Туркестане, в особенности в Ферганской долине (1918 – 1924 гг.), представленном десятками и сотнями отдельных локальных отрядов, партизанских по своей сути, нацеленных прежде всего на защиту своего родного очага, дома, селения, решение проблем консолидации сил для выполнения стратегических задач регионального масштаба могло быть под силу лишь наиболее авторитетной личности, снискавшей доверие у повстанцев, мирных жителей своими способностями организатора, политического трибуна, военного стратега. Архивными документами в полной мере подтверждается, что Мадаминбек (1892 – 1920) и Шермухаммадбек (1893 – 1970) были по праву народными вождями. Однако и на этом уровне личные амбиции, интересы брали верх над общими, нарушали общее согласие и порождали сепаратистские тенденции в освободительном движении. Советское командование, всеми силами стремившееся разрушить единство курбаши, умело использовало эти недостатки.

Призванным руководителем, истинным вождем борьбы за независимость в Ферганской долине был Мадаминбек. В его личности сочетались качества, присущие государственному и политическому деятелю и полководцу. Мадаминбек ввел в Ферганской долине альтернативную органам советской власти систему политического управления. «Он умело использовал наши недостатки и ошибки руководства. У него был свой «аппарат управления», свой трибунал, свой «генштаб», он издавал законы», - отвечал один из его врагов. Только Катта Эргашу и Шермухаммадбеку также удалось внедрить подобную систему управления. Мадаминбек придал войскам – повстанцам – вид единого, организованного воинского соединения, среди его солдат была сильная военная дисциплина. Мадаминовцы сами ловили и жестоко наказывали мародеров и грабителей мирного населения. «Поставивший перед собой задачу свергнуть советскую власть и восстановить Ферганскую автономию, Мадаминбек обладал качествами искусного политика и предприимчивого организатора», - подчеркивалось в одном из архивных документов¹.

С целью объединения сил повстанцев и централизации руководства движением в конце марта 1918 года в селе Бачкир по инициативе членов «Шурои Уламо» и «Шурои Исламия» был созван первый курултай – съезд курбаши Ферганы. В нем приняли участие свыше 40 крупных курбаши (Эргаш, Мадаминбек, Халходжа, Шермухаммадбек, Ислам Пахлавон и др.)². Руководителем движения за независимость в Ферганской долине избрали Муллу Эргаша вместо погибшего Кичик Эргаша, и ему было присвоено звание «Амир-ал-Муслимин». Заместителями Эргаша были назначены Мадаминбек и Шермухаммадбек.

Плодотворность стремления участников курултая к налаживанию сотрудничества была подтверждена успехами совместных выступлений джигитов Эргаша и Мадаминбека

¹ Раджабов К.К. Истиклолчилик харакати в Ферганской долине: сущность и основные этапы развития (1918 – 1924 гг.). Автореферат дисс...канд.ист.наук. –Ташкент, 1995. –С. 20.

² Шамагдиев Ш.А. Очерки истории гражданской войны в Ферганской долине. –Ташкент: Наука, 1961. - С. 61 – 62.

в боевых акциях. Им удалось в первом же сражении вблизи Коканда обратить в бегство отряды Красной армии¹.

И всё же объединительные тенденции дали слабые ростки. В развертывающемся движении курбаши возобладали сепаратизм, обособленные действия, соперничество. Это с новой силой сказалось во взаимоотношениях между двумя крупными деятелями движения – Муллою Эргашем и Мадаминбеком. Как Мадаминбек в бытность заместителем Эргаша, так и последний после перехода власти к Мадаминбеку всячески демонстрировали свое нежелание подчиниться централизованному руководству и продолжали самостоятельные боевые действия. Это соперничество отрицательно сказывалось на общем состоянии движения, ослабляло его. Тем не менее каждый из них своими боевыми действиями вносил неоценимый вклад в развертывание повстанческого движения.

Мадаминбек рано встал на путь борьбы против царской администрации в Туркестане. За противоправные действия он был арестован и отправлен в Сибирь на каторгу; в 1914 – 1917 годах находился в Нерчинске. После февральской революции 1917 года он как политический осужденный был освобожден и вернулся в Маргилан. Тогда же, в 1917 году, руководители общества «Шурои Уламо» рекомендовали Мадаминбека на пост курбаши – главы городской полиции².

На этом посту он оставался и после прихода к власти большевиков. Даже после объявления Туркистон мухторияти он продолжал служить советской власти, считая «власть большевиков самой хорошей и полезной для народа». Отмечая это позже в одном из своих обращений к народу, Мадаминбек признавался: впоследствии убедился, что деятельность большевиков ознаменовалась грабежами не только баев, но и бедняков, и потому оставил пост курбаши Старого Маргилана и встал в ряды вооруженного сопротивления³.

К Мадаминбеку первоначально примкнули джигиты Маргилана и Ташлака. Постепенно в группу Мадаминбека, опорным пунктом которой стал кишлак Гарбуа Яккатутской волости, стала стекаться молодежь и из других селений. Весной 1918 года под его руководством было уже 1000 – 1500 джигитов⁴. Известия о первых успешных военных операциях Мадаминбека, победоносных молниеносных атаках его джигитов на административные центры, железнодорожные станции, коммуникации и т.д. широко распространились по всей Ферганской долине, подняв его авторитет и славу. Под начало Мадаминбека встали такие крупные курбаши, как Солих Махдум, Исмаил Пахлавон, Усманбек, Фаез Махдум, Казакжонбек, Хошим Пахлавон. Заместителем и основным сподвижником Мадаминбека был курбаши Солих Махдум.

Среди курбаши стала все более крепнуть мысль о передаче общего руководства движением от Эргаша Мадаминбеку. В начале ноября 1918 года в селе Ойим Андижанского уезда (в 14 км северо-западнее от Карасу) состоялся очередной курултай курбаши⁵. Курбаши, подводя первые итоги своей борьбы, признали настоятельную потребность в налаживании и укреплении взаимодействия между отдельными отрядами. Этому и был посвящен намеченный курултаем план боевых действий в условиях приближавшейся зимы. Достигнутое на курултае соглашение о более четком установлении зон дислокации и действия формирований крупных курбаши было

¹ Государственный архив Ферганской области (ГАФО), ф. 435, оп. 1, д. 105, л. 7; Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз), ф. 25, оп. 1, д. 79, лл. 19-20.

² ГАФО, ф. 121, оп. 1, д. 89, л. 158.

³ ГАФО, ф. 121, оп. 1, д. 219, л. 34; д. 31, л. 155.

⁴ ГАФО, ф. 121, оп. 1, д. 219, лл. 34 – 35.

⁵ Архив аппарата Президента Республики Узбекистан (ААП РУз), ф. 60, оп. 1, д. 49, л. 4.

свидетельством пробивающихся ростков осознания ими себя частью единого движения за свободу и независимость. Не менее значительным событием явилось избрание Мадаминбека главнокомандующим повстанческими войсками вместо курбаши Катта Эргаша¹.

К концу 1918 года Мадаминбеку удалось взять под свое руководство действия крупных сепаратистски настроенных курбаши. Сплочение таких видных курбаши, как Шермухаммадбек, Нурмухаммадбек; Халходжа, Махамходжа, Рахмонкул, Амон Пахлавон и лидер киргизских повстанцев Мухиддинбек, потребовало от него значительных усилий. Мадаминбеку удалось также сломить сопротивление и анархизм курбаши из бывших беков, отстаивавших право на независимость своих действий в кишлаках и районах, находившихся в сфере их влияния. Долгую, изнурительную борьбу ему пришлось вести с высокомерным и политически близоруким Халходжой². Непростыми оставались взаимоотношения Мадаминбека и с курбаши Эргашем.

Но даже в этих условиях Мадаминбек, проявив недюжинные способности организатора и военного деятеля, сумел за короткий срок объединить под единым руководством основные силы курбаши, ввести единые принципы формирования и организации войск повстанцев, повысить воинскую дисциплину. Мадаминбековцы сами ловили насильников и воров. Так, в начале 1919 года «в Ташлаке бывшие хозяева завода, Исхак-управляющий и Таджибай-кунжутник за создание мелких групп насильников были расстреляны людьми, посланными Мадаминбеком»³.

В вооруженных отрядах Мадаминбека были представители всех социальных слоев Туркестана: кроме джигитов, составлявших костяк войска, здесь можно было встретить представителей исламского духовенства – ишанов, мулл, а также торговцев, служащих, работавших ранее в учреждениях царской администрации, а позже – в органах советской власти, белогвардейских офицеров. «Мадаминбек, - отмечалось в разведданных большевиков, - встречал с радостью и распростертыми объятиями контрреволюционера и всякого человека, - недовольного советской властью, независимо от национальной принадлежности и вероисповедания»⁴.

За короткий срок Мадаминбек собрал вокруг себя опытных советников, с их помощью подготовил людей, которых направил во все уголки Ферганской долины в качестве своих представителей. Во всей Ферганской долине действовало введенное им альтернативное органам советской власти управление. По признанию одного из советских работников, «он умело использовал наши недостатки и ошибки руководства. У него был свой «аппарат управления», свой трибунал, свой «генштаб», он издавал законы»⁵.

В личности Мадаминбека – несомненно, талантливого человека – удачно сочетались незаурядные качества крупного военного стратега, серьезного политика, искусного дипломата. С его именем связано образование Ферганского временного автономистского правительства – Фаргона муваккат мухторият хукумати (22 октября 1919 года на курултае в Иркиштаме), заключение договора о совместных действиях против советской власти между силами повстанцев и русской крестьянской армией под командованием К. Монстрова (1 сентября 1919 года).

¹ Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Научный редактор: Р.Я. Раджапова. –Ташкент: Шарк, 2000. –С. 176.

² См.: ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 336, лл. 234 – 240.

³ ГАФО, ф. 121, оп. 1, д. 219, л. 34 об.

⁴ Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 149, оп. 1, д. 108, лл. 163 – 164.

⁵ Война в песках. –Москва: ОГИЗ, 1935. - С. 202.

Мадаминбека вынуждены были признать и его противники. «Мадаминбек, поставивший своей целью свержение советской власти и установление Ферганской Автономии, имел качества умелого политика и инициативного организатора», - отмечалось в одном из документов¹.

На курултае курбаши в кишлаке Аим в октябре 1919 года между ними была достигнута договоренность о совместной борьбе против советской власти, намечен план боевых операций формирования борцов за независимость в наступающий зимний период. Ферганская область была поделена в оперативном отношении между отдельными крупными подразделениями повстанцев на сферы деятельности: в Андижанском уезде действовал Махамходжа со ставкой в кишлаке Ангузбак, в Ошском уезде – Халходжа со ставкой в селении Наукат, в Наманганском – Аман Пахлавон, в Кокандском – Эргаш со ставкой в окрестностях Дамкула, в Скобелевском – Мадаминбек².

Избранный на этом курултае главнокомандующим повстанческими формированиями Мадаминбек вложил много сил и энергии в объединение разрозненных отрядов курбаши и подчинение их единому командованию. Однако в этом важном деле он встретил сильно сопротивление со стороны некоторых предводителей отрядов, прежде всего Эргаша. Последний видел в стремлении Мадаминбека объединить под своим началом всю ферганскую вооруженную оппозицию попытку ограничить его самостоятельность и независимость. Противостояние этих видных лидеров движения борцов за независимость порой доходило до настоящих сражений между их формированиями. Одно из наиболее крупных из них произошло около кишлака Исфара и закончилось поражением Эргаша, который был вынужден отступить к кишлаку Сох³. Противоречия между руководителями движения ослабляли его и играли на руку советам.

В упорной борьбе с сепаратизмом Эргаша, Халходжи и некоторых других видных предводителей движения Мадаминбек прилагал много усилий для создания современной боеспособной армии из разрозненных, слабо обученных, плохо вооруженных отрядов. В этих целях он стремился опереться на боевой опыт и знания представителей белого движения. В отличие от Эргаша и других курбаши Мадаминбек широко привлекал в свои формирования русских офицеров. По данным советской разведки, только в штабе Мадаминбека служило около 40 русских офицеров (Белкин, Никольский, Ситняковский, Радзиевский, Поплавский, Лазарев и др.), а всего их в формированиях Мадаминбека было до 90 человек⁴. В ставке Мадаминбека под руководством русских офицеров джигиты обучались владению саблей, стрельбе из винтовки и пулемета⁵.

Большое внимание Мадаминбек уделял вопросам боевого обеспечения своих отрядов. В этих целях в Гарбуа была организована оружейная мастерская, где местные оружейники под руководством Ахрарходжи Ишан Максудходжаева занимались изготовлением и ремонтом оружия. Оружейные мастерские были созданы также в крепости Учтепа близ Намангана и в селении Коканкишлак Андижанского уезда⁶. Народные умельцы, работавшие в этих мастерских, пытались производить даже пушки, которые «при действии издавали страшный выстрел с огнем, заряжались они шарами,

¹ РГВА, ф. 149, оп. 1, д. 108, лл. 161 – 162.

² ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 49, л. 4.

³ РГВА, ф. 149, оп. 1, д. 191, лл. 1 – 10; ф. 25859, оп. 1, д. 4, л. 44.

⁴ ГАРФ, ф. 4379, оп. 1, д. 14, л. 270.

⁵ РГВА, ф. 265, оп. 1, д. 4, л. 121.

⁶ Раджабов К.К. Вооруженное движение в Туркестанском крае против советского режима (1918 – 1924 гг.). Автореферат дисс...докт.ист.наук. –Ташкент, 2005. –С. 41 – 42.

величиной не более куриного яйца»¹. Предпринятые Мадаминбеком военно-организационные меры способствовали сплочению рядов борцов за независимость и повышению боеспособности их формирований, что было вынуждено признать и руководство Туркеспублики. Председатель Совнаркома ТАССР В.Д. Фигельский, совершив в конце 1918 года поездку в Фергану и детально ознакомившись на месте с состоянием дел, в докладе ТуркЦИКу с тревогой отмечал: «В Фергане мы имеем дело не с бандой и шайками, как мы привыкли называть, а с хорошей организацией, имеющей связь с Сибирским временным правительством, Асхабадом и даже Оренбургом»².

В конце августа 1919 года в Джалалабаде состоялось объединенное совещание курбаши ряда отрядов и Крестьянской армии, на котором обсуждались планы совместных действий против большевистского режима в крае. 1 сентября 1919 года К.Монстров и Мадаминбек подписали договор об объединении военных формирований борцов за независимость и Крестьянской армии и совместных боевых действиях против советской власти³.

Объединение отрядов курбаши с Крестьянской армией резко изменило военно-политическую обстановку и расстановку военных сил на Ферганском фронте. Ферганская вооруженная оппозиция насчитывала около 20 тысяч человек и имела на вооружении 2 пушки, 4 бомбомета, 13 станковых и 11 ручных пулеметов. Им противостояло всего 3322 штыков и сабель красноармейских частей⁴. Многократное превышение антисоветских сил над красноармейскими частями Ферганского фронта позволило им перейти к широким совместным наступательным операциям против Красной армии.

7 сентября 1919 года объединенные силы отрядов курбаши под командованием Мадаминбека и Крестьянской армии общей численностью около 2 тысяч человек осадили Ош, расположенный в очень важном в стратегическом отношении месте – на пути, связывающем Ферганскую долину, в целом весь Туркестан с Китаем, Афганистаном и Индией. На помощь осажденным был направлен из Скобелева красноармейский отряд, однако он попал в Араванском ущелье в окружение и после трехдневных боев с повстанцами сумел с трудом прорваться на станцию Федченко. 8 сентября в результате полуторасуточных боев гарнизон Оша капитулировал. На следующий день в городе состоялся многотысячный митинг, на котором с речью выступил Мадаминбек, рассказавший собравшимся о сущности и целях движения борцов за независимость⁵. Ош в течение 10 дней находился в руках повстанцев и Крестьянской армии.

Оставив в Оше небольшой гарнизон, объединенные силы повстанцев и Крестьянской армии повели широкое наступление на Андижан, Скобелев и Наманган. 13 сентября войска Мадаминбека заняли Старый Маргилан.

10 сентября войска Мадаминбека и отряды Крестьянской армии плотным кольцом окружили Андижан, являвшийся в то время крупным узлом железных и магистральных шоссейных дорог, связывающих Скобелев, Наманган, Коканд и Ош с китайской границей. Штаб Мадаминбека и К. Монстрова расположился на хлопковом заводе братьев Алексеевых. Их основные силы сосредоточились на территории Хакентской волости.

В разгар боев в Андижане, 15 сентября 1919 года в Старом Маргилане состоялось совещание предводителей крупных формирований ферганской вооруженной оппозиции, в котором участвовали курбаши Мадаминбек, Шермухаммадбек и другие, а также представители белой гвардии. На нем обсуждался вопрос о свержении советской власти

¹«Известия» (Коканд), 1919, 11 апреля.

²«Наша газета» (Ташкент), 1919, 7 января.

³ РГВА, ф. 149, оп. 1, д. 51, л. 126.

⁴ Зевелев А. Из истории гражданской войны в Узбекистане. – Ташкент: Госиздат, 1959. – С. 368 – 369.

⁵ РГВА, ф. 25859, оп. 1, д. 44, лл. 320 об., 328, 329.

в крупных городах, а затем и во всей области, изоляции последней от Советского Туркестана. Однако осуществить этот план не удалось.

Командование Красной армии, учитывая всю серьезность положения, спешно направило сюда следующий с Закаспийского на Актюбинский фронт Казанский полк под командованием А.П. Соколова. Казанский полк являлся одной из наиболее крупных и боеспособных частей Красной армии в Туркестане. Он насчитывал 1528 бойцов при 10 орудиях и 54 пулеметах. 22 сентября 1919 года, прорвав кольцо окружения, Казанский полк вступил в Андижан. В результате численность осажденного гарнизона возросла до 3146 бойцов, имевших на вооружении 12 орудий, 3 бомбомета и 57 пулеметов¹. Наряду с Казанским полком к Андижану были стянуты и красноармейские части из других городов Ферганской области, в том числе крупный сводный отряд из Скобелева под командованием М.В. Сафонова в составе 8 рот и 2 эскадронов при 24 пулеметах и 6 орудиях².

24 сентября после полуторачасовой артподготовки красноармейские части перешли в контрнаступление и нанесли осаждавшим Андижан повстанцам и Крестьянской армии поражение. Казанский полк, развивая успех, достигнутый под Андижаном, во взаимодействии с отрядами Э.Ф. Кужело, П.М. Парамонова и другими частями занял 26 сентября город Ош, 30 сентября – Джалалабад.

Так закончилась широко задуманная операция объединенных сил борцов за независимость и Крестьянской армии по свержению советской власти в Ферганской долине. Несмотря на временную неудачу, Ферганская национальная вооруженная оппозиция сохранила свои основные силы, которые вместе с отрядами Крестьянской армии продолжали представлять реальную опасность для существования советского режима не только в Ферганской долине, но и во всем крае.

На Ферганском фронте осенью 1919 года активно действовали более 40 крупных и мелких отрядов курбаши. Наиболее крупными из них были формирования Мадаминбека, насчитывавшие к концу 1919 года 30 тысяч джигитов³. Характеризуя место и роль Мадаминбека в движении борцов за независимость, начальник разведотдела туркестанских войск писал в телеграмме в Самару начальнику разведки Туркестанского фронта от 30 ноября 1919 года: «Поставив цель ниспровержение советской власти и восстановление автономии Ферганы, Мадаминбек проявил несомненный организаторский и политический талант. Отдельные шайки объединяет под своим главенством, принимает меры к прекращению организационного грабежа, стараясь окружить себя ореолом защитника населения. Шайка его быстро возрастает и в смысле управления получает относительно стройную организационную форму...»⁴.

22 октября 1919 года в пограничном селении Иркештам состоялся курултай руководителей движения борцов за независимость и белого движения, представителей разных слоев населения области. На нем было сформировано Временное автономное правительство Ферганы – Фарғона муваққат мухторият ҳукумати – во главе с Мадаминбеком. В его состав вошли 24 человека, в том числе 16 мусульман и 8 русских⁵.

Временное автономное правительство Ферганы обратилось с воззванием к крестьянам, в котором призвало их вступать в ряды борцов с большевистским режимом⁶.

¹ История гражданской войны в Узбекистане. Т. I. –Ташкент: Наука, 1964. –С. 348.

² Боевой путь войск Туркестанского военного округа. –Москва: Воениздат, 1959. С. 116.

³ ГАФО, ф. 435, оп. 1, д. 220, л. 102.

⁴ РГВА, ф. 110, оп. 1, д. 43, лл. 139 – 140.

⁵ РГВА, ф. 149, оп. 1, д. 51, л. 52.

⁶ РГВА, ф. 149, оп. 1, д. 58, л. 52.

Продолжая спланировать вооруженные силы патриотов, Мадаминбек в конце октября 1919 года в кишлаке Аим созвал курултай наиболее видных курбаши. В нем приняли участие Эргаш, Халходжа, Шермухаммадбек, Рахманкул, Аман Пахлавон, представители национального и белого движения, бухарского эмира и др. На нем обсуждался вопрос об объединении мелких отрядов курбаши и был разработан план их совместных операций. На основании решений курултая около 150 действовавших в Фергане отрядов курбаши были сведены 4 крупных соединения под командованием Мадаминбека, Эргаша, Халходжи и Шермухаммадбека¹. Объединение разрозненных отрядов курбаши значительно усилило их.

После прорыва в сентябре 1919 года блокады ТАССР положение борцов за независимость осложнилось. Если до этого они сражались в основном против войск Туркеспублики, то теперь и против постоянно наводняющих край красноармейских частей Туркестанского фронта. Борьбу в Фергане против отрядов курбаши возглавила Турккомиссия.

В феврале 1920 года натиск Красной армии на отряды курбаши еще более усилился. В начале месяца начальник 2-й Туркестанской стрелковой дивизии получил от командования Туркфронта приказ «преследовать Мадаминбека до полного уничтожения»². Против формирований Мадаминбека и Шермухаммадбека выступили более 2 тысяч пехотинцев, свыше 1500 кавалеристов при 8 орудиях и 14 пулеметах. Серьезное поражение в районе Гарбуа – Каратепе и Шахрихан потерпел во второй половине февраля 1920 года отряд Шермухаммадбека, который вынужден был отступить в Алайскую долину³. Крупное поражение понесли также отряды Мадаминбека и Халходжи. Последний 24 февраля 1920 года вынужден был сдаться. Нанеся тяжелый урон формированиям Мадаминбека в районе слияния рек Нарын и Карадарья, части Ферганского фронта 6 февраля с боем взяли ставку Мадаминбека. Чтобы выиграть время, Мадаминбек был вынужден обратиться к командующему Ферганским фронтом с предложением начать мирные переговоры.

Переговоры, которые с советской стороны вели представители штаба 2-й Туркестанской стрелковой дивизии и Ферганского облревкома (Махмудов и др.), состоялись 5 марта 1920 года в городе Старый Маргилан. 6 марта 1920 года было подписано мирное соглашение между командующим повстанческой армией Мадаминбеком и командованием 2-й Туркестанской стрелковой дивизии, по которому Мадаминбек признавал полное подчинение советской власти, обязывался «быть ее верным слугой, подчиняясь всем ее приказам и распоряжениям». В то же время Мадаминбек в соглашении оговаривал условия, при соблюдении которых советской властью он будет выполнять вышеизложенное. А эти важные условия в значительной степени исходили из целей и задач движения за независимость. «Советская власть, - гласил первый пункт мирного соглашения, - при организации гражданской жизни Туркестана сохранит основы шариата, защищая интересы трудового населения, предоставив право мусульманскому населению жить по этому шариату, т.е. применяясь к местным условиям и обычаям населения». Кроме политических условий оговаривались и военные. В мирном соглашении отмечалось, что Мадаминбек обязуется «защищать всемерно советскую власть от ее врагов» в пределах Ферганы, не выезжая на другие фронты. Учитывались в нем и интересы служивших у Мадаминбека русских офицеров,

¹ РГВА, ф. 110, оп. 2, д. 419, л. 3; ф. 149, оп. 1, д. 75, лл. 48 – 50.

² РГВА, ф. 110, оп. 3, д. 82, л. 102.

³ «Известия ТуркЦИК», 27 февраля 1920 г.

которые получали полную амнистию и по их нежеланию могли остаться в отрядах Мадаминбека¹.

Шермухаммадбек курбаши также с первых дней движения вступил на поле битвы за независимость. Его лозунг «Туркестан – край туркестанцев, никто кроме них не имеет права властвовать над ним!» - вдохновлял на борьбу подчиненные ему отряды курбаши. А с мая 1920 года повстанческое движение в Ферганской долине вспыхнуло с новой силой. Начался его новый этап. Его вдохновителем и организатором после убийств Мадаминбека в мае 1920 года стал Шермухаммадбек. По его инициативе 3 мая 1920 года было образовано Туркестанско-турецкая независимая исламская республика – временное правительство Туркестана. Это правительство сыграло важную роль в истории движения за свободу в Ферганской долине.

Длительный этап движения за независимость (май 1920 – 1923 гг.) связан с именем Шермухаммадбека² - четвертого по счету Верховного главнокомандующего повстанческих войск. На этот пост он был избран после подписания Мадаминбеком в марте 1920 года мирного договора с командованием Красной армии, на курултае ферганских курбаши, состоявшемся в мае 1920 года в кишлаке Гарибота Алтыарыкского района.

Шермухаммадбек встал в ряды борцов за национальную независимость с самого возникновения этого движения. Его клич: «Туркестан – родина туркестанцев, никто другой не имеет права властвовать над ней!» - был безоговорочно поддержан многими его соплеменниками. По свидетельству ферганских старожилов, Шермухаммадбек был глубоко религиозным человеком, справедливым и скромным в быту.

Деятельность Шермухаммадбека – крупного военного деятеля, талантливого организатора – была высоко оценена современниками и историками. Шахабиддин Яссавий в своем труде называет его великим военачальником, героической личностью³. Это вынуждены были признать его противники: в 1922 году в одном из документов штаба Туркестанского фронта отмечалось: «Куршермат (Шермухаммадбек – *Ред.*), по национальности – сарт (узбек. – *Ред.*), является самым деятельным и настойчивым из всех курбаши. Очень храбрый в бою, строг к своим подчиненным и жесток к русским. Пользуется большой популярностью и авторитетом среди населения»⁴.

В начале 1923 года, после непрерывной пятилетней борьбы, Шермухаммадбек вместе со своим братом Нурмухаммадбеком вынужден был сложить оружие и уйти в Афганистан.

Но и в эмиграции Шермухаммадбек оставался патриотом своей Родины. Ахмед Заки Валидий, встречавшийся с Шермухаммадбеком в Кабуле летом 1923 года, позже в своих мемуарах тепло отзывался о нем и характеризовал его как «личность, верную своему народу»⁵.

Таким образом, курбаши и народные вожаки как Мадаминбек и Шермухаммадбек, которые стояли во главе движения за независимость в Ферганской долине, считались среди населения истинными патриотами, с беззаветным мужеством и героизмом отстаивавшие право туркестанцев жить в соответствии с традициями и образом жизни

¹ РГВА, ф. 110, оп. 3, д. 285, лл. 75 – 76.

² В советских документах и исторической литературе чаще использовалось его прозвище – Куршермат (он был слеп на один глаз).

³ Яссавий Ш. Туркистон аччик хакикатлари // "Эрк" (Тошкент), 1992 йил 6 – 13 февраль.

⁴ Краткий очерк возникновения и развития басмачества в Фергане. По данным к 1-му марта 1922 года. – Москва, 1922. С. 32.

⁵ Туркестан в начале XX века... -С. 179 – 180.

своих предков, их духовными устоями, отдавшие свои жизни за свободу и независимость Туркестана.

Эмоциональные нарративы Гражданской войны в России (провинциальная газетная поэзия, 1918 – 1920 гг.)

То, что принято теперь называть Великой российской революцией смотрелась изнутри как своего рода стихийный процесс «смерти-возрождения» империи¹. Это было подмечено западными авторами на основании литературных произведений тех лет². Гражданские войны в империи неизбежно приобретают многомерный характер. Империи создаются харизматичными лидерами, связывающими народы воедино, поддерживаются верой и традицией, гибнут от бюрократического окостенения и людского беспамьяства. Стабильная империя – это культура в ее агрегированном силовом воплощении.

В целом это было часть нравственного и духовного коллапса всей эпохи Просвещения. Люди сознавали, что наступил «закат Европы. Отсюда бессилие привычных идейных доктрин, перекрываемых «ревом племени». Осмысление этого процесса требует качественно иного инструментария, способного уловить «тонкие материи» сумбурного бытия. В первую очередь требуется подключение документов эго-документального ряда, способных сложиться в качественно новые нарративы и метанарративы. Какого рода свидетельства прошлого могут все это обеспечить? Как ни странно, ответ лежит на поверхности – это поэтические источники личного происхождения. Всякие неожиданности истории подстегивают людское воображение, провоцируя непривычные эмоциональные выплески. Историкам следовало бы научиться «слушать» революцию с их помощью. Однако они в большинстве своем все еще скользят по внешней канве событий.

Как разрушается империя? Когда вера в нее теряется, а привычные социальные конструкты оказываются распылены, человек остается наедине со своим собственным воображением и историческим подсознанием. Теперь его ведут за собой отчаянные эмоции, которые упорно затягивают его в знакомое «светлое прошлое»³. Революции начинаются с эйфории, заканчиваются всеобщим разочарованием, обуславливающим отчаянное возвращение «на круги своя»⁴.

В советское время не раз издавались политически ангажированные поэтические антологии Октября – это были попытки показать «притягательную силу революции»⁵. Западные исследователи также не раз обращались и к поэтическим источникам революционных лет⁶. В постсоветское время пионером исследования поэзии Гражданской войны в России стал екатеринбургский исследователь В.Н. Голдин⁷. Мне

¹ Булдаков В.П. Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 53–63.

² См.: *Freeborn R. The Russian Revolutionary Novel. Cambridge, 1982; Hellman B. Poets of Hope and Despair. The Russian Symbolists in War and Revolution (1914 – 1918). Helsinki, 1995.*

³ *Buldakov V.P. Revolution and Emotions: Towards a Reinterpretation of Political Events of 1917 // Russian History. 2018. Vol. 45. P. 196–230.*

⁴ Булдаков В.П. Империя и смута: к переосмыслению истории русской революции // Россия и современный мир. 2007. № 3 (56). С. 5–27.

⁵ *Плоткин Л. Октябрь в поэзии // Октябрь в советской поэзии. Л., 1967. С. 20.*

⁶ См.: *Hellman B. Poets of Hope and Despair. The Russian Symbolists in War and Revolution (1914 – 1918). Helsinki, 1995. Gachon-Bréneau C. La poésie prolétarienne Russie. 1914 – 1925. Annexe. [2] Paris, 2000.*

⁷ *Голдин В.Н. Поэзия гражданской войны в периодических изданиях Урала: 1917 – 1919 годы. Кн. 1–2. Екатеринбург, 2006.*

также приходилось писать на эту тему¹. Представляется, что, исследуя эмоциональную ауру Гражданской войны, можно ответить на вопросы, над которыми бессильна ее политизированная историография. Правда, и в наше время известны случаи, когда «поэзия красного террора» по-своему вдохновляет на современные изобличения большевизма². Разумеется, для историка и такого рода свидетельства небесполезны.

Спрашивается, на какие поэтические источники стоит ориентироваться в первую очередь? В годы Гражданской войны постоянно издавались произведения так называемых пролетарских поэтов. Но, как мне кажется, интереснее другое. В тогдашних газетах (чаще подчеркнута беспартийных) постоянно публиковались как признанные мэтры Серебряного века, так и полуграмотные рифмоплеты. Некоторые известные советские поэты начинали свою карьеру в газетах (причем не только большевистских). Так или иначе, на страницы прессы, особенно провинциальной, проникали стихи рядовых участников военного противоборства. Они дают наиболее непосредственное представление об эмоциональной гамме «красной смуты». На этой основе может сложиться особый нарратив революционного времени.

Это неудивительно: в свое время большевики буквально завалили революционной поэзией пропагандистское пространство – со временем это вылилось в известного рода удобство для исследователей³. Между тем, разделить газетную поэзию на чисто «красную» или «белую» довольно сложно. Провинциальные газеты того времени чаще были «розовыми», «беспартийно-демократическими» и антибольшевистскими. На этом выделялась собственно партийно-большевистская пропагандистская пресса.

То, что большевики готовы были идти на гражданскую войну, не вызывает сомнений. Это получило свое поэтическое отражение. Считается, что в ночь на 25 октября 1917 г. в далеком Кутаиси Т. Табидзе записал (вероятно, это было сочинено все же позднее) следующие строки: «Но ответ столетий несомненен, / И исход сраженья предрешен. / Ночь запомнит только имя «Ленин» / И забудет прошлое, как сон»⁴. Но ожидали ли простые люди перерастания революции в гражданскую войну? Те слухи, которые возникали и до и после прихода большевиков к власти, позволяют ответить на этот вопрос убедительно. Московская газета утверждала, что войсками ген. Каледина заняты Воронежская и Тамбовская губернии, в Ташкенте гражданская война приняла ужасающие размеры, в Киеве по большевикам, засевшим во дворце, казаки открыли артиллерийский огонь, заставив их сложить оружие, а в Калуге некий полковник Брандт разгромил Совет солдатских депутатов⁵. А в далекой Полтаве уже 31 октября 1917 г. заговорили о том, что «Керенский подошел с войсками к Гатчине, кажется, уже вошел в Петроград, а там с восстанием покончено»⁶. Подобная информация еще больше дестабилизировала обстановку. «Слухов – не оберешься! – отмечали в Москве. – Одно ясно: самое ужасное – впереди»⁷.

¹ Булдаков В.П. Поэтические завихрения «Красной смуты», 1917 – 1920 // Историк и Художник. Сборник воспоминаний и статей памяти профессора Сергея Сергеевича Секиринского. М., 2013; *Его же*. Белогвардейский Пегас. Антибольшевистская поэзия времен Гражданской войны // Родина. 2013. № 7–8.

² Литвинов Н.Д. Поэзия красного террора 1917 – 1922 гг. Размышления о России. Т. 1–3. Воронеж, 2012.

³ См.: История русской советской поэзии. 1917 – 1941. Л., 1983; Миронец Н.И. Революционная поэзия Октября и гражданской войны как исторический источник. Киев, 1988; и др.

⁴ Табидзе Т. Петербург // Октябрь в советской поэзии. С. 91 – 92.

⁵ Газета для всех (Москва). 1917. 8 ноября.

⁶ Неизданный В. Г. Короленко. Дневники и записные книжки. С. 193, 192.

⁷ НИОР РГБ. Ф. 165. Карт. 1. Д. 1. Л. 24.

Эмоции как бы бежали впереди событий. «Тяжелая смута охватывает все больше и больше Россию»¹, – утверждали в далекой от взбудораженных столиц газете. «Слухи мрачные, – отмечали в Москве. – В народе толки о “Еремеевской ночи”». Господство слухов объясняли «задерганностью нервов»²; это не успокаивало, тем более, что «серьезная» пресса поспешно публиковала массу непроверенной информации.

Обычные люди улавливали в революции отнюдь не прогрессивно-поступательное движение. Иначе и быть не могло. Реактивированные архетипические импульсы судорожно впитывались и ретранслировались пассионарными одиночками. «Идейные» революционеры, включая тех, которые без колебаний идут на тотальный террор, воображают, что, «отрекаясь от старого мира» в некоем коллективном экстазе, возвращаются к первоначальной чистоте и ясности мироздания. Ради этого они готовы идти на смерть и посылать на нее других.

Известно, что падение самодержавия вызвало всеобщую эйфорию. Осенью 1917 г, напротив, последовал эмоциональный спад. Исключение составляли неистовствующие левые авторы. Символично, что 25 октября 1917 г. большевистский «Рабочий путь» опубликовал «Гимн пролетариата». Некоторые беспартийные авторы также не теряли оптимизма. Он был связан, прежде всего, с надеждами на окончание войны. Так, некий А. Климов в конце ноября 1917 г. прислал из действующей армии стихотворение «Я верю», в котором выражал надежду, что скоро «на плуги пушки перельют»³. После победы большевиков стали сочинять всевозможные гимны революции, которые редко обходились без проклятий в адрес всевозможных угнетателей. «И в алом зареве мы, грозная стихия, / По трупам их к Прекрасному придем»⁴, – уверял Александр Поморский. «Несметны мы! Мы вечны, как огонь!»⁵ – писал в 1921 г. Сергей Обрадович.

Наступающий год неслучайно стал скорее самым хаотичным во всей российской истории XX в. Как результат, слухи стали перерастать в «поэзию» революции. В стихотворении «новый 1918 г.» В. Петрушевский писал: «Год наступает голодный, / В центре России война, / Стонет от «власти народной» / Наша родная страна»⁶. Наиболее заметна динамика эмоций в поэзии. Динамика гражданских войн определяется не столько «объективной» статистикой соотношения людских резервов или вооружений, сколько психосоциальным противостоянием враждующих сил.

Между тем, в современной литературе не прекращаются гадания: почему красные победили белых? Как правило, преобладают аргументы и контраргументы позитивистского ряда: вооружения и стратегия, экономика и ресурсы. Для межгосударственных и межблоковых войн иного подхода быть не может. Другое дело гражданские войны, динамика которых была глубинно-многомерной, переворачивающей и выворачивающей буквально все людские души. Иного быть не могло. Российская Гражданская война стала пиком системного кризиса империи, парадоксально базирующейся на «патерналистски-бюрократических», то есть неизбежно приобретающей невиданный эмоциональный накал.

Отдельные стихотворения послеоктябрьских дней были проникнуты экстазом революционного самопожертвования. Так, в декабре 1917 г. Л. Пальмин в «Реквиеме» заклинал: «Шагайте без страха по мертвым телам, / Несите их знамя вперед!» (На

¹ Дело Алтая. Орган Алтайского губернского Совета крестьянских депутатов. 1918. 1 января.

² НИОР РГБ. Ф. 165. Карт. 1. Д. 1. С. 24.

³ Вольный Урал (Екатеринбург). 1917. 29 ноября.

⁴ Песни революции. Вятка. Б.д. С. 16.

⁵ Обрадович С. Октябрь (1917 – 1921) // Октябрь в советской поэзии. С. 170.

⁶ Цит. по: Литвинов Н.Д. Поэзия красного террора 1917 – 1922 гг. Размышления о России. Т. 1. Воронеж, 2012. С. 197.

некоторых знаменах этот текст был воспроизведен). Стало также заметно обилие религиозных метафор и символов. В конце 1917 г. иные авторы воображали, что они «с крестом на Голгофу тащились», а в 1918 г. появлялись призывы: «Да здравствует Совет / Грядущего царства Христова!»¹. Будущее переживалось в знакомых сакральных символах христианской культуры даже «атеистами».

В интеллигентской среде события конца 1917 года вызвали волну растерянности и уныния. В адрес торжествующих толп зазвучали угрозы: «Мы не позволим черни злобной / Свершить насилье и разбой». (Всевозможных анонимов и псевдонимов было предостаточно). Кузьма Беспалый в стихотворении «Комиссародержавие» рисовал такую картину: «Самовластной стала чернь... Самодурствовал с толпою / Коммунар – державный царь; / Про свободу забывая, / Правил бешеный разгул, / И жандармов Николая / Даже за пояс заткнул»². Подчас самодеятельные поэтические образы лаконично доносили смыслы событий. Немногие великие поэты поднять до их обобщения. Хрестоматийными в этом смысле стали «Двенадцать» А. Блока. Как это ему удалось? «...В сегодняшнем дне, в водовороте низких страстей и фантастических слухов «из первоисточников» пребывал он бесстрастным и смотрел, поверх мутного потока современности, вдаль...»³, – отмечал один из близких его знакомых. Историк также следовало бы смотреть на события «отчужденно» – поверх доктрин. В 1918 г. это удалось Леониду Леонову. В сущности, он разглядел историографический образ едва начавшейся Гражданской войны: «А ночь темна... Поля покрыты мутью / А по полям веригами гремя, / Бредет страна к желанному распутью / На эшафот прославленного дня». Но такое удавалось немногим.

Былых политических кумиров вспоминали редко. В интеллигентской поэзии их словно подменила галерея фаталистических образов. Так, Е. Радомирский в январе 1918 г. возвещал: «Часы истории» – зловещие часы». «Мы в тисках роковой неизбежности, мы в пучине слепой безнадежности», – признавался автор, подписывавшийся Lolo⁴.

Бодряческие мотивы были заметны главным образом у добровольцев – им без этого просто было невозможно продержаться. В «Песне марковцев» были такие (не очень складные) строки: «Марш вперед! / Труба зовет, Марковцы лихие. / Впереди победа ждет, / Да здравствует Россия»⁵. Но в целом доминировала тема непреодолимого рока, сопровождаемая проклятиями в адрес большевиков. Ощущение бессилия перед происходящим становилась все более устойчивым. Волны фрустрации докатились до Дальнего Востока. Н. Амурский сообщал, что «неутолимая тоска волнует грудь, терзает ум»⁶. Своего рода апофеозом отчаяния звучали строки анонимного уральского автора: «Мой мозг болит... Душа тоской объята. Безумен ум»⁷.

Интеллигентские психодевииции сопровождалась проклятиями в адрес некогда возлюбленного народа. Некий «Изгнанник» обещал «Родине»: «Я народу позора простить не сумею, если крестные раны Твои он забудет»⁸. Сходным образом А. Ляпунов заклинал: «Пусть же будет стыд тебе, “народ свободный” / За позор страны, за пролитую кровь! / Где-ж, скажи мне, разум твой природный?! / Где-ж, ответствуй, к Родине любовь?!»⁹. Помимо выкриков отчаяния звучали амбивалентные заявления. «Всюду –

¹ *Голдин В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 122, 81, 197.

² Надежда России. (Новониколаевск). Общедоступная народная газета. 1919. 20 сентября; *Голдин В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 33, 41.

³ *Зоргенфрей В.* Страстная суббота. Стихи, воспоминания, переводы. СПб., 2014. С. 185.

⁴ Либавское Русское Слово. 1920. 18 декабря.

⁵ *Литвинов Н.Д.* Поэзия красного террора 1917 – 1922 гг. Размышления о России. Т. 1. Воронеж, 2012. С. 505.

⁶ Владивосток. 1919. 30 января.

⁷ *Голдин В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 25.

⁸ Надежда России. 1919. 26 октября.

⁹ Военные ведомости. (Новониколаевск). 1918. 31 декабря.

езде пробиваясь вперед, – / Новь возвещает простыми устами / Русский дремучий народ!»¹, – писал В.Н. Март.

Противники большевиков, не находя, на кого опереться, ожидали помощи извне. В середине 1918 г. настоящие оды посвящались чехословакам². «Слава о ваших деяниях в русских сердцах не умрет», – уверяла некая «Беженка» в стихотворении «Чехам, павшим в бою»³. В Архангельске взалоб превозносили англичан (в том числе на плохом английском языке). Их именовали «дети Британии, рыцари чести». Ожидалось, что «рыцари страны, / Где святы честь, права, законы...»⁴, помогут российским страдальцам. Однако со временем отношение к интервентам стало более сдержанным. Дальневосточный поэт Н. Шилов писал о них иронично: «За полком идет полчок – / Любим Дальний наш Восток, – / Да, но мы не любим им, / По суждениям моим»⁵.

Заметный эмоциональный подъем в антибольшевистской поэзии наметился в связи со становлением организованного белогвардейского движения. «Ну спасай же Русь святую, Адмирал Колчак», – такие слова вложил в уста сибирских крестьян В. Покровский⁶. «Поступью смелой и гордой / Пойдем, куда скажет Колчак», – такие строки содержались в «Песне уржумских стрелков генерала Каппеля»⁷. Многие противники большевиков осознавали необходимость «белой» диктатуры. Колчак как-то сразу стал харизматичной личностью.

Всплески оптимизма, не лишённого, однако, истеричности, наблюдались у белых обычно в связи с временными победами. «Заря поднимается... / Светлое, яркое, / Солнце над Русью взойдет, – писал И. Силов, добавляя, что «Россия воскресла, Россия живет!»⁸. Разумеется, сказывались пропагандистские усилия. Вместе с тем, обывательское безразличие возмущало белогвардейцев. «Пусть отлетит равнодушие! Пусть люди воскликнут в восторге: “Рады за Родину биться!..”», – взывал А. Ляпунов⁹. Поэт-фельетонист Ядов, называл обывателей и предпринимателей, наживающимися на войне, «безрогими баранами и «бескопытными свиньями»¹⁰.

Но даже в дни побед в белогвардейской эмоциональной гамме преобладал дух ненависти и отчаяния. В январе 1919 г. в уральской газете «Освобождение России» появились стихи, названные «Безумье и ужас». Их автор вроде бы побывал в большевистском застенке, где «творили кошмар». По его словам, большевики «раздули пожар животных страстей» в «невеждах и хамах», «безумных и больных холопах». Метафоры трансформировались в настоящие цветочные галлюцинации: «Смех чудится красный / Зверей-палачей... / Когда-то прекрасный, / Манивший вперед, / Нас ныне цвет красный / Лишь давит и гнет». А. Филиппов так адресовался «красным»: «Разрушить вы могли. Но вы не создадите – / Вы не учились создавать... / Расплаты близок час»¹¹. Впрочем, для архангелогородского фельетониста «Мистэра Кепстэна» большевистские зверства стали привычным газетным штампом. «За прошлый год потешили / Себя большевики; / Стреляли, били, вешали, садили на штыки», – сообщал он, как о чем-то

¹ Владивосток. 1919. 12 февраля.

² См.: *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. С. 855, 875, 876, 916; *Сибирский голос* (Иркутск). 1918. 26 октября.

³ *Надежда России*. 1919. 4 октября.

⁴ *Отечество* (Архангельск). Ежедневная, беспартийная, общественно-политическая газета национального объединения. 1919. 27 мая.

⁵ *Кириллова Е.О.* Указ. соч. С. 18.

⁶ *Надежда России*. 1919. 19 августа.

⁷ *Военные ведомости*. 1919. 20 мая.

⁸ *Голос Руси* (Царицын). 1919. 20 октября.

⁹ *Военные ведомости*. 1918. 8 декабря.

¹⁰ *Таврический голос* (Симферополь). 1919. 27 мая (9 июня).

¹¹ *Голдин В.Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 192.

естественном в своих «Новогодних думах»¹. Но чаще звучали отчаянно-трагические ноты. Н. Уфимцеву, находящемуся вроде бы далеко от поля боя, в стихотворении «Братская могила» виделся «молодой курган», который «стоит уныло, всеми позабытый»².

Напротив, красные на потери в своих рядах реагировали иначе. Преобладало ощущение неизмеримой энергии. «Мы победим, клокочет сила / В нас – пролетариях всех стран»³, – утверждал в 1918 г. М. Герасимов. В свою очередь, М. Панов был уверен, что «павший боец... за смерть отомстить нам велел»⁴. Создается впечатление, что принадлежность к когорте большевиков несла подобие «жизни вечной». Некий С. Заревой в стихотворении «Коммунисты» (Издание Подвижного Клуба – поезда ВЦИК Советов) уверял: «Мы в борьбе под флагом красным / Не погибнем без следа!»⁵. Б. Богомоллов в стихотворении «Революция» утверждал: «Идет она, великая, / Идет она, прекрасная! / Трагичен грозный лик ея / И воля буревластная!»⁶ Пролетарский автор Вл. Соболев оставался полон набатного оптимизма: «Мы силой крепки, духом юны, / Мы светлой воли кузнецы... Вставай рабы, вставай народы! / Нас зори светлые зовут!»⁷

Революционные призывы несомненно воздействовали на простых людей – тем более, что иные пролетарские поэты заклинали: «Мы с тобой родные братья: / Я – рабочий, ты – мужик; / Наши крепкие объятья – Смерть и гибель для владык»⁸. Украинский крестьянин М. Полянка в октябре 1920 г. был уверен, что «...марксисты переможуть / Всеого світу паразитів». Его стихи были опубликованы в газете «Бильшовік», органе Полтавского губкома КП(б)У. Разумеется, под марксистами понимались исключительно последователи Ленина. Крестьянин А. Кузнецов в стихотворении «Вождю» утверждал, что «вождь пришел, как солнце в тьму» и теперь «обездоленных зовет в битву с тьмой земного ига...»⁹. Судя по всему, простые люди нуждались в «понятных» поводырях. Так, один поэт-партизан выражал уверенность: «Путь укажут нам партия, Ленин!»¹⁰

Особенностью красной поэзии было то, что она легко трансформировалась в песенный жанр. Соответственно, в пропагандистских целях повсюду издавались песенные сборники, которые, как правило, содержали «Интернационал», «Смело, товарищи в ногу», «Красное знамя», «Похоронный марш», «Варшавянку»¹¹. Включались в сборники и стихи рабочих, и красноармейцев, зачастую выступавших под «революционными» псевдонимами. «А за свободу красных рать / Готова смело умирать!» – писал, к примеру, Ян Грунт (реальный человек), добавляя к своему имени неожиданный псевдоним – «Друг Сердечный». Гражданскую войну он воспринимал так: «Трещит весь мир / От сотрясения, / Кровавый пир / Средь возрожденья...»¹². Заметны были метафоры,

¹ Возрождение Севера (Архангельск). Ежедневная областная общесоциалистическая газета. 1919. 1 января.

² Владивосток. 1919. 31 января.

³ Октябрь в советской поэзии. С. 135.

⁴ *Голдин В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 123.

⁵ Песни революции. Красноярск, 1920. С. 7.

⁶ Товарищ. Иллюстрированный еженедельный журнал. 1919. № 1. С. 3.

⁷ *Голдин В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 142.

⁸ *Тихомиров Н.* Братья // Песни труда, борьбы, воли. М., 1923. С. 37. Поэтические призывы к крестьянам от имени рабочих были весьма распространены. См.: *Миронец Н.И.* Революционная поэзия Октября и гражданской войны как исторический источник. С. 80

⁹ Цит. по: *Миронец Н.И.* Революционная поэзия Октября и гражданской войны как исторический источник. С. 62, 63.

¹⁰ *Кудрявцев И.Н.* Стихи и песни, рожденные в боях. (Воспоминания красного партизана). Горно-Алтайск, 1959. С. 13.

¹¹ См.: Песни борьбы. Пг., 1919; Песни революции. Саратов, 1919; Под знаменем Интернационала. Сборник революционных песен. Омск., 1920; Песни красной молодежи. Тамбов, 1920.

¹² Песни красных стрелков. Владивосток, 1920. С. 25, 28.

связанные с огнем и металлом. Автор «Песни стали и огня» И. Кузнецов по-своему решал свою революционно-творческую задачу: «Песней, вылитой из стали, / взбушую весь народ, / Чтобы люди разом встали / На тиранов и господ!»¹ Впрочем, под подобными строками мог подписаться не только большевик, но и «идейный» махновец. Создается впечатление, что «пролетарская» поэзия адресовалась весьма разношерстной, но единой в своей ярости публике.

Конечно, большевиков их противники старались высмеять. Некий «В. Ст.» опубликовал 8 марта (!) 1919 г. «Советские частушки». Текст был незатейлив: «Не ходите вы, девчонки, / С коммунистами гулять. / Коммунисты вас научат / Воровать и пировать». Цитировались и якобы клозетные тексты из «Совдепии»: «Кому живется весело, вольготно на Руси? / Большевикам – изменникам, ах черт их разнеси»². Впрочем, превалировала тоскливая тональность. Некто «Взводный» жаловался: «Русь, моя матушка, родина милая!... / Плачу о том, что коммуна постылая / Русской владеет душой». Публиковались и просто плаксивые вирши. Порфирий Шмаков взывал: «Выйди на ниву, душа благородная,.. / Духом ослабших бодри»³.

Тревога по-прежнему не покидала белогвардейцев. Полковник Н.А. Лебедев опубликовал «Гимн России (Молитва офицеров 4-го Степного Сибирского кадрового полка)», содержащий вроде бы обнадеживающие строки: «С нами Верховный Правитель / С верой в Тебя, Вседержитель, / К славе Россию ведет». Однако психическая энергия белогвардейцев таяла. Н. Лубнин признавал: «Утомился в напрасной борьбе я, устал / И судьбе покорился с тоскою... / Впереди я лишь мук ожидаю»⁴. Ему вторил И. Дмитриев: «Уж нет силы винтовку держать – так ослаб я в неравном бою»⁵. А офицер Ю. Ревердатто полагал, что ему осталось «смежить усталые веки, лечь, засыпая навеки»⁶. Неудивительно, что в 1922 г. Ю. Ревердатто кончил жизнь самоубийством; другие белогвардейцы готовились достойно, «без истерик» быть расстрелянными⁷.

Заметен был и антисемитизм. «Поскобли комиссара, окажется жид... Поскобли совдепию, окажется монархия», – такие, якобы, надписи, обнаруживались в большевистских клозетах⁸. Большевизм представлялся некоей чужеродной напастью. В мае 1920 г. в марше дроздовцев появились такие строки: «Ни латыш, ни китаец, ни Жлоба не чинят нам в дороге препон»⁹. Характерно, однако, что при этом белогвардейские пропагандисты не уставали подчеркивать, что в их рядах воюют не только чехи, но и поляки, сербы, хорваты, словенцы и карпаторуссы¹⁰.

Военные постоянно подогревали себя пылкими воззваниями. «...Вперед, друзья, вперед – Отечество зовет!» – призывал В. Князев в стихотворении «Отечественная война»¹¹. Анонимный «Пулемет» 7 ноября 1919 г. он требовал: «Спасайте Красную

¹ Цит. по: *Миронец Н.И.* Революционная поэзия Октября и гражданской войны как исторический источник. С. 24.

² Надежда России. 1919. 4 ноября.

³ *Голдин В.Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 51–53, 55, 144.

⁴ Там же. С. 175, 176.

⁵ Военные ведомости. 1919. 18 июня.

⁶ Цит. по: *Белая лира.* Антология поэзии Белого движения. Смоленск, 2006. С. 318.

⁷ *Литвинов Н.Д.* Поэзия красного террора 1917 – 1922 гг. Размышления о России. Т. 2. Воронеж, 2012. С. 256–257, 272–274.

⁸ Надежда России. 1919. 4 ноября.

⁹ Военный голос. Газета Военно-Общественная (Севастополь). 1920. 3 сентября / 20 октября.

¹⁰ См.: *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917 – 1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 877, 915, 960, 985.

¹¹ *Князев В.* Красные звоны и песни. Пг., 1918. С. 32.

Россию»¹. 1 мая 1919 г. алтайская газета опубликовала следующие строки П. Красноярского: «В мире клич боевой прозвучал / И победное вспыхнуло пламя. – / Это мир угнетенных поднял / Пролетарское красное знамя». Ему вторил Г. Днепров, провозгласивший «Славу святому труду!»². Из белогвардейских проклятий красные словно черпали силы. «Не бойтесь смерти / В кровавой борьбе! / Не чуду верьте, / А себе!»³ - писал некий революционный сочинитель «Боевой песни», выступавший под псевдонимом «Сашка – Красная Рубашка». В. Князев изображал революционную жертвенность так: «Приди и пей. Сие есть кровь / Из сердца красного поэта, / Жизнедарующая новь, / Источник Нового Завета»⁴.

У белых широко практиковалась демонизация и бестиаризация большевистских правителей. «А в Кремле Совнарком – / Что за хари кругом», – писал А. Марков⁵. Сочинялись и эпиграммы на отдельных большевистских вождей.⁶ Как правило, все это сочеталось с всевозможными выдумками о покушениях на Ленина и Троцкого, ссорами между ними⁷. Вместе с тем, писали, что Ленин увлечен «девушкой от революции» – «голубоглазая, с золотой косой»⁸. Автор, подписавшийся «Старый воробей», опубликовал «Колыбельную песню Ленина». Большевистский вождь якобы признавался, что он в «Бресте мир писал с похмелья» и «оптом Русь продал». Но, имея «чужой паспорт в кармане», обещал: «Чуть что... на аэроплане с Троцким улечу»⁹.

И красные, и белые искали «спасителя». «Очисти душу и – воскресни / Во имя Красного Христа!», – требовал В. Князев¹⁰. У белых С. Михеев взывал к Святому Георгию, надеясь, что его «копье вонзится в последний раз». К «победоносцу Георгию» обращали свою молитву А. Ляпунов и некий «Граф Н. Подгоричанин»¹¹. При этом в стане белых не прекращались стенания и причитания. «Мы ляжем в поле боевом / Все, все до одного!», – обещал Георгий Д.¹² «Я верю, что чашу страданья / Испьем мы без трепета к жизни, / Пока не исполним желанья / Дать счастье уставшей отчизне», – клялся Д. Попов в стихотворении «Я верю», посвященном добровольцам¹³. Увы, и вымученный оптимизм, и демонстративная жертвенность отдавали танатоманией.

В антибольшевистской прессе публиковались и лирические произведения. Как правило, в ней преобладали элементы ностальгии. Весьма характерную гамму эмоций представил поручик П. Яковлев. В одном стихотворении он голосом больного требовал: «Уйдите! Дайте мне остаться одному». В другом, названном «На отдыхе» (Рондо), понищеански взывал: «Целуй меня, ты – женщина... Я воин»¹⁴. Другие авторы заклинали: «Не пишите мне писем, дорогая графиня, / Для сурового часа письма слишком нежны...»¹⁵.

¹ *Голдин В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 129.

² Алтайская мысль. (Барнаул). Общественно-литературная и политическая газета. 1919. 1 мая.

³ Песни красных стрелков. Владивосток, 1920. С. 11.

⁴ *Князев В.* Красное Евангелие. Пг., 1918. С. 9.

⁵ Голос Руси (Царицын). 1919.

⁶ Либавское Русское Слово. 1920. 27 октября, 9 ноября.

⁷ *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. М., 2017. С. 405, 441, 450, 465, 477.

⁸ Либавское Русское Слово. 1920. 27 октября.

⁹ *Голдин В.Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 144, 69, 130, 141, 143.

¹⁰ *Князев В.* Красное Евангелие. С. 36.

¹¹ Военные ведомости. 1918. 10 декабря.

¹² Надежда России. 1919. 23 сентября.

¹³ Военные ведомости. 1919. 2 февраля.

¹⁴ *Голдин В.Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 148, 149.

¹⁵ *Литвинов Н.Д.* Поэзия красного террора 1917 – 1922 гг. Размышления о России. Т. 3. Воронеж, 2013. С. 312.

Характерно, что анархистская поэзия в конце Гражданской войны также была захвачена пафосом разоблачения и поношения большевиков. Так в стихотворении «К красноармейцу имелись такие строки: «Одумайся, брат мой, красноармеец! / Сорви повязку с глаз скорей! / Пойми, советский кровопиец / Не лучше деспота-царей»¹. Понятно, что это были исторически запоздавшие строки.

Агрессивный напор сторонников большевиков казался поистине неисчерпаемым. А. Крайский, взывал к «Свободной России», которая «перевернула весь наемнический строй», за что ее «враги и хищники на части злобно рвут». При этом он оставался уверен, что «сердце красное в груди ее пылает... все ярче, все сильней...», и от этого непременно «вспыхнет мир... и в нем восторжествует свободный, вольный труд!». Н.С. Тихомиров в стихотворении «Вера» убеждал, что «не убить свободы красной». Пролетарская поэтесса Киселева так утверждала свой «Символ веры»: «Мы идем к заветной цели, и насильники падут». В конце 1919 г. М. Рычков убеждал «рабочего»: «Люди оценят твой труд»². Пролеткультовец В. Князев обнаружил способность мимикрировать под крестьянина. «Ой ты, гой еси, царство мужицкое, / Мужицкое, большевицкое!» – взывал он³. Известный поэт С.Я. Алымов в 1920 г. утверждал: «Крепкой рукой титанической / Солнце рабочий притянет / И на медали космической / Ленина лик отчеканит»⁴.

Разумеется, у красных появлялись свои кумиры и сакральные символы. В. Курочко так обращался к юным последователям большевиков: «Привет тебе, воитель юный, / Весны грядущей богатырь, / Союз рабочей молодежи / В борьбе священной поводырь». При этом поэтов притягивал знак красной звезды. «Она над миром пятикрыло / Нам новым сердцем расцвела...»⁵, – утверждал М. Герасимов. Марш «Красноармейская звезда» содержал такие слова: «Не Марс нам светит с высоты, / Не кровожадный бог войны... / Мы в бой с насилием идем. / Как в чистом поле алый мак / Наш боевой сверкает знак»⁶.

В целом повсеместно преобладал пафос насилия. В. Александровский требовал: «Взрывайте, / Дробите / Мир старый!.. / Лбами / Разбейте кумиры, / Чтоб в пламенном мире / Горланил набатный язык». Стихотворение называлось «Взывайте...»⁷. Вместе с тем, иных левых авторов словно распирало от избытка витальности. «Сердце каждого – алое знамя, кровь несется быстрее гонца», – уверял Алымов⁸. Впрочем, к концу Гражданской войны в красной поэзии зазвучала «пацифистская» тема. «Разрушим дворян авантюру / Своей пролетарской рукой / И мирную строить культуру / Начнем мы в стране трудовой»⁹, – писал некий «Александр – рабочий». «Чужих владений нам не надо / У нас самих земли довольно, / Со всеми в мире жить мы рады / Легко, свободно и привольно»¹⁰, – сообщал неизвестный автор, стихотворение которого было издано листовкой политуправлением Киевского военного округа. Скорее всего, случаи «мирной» пропаганды теперь составляли исключение.

¹ Цит. по: *Посадский А.В.* Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918 – 1922 гг. М., 2018. С. 280.

² *Голдин В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 153; Кн. 2. С. 80, 166, 177, 179, 181.

³ *Князев В.* Красные звоны и песни. С. 47.

⁴ Цит. по: *Кириллова Е.О.* Указ. соч. С. 191.

⁵ *Герасимов М.* Красная звезда // Октябрь в советской поэзии. С. 150.

⁶ *Голдин В.Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 83, 46–47.

⁷ В Политехническом «Вечер новой поэзии»: Стихи участников вечеров в Политехническом. 1917 – 1923. Статьи. Манифесты. Воспоминания. М., 1987. С. ????

⁸ *Кириллова Е.О.* Указ. соч. С. 192.

⁹ Песни красной молодежи. Тамбов, 1920. С. 15.

¹⁰ *Миронец Н.И.* Революционная поэзия Октября и гражданской войны как исторический источник. Киев, 1988. С. 62.

Ужасы революции вызывали эсхатологические реминисценции, которые, в свою очередь, своеобразно взаимодействовали с исторической памятью. Этим были захвачены не только левые и пролеткультовцы, но и многие крупные поэты. Многие современники сравнивали события 1917 – 1922 гг. со Смутой XVII в. Упоминания «разинщины», «пугачевщины» и т.п. постоянно встречаются у М. Волошина, С. Есенина, В. Хлебникова, В. Каменского, А. Блока. Присутствовала и тема мировой революции. П. Арский, назвав свой стихотворный сборник «Песни борьбы», воспевал «праздник грозы огнеликой» и «всемирный пожар»¹. Однако поэтам революции явно не хватало привычных образов. Со своей стороны, коммунистических критиков раздражало в их творчестве обилие религиозных метафор и символов². Так, К. Чуковский В. Маяковского называл поэтом «катастроф и конвульсий»³. Тем не менее, многие авторы, подобно В. Маяковскому, «тянулись» за революцией и готовы были опозитизировать ее «пролетарский авангард». С. Есенин еще в 1918 г. сочинил сценарий театрализованного представления «Зовущие зори», в котором наряду с актерами, изображавшими революционных рабочих, выступали «левые» поэты.

В левой поэзии постоянно происходила перверсия привычных смыслов. Так, у П. Карпова революция вызвала представление о «самосожжении народа» (понятное для выходца из старообрядческой семьи). Названия стихотворных сборников П. Орешина говорят за себя: «Зарево», «Красная Русь» и «Алый край» (1922 г.). Н. Клюев взывал: «Боже, свободу храни Красного государя Коммуны». В. Ходасевич зло иронизировал над «городецко-клюевским» стилем: «не то православие, не то хлыстовство, не то революция, не то черносотенство». Несомненно, революция оправдала ожидания лишь немногих левых и анархистствующих авторов. Они улавливали в происходящем не столько «классовую» логику, как хаос традиционной русской смуты. Как бы то ни было, они пытались увидеть насилия некое «обновляющее» содержание.

Напротив, «контрреволюционные» авторы упорно искали в революционном насилии некое inferнальное начало. Так, в произведениях С.С. Бехтеева страшил обезумевший «страшный звонарь», который «с злобой и яростью пьяной» «дергает веревье». Ему казалось, что «скликает гудящая медь / Чернь на кровавое вече». Характерно, что автор активно использовал «красную» символику. Отсюда такие образы, как «Конь красный» (1917 г.), «Красный застенок» (1918 г.), «Красное знамя», 1920)⁴. Все это ассоциировалось у него с «кровоавостью» происходящего.

В стихах и красных, и белых был заметен поиск точки опоры в стремительно меняющемся мире. Тем не менее, новая поэзия превзошла «буржуазную» лиру не за счет особых дарований, а в силу того, что наэлектризовывала конгениальную по духу, единую в своей ненависти к «барам» массу. Напротив, «растерянная» цивилизация становилась жертвой того «безнравственного дикаря», которому все сложное казалось ложным, и потому подлежащему уничтожению. Такова была естественная логика кризиса имперской «целостности».

От тягот и ужасов революции страдали все – за исключением, может быть, идейных революционеров и патологических садистов. В этих условиях своего рода релаксантом

¹ Арский П. Песни борьбы. Изд. 6-е. Петербург, 1919.

² Steinberg M.D. Proletarian Imagination. Self, Modernity, and the Sacred in Russia, 1910 – 1925. Itaca, L., 2002. P. 281.

³ По словам язвительно Чуковского, Маяковский творил так, как «как будто специально для него началась война, а потом революция». См.: Чуковский К. Ахматова и Маяковский // Дом искусств. 1921. № 1. С. 32.

⁴ Урюпин И.С. «Конец русской былины»: национальная эсхатология в поэзии С.С. Бехтеева революционной эпохи и в «Апокалипсисе нашего времени» В.В. Розанова // Русская революция 1917 года в современной гуманитарной парадигме. Материалы XXII шешуковских чтений. М., 2017. С. 73–74.

выступала устная народная поэзия, замеченная интеллигентными мемуаристами. Так, частушки не без успеха переводили бытовые страхи на уровень смеховой разрядки. К примеру, в ноябре 1918 г. пели такое: «На заборе долго сохла / Пелеринка женина, / Моя теща чуть не сдохла, / Увидавши Ленина¹. А в июне 1920 г. отношение к большевикам передавали так: «Сидит Ленин на заборе, / Держит серп и молоток, / А его хозяин Троцкий / Бежит с фронта без порток². К тому времени большевики уже смотрелись злыми торжествующими победителями. Соответственно людским воображением и был создан их потешный образ. Но со временем появилась целая серия частушек, стилистически напоминающих стихи Д. Бедного. В. Князев, к примеру, выпустил сборник «Современные частушки», по-своему освещающие то или иное политическое событие и высмеивающие противников большевиков. Примечательно, что многие тексты откровенно предназначались женщинам. Были там и такие строки: «Мой муж коммунист, / А я коммунистка, / Не боимся ничего, / Что поляки близко»³. Впрочем, сборник увидел свет уже после Гражданской войны.

В сознании людей того времени революция и гражданская война воспринимались как неразрывный цикл «смерти-возрождения» России (а также, подспудно, авторитарной государственности). «Если погибнем – воскреснем! / Каждый потом оживет»⁴, – утверждал В. Хлебников в стихотворении «Воля всем» (1918 г.). «Верь, воскреснет она [страна] обновленная, в светлом подвиге царства добра», – утверждал 1 января 1919 г. К. Донских. Неунывающий ученик 6-го класса из Кургана мечтал о времени, когда «уставшею стихией / Междоусобица замрет, / И над свободною Россией / Заря счастливая взойдет!»⁵ Темой светлого воскресенья словно микшировались людские потери. «Воскреснет всяк, кто был убит», – утверждал В. Князев⁶. Аноним «П.Я.» так представлял будущее: «Кровь теплая бойцов и слезы их мучений / Лишь почву умягчат, чтоб дать сторичный плод... / Свершится дивный сон – и светлых райских синей / Достигнет человек и станет богом сам!»⁷ Позднее дальневосточный поэт-эмигрант А.И. Журин выразил надежду, что «опять Москва Россию соберет, / Вновь русское взовьется гордо знамя / И всех людей в одну семью сольет!»⁸. Но кто мог это сделать?

Можно ли говорить об «объективности» отображения реалий революции и Гражданской войны в газетной поэзии, включая откровенно пропагандистские произведения? Думается, что агрегированные образы массового сознания тех лет воспроизводятся вполне «реалистично». Как бы то ни было, ни один источник не передает столь ощутимо мятущийся «дух» того времени. А без осознания психоментальных оснований революционной эпохи всякая работа историка становится бессмысленной.

Революция возбуждает эмоции, а когда они выгорают, реактивируется историческое подсознание. Люди Гражданской войны, растеряв цели и идеалы, лежащие внутри их привычного мира, судорожно искали их за его видимыми пределами. Механизм обретения коллективное «сверх-Я» в массовых движениях достаточно понятен. Особенно заметно это было в поэзии красных. Вместе с тем, за рациональными и возвышенными побуждениями людей, захваченных хаосом насильственного обретения нового, скрывается нечто утопически старое. Как бы то ни было, на этом фоне поэзия

¹ НИОР ОРГ. Ф. 165. Карт. 1. Д. 2. Л. 22.

² НИОР ОРГ. Ф. 165. Карт. 1. Д. 4. Л. 13.

³ Князев В. Современные частушки. 1917 – 1922. М.; Пг., 1924. С. 20.

⁴ Октябрь в советской поэзии. С. 138.

⁵ Голдин В.Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 198, 213.

⁶ Князев В. Красное Евангелие. С. 52.

⁷ Голдин В.Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 113.

⁸ Кириллова Е.О. Указ. соч. С. 310.

белых оказывалась живой летописью заведомо обреченных. Все это соответствовала логике воссоздания империи – в данном случае империи «советской».

**От «революционного психоза» к «контрреволюционному комплексу»:
психоэмоциональная динамика российского общества в статистике, диагнозах и
оценках обывателей в годы революций и Гражданской войны**

Переломные эпохи определяются не только масштабом своих социально-экономических и политических экспериментов, но и тем следом, который они оставляют в психоэмоциональной сфере общества. В годы российских революций 1905 и 1917 гг и гражданской войны современники, включая врачей-психиатров, обращались к проблеме влияния политических событий на нервное и психическое состояние населения. Тем не менее даже в профессиональных оценках высока была степень субъективизма, нередко означавшая уже полученную самим психиатром психологическую травму. Одними из самых дискуссионных терминов указанного периода были «революционный психоз/невроз», «психоз войны» и «контрреволюционный комплекс». Будучи основанными на клинических данных, они вместе с тем предполагали интерпретации в определенных политических руслах, вследствие чего травмировавшие современников события превращали психиатрическую теорию в инструмент пропаганды.

При этом эпоха так называемого «революционного психоневроза» способствовала осознанию историками и социологами важности изучения психоментальной сферы общественной жизни. В этот период были заложены основы будущей теории «интерментальных факторов» Н.И. Кареева, социокультурной динамики П.А. Сорокина¹.

Изучение влияния политических катаклизмов на психическое состояние общества началось во Франции в XIX в., где и появился термин «политический психоз»². В разгар первой российской революции в 1905 г. в Петербурге вышла книга О. Кабанеса и Л. Насса «Революционный невроз». Написанная как популярное социально-психологическое исследование, своим названием она переносила акцент с психического на нервное расстройство. Вместе с тем путаница в определении революционного состояния общества в качестве психоза или невроза свидетельствовала об относительности их использования по адресу исторических реалий. Так, например, к невротической сфере можно отнести обстоятельства появления патологии, вызванной внешними травмирующими факторами, к психической – некоторые ее симптомы (бред, слуховые и зрительные галлюцинации, внезапные вспышки агрессии и пр.). По всей видимости, учитывая, что неврозы и психозы не перетекают друг в друга, революционная эпоха способствует проявлению того и другого у лиц, имеющих к ним предрасположенность. Тем самым нервно-психические больные являются своеобразной лакмусовой бумажкой в исследовании социально-психологических процессов в переломные эпохи, отражая, в частности, в бреде сумасшедших наиболее волнующие общественные темы, а локальными вспышками заболеваний – кризисные этапы революции.

Среди российских психиатров первым к проблеме влияния революции на душевное здоровье общества обратился Ф.Е. Рыбаков, который на клиническом материале 1905 – 1906 гг. отметил следующие характерные признаки «революционного психоза»: быстрое начало и развитие болезни; заметно выраженный элемент психического угнетения; резко выраженные явления страха, тревоги и ожидания чего-то ужасного; нестойкость и

¹ См.: Кареев Н.И. Общие основы социологии. Пг., 1919; Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000.

² Более подробный историографический обзор изучения «революционного психоза» см.: Осипов В.П. О политических или революционных психозах. Казань, 1910.

изменчивость бредовых идей; склонность к послабляющему течению; обилие галлюцинаторных и иллюзорных явлений¹. Вместе с тем Рыбаков не считал, что политические события вызывают новую форму болезни, а полагал, что они всего лишь дают определенную окраску заболеванию.

Отдельная дискуссия развернулась на тему, какая часть общества – политически-активная или пассивная – оказывается в зоне риска. Ф.Е. Рыбаков и А.С. Шоломович полагали, что больше всего заболеваний среди пассивных участников политической жизни (для которых грандиозные события оказались неожиданной психологической травмой), С. Ярошевский считал, что склонность к расстройству в первую очередь проявляют политически-активные субъекты (продолжительная вовлеченность в подпольную революционную работу расстраивает нервы и психику)². Также споры вызывал вопрос, развивается ли «революционный психоз» у пациентов, имеющих предрасположенность к психическим заболеваниям, или он может затрагивать и здоровых людей. Н.М. Мухин отмечал, что в целом дискуссия демонстрировала сильную политическую предвзятость многих исследователей, на которых революционные события оказали психологическое воздействие³.

Было бы ошибкой ограничивать тему психического состояния общества революционной эпохи исключительно анализом специальной литературы. В действительности эта проблема выходила за рамки психиатрии, пересекаясь с социокультурной сферой, где происходили конфликты «старого» и «нового» искусства, модерна и архаики, столкновения эмоциональных режимов разных сообществ (сельского и городского), раскалывавших общество и затруднявших взаимопонимание между его членами. Многие исследователи отмечают, что нервозность была социокультурной особенностью эпохи модерна, в культуре Серебряного века зримо присутствовали психопатические черты⁴. Посетители современных художественных выставок и некоторые врачи пытались интерпретировать творчество художников (в первую очередь футуристов) в контексте психической патологии⁵.

Первая мировая война предоставила психиатрам новый материал. Уже в сентябре 1914 г. В.М. Бехтерев, описывая линию фронта как гигантский сумасшедший дом, предложил начать срочную эвакуацию душевнобольных для их лечения в городских больницах в тылу⁶. Неутешительные картины развития нервно-психических заболеваний рисовали профессора П.Я. Розенбах, А.А. Бутенко⁷. Последний, называя войну

¹ См.: Рыбаков Ф.Е. Душевные расстройства в связи с текущими политическими событиями // Русский врач. 1905. №51; Он же. Душевные расстройства в связи с современными политическими событиями // Русский врач. 1906 №3; Он же. Душевные расстройства в связи с последними политическими событиями // Русский врач. 1906. №8.

² Шоломович А.С. К вопросу о душевных заболеваниях, возникающих на почве политических событий // Русский врач. 1907. №21; Ярошевский С. Материалы к вопросу о массовых нервно-психических заболеваниях // Обозрение психиатрии. 1906. №1.

³ Мухин Н.М. Психозы войны и революции // Варшавские университетские известия. 1909. VII. С. 1-48.

⁴ См.: Эткин А.М. Содом и Психея. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1996; Сироткина И.Е. Классики и психиатры: психиатрия в российской культуре конца XIX - начала XX веков. М., 2008; Радкау Й. Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера. М., 2017.

⁵ См.: Радин Е. Футуризм и безумие. СПб., 1914; Закржевский А. Рыцари безумия (футуристы). Киев, 1914; Вавулин Н. Безумие, его смысл и ценность. СПб., 1913.

⁶ Московский листок. 1914. 20 сентября.

⁷ См.: Розенбах П.Я. Современная война и истерия. Пг., 1915; Бутенко А.А. Война и психические заболевания у женщин // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. Ежемесячный журнал. 1914-1915. №10-12

«психиатрическим экспериментом», писал о психической травме, которую получает население тыла¹.

Современные исследователи Первой мировой все чаще обращают внимание на феномен «шелл-шока» (в традиции русской психиатрии – «травматического психоневроза»)². А.Б. Асташов сделал важный вывод о том, что травмирующий фронтовой опыт впоследствии открыл для испытавших психосоциальный стресс мотивацию изменения социальной среды: революционное и социальное творчество стали инструментом компенсации, социальной терапией, направленной на устранение первоначальной травматической ситуации³. Впрочем, могут быть и иные, более простые объяснения психоэмоциональной связи разных эпох: приобретенный опыт насилия снял моральные ограничения с бывших комбатантов и приучил их к новым способам самовыражения в социуме. В.П. Булдаков писал, что новый тип «человека с ружьем» стал одним из центральных акторов революции и Гражданской войны⁴. При этом считать «человека с ружьем» душевнобольным – значит сильно упрощать проблему.

По аналогии с «революционным психозом» был поставлен вопрос о наличии особого «психоза войны». Бехтерев скептически относился к этому термину, указывая, что «подобные же явления могут наблюдаться и при других аналогичных условиях (революционные волнения, нападения толпы, землетрясения и другие внезапные народные бедствия). Несомненно, впрочем, что депрессивный отпечаток в острых невропсихозах, развивающихся на войне, составляет явление более или менее обычное»⁵. Строго говоря, использование термина «психоз» относительно заболевания, вызванного психологической, а не физической травмой, и развившегося относительно быстро – не корректно. Тем не менее в психиатрии начала XX в. не всегда проводилась четкая грань между травматическими неврозами и психозами.

Накануне революции российское общество характеризовалось повышенной нервозностью, явившейся органическим следствием военного времени и внутриполитического кризиса. Обыватели все чаще использовали психиатрическую терминологию, «сумасшедший дискурс», для описания кризиса власти. Показательны в этом отношении слухи о безумии «верхов», распространенные в разных слоях общества. Монархист Б.В. Никольский называл Николая II неврастеником, М. Палеолог в начале ноября 1916 г. также писал о том, что император «часто страдал от приступов нервного заболевания, которое проявлялось в состоянии нездорового возбуждения, беспокойства, в потере аппетита, в депрессии и бессоннице», но роль главной безумицы досталась императрице. Французский посол считал психическое заболевание Александры Федоровны (и ее сестры Елизаветы Федоровны) наследственным, доставшимся от матери, которое усугубилось в условиях русской жизни, предрасполагавшей в конце войны к меланхолии, тоске и постоянным перепадам настроения⁶. Впрочем, не только

¹ Бутенко А.А. Указ. соч. С. 523.

² Фридлиндер К. Несколько аспектов шелл-шока в России, 1914 – 1916 // Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного colloquiuma. СПб., 1999. С. 315-325; Плампер Я. Страх в русской армии в 1878 – 1917 гг.: К истории медиализации одной эмоции // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. Челябинск, 2007. С.453-460; Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014; Merridale С. The Collective Mind: Trauma and Shell-Shock in Twentieth-Century Russia // Journal of Contemporary History. 35. Heft 1. (January 2000). P. 39-55.

³ Асташов А.Б. Указ. соч. С. 413.

⁴ Булдаков В.П. От войны к революции: рождение человека с ружьем // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 55 – 75.

⁵ Бехтерев В.М. Война и психозы // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. Ежемесячный журнал. 1914. №4-6. С. 321.

⁶ Палеолог М. Дневник посла...

Палеолог, но многие современники, лично знавшие супругу императора, считали ее сумасшедшей или, в лучшем случае, неврастеничкой¹. Среди членов правительства «главным» сумасшедшим был объявлен министр внутренних дел А.Д. Протопопов (до войны действительно проходивший лечение в психиатрической лечебнице). После убийства Г. Распутина говорили, что министр решил, будто в него вселился дух старца².

Ситуацию усугублял информационный кризис, проявлявшийся в господстве слухов. «Настроение в столице носит исключительно тревожный характер. Циркулируют в обществе самые дикие слухи», – говорилось 5 января 1917 г. в докладе Охранного отделения и отдельно отмечались страхи «неизбежных проявлений красного и белого террора»³. В этой связи неудивительно, что в феврале 1917 г. революционные события начали развиваться стихийно во многом под воздействием слухов, выражавших распространенные в обществе фобии. Наиболее актуальные из них для февраля – страх перед наступающим голодом и насилием (для одних, насилии со стороны власти – слухи о т.н. «протопоповских пулеметах», – для других, со стороны «революционеров» – слухи о вооружении рабочих). Однако февральское насилие оказалось порождением не злого умысла тех или иных политических групп, а той эмоционально-психологической атмосферы, которая характеризовалась иррациональным страхом. В.П. Булдаков совершенно справедливо отметил психопатологическую природу революции, в которой неконтролируемое насилие снизу выражало инстинкты архаичного бунтарства⁴. В этом плане проблема революционной психопатологии оказывается шире медицинского подхода, предстает как историческое явление интерментальной сферы, в которой эмоции отдельных субъектов, душевные заболевания пациентов клиник проявляют общее состояние социума.

Изучая источники личного происхождения февраля 1917 г. можно отметить распространение таких «негативных» эмоций, как страх, ненависть, презрение, испытывавшиеся представителями разных политических лагерей друг к другу. Сильные негативные переживания приводили к развитию дистресса⁵. Вместе с тем скорая «победа» революционеров быстро окрасила эмоциональный фон в позитивные краски: страх сменился надеждами, ненависть – восторгом. Такая относительно быстрая эмоциональная инверсия приводила к эмоциональному выгоранию, развитию эустресса.

В марте 1917 г. в печати стала появляться информация о возрастании поступлений душевнобольных в городские клиники в несколько раз по сравнению с дореволюционным периодом⁶. Корреспондент «Биржевых ведомостей» сообщал о «небывалом» наплыве психических больных, указывая, что в одну только больницу Николая Чудотворца за неделю доставили 150 человек⁷. Автор делил вновь прибывших пациентов на страдающих манией преследования и тех, кто пребывал в возбужденном состоянии, постоянно «звал на баррикады». Среди первой категории журналист выделил вице-адмирала В.А. Карцева (в прошлом командира крейсера «Аврора»): «Адмирал

¹ См.: Зимин И.В. Последняя российская императрица Александра Федоровна // Вопросы истории. 2004. №6. С.112-120.

² Дневник члена Государственной Думы В.М. Пуришкевича. Рига, 1924. С. 143.

³ ГА РФ. Ф.111. Оп.5. 1917. Д.669а. Л.2 - 3.

⁴ См.: Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

⁵ В медицине, физиологии, психологии встречаются разные определения дистресса и эустресса. В одном случае эустресс рассматривается как мобилизующее организм напряжение, в то время как дистресс – напряжение, нарушающее работу различных систем организма; в другом случае имеется в виду эмоциональная природа: эустресс вызывается положительными, а дистресс – отрицательными эмоциями. В настоящей статье я буду придерживаться второго подхода.

⁶ Биржевые ведомости. Веч. Вып. 1917. 8 марта.

⁷ Биржевые ведомости. Веч. Вып. 1917. 9 марта.

страдает манией преследования; ему все время кажется, что его преследуют, что за ним гонятся по пятам... И мысль о самоубийстве приходит к нему как единственный выход. Он этим бредит, кричит, требует оружия»¹. Воспоминания К.И. Глобачева, находившегося вместе с Карцевым под арестом в Министерском павильоне Таврического дворца, подтверждают сведения корреспондента. Бывший начальник Охранки вспоминал, что вице-адмирал «с первого дня своего ареста стал обнаруживать признаки сильного расстройства нервов. Однажды в 4 часа утра он вскочил со своего кресла, в котором спал, и бросился на часового с намерением выхватить у него винтовку. Тогда другой часовой выстрелил и пробил ему пулей плечо на вылет... Карцева солдаты оттащили от часового и передали двум явившимся на крики санитарам. Оказалось, что на него нашел припадок острого умопомешательства, и он имел намерение, вырвав винтовку из рук часового, покончить самоубийством»².

Покушались на самоубийства и в стане «революционеров». Характерным примером стал суицид солдата 3-го железнодорожного батальона Николая Мануйлова, делегированного в Петроград для передачи редакции «Известий Совета солдатских и рабочих депутатов» коллективного приветствия. Редактор, по-видимому, потерял записку в массе поступавших обращений, писем и прочих материалов, но солдат, исключительно эмоционально воспринимавший события последнего времени, не смог вынести эту ничтожную неудачу и застрелился, оставив предсмертное письмо: «Я прибыл в Петроград 3 марта... Приветствие от батальона не попало в “Известия”. Председатель забыл дать записку. Я просил три раза редактора внести поправку. Он забывал. А я терзался и душевно болел, и заболел. Все это сделало меня полоумным, парализованным, нервничал ужасно. Никогда в жизни не находился в таком состоянии. Хочется жить на новой заре лучшей народной жизни. Ведь цепи спали. Великий русский народ, ты стал на лучшую дорогу, сбросив с себя цепи рабства. Решил – шесть часов утра.....»³

Товарищ председателя петроградского Общества психиатров П.Я. Розенбах в 1917 г. вновь заговорил о «революционном психозе», описывая типичный случай своего пациента – бывшего жандарма: «Он мечется в страхе, слышит, как прислуга сговаривается его убить. Врач пугает его. Он передает свои опасения жене, которая убеждает его, что ему нечего опасаться. Он успокаивается, но следующая слуховая галлюцинация приводит его в прежнее состояние»⁴. Розенбах приводил те же симптомы «революционного психоза» 1917 г., что и Ф.Е. Рыбаков для психоза 1905 г.

Газетные сообщения, воспоминания свидетелей революции о росте психических расстройств, статьи психиатров находят подтверждение в официальной отчетности больниц, которая показывает, что в марте 1917 г. в столице действительно случился двукратный рост сумасшествий по сравнению с аналогичным периодом за все годы войны (Рис.1). Пик поступлений пришелся на период с 5 по 15 марта. В среднем в марте 1917 г. 75 человек еженедельно поступали в психиатрические лечебницы, в то время как для февраля 1917 г. среднее еженедельное число поступлений составляло 48 человек.

¹ Там же.

² Глобачев К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника петроградского охранного отделения М., 2009. С. 95 – 96.

³ Биржевые ведомости. Веч. Вып. 1917. 16 марта.

⁴ Биржевые Ведомости. Веч. вып. 1917. 18 мая.

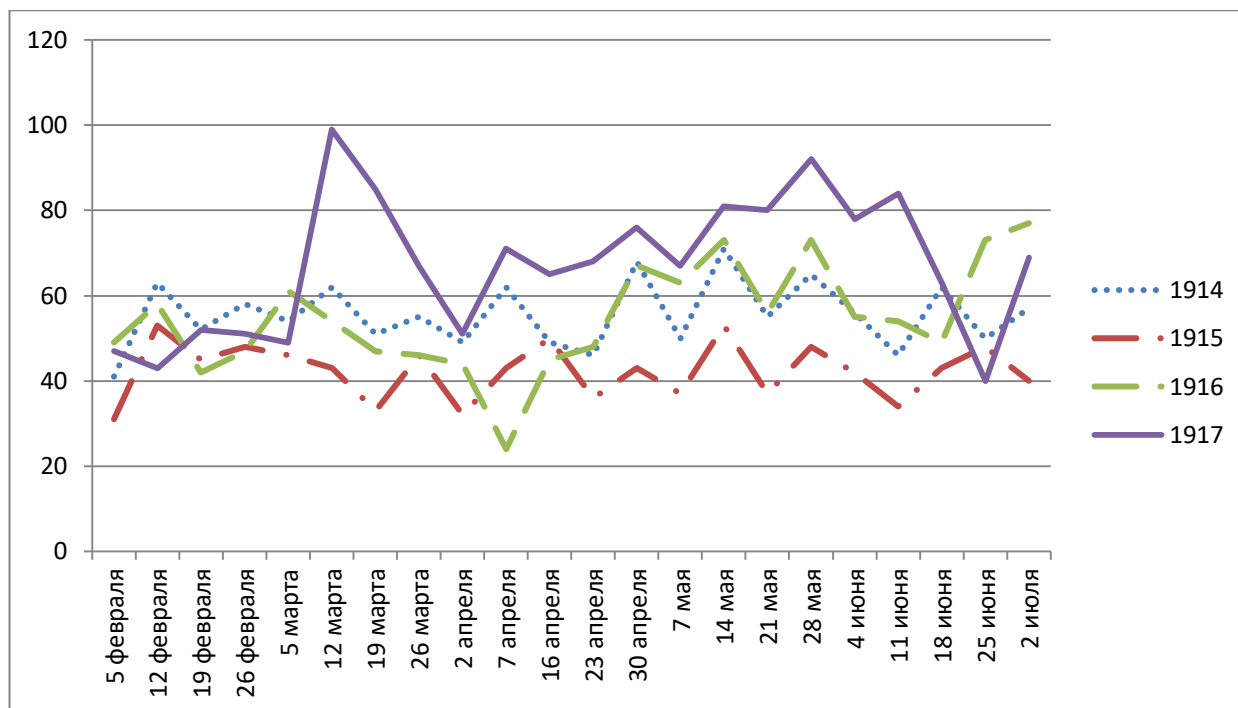

Рис. 1. Сравнительный график поступлений душевнобольных в городские клиники Петрограда за февраль-июнь 1914-1917 гг.

Примечательно, что в феврале пик душевных расстройств среди мужчин пришелся на неделю с 13 по 19 февраля, а пик обращений женщин – с 20 по 26 февраля, т.е. непосредственно на период начала революции. Вместе с тем мартовское психическое обострение произошло в основном за счет мужчин, в то время как для женского населения столицы наиболее кризисным временем революции стала неделя 21 – 28 мая (Рис. 2). В это время в столице проходили I Всероссийский съезд крестьянских депутатов и Всероссийский съезд офицерских депутатов, выборы в городские районные управы, а также по всей России – епархиальные съезды православного духовенства и мирян, на которых избирались делегаты для Всероссийского съезда. Впервые женщины России получили возможность реализации избирательного права, для некоторых из них это оказалось непростым нервным испытанием. Хотя, конечно, нельзя сказать, что рост поступлений в психиатрические больницы женщин происходил за счет избирательниц. Вероятно, сказывалось накопленное психологическое напряжение за предшествующий период, которое теперь вылилось во время сезонного весеннего обострения. Б.В. Никольский писал о развившейся в мае 1917 г. тяжелой формы неврастении у его супруги, не включенной в активную политическую жизнь¹.

¹ Никольский Б.В. Дневник. 1896-1918. Т.2.: 1904-1918. СПб., 2015. С.287.

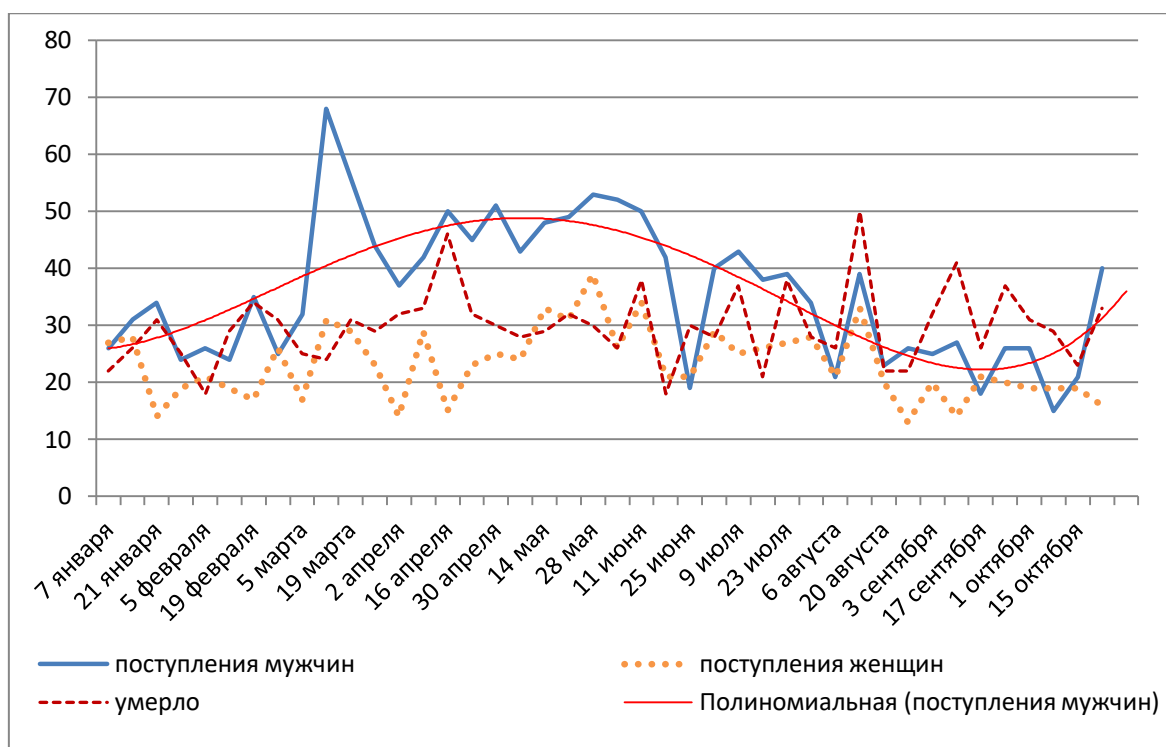

Рис. 2. Движение душевнобольных и их смертность в городских больницах Петрограда в 1917 г.

Обращают на себя также пики самоубийств душевнобольных, пришедшиеся на недели до 16 апреля, 13 августа, 10 сентября. При этом важно отметить, что с августа 1917 г. количество самоубийств среди пациентов психиатрических лечебниц начинает превышать число вновь поступавших душевнобольных (но больше всего самоубийств было совершено за апрель 1917 г). Очередной резкий рост поступлений начался 15 – 22 октября, когда Петроград находился во власти слухов о готовящемся вооруженном восстании большевиков.

Эмоциональный фон отражался на политических процессах, определял поведение отдельных политиков, форму их действий. В разгар апрельского кризиса М. Горький в «Несвоевременных мыслях» писал о том, что вся политика держалась на эмоциях, которые вели к искривлениям психики и вносили в политику темные инстинкты¹. Учитывая, что 1917 г. отличался чрезвычайно насыщенным эмоциональным фоном, политическим лидерам, для поддержания в глазах общества соответствующего реноме, необходимо было ему соответствовать. Наибольших успехов в «эмоциональной политике» достиг А.Ф. Керенский. Исследовавший его культ Б.И. Колоницкий обратил внимание на то, что министр очень тонко чувствовал темп политической жизни, что заметно отличало его от прочих членов Временного правительства². Стремительность Керенского восхищала современников. Газеты с восторгом описывали распорядок дня министра, удивляясь тому, что за три часа Керенский успевал посетить и поприветствовать девять воинских частей³.

Но Керенского отличал не только насыщенный график, а, в первую очередь, эмоциональная насыщенность его выступлений. Талантливый оратор, он умело манипулировал зрителями, выбрав для себя сценический образ актера-неврастеника,

¹ Новая жизнь. 1917. 20 апреля.

² Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года). М., 2017. С. 188.

³ Биржевые ведомости. Веч. Вып. 1917. 9 мая.

предполагавший истерические пассажи, драматические паузы, полуобморочное состояние, т.е. все то, что соответствовало особенностям психологической атмосферы. Актриса А.Г. Коонен вспоминала одно из собраний, на которых Керенский довел публику до экстаза¹. Керенский, по-видимому, в глазах определенной части общества олицетворял того рыцаря-безумца, носителя высшей формы безумия как двигателя прогресса, о котором писали Н. Вавулин, А. Закржевский². Не случайно Розенбах сравнивал фанатиков-революционеров с художниками-футуристами.

Однако рано или поздно эмоциональный фон меняется, затянувшиеся эмоции либо затухают, либо приводят к невротическим расстройствам. Современники обращали внимание, что в конце мая на смену буйным психам стали приходиться «тихие сумасшедшие»: «Они бродят по улицам и никого не трогают, у них, главным образом, тихое помешательство»³. Забегая вперед, отметим, что периодизация революции как этапов буйного и тихого помешательства была предложена П.А. Сорокиным в конце Гражданской войны. Социолог считал, что на первой стадии революции «“чувственно-эмоциональный тон” общественной техники становится удивительно импульсивным, неустойчиво-беспорядочным. Отчаяние и радость, взрывы ненависти и восторга, подавленности и безудержного веселья, обожания и презрения, мести и великодушия лихорадочно сменяют друг друга... Во вторую половину революции, в силу усталости, истощения, голода и бедствия, это буйное состояние сменяется пассивностью, подавленностью и безразличием. Общество из буйного помешанного становится “тихопомешанным”, мрачным и апатичным»⁴.

В августе 1917 г. неврастеник-Керенский уже не удовлетворял эмоциональные потребности общества, на политическую сцену восходил герой иного амплуа – Л.Г. Корнилов. Примечательно, что последующий конфликт Керенского-Корнилова также может быть рассмотрен в эмоционально-психическом ключе: Керенский решил не дожидаться развязки и первым нанести удар по генералу, не выдержав нервного напряжения, вызванного страхом перед гипотетическим военным переворотом. Обращает на себя внимание и роковая роль В.Н. Львова – признанного впоследствии психически больным. Наводит на подозрения о неврозе и самоубийство А.М. Крымова. Вероятно, до конца понять причину конфликта генерала и министра не удастся без учета общей эмоциональной атмосферы, резко усугубившейся после падения Риги, на фоне которой разыгрывалось противостояние Корнилова и Керенского. Вот как настроения кануна «мятежа» описал корреспондент в заметке под названием «Нервы Петрограда» от 25 августа: «Наступили страшные дни, когда население Петрограда не может не чувствовать непосредственной тревоги за себя. Совсем на-днях страшные слова о том, что Россия гибнет, еще казались несколько риторическими. Для большинства петроградцев в эти слова еще не вливалось живое, личное, прямо физическое ощущение тревоги. Теперь все сразу переменялось. Переменялась даже погода. После ясных, жарких дней ранней осени тяжелые мрачные тучи затянули серым трауром петроградское небо и льют холодные, нудные дожди.... Нервы сразу поддались и началось бегство»⁵.

Новое психологическое напряжение пришлось на октябрь 1917 г., когда в столице циркулировали слухи о готовящемся очередном выступлении большевиков, а также о вероятном захвате столицы немцами; начался очередной рост поступлений

¹ Коонен А.Г. Страницы жизни. М., 1985. С. 233.

² См.: Вавулин Н. Безумие, его смысл и ценность. СПб., 1913; Закржевский А. Рыцари безумия (футуристы). Киев, 1914.

³ Биржевые ведомости. Веч. Вып. 1917. 30 мая.

⁴ Сорокин П.А. Социология революции. М., 2004. С. 173 – 174.

⁵ Биржевые ведомости. Веч. Вып. 1917. 25 августа.

душевнобольных. Слухи расплозились по городу, нервируя обывателей, отвлекая от привычных дел. В эти дни А. Блок записал в дневнике: «На улицах возбуждение (на углах кучки, в трамвае дамы разводят панику, всюду говорится, что немцы придут сюда, слышны голоса “все равно голодная смерть”»)»¹. Те же самые разговоры отметил и М. Горький, демонстрируя собственную раздраженность и чувство страха перед возможным повторением насилия июльских дней, и москвич Н. Окунев, фиксируя начавшуюся панику среди обывателей². В некотором роде в октябре повторилась картина января–февраля 1917 г, когда все чувствовали неизбежность революции, ожидали ее. Отличие только в более точных сроках и сопутствующих настроениях. Практически во всех газетах Петрограда и Москвы поднимался один и тот же вопрос: «Что день грядущий нам готовит?» И, по общему убеждению, «готовил он нечто прескверное в образе большевистского восстания»³.

Однако в ночь с 25 на 26 октября в Петрограде было относительно спокойно. Даже когда пушки Петропавловки начали обстрел Зимнего, по Троицкому и Дворцовому мостам продолжали ходить трамваи. Наблюдая за ними со стен крепости, большевик А. Тарасов-Родионов, будущий пролетарский писатель, с разочарованием думал: «Странная революция. Рабочий совет свергает буржуазное правительство, а мирная жизнь города ни на минуту не прекращается»⁴. После прихода к власти большевиков некоторые современники даже временно вздохнули с облегчением: «Пучина наконец-то разверзлась»⁵ – неопределенность переносится тяжелее самой трагедии.

Революция и начавшаяся следом Гражданская война окончательно обеспечили осмысление современниками произошедших событий при помощи психопатологической терминологии. Если до 1917 г. подобные интерпретации были в основном уделом психиатров и представителей правых сил, то теперь более широкие слои, включая тех, кто искренне приветствовал свержение самодержавия, описывали революцию как торжество низших инстинктов в условиях нравственной и психической деградации населения.

Летом 1918 г. историк и социолог Н.И. Кареев, уехав из города, в смоленской деревне написал труд, за общими социально-философскими рассуждениями которого скрывались характеристики современной эпохи как периода массового психоза: «Революции в общественной жизни – то же самое, что в природе грозы и бури, в организмах – острые заболевания... В душевной жизни индивидуумов им соответствуют психозы, да и на самом деле в явлениях интерментальной психической жизни они имеют характер коллективных психозов, настоящих психических эпидемий, в которых происходит заражение одних другими»⁶. Идея психического заражения была не оригинальна, еще в 1880-е гг. психиатр В.Х. Кандинский писал о феномене психических эпидемий, распространение которых объяснял «душевной контагиозностью» – инстинктом подражания, определявшим заразительность чувств и эмоций, – и в качестве примеров приводил массовые религиозные движения, а также революции⁷. П.А. Сорокин

¹ Блок А. Дневник. М., 1989. С. 249.

² Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 148; Окунев Н.П. Дневник москвича. Кн. 1. М., 1997. С. 95.

³ Русские Ведомости. 1917. 22 октября. С.3.

⁴ Тарасов-Родионов А. Первая операция. – Военный Вестник. 1924. №42. С.13.

⁵ Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992. С. 99.

⁶ Кареев Н.И. Общие основы социологии. Пг., 1919. С. 175.

⁷ Кандинский В.Х. Общепонятные психологические этюды // Санкт-Петербургская психиатрическая больница св. Николая Чудотворца. К 140-летию. Том III. В.Х. Кандинский. СПб., 2012. С. 111-112.

в задуманных в годы Гражданской войны трудах «Голод как фактор», «Социология революции» также поднимал тему массовых психических девиаций.

По-видимому, российская интеллигенция, подвергнувшаяся в этот период депрофессионализации, терявшая социальный статус, наиболее тяжело адаптировалась к новым условиям. Нормой становилось затягивавшееся состояние психологической подавленности, способствовавшее развитию неврозов и психозов. Депрессия превращалась в классовый признак, и в среде интеллигенции распространялись слухи, что комиссары составляли расстрельные списки из числа «считавшихся по своему душевному строю неспособными стать строителями коммунизма»¹. Представления о том, что большевики начнут истреблять тех, у кого обнаруживаются нервно-психические расстройства, казалось, находили косвенные подтверждения как в теоретических работах, так и практических действиях новой власти. В 1919 г. в Москве по инициативе психиатрической комиссии при медико-санитарном отделе Московского Совета Р. и Кр. депутатов началась реформа организации психиатрической помощи, предполагавшая разделение столицы на психиатрические районы и создание новой системы патронажа. С этой целью в Москве было создано психиатрическое бюро для обнаружения всех душевнобольных в городе². Учитывая возросшую нервозность обывателей, данная инициатива была воспринята в определенных кругах с подозрением. Кроме того, масла в огонь подливали употреблявшиеся психиатрами термины «психически полноценные» и «психически неполноценные» люди. В одной из своих статей В.П. Осипов рассматривал «огонь революции» как условие естественного отбора: «Только физиологически, биологически полноценным людям удалось сохраниться в этом очистительном огне»³. Неспособность адаптироваться к новым условиям и принять советскую власть Осипов считал симптомом психического заболевания. В конце революции П.А. Сорокин подтвердил, что нервная система интеллектуалов интенсивнее реагировала на «ужасы революционной борьбы», чем нервная система работников физического труда, что привело к резким изменениям «в психике интеллигенции... История старой – типичной – русской интеллигенции кончилась. На место ее приходит новая, с новым психическим укладом... Романтизм, сентиментализм и жертвенность сдуты революцией с психологии интеллигента»⁴.

К интеллигенции власти изначально относились с подозрением, записывая их в категорию «бывших людей». Некоторые профессора, доведенные до отчаяния нищенскими условиями существования (в 1918 – 1922 гг. смертность профессуры в Петрограде была вдвое выше смертности остального населения⁵), действительно позволяли себе открытые нападки на большевиков. С критикой власти выступил И.П. Павлов, причем пытался подвести под свою политическую позицию естественнонаучную базу. 27 мая 1918 г. в Концертном зале Тенишевского училища он читал лекцию «Основы культуры животных и человека», в которой рассматривал периоды стабильности и революции как процессы торможения и возбуждения нервной деятельности: «Что такое революция вообще? Это есть освобождение от всех тормозов, о которых я говорил, это есть полная безудержность, безуддность. Были законы, обычаи и т. п. Все это теперь идет насмарку. Старого не существует, нового еще нет. Торможение упразднено, остается одно возбуждение. И отсюда всякие эксцессы и в области желаний, и в области мысли, и в

¹ Лосский Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. Минск, 2012. С.207.

² Известия народного комиссариата здравоохранения. 1919. №2-3. С. 28.

³ Осипов В.П. О контрреволюционном комплексе у душевнобольных // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1926. №2. С. 86.

⁴ Сорокин П.А. Социология революции. М., 2004. С. 198, 528-529.

⁵ Там же. С. 201.

области поведения»¹. В сентябре 1923 г. перед аудиторией Военно-медицинской академии Павлов раскритиковал брошюру Н. Бухарина «Пролетарская революция и культура». На это отреагировали Г. Зиновьев и Л. Троцкий, подвергнув Павлова критике в обращениях к Конференции научных работников, а в 1924 г. в партийном журнале Военно-медицинской академии был напечатан ответ Н. Бухарина «О мировой революции, нашей культуре и прочем (ответ профессору И. Павлову)». Бухарин в целом уважительно отзывался о научных заслугах ученого, но при этом указывал, что Павлов ничего не смыслит в процессах общественного развития².

Спустя некоторое время после этой дискуссии считавший себя последователем Павлова В.П. Осипов публикует статью «О контрреволюционном комплексе у душевнобольных», в которой, ссылаясь на теорию рефлексов и корковых связей, попытался объяснить неприятие российскими учеными большевистских экспериментов тем, что их старые корковые связи не вытеснились новыми корковыми соединениями³. Данную публикацию можно было бы расценить как попытку вывести из под удара советской репрессивной машины представителей старой русской профессуры (и возможно в какой-то степени так оно и было), если бы статья не основывалась на клиническом материале, с помощью которого автор доказывал наличие «контрреволюционного комплекса» на примере собственных пациентов, среди которых были и сифилитики. Это приводило его к выводу, что «среди критиков Советской власти больше всего больных поздним сифилитическим психозом»⁴.

Чтобы сохранить некоторую видимость объективизма Осипов упоминал и о «революционном комплексе» (революционном психозе) на примере тридцатилетнего пациента, страдавшего эпилепсией, среди симптомов болезни которого было громкое, постепенно усиливавшееся монотонное пение, доводившее больного до сипоты. По объяснению больного, этой мелодией он должен был выразить «мировой протест», «мировую скорбь» против мировой тирании, угнетавшей слабых и обездоленных. Тем самым в системе «политических комплексов» Осипова контрреволюционер-сифилитик противостоял революционеру-эпилептику.

Естественно, что статья была критически встречена в научной среде, и в следующем номере «Обозрения психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии» появился ответ доктора И.И. Розенблюма, в котором он поставил под сомнение не только саму гипотезу Осипова, но обрушился с критикой на развивавшуюся В.М. Бехтеревым и Осиповым рефлексологию, обвинив первого в попытках объяснить явления социального порядка одними биологическими процессами и подменить социологию рефлексологией. В отношении концепции «контрреволюционного комплекса» Розенблюм замечал, что монархисты вместе с меньшевиками и эсерами не приняли Октябрьской революции «не потому, что их нервная система была подготовлена для восприятия только Февральской революции, а потому, что они отражали классовые интересы определенных прослоек буржуазии и крестьянства»⁵. В том же номере был опубликован ответ Бехтерева и Осипова. Показательно, что Бехтерев не стал защищать концепцию «контрреволюционного комплекса» своего единомышленника, а только ответил на

¹ Павлов И.П. Основа культуры животных и человека // Российский физиологический журнал им. И.М. Сеченова. 1999. №9-10.

² Бухарин Н.И. Атака: сборник теоретических статей. М., 1924. С. 173.

³ Осипов В.П. О контрреволюционном комплексе у душевнобольных // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1926. №2. С. 87.

⁴ Там же. С. 89.

⁵ Розенблюм И.И. По поводу контрреволюционного комплекса у душевнобольных // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1926. №3. С. 209.

выпады в адрес собственной рефлексологии (признанной, после его смерти, «империалистической» дисциплиной).

Впрочем, за вульгарный биологизм при изучении социальных процессов доставалось не только Осипову с Бехтеревым, но и Павлову. В 1920 г. Сорокин критиковал Павлова за отстранение от психологической терминологии и ее замену понятиями психических реакций и рефлексов¹. Однако позже Сорокин солидаризировался с рефлексологическим описанием революции Павлова и Осипова: «Деформация поведения, вызываемая революцией, – писал Сорокин, – в первой стадии знаменует его примитивизацию и приближение его к типу поведения животных. Для человека, знакомого с психологией и с рефлексологией, этого факта достаточно, чтобы определить, в каком направлении меняется психика революционного общества. Всякое угасание условного рефлекса физиологически означает *уничтожение проторенной соединительной связи (“замыкания”) в сером веществе больших полушарий мозга, образованной при воспитании условного рефлекса*»². Показательно, что, описывая социальные процессы как рефлекс, Павлов, Осипов и Сорокин приходили к разным выводам: для Павлова революция была периодом исключительного возбуждения нервной деятельности, для Сорокина – торможения, а Осипов пытался увязать возбуждение и торможение с определенными политическими группами населения.

При этом Осипов, до того, как представить скандальную гипотезу о «контрреволюционном комплексе», сам пессимистично оценивал последствия 1917-18 гг. для общего душевного здоровья. В 1919 г. ученый выдвинул тезис о том, что раз относительно кратковременный революционный период 1905 г. вызвал резкий всплеск душевных расстройств, то затянувшаяся и бурно протекающая новая революция должна более негативно сказаться на душевном состоянии обывателей³. Определяя количество душевнобольных в Петрограде в 1908 г. в 2,8‰ на 1000 жителей, Осипов рассчитал число сумасшедших в 1918 г. в пределах 3,3-4,2‰, отмечая дальнейший рост этой цифры в 1919 г. Помимо внешних причин душевных расстройств Осипов обращал внимание на то, что хроническое недоедание, голодание и физическое истощение привели к распространению новой клинической формы душевных недугов – острой спутанности сознания или острого бессмыслия, редко встречавшихся в прежние годы (по всей видимости, речь шла о деменции)⁴. Впоследствии, правда, Осипов отмечал, что пик душевных расстройств, толчком для которых стала Октябрьская революция, пришелся на 1923 – 1924 гг., объясняя это тем, что в годы Гражданской войны голод подавлял политические психозы⁵. О том, что психические расстройства приняли массовый характер именно в голодных районах, писал В.А. Горовой-Шалтан⁶. Сорокин также соглашался с тем, что революция и Гражданская война вызвали рост душевных заболеваний⁷.

Следует признать, что травмирующее значение революции не столь однозначно, как кажется на первый взгляд. В некоторых случаях новые травмы вытесняли травмы прошлых лет, оказывая на больных временное позитивное воздействие. Так, на динамику душевного здоровья философа Н.О. Лосского повлияли события и первой революции

¹ Сорокин П.А. Система социологии.... Т.1. Ч. 1. М., 1920. С. 54 – 55.

² Сорокин П.А. Социология революции... С. 164.

³ Осипов В.П. О душевных заболеваниях и душевной заболеваемости в Петрограде в условиях настоящего времени // Известия Комиссариата здравоохранения Союза коммун Северной области. 1919. № 7-12. С. 22-24.

⁴ Там же. С. 23.

⁵ Осипов В.П. О контрреволюционном комплексе... С. 90.

⁶ Горовой-Шалтан В.А. К вопросу о душевной заболеваемости населения при современных условиях // Психиатрия, неврология и экспериментальная психология. 1922. № 2. С. 34.

⁷ Сорокин П.А. Социология революции... С. 204.

1905 г., и революции 1917 г., и последовавшей Гражданской войны. Лосский вспоминал, что подписание царского манифеста 17 октября 1905 г. вызвало среди его знакомых «радостное волнение», но когда на следующий день он узнал, что историк Е.В. Тарле ранен конным жандармом на митинге у Технологического института, то «пришел в состояние крайнего возбуждения, которое закончилось сердечным припадком, чрезвычайно ускоренным сердцебиением и тягостным чувством близости смерти»¹. С тех пор подобные невротические припадки (по всей видимости панические атаки) у Лосского стали повторяться регулярно, раз-два в месяц, как правило, по ночам, вплоть до весны 1917 г., когда «сильное впечатление, произведенное на меня началом этой революции, и чувство ужаса перед нею... как будто излечили меня от моего психоневроза»². Однако последующие события вызвали новые припадки, избавиться от которых удалось лишь в эмиграции. Впрочем, по мнению Лосского, главной психической травмой за годы Гражданской войны для него стали не политические катаклизмы, физические лишения и голод, а увольнение из С.-Петербургского университета в 1921 г.

В дневниках современников, даже остававшихся в относительном душевном здравии, тема психического расстройства возникала в качестве метафоры общей психологической атмосферы: «Ощущение тьмы и ямы. Тихого умопомешательства»³. Впоследствии П.А. Сорокин, соглашаясь с Осиповым относительно распространявшейся спутанности сознания, писал о том, что бедствия эпохи Гражданской войны понижали когнитивные способности индивидов, заставляя их концентрироваться исключительно на актуальных проблемах, сужая способности восприятия⁴. В психологии это известно под термином «тоннельное мышление». Сорокин отмечал также, что снижение когнитивных способностей способствует усилению внушаемости индивидов, что делает его беззащитным перед агрессивной пропагандой, а также снижает контроль над эмоциями. Последнее, по мысли социолога, предопределяло жестокость эпохи Гражданской войны⁵.

Факторы невротизации общества можно распределить по таким группам, как биологические (плохое питание ослабляло нервную систему организма), социальные (например депрофессионализация, которая являлась значимой причиной стресса для специалистов), политические (эксперименты в области управления, которые для противников власти обладали сильным травмирующим эффектом), военные (постоянная угроза жизни в условиях Гражданской войны), лексические (агрессивная риторика пропаганды классово-борьбы пугала потенциальные жертвы), бытовые (расстройство привычной повседневности заставляло постоянно приспосабливаться к меняющимся условиям). Как правило все они оказывали комплексное воздействие на психику современников, однако в качестве триггера той или иной психической реакции могли выступить события или явления любой группы. Так, например, характерной особенностью повседневности периода Гражданской войны стало погружение крупных городов во тьму по причине топливного кризиса. Улицы не освещались, по вечерам в редких домах горел свет. Темнота на фоне других явлений провоцировала у обывателей депрессию.

Подтвердить наблюдения психиатров о распространении психоневрозов статистическими данными не просто. За годы Гражданской войны организация психиатрической помощи была существенно перестроена, количество коек сократилось,

¹ Лосский Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. Минск, 2012. С. 118.

² Там же.

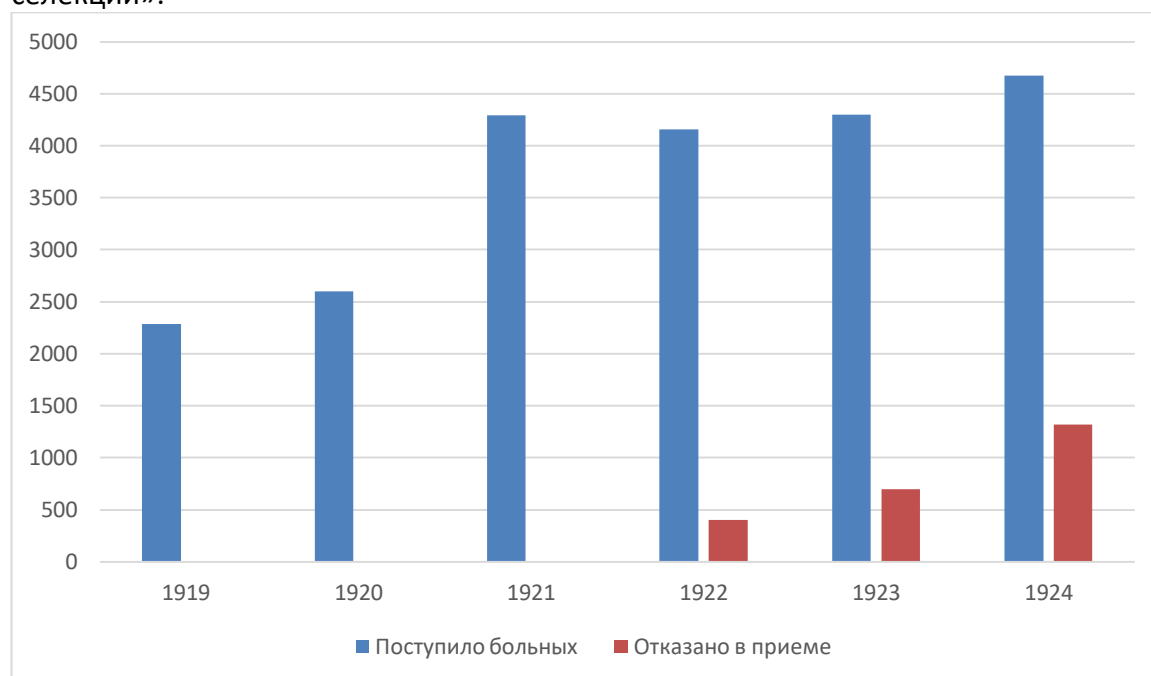
³ Гиппиус З.Н. Собр. соч. Т. 9. Дневники: 1919-1941. Из публицистики 1907-1917 гг. Воспоминания современников. М., 2005. С. 56.

⁴ Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий. Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. СПб., 2012. С. 36 – 37.

⁵ Там же. С. 40-41.

усилилась миграция населения, в том числе душевнобольных, из городов. Кроме того, психические больные, находившиеся на стационарном лечении, в условиях плохого снабжения оказывались наиболее подвержены эпидемическим заболеваниям – тифу и холеры. Л.А. Прозоров отмечал, что смертность душевнобольных от холеры в разных больницах Советской республики за 1918 - 1919 гг. составила от 65 до 80%¹. Главным фактором увеличения числа душевных расстройств Прозоров по понятным причинам называл Первую мировую войну, указывая, что к ее окончанию в России был один миллион нервных больных. При этом официально числившихся душевнобольных весной 1918 г. было 50 000. Учитывая признания психиатров в том, что в больницах находится не более 10% душевнобольных, можно говорить о не менее 500 000 психических больных в 1918 г. на территории Советской России.

Хотя цифры, отражавшие динамику поступлений душевнобольных в городские клиники нельзя по вышеназванным причинам соотнести с дореволюционным периодом, имеющиеся данные по отдельным городам позволяют говорить о росте психических заболеваний. Так, В.А. Громбах привел статистику по московским больницам за 1919 – 1924 гг., причем фиксируя и случаи отказов от стационарного лечения, что, ввиду переполненности клиник, начало практиковаться с 1922 г., когда решено было переводить на стационар лишь «абсолютно нуждающихся в помещении в больницу»². Диаграмма поступления душевнобольных в клиники г. Москвы (Рис. 3) подтверждает выводы Осипова о том, что рост числа психических больных продолжался и после Гражданской войны. Это свидетельствует в пользу того, что Гражданская война оказывала не только кратковременное неврологическое воздействие на человека (травматический невроз), но и способствовала развитию долгосрочных патологических процессов в организме, приводивших к психозам. Психиатры расширяли проблему долгосрочных последствий, указывая, что психические болезни могут по наследству передаваться следующим поколениям. Сорокин и вовсе считал революцию «орудием отрицательной селекции».

¹ Прозоров Л.А. Холера и сыпной тиф в психиатрических больницах // Известия народного комиссариата здравоохранения. 1919. №5-6. С. 15.

² Громбах В.А. Московская психиатрическая организация // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1925. №1. С. 108.

Рис. 3. Поступление душевнобольных в клиники г. Москвы по данным В.А. Громбаха.

В случае легкой формы нервного расстройства, как, например, депрессии, больному нельзя было рассчитывать на государственное лечение, и, хотя приведенная диаграмма не отмечает динамику депрессивных расстройств, их число можно проследить по зарегистрированным случаям самоубийств. Корреляция между глобальными внешними факторами, катаклизмами и депрессией индивида достаточно сложна. Так, накануне Первой мировой войны в российском обществе усилились депрессивные настроения, росло число самоубийств (за всю первую четверть XX в. их пик пришелся на последний предвоенный год), но известие о начале мирового конфликта отвлекло потенциальных суицидентов от личных проблем, привело к снижению количества самоубийств, которое продолжалось вплоть до 1915 г. Но в канун революции число суицидов снова пошло вверх. В Москве 1917 г. дал наименьшее число самоубийств за все годы мировой войны, но с 1918 г. начался их новый рост (Рис. 4). Конечно, при интерпретации приведенной диаграммы необходимо учитывать миграционные процессы: мобилизацию 1914 г., переезд в сельскую местность части городского населения в годы Гражданской войны. В этом случае разница довоенного и военного, дореволюционного и революционного периодов сгладится.

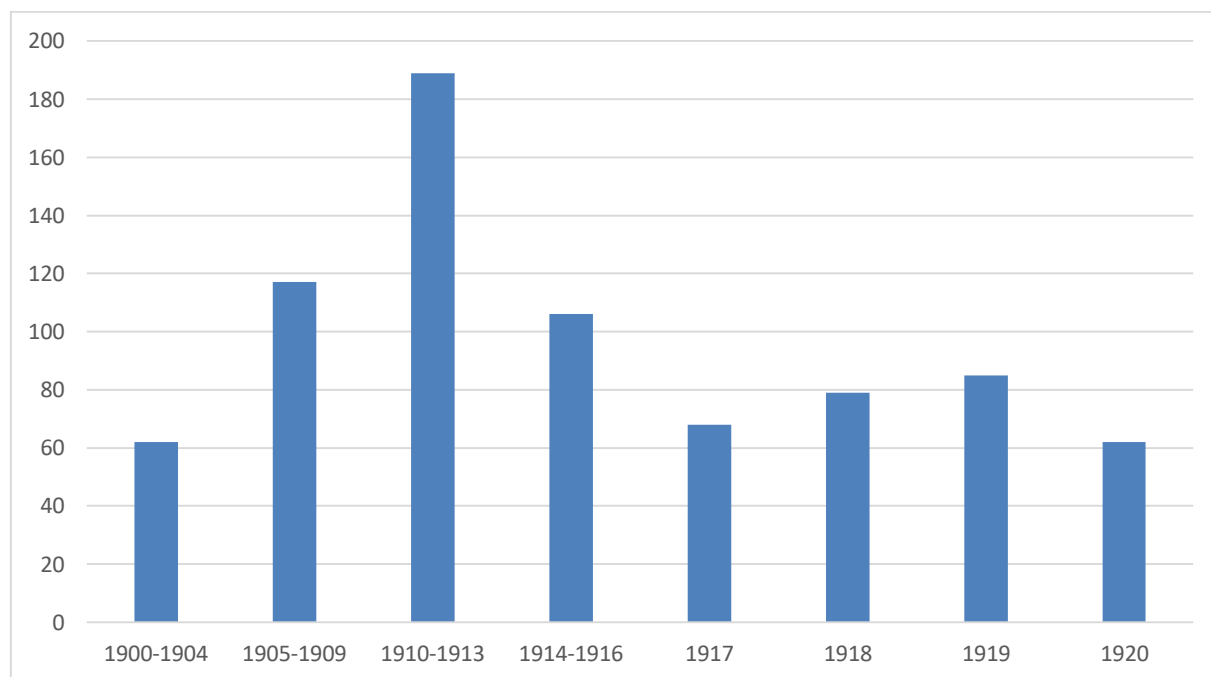

Рис. 4. Годовое количество самоубийств в г. Москве на 1 млн человек¹.

В годы Гражданской войны рост суицидальной активности произошел в основном за счет 15–30-летних - молодежи было тяжелее адаптироваться к изменившимся условиям жизни, лишившим их будущего. Резкое ухудшение быта травмировало психику и старших поколений. Самоубийство в 1922 г. жены Н.П. Окунев воспринял как почти естественное следствие новой жизни: «Эта проклятая война и все последующее, исковеркавши царства, города, дома, квартиры, – доконала и наше не только счастье, но и относительное благополучие. К концу остались истрепанные нервы, изможденные силы, разочарование и трепет перед грядущими неприятностями... Не стало сил у моего

¹ Статистический ежегодник. 1918-1920 (выпуск второй). Труды Центрального Статистического Управления. М., 1922. С. 101.

бедного и благородного друга! Окончательно надломилось здоровье от этих кухонных забот, стирок, уборок, колоков дров, топок печек, тасканья мешков и разных “торговых” забот»¹.

Что касается методов сведения счетов с жизнью, то по сравнению с 1917 г. сократилось число огнестрельных самоубийств при росте числа повешений (Рис. 5). Как считают некоторые психиатры, такой выбор характерен для особо отчаявшихся людей, связан с большим количеством предварительных действий, исключающих эмоциональный порыв, в то время как застрелиться можно под воздействием спонтанного аффекта. Кроме того, при выстреле сохраняется надежда на осечку, при отравлении – надежда на спасение (последний способ сведения счетов с жизнью чаще выбирают женщины, по одной из версий и потому, что он не уродует внешность). Впрочем, сокращение количества самоубийств с помощью огнестрельного оружия может объясняться и другой причиной – кампаниями по реквизиции оружия у населения.

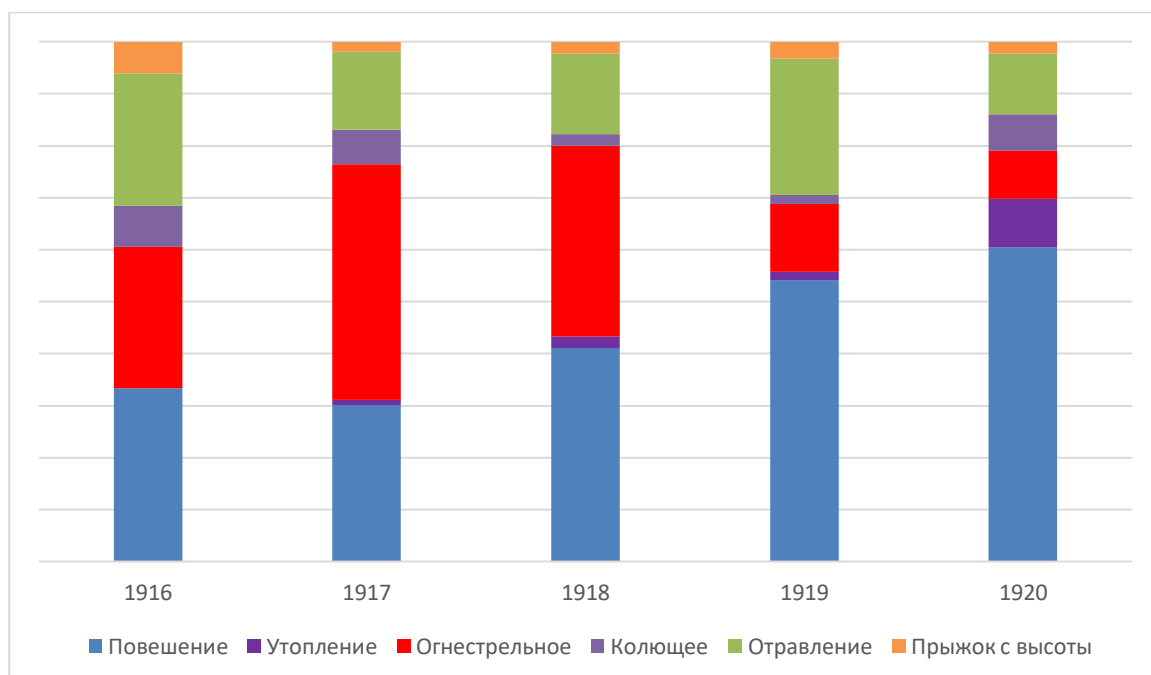

Рис. 5. Способы самоубийств в Москве (1916-1920 гг.).

Таким образом, психиатрическая теория демонстрировала не только научные наработки ученых, но и оказывалась инструментом политической пропаганды. Понятия «революционного психоза», «контрреволюционного комплекса» едва ли могут быть признаны научными, в ряде случаев они демонстрировали уязвимость авторов перед характерными эмоциями и вызовами своего времени. Вместе с тем динамика поступлений душевнобольных за 1917 г. показывает определенную корреляцию между политическими событиями и психическим состоянием общества, позволяет сделать вывод, что революция стала травмирующим фактором как для ее приверженцев, так и противников. Последующие события Гражданской войны принесли серию новых испытаний, способствовавших дальнейшему росту психических расстройств и связанной с ними суицидальной активностью населения. Хотя в абсолютных цифрах количество душевнобольных не может быть признано в качестве значимой части населения, изучение динамики нервнопсихических расстройств позволяет лучше понять

¹ Окунев Н.П. Дневник москвича. Кн. 2. М., 1997. С. 197.

психологическую атмосферу общества революционного времени, определить наиболее травматичные для массового сознания периоды.

V. Политические режимы и национальные движения на постимперском пространстве

Валерий Федорович Солдатенко

Режим атаманщины в Украинской Народной Республике (1919 - 1920 гг.)

Феномен, именуемый атаманщиной и имманентный самой природе Гражданской войны в России 1917-1920 гг., вообще-то хорошо известен и имеет довольно обширную историографию. Естественно, он имел региональные особенности, специфику своего проявления. Представляется, что наиболее зримо и рельефно это воплотилось в опыте Украинской Народной Республики, где атаманщина не только получила огромное распространение, вовлекла в свое «силовое поле» различные сферы общественной жизни, но и в 1919-1920 гг. была возведена в ранг системообразующих принципов государственного строительства, стала стержневой основой внедряемого режима, явилась попыткой воплощения в жизнь соответствующей политико-правовой модели регулирования всех общественных процессов¹.

Сам термин вошел в политический лексикон уже в 1919 г. Им широко оперировали первые историки Украинской революции – В. Винниченко, П. Христюк, Н. Шаповал, И. Мазепа, Н. Григориев и другие. Обобщая их наблюдения и выводы, как и рассуждения позднейших исследователей, представляется возможным следующим образом обрисовать параметры непростого общественного феномена. Атаманщина – это доминирование военного начала, вплоть до его практической абсолютизации в реальной жизни Украинской Народной Республики, в управлении всеми ее процессами, включая политические, государственно-правовые, административные, экономические, идеологические; подмены военными властями функций любых других институтов и органов; и, наконец, всех остальных регуляторов общественных отношений и процессов. Отчетливее всего этот украинский феномен проявился в неповиновении армейских командиров разных рангов государственному руководству, перманентных выступлениях против него, практике регионального сепаратизма, сопровождаемой военным террором, еврейскими погромами и т. п.² Атаманщина в историческом смысле стала злым роком всей национальной государственной организации (даже самой национально-освободительной революции), поскольку сорвала планы строительства Республики Трудового Народа, поддержанные ведущими украинскими партиями, т. е. большей частью тогдашнего политикума, Трудовым Конгрессом Украины (в некотором приближении – «изданием» Учредительного собрания – идеала украинства всей революционной эпохи).

Атаманщина как сущность режима Директории, как определяющая и самая примечательная ее черта сформировалась постепенно. Ее истоки легко отыскиваются еще во времена антигетманского восстания (ноябрь – декабрь 1918 г.), когда центральными

¹ См.: Солдатенко В. Ф. На чолі отаманщини // Винниченко і Петлюра: політичні портрети революційної доби. К., 2007. С. 302-369; Его же. Режим отаманщини в УНР 1919 р.: витоки, сутність, наслідки // Гілея. Збірник наукових праць. Вип. 113 (10). К., 2016. С. 46-60.

² См.: Солдатенко В. Українська революція. Історичний нарис. К., 1999. С. 693–767; Он же. Новітні видання і дослідження в історії Української революції (1917–1920 рр.) // Актуальні проблеми вітчизняної історії ХХ ст. Збірник наукових праць, присвячений пам'яті академіка НАН України Юрія Юрійовича Кондуфора. Т. I. К., 2004. С. 272.

политическими фигурами стали те, кто направлял военные действия. Это были, как известно, Главный атаман – С. В. Петлюка и когорта военных руководителей разных рангов, которые ему подчинялись. Последние смотрели на С. Петлюку как на ключевую фигуру в свержении гетманской власти и замене ее республиканской, т. е., возрождении Украинской Народной Республики. А Главный атаман, все больше проникаясь верой в свою мессианскую роль, пытался обеспечить как можно больше преимуществ в реальной власти подчиненным ему атаманам.

Уже в приказе Штаба революционных войск УНР от 24 ноября 1918 г., речь шла о механизмах ликвидации власти Гетманата и закрепления ее в новых руках. Призывая к повсеместной организации воинских частей, приказ определял: «Команду над народным ополчением берут в свои руки в каждом уезде (здесь и далее подчеркнуто мной – В. С.) самые старшие по рангу военачальники украинской народности»¹. Вот эти командиры и получили звание атаманов. К слову, приказ официально подписали сразу два атамана: Главный атаман С. Петлюка и, Начальник штаба, атаман Осецкий.

Далее говорилось: «Всем атаманам брать власть в свои руки, при чем, во-первых: власть взять военную, административную, судебную, и последние две до тех пор, пока Директория не назначит соответствующих лиц; второе: всех предателей Украинского Народа арестовывать и поступать с ними по закону военному; третье: не допускать мятежа и предотвращать это немедленными военными расправами на месте; четвертое: Директория предоставляет полную власть во время боевых действий командирам отдельных частей, после боевых действий власть атамана земель такова: за главную измену украинскому государству, за военную измену, за невыполнение боевых приказов, за мародерство и грабежи исключительно к расстрелу после постановления военного Полевого Суда»².

К этому присовокуплялись весьма существенные уточнения: «Иметь в виду, что к власти административной относятся также железные дороги, почта, телеграф и другие институции в пределах земель, указанных атаманам по согласию между собой. ...Против предателей и врагов государственной независимости действовать решительно и беспощадно»³.

При всей самоочевидности приведенного как своеобразной концентрированной модели атаманщины, нельзя не обратить внимания хотя бы на три важнейших момента.

Во-первых, Директория никогда не принимала решения о передаче «полной власти... командирам отдельных частей». Следовательно, самовольно сформулированный тезис может быть квалифицирован как оформление узурпации власти военными, точнее атаманами, которые опирались на силу оружия.

Забегая немного вперед, следует сказать, что на попытки Директории (во время председательствования в ней В. Винниченко) поставить атаманов под политическое государственное начало, подчинить элементарной дисциплине С. Петлюка реагировал очень нервно, резко, ревностно защищал своих подчиненных атаманов от любой ответственности, даже тогда, когда их вина, причастность к правонарушениям, морали были очевидными и безусловными.

Во-вторых, концентрация всей полноты власти в одних руках явно диссонировала, более того – прямо противоречила декларируемым демократическим принципам возобновляемой УНР. Территориально же атаманы должны были делить власть «по

¹ Петлюка С. Статті. Листи. Документи. Т. IV. К., 2006. С. 210.

² Там же.

³ Там же.

согласию между собой». Естественно, на роль наиболее весомой фигуры в государстве при такой модели выдвигался Главный атаман.

В-третьих, можно предположить, что статус Главного атамана для С. Петлюры всегда значил больше, чем статус члена и даже председателя Директории. С этой точки зрения очень интересен принятый Кабинетом Министров Закон о новом составе Директории от 7 мая 1919 г. Оставим за скобками весь алогизм, а если прямо, то всю абсурдность решения исполнительного органа власти – с юридической стороны он ни при каких обстоятельствах не имел полномочий принимать закон о формировании высшего органа государственной власти в УНР. Стоит упомянуть, что Директорию избрал высший представительный орган – Трудовой конгресс Украины, состоявшийся 23-28 января 1919 г.

К маю 1919 г. в составе Директории произошли изменения. Еще в феврале ушел в отставку В. Винниченко. А. Андриевского удалили из состава Директории за причастность к мятежу В. Оскилко против С. Петлюры в конце апреля. Вот тогда и было принято упомянутый закон, который гласил:

«1) Все постановления Директории Украинской Народной Республики действительны и законны только в том случае, если в заседании принимал участие Главный Атаман Петлюра.

2) Для законности постановлений и приказов Директории необходимы подписи двух членов Директории в том числе обязательно подпись Главного Атамана.

3) Директория имеет право вынести постановление о выходе из состава Директории одного из ее членов, когда это будет признано необходимым в государственных интересах.

4) Для действительности постановления о персональных изменениях в составе Директории необходимые подписи 3-х членов Директории, в том числе Главного Атамана»¹.

Как видно, вес Главного атамана в любых комбинациях здесь исключительный, ключевой. Без его согласия любое решение было невозможным. В то же время этим как бы прокладывался путь к единоличной власти, опять-таки - не столько главы Директории, сколько Главного атамана.

Лапидарно и очень точно модель атаманщины охарактеризовал В. Винниченко (хотя писал он об этом с откровенным отвращением и, казалось, мог без конца нанизывать эпитеты негативного толка), однако не в состоянии был исчерпывающе охарактеризовать уродливое явление. «Бесконтрольность, безответственность, самовластность, неспособность к организации, беспринципность, малороссийский патриотизм и бессмысленный шовинизм, словом, все те черты, которыми отличалась атаманщина с самого начала, но которые в лучших условиях сдерживались внешними факторами, теперь вылезли, обнажились, как смрадные раны и отравляли вокруг себя все окружение»², – искренне возмущался политический деятель и художник, когда мысленно возвращался к периоду весны–лета 1919 г.

Большую долю ответственности за разгул атаманщины несли, по мнению В. Винниченко, руководящие центры УНР, в первую очередь председатель Директории (с февраля 1919 г. - фактически, с мая – официально - С. Петлюра), он же - Главный атаман, его коллеги по высшему органу власти и правительству. «Атаманом мог стать всякий, кто хотел, – отмечал автор трехтомника о революционной эпохе. – Главным атаманом выдавалось удостоверение, что такой-то должен формировать «отряд», ему выдавалось

¹ Петлюра С. Статті. Листи. Документи. Т. IV. С. 253.

² Винниченко В. Відродження нації. К.-Відень, 1920. Ч. III. С. 352.

несколько миллионов рублей и новый атаман начинал свою деятельность. Никакого, разумеется, ни отчета, ни контроля, ни ответственности за деньги и за свою «деятельность» эти «национальные герои» по примеру «главного национального героя» не признавали. Формально они как бы и подчинялись «Главному Атаману», но, по сути, эта славлюбивая «балерина» (так уничижительно В. Винниченко именовал С. Петлюру – В. С.) боялась этих атаманчиков, искала их милости и не смела ни за какие злодеяния наказывать этих «героев», чтобы не утратить среди них своей популярности.

И поэтому атаманы и атаманчики свободно разворовывали деньги, пьянствовали, безобразничали и осуществляли еврейские погромы»¹.

Важно иметь в виду, что в качестве политико-правовой конструкции атаманщина не имела никакого идейно-теоретического обоснования, не было даже попытки сделать нечто подобное. Как известно, политики с момента создания Директории потратили немало усилий, чтобы доказать преимущества одного из двух альтернативных путей развития УНР – на основе трудового принципа (Трудовые Советы) или парламентской модели западного образца. И на Трудовом конгрессе, и на многочисленных государственных и партийных совещаниях, и на партийных съездах, и в прессе все время шли острые дискуссии, в ходе которых преимущество получал то один, то другой подход. Даже при многочисленных правительственных перестановках считалось, что очередную победу получают сторонники именно упомянутых несовместимых ориентаций. На самом же деле, к идейно-теоретическим аргументам никто не прислушался, а принятые на их основании решения неизменно игнорировались. И если эта тенденция мощно проявлялась еще когда во главе Директории был В. Винниченко, то с его отставкой (10 февраля 1919 г.) намерениям и действиям атаманов уже ничто не мешало.

Ввиду некоторой объективной обусловленности феномена, атаманщина как своеобразная, специфическая, преимущественно конъюнктурная модель управления общественными процессами, по крайней мере для отдельных моментов (скажем, критического военного положения), могла бы рассчитывать на оправдание или хотя бы восприниматься с определенной долей понимания. Однако исключительные, чрезвычайные приемы в политике и государственном строительстве приобрели самостоятельный вес и характер, а еще больше – ими были подменены все остальные, не менее важные направления функционирования общественного организма. Иными словами, атаманщина превратилась в государственную политику.

В историографии продолжают появляться публикации, преследующие цель хоть как-то «смягчить» впечатления от очевидных негативов атаманщины². Наиболее распространенные приемы тут: стремление искусственно сузить проявление феномена, доказывая, что явление было имманентно только военному строительству, вооруженным силам УНР, попытки возложить вину за ошибки, просчеты и преступления на «низовых» атаманов, их анархические наклонности, бунтарское поведение; в других случаях – «разложить» вину на всю правящую верхушку; самое важное – ретроспективно вывести из зоны прямой ответственности Главного атамана войск УНР С. Петлюру. Подобные тенденции критически воспринимаются, находят соответствующую оценку в специальных тематических трудах³.

Естественно, не просто сторонником, но главным вдохновителем и организатором в проведении соответствующего курса был С. Петлюра. И едва ли не наибольшие трудности в научном определении роли С. Петлюры в судьбе украинской нации, истории

¹ Там же. С. 352–353.

² См.: Митрофаненко Ю. Українська отаманщина 1918-1919 років. Вид. 2-е, виправлене і доповнене. Кіровоград, 2016. 238 с.

³ См.: Солдатенко В. Ф. Режим отаманщині в УНР 1919р.: витоки, сутність, наслідки. С. 50-51.

Украинской революции, Гражданской войны состоят в отношении к его личности и политике атаманы. Весна 1919 г. – ноябрь 1920 г. – это период апогея политической карьеры С. Петлюры, время, когда он, будучи сначала неформальным, однако бесспорным лидером УНР, стал затем законно избранным руководителем высшего государственного органа республики и, наконец, на завершающем этапе Гражданской войны остался единственным функциональным членом Директории.

Однако личностные качества С. Петлюры, которые вряд ли можно отнести к выдающимся, вызывали у многих участников событий того времени недовольство и раздражение, нежелание подчиняться человеку с низкими профессиональными данными и обусловили череду заговоров против первого лица государства. Первый масштабный конфликт разразился уже в двадцатых числах марта 1919 г., и привел к созданию в Каменце-Подольском «Комитета охраны республики». Название последнего говорит само за себя: многие авторитетные лидеры УНР (В. Чеховский, А. Степаненко, И. Лизановский, И. Мазепа, И. Романченко, М. Ткаченко и др.) сочли политику С. Петлюры, Директории угрожающей завоеваниям, достигнутым прежними усилиями¹, и пытались, пусть безуспешно, восстать против нее.

Весьма показательными были события, получившие в историографии название выступления атамана В. Оскилко. За ним стояли сторонники правых ориентаций, в частности член Директории, социалист-самостийник А. Андриевский. П. Христюк предлагает такую версию развития конфликта.

«Командующий Волынской группой республиканского войска «атаман» Оскилко (бывший народный учитель, соц.-самостийник, парнишка лет 25), окруженный старыми царскими генералами, также не признавал правительства, заявляя, что в Ровно, как на фронте, он сам себе хозяин и в никаком правительстве не нуждается. «Социалисты»-самостийники (Мацюк, Макаренко и другие) и народные республиканцы (А. Ковалевский, Архипенко), опираясь на Оскилка и отдавшись под его опеку, повели среди войска, устным словом и через свой орган, неистовую агитацию как против правительства, так и против С. Петлюры. Когда правительство захотело взять мелкобуржуазную прессу под цензуру, Оскилко заявил, что это его штабные фронтовые органы, и он не допустит никакой цензуры их со стороны правительства. Мелкая буржуазия (и те генералы, которые окружали Оскилко) захлопала в ладоши, восхваляя «геройство» атамана»².

Так вызревал конфликт. Основной его причиной было нежелание правых украинских политических сил согласиться с закреплением предводительства социалистических (хотя бы и умеренных) партий, с перспективой перехода власти на местах к трудовым Советам, на которые они не имели влияния. Такой же была и позиция правительства Западно-Украинской Народной Республики, ее лидера - Е. Петрушевича. Оптимизм правым добавляло и то, что под их контролем находилась крупнейшая военная группа – Волынская (это, собственно, была единственная опора УНР), которой командовал социалист-самостийник В. Оскилко.

«Среди представителей правых украинских групп, съехавшихся в Ровно, господствовало недовольство Петлюрой, – разъясняет суть своего видения ситуации И. Мазепа. – В противовес его мероприятиям по реорганизации правительства самостийники-социалисты вели агитацию за передачу Петрушевичу председательства в Директории, а атам. Оскилко, своему единомышленнику, командовавшему Северной группой, обязанности главнокомандующего украинской армией. Как на мотивы этого

¹ См. *Солдатенко В. Ф.* Україна в революційну добу: Історичні есе-хроніки. У 4-х т. Т. III. Рік 1919. К., 2010. С. 171–174.

² *Христюк П.* Записки і матеріали до історії Української революції. У 4-х т. Т. III. Прага, 1921. С. 124–125.

указывалось на то, что, мол, Петлюра, как человек некомпетентный в военных делах, главным образом виноват в неудачах на украинском фронте. Ровенский фронт, говорили они, сохранился только потому, что Северной группой командовал ат. Оскилко, который, мол, не очень прислушивался к приказам главного командования, а делал так, как сам считал нужным. Тот факт, что от целого украинского фронта фактически остался только северный с группой ат. Оскилко, и в Ровно переехал целый государственный центр, чрезвычайно вскружил голову как самому Оскилко, так и его единомышленникам. Самостийники-социалисты откровенно занимались возвеличиванием Оскилка, называя его «молодым украинским орлом», на которого, мол, с благодарностью и надеждой смотрит вся Украина и т. д.»¹.

Когда В. Оскилко демонстративно стал игнорировать приказы С. Петлюры и делать публичные провокационные заявления, Главный атаман некоторое время медлил с решительными действиями, отказывался согласиться с рекомендациями близкого окружения об аресте мятежника. Напряжение каждый день возрастало². Непосредственным поводом для восстания стал несколько запоздалый приказ С. Петлюры об увольнении В. Оскилка с военной должности. Это в итоге привело к существенному ослаблению правых, вырывало из их рук серьезную военную силу, что и ускорило выступление.

В. Оскилко, стянув перед этим в Ровно остатки войска с фронта, в союзе с самостийниками (во главе с представителями Центрального Комитета партии А. Макаренко и О. Мацюком), генералом В. Агапиевым, полковником Е. Гемпелем и прочими «атаманами» и «полковниками», при моральном участии других украинских правых партий (прежде народных республиканцев, а затем и социалистов-федералистов) совершил 29 апреля 1919 г. попытку государственного переворота. Всех министров и некоторых политических деятелей, принадлежавших к украинским социалистическим партиям, арестовали. Атаман Оскилко объявил себя Главным Атаманом войска Украинской Республики и назначил при себе комиссаром для дел гражданских (должность наподобие премьер-министра) народного республиканца Е. Архипенко. Отдельной грамотой он объявил членов арестованного правительства предателями, которые «продавали Украину большевикам и полякам», а также исключил из состава Директории С. Петлюру и А. Макаренко как сообщников арестованного правительства (С. Петлюра, А. Макаренко и Ф. Швець находились в тот момент в Здолбунове – на соседней с Ровно железнодорожной станции). О совершенном перевороте В. Оскилко сразу послал несколько телеграмм в Галицию – Е. Петрушевичу и А. Андриевскому, возвещая, что все, «слава Богу, идет успешно». В одной из этих телеграмм В. Оскилко выразил пожелание, чтобы Е. Петрушевич скорее занял пост президента единой Украины.

В грамотах, которые обнародовали в день переворота В. Оскилко и Е. Архипенко (эти документы многим даже по форме напоминали грамоты П. Скоропадского, и возникает вопрос, случайным ли было осуществление переворота именно в годовщину провозглашения Гетманата), они обещали создать твердую власть, обеспечить спокойствие и порядок, восстановить нарушенные классовые отношения и право частной собственности и т. д..

Однако «оскилковщина» довольно быстро провалилась. Новым Главным атаманом подчиненному ему войску было приказано занять Здолбунув и «освободить из большевистского плена Петлюру с Директорией» (так говорил В. Оскилко казакам, опасаясь открывать им истинные причины переворота, свои намерения арестовать

¹ Мазепа І. Україна в огні й бурі революції. 1917-1921. Т. І. Прага, 1942 С. 156.

² Там же. С. 179–182.

С. Петлюру с А. Макаренко). Но, узнав, что его обманывают, войско вернулось в Ровно и учинило там беспорядки. Большинство воинов ровенского гарнизона объявило нейтралитет (во главе этой части войска стояла офицерская организация – так называемый Украинский военный клуб), меньшинство активно выступило против оскилковцев. Разбросанные из аэропланов прокламации С. Петлюры, в которых он обвинял В. Оскилко в государственной измене и желании вернуть гетманские порядки, окончательно деморализовали оскилковский тыл. Почва была выбита из-под ног. Увидев, что дело проиграно, Оскилко с горсткой своих сторонников бежал в Польшу, «поатаманствовал» неполный день¹.

Определенные штрихи к неприятному, хотя и естественному для атаманщины эпизоду добавил Тимофеев. Он считает, что главным виновником выступления В. Оскилко стал Штаб армии УНР, который начал вести интриги против командующего многочисленной, самой боеспособной ее частью (30 тыс. штыков из общего количества 35 тыс., подвластных Главному атаману), подстрекая против В. Оскилко С. Петлюру и вмешиваясь в командную работу. Была, в частности, навязана дискуссия, стоит ли держать польский фронт. Никаких директив при этом ни Главный атаман, ни Штаб не давали, а когда В. Агапиев приказал прекратить борьбу с поляками и стал перебрасывать солдат на антибольшевистский фронт, что было расценено как своеволие, и С. Петлюра издал приказ о снятии с должностей В. Оскилко и В. Агапиева, а те, уже как бы в ответ, арестовали членов правительства и направили военнотружущих в Здолбунов. В результате и та, и другая сторона для внутренних потребностей сняла части с фронта, приближая катастрофу².

Получая информацию о выступлении В. Оскилко, один из крупных украинских интеллектуалов, влиятельных общественных деятелей Е. Чикаленко пессимистично заключал: «Очевидно, на "нашей" Украине форменная анархия или "руина", которая была после смерти Хмельницкого и которая и сейчас закончится, наверное, как и тогда – разделением Украины между Польшей и Москвой»³.

«Оскилківщина» окончательно ликвидировала украинский фронт и привела к полной потере украинским правительством территории – таким был главный результат апрельских событий. Правительство Б. Мартоса 17 мая 1919 г. переехало в Галицию (по дороге из состава Директории вывели А. Андриевского, который отказался давать объяснения по поводу своего участия в оскилковском мятеже).

Очень критично оценивал тогдашнее состояние дел в руководящем ядре УНР В. Винниченко. В специальном параграфе «Вагонный цыганский табор» он пишет: «... И снова пошло "вагонное" прозябание, блуждания по станциям, местечкам, без крова, без порядка, без войска, без территории и с врагами со всех сторон. Бывали моменты, когда под властью украинского атаманско-"социалистического" Правительства было несколько верст железной дороги, занятой правительственными вагонами, в которых жило правительство, партии, чиновники и "войско". Что-то вроде цыганского табора.

В это время я на основании рассказов "очевидцев" так записал в своих записках этот период атаманщины: "Беспорядки, дезорганизация, растерянность, деморализация. Директория живет в вагонах, вокруг которых кучи нечистот, мусора, грязи. Министры спорят, грызутся, жалуются, арестовывают друг друга. Войска нет, только одни штабы и атаманы во главе с "Главным Атаманом" – "балериной". Этот смешной и шkodливый для всего нашего движения человек не смотрит ни на что и пока есть хоть пядь территории и

¹ См.: Христюк П. Записки і матеріали... Т. III. С. 126; Мазепа І. Україна в огні й бурі революції. Т. I. С. 182; Історія українського війська (від княжих часів до 1920 року). Львів, 1992. С. 460.

² См.: Євген Чикаленко. Щоденник. 1919–1920. К.- Нью-Йорк, 2005. С. 72.

³ Там же. С. 66.

два-три человека, перед которыми он может грациозно позировать, он чувствует себя в акции. Прочитал я в завезенной газетке одну его телеграмму "рескрипт", – и взял меня и смех, и отвращение. Тон телеграммы самодержавный, напыщенный, совсем гетманский: "мое и всех верных сынов Украины сердце исполнилось радости..."

Кроме хаоса, беспомощности, безсудности и бесконтрольности больших и малых сатрапов нет никакой ни политической, ни экономической, ни вообще никакой организованной жизни.

Да и негде ей быть, ибо вся же Украина под советской властью, под Директорией только два-три уезда убогой Волыни, по которой ерзают эти несчастные кучки казаков»¹.

Бывший председатель Директории, который для политических характеристик нередко прибегал к литературным эпитетам и гиперболам, в данном случае был недалеким от истины.

Вобщем-то во многом заговоры и мятежи против С. Петлюры повторяли то, что проявилось во время «оскилковщины», хотя, естественно, были и определенные отличия, особенности. Но всегда одинаков был финал – Главному атаману неизменно удавалось «обыграть», победить своих соперников, конкурентов. А те должны были, познав поражения и разочарования и, избегая репрессий, либо ретироваться, переметнуться в другой военно-политический лагерь (как, например, атаманы Н. Григорьев, Е Волох, Д Терпило (Зеленый), Ю Божко), либо были казнены (как П. Балбочан)².

С. Петлюра стремился к неограниченному, по существу авторитарному положению в формируемой модели правления, не мирился ни с какими попытками мало-мальски самостоятельных действий других, в том числе не только самозванных, но и назначенных им самим атаманов, что порождало новые трения и коллизии. Так, в частности, случилось, когда предложили осуществить «свою инициативу» представители левого течения в Украинской социал-демократической партии и Украинской партии социалистов-революционеров (центрального течения). Весной - летом 1919 г. их лидеры решили с целью активизации повстанческого антисоветского движения консолидировать усилия и создать управленческие структуры – Всеукраинский революционный комитет и Главный повстанческий штаб. Для координации действий с Директорией и командованием Деевой (на укр. яз. – Дієвої) армии повстанцы направили в Каменец-Подольский, где тогда пребывало руководство УНР, своих представителей в сопровождении небольшого вооруженного отряда³.

Однако и в данном случае внутренние противоречия достигли критического предела, привели к аресту членов Главного штаба повстанческого войска Ю. Мазуренко, М. Ткаченко, А. Ричицкого (Писоцкого) (все – украинские социал-демократы-независимые), Сердюка (украинского эсера) и других и расстрелу командира повстанческой дивизии – украинского эсера Я. Дияченко после прорыва фронта и прибытия их 18 июля 1919 г. в Каменец-Подольский⁴.

Главное действующее лицо этой операции, начальник контрразведки петлюровской армии Н. Чеботарив, детально рассказал, почему произошел инцидент, как он протекал. Его личное внимание привлекли внешний вид и снаряжение 200 прибывших казаков. Н. Чеботариву показалось, что так хорошо оснащенными могли быть только воины действующей армии, а их независимое поведение только усилило подозрение.

¹ Винниченко В. Відродження нації. Ч. III. С. 293–294.

² Солдатенко В. Ф. Україна в революційну добу: Історичні есе-хроніки. Т. III. Рік 1919. С. 126-210, 303-358; Т. IV. Рік 1920. С. 144-207, 292-297.

³ Солдатенко В. Ф. В горниле революцій и войн: Україна в 1917-1920 гг.: историко-историографические эссе. М., 2018. С. 368-372.

⁴ Там же. С. 372.

Вот так, только по подозрению, что это была «авантюра Москвы», и потому хозяевам не понравилось поведение гостей, с согласия С. Петлюры была осуществлена акция¹, логику которой понять совсем непросто, если снова не отметить – это была типичная борьба за личную власть периода атаманщины.

В той ситуации многие поняли, что для С. Петлюры, его атаманского окружения сохранение власти в своих руках значило гораздо больше, чем интересы революции и государственности. С другой стороны, левые течения украинского социалистического движения, разойдясь с правыми силами партий, к которым ранее принадлежали УПСР УСДРП, не находили понимания и со стороны большевиков, что заканчивалось для искренних, романтических личностей огромными испытаниями и потерями.

Гражданская война в Украине обернулась кровавой трагедией для огромного количества евреев. Наибольшее число пострадавших в погромах приходится на 1919 год – время разгула атаманщины.

Историки не смогли привести в своих трудах итоговые, систематизированные данные об общем количестве еврейских погромов в Украине в 1919 г., о числе жертв. Ориентировочной можно принять цифру в 120 тысяч загубленных жизней, что преимущественно и делают ученые². Если учесть, что на 1919 г. приходится львиная доля антиеврейских эксцессов, то приведенные данные, кажется, корреспондируются с подсчетами председателя Всеукраинского комитета помощи жертвам погромов Е. Хейфеца - 150–200 тыс. жертв за 1917–1920 гг.³

Еще раз приходится отмечать, что речь идет о приблизительных цифрах. Так, по данным той же комиссии, за упомянутые четыре года в Украине произошло до 140 крупных еврейских погромов, хотя не понятно, что вложено в понятие «крупные». По другим подсчетам, в 1919 г. только украинские войска, или «элементы, которые очень близко стояли к украинскому национальному движению», совершили более 300 погромов⁴.

Согласно «Еврейской Энциклопедии»: «...с декабря 1918 г. до августа 1919 г. петлюровцы устроили десятки погромов, в ходе которых по данным комиссии Международного Красного Креста были убиты около 50 тыс. чел.»⁵. Этими данными оперирует и известный российский писатель, публицист А. Солженицын⁶, который в подтверждение приводит своеобразную хронологию самых кровавых эксцессов⁷. С приведенными подсчетами несколько диссонируют цифры, которые привели в одном из последних энциклопедических изданий Л. и В. Гриневичи: в течение 1917 – начала 1921 гг. в 524 населенных пунктах Украины различными военными группировками было совершено 1236 погромов, от чего погибло от 30 до 60 тыс. человек⁸.

Чьи данные точнее, сказать трудно. Однако любая из упомянутых здесь цифр все равно масштабная и ужасающая, дает основание для того, чтобы характеризовать 1919 год, да и весь период революции и Гражданской войны как трагический для еврейства.

¹ Визвольні змагання очима контррозвідника (Документальна спадщина Миколи Чеботаріва) К., 2003. С. 28.

² См., напр.: Попович М. Червоне століття. К., 2005. С. 216.

³ Гай Ю. З ким і проти кого. К., 1980. С. 32; Будков Д., Веденєєв Д. Слово правди про Україну. Міжнародна інформаційна діяльність Української держави. 1917–1923 рр. К., 2004. С. 65.

⁴ Там же; Трагедія двох народів. Прага–К., 1928. С. 31.

⁵ Еврейская Энциклопедия. Иерусалим, 1976. Т. VI. С. 570.

⁶ Солженицын А. И. Двести лет вместе. В 2-х т. Т. II. М., 2002. С. 143.

⁷ Там же. С. 145–146.

⁸ Гриневич Л. В., Гриневич В. А. Євреї в Україні // Енциклопедія історії України. Т. III. К., 2005. С. 80.

Безусловно, эта непростая, специфическая страница истории заслуживает особого разговора. Здесь же представляется возможным ограничиться констатацией лишь ряда принципиальных позиций – соображений.

Количество еврейских эксцессов и их жертв, при всей относительности имеющихся на сегодняшний день в распоряжении ученых данных, было, безусловно, намного превосходящим на территориях, где официальной считалась власть Директории УНР. Попытки свалить вину за погромы на другие силы – большевиков, денкинцев, провокаторов-черносотенцев, анархистов, кого-либо еще из политических противников С. Петлюры, его окружения, по большому счету, несостоятельны. Они входят в непреодолимые противоречия с имеющейся, хотя и весьма неполной и разнородной, документальной базой. Последняя довольно убедительно опровергает даже умопостроения, согласно которым надо ретроспективно предъявлять претензии за позорные явления – «побочный феномен» Гражданской войны – в равной степени всем противоборствовавшим сторонам.

Ощущая зыбкость подобных позиций, значительная часть современных авторов (С. Х. Литвин, В. И. Сергейчук, Т. Г. Гунчак, Б. Дорошенко-Товмацкий и др.) ищут оправдания непровержимым фактам в том, что С. Петлюра не был антисемитом и стремился препятствовать (по крайней мере, на уровне призывов, правительственных документов) поднявшейся волне погромов, обещал наказывать виновников антиеврейских эксцессов. Однако, он не мог ничего (или почти ничего) сделать в условиях, когда атаманы, выйдя из повиновения, не желали не только подчиняться Главе Директории и Главному Атаману, но даже слушать его не хотели¹.

С последним обстоятельством нельзя не согласиться. Однако и ставить на этом точку тоже нельзя. Закономерно возникают логичные, простые вопросы. А кто же еще несет большую, первоочередную ответственность, за все что происходит (как позитивное, так и негативное) в государственной системе, как не ее первое лицо – руководитель? И кто в конкретном случае инициировал, в буквальном смысле слова выпестовал такой режим атаманщины, что только ненаучная мотивация создает сомнительные возможности для продолжения бесперспективных, бесплодных споров?

На основании приведенных выше лишь нескольких реальных, документально подтверждаемых примеров (на самом деле, подобными событиями заполнен был практически весь 1919 г. и, частично, 1920 г.), думается, можно составить довольно предметное представление о сущности режима атаманщины и его пагубных последствиях, о важных слагаемых тенденций, которые во многом помешали развитию и торжеству демократических процессов в национально-государственном созидании Украины.

¹ Попович М. Кровавый век. Х., 2015. С. 248-250; Солдатенко В. Ф. Режим атаманщины в УНР 1919 р. С. 46-60.

Власть и население партизанских районов Сибири во время Гражданской войны

Одной из особенностей гражданской войны, которая велась в 1917–1922 гг. на территории бывшей Российской империи, явилось разнообразие политических и военных практик, которые применяли участники этой борьбы. Хорошо известно, что созданные ими регулярные вооруженные силы нередко использовали в своих действиях партизанскую тактику. Одновременно в тылу противника они широко применяли такую форму, как восстания, осуществляли организацию партизанских отрядов и целых партизанских районов. Причем эти восстания вспыхивали, партизанские отряды и районы возникали зачастую стихийно, не по указаниям, данным сверху, а являлись результатом самодеятельности и инициативы, проявленных снизу.

Общепризнанно, что партизанское движение, направленное против антибольшевистских правительств, получило наиболее широкое распространение в Сибири. Согласно утвердившимся в советской историографии оценкам из 400 тысяч партизан периода гражданской войны в России на территории от Урала до Забайкалья в конце 1919 – начале 1920 г. их численность составляла примерно 140–150 тыс.¹. По утверждению Ю.В. Журова, в партизанских районах Сибири, освобожденных из-под власти антибольшевистских правительств, в разное время проживали почти 1,8 млн чел. или около четверти ее населения². Все названные цифры безусловно завышены, а в последнем случае просто неверны. В действительности численность постоянного населения Сибири в 1918–1919 гг. составляла примерно 10,8 млн чел.; следовательно, под властью партизан временно могла оказаться никак не четверть, а менее пятой части сибиряков.

Совершенно естественно, что партизанское движение в Сибири считалось одной из наиболее актуальных тем советской историографии. Ему были посвящены тысячи публикаций разного объема, начиная от скромных газетных заметок до крупных монографий, и выполненных в разных жанрах: воспоминаний, документальных, публицистических, научно-популярных и научных статей и книг.

В постперестроечные годы партизанское движение в Сибири утратило статус актуальной темы. Об этом со всей определенностью говорит резкое снижение публикаций всех жанров по партизанской тематике. Достаточно сказать, что за последние три десятка лет был издан всего один специальный сборник документов о партизанском движении в Сибири. Количество исследователей, которые в настоящее время специально и/или попутно занимаются изучением партизанского движения в Сибири, исчисляется пальцами одной руки.

В настоящем докладе ставится скромная задача способствовать возрождению интереса к этой важной и сложной теме. Предмет исследования вполне осознанно ограничен изучением только двух партизанских районов: Степно-Баджейского (Заманского) и Тасеевского (Северо-Канского). Выбор указанных районов объясняется тем, что они возникли намного раньше всех остальных и продемонстрировали уникальные образцы живучести.

¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 427.

² Журов Ю.В. Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986. С. 131.

* * *

Степно-Баджейский партизанский район начал формироваться в ноябре 1918 г. на юге Енисейской губернии. Свое наименование он получил по названию Степно-Баджейской вол. Красноярского уезда, расположенной в горно-таежной местности за р. Мана примерно в 150 верстах к югу от уездного центра. Волость образовалась в начале XX в. и была небольшой. К 1917 г. она насчитывала 32 переселенческих поселка, часть из которых состояла из хуторов. В ней имелось около 700 домохозяйств, в которых проживало примерно 4,0 тыс. чел. В с. Степной Баджей, являвшемся волостным центром, насчитывалось всего 45 домохозяев и 244 чел., 49 из которых были мужчинами в трудоспособном возрасте¹. В волости наряду с русскими крестьянами-новоселами, в основном бедняками, значительную долю населения составляли переселившиеся из Западного края Российской империи и высланные за политические или уголовные преступления рабочие и ремесленники – латыши, поляки, эстонцы. Местное население занималось земледелием, животноводством, а также промыслом кедрового ореха, охотой и самогонварением.

После свержения летом 1918 г. Советской власти в Сибири в отдаленные от городов и рабочих поселков притаежные Вершино-Рыбинскую, Кийяскую, Перовскую, Степно-Баджейскую и другие волости, расположенные на юге Канского и Красноярского уездов, бежали большевики, бывшие советские работники, красноармейцы и красногвардейцы, а затем и дезертиры. Уже в донесениях военных властей, относившихся в конце августа, говорилось о том, что в Вершино-Рыбинской и Перовской вол. наблюдается концентрация большевиков, и утверждалось, что в них «большевизм пустил глубокие корни»².

Такая оценка страдала явным преувеличением влияния большевиков, поскольку в их ряды зачислялись все активные противники находившегося тогда у власти Временного Сибирского правительства. Но она верно отражала тот факт, что в названных волостях нашла себе приют и начала вести антиправительственную деятельность большая группа бывших советских работников. В Перовской вол. Канского уезда это были левый эсер П.П. Петров, избравшийся членом Канского объединенного совдепа и членом Центрального исполнительного комитета советов Сибири, бывший политический ссыльный и советский судья А.Т. Иванов, беспартийные сторонники Советской власти М.В. Александров, братья В.И. и Ф.И. Саломатовы, местные учителя С.Н. Васильченко, Т.Е. Перова, Г.Н. Попов, В.Ф. Убиенных, в Степно-Баджейской вол. – бывшие советские работники братья И.Г. и Ф.Г. Боганы, Ф.Ф. Грабовский, К.П. Лидин-Пуляев, Н.Т. Толстой³.

Уже осенью 1918 г. инициаторы сопротивления создали в близлежащих волостях несколько десятков подпольных групп, развернули среди местного населения антиправительственную агитацию, начали вести сбор оружия и готовиться к вооруженной борьбе. Под их влиянием местное население стало саботировать выполнение распоряжений Временного Сибирского правительства, а потом и Российского правительства А.В. Колчака. Оно отказывалось платить государственные подати и земские сборы, поставлять новобранцев в армию. Во второй половине ноября в обеих волостях они создали немногочисленные партизанские отряды: под командой бывшего фронтовика, большевика М.В. Александрова в Перовской вол. и под командой И.Г. Богана – в Степно-Баджейской.

¹ Список населенных пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края. Часть 1. Списки, итоги и алфавитный указатель. Красноярск, 1921. С. 68.

² Партизанское движение в Сибири. Т. 1: Приенисейский край. М.–Л., 1925. С. 36.

³ *Петров П.* Два года тому назад // Три года борьбы за диктатуру пролетариата (1917–1920 гг.). Омск, 1920. С. 119.

Воспользовавшись обострением обстановки, отряд И.Г. Богана 2 декабря 1918 г. захватили Степно-Баджейскую волостную управу, обезоружили и расстреляли местного милиционера, создал сельский ревком из трех большевиков: рабочего Н.Т. Толстого (председатель) и бывших политссыльных Ф.Ф. Грабовского и В.Ф. Рутковского. Через неделю ревком созвал волостной крестьянский съезд, который принял решение поддержать восстание и избрал волостной совдеп. Одновременно осуществлялось пополнение вооруженного отряда, численность которого благодаря добровольцам выросла до 53 чел. Командиром увеличившегося отряда избрали бывшего фронтовика, прапорщика К.П. Лидина-Пуляева, начальником штаба – И.Г. Богана, общее же руководство повстанцами возложили на приглашенного в дело А.Д. Кравченко.

Сначала на подавление степнобаджейского восстания из Красноярска были посланы мелкие правительственные отряды общей численностью не более 100 чел. 20–22 декабря 1918 г. под с. Нарва и д. Тюлюп произошли первые вооруженные столкновения партизан с белогвардейскими частями, начальники которых действовали крайне непрофессионально. В результате белогвардейцы потерпели неудачу и были вынуждены отступить, потеряв при этом 2 пулемета. Степнобаджейцы же, напротив, получили первое подкрепление: к ним самостоятельно пришло 40 вооруженных добровольцев из Умбажа и Солонечно-Талой и 12 – из с. Кийяй. Однако и колчаковские военные власти сделали из неудачных боев верные выводы. Полковник Кадлец телеграфировал начальству: «Чтобы ликвидировать банды восставших крестьян, необходим сильный отряд пехоты с кавалерией и горной артиллерией для постепенного наступления и занятия деревень и поселков»¹.

По призыву подпольщиков и под влиянием одержанных степнобаджейцами побед 24 декабря 1918 г. в с. Перово состоялся сначала сельский сход, а на следующий день – волостной митинг. Участники митинга поддержали призыв подпольщиков о необходимости восстать против колчаковской власти. Они создали штаб восстания во главе с М.В. Александровым, А.Т. Ивановым и П.П. Петровым и приняли решение объявить мобилизацию молодежи. Здесь же произвели запись добровольцев, которых оказалось 160 чел. Командиром отряда, получившим название Канского, вновь избрали М.В. Александрова².

28 декабря началось восстание в крупном волостном с. Рыбинском. Затем под влиянием агитации, которую вели революционно настроенные подпольщики, партизанские группы появились в Агинской, Ирбейской, Вершино-Рыбинской, Тальской и Уярской вол., которые влились в Канский отряд, вскоре достигший 500 чел. В начале января 1919 г. в д. Новониколаевка и в с. Перово партизаны Канского отряда дали успешные бои белогвардейскому отряду полковника Петухова, имевшему почти 600 чел. при 8 пулеметах и 2 легких орудиях, но из-за отсутствия боеприпасов были вынуждены отступить в Степно-Баджейскую вол. Причем из-за опасения репрессий со стороны правительственных войск с партизанами ушла значительная часть населения Вершино-Рыбинской и Перовской волостей³.

В январе 1919 г. численность партизан в Заманье, которые стали именовать себя Крестьянской армией, достигла 1300 чел., имевших на вооружении сотни винтовок и 5 пулеметов. Командующим объединенными вооруженными силами был избран А.Д. Кравченко. В январе–феврале 1919 г. партизаны не только успешно отбили все попытки

¹ Партизанское движение в Сибири. С. 42.

² *Полов Г.Н.* Партизаны Заманья. Воспоминания политработника партизанской армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина. Красноярск, 1974. С. 31–32.

³ *Петров П.* Перовские красные партизаны. (Начало движения) // Сиб. огни. Новосибирск, 1935, № 1. С. 140–152.

противника прорваться в Заманье, но и совершили несколько рейдов на север Канского и Красноярского уездов, доходя иногда почти до линии Транссибирской железнодорожной магистрали. Под влиянием их боевых успехов и работы разъездных агитаторов образовались новые партизанские отряды и группы в ряде других волостей, вошедшие в связь и даже в прямое подчинение Крестьянской армии. Весной 1919 г. партизаны полностью или частично контролировали территорию 14 волостей, в которых имелось примерно 16 тыс. крестьянских хозяйств и проживало около 100 тыс. человек¹

На освобожденной территории подпольщики, повстанцы и партизаны ликвидировали органы колчаковской власти, земские учреждения и заменили их своими органами власти. Но единообразие в решении этого вопроса отсутствовало. В одних случаях они создавали штабы, в других – революционные комитеты, в третьих – избирали Советы. Вопросы о том, кто имеет право принимать участие в создании этих органов, входить в их состав, каким образом они формируются – путем выборов или назначения – никем не формулировались. Все делалось в спешке и довольно сумбурно. Партизанские отряды и военные штабы считали себя самостоятельными и в основном действовали разрозненно. Большие проблемы существовали в отрядах с дисциплиной.

В конце февраля 1919 г. в боях на Заманском направлении наступило затишье. С одной стороны, колчаковцы осознали бесперспективность своих попыток ликвидировать партизанский район малыми силами и без серьезной подготовки операции, с другой – партизаны решили воспользоваться возникшей паузой для того, чтобы навести порядок в собственных рядах и в тылу. С этой целью в начале марта 1919 г. в небольшой д. Умбаж Перовской вол. они провели первый съезд партизанской армии, на котором присутствовало около 100 делегатов от партизанских отрядов и тыловых учреждений. На съезде было официально провозглашено создание Степно-Баджейской советской республики, приняты решения доукомплектовать и реорганизовать вооруженные силы по образцу Красной армии, для борьбы с враждебными элементами и грубыми нарушениями воинской дисциплины создать главный революционный трибунал и полковые суды. Съезд избрал руководящие армейские органы: главнокомандующего, главный штаб, главный политический и административно-хозяйственный орган – Армейский совет, а также главный армейский трибунал. Главнокомандующим остался А.Д. Кравченко, пост председателя Армейского совета получил большевик с 1905 г. С.К. Сургуладзе. На заключительном заседании съезда был сформирован высший орган Советской власти республики – Объединенный совет рабочих, крестьянских и партизанских депутатов во главе П.П. Петровым².

После съезда была осуществлена реорганизация армии. На базе отдельных партизанских отрядов были созданы четыре полка, получившие названия по месту своего первоначального формирования: Манский, Канский, Тальский и Агинский. К началу апреля 1919 г. численность Крестьянской армии достигла 2700 штыков и 350 сабель; кроме того, имелась пулеметная рота. В начале апреля 1919 г. в район Степно-Баджея вышел партизанский отряд П.Е. Щетинкина, ранее оперировавший на севере Ачинского уезда. Он был включен в Крестьянскую армию под названием Северо-Ачинского полка, а П.Е. Щетинкин позднее избран заместителем Главнокомандующего. Тем самым общая численность армии достигла примерно 5,0 тыс. чел. при 10 пулеметах.

25 апреля 1919 г. в селе Вершино-Рыбное открылся первый «крестьянский съезд повстанцев» Канского, Красноярского и Ачинского уездов с участием представителей Крестьянской армии. Съезд обсудил важнейшие вопросы внутренней жизни республики,

¹ Журов Ю.В. Гражданская война в сибирской деревне. С. 130.

² Логвинов В.К., Попов И.М. Александр Кравченко. С. 62–64.

в том числе аграрный, продовольственный, финансовый, о самоуправлении, о текущем моменте, принял «Устав о наказаниях»¹. В резолюции по текущему моменту он заявил о продолжении борьбы за Советскую власть, «не останавливаясь ни перед какими жертвами»².

Возможность проверить эти слова делом предоставилась менее, чем через месяц. Весной 1919 г. белогвардейские власти приняли серьезные меры для разгрома Степно-Баджейской республики. Они сконцентрировали на станциях Заозерная, Камарчага и Клюквенная около 12 тыс. солдат и офицеров, в том числе итальянцев и чехов, при 25 орудиях и 50 пулеметах, и 15 мая перешли в наступление. Под напором превосходящих сил противника партизаны с тяжелыми боями отступили до р. Мана, где дали несколько успешных боев у д. Нарва. Но в районе Вершино-Рыбинского потерпел поражение Канский полк. Некоторые крестьяне, оказавшиеся в рядах партизан по мобилизации, стали дезертировать или сдаваться в плен. Положение усугублялось дефицитом боеприпасов и отсутствием продовольствия. Как признавал позднее П.П. Петров, «дух партизанов пал»³.

Чтобы переломить обстановку, были приняты экстренные меры. В ночь на 14 июня партизанские вожди выпустили воззвание, в котором говорилось, что «настал час решительной борьбы, и Заманский район должен вооружиться, кто чем может». «Но это было уже не воззвание, – как тонко подметил один из хорошо понимавших и чувствовавших обстановку партизанских интеллигентов, – а, всего скорее, предупреждение о трагическом последствии Заманского района и о подготовке выезда»⁴. Тогда А.Д. Кравченко устроил в Степном Баджее митинг. На нем партизанский Главком призвал своих соратников держаться твердо, поскольку положение колчаковцев плачевное. Он утверждал, что, якобы, в Канске, Красноярске и Иркутске установлена Советская власть, что белые войска окружены со всех сторон и хотят пробиться в Монголию, для чего решили прорываться через самый слабый, Степно-Баджейский фронт⁵.

Поскольку в эти объяснения мало кто поверил, перелома в настроении создать не удалось, и главный штаб был вынужден 14 июня 1919 г. издать приказ об эвакуации из Степного Баджее госпиталя и всех учреждений в глубь тайги, в направлении Минусинского уезда, а также отступить всему фронту в том же направлении. Однако отказались идти в Минусинский уезд весь Агинский полк, часть Канского и Тальского полков. К моменту оставления Степного Баджее партизанская армия насчитывала 3275 чел., через день отступления в ней оказалось всего 1370 бойцов и около 3,0 тыс. раненых, беженцев и пленных⁶. Вошедшие в Степной Баджей в середине дня 15 июня правительственные войска увидели ужасную картину: разгромленные жилые дома и общественные здания. В селе остались всего 18 местных жителей: три мужчины и 15 женщин, но около 250 раненых и 500 трупов⁷.

* * *

Вторым по времени возникновения партизанским районом в Сибири стал Тасеевский, из которого в дальнейшем возникла Северо-Канская республика. Свое

¹ Протокол съезда см.: Партизанское движение в Сибири. С. 129–143.

² Там же. С. 141.

³ *Петров П.* Два года тому назад. С. 122.

⁴ *Соха и молот* (Минусинск), 1919, 5 октября.

⁵ Канский вестник, 1919, 11 июля.

⁶ *Петров П.* Два года тому назад. С. 122; *Кравченко А.* Камарчагский фронт. С. 224.

⁷ Канский вестник, 1919, 25 июня и 11 июля; Партизанское движение в Сибири. С. 184.

первоначальное наименование район получил по названию волостного с. Тасеево, в котором началось восстание. Территориальным ядром республики являлась Тасеевская вол., находившаяся на севере Канского уезда. В 1917 г. она состояла из 68 населенных пунктов, 14 из которых считались старожильческими и 54 – переселенческими. В них насчитывалось 833 старожильческих и 2283 переселенческих хозяйства, в которых в общей сложности проживало 18117 чел. Волость являлась одной из самых крупных в уезде по численности населения и отличалась зажиточностью крестьянства¹.

Тасеево было одним из старейших населенных пунктов уезда. Оно выросло из устроенного в 1640 г. острога и располагалось в плодородной подтаежной местности, благоприятной для занятия сельским хозяйством. Село отстояло довольно далеко, в 170 верстах, от уездного Канска и в то же время являлось своеобразным административным и торговым центром для окружавших его многочисленных старожильческих деревень и переселенческих участков. Здесь находились канцелярия заведующего Тасеевским переселенческим подрайоном и помощника акцизного надзирателя, камера мирового судьи и благочиние, контора крестьянского начальника и начальника полиции, почтовое отделение и больница, церковно-приходская трехлетняя школа и двухклассное училище, имелись 4 магазина, кожевенный завод, 2 завода фруктовых вод, колбасное заведение, хлебопекарня, казенный склад сельскохозяйственных машин и орудий, склад швейных машинок фирмы Зингер. Центр села украшала каменная церковь. По свидетельству хорошо осведомленного современника, Тасеево «слыло одним из лучших населенных мест уезда» и «славилось зажиточностью местного населения»².

Не миновала Тасеево, однако, и участь места политической ссылки. В разное время не по своей воле здесь оказалось около ста человек: декабристы, участники польского и рабочего освободительного движения, в том числе большевики Ф.В. Гусаров, В.А. Двоглазов, Ф.Э. Дзержинский, П.И. Денисов, А.Я. Каулин и др. Есть основания считать, что нелегальная социал-демократическая организация существовала в Тасеево еще до Февральской революции, а уже летом 1917 г. здесь имелась большевистская организация, насчитывавшая несколько десятков членов. Тасеевские большевики широко вели агитационно-пропагандистскую работу не только среди населения окрестных деревень и поселков, но и в соседних волостях: Абанской, Рождественской и Шеломовской. Фактически Тасеевский комитет большевиков выполнял функции районного. 28 октября 1917 г. во время выборов в Учредительное собрание в Тасеевской вол. из 1702 голосов за большевиков было подано 1359. «Еще до октябрьского переворота, – отмечал печатный орган кадетов Красноярска, – Тасеево славилось по всему Канскому уезду, да, пожалуй, и по губернии, своей выдающейся революционностью»³.

Вполне закономерно, что Тасеевская вол. стала одной из первых в уезде, где в декабре 1917 г. установилась Советская власть в виде состоявшего из большевиков революционного комитета. Некоторое время спустя местные большевики провели волостной съезд Советов, на котором избрали руководящий исполком, состоявший в основном из бывших ревкомовцев. Ревком и волисполком действовали решительно, стремясь претворить в жизнь лозунги и декреты большевиков. Они обложили контрибуцией местных богатеев, преследовали торговцев, объявив их спекулянтами, вели продовольственные заготовки для рабочих золотых приисков Южно-Енисейского горного округа, создали отряды Красной гвардии.

¹ Список населенных пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края. С. 48–50.

² Канский вестник, 1919, 28 июня.

³ Свободная Сибирь (Красноярск), 1918, 17 июля.

Тогда же в Тасеево выявился и руководящий актив. Главную роль в нем играли братья П.А. и Ф.А. Астафьевы, М.Н. Буда и его сыновья А.М. и Н.М. Буда, М.Т. Гришненко, В.А. Двоглазов, А.П. Денисов, Ф. Халчевский и В.Г. Яковенко, избранный председателем волисполкома. С тасеевцами тесно сотрудничал возглавлявший большевиков Шеломковской волости В.И. Кренц¹.

Важную роль местные большевики отводили политической работе среди населения. Помощник командира 32-го Канского Сибирского стрелкового полка капитан Мартын собрал ценную информацию о том, что происходило в Тасеевской вол. в 1918 – начале 1919 г. Вот что он писал в своем докладе: «В самом Тасееве были очень умелые и талантливые апологеты большевизма: ораторы и краснобаи, опирающиеся на темный и преступный элемент; смело и громко пели они славу Совету, истинному выразителю народных интересов, вербуя даже и тех, кто по темноте своей не смог понять авантюры насильников воли своей. Можно сказать, что эти господа за время существования Советской власти сумели развратить и привлечь на свою сторону население целого района». В качестве наиболее яркого примера такой метаморфозы, происшедшей со многими тасеевцами, Мартын назвал священников И.А. Вашкорина и В. Орлова, превратившихся в ярых большевиков².

Во время выступления в конце мая – начале июня 1918 г. Чехословацкого корпуса тасеевские большевики создали военно-революционный штаб, организовали вооруженный отряд и выступили сначала на так называемый Ключвенский фронт, чтобы оказать помощь Канскому уездному совдепу, а потом в Красноярск для поддержки Енисейского губисполкома советов. Однако к тому времени красные войска прекратили сопротивление, из-за чего тасеевский отряд был вынужден возвратиться домой и самораспуститься, а оружие спрятать. Руководящий же актив большевиков рассредоточился и перешел на нелегальное положение³.

Дальнейшие события в Тасеево и на прилегавшей к нему территории капитан Мартын описал так: «После переворота в Тасеево посылались лишь один [правительственный] отряд [милиции ...]. Население выявило признаки покорности. Немногие противники большевизма воспрянули духом. Нетронутое же гнездо вслед за уходом отряда стало оживать, тайно и явно стало укрепляться, чтобы снова возобновить «совдеп». Находя сочувствие и поддержку среди населения, покрывающего своих работников, большевикам легко было находить старые связи и ждать подходящего момента. Население, развращенное революцией, привыкшее понимать свои права и не нести никаких обязанностей, враждебно встретило требование государства платить подати и давать новобранцев. На этом настроении и сыграли большевики: открыто и горячо стали убеждать и агитировать»⁴.

Инициаторами восстания, положившего начало образованию Тасеевского партизанского района, явилась небольшая группа подпольщиков во главе с Ф.А. Астафьевым и В.Г. Яковенко. 28 декабря 1918 г. они арестовали должностных лиц и милиционеров Тасеевской вол. 2 января 1919 г. на срочно созванном волостном съезде был избран Тасеевский военно-революционный штаб, ставший сначала на повстанческой территории высшим органом военной и гражданской власти. В его состав вошли большевики Ф.А. Астафьев (командующий), Н.М. Буда, Н. Вахрушев, М.Т. Гришненко, Ф.

¹ *Партизан*. Партизанский отряд т. Яковенко. // Сборник истпарта № 1 Сиббюро ЦК РКП(б). Новониколаевск, 1923. С. 113–114; *Сухотин Сергей*. Канские партизаны // Сибирские огни. Новосибирск, 1929, № 6. С. 118–119; *Яковенко В.Г.* Записки партизана. Красноярск. 1988. С. 27–29.

² Партизанское движение в Сибири. С. 105.

³ *Яковенко В.Г.* Записки партизана. С. 29–33.

⁴ Партизанское движение в Сибири. С. 105.

Тараканов и В.Г. Яковенко (председатель). Весной 1919 г. в связи с расширением повстанческой территории волостной штаб был переименован в районный. В конце июня 1919 г. Ф.А. Астафьева на посту командующего заменил Н.М. Буда¹.

Зародышем партизанских вооруженных сил стали 4 тасеевские роты численностью в 218 чел., организованные в конце декабря 1918 – начале января 1919 г. В январе 1919 г. были дополнительно сформированы 2 эскадрона кавалерии, отряд лыжников и «серебряная рота», состоявшая из солдат-ветеранов. Кроме того, в соседних волостях возникли небольшие отряды и группы партизан, первоначально не подчинявшиеся Тасеевскому штабу, но координировавшие с ним свои действия. Территориальные границы и размеры Тасеевского партизанского района были нечеткими и неустойчивыми.

Для расширения границ своего влияния и усиления авторитета штаб вел широкую агитационную работу среди населения, откровенно вводя его в заблуждение сообщением недостоверной информации. Например, в изданных 1 февраля 1919 г. штабом «Известиях» утверждалось, что правительство Колчака доживает «последние минуты», Челябинск и, по слухам, Ачинск взяты советскими войсками, а в Рыбинской вол. Канского уезда количество повстанцев достигло 8 тыс. человек². Но, как признавался В.Г. Яковенко, мы по отношению к населению «действовали не только словами, а если нужно было, то и силой оружия»³.

В первой половине 1919 г. власть Тасеевского военревштаба номинально распространялась на часть территории Шеломовской, Долгомостовской, Фаначетской и Христово-Рождественской вол., где также произошли восстания и существовали небольшие партизанские отряды и группы. Благодаря этому, к середине весны 1919 г. численность партизан была доведена до 1,5 тыс. чел., имевших на вооружении около 500 винтовок и один пулемет. Однако воинская дисциплина в партизанских рядах оставалась слабой, поскольку преобладали отрядный принцип организации и выборность командного состава.

Возглавлявшие Тасеевский район большевики являлись твердыми сторонниками Советской власти. Они стремились максимально подчинить внутреннюю жизнь контролируемой ими территории задачам вооруженной борьбы против колчаковцев. Укрепление армии, ее вооружение и снаряжение, создание оборонительных сооружений, борьба с политическими противниками, нарушителями революционного порядка и дезорганизаторами являлись приоритетными в работе военревштаба, а потом и Армейского совета. Свою линию они проводили последовательно, решительно, а иногда и жестоко. По отношению к неподчинявшимся и тем более противникам руководство без колебаний применяло самые суровые меры наказания, в том числе аресты и расстрелы. «Все покоилось на системе самой строгой централизации, – признавал позднее В.Г. Яковенко. – Штаб действовал и управлял путем издания безапелляционных приказов. Правовые нормы были сведены до минимума»⁴. Такая жесткость и диктаторские замашки самого В.Г. Яковенко неоднократно вызывали недовольство части населения и даже партизан.

Колчаковское командование трижды пыталось разгромить Тасеевскую республику. Первые две военные экспедиции, предпринятые им в январе и феврале 1919 г. небольшими силами, оказались безуспешными. Но в конце мая – начале июня колчаковцы, сконцентрировав против тасеевских партизан превосходящие их по

¹ Яковенко В.Г. Записки партизана. С. 37, 40–41.

² Документы героической борьбы. Сборник документальных материалов (1918–1920 гг.). Красноярск, 1959. С. 144–145.

³ Яковенко В.Г. Записки партизана. С. 51.

⁴ Там же. С. 104.

численности и вооружению силы, перешли в наступление. Партизаны с боями отошли к своей «столице», которая была хорошо укреплена. Однако после неоднократных совещаний штаб и командиры отрядов приняли решение оставить Тасеево без боя и отойти в глухую тайгу на речку Кайтым. 18 июня колчаковцы вошли в Тасеево¹. К 20-м числам июня 1919 г. колчаковцы выбили тасеевских партизан почти из всех населенных пунктов и вытеснили их в безлюдную тайгу, фактически поставив на грань поражения.

24 июня 1919 г. уполномоченный Верховного правителя А.В. Колчака генерал-лейтенант С.Н. Розанов, руководивший подавлением партизанского движения в Енисейской губернии, издал приказ, в котором объявил, что «главные очаги восстаний, Степно-Баджей и Тасеево, взяты». Тем самым, поставленную перед ним задачу он посчитал выполненной со всеми вытекавшими из этого последствиями².

* * *

Потеря заманскими и тасеевскими партизанами исходной территории не означала, однако, их полной ликвидации. Авангард Крестьянской армии заманцев, перевалив сквозь тайгу через Саянский хребет и совершив рейд в несколько сотен верст, 21 июня 1919 г. вышел в Минусинский уезд. Здесь к ним присоединилось около 300 местных повстанцев, скрывавшихся с осени 1918 г. На предоставленных местными крестьянами подводах заманцы двинулись по Усинскому тракту на юг, защищаясь арьергардом от преследовавшего их отряда колчаковцев. 18 июля партизаны вошли в Урянхайский край, где без боя заняли город Белоцарск. Здесь в течение двух недель они приводили себя в порядок, за счет притока добровольцев немного пополнили свои ряды. 16 августа в сражении за Белоцарск заманцы нанесли поражение крупному белогвардейскому отряду есаула Г.К. Бологова³.

Затем после небольшого отдыха они двинулись в Минусинский уезд и 13 сентября заняли уездный центр. За несколько месяцев пребывания в уезде численность партизан, ставших называться Крестьянско-Рабочей армией Минусинского фронта, резко выросла. На 12 января 1920 г. в ней насчитывалось 11 тыс. штыков, 1450 сабель, 53 пулемета и 3 орудия⁴. Посты Главнокомандующего армией и его помощника по-прежнему занимали большевики А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкин. Партизаны распускали колчаковские органы власти и земства и вместо них организовывали Советы.

Вместе с тем обращают на себя внимания два факта. Во-первых, Советская власть в форме ревкома, как того требовал Центр, была установлена в Минусинске далеко не сразу, довольно поздно и, судя по всему, по требованию сверху. Существовавший до этого исполком передал ее уездному ревкому в составе коммунистов Д.И. Бояринцева, Е.А. Глухих и С.К. Сургуладзе только 4 февраля 1920 г. по причине «военного положения и необходимости принятия чрезвычайных мер по установлению революционного порядка в уезде»⁵. Во-вторых, большевистская организация Минусинска до 2 февраля 1920 г. продолжала существовать нелегально. Причину такого положения один из ее руководителей Е.А. Глухих объяснил так: «Ввиду несогласованности мнениями и поступками отдельных личностей среди армии»⁶.

13 января 1920 г. командующий 5-й Красной армии, завершавшей разгром колчаковцев, приказал А.Д. Кравченко – П.Е. Щетинкину сосредоточить свои полки в

¹ Иванов Г.М. Тасеевская республика (1918–1920). Красноярск, 1969. С. 51–52.

² Партизанское движение в Сибири. С. 187–188.

³ Подробнее см.: Рагозин. Партизаны Степного Баджея. (Записки участника). М., 1926. С. 97–198.

⁴ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 185. Оп. 3. Д. 641. Л. 45, 51; Д. 725. Л. 1.

⁵ Соха и молот (Минусинск), 1920, 8 февраля

⁶ ГАНУ. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 1а. Л. 38.

районе Ачинска для отдыха. Судя по всему, их предполагалось использовать для пополнения 30-й и 35-й советских дивизий. Однако на состоявшемся 23–24 января 1920 г. в Красноярске армейском съезде партизаны обратились к советскому руководству с просьбой включить их в 5-ю армию в качестве отдельной боевой единицы со своим командным составом, приравняв ее к дивизии и присвоив звание Енисейской. Совет народных комиссаров и Реввоенсовет республики пошли навстречу партизанам. С 30 января Енисейская дивизия начала формироваться, причем А.Д. Кравченко был назначен ее начальником, а П.Е. Щетинкин – командиром бригады¹.

Вскоре, однако, обнаружилось, что часть бывших партизан разошлась с оружием по домам, другая бесчинствует, производит обыски и аресты неугодного им населения. Серьезные сомнения вызывали публичные высказывания и обоих партизанских вождей. Председатель Ачинского уездного ревкома доносил об этом следующее: «Товарищи Кравченко и Щетинкин определенно заявляют, что порядок, устанавливаемый советскими властями, не соответствует сибирскому укладу, что борьба, которую вело крестьянство Сибири с Колчаком, дает ему право выявить свою волю на крестьянском съезде, что оно не может по одному лишь приказу свыше отдавать свой хлеб, что назначение товарищей на ответственные посты по рекомендации коммунистической организации не соответствует желанию крестьянства и может повести к гибели революции»². Все это побудило Реввоенсовет 5-й армии 26 февраля отдать приказ о расформировании Енисейской дивизии и об аресте А.Д. Кравченко. Приказ был в кратчайший срок выполнен с применением особых отрядов и бронепоездов. К 3 марта Енисейскую дивизию разоружили и расформировали³.

* * *

Командование тасеевских партизан, приняв решение сдать Тасеево и отходить в тайгу, план отступления держало в строжайшей тайне. О нем знала только руководящая тройка. Обстановка осложнялась тем, что требовалось эвакуировать госпиталь, патронную мастерскую, другие тыловые учреждения и семьи партизан. Количество гражданского населения – женщин, стариков, детей – достигало 4 тыс. чел. Обоз, который они образовали, составлял примерно тысячу подвод. Вместе с обозом гнали несколько сотен голов разного скота.

Путь отступавших пролегал по бездорожью, через болота, несколько речек и ручьев. Пройдя в течение нескольких дней дикой тайгой 25 верст, обоз достиг конечного пункта на р. Она. Тяготы, которые выпали на долю беженцев, вызвали их жалобы и ропот, через некоторое время переросшие в панику, которую удалось погасить только принятием решительных мер. Из-за недостатка патронов началось волнение среди партизан. Целый день штаб потратил на то, чтобы нормализовать обстановку. Однако два хорошо вооруженных отряда численностью в 140 чел. ушли в неизвестном направлении. Чтобы нейтрализовать негативное впечатление от этого поступка штабу пришлось созывать партизанский митинг и доказывать недопустимость такого поведения⁴.

От полного разгрома тасеевских партизан спасла пассивная тактика, которую избрало колчаковское командование. Оно дало отступавшим партизанам всего лишь один крупный бой 28 июня на р. Кайтым, который для белогвардейцев закончился крайне

¹ Документы героической борьбы. С. 425–429; *Ларьков Н.С.* Из истории Енисейской дивизии (январь – март 1920 г.) // *Борьба большевиков Сибири за народные массы в годы революции и гражданской войны.* Красноярск, 1983. С. 106–115.

² РГВА. Ф. 185. Оп. 1. Д. 38. Л. 94–95.

³ РГВА. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 3. Л. 8, 14–15; Д. 9. Л. 12, 12а, 14, 19, 21.

⁴ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 1а. Л. 43–44.

неудачно. В дальнейшем белые сделали ставку на удержание за собой крупных населенных пунктов путем устройства в них гарнизонов. Это позволило партизанам в начале июля выйти из тайги и занять правый берег р. Усолка напротив Тасеева. К середине июля 1919 г. партизаны смогли восстановить контроль над небольшой частью территории и несколькими населенными пунктами Тасеевской и Фоначетской вол., расположенными между реками Усолка и Бирюса.

Воспользовавшись затишьем на фронте, партизанское руководство произвело ряд реорганизаций. В начале августа 1919 г. военревштаб был упразднен, а вместо него создан Армейский совет, который стал на территории района высшим законодательным, распорядительным и исполнительным органом военной и гражданской власти. В состав Армейского совета вошли П.А. Астафьев, Ф.Я. Бабкин, Н.М. Буда (командующий), Витюков, Ф.Н. Лобов, Е.К. Рудаков и В.Г. Яковенко (председатель).

С середины лета 1919 г. политика руководства Тасеевского партизанского района стала гибче и мягче. Оно усилило внимание к проблемам организации тыла и жизни основной массы населения подконтрольной территории. По его инициативе 8–10 августа в с. Шекотурово и 15–24 ноября 1919 г. в д. Бикчет были проведены два съезда армейских депутатов, на которых обсуждался широкий круг вопросов партизанской армии и тыла. Для руководства местными советами учредили должность специального комиссара по гражданским делам, для решения экономических вопросов – создали совет народного хозяйства, для рассмотрения политических дел и борьбы с крупными преступлениями – военно-революционный трибунал, для решения мелких гражданских дел – народные суды.

В августе – сентябре 1919 г. партизанская армия подверглась переформированию: вместо укомплектованных по территориальному принципу отрядов были организованы 3 пехотных и 3 кавалерийских полка, что укрепило дисциплину и боеспособность. К концу 1919 г. численность армии достигла примерно 5,0 тыс. штыков и сабель.

Во второй половине сентября 1919 г. колчаковское командование начало сворачивать свое присутствие в Тасеевской вол., чем воспользовались партизаны, перейдя к тактике наступательных действий. Партизаны сразу же полностью подчинили себе Тасеевскую и Фоначетскую вол., а также значительную часть Шеломовской и Михайловской вол. Резкое расширение территории партизанского района произошло в декабре 1919 г., когда белогвардейцы оставили волостное с. Шеломки и партизанам сдались гарнизоны белых, дислоцировавшиеся в волостных с. Абан, Мокрушинское и Христово-Рождественское. В начале 1920 г. под контролем партизан оказалась вся территория Канского уезда, лежавшая к северу от Транссибирской железнодорожной магистрали. Она включала в себя 11 волостей, в которых насчитывалось примерно 15,0 тыс. крестьянских хозяйств с населением около 85 тыс. человек¹.

25 декабря 1919 г. Армейский совет получил первую достоверную информацию о состоянии колчаковского режима. Он сразу же направил свои главные силы на Енисейск и Канск, чтобы не пропустить на восток отступавшие белогвардейские части. В ходе этих действий партизаны захватили сотни пленных и огромное количество трофеев, которые затем они сдали Красной армии. Затем едва ли не половина тасеевских партизан – не менее 2 тыс. штыков и 250 сабель – без всякой политической обработки немедленно влилась в состав 30-й дивизии Красной армии².

Венцом деятельности Армейского совета стала нейтрализация путем переговоров белого гарнизона Канска и командования чехословацких войск. Это позволило

¹ Журов Ю.В. Гражданская война в сибирской деревне. С. 130.

² РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 641, л. 27; Д. 712. Л. 2.

Армейскому совету 1 января 1920 г. переехать к Канск и установить в городе свою власть. 17 января на совместном заседании Армейского совета и прибывших в Канск политработников 30-й дивизии Красной армии Армейский совет был распущен, а вместо него создан уездный ревком. Председателем ревкома избрали В.Г. Яковенко, секретарем ревкома – бывшего партизана, большевика с февраля 1917 г. Д.Н. Черникова¹.

* * *

Приведенный фактический материал позволяет сделать несколько выводов и предположений.

Партизанское движение в Енисейской губернии носило очаговый характер. Имелись населенные пункты, которые были инициаторами восстаний и в дальнейшем становились ядром сопротивления. Как правило, жители таких населенных пунктов еще до революции 1917 г. получили азы политического ликбеза, а среди односельчан нашлись приверженцы и члены политических партий, в том числе левых. Среди них были представители разных социальных слоев, но сначала преобладали интеллигенты, а потом – солдаты-фронтовики и младшие офицеры. Именно они стали тем бродильным элементом, который задавал тон политической жизни, и потом возглавили Советы, подпольные организации и партизанские отряды.

Партизанские ряды состояли в основном из крестьян. Но преобладали среди них отнюдь не батраки и бедняки. Совершенно точно, что большинство тасеевских партизан были середняками, иногда даже зажиточными. Такое положение, возможно, объясняется тем, что середняки были более грамотными, самостоятельными и решительными людьми, привыкшими добиваться всего своей активной деятельностью.

Внутренняя организация у Степно-Баджейских и Тасеевских партизан отличалась незначительно. Главное же отличие заключалось в том, что у тасеевцев были более жесткий порядок и дисциплина, что объяснялось преобладанием коммунистов и рабочих на командных и руководящих постах, а также жесткой позицией В.Г. Яковенко, являвшегося у тасеевцев безусловно главной фигурой, тогда как А.Д. Кравченко у заманцев такой властью и авторитетом не обладал. Видимо, этим и объясняются довольно разные в последующем карьерные траектории обоих названных партизанских вождей.

Почти во всех партизанских отрядах и в обеих сформированных армиях имелось ядро твердых и готовых до конца бороться против колчаковского режима и за восстановление Советской власти людей. Вместе с тем, большая часть партизан в критические моменты не проявляла устойчивости ни в политическом, ни в военном отношении. Данным обстоятельством было обусловлено отношение к партизанам со стороны высших органов Советской власти.

¹ Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 28. Л. 3; Ф. Р-1779. Оп. 1. Д. (3)2. Л. 492.

Особенности отношения южнорусского крестьянства к реализации аграрной политики деникинского правительства в 1918-1920 гг.

Источников, отражавших реализацию принятых деникинским правительством (как именовалось Особое Совецание при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России генерал-лейтенанте А.И. Деникине) законов о взаимоотношениях крестьян и бывших помещиков, а также законодательства о временном разрешении аграрного вопроса, - немного.

Почти все источники подобного рода, так или иначе связаны с определенными аспектами внутренней жизни белого юга России (в частности – временное регулирование отношений между частными владельцами – помещиками и крестьянами – «захватчиками» частновладельческой земли, сдача «третьего снопа» (1/3 части урожая, собранного «захватчиками» с бывшей владельческой земли) с продовольственной политикой, законодательство об ограничении арендных платежей – с особенностями поземельных отношений после 1917 года).

Материалы по аграрно-крестьянской политике южнорусского Белого движения содержатся в авторском двухтомнике «Белое дело в России. 1919 – 1922 гг.» (вышел в свет в текущем году), а также в готовящейся к изданию авторской монографии «Белое дело. Черный передел». Идеологическая программа Добровольческой армии декларировала принцип охраны права частной собственности на землю со стороны прежних владельцев. Но подобные декларативные заявления обстоивались различными исключениями и ограничениями. При этом деникинское правительство заявило официально только о восстановлении права бывших помещиков на часть урожая, собранного с их бывшей земли, но не на землю. Это важное положение деникинской правительственной программы следует иметь в виду при оценке тезисов о безусловном восстановлении помещичьей земельной собственности. Здесь мы не можем утверждать о принципе 100%, полной реституции.

Восстановление права собственности на имущество разграбленных имений (это право, в отличие от права на землю, декларировалось деникинским правительством как законное и официально защищаемое) вызывало наибольшее противодействие крестьян. Очевидно видеть в этом недовольстве и характер опасений за предстоящее восстановление прав помещичьей собственности на землю. Именно эти конфликты чаще всего фиксируют как секретные сводки Отдела пропаганды деникинского правительства, так и, например, секретные советские сводки. Так, например, сообщение Зафронтбюро ЦК КП (б) Украины (август 1919 года) содержит следующую информацию: «...помещик Курской губернии кн. Волконский собрал крестьян и велел свезти все взятое ими из его имения имущество обратно...» Тот же источник описывал положение в Киевской губернии: «...весь сельскохозяйственный инвентарь крестьяне обязаны возвратить помещикам», «вернувшиеся помещики требуют восстановления имущества их экономий... требуют слишком большую плату за разорение...». «Помещики двух имений Кременчугского уезда Полтавской губернии за отказ свозить хлеб и убирать их поля наложили на крестьян сел Николаевка, Мантелеевка и хутора Кармажновский 800 тыс. руб. контрибуции» (1).

Восстановление прав собственности на движимое имущество происходило при поддержке местных властей. Подобное содействие восстановлению нарушенных прав собственности могло оказать влияние на формирование у крестьян убеждения в

«симпатиях властей к помещикам», тем более, что возврат имущества зачастую исходил при поддержке отрядов местной «милиции» - отрядов Государственной Стражи.

Помимо столкновений с крестьянами по поводу возвращения разграбленного имущества имений и экономий, источники показывают факты нарушений помещиками «Правил о сборе...» части урожая («третьего снопа»). Проектируемые данными «Правилами» мировые комиссии, призванные стать посредниками при разрешении возникающих конфликтов, между крестьянами и помещиками не функционировали.

Правда, следует учесть, что далеко не всегда возвращавшиеся помещики стремились любой ценой восстановить свои права на нарушенную собственность, не считаясь при этом с законом. Следует отметить, что очень часто помещики вообще не возвращались в свои имения. Причинами этого были: их отсутствие (убиты, эмигрировали), близость имения к фронту, неверие в прочность и устойчивость белой власти, и, самое главное – неуверенность в том, что эта власть сможет их защитить (тому свидетельство – период власти на Украине гетмана П. Скоропадского, когда возвращавшихся помещиков и их семьи избивали, расстреливали местные повстанцы). Теперь, как правило, помещики не рисковали долго задерживаться в экономиях, появлялись перед крестьянами в сопровождении многочисленного карательного отряда (т.н. «отрядов самообороны») или под защитой Государственной Стражи. В прифронтовых районах, как правило, появлялись лишь те из бывших землевладельцев, кто служил на строевых или гражданских должностях в воинских частях, проходивших через район его имения (2).

Нападения на имения, убийства помещиков и пассивность гражданской администрации побуждали землевладельцев к использованию сил самостоятельных военизированных формирований, карательных отрядов, что приводило лишь к взаимному ожесточению сторон, усилению повстанческого движения. Так, например, в первые же недели после начала повстанческого движения Н.И. Махно в конце сентября – начале октября 1919 года в Херсонской, Екатеринославской губерниях было убито (по официальным данным) около 10 семей помещиков, разорено 8 имений и хуторов (3).

Следующим законодательным актом, фактически так и нереализованном, были аналогичные «Правила», касавшиеся распоряжения урожаем 1919 - 1920 годов. Они были изданы в сентябре 1919 года и шли на еще большие уступки крестьянам. Теперь «Правила...» уменьшали часть урожая отчуждаемого в пользу бывшего владельца до (всего лишь) 1/5 части урожая зерновых озимых хлебов и 1/10 части корнеплодов. Сводка Отдела пропаганды по Екатеринославской губернии сообщала: «...Отношения между крестьянами и крупными землевладельцами местами сильно обострены. Главным поводом являются неурегулированные вопросы, касающиеся аренды земли... имеются громадные участки земли, владельцы коих совершенно не являются в свои имения. Десятки тысяч десятин, сдававшихся ранее в аренду, могут оказаться необработанными, если не будет принято мер. В связи с этим возникает благоприятная почва для большевистской агитации...» (4).

С точки зрения гражданско-правовой, подобное отношение к праву собственности нельзя не признать значительной уступкой той обстановке ожесточенной Гражданской войны, при которой, с одной стороны, отсутствовала (или была слабой) местная власть, способная «защитить» бывшего собственника. С другой – для пополнения армии солдатами, для осуществления реквизиций и повинностей, гораздо большее значение имела поддержка именно со стороны крестьян, а не со стороны частных собственников. Этим можно объяснить значительную уступчивость деникинского правительства в решении земельного вопроса, в сравнении, например, с правительством гетмана П. Скоропадского.

С сугубо экономической точки зрения в «деникинский период» на белом юге России (то есть с осени 1919 до начала весны 1920 годов) получаемые платежи («третьего снопа» в 1919 году и «пятого снопа» в 1920 году) могли бы стать для многих помещиков источником получения дополнительных денежных доходов, наряду с традиционными арендными платежами (если таковые взимались) и, хотя бы отчасти, позволяли восполнить потери хозяйств от военных действий и от «разгромов» со стороны местных крестьян.

Итак, основные законодательные акты Особого Совещания, изданные в течение лета-осени 1919 года по регулированию сложившихся посререволюционных земельных отношений («Правила об урожае 1919 года...», «Правила об урожае 1920 года...» и «Правила о сдаче в аренду»), были рассчитаны на «успокоение деревни». Но на практике, что фиксировали, в том числе информационные сводки, они оказались далеки от правительственных расчетов и не принесли ожидаемого «успокоения» в южнорусскую деревню. Реализация этих законов очень часто становилась предметом ожесточенной борьбы между частными владельцами, помещиками и крестьянством. В той части, которая представлялась помещиками наиболее выгодной, данные постановления выполнялись («третий сноп»).

Но там, где интересы бывших землевладельцев оказывались ущемленными, эти постановления могли либо игнорироваться вовсе, либо исполнялись, но с большими искажениями. При этом помещики стремились добиваться осуществления выгодных для себя постановлений, не останавливаясь даже перед применением силы, а крестьяне, напротив, всячески уклонялись от их реализации, а в случае силового давления отвечали вооруженным отпором (пример – сбор «третьего снопа»).

Нельзя все же признать исполнение требований бывших владельцев чрезмерно обременительными для крестьян (разумеется, там, где эти требования не выходили за рамки законности). Ответственность за разоренные имения, за разграбление имущества в сущности являлась законной с точки зрения гражданско-правовых отношений (как отмечалось выше). Но в условиях ожесточенной междоусобной войны восстановление нарушенных прав собственности неизбежно приводило к конфликтам с «захватчиками». В этой ситуации побеждал не закон, а «право силы». Объективно в южнорусской деревне 1919 г. оказались более сильны сплоченные, уверенные в своей правоте крестьянские массы, а не немногие помещики, даже опиравшиеся на военизированные отряды «самообороны».

Деникинская гражданская администрация, призванная быть арбитром в разрешаемых конфликтах, нередко бездействовала. Здесь налицо была сугубо административная проблема, заключающаяся в наличии или отсутствии местного аппарата. В условиях скоротечного «похода на Москву», когда в течение 1-2 месяцев под контролем ВСЮР оказалась территория в несколько раз превышавшая ту, которая занималась прежде белыми армиями (с лета 1918 по лето 1919 годов), очевидной стала проблема не просто работоспособности деникинской гражданской администрации, а ее элементарного наличия. Но если в земельных спорах и других гражданско-правовых конфликтах могли активно участвовать чиновники Управления внутренних дел, чины Государственной Стражи, судьи (что объяснялось необходимостью участия в делах внутренней жизни вверенных им районов), то совершенно очевидным недостатком можно считать практически полное отсутствие в уездах, волостях и селах представителей Управления земледелия. Ведь именно в их компетенции заключалось правильное информирование сельского населения о принятых правительством распоряжениях, а также контроль за их реализацией. Это и оказывало непосредственное влияние и на восприятие белой власти со стороны южнорусского крестьянства. Однако структура,

порядок формирования и компетенция местных органов Управления Земледелия стала рассматриваться в правительстве только в октябре 1919 года. А от деятельности местного аппарата Управления уже тогда, во многом, зависела прочность деникинского тыла.

Например, в Крыму «Правила», регламентировавшие порядок аренды, не дошли до села. Весьма характерной иллюстрацией «реализации» этого документа является доклад Вр. и.д. начальника Керченского отделения политической части штаба Главкома ВСЮР (от 26 июля 1920 года) констатировавший: «...прошлой осенью перед началом озимой запашки местные крупные «хлеборобы» в собрании... установили норму арендной части натурой, эта норма равнялась 1/4 с молотью средствами арендатору и 1/3 с молотью за счет землевладельца. Большинство помещиков приняло это постановление в основание своих договоров, но многим оно показалось не имеющим обязательной силы и в отдельных случаях скупщику приходилось согласиться на половину урожая. Арендные правила 21 сентября 1919 года изданные с большим опозданием, не внесли необходимого порядка в путаницу арендных отношений: до крестьянского населения они не дошли, а куда дошли – без надлежащих разъяснений; помещикам же не выгодно было их распространять. В результате – для многих они совершенно неизвестны и почти нигде не соблюдаются...» (5).

Таким образом, вывод о «восстановлении» помещичьей собственности на землю следует признать неправомерным, поскольку, во-первых, в условиях хозяйственной и политической нестабильности бывшим помещикам выгоднее было реализовать не право распоряжения самой землей, а лишь право на получение определенного дохода (ренты) с этой земли, дохода, как правило, в денежной, а не натуральной форме (даже те из помещиков, кто успел получить «третий сноп» стремились затем реализовать его казне за плату по договору).

Следует отметить еще один важный момент. Деникинское правительство никогда, ни в одном из официальных деклараций не заявляло о восстановлении права собственности бывших помещиков на землю в полном объеме, напротив, всячески подчеркивалась необходимость проведения земельной реформы, допустимости принудительного отчуждения, хотя бы и за плату, частновладельческой земли в пользу крестьян.

Количество возвращавшихся вслед за Добровольческой армией помещиков было на несколько порядков ниже их численности на юге России накануне 1917 года, поэтому говорить о повсеместном приходе бывших владельцев и их расправах с крестьянами не приходится.

Таким образом, правильно организованная система реализации принимаемых правительством законодательных актов, обеспечение порядка и законности на занимаемых ВСЮР территориях юга России должны были бы дать белой власти необходимую поддержку со стороны крестьянства. Здесь многое зависело от работы местного административного аппарата, особенности формирования и функционирования которого заслуживают отдельного исследования.

Что же касается процесса сокращения помещичьего земельного фонда и параллельного роста крестьянского землевладения, то он продолжался, несмотря даже на военные условия. Это стало отражением социально-экономической тенденции, сформировавшейся еще в начале XX столетия, в ходе осуществления аграрных преобразований П.А. Столыпина.

«Декларация генерала Деникина о земле» (официальное название – «Предписание Особому Совецанию по земельному вопросу»), стала не только программным, но и одним из основных пропагандистских документов, выражавших идеологию Добровольческой армии, с которой белые приходили в занимаемые районы юга России.

Отношение крестьянства к «Декларации» становилось своеобразным индикатором их отношения к новой власти вообще.

Конечно, нельзя забывать, что поведение отдельных воинских частей, хотя нередко и обусловленное ведением боевых операций, способствовало росту недоверия и отчужденности крестьянства от белой армии в частности, и от белой власти вообще.

Показательна оценка крестьянских взглядов на разрешение «земельного вопроса», которые следовало бы проводить деникинскому правительству, приведенная в сводке Отдела пропаганды от 20 августа 1919 года, она является своеобразным обобщением настроений крестьян южнорусских губерний периода гражданской войны: «...1) окончательно пусть решит как быть с землей – Учредительное Собрание... (это объяснялось в «Декларации» ген. Деникина по земельному вопросу – прим. В.Ц.); 2) передать помещичьи земли Государственному Земельному Банку для справедливого их распределения между нуждающимися... (это планировалось в проектах комиссии Челищева-Билимовича – прим. В.Ц.); 3) немедленно бесплатно, в награду за участие в Добрармии, предать землю трудящимся (это также предполагалось осуществить – прим. В.Ц.); 4) сейчас установить арендное льготное пользование (это было реализовано в «Правилах об аренде...» 1 сентября 1919 г. и приказе Главкома ВСЮР № 1000 установившего предельную цену арендной платы в 200 рублей с 1 десятины – прим. В.Ц.); 5) передать все в распоряжение и на усмотрение крестьянских Обществ (это не было реализовано из-за опасений потери контроля над селом со стороны администрации и невыполнения необходимых повинностей – прим. В.Ц.)...» (6).

Таким образом, делая вывод об отношении крестьянства к Белой власти, можно считать, что ожидания южнорусской деревни летом-осенью 1919 года связывались с ней как с властью, которая, во-первых, обеспечит «порядок», т.е. хотя бы относительную политическую и хозяйственную стабильность, принесет долгожданное освобождение от продразверстки, обеспечит село необходимыми товарами, во-вторых – в конфликтах с бывшими помещиками поддержит крестьянство, в-третьих – будет строить местный аппарат власти на основаниях широкого волостного и сельского самоуправления, не раскалывая при этом сельское общество по социальному признаку (подобно политике «насаждения комбедов», практиковавшийся в Советской России и Советской Украине в 1918-1919 годах).

Примечательно, что уровень требовательности местного населения к белым, как носителям «законности и порядка» был на порядок выше, чем к любой другой власти. Поэтому те незаконные реквизиции, грабежи, которые несомненно имели место со стороны отдельных воинских частей и представителей администрации (но отнюдь не носили массового, повсеместного характера), воспринимались крестьянами гораздо более болезненно, чем те же действия со стороны, например, кого-либо из повстанческих «батек», петлюровцев или даже некоторых регулярных частей Красной армии.

Если же вышеуказанные ожидания крестьянства не осуществлялись, а это было далеко не редким явлением на белом юге России весной-осенью 1919 года, село начинало ждать другой власти, которая обеспечит для него ожидаемому стабильность, закрепит захваченную землю, привлечет к государственному управлению.

Еще один специфический момент связан со степенью вовлеченности крестьянства в политику советской власти и, соответственно, со степенью удовлетворения или недовольства своим положением в Советской России или в Советской Украине. В частности, несмотря на сходство крестьянских настроений в большинстве районов белого юга России следует отметить, что крестьянство центрально-черноземных губерний более других испытывавшее на себе всю тяжесть политики «военного коммунизма» не предъявляло к белой власти каких-либо особенных требований по разрешению

земельного вопроса или «налаживанию нормального товарообмена». Во многих уездах Курской, Воронежской, Тамбовской, Орловской губерний зажиточные и средние крестьяне воспринимали белых как власть, сменившую большевиков, которая в любом случае будет лучше и легче.

Например, в сводке Отдела пропаганды от 28 сентября 1919 года (о положении в Воронежской губернии) отмечались настроения местного крестьянства, показательные для большинства районов губерний Черноземного Центра: «...Настроение крестьян – бывших государственных, как имеющих достаточные наделы земли – в пользу Добрармии, настроение бывших крепостных - большевистское». «...Настроение крестьян Воронежской губернии характеризуется недоверием и замкнутостью, которые легче всего могли быть преодолены обещанием тех или иных материальных выгод... крестьяне терпеливо выполняют распоряжения новой власти, но до явного сочувствия пока еще далеко. Исключение составляют более зажиточный элемент и середняки. Крестьяне этой категории открыто заявляют себя на стороне Добрармии и всячески помогают ей. Крестьянская же беднота сочувствует скорее большевикам, причем наиболее сознательные из ее среды занимаются вредной для нас агитацией против подводной повинности и мобилизации... некоторое недоверие населения к нашим армиям является результатом действий самих проходящих войск. Нет ни одной крупной слободы, которая не жаловалась бы на «озорства» и грабежи воинских частей...» (7).

Аграрно-крестьянская политика южнорусского Белого движения может считаться наиболее характерной среди политических программ российского Белого движения в целом. Именно в регионах Юга России, традиционно ориентированных на сельскохозяйственное производство, во время Гражданской войны наиболее остро проявлялись проблемы социально-экономического и социально-политического свойства и их разрешение прямо влияло на степень поддержки того или иного режима.

Примечания:

1. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 100. Оп. 1. Д. 1304. Л. 46.
2. Жизнь на линии фронта. Из хроники Гражданской войны в г. Глухове. М., 1994. С. 15-16.
3. Екатеринославский вестник. Екатеринослав. № 116, 4 октября 1919 г.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) Ф. 440. Оп. 1. Д. 34а. Лл. 281-282.
5. ГА РФ. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3а. Лл. 147 об. – 148.
6. ГА РФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 34а. Лл. 250, 252.
7. Там же. Лл. 100-101; 281-282.

Гражданская война как цивилизаторская миссия: Роль татарских политработников Красной Армии в Туркестане

Летом 1918 г. Российская империя окончательно распалась: под советской властью осталась та территория, которая по пространству соответствует России до завоевания Казанского ханства в середине XVI века. Каким же образом большевикам удалось снова собрать обширную многонациональную территорию бывшей Романовской империи и опять привести ее в новый имперский строй? На этот вопрос Джошуа Санборн в своей книге *Imperial Apocalypse* ответил: «коренизация», т.е. создание верных Москве кадр из коренных народов¹. Здесь явно подразумеваются национальные территориальные единицы как объект изучения, что соответствует давно существующей практике описания Гражданской войны, где развито некое «разделение труда» в сборе источников и проведении исследований на основе либо царских административных регионов, либо границ национальных республик СССР. Историография по Поволжью и Приуралью тоже сосредоточивает изучение на осуществлении башкирской и татарской автономий, импровизированных в ходе переговоров и столкновений между национальными деятелями и большевиками².

Из этого «территориального» принципа не освобождена и книга Адиба Халида *Making Uzbekistan*; он предоставляет слово преимущественно местным интеллектуалам, напряженно стремившимся к реализации поддержанного ими с царских времен собственного проекта модернизации с поиском компромисса с большевизмом³. Однако когда речь идет о встрече этих элит с большевизмом во время Гражданской войны, то нельзя получить полную сложную картину локальной политики без учета их борьбы за власть с «приезжими» татарскими солдатами и работниками, закаленными либо на фронте Великой войны, либо в ожесточенных боях Гражданской войны в Поволжье и Приуралье⁴. Дело в том, что голоса этих «притаскивавших» революцию в Среднюю Азию татарских воинов проявлялись в виде воспоминаний, биографий и научных исследований в Перми, Уфе и Казани в 1960-1970х годах⁵. Переосмысление этих трудов и их источников,

¹ Joshua A. Sanborn, *Imperial Apocalypse: The Great War and the Destruction of the Russian Empire* (New York: Oxford University Press, 2014), 243, 260-261.

² Здесь перечисление богатой историографии исчерпать невозможно. Наряду с фундаментальными трудами Б. Х. Юлдашбаева и М. К. Мухарямова, см. основополагающие попытки объединения существующей литературы. Daniel E. Schafer, "Building Nations and Building States: The Tatar-Bashkir Question in Revolutionary Russia, 1917-1920" (PhD diss., University of Michigan, 1995); idem, "Local Politics and the Birth of the Republic of Bashkortostan, 1919-1920," in Ronald Grigor Suny and Terry Martin, eds., *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* (New York: Oxford University Press, 2001), 165-190; Хабутдинов А. Ю. Татарское общественно-политическое движение в первой четверти XX века: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1996.

³ Adeeb Khalid, *Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR* (Ithaca: Cornell University Press, 2015).

⁴ Как предварительную попытку раскрыть этот момент, хотя еще скованную «территориальным» принципом, см. Gero Fedtke, "Jadids, Young Bukharans, Communists and the Bukharan Revolution: From an Ideological Debate in the Early Soviet Union," in Anke von Kügelgen, Michael Kemper, Allen J. Frank, eds. *Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries*, vol. 2 (Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 1998), 483-512.

⁵ Исхаков В. М. Хусаин Мавлютов. Пермь, 1961; *Фадилев Л. З., Фумаров Ф. Х. Кәрим Хәкимов: Тарихи-биографик очерк.* Уфа, 1966; *Чанышев Я.Д.* Вспоминая былые походы: Боевой путь Первой татарской стрелковой бригады. Казань, 1973.

а также расширение источниковедческой базы с точки зрения новейшей историографии нам позволяют раскрыть транснациональную динамику появления нового имперского порядка на мусульманских землях бывшей империи¹.

Самым ярким примером, констатирующим эту динамику, является Первая приволжская татарская стрелковая бригада. Наш доклад прослеживает за ее траекторией от Волго-Уральского региона в Туркестан². Она начала формироваться в Казани по приказу Реввоенсовета Российской республики 24 марта 1919 г., назначив командиром Юсуфа Ибрагимова (1895-1961), кто, родом из Пржевальска (ныне Каракол, Киргизия), во время Великой войны воевал на Северном фронте. За год до назначения командиром татбригады, т.е. в 1918 г. Юсуф Ибрагимов уже работал в Ташкенте в рамках миссии Наркомнаца для содействия образованию Туркестанской советской республики и ее Красной Армии. В середине августа 1919 г., когда из Южной группы Восточного фронта создан самостоятельный Туркестанский фронт под командованием Михаила Васильевича Фрунзе, туда была переброшена и татарская бригада. Ибрагимов потом стал членом Реввоенсовета Туркфронта в Ташкенте³. Одним словом, изучение татбригады нас заставляет установить диалог историографий Волго-Уральского региона и Средней Азии.

Главным объектом анализа нашего доклада является язык политработников татбригады для оправдания собственной миссии на основе назначенных красноармейцам татароязычных изданий, воспоминаний ветеранов, а также архивных записок, отражающих прения и разногласия татарских работников с русскими начальниками и руководителями коренных народов. Среди политработников особое место занимал Нигмат Еникеев, заведующий политотделом бригады, начавший свою карьеру в Белебее (Уфимской губернии) и Перми и потом перебравшийся в Андижан и Бухару, что может оправдать подход, поставивший эту личность как ось анализа нашего доклада. Следя за развертыванием татарской политической речи, наш доклад показывает, какие опыты были извлечены из боев с чехословаками, колчаковцами и казаками и впоследствии как эти опыты применялись и сталкивались с реальностью в борьбе с басмачеством в Ферганской долине, а также при создании революционной власти в Бухаре.

Чтобы правильно понять эту «цивилизаторскую» роль татарских красноармейцев в Средней Азии, следует напомнить, что татары в отличие от их единоверцев казахской степи и Туркестана испытали «котел» русской национальной армии по закону всеобщей воинской повинности 1874 года. Более того, татары еще до революции 1917 г. были довольно хорошо знакомы с печатью, собственной школой грамоты, а также постановкой театра и спектакля на родном языке, что потом стало ключевым оружием политического просвещения, как красноармейцев, так и местного населения⁴. Если политическое

¹ Хотя о противнике Красной Армии, но на «неловко соединенное (awkward togetherness)» пространство империи обращает серьезное внимание Willard Sunderland, *The Baron's Cloak: A History of the Russian Empire in War and Revolution* (Ithaca: Cornell University Press, 2014).

² Об этой бригаде, см. Рафиков М.А. От Волги до Тянь-Шаня. Казань, 1976.

³ Фрунзе, родом из Пишпека, считал Юсуфа Ибрагимова земляком (*якташ*). В воспоминаниях участников бригады и основанном на них литературном произведении рисуется Фрунзе, знающий мусульманские обычаи и обряды и общающийся с солдатами по-татарски. Чанышев. Вспоминая былые походы. С. 31; Шарафутдинов Д.Р. Комбриг Юсуф Ибрагимов: Повесть в документах. Казань, 1990. С. 53-55, 62, 111-112.

⁴ О всеобщей воинской повинности как катализаторе строения русской нации, см. Joshua Sanborn, *Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905-1925* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003). Об мусульманских солдатах из Поволжья и Приуралья, см. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2004; он же. Тюрки-мусульмане в российской армии (1914-1917) // Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир. М., 2003. С. 245-280. Также см. Наганова. Мусульманское сообщество в условиях мобилизации: участие Волго-Уральских мусульман в

просвещение не было присущим большевикам, а было широко распространенной по Европе во время Великой войны практикой, как убедительно показывают Марк фон Хаген и Питер Холквист, то следует полагать, что татары стали передатчиками этой практики в мусульманское пограничье распавшейся империи¹. Татарская бригада достигла своего апогея в первое полгода после революции в Бухаре сентября 1920 г., но потом татарам пришлось ее покинуть. Траектория татарской бригады показывает продолжение имперского наследия и его ограниченность при налаживании новых отношений с поднявшимися благодаря революции местными элитами.

Рожденные из огней Восточного фронта Гражданской войны

На Великую войну, по самым грубым подсчетам, мобилизовались от 700-800 тысяч до 1.5 миллиона мусульман, в основном из Волго-Уральского региона. После Февральской революции мусульманские солдаты начали откровенно требовать и самостоятельно формировать собственные части. А большевики к созданию национальных подразделений внутри своих только объединяющихся военных сил относились весьма неоднозначно². С одной стороны, они рассчитали на национальные формирования как подрывающую силу армий старого режима, а с другой стороны опасались, что то же самое случится теперь у себя: кроме национальных трений, «развитые» нации могли бы использовать предоставленную возможность как оружие, угрожающее существованию нового режима, а «отсталые» нации могли бы снизить армейскую дисциплину и боевую эффективность³. Тем не менее, большевикам из-за натиска извне и изнутри приходилось уступать вступившим в партию татарским деятелям, которые могли бы служить посредниками для установления советской власти в населенных мусульманами регионах. По декрету Совнаркома 17 января 1918 г. был создан Комиссариат по делам мусульман внутренней России при Наркомнаце; в тот день Наркомнац постановил создать губернские и уездные мусульманские комиссариаты. В конце мая Военный отдел центрального комиссариата расширился как Центральная мусульманская военная коллегия (ЦМВК), которая в ноябре под председательством М. Султан-Галиева перешла в Наркомвоенделам. Дальше ЦМВК вплоть до ее упразднения 1 октября 1920 г. функционировала как рычаг координации татаро-башкирских формирований⁴.

Сотрудничество с татарами было ключевым в середине 1918 г., когда угрожающие существованию советской власти события происходили на Волге и Урале, которые последовали за вспыхнувшим в Челябинске в мае мятежом Чехословацкого корпуса. После начала чешского мятежа эвакуировались в Пермь Нигмат Еникеев и его пять товарищей из Белебеевского уездного исполкома. В Перми еще в конце апреля 1918 г.

войнах последнего десятилетия существования Российской империи // Волго-Уральский регион в имперском пространстве: XVIII-XX вв. / Под ред. Нагановой, Д. М. Усмановой и Маами Хамамото. М., 2011. С. 198-228; Naganawa, "A Civil Society in a Confessional State? Muslim Philanthropy in the Volga-Urals Region," in Adele Lindenmeyr et al. eds., *Russia's Home Front, 1914-1922: The Experience of War and Revolution* (Bloomington: Slavica Publishers, 2016), 59-78.

¹ Mark von Hagen, *Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917-1930* (Ithaca: Cornell University Press, 1990), esp. 89-114; Peter Holquist, *Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1919-1921* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002), esp. 211-240.

² Исхаков. Российские мусульмане. С. 150-152, 232, 427, 430-432, 435-436, 440, 495-496.

³ Sanborn, *Drafting the Russian Nation*, 82-89.

⁴ Гиззатуллин И.Г. Защищая завоевания Октября: Центральная мусульманская военная коллегия 1918-1920. Москва, 1979; он же. Мусульманские военные организации (1917-1921 гг.). Казань, 2002. С. 129-164. См. также Jeremy Smith, *The Bolsheviks and the National Question, 1917-23* (Basingstoke: Palgrave MacMillan, 1999), 41-43.

появился окружной мусульманский комиссариат, председателем которого был Хусаин Мавлютов, бывший подпоручик Юго-Западного фронта царской армии и будущий командир 3-го полка татарской бригады¹. Став заведующим организационно-агитационного отдела мусульманского комиссариата, Еникеев организовал военно-агитационные курсы для татар и башкир. Татарское книгопечатание появилось в Перми только в 1918 г., когда татаро-башкирский батальон вел пропаганду среди мусульманского населения с помощью приведенной из Уфы походной типографии. Некоторые бойцы батальона при Пермском мусульманском комиссариате приступили к изданию газеты «Кызыл Урал», редактором которой был Мавлютов и его заместителем был Еникеев².

В середине сентября под созданным совсем недавно Реввоенсоветом Республики был консолидирован Восточный фронт; Пермь оказалась в зоне действий 3-й Армии³. Составляющей ядра армий этого фронта были латышские полки, мобилизованные из образовавшихся на Урале во время Великой войны многочисленных колоний латышских беженцев⁴. Дело в том, что на подвиг латышских полков в борьбе с Чехословацким корпусом обращает особое внимание и Шамил Усманов, герой обороны г. Оренбурга и один из инициаторов формирования татарской бригады⁵. Таким образом, можно констатировать, что Волго-Уральский регион 1918 года был пересечением и местом столкновений возникших из-за распада империи разных национальных проектов⁶.

Об этом отчетливо свидетельствует и написанная 28 августа 1918 г. брошюра Нигмата Еникеева «Чехословаки и их вред мусульманскому рабоче-крестьянскому населению». Здесь Еникеев представляет борьбу с чехословаками как противостояние славянской нации, пользовавшейся покровительством царского режима, с угнетенными веками маленькими народами, в первую очередь, татарами и башкирами, теперь добывающими собственную автономию. На его взгляд, чехи считают только русских достойными сидеть на кресле правительства, что объясняет их резню и повешение мусульманских советских деятелей в Самаре, Белебее, Уфе и Казани⁷. Более того, из-за подстрекательства русской буржуазии, английских и французских капиталистов, а также правых социалистов, чехи хотят Россию опять втянуть в войну с Германией и Турцией, а сами хотят поселиться в России, отбирая лучшие земли и леса у мусульман Уфимской, Самарской, Оренбургской и Пермской губерний. Таким образом, Еникеев призывает записаться в Красную Армию, ее мусульманский батальон в особенности, чтобы защищать свои земли, вернуть оказавшихся пленными в Германии и Австрии родственников по

¹ О Мавлютове, см. *Исхаков. Хусаин Мавлютов; Гришин Я., Мэнди С. «Волевой командир с твердым характером»* (Х. Б. Мавлютов) // Гасырлар авазы. 2011. №3/4 http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2011_3_4/05/07/

² *Исхаков. Хусаин Мавлютов. С. 12-14; Каримуллин А.Г. Татарское государственное издательство и татарская книга России (1917-1932). Казань, 1999. С. 250-251.*

³ Jonathan D. Smele, *The "Russian" Civil Wars, 1916-1926: Ten Years That Shook the World* (London: Hurst, 2015), 69, 76-77, 85, 87.

⁴ *Подпрятков Н.В. Роль национальных воинских формирований в годы гражданской войны на восточном театре военных действий: Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1994. С. 73, 83.*

⁵ Кызыл Армия. 7 ноября 1919. С. 2; 24 марта 1920. С. 2.

⁶ О рождающихся еще во время Великой войны национальных благотворительных организациях и изучении их опытов мусульманскими общественными деятелями на Урале, см. Charles Steinwedel, *Threads of Empire: Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552-1917* (Bloomington: Indiana University Press, 2016), 231-232; Naganawa, "A Civil Society," 72-73.

⁷ Как известно, после захвата Казани чехословаками и нароодоармейцами Комуча 19 августа 1918 г. был расстрелян Мулламур Вахитов, председатель центрального мусульманского комиссариата и ЦМВК. *Гиззатуллин. Мусульманские военные организации. С. 144.*

Брестскому миру, а также провести бедных крестьян и рабочих в мир истинного равенства (*чын тигезлек дунъясы*)¹.

В середине ноября 1918 г., когда Сибирская армия Колчака продвигалась из Екатеринбурга в сторону Перми, руководитель военного отдела мускомиссариата Мавлютов вместе с Еникеевым, связываясь со штабом 3-й Армии и ЦМВК, начали организовать 21-го мусульманский стрелковый полк и укомплектовали «на три недели». Хотя Микдад Бурндуков из тогдашних военных начальников в своих воспоминаниях оценил этот полк как «один из лучших полков 3-й Армии», но есть сведение, что мусульмане при вступлении в бой не стреляли, при первом же удобном случае переходили на сторону белых². Оборону города взял на себя и татаро-башкирский коммунарский батальон, который был полностью рассеян «из-за перехода предателей (*сатлык кешеләр*) пермского штаба на сторону Колчака». 24-25 декабря колчаковцы взяли Пермь, что вызвало оптимистический резонанс у западной антибольшевистской общественности³. Тем не менее, Бурндуков пишет, что вопреки крайне малочисленности хорошо подготовленных татаро-башкирских командиров и комиссаров, «21-й татарский полк и красный коммунарский батальон должны считаться самыми храбрыми отрядами среди участвовавшего в борьбе с контрреволюцией татаро-башкирского пролетариата»⁴.

1 мая 1919 г., когда начал работать мусульманский отдел при политотделе 1-й Армии, Еникеев стал начальником организационно-агитационного подотдела мусотдела. Здесь же заведовал военно-агитаторскими курсами и являлся заместителем редактора армейской газеты «Кызыл Юлдуз». Мы можем получить обзорную картину деятельности мусотдела в целом, Еникеева в частности, на странице газеты «Кызыл Армия», изданной ЦМВК и самой крупной татароязычной армейской газеты в годы гражданской войны⁵. Подотдел Еникеева, отправляя агитаторов в деревни и к солдатам, особенно к тем по Ташкентской железной дороге, давали инструкции сельским советам и организовали партийные ячейки. За два месяца его курсы выпускали около 50 молодых агитаторов. В тот же период литературный подотдел, вопреки отсутствию мощной типографии, отпечатал 15 видов воззваний, 2 брошюры и 28 номеров газеты; вместе с привезенными из центра изданиями было распространено около миллиона тиражей. А культурный подотдел устраивал просветительские кружки и молодежные организации в деревнях, концерты-митинги, театры, читальни и школу грамоты (*мәгълүмат мәктәбе*) с больше 100 выпускниками; была создана татарская труппа 30 членов с режиссером Муртазином Иманским (1885-1938), будущим основателем башкирского национального театра БАССР. Мусульманский отдел 1-й Армии усиленно работал и с Первой приволжской татарской стрелковой бригадой, которая в тот момент готовилась к бою на юге Оренбуржья под

¹ *Нигмат[улла] Еникеев*. Чех-славяклар нәм аннарының мөселман авыл халкы вә эшчеләренә зарарлары. Пермь, 1918. Судя по качеству печати, этот текст был написан собственной рукой автора и быстро распространен гектографией.

² *Подпрятков*. Роль национальных воинских формирований. С. 172. В этом полку команда пулеметчиков состояла из латышей-фронтовиков. Там же. С. 76.

³ О пермской операции, см. *Паздников Н.Ф.* Борьба за Пермь: пермские события в Гражданской войне. Пермь, 1988. С. 32-45. См. также Jonathan D. Smele, *Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak 1918-1920* (New York: Cambridge University Press, 1996), 181-183.

⁴ См. воспоминания Бурндукова в *Кави Нәжми*. Кызыл Армия сафында татар-башкортлар. Казан, 1925. Б. 50.

⁵ Кызыл Армия. 30 июля 1919. Б. 2-3. Об этой газете, см. *Гиззатуллин*. Защищая завоевания Октября. С. 108-113.

назначенным 13 июля 1919 г. командующим Восточным фронтом М. В. Фрунзе для восстановления связи Центральной России с Туркестаном¹.

В июльские дни подготовки к наступлению против южной группы войск Колчака и белоказаков начал возглавить политотдел бригады Нигмат Еникеев. К первой годовщине создания 1-й армии в газете «Кызыл Армия» он написал статью «Строительство Краской Армии (*Кызыл Армияның төзелеше*)». Здесь он приводит яркое сравнение старой буржуазной армии и новой армии трудящихся, владея большевистским языком. Старая армия, мобилизуя угнетенных бессознательных детей из низкого слоя общества, превращала их в тех сил, умеющих по приказу командира стрелять, резать и грабить своих голодающих родителей и невежественных матерей и сестер, когда они оказывали сопротивления правительству фабрикантов, банкиров и помещиков, а также проглатывать слабые страны ради приобретения внешнего рынка. А правительство рабочих и крестьян организует Красную Армию, чтобы противостоять капиталу, как России, так и мира и тем самым создать новое отечество (*ватан*) пролетариата всего мира, а не узко национальное объединение. Советское правительство превращает российских граждан в сознательных (*аңлы*) воинов, знающих его законы и декреты, думающих о своих классовых интересах и задачах, а также сведущих в государственной политике и международных событиях, не жалея средств на «излучение света (*нур сибү*)» сознания, грамоты и знания среди красноармейцев через кружки, школы, театры, вечера, клубы и читальни. Что касается дисциплины внутри армии, то Красная Армия отличается в «дружеском теплом совещании с товарищескими советами (*иптәшләрчә киңәш тарыйк белән әйтелгән дусләренең жылы киңәшләре*)» и открытым взаимопониманием по боевым задачам, тогда как в старой армии царила такая кровавая дисциплина, ломающая губы и нос, бьющая голову и спину дубиной и стреляющая покрытых мешком и вешанных на столб солдат залпом с взводом или ротой². Так как татары служили в царской армии, думается, что такое сравнение делало политическую речь Еникеева более чем убедительным.

Одним из ярких эпизодов передачи татарской бригадой «товарищеской» дисциплины Красной Армии к мусульманскому населению на зоне военных действий были ее переговоры с Алаш-Ордой, казахским автономным движением, по переходу последнего в советскую сторону. После падения Уилского укрепления и Джамбейтинской ставки в середине ноября 1919 г. Западное отделение Алаш-Орды с главой Джиханшой Досмухамедовым перебралось в Кызыл-Кугу в надежде найти поддержку белоказаков, но одновременно пыталось связаться с Красной Армией для переговоров с советской властью. В этих военной и политической обстановках передовую позицию занимал 3-й полк татарской бригады под командой Хусаина Мавлютова. Как вспоминает Ибрагим Галеев, помощник комиссара полка Гали Касымова, организованная политотделом полка мощная агитация способствовала пониманию среди казахского населения о советском решении национального вопроса и тем самым обеспечивала поддержку казахской массы, что заставило алашординцев отказаться от враждебной к советской власти позиции. 16 декабря начались переговоры между представителями 3-го полка и Алаш-Орды. Из-за оторванности сношения со штабом 1-й Армии, 3-й полк позволял себе самостоятельно принимать решения. В последний момент переговоров, когда от штаба 1-й Армии прибыл приказ взять казахское правительство под полным подчинением и разоружить казахских

¹ Рафиков. От Волги до Тянь-Шаня. С. 22-31. См. также Боевой путь Первой революционной армии Восточного и Туркестанского фронтов. Июнь 1918 – февраль 1921 гг. (сборник документов и материалов). Ашхабад, 1972. С. 127, 130, 135-136.

² Кызыл Армия. 20 августа 1919. Б. 2-3. Об усилении понятия «братства» в Красной Армии, см. Sanborn, *Drafting the Russian Nation*, 110-114.

солдат, представители полка считали его неправильным с точки зрения национального вопроса и политической ошибкой; они с алашординцами согласились в том, чтобы казахский отряд остался целым и перешел под команду 3-го полка и чтобы совместно полными силами внезапным ударом захватить Кызыл-Кугу¹. Преодолев 160 километров от Уильска с боями, в ночь 28 декабря разбили белоказаков Кызыл-Куги; было взято более 600 пленов с офицерами². В итоге операций в западных казахских степях Хусаин Мавлютов был награжден орденом Красного Знамени. 11 января 1920 г. на заседании Западного отделения Алаш-Орды с участием уполномоченного Реввоенсовета 1-й Армии, а также Касымова и Галеева пришли к согласию в разоружении волостных и аульных дружин и вообще мирного населения края и в том, что воинские части Алаш-Орды придаются к 3-му татарскому полку³. По словам Галеева, из казахского отряда формировался отдельный конный отряд с двумя эскадронами, что положило первую основу создания красной казахской кавалерии.

Правда, роли татарского полка в этот ключевой момент Алаш-Орды особого значения не придает казахская историография⁴. Однако можно констатировать, что татары как большевистские посредники смягчили болезненную напряженность примирения казахского национального правительства с советской властью. И конечно ветераны татбригады считали этот эпизод одним из самых блестящих достижений в своем боевом пути в целом и на Восточном фронте в особенности. В своем «дневнике» Якуб Чанышев (1892-1987) пишет: «борьба с белым казачеством и Алаш-Ордой обошлась Третьему полку довольно дорого. Мы потеряли многих боевых командиров и бойцов. ... Прекрасно командовал сводным отрядом товарищ Мавлютов Хусаин и его комиссар Касымов Гали, которые выполнили большую военную и политическую задачу. Они приобрели в этих боях большой боевой опыт, который блестяще применили впоследствии в операциях по разгрому Бухарского Эмирата»⁵. В конце 1919 г. татарская бригада на поезде прибыла в Ташкент. Теперь ее политотдел под Нигматом Еникеевым вошел в непосредственное подчинение политотделу при Реввоенсовете Туркестанского фронта.

Борьба с Басмачеством в Ферганской долине

Достигши места назначения, г. Андижана 15 декабря 1920 г., татарская бригада начала действовать под командой расположенной в Ферганской области 2-й Туркестанской стрелковой дивизии. Весть о прибытии татбригады разнеслась «с молниеносной быстротой», пишет Еникеев; религиозное единство и национальная близость настолько сближали местное население с бригадой, что мусульманские ученые (*улема*) призывали «всех мусульман, особенно находящихся в стороне басмачей, даже от имени шариата, в сторону советских примерных мусульманских войск»⁶. Для политического просвещения, по словам татарских работников, среди «темных туземных масс», были устроены «неделя фронта» и даже «Сабан Туй» — татарский народный

¹ Нәжми. Кызыл Армия сафында. Б. 105-106. См. воспоминания комиссара 3-го полка Гали Касымова в *Шарафутдинов*. Комбриг. С. 69-73.

² Рафиков. От Волги до Тянь-Шаня. С. 41-45; Боевой путь Первой революционной армии. С. 168-169, 172-173.

³ Бочагов А.К. Алаш-Орда: Краткий исторический очерк о национально-буржуазном движении в Казахстане периода 1917-1919 гг. Кызыл-Орда, 1927. С. 53-54; Мартыненко Н.И. Алаш Орда: сборник документов. Кызыл-Орда, 1929. С. 152-153.

⁴ Аманжолова. Казахский автономизм и Россия: история движения Алаш. М., 1994. С. 158-169.

⁵ Цитата из *Исхакова*. Хусаин Мавлютов. С. 25. См. также *Чанышев*. Вспоминая былые походы. С. 15-20.

⁶ РГВА. Ф. 1076 (Управление 4-й стрелковой бригады 2-й Туркестанской стрелковой дивизии). Оп. 1. Д. 7. Л. 18, 22об.-23.

праздник, который проводится весной до начала полевой работы. Были организованы угощение и митинги для детей и женщин, сопровождающие пьесы на узбекском языке и концерт оркестра татбригады, а также спектакли, приуроченные к празднику 8 Марта. Появились красные чайханэ, где ораторы громко читали газеты и журналы и разъясняли публике их содержания¹. Политическая работа была проведена и среди кашгарцев, т.е. рабочих мигрантов из Китайского Туркестана. Их довольно много было в районе Андижана². Таким образом, татары пытались посредничать между мусульманским населением и советской властью, используя свою этно-конфессиональную принадлежность, но подразумевая цивилизаторское превосходство над «темными массами».

При всем этом, политотдел татбригады тесно взаимодействовали с местными органами власти, в т. ч. уездно-городским комитетом партии, уездгорревкомом, комсомолом, а также редакцией газеты «Пролетарская мысль» — органа Ферганского областного комитета партии. Так как им крайне нуждались кадры, то неслучайно, что заведующий политотделом Еникеев сам стал членом бюро Андижанского уездно-городского комитета. Политотдел понимал свою задачу следующим образом: «[борьба с басмачами] требует, чтобы мы принимали самое активное участие в строительстве соввласти в Фергане, так как басмачество усиливается за счет тех, которые почему либо недовольны действиями «советских работников», которые примазались к власти для того, чтобы ловить рыбу в мутной воде»³.

Еникеев был уверен в том, что борьбу с басмачами должны провести путем сближения с ними, их политического воспитания, тем самым развития их самосознания, так как оружия оставляют подчинение басмачей лишь временным. Благодаря стремлению татбригады снабжать население и басмачей агитаторами и литературой на их языке, из сдавшихся отрядов Акбар-Али, Махам-Хаджи и Мадамин-бека даже формировались кавалерийские полки⁴. Перед ними выступает Еникеев с речью: «в недалеком будущем эти узбекские части дисциплинировано пойдут на встречу и освобождение пролетариата Индии, Афганистана, Алжира, Туниса и других местностей Востока от рабства и угнетения поработителей европейских культурных разбойников, как 1-я татарская бригада, пробив железные стены Колчака и Деникина, приехала в Туркестан»⁵.

¹ РГВА. Ф. 1075 (Управление 2-й Туркестанской стрелковой дивизии). Оп. 2. Д. 190. Л. 11, 21, 24-24об., 51. Было мероприятие для женщин, где концерт был проведен артистками политотдела бригады под руководством известного татарского певца и композитора Газиза Салиховича Альмухамедова (1895-1938).

² Там же. Л. 62, 65, 66, 69. О формировании общин кашгарцев с XIX века и советской попытки воздействий на них, см. David Brophy, *Uyghur Nation: Reform and Revolution on the Russia-China Frontier* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2016), 40-44, 82-85, 162.

³ РГВА. Ф. 1076. Оп. 3. Д. 17. Л. 162, 176, 177, 178, 338; Д. 23. Л. 265, цитата из 285. Об Еникееве, см. Рафиков. От Волги до Тянь-Шаня. С. 69.

⁴ РГВА. Ф. 1076. Оп. 3. Д. 17. Л. 20-20об., 23-23об.; Шарафутдинов. Комбриг. С. 97-98, 115. См. также М. В. Фрунзе в Туркестане (1919-1920). Сборник документов. Фрунзе, 1984. С. 203-204.

⁵ РГВА. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 190. Л. 26.

Вместе с басмачами: в центре второго ряда сидит командир татбригады Юсуф Ибрагимов между басмаческими лидерами (Акбар-Али и Махкам-Хаджи). Сидящий налево второй от Ибрагимова – Нигмат Еникеев.

Источник: *Кави Нәжми*. Кызыл Армия сафында татар-башкортлар. Казан, 1925. Б. 114.

В воспоминаниях Якуба Чанышева, комиссара татбригады, живо описывается, как на практике происходили переговоры с другим главарем басмачей, Хал-Ходжей, по его переходу на советскую сторону. Чанышев и еще двое товарища ездили во «дворец» этого курбаша, богатый дом бывшего промышленника-хлопковика. С окружением вооруженных до зубов бородатых советников, Хал-Ходжа был одет в роскошный шелковый халат, подпоясанный золотым с бриллиантами поясом. Стараясь не выдать своего волнения, Чанышев говорит, «[...] у мусульман есть закон гостеприимства. Ну что ж, если наш приезд вам не нравится, мы сейчас же уедем домой»; «Пьете?», спрашивает хозяин, предлагая гостям пиалы с рисовой бузой и показывая жирного барана. Чанышев вспоминает, «мы осторожно прощупываем друг друга, стараясь угадать мысли противника. При этом все предельно вежливы. Издали может показаться, что беседуют закадычные друзья. Затем Хал-Ходжа осторожно начинает приближаться к политике, задает множество вопросов [...]. В результате почти четырехчасовой беседы с нами Хал-Ходжа согласился обсудить на узком совете наши условия; позднее нас уведомили, что эти условия басмачами приняты»¹. Далее среди отряда Хал-Ходжи велись постоянные беседы под бдительным надзором ответственных работников бригады; в г. Оше 10 марта 1920 г. состоялся общий митинг этого отряда, где татарские агитаторы рассказывали о том, что такое советская власть, а также какими принципами руководствуется Красная Армия. Духовный лидер отряда, Латфулла-Ишан призывал бывших басмачей к честной и преданной службе в Красной Армии.

Однако, слишком близкая и тесная операция татбригады со сдавшимися басмачами не понравилась начальству 2-й туркестанской стрелковой дивизии, которое было

¹ Чанышев. Вспоминая былые походы. С. 33-36.

категорически против всяких переговоров с басмачами¹. 18 марта по приказу об обезоруживании отряда Хал-Ходжи один эскадрон туркестанской дивизии на него напал; после скрытия Хал-Ходжи последовали «форменный грабеж» и насилие красноармейцев среди мирных жителей на месте происшествия. Еникеев жаловался, что этот событий подорвет под корень весь авторитет татарской бригады².

Без того у татбригады было уже накоплено сильное недовольство, заключающееся в том, что ее воины не получали достойного возмещения за свои усилия при первой годовщине ее создания. В своем докладе за март месяц 1920 г. Еникеев пишет: «[боевая татбригада] своими самоотверженными подвигами, как переправа через Урал, участие в ликвидации Южной армии Колчака, занятие Уильского укрепления, Гурьева, способствование ликвидации Ферганского фронта и плюс ко всему этому произведенная по пути огромная политическая работа — вполне заслужила того, чтобы ее, наконец, обмундировали полностью». Совершенная нехватка обмундирования была причиной вспышки тифа, сибирской язвы и чумы; «это слишком тяжелое испытание для татбригады, даже тяжелее совершенной ей похода, так как на нет сводит все ее заслуги и даже грозит опасностью самому существованию ее, на что необходимо обратить самое серьезное внимание». Кроме того, несмотря на то, что татбригада добралась до Туркестана, «проливая свою кровь и оставляя рассеянные трупы красноармейцев-татар от станции Сырт до Ферганы, потеряв в среднем 75-80% живых сыновей татбашпролетариата», Еникеев невольно обнаружил «совершается что-то незаконное». Подчинение татбригады 2-й Туркестанской дивизии заставило ее переименоваться и сдать дивизии артиллерийское имущество, имущество связи и разное хозяйство. Теперь Первая татарская бригада стала Первой туркестанской, и потом Четвертой туркестанской, т.е. она была вынуждена убрать национальный признак от своего названия, тем самым, «аннулируется воля целого революционного тат-баш. пролетариата, авангарда революции восточных народов». Еникеев даже попытался выйти через ЦМВК к Троцкому, председателю Реввоенсовета Российской Республики:

Считая все это незаконным и грубым дипломатическим насилием по отношению Первой татбригады, добравшейся омывая кровью своих честных, преданных революции, борцов дорогу на Восток и продолжающей честно и напрягая все усилия проводить на глухом ответственном фронте в Фергане идеи Советской власти Р.К.П./Большевиков/, политотдел заявляет протест против тех, которые хотят снабжать свои части потом и кровью татбригады. [Бригада свое имущество] принесла по пескам и горам сюда в Туркестан, на плечах и руках. [Отбирание нашего имущества] крайне несправедливо и обидно для всех ответственных партийных работников³.

¹ Метод ликвидации басмачества—политическая работа или вооруженная борьба—был объектом обсуждения на страницах журнала Реввоенсовета Туркфронта. В. К-в. Ферганский район // Военная мысль. 1921. Кн. 1. С. 216-226. Автор статьи, по-видимому, Куйбышев, кто прибыл в Фергану в феврале 1920 г. и руководил действиями всех частей Красной Армии в Ферганской области. *Шевченко Д.В.* Басмаческое движение: Политические процессы и вооруженная борьба в Средней Азии. 1917-1931 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2006. С. 82.

² РГВА. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 165. Л. 11-11об.; Д. 190. Л. 15; *Шарафутдинов.* Комбриг. С. 101. Впоследствии Мадамин-бек и Хал-Ходжа были казнены другим главарем басмачей Курширмат. *Шевченко.* Басмаческое движение. С. 84.

³ РГВА. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 165. Л. 10об.-11.

Недовольство достигло такой уровни, что в конце апреля 1920 г. у 2-го полка татбригады возник вооруженный мятеж с требованием немедленного отправления на родину¹.

Политотдел татбригады должен был принимать меры к поддержке духа оказавшихся обиженными и отчужденными самых солдат. Он занимался «беспощадной борьбой» с пьянством и курением анаши². Кроме того, понимая, что солдаты бригады в обстановке военных действий не могли получить систематического политического образования, политотдел планировал открыть летом партийные курсы для красноармейцев бригады, что могло бы не только поднять их самосознание, но и впоследствии снабжать деревни «развитыми и сознательными партийными работниками». Там Еникеев ожидался читать лекции по следующим предметам: утопический и научный социализм; коммунистическая революция, парламентаризм и диктатура пролетариата; история революционного движения в России и на западе; различие в программах социалистических партий в России, а также национальный вопрос и проблема Востока³.

Эти требуемые от Еникеева предметы свидетельствуют о том, что татарская бригада должна была работать передатчиком интернациональных идеалов советской власти, освобождения Востока в особенности. С одной стороны, ее «восточная» (т.е. как представитель угнетенного народа) и этно-конфессиональная близость с местными мусульманами значительно облегчала взаимодействия местной власти и населения. С другой стороны, слишком близкое отношение бригады с басмачами вызвало недоразумение у военного начальства. Когда бригада лишилась национальной принадлежности своего названия, татарские воины настаивали на восстановлении национального достоинства. Это явное противоречие интернациональной «цивилизаторской» миссии и национального достоинства проявилось в еще острой форме в революции Бухары.

Закат татарской цивилизаторской миссии

Утром 3 сентября 1920 г. пал Бухарский эмират, который был протекторатом Российской империи. Как детально описывается в книге Владимира Леонидовича Гениса, Бухарская революция была откровенным завоеванием Красной Армией под командой авантюриста Фрунзе, сопровождающим воздушную бомбардировку, применение химических оружий, грабежи, мародерство, изнасилования над женщинами и т. д.⁴. Но, безусловно, бухарская операция была самым славным моментом боевой траектории татарской бригады (хотя теперь 4-й туркестанской). Особенно важную роль играл бывший 3-й, теперь 12-й полк под командой Хусаина Мавлютова из Перми. Получив приказ 21 августа оказать помощь бухарским революционерам и наступать на эмирскую армию, Мавлютов призывал «товарищи! Нас ждут поработанные и угнетенные веками под руками эмиров и богачей рабочие и крестьяне. Они от нас просят помощь»⁵. Под упорным обстрелом противника 31 августа полку удалось поставить артиллерию напротив Каршинских ворот Старой Бухары, их взорвать и первый ворваться в город, за чем последовали кровавые столкновения (*канлы бәрелешүләр*); «день, прошедший боем с

¹ РГВА. Ф. 110 (Управление армиями Туркестанского фронта). Оп. 2. Д. 515. Л. 9-9об.; *Шарафутдинов*. Комбриг. С. 118-122.

² Там же. Л. 12; РГВА. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 190. Л. 12, 13.

³ РГВА. Ф. 1076. Оп. 3. Д. 17. Л. 337-337об.

⁴ *Генис В.Л.* «С Бухарой надо кончать...» К истории бутафорских революций. Документальная хроника. М., 2001. С. 37-45.

⁵ См. также М. В. Фрунзе в Туркестане. С. 237-241.

рассвета до темноты, не почувствовался». В итоге 16 сентября постановлением Реввоенсовета Туркфронта Хусаин Мавлютов был снова награжден орденом Красного Знамени¹.

8 октября было провозглашено создание Бухарской народной советской республики. Здесь воины бывшей Татарской стрелковой бригады занимали почетные места: бывший командир бригады Юсуф Ибрагимов стал Военным назиром, т.е. народным комиссаром по военным делам, после гибели от рук басмачей Багаутдина Шегабутдинова (кстати, он тоже татарин)²; бывший заведующий политотделом бригады Нигмат Еникеев теперь стал председателем Политического управления Военного назирата Бухарской республики; один из инициаторов создания татбригады вместе с Шамилом Усмановым, Карим Хакимов, стал секретарем Бухарской КП и потом полномочным представителем Советской России в Бухаре³. Одной из демонстраций установления нового советского правительства была казнь бывших эмирских чиновников. Дело в том, что председателем Бухарского революционного трибунала был опять татарин, Галимджан Акчурин, родом из Пензенской губернии. Хотя он не служил в Татарской бригаде, но он был одним из старых членов Бухарской КП с июня 1918 г. и даже работал секретарем ЦК КП Хорезма. Нигмат Еникеев был очевидцем заявления смертной казни бывшему эмирскому премьер-министру (кушбеги):

Суд проходил под открытым небом на площади Ригстан. Присутствовала многотысячная толпа, приезжающая из кишлаков, районов и окрестности Бухары. Площадь была наполнена народом. Соблюдая местные обычаи, товарищ Акчурин был одет как кадыя [т.е. шариатские судьи] с шелковым чапаном и белой чалмой в голове. Под бурными аплодисментами участников, он провозгласил решение революционного трибунала. Читая обвинительный акт над эмирским кушбеги, товарищ Акчурин объявил судебное решение народного трибунала о смертной казни этому кровососу (*кан эчуче*). Собравшийся на митинге народ принял это справедливое решение с бурными аплодисментами и криками «Ура»⁴.

Поведение Акчурина ярко свидетельствует о ловкой адаптации татарских работников к новой политической обстановке Бухары даже через некое видоизменение с «приезжих чужаков» к «местным».

Однако татары сталкивались с огромной трудностью при налаживании сотрудничества и добывании доверия у их бухарских коллег. Особенно для политического просвещения они были вынуждены опираться на давно проверенные связи с татарской бригадой. Еще в конце сентября военный назир Багаутдин Шегабутдинов и Еникеев попросили командира теперь же 4-й Туркестанской бригады на Фергане немедленно откомандировать в Бухару Александра Митропольского, бывшего секретаря Еникеева при политотделе и бывшего заведующего информацией политотдела Ахмета Биккулова, так

¹ *Нажми*. Кызыл Армия сафында. Б. 58-59. См. также *Исхаков*. Хусаин Мавлютов. С. 30-34 (и на обложке этой книги нарисовано взятие Бухары); *Чанышев*. Вспоминая былые походы. С. 50-53; *Шарафутдинов*. Комбриг. С. 147-157.

² Об этой смене должности 20 ноября 1920 г., см. РГВА. Ф. 25849 (Наркомвоендел Бухарской советской республики). Оп. 1. Д. 4. Л. 50; *Шарафутдинов*. Комбриг. С. 160.

³ О Хакимове, см. его автобиографию в Центральном историческом архиве Республики Башкортостан. Ф. Р-4771 (Хакимов Карим Абдрауфович). Оп. 1. Д. 1. Л. 26-27, 34.

⁴ О Галимджане Акчурине, см. *Гайнуллин М., Хадиев М.* Шагыйрь нәм революционер // Казан утлары. 1968. Ноябрь. Б. 95-100. Это цитата ведется как слова «проживающего ныне в Фергане персонального пенсионера Нигмата Еникеева». Б. 99. У Акчурина есть подробное описание о падении Бухары. См. его Воспоминания о двадцатом году в Хиве и в Бухаре // Сборник статей к десятилетию Бухарской и Хорезмской революции (воспоминания участников Бухарской и Хорезмской революции). Ташкент, 1930. С. 23-62 (особенно 55-62).

как «в Бухаре совершенно нет работников»¹. Делая обзор деятельности Политуправления за время сентября 1920 г. до января 1921 г., Еникеев с одной стороны радостно отмечает, что празднование 3-й годовщины Октябрьской революции прошло с оживлением и подъемом и что спектакли и митинги-концерты, поставленные татарской труппой Политуправления, были оживленно встречены как красноармейцами, так и населением в городе и прилегающих к нему кишлаках. С другой стороны Еникеев жалуется на отсутствие опытного мусульманского режиссера, хороших местных актеров, а также необходимых материалов для постановки спектакля, в т. ч. музыкальных инструментов; он с печалью обращает внимание на «саботаж», «спекуляцию и разгильдяйство» почти во всех гражданских и советских и партийных учреждениях и организациях в старой Бухаре². В другом отчете Еникеев с горем пишет: «заметно неофициальное утаенное недоверие или просто расчет на дальнейшее уничтожение [Политуправления] и его работ»; из-за отсутствия инструкций от Коминтерна, «ответственным работникам приходится заделаться или простыми чиновниками или мучаться совестью, оставаясь между небом и землей»³.

Хуже всего, военная сила под татарским руководством никак не могла остановить беспорядок на территории республики, а наоборот Красная армия становилась главным источником беспорядка, беспределно продолжая грабежи, мародерство, изнасилования над женщинами, убийство, а также оскорбление религиозных чувств местного населения. Валериан Куйбышев, бывший член Реввоенсовета Туркфронта и теперь полпред России в Бухаре, повторно подчеркивал независимость Бухарской республики и вынужден был заявить следующее: «Российская Красная Армия ... остается здесь исключительно по просьбе Бухарского правительства в виду того, что у молодой республики нет еще достаточных сил для борьбы с международным империализмом и остатками контрреволюции. Как только Бухарское правительство заявит, что оно готово к самостоятельной борьбе, Российские войска будут отозваны из пределов Бухарской Республики. Не завоевание, а помощь – вот девиз, которым руководствуется наша Красная Армия, выполняя революционные задачи, возложенные на нее Бухарским правительством»⁴. А Комиссия ВЦИК по делам Туркестана (Турккомиссия) была особенно раздражена неудачей в ликвидации фронта Восточной Бухары. 26 декабря 1920 г. неожиданно приехал из Ташкента в Бухару зам. председатель Турккомиссии Георгий Иванович Сафаров. Он созвал объединенное заседание ЦК Бухарской КП, Центрального ревкома и Совнаркома Бухарской республики. Как известно, Сафаров был автором знаменитой книги «Колониальная революция», разоблачившей остатки «колониализма» в Советском Туркестане⁵. Однако перед Бухарским руководством он был совсем другим человеком. По адресу Бухарского правительства Сафаров допустил выражение следующего содержания: «Бухарская революция – это беспаспортная, кучка советских разбойников в этой революции, имея в наличии фронта в Восточной Бухаре, ничего не делается, мы Вас всех расстреляем, сволочь». Это тяжкое оскорбление, конечно же, вызвало бурный протест со стороны Бухарского правительства под председателями Совнаркома Файзуллы Ходжаевым и Ревкома Абдукодира Мухитдиновым: «не успех Красной Армии в боевых операциях на Восточной Бухаре не вина Бухарского революционного правительства, так как оперативный штаб во главе Реввоенсовета

¹ РГВА. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 131. Л. 126.

² РГВА. Ф. 25849. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-10б.

³ РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4 (Туркестанское бюро Коминтерна). Д. 26. Л. 82-83.

⁴ Известия Центрального комитета Бухарской коммунистической партии и Центрального революционного комитета Бухарской народной советской республики. № 5. 5 декабря 1920. С. 2.

⁵ Сафаров Г. Колониальная революция (опыт Туркестана). Алматы, 1996.

Туркфронта – учреждение самостоятельное, и изъято из подчинения Бухарской Республики. К тому же поведение красноармейцев с командным составом в Восточной Бухаре, выразившееся в оскорблении религиозного чувства мусульман (сжигание мечети, употребление листов Корана для естественных надобностей, попираание семейных традиций мусульман) является серьезным препятствием к ликвидации фронта»¹.

В итоге, в апреле 1921 г. Военный назир Юсуф Ибрагимов и председатель Политического управления Нигимат Еникеев были устранены от должностей. По словам Карима Хакимова, полпреда в Бухаре, в объединенном заседании Ревкома, ЦК партии и Совнаркома Ибрагимова обвинили в «русификаторской политике», «неработоспособности», «буржуазной наклонности», а также «расхищении эмирского имущества»; он в свою очередь благодарил за указания и обещал впредь этого не делать². Отстранение татарских работников от военного руководства началось еще в марте. Ибрагим Галеев, бывший помощник комиссара 3-го полка Татбригады и участник в переговорах с Алаш-Ордой, устроился работать помощником Еникеева. Как своему начальнику, Галееву тоже нельзя не бросать глаза на то, что «во всех взглядах местных работников Бухары замечается недолголюбивание работников татар, каковые руководятся работой [Политуправления]». 5 марта был поставлен спектакль для вновь мобилизованных красноармейцев, где он выступил с речью о Февральской Революции и значении Красной Армии в деле организации советской власти: «молодая Бухарская Красная Армия должна идти по следам Российской Красной Армии ... и сыграть ту роль, ... на которую будет опираться сознательная часть рабочих и дехкан Бухары в деле очищения от нежелательных элементов [Бухарской республики]». На другой день Галееву предписали от имени Совнаркома выселиться из пределов республики через 12 часов, под предлогом того, что он произносил провокационную речь против правительства³. После ухода Галеева, Еникеева и Ибрагимова, оставшиеся татарские работники печалились о «гонении на татар», авторитет которых сидящие в правительстве дворяне и комиссионеры с коммунистической маской старались унижить среди народа. «Но на русских взгляд хуже», они отмечают: «им просто дают имя колонизаторов, ... так как народ в большинстве темный и ничего не понимает»⁴. Эти слова красноречиво констатируют, что рухнула татарская «цивилизаторская миссия», содержащая в себе откровенное чувство превосходства перед «туземцами», но пытавшаяся посредничать и смягчать напряженность взаимодействий между советской властью и мусульманским населением распавшейся империи.

Заключение

В изданном в Ташкенте в связи с 40-й годовщиной Октября сборнике воспоминаний было предоставлено слово Юсуфу Ибрагимову, теперь ветерану Велико-отечественной войны с медалями за взятие Варшавы и Берлина. Его рассказ о славных боевых действиях Первой приволжской татарской стрелковой бригады, включая поход «по бескрайним голым степям Казахстана» и переговоры с главарями басмачей в Фергане, закончен победой в Бухаре⁵. Разумеется, он не мог говорить о своей розни с рожденным за ней правительством. В том же 1957 г. Ибрагимов пишет в Верховный Совет ТАССР: «История Революции должна знать ... понесенные жертвы сынов трудового народа Татреспублики

¹ РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 26. Л. 16-16об.

² РГАСПИ. Ф. 61 (Туркестанское бюро ЦК РКП (б)). Оп. 2. Д. 13. Л. 9.

³ РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 26. Л. 29-29об.

⁴ РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 26. Л. 134-134об.

⁵ Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Туркестане. Ташкент, 1957. С. 237-244.

... принесших народам Средней Азии счастье, завоеванное [Октябрьской революцией]»¹. В том же ташкентском сборнике с эпизодом о встрече с Хал-Ходжей участвовал и бывший комиссар бригады Якуб Чанышев, теперь почетный гражданин г. Андижана², но в полной мере он опубликовал свои воспоминания в Казани в 1973 г. Ветераны татарской бригады сами знали о неловкости высказывать о своих подвигах в революции Узбекистана и пытались их раскрыть в уместной национальной территории, опасаясь о забвении траектории бригады в промежутке между национальными историографиями.

На самом деле боевой путь татарской бригады нам показывает альтернативную картину установления нового имперского порядка на мусульманских землях от Поволжья и Приуралья через казахские степи вплоть до Ферганы и Бухары. ЦМВК и региональные мусульманские комиссариаты, опираясь на воевавших еще в Великой войне офицеров, таких как Ибрагимов и Хусаина Мавлютова, проходили испытания формирования мусульманских частей на Восточном фронте, где соревновались возникшие из-за распада империи разные национальные проекты и перспективы нового государства. В местах военных действий большевистские понятия и термины были переведены на татарский язык, воздействуя на красноармейцев и населения посредством развивавшихся еще до Великой войны печати, школ грамоты, а также театра на родном языке. Траектория Нигимата Еникеева из Перми в Андижан и Бухару отчетливо свидетельствует о передаче накопленных на Восточном фронте опытов в Среднюю Азию. «Товарищеский» принцип организации Красной Армии применялся к превращению военных сил Алаш-Орды и сдавшихся басмаческих отрядов в кавалерийские части. А в Бухаре Еникеев вместе с проверенным общим боевым путем Ибрагимом Галеевым занимался просвещением новой Красной Армии. Одним словом, татарская бригада снова собирала разорванные мусульманские земли распавшейся империи, связывая Великую войну с разными фронтами Гражданской войны.

Одновременно надо подчеркнуть, что татарская бригада стояла перед сложной дилеммой между интернациональной «цивилизаторской» миссией и национальным достоинством, и что в этой же дилемме было отражено и затруднение установления советской власти в условиях Гражданской войны. У татарских политработников было явно сохранено чувство отличающей себя от среднеазиатских «туземцев» некой имперской иерархии, подкрепленной как дореволюционными татарскими культурными деятельностями, так и разными методами царского управления империи³. Эта старая иерархия была совместима с большевистской задачей политпросвещения, и этно-конфессиональная близость до определенной степени облегчала встречу местного населения с советской властью. Однако как показывают ферганские опыты, усугубленное сближение с басмачами не оправдалось у военного начальства. Как ярко свидетельствует Бухарская революция, насилие, якобы оказывающее «помощь» на освобождение, привело к полному хаосу и тем самым к подрыванию авторитета российского руководства, в т. ч. татарских работников. И именно в ходе столкновений с ферганским военным начальством и с местными руководителями Бухары усиливалась отчужденность приезжих татар и тем самым их стремление к защите собственного национального достоинства. Любая империя из-за ограниченности ресурсов и кадров обычно вынуждена действовать по «правилам игры» отдельной местности. Империя должна искать сторонников из коренного населения и опираться на них, а также посредников, вроде

¹ Цитата из письма Ибрагимова. *Шарафутдинов*. Комбриг. С. 167.

² Октябрьская социалистическая революция. С. 245-254.

³ О Волго-Уральском регионе как промежутке между метрополией и колонией, см. Alexander Morrison, "Metropole, Colony, and Imperial Citizenship in the Russian Empire," *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 13, no. 2 (2012): 327-364.

татар, способных вести переговоры между правящими и местными представителями. Иначе говоря, имперское присутствие сугубо зависит от конкретных личностей. Таким образом, сложность, с которой сталкивались Ибрагимов, Еникеев, Галеев, Хакимов и Акчурин, представляет собой ту сложность, которую нарождающаяся советская власть испытывала при использовании старой и новой методики строительства государства, опираясь как на давно проверенных татар, так и на только взявших свою судьбу руководителей в мусульманском пограничье распавшейся Российской империи.

География советских национальностей в Сибири: горизонтальные связи и транскультурное взаимодействие в контексте формирования Якутской автономной советской социалистической республики

Введение

Первая мировая война и Революция 1917 года ознаменовали поворотный момент не только в истории Российской империи, но и во всем глобальном политическом порядке в начале XX века. Саму революцию можно интерпретировать как тектонический сдвиг, который, тем не менее, не может быть сведен к простому линейному русско-центричному повествованию: революция выявила существование множества идей и проектов, которые были инициированы даже местными политическими акторами в разных регионах Российской Империи. Распад Российской Империи или, скорее, ее трансформация привела к длительному процессу постимперской¹ реорганизации разнородного населения, характеризующейся высоким уровнем региональной самоорганизации, ростом политического воображения, важной ролью национализма, автономизма и других широко распространенных дискурсов, а также необходимостью регулирования социально-политического контроля в различных безгосударственных (*stateless*) регионах. В дополнение к традиционно важным и широко изученным случаям Западных окраин, Кавказа и Поволжья, в новейшей историографии стало уделяться больше внимания провинциям так называемой Азиатской России. Действительно, Азиатская Россия играла значительную роль в постимперских преобразованиях,² несмотря на свой «маргинальный» статус внутри империи в качестве региона «будущего». В частности, будучи на протяжении многих местом ссылки в Российской Империи, северо-восток (Якутская область), таким образом, накопил достаточно большой политический, социальный и научный опыт ссыльных активистов, что наряду с ростом мобильности, межрегионального сотрудничества и доступности университетского образования значительно способствовало формированию интеллектуальных слоев среди коренного якутского населения к началу имперского кризиса.

Несмотря на сталинский миф, согласно которому советские акторы впервые в российской истории ввели государственный дискурс в нерусских регионах, автономию как форму постколониальной политической самоорганизации в период кризиса и трансформации Российской империи в Сибирь реализовали не большевики, а «инородческие» интеллектуалы, вовлеченные в транскультурные интеллектуальные центры взаимодействия в период кризиса Российской империи. Исходя из этого, история формирования советских национальных республик и главенствующая роль в них большевистской элиты, особенно Владимира Ленина и Иосифа Сталина, нуждается в

¹ Под термином «постимперский» в данном случае я подразумеваю следующее: 1) современный историографический постимперский поворот (исследующий деятельность различных нерусских акторов и их роли в революционных преобразованиях); 2) постимперское политическое воображение (мысли, идеи и проекты по политической и социальной перестройке России до и после окончания империи, а также альтернативы национальному государству в переходный период); 3) состояние России в период ее распада и трансформации в новый порядок. См., Ilya Gerasimov, Marina Mogilner, Sergey Glebov and Alexander Semyonov, "What is the Meaning of Post-Imperial," *Ab Imperio* 18, no. 3 (2017): 9-16.

² См. подробнее о постимперских трансформациях, Stephen A. Smith, *Russia in Revolution: An Empire in Crisis, 1890 to 1928* (Oxford: Oxford University Press, 2017), 1-9, 170-175; Laura Engelstein, *Russia in Flames: War, Revolutions, Civil War, 1914-1921* (Oxford and New York: Oxford University Press, 2018), 414-420; Alfred J. Rieber, *Stalin and the Struggle for Supremacy in Eurasia* (Cambridge: Cambridge University Press, 2015), 80-89.

кардинальном пересмотре.¹ Внимание к горизонтальным связям и взаимодействию политических, имперских (чиновники, руководители, этнографы, ученые, ссыльные), а также локальных (национальных) акторов в региональной перспективе привело к формированию новых подходов (так называемый пост-имперский поворот)² к анализу организации советского пространства на территории бывших «национальных» окраин Российской империи. Широкое, многообразное (*diverse*)³ пространство постимперской Сибири, процесс советизации которой традиционного описывается линейно в качестве результата гражданской войны и лидирующей роли Ленина и Сталина в установлении нового порядка и предоставления местному населению прав на национальные автономии, также не является исключением. Однако специфика имперской ситуации, региональные особенности, а также влияние глобальных политических трансформаций способствовали формированию более комплексной картины имперских преобразований в Сибири.

Процессы имперских трансформаций в российской истории непрерывно связаны с глобальным распространением современных дискурсов и практик (национализм, федерализм, регионализм, самоорганизация, социальная справедливость, забота о гражданах и т.д.), которые непосредственным образом повлияли на ход Первой мировой войны, революций, гражданских войн и процессов воображения постимперских политических порядков в пространстве бывшей Российской империи. Несмотря на активное мифотворчество советского руководства, имперский опыт и возможности многих политических акторов сыграли решающую роль в кристаллизации раннесоветской сферы интересов на местах. На примере формирования Якутской Автономной Советской Социалистической Республики (ЯАССР) в 1922 году⁴ в данном исследовании я рассмотрю горизонтальные транскультурные формы персонального взаимодействия между локальными, региональными и центральными акторами в контексте институализации *национального* и *советского* пространств в Сибири. Центральными вопросами исследования являются: 1) какова была роль якутской интеллигенции (национальной – первое поколение и большевистской – второе поколение) в формировании и институализации якутского *национального* пространства (ЯАССР)? 2) почему в контексте гражданских войн горизонтальные связи являлись определяющими в процессе создания национальных пространств РСФСР? 3) каковы были границы географии национальностей в раннесоветском контексте? Другими словами, как транскультурное взаимодействие повлияло на создание новых политических, национальных, социальных и культурных сфер в Якутии? Большую роль в организации горизонтальных связей играло само пространство Якутской области, жители которой пользовались преимуществом речной мобильности, а также тесными персональными связями в улусах и городах.

¹ Yuri Slezkine, “The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism.” *Slavic Review* 53, no. 2 (1994): 414-52; Terry Martin, *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939* (Ithaca: Cornell University Press, 2001), 2; Francine Hirsch, *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union* (Ithaca: Cornell University Press, 2005).

² Adeeb Khalid, *Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR* (Ithaca: Cornell University Press, 2015); Ivan Sablin, *Governing Post-Imperial Siberia and Mongolia, 1911–1924: Buddhism, Socialism and Nationalism in State and Autonomy Building* (London and New York: Routledge, 2016).

³ См. о политике управления имперским разнообразием, Jane Burbank and Frederick Cooper, *Empires in World History: Power and the Politics of Difference* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2010); Krishan Kumar, *Visions of Empire: How Five Imperial Regimes Shaped the World* (Princeton: Princeton University Press, 2017); Valerie A. Kivelson and Ronald Grigor Suny, *Russia's Empires* (New York, Oxford: Oxford University Press, 2017).

⁴ Подробнее о контексте и развитии политических проектов в Якутии см. Александр Коробейников, “Якутская автономия: постимперские политические проекты якутской интеллигенции, 1905–1922 гг.” *Ab Imperio* 18, no. 3 (2017): 77-118.

Хотя Якутская область и ее жители не играли определяющей роли в результатах революции (1905-1907), Первой мировой войны, революций 1917 года и Гражданской войны, тем не менее, они, по словам Уилларда Сандерленда и Дэвида Вольфа, были вовлечены в «зону огромной важности во время войны и революционных периодов, не в последнюю очередь потому, что этот регион был театром действий для Японии и Китая в этих важных событиях, и эти действия, в свою очередь, имели далеко идущие последствия»¹ во время формирования автономии в Якутии. Поэтому, на мой взгляд, целесообразно пролить свет на политический кризис Российской Империи, ее постимперскую трансформацию, формирование СССР с северо-восточной региональной точки зрения и рассмотреть роль местных субъектов в формировании структур управления в контексте (постимперского) управления многообразием.

Хотя (ненациональные) политические, международные и экономические аспекты имели решающее значение для реализации раннесоветского проекта, созданная ЯАССР номинально основывалась на национальной категории основной этнической группы (якуты). Кроме самих якутов, в состав ЯАССР входили и другие нерусские народы, которые были разделены на несколько групп по «эволюционным» и социальным принципам. Советские акторы использовали как уже существующие имперские категории, так и те, которые вообразались национальной интеллигенцией, а также новые, которые, в свою очередь, должны были совпадать с раннесоветскими макроидентификациями «революционеров», «пролетариев», «социалистов», «интернационалистов» и т. д.² Раннесоветские «социальные инженеры», таким образом, способствовали переопределению (над)национальных, этнических, гендерных, религиозных, региональных категорий, которые сформировали новое полиэтничное современное государство.

Формирование якутской интеллигенции

Сибирь в качестве гетерогенного, поликонфессионального и полиэтничного региона Российской империи³ сыграла важную роль во внутренней и внешней политической, социальной и экономической саморегуляции государства. За счет расширения железнодорожного сообщения в имперские окраины трансформировались материальные формы социальных взаимоотношений, расширялись пространственные и дискурсивные рамки, изменялось культурное восприятие империи.⁴ С ростом числа переселенцев и ссыльных из западных частей империи возникали проблемы с коренным населением Сибири. Переселенческая политика являлась частью проекта «вхождения» сибирских регионов в состав империи и их дальнейшей русификации.⁵ Направляемая из

¹ Willard Sunderland, David Wolff, "The Other Side of the Map: Russia's Great War and Revolution from a Northeast Asian Point of View," in *Russia's Great War and Revolution in the Far East: Re-imagining the Northeast Asian Theater, 1914-22*, eds. David Wolff, Shinji Yokote and Willard Sunderland (Bloomington: Slavica Publishers, 2018), 18.

² Ivan Sablin, *Governing Post-Imperial Siberia and Mongolia, 1911-1924: Buddhism, Socialism, and Nationalism in State and Autonomy Building*, 10.

³ Сергей Глебов, "Предисловие," в *Регион в истории империи: Исторические эссе о Сибири* (Москва: Новое издательство, 2013), 2-10.

⁴ Бенджамин Шенк, *Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог* (Москва: Новое литературное обозрение, 2016), 17-22; Анатолий Ремнев, "«Короткий» XIX век Сибири: сибирское время и пространство," в *Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия* (Москва: Новое литературное обозрение, 2013), 239-241.

⁵ Анатолий Ремнев, "Вдвинуть Россию в Сибирь: империя и русская колонизация второй половины XIX - начала XX века," в *Регион в истории империи: исторические эссе о Сибири*, 50; *Центральная Азия в составе Российской империи* (Москва: Новое литературное обозрение, 2008), 220.

центра крестьянская колонизация имела целью «заселение земель «крепким элементом» для поддержания постоянства и усиления колониальных процессов на окраинах империи».¹ Также более трех столетий Сибирь служила для Российской Империи «тюрьмой без стен».² Хотя система ссылки со временем менялась, в целом она воспринималась как практический способ перемещения и колонизации, основанный на праве на законное насилие и наказание. Одной из имплицитных целей наполнения Сибири ссыльными и крестьянами была «цивилизационная миссия», направленная на превращение как Сибирского пространства, так и «инородческих» пространств в сферу русского культурного влияния.³ Русские поселенцы рассматривались как важный инструмент продвижения Российской Империи на Восток. Однако, как утверждают Анатолий Ремнев и Наталья Суворова, ни в Средней Азии, ни в Сибири русские поселенцы (крестьяне, казаки, ссыльные) не выполняли миссию русской колонизации так, как это представляло российское правительство.⁴ Напротив, для выживания в Сибири ссыльные часто создавали транскультурные сети дружбы для социальной и физической поддержки. Она помогала пережить одиночество и социальную изоляцию, которые, несомненно, были самым страшным наказанием.⁵ Кроме того, наличие контактов в рамках этих сетей дало возможность культурного обмена, взаимодействия с коренным населением, а также получения местных новостей и информации из Европейской России.

Фактически, из-за системы ссылки Сибирь и ее регионы стали местом встречи представителей имперского многообразия. Во второй половине XIX века само понятие разнообразия охватило интеллектуальное воображение многих политических деятелей, а также, в частности, ученых-этнографов. Действительно, живя в империи различных регионов, подданные империи «говорили на разных языках, практиковали разные формы земледелия, имели разную внешность, готовили по-разному и поклонялись различным высшим силам».⁶ Сбор информации о населении, а затем ее использование на «практике» стало одной из траекторий управления Российской Империей. Изучение «инородцев» помогло империи лучше понять себя и определить воображаемые границы государства, объединив больше подданных для управления имперским многообразием.⁷ В то же время этнические и национальные категории описания человека вместе с дискурсом просвещения приобретали большое значение как в политике, так и в академических работах.⁸ Поздняя имперская Россия тем самым управлялась одновременно через национальные и колониальные принципы, что способствовало появлению новых форм (анти)колониальной этнографии – востоковедения. Особое

¹ Анатолий Ремнев, «Вдвинуть Россию в Сибирь: империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX века», 52-55.

² Sarah Badcock, *A Prison without Walls? Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism* (Oxford: Oxford University Press, 2016), 1. See also Daniel Beer, *The House of the Dead: Siberian Exile under the Tsars* (New York: Alfred A. Knopf, 2017).

³ Anatolii Remnev, «Siberia and the Russian Far East in the Imperial Geography of Power,» in *Russian Empire: Space, People, Power, 1700-1930*, eds. Mark Von Hagen, Anatolii V. Remnev, and Jane Burbank (Bloomington: Indiana University Press, 2008), 442.

⁴ Анатолий Ремнев и Наталия Суворова, «‘Русское дело’ на азиатских окраинах: ‘русскость’ под угрозой или ‘сомнительные культуртрегеры’,» в *Изобретение империи: язык и практики*, ред. Илья Герасимов, Сергей Глебов, Александр Семенов (Москва: Новое издательство, 2011), 154, 206.

⁵ Sarah Badcock, *A Prison without Walls? Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism*, 82.

⁶ Charles Steinwedel, «To Make a Difference: The Category of Ethnicity in Late Imperial Russian Politics, 1861-1917,» in *Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices*, 67.

⁷ Yuri Slezkine, *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North* (Ithaca: Cornell University Press, 1994), 84-87.

⁸ Vera Tolz, «European, National, and (Anti-)Imperial: The Formation of Academic Oriental Studies in Late Tsarist and Early Soviet Russia,» *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 9, no. 1 (2008): 55.

значение в связи с изучением коренного населения Сибири, Центральной Азии и Кавказа приобрела так называемая «новая школа востоковедения» барона Виктора Розена.

Факторы присутствия политических ссыльных, а также развитие этнографии сыграли ключевую роль в появлении в начале XX века двух поколений якутской интеллигенции. Действительно, вовлеченность части образованной прослойки якутского населения в сибирские центры регионального интеллектуального взаимодействия (создаваемые сибирскими областниками Н.М. Ядринцевым, Г.Н. Потаниным и другими), участие некоторых якутов в знаменитой Сибиряковской этнографической экспедиции, основу которой составляли политические ссыльные, обратившиеся к этнографии,¹ а также нахождение в Якутии многих ссыльных большевиков не могло не сказаться на внутрирегиональной социальной и политической трансформации области. К началу Первой русской революции в Якутской области началась консолидация инородческого населения на основе земельного вопроса. Помимо будущего лидера национальной интеллигенции В.В. Никифорова (1866-1928), в ряды молодых прогрессивных якутов входили С.А. Новгородов (1892-1924), Г.В. Ксенофонов (1888-1938) и другие. Транскультурное пространство Якутской области, влияние и поддержка этнографов, сибирских областников и политических ссыльных, а также глобальная циркуляция антиколониального дискурса, идей социальной справедливости, демократии, национализма и просвещения на окраинах Российской империи способствовали кристаллизации якутской национальной элиты. Круг политических, социальных и культурных вопросов, оставаясь без внимания со стороны имперской администрации, трансформировался к началу войны в антиколониальное и автономистское движение. Являясь следствием имперских проектов «долгого XIX века», якутская интеллигенция искала пути по преодолению социальной и экономической отсталости, используя механизмы общественной организации, направленные на решение проблем области. Второе поколение якутской интеллигенции появилось благодаря деятельности ссыльных большевиков (Орджоникидзе, Петровский, Ярославский и др.), организовавшие марксистский кружок, участниками которого стали будущие лидеры Якутской автономии, а именно М.К. Аммосов (1897-1938), П.А. Ойунский (1893-1939), И.Н. Барахов (1898-1938) и некоторые другие.

В межреволюционный период началась разработка языка самоописания якутской национальной интеллигенции, а также механизмов, воспроизводивших логику региональных акторов: через локальную самоидентификацию, концептуальный аппарат сибирского областничества, дискурсивное влияние самоуправления, автономизма и федерализации, формировалось направление постимперских проектов и политическое воображение якутских интеллектуалов. Перспективы якутского (национального) объединения, характерного для большинства общественных движений окраин империи, антиколониальная риторика и другие аспекты транслировались интеллигенцией через формирующуюся в области публичную сферу и посредством локальной самоорганизации.² Начавшаяся в 1914 году война определила новый этап в деятельности якутской интеллигенции – невозможность призыва в действующую армию, которая оценивалась как символическое исключение из состава империи населения Азиатской

¹ См. подробнее о Сибиряковской экспедиции, Sergey Glebov, "Siberian Ruptures: Dilemmas of Ethnography in an Imperial Situation," in *An Empire of Others Creating Ethnographic Knowledge in Imperial Russia and the USSR*, eds. Roland Cvetkovski, Alexis Hofmeister (Budapest and New York: CEU Press, 2014).

² Семен Новгородов, "Об образовании якутов", *Якутские вопросы*, 1916. 10 сентября.

России,¹ привела к реинтерпретации регионального пространства локальными акторами. Необходимость организации децентрализованной политики и самоуправления на местах была главным лозунгом якутской интеллигенции перед революцией, которая представлялась акторам в качестве способа воплощения проектов постимперского воображения.

Навстречу к постимперскому порядку? Якутская область и революционные преобразования

Революционные настроения центра быстро охватили окраины. Долгие ожидания изменений вылились в оживленные дискуссии и высказывания о потенциальном устройстве Российской республики и управлении имперским наследием. Как и во многих регионах бывшей Российской империи, 4 марта 1917 году в Якутской области был сформирован Якутский комитет общественной безопасности (ЯКОБ), в состав которого входили видные общественные и политические деятели региона, в том числе бывшие политические ссыльные из различных регионов Российской империи. Секретарем ЯКОБа был избран представитель РКП(б) М.К. Аммосов. Публикуя свою речь в печатном органе ЯКОБа, Новгородов подчеркивал, что с нетерпением ждет учреждения «государственного строя, основанного на самых широких демократических началах, вполне обеспечивающих самобытное процветание отдельных племен и национальностей, населяющих необъятную Россию».² Ксенофонов разработал программу демократизации общества,³ которая была одобрена участниками инородческого съезда, также было избрано временное якутское правительство, в состав которого, помимо представителей первого поколения якутской интеллигенции, вошли социалисты и лидеры местных отделений РКП(б), в частности, Ойунский. Учреждение земских органов самоуправления рассматривалось интеллигентами в качестве первого шага к формированию якутской автономии в составе широкой Сибирской автономии – эта идея вошла в программу политической партии «Якутского трудового союза федералистов». Дальнейшее развитие автономистских и федералистских интенций якутской интеллигенции привело к созданию на основе «Союза Свободы» политической партии «Якутский трудовой союз федералистов», формирование которого произошло 25 июня 1917 года на учредительной конференции.⁴ Программа партии, объединявшая идеи областничества, национального самоопределения и социального равенства, описывала потенциальное государственное устройство России в качестве парламентской республики, возглавляемой избираемым на установленный срок президентом. Представительство в парламент опиралось на равноправное выдвижение выбранного населением на основе прямого тайного и равного голосования депутата без различия пола, возраста, отдельно подчеркивалось национальное представительство.⁵

Провозглашая федеративный принцип Российской демократической республики, якутские интеллигалы объявляли областной тип территориального обособления по принципу «культурно-исторического, национального и экономического» существования,

¹ Франциска Дэвис, «Первая мировая война как испытание для империи: мусульмане на службе в царской армии», в *Большая война России: социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох* (Москва: Новое литературное обозрение, 2014), 54.

² Семен Новгородов, «10 марта в якутском сознании», *Вестник Исполнительного Комитета Общественной безопасности*, 1917. 12 марта. №1.

³ *Гавриил Васильевич Ксенофонов: фотографии и документы* (Якутск: Бичик, 2009), 41-42.

⁴ Созыв конференции произошел взамен второго съезда якутских и русских крестьян.

⁵ Альбина Дьячкова, *Г.В. Ксенофонов: ученый и общественно-политический деятель* (Якутск: Изд-во Якутского университета, 2000), 53.

которым предоставлялось право самостоятельного урегулирования и управления внутренними делами. Проблематизируя инородческий вопрос, якутские деятели решали проблему собственного положения в составе потенциального государства – через диалог на основе общесибирской думы предполагалось формирование региональных автономных органов в составе Сибирской автономии. В программе учитывался потенциал угнетенных племен и народностей приобрести национальные права на «полное культурное самоопределение, употребление родного языка в общественной жизни и публично-правовых учреждениях, открытие национальных школ, союзов, учреждений, имеющих целью сохранение и развитие родного языка, литературы, культуры и самобытности каждой народности».¹ Федералисты отмечали важность межнационального взаимодействия с угнетенными бывшей «окраинной политикой» национальными группами:² большое внимание уделялось вопросам пост-имперского устройства в бурят-монгольской среде.³ Взаимодействие с русским народом и развитие общественных институтов виделось якутской интеллигенции важнейшей задачей их политической деятельности в Якутской области, так как «спасение своего народа мы видим не в узконациональном обособлении, а в культурном воссоединении с великим, братским – русским народом, увлекающим нас к далеким идеалам человечества мощным порывом своей творческой мысли».⁴ Однако в контексте гражданской войны в Сибири контакты якутской интеллигенции первого и второго поколений прекратились – лидер якутских большевиков Аммосов выехал в Москву, в Якутской области было учреждено земство, ставшее фактической шагом к реализации якутской автономии.

После октябрьских событий в Петрограде большевики столкнулись с проблемой создания новых форм государственной власти в региональном измерении. Желание большевиков организовать советский порядок на бывших имперских окраинах и неопределенность в его осуществлении создали возможности для локальных акторов присоединиться к новым органам власти.⁵ Находящийся в Москве Аммосов имел персональные контакты с Наркомом по делам национальностей И.В. Сталиным, который в 1918 году провозгласил «необходимость “взять” (у национальной интеллигенции) автономию, предварительно очистив ее от буржуазной скверны, <...> превратить в советскую».⁶ Заручившись поддержкой наркома, Аммосов получил в распоряжение военные ресурсы для мобилизации сил большевиков, которые оказались сильнее возможностей федералистов. Разработанная система осведомителей и разведка на местах позволила большевикам без сопротивления установить власть советов в Якутии

¹ Программа «Якутского трудового союза федералистов». Цит. по: Альбина Дьячкова, *Г.В. Ксенофонов: ученый и общественно-политический деятель*, 55.

² Интеллектуалы обращали внимание на решение интересующих их вопросов, частности судебного дела: «Буряты и казах-киргизы добились права введения аймачного, хошунного и волостного национальных судов, при чем судоговорение и судопроизводство предполагается вести на местном языке. В предвидении этого важного акта нам необходимо исподволь подготавливать к печати переводы на якутский язык разных новых циркуляров, законов и старых положений об устройстве жизни "инородцев": тогда не так труден будет для нас переход на жизнь, построенную на новых юридических началах». См. Семен Новгородов, «Якутская грамота и язык в качестве необязательных предметов в программе высших училищ Якутской области», Новгородов С.А. *Первые шаги якутской письменности: статьи и письма* (Москва: Наука, 1977), 56.

³ См. подробнее о бурятском проекте, Ivan Sablin, *Governing Post-Imperial Siberia and Mongolia, 1911–1924: Buddhism, Socialism, and Nationalism in State and Autonomy Building*, 67-78.

⁴ *Якутский голос*, 1917. 7 ноября. №1, 1-2.

⁵ Adeeb Khalid, *Making Uzbekistan*, 112.

⁶ Ставя цель установления власти советов на всей территории бывшей Российской империи, Сталин отмечал сложности в ее имплементации на востоке ввиду сильной поддержки интеллигенции местными жителями. Иосиф Сталин, «Одна из очередных задач», *Правда* № 67, 1918. 9 апреля.

зимой 1919 года. После возвращения в пределы Якутской области лидеры якутских большевиков вовлеклись в процесс государственного строительства в пределах РСФСР, участвуя в дискуссиях, в том числе с национальной интеллигенцией, значительная часть которой прекратила политическую деятельность.

10 марта 1920 года на совещании в Иркутске впервые прозвучала идея учреждения национальной и культурно-национальной автономии в Якутской области в составе РСФСР. Высказал предложение представитель якутской национальной интеллигенции Ксенофонтов, однако неякутские большевики А.Д. Метельшин и Н.С. Ершов доказывали преждевременность вывода об автономии или губернском статусе, склоняясь к присоединению Якутской области к Иркутской губернии. Ознакомившись с основными работами лидеров большевиков по национальному вопросу, Аммосов требовал исполнения центрального тезиса о праве нации на самоопределение, организации (якутской) национальной жизни и формирования потенциальной автономии внутри советского государства.¹ В данном случае большую роль во влиянии на Аммосова сыграли персональные контакты с национальной интеллигенцией и их проекты самоуправления,² что, в свою очередь, дискурсивно связывало якутский проект с опытом транскультурного взаимодействия в Сибири и Якутии, а также с дискуссиями о важности локального воображения в проекте советского государственного строительства на местах.³

Недостаток партийных деятелей и специализированных кадров мотивировали Аммосова составить обращение в иркутский партийный комитет с ходатайством о возврате якутских интеллектуалов, сосланных в Иркутск, для выполнения «якутянами громадных задач Советской власти в Якутской области».⁴ Возврат Аммосовым «якутян» указывал на интенции национального строительства в Якутской области, в этой связи решение упразднить статус Якутской области и присоединить ее к Иркутску, последовавшее в апреле 1920 года по итогам совещания Сибревкома, привело в негодование массы якутского населения. Согласно Е.Е. Алексееву, упразднение области стало результатом нежелания Сибревкома поддерживать фактически самоуправляющийся в 1918-1919 гг. регион ввиду опасности мятежа и неприятия советской власти.⁵ 1 мая Аммосов составил записку в Сибревком «о предоставлении Якутии губернской самостоятельности», в которой оправдывал малочисленность кадров нормальностью для всех областей в данный момент.⁶ Указывая на борьбу за земское самоуправление национальной интеллигенции в 1912-1916 гг., он упомянул, что «в административном отношении Якутская область давно обособилась в своих органах самоуправления».⁷ Тем самым якутский партийный деятель не только признавал легитимным деятельность якутской национальной интеллигенции и имперских акторов, поддерживавших интеллигентов, но объявлял о продолжении курса на автономизацию, начатую интеллектуалами первого поколения.

¹ Максим Аммосов: публикации, воспоминания, документы, фотографии (Якутск: Бичик, 2012), 133-135.

² До 1920 г. Аммосов не занимался разработкой планов якутской автономии.

³ Adeeb Khalid, *Making Uzbekistan*, 116-118.

⁴ «Обращение М.К. Аммосова в Иркутский партийный комитет с ходатайством об отзыве в г. Якутск якутян, работающих в иркутской губернии», в *Максим Аммосов: публикации, воспоминания, документы, фотографии*, 149.

⁵ Егор Алексеев, *Национальный вопрос в Якутии: (1917—1972 гг.)* (Якутск: Бичик, 2007), 91.

⁶ Максим Аммосов, «В Якутской области (1 апреля 1921 г.)», в *Аммосов М.К. С помощь. Русских рабочих и крестьян (Статьи, речи, воспоминания, письма). К 90-летию со дня рождения М.К. Аммосова. 2-ое измененное и дополненное издание* (Якутск: Якутское книжное издательство, 1987), 39-40.

⁷ «Докладная записка М.К. Аммосова Сибирскому революционному комитету о предоставлении Якутии губернскую самостоятельность», в *Аммосов М.К. С помощь. Русских рабочих и крестьян*, 26.

С начала 1921 года идея об автономии укрепилась в среде лидеров якутских большевиков. Аммосов призывал внимательнее относиться к развитию в массах мысли о якутской автономии.¹ В апреле Ойунский представил доклад в Сиббюро и Сибнац, заявляя «о немедленном предоставлении Якутской губернии прав Якутской Автономной Социалистической Советской Республики»,² что повлекло за собой ряд критических замечаний от неякутских представителей съезда, ратовавших за отказ в предоставлении самостоятельности ввиду слабого культурного и экономического развития губернии, а также возможности захвата территории Японией и Америкой. Ойунский аргументировал свою позицию необходимостью укрепления границ территории от внешних захватчиков и белогвардейской активности, которая захватывала все большие районы ввиду «молчания и затягивания решения национального вопроса»³ советской властью. Окончательного решения принято не было, так как, по мнению членов-заседателей С.Е. Чуцкаева и В.Н. Яковлевой, отказ от права на культурную автономию противоречил советской политике в национальном вопросе, что могло привести к росту недовольства новой политикой на местах. Однако все соглашались с мнением якутского деятеля о недостатке организационных и партийных кадров.

Осенью Аммосов начал агитацию проекта автономии Якутии, рассказывал о преимуществах культурного, экономического и национального развития Якутии в составе РСФСР, доказывал, что «власть в Якутской губернии будет всецело сосредоточена в руках бедноты и хамначитов и будет иметь своим основанием сотрудничество с братским русским пролетариатом».⁴ Призывал распространять автономистские идеи по всей Якутии для подготовки трудящихся масс.⁵ Результатом агитационной работы стало проникновение идей автономии «в советском смысле» в широкие слои населения.⁶ Аммосов был удовлетворен «сплоченной работой якутской интеллигенции», которая постепенно переходила на сторону советского строительства.⁷

Организация якутских кадров на местах, настойчивое требование автономии и личная поддержка Сталина, а также «использование амнистированных представителей якутской интеллигенции» во властных структурах якутского края привели к так называемому мартовскому перевороту 1922 года, характеризовавшемуся полной передачей власти якутским партийным лидерам вместо управлявших ранее русских интернационалистов.⁸ В апреле 1922 года требования и усилия якутских акторов привели к созданию декларации об образовании ЯАССР в составе РСФСР.⁹ Провозглашение автономии, по мнению Аммосова, решало основной вопрос якутов – свободное

¹ Максим Аммосов: публикации, воспоминания, документы, фотографии (Якутск: Бичик, 2012), 179.

² «Из доклада делегата сибирского совещания представителей туземцев П.А. Слепцова-Ойунского в сибирское бюро ЦК РКП(б) и Сибнац о якутской автономии (13 апреля 1921 г.),» в *Образование Якутской АССР (1917-1923 гг.): Сб. док. и мат.* (Якутск: Якутское книжное издательство, 1982), 55.

³ Там же, 56.

⁴ Максим Аммосов, «Красная Якутия (7 ноября 1921 г.),» в *Аммосов М.К. С помощью русских рабочих и крестьян*, 43.

⁵ «Протокол первого заседания губернского съезда представителей уездных и волостных ревкомов Якутской губернии (3 октября 1921 г.),» в *Образование Якутской АССР (1917-1923 гг.): Сб. док. и мат.*, 52.

⁶ «Письмо П.К. Аммосова председателю Сибревкома И.Н. Смирнову по поводу телеграммы Б.З. Шумяцкого о фактах репрессий среди мирного населения якутской области,» в *Максим Аммосов: публикации, воспоминания, документы, фотографии*, 150.

⁷ Максим Аммосов, «В автономной Якутии (Письмо из Якутска),» в *Аммосов М.К. С помощью русских рабочих и крестьян*, 47.

⁸ Алексей Сушко, *Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны* (Москва: URSS, 2014), 339.

⁹ «Об автономной якутской социалистической советской республике (27 апреля 1922 г.),» в *Конституции и конституционные акты РСФСР (1918-1937): сборник документов* (Москва, 1940), 128-129.

национальное развитие «после изнурительных лет гнета русского царизма».¹ Отмечалась важная роль национальной интеллигенции в строительстве автономной Якутии,² которая была способна убедить народные массы и применить общественные методы для работы с ней.

Подводя итоги результатов учреждения автономии, якутские партийные деятели указывали, что для национального возрождения якутов был необходим рост осведомленности населения о советской национальной политике, который был возможен только с учетом функционирования автономии.³ Осуществление автономии, по мнению М.К. Аммосова, являлось следствием борьбы с архаичным устройством социальных, культурных и хозяйственных практик, основанных на невежестве и угнетении; участие национальной интеллигенции и ее опыт сделали возможным улучшить бытовые, хозяйственные и национальные особенности якутов в автономной форме.⁴ Поддержка якутскими массами национальной интеллигенции, автономистский (самоуправления) дискурс, циркулировавший вплоть до 1919 года, вынуждали якутских партийных деятелей взаимодействовать с интеллектуалами для достижения общей цели – национальной автономии. По признанию И.Н. Барахова, «национальное движение, главным образом, среди интеллигенции, имеющей большое влияние на массы якутов, начало принимать слишком большие размеры, мы начали поднимать вопрос перед центром о том, чтобы и Якутии дали национальную автономию».⁵ Опасения массовых недовольств советской политикой в области убедили якутов-большевиков пригласить национальную интеллигенцию для работы, что привело к увеличению числа симпатизирующих советской властной политике в улусах и городах якутской автономии.

Вопрос об автономии, инициированный национальной интеллигенцией в 1920 году, способствовал развитию проекта ЯАССР среди якутской партийной элиты. Взаимодействие и личные связи национальной и советской интеллигенции привели к рождению якутской автономии. Включение в советский проект нациестроительства и недостаток кадров на местах позволили якутским партийным деятелям официально привлечь к работе высланных за пределы области/губернии/автономии интеллектуалов, которые сыграли непосредственную роль как в проекте ЯАССР, так и в строительстве новых институций в Якутии в раннесоветский период.

Заключение

Якутское движение представляло собой синтез имперских и глобальных идей и трендов, совмещенных с локальными нуждами местного населения. Идеи и проекты национальной интеллигенции были разработаны с учетом проблем местного населения в момент общеимперской регионализации в межреволюционный период. Идея о самоуправляемости Якутской области до прихода власти советов была использована якутскими партийными деятелями в качестве одного из аргументов в пользу права автономии. Личная инициатива якутских большевиков в контексте революционных событий позволила привлечь к активной работе национальную интеллигенцию.

¹ Максим Аммосов, «Тезисы о строительстве автономии Якутии и обороне ее от нападения хищников восточного империализма», в Аммосов М.К. *С помощью. Русских рабочих и крестьян*, 48.

² Там же, 50.

³ Максим Аммосов, «К созыву областной партийной конференции», в Аммосов М.К. *С помощью. Русских рабочих и крестьян*, 69.

⁴ Максим Аммосов, «Национальная политика РКП», в Аммосов М.К. *С помощью. Русских рабочих и крестьян*, 72.

⁵ *Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9-12 июня 1923 г. Стенографический отчет (том 1923)* (Москва: Инсан, 1992), 206.

Своеобразие имперской ситуации в ходе революции и гражданской войны определяло способ действий большевистских акторов на местах: возможность легитимной отсылки якутских партийных деятелей к опыту национальной интеллигенции свидетельствовала не только о невозможности контролировать дальние участки советской республики, но и о возможном прагматическом характере большевистского центра, дававшего больше пространства для региональной деятельности в раннесоветский период. Локальная инициатива в момент формирования советского государственного политического проекта сыграла решающую роль в предоставлении права якутам на автономию.

Локальная инициатива в момент формирования государственного политического проекта сыграла решающую роль в предоставлении права якутам на автономию. В данном случае перспективным видится сравнение политических, культурных, экономических проектов народов, населявших сибирское пространство в 1905-1925 годов, для рассмотрения механизмов постимперского воображения в инородческой среде, роли локальных акторов в формировании национально-территориального пространства в контексте революционных преобразований и требования прав автономии в рамках советского государственного проекта. Существующий в историографии линейный переход от Российской империи к СССР в каждом конкретном случае зависел от локального воображения элит, участвовавших в проекте преобразования регионов.

На «окраине» бывшей Империи: революционные события, формирование и эволюция органов власти и Гражданская война на Памире (по архивным материалам)

На Памире о победе Февральской революции стало известно 21 марта, а 3 апреля 1917 г. начальник Памирского отряда полковник И.Д. Ягелло¹ сообщил об этом в своем обращении к жителям Памира². Примечательно, что последний, сразу же безоговорочно признал Февральскую революцию и, прежде всего, заботясь о подведомственном ему памирском населении уже в середине апреля отправил телеграмму в Петроград военному министру. Текст ее полон грамматических ошибок и неясностей. Вместе с Ягелло ее подписали еще несколько человек. В телеграмме, в частности, запрашивалось отношение «нового правительства свободной России [к] пережитку политики захвата старого правительства (т.е. территории Памира – *О.М.*)... [и] обращаем ваше внимание [на] Памирский отряд [а] также население его района. Требуется безотлагательно[го] выяснения основной вопрос признается ли население в районе отряда гражданами свободной России». Учитывая, что в военном министерстве могут возникнуть вопросы по ситуации на Памире и, стремясь привлечь для этого человека разделяющего точку их зрения на предмет, отправителями телеграммы рекомендовался этнограф Иван Иванович Зарубин³, о котором указывалось, что он изучил Памир и несколько лет состоял секретарем отряда по административным делам и в то время находится в отпуску в г. Верей Московской губернии⁴.

После получения этой телеграммы в военном министерстве был поднят вопрос о «разделении военной и гражданской власти на Памирах». На Докладе по главному управлению Генерального штаба от 24 апреля 1917 г. за № 35021, начальником Генерального штаба генерал-лейтенантом П.И. Аверьяновым была наложена такая резолюция: «Помощнику Военного Министра, Генералу Новицкому. Полагал бы разрешить возникший вопрос путем сношений Министра Военного с Министром Внутренних дел для чего заготовить проект вполне исчерпывающего данный вопрос письма на имя Министра Внутр[енних] Дел. Испрашиваю указаний». Но, генерал-лейтенант В.Ф. Новицкий наложил резолюцию, в том смысле что возбуждение этого вопроса в настоящее время является несвоевременным⁵.

9 мая 1917 г. были получены две записки, датируемые 10 апреля 1917 г., в дополнение к вышеупомянутой телеграмме из Памирского отряда. Первая записка, за подписями младшего офицера Памирского отряда прапорщика Хорева, врача отряда Петрова, учителя хорогской русско-туземной школы Буркалова и жен первых двух – Ольги Хоревой и Анны Соколовой. Эта Записка выглядит довольно странно для документа направляемого на

¹ О деятельности И.Д. Ягелло в качестве начальника Памирского отряда см.: Махмудов О.А. И. Д. Ягелло на Памире: малоизвестные страницы деятельности Начальника Памирского отряда (по архивным материалам) // O'zbekiston tarixi. 2015. № 3. С. 64-71.

² РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2168. Л. 260-261об.

³ Зарубин И.И. (1887-1964) – учёный-иранист, доктор филологических наук, профессор, основоположник советского научного таджиковедения и памироведения. О его деятельности на Памире см.: Юсупов Ш.И. И. Зарубин на Памире // Памироведение. Вып. 2. Душанбе, 1985. С. 34-49. Следует отметить что И.И. Зарубин побывал первый раз на Памире в 1914 г., а затем, начиная с середины 1915 г. с небольшими перерывами находился на Памире в составе научной экспедиции. Позже пребывал в должности секретаря Памирского отряда по административным делам и соответственно действительно очень хорошо был знаком с местной ситуацией и жизнью населения Памира.

⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3676. Л. 39-40.

⁵ Там же. Л. 42.

рассмотрения военного министра, хотя, все же весьма характерна для того времени. Она полна эмоций, революционного романтизма, максималистских взглядов и высказываний. По мнению одного из высших чинов военного министерства содержание Записки «свидетельствует о недостаточном знакомстве его авторов с историей стран, также с бытом и религией населения и с положением Памирского Края между Афганистаном, Бухарой и Китаем, и может быть объяснен лишь отвлеченным догматизмом авторов»¹. Значительная часть этого документа представляет из себя попытку опровержения работы бывшего начальника Памирского отряда (1908-1910 гг.) А.В. Муханова «Памирский район. Военно-статистическое описание» вышедшее в 1912 г.² и считавшееся самой новейшей работой такого рода.

Авторы Записки, рассматривая работу А.В. Муханова, в значительной мере необоснованно обвиняли автора в «глумлении» над жителями Памира и т.д. Вообще, текст этой записки напоминает некую, если можно так сказать, анти«ориенталистскую» работу, правда весьма вульгарного и популистского характера. Основная суть этой Записки заключалась в обвинении свергнутого российского режима в незаконном «захвате» территории западнопамирских владений Россией, требовании возвращения этих территорий Бухарскому эмирату, и отозвании Памирского отряда, который они считают «никому не нужным» и названный ими «страшным злом свергнутого режима». Памирский отряд, по мнению авторов записки, не имеет, никакого военного и стратегического значения, а только лишь обременяет местное население поборами, для охраны же местного населения предлагалось создать милицию из местного населения³.

В отличие от авторов первой Записки начальник Памирского отряда И.Д. Ягелло в «Особом мнении Начальника Памирского отряда Полковника Ягелло» придерживается совсем другого мнения. Соглашаясь, больше правда формально, «с общим характером записки» Хорева, Петрова и Буркалова, начальник отряда возражает против большинства положений и предложений изложенных в ней. Так И.Д. Ягелло категорически против «считать захватом занятие провинций Западных Памиров». Он справедливо указывает, что российскими властями официально всегда признавалось принадлежность этих территорий Бухаре, и они были включены в систему российского управления «по просьбе самого населения». Далее И.Д. Ягелло указывает что «необходимо теперь же спешно выяснить вопрос: должны ли эти земли почитаться бухарскими и вернуться к Бухаре, или, наоборот, должны окончательно присоединиться к России и полностью подчиниться новому ее режиму. Об этом лучше, конечно, спросить самих таджиков». Также, И.Д. Ягелло категорически не согласен с утверждением Записки что «отряд ложится неимоверно тяжелым бременем на население», далее, он утверждает, что это не так и даже наоборот поставка продуктов отряду выгодна местному населению. Затем указывается, что если даже Памирский отряд и является для местных жителей «некоторым бременем, то, ведь, он, по их же приглашению пришел и охраняет их жизнь и имущество, а также честь их жен и дочерей от прежних дерзких и безжалостных посягательств афганского, да и бухарского населения». Кроме того И.Д. Ягелло акцентируется на помощи, оказываемой Отрядом населению в голодные годы, и ни видит никакого «глумления» над памирцами и т.д. В целом, он выступает за сохранение пребывания российского отряда на Памире⁴.

В основном позиция Начальника Памирского отряда И.Д. Ягелло была поддержана и И.И. Зарубиным. В записке от 10 мая 1917 г. он, в целом соглашаясь с мнением Петрова и Буркалова что повинности весьма тяжелы для местного населения Памира, в то же время

¹ Там же. Л. 59об.

² Муханов А.В. Памирский район. Т., 1912.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3676. Л. 44-48.

⁴ Там же. Л. 49-49об.

пишет что, «несмотря, однако, на все несовершенства русского управления и прямые злоупотребления, население все-таки чрезвычайно лояльно и до известной степени довольно русской властью: она дала ему то, чего у него никогда не было и нет еще сейчас у его единоверцев и единоплеменников в Бухаре и Афганистане – личную безопасность и веротерпимость». Далее И.И. Зарубиным отмечаются положительное влияние российского управления на экономическое благосостояние населения, и его демографический рост, а также повышение культурного уровня. Он указывает, что российским властям следует «устранить все несовершенства управления и злоупотребления и увеличить культурную и цивилизаторскую роль русской государственности, дав населению основные начала правового порядка». Для этого, по мнению И.И. Зарубина, следует отделить гражданское управление от военного. Вопрос же будущей административной принадлежности и в каком виде она будет осуществлена Иван Иванович оставляет будущему Учредительному собранию¹.

Против ухода Памирского отряда выступило и местное население. Так 24 апреля жители Шугнанской волости написали письмо в Туркестанский комитет Временного правительства в котором просило «не уводить отряд..., иначе сильно опасаемся возможности возникновения крупных беспорядков на Памирских границах»². Это требование было поддержано Общепамирским комитетом Временного правительства и постовыми комитетами.

О принятом решении, по новому порядку управления Памирским районом было сообщено отношением главного управления Генерального штаба командующему войсками Туркестанского военного округа от 6 июня 1917 г. В нем указывалось, после согласования с министерством внутренних дел³, было принято решение об отделении гражданского управления от военного на Памире. Судебная власть передавалась судебным властям. У начальника Памирского отряда должна была остаться только военная власть в отношении его отряда, административные же функции временно передавались в ведение районного комиссара, «хорошо знакомого со страной и бытом населения». На эту должность военное министерство предложило И.И. Зарубина⁴. Последний для исполнения этой должности выехал на Памир из Петрограда 25 мая 1917 г.⁵.

Пока в Петрограде решался вопрос о преобразовании управления на Памире и об изъятии гражданского управления от начальника Памирского отряда, здесь после упомянутого выше обращения И.Д. Ягелло от 3 апреля, в котором он призвал к созданию общественных комитетов, происходило полустихийное возникновение новых органов власти и изменение ее структуры.

Во второй половине апреля был образован упомянутый выше Общепамирский комитет Временного правительства. Председателем Комитета стал военный зауряд-чиновник Т.Н. Белов⁶, членами – представители местного населения Хайдар-Шо Муборакшоев, Сайид-Джалолов и др.

С мая 1917 г. на Памире стали образовываться волостные исполкомы Временного правительства.

¹ Там же. Л. 50-52об. Также см.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4616. Л. 91-93; Бухерт В.Г. «Настоятельнейшие нужды Памирского района». Записка И. И. Зарубина // Восточный архив. 2011. № 2 (24). С. 30-32.

² Цитируется по: История таджикского народа [макет]. М.-Сталинабад, 1960. Т. III. С. 17.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3676. Л. 59-61, 64-67, 69.

⁴ Там же. Л. 70-72. Тоже см.: РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2168. Л. 325-326.

⁵ Там же. Л. 63. Любопытно, что И.И. Зарубин, видимо, оптимистично надеялся что сможет, пребывая в должности комиссара, продолжить научные исследования на Памире. Для этого, он 1 июля 1917 г. отправил в Русский комитет по изучению Средней и Восточной Азии телеграмму с просьбой о дополнительном финансировании на продолжение исследований на Памире (СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 96. Л. 3).

⁶ Харюков Л.Н. Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. М., 1995. С. 114.

Как известно, с 1905 г., когда на Западном Памире (де-юре принадлежащем Бухаре) было установлено управление России, имперское правительство сохраняло должность шугнанского бека только в целях дипломатической маскировки¹. В апреле 1917 г. умер представитель бухарского эмира, и. о. шугнанского бека Мирза Касир Мирахур. Этот бухарский чиновник на Памире никакой власти не имел.

Попытавшись официально произвести полное отделение Западного Памира от Бухарского эмирата, который юридически продолжал оставаться в составе последнего, 8 мая 1917 г. Шугнанский волисполком принял постановление о переходе Западного Памира к самоуправлению. В постановлении, в частности, говорилось: «Ввиду смерти шугнанского бека Мирза Кассира Мирахура, представителей от бухарского правительства за ненадобностью вследствие перехода на самоуправление больше не назначать»². Игнорируя это решение волисполкома, бухарский эмир назначил на Памир нового и.о. бека в лице состоящего при Гиссарском беке чиновника Шо-Гадо Токсоба³. Но когда тот отправился к месту своего назначения, то из пограничного с Рушаном кишлака Вознауда он не был пропущен на Памир Рушанским волисполкомом⁴, что Российский политический резидент в Бухаре назвал «необоснованным»⁵.

Для решения вопроса «преобразования управления Памирским районом» 16 июня 1917 г. прошло Краевое совещание при Туркестанском комитете Временного Правительства. На нем было постановлено образовать особую комиссию под председательством подполковника Н.М. Бабушкина. Кроме того, в состав ее вошли начальник Памирского отряда подполковник В.В. Фенин, старший офицер Отряда капитан Л. Юнг, и «предназначенный к назначению комиссаром Памирского района» И.И. Зарубин⁶, а также представитель от Краевого Совета солдатских и рабочих депутатов М.Б. Гроссман⁷. Комиссия разработала «Временное положение об управлении Памирским районом»⁸, утвержденное Совещанием при Туркестанском Комитете 26 июня 1917 г.⁹. Согласно этого Временного положения, за начальником Памирского отряда сохранялось только командование Отрядом. Гражданское управление районом осуществлялось Памирским районным комиссариатом, состоявшим из районного комиссара и двух его помощников. Причем, в примечании к этому пункту отмечалось, что эти должностные лица должны владеть местными языками, а один из них, желательно, должен быть местным уроженцем, но владеющим обязательно русским языком. При комиссаре должна была состоять канцелярия с одним русским и двумя местными писарями. Местом пребывания комиссара, согласно Временному положению

¹ См.: ЦГА РУз. Ф. Р-2464. Оп. 1. Д. 3. Л. 286-290.

² ЦГА РУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 10069. Л. 28.

³ ЦГА РУз. Ф. Р-2464. Оп. 1. Д. 3. Л. 319.

⁴ Ниалло А. По горным тропам. Памирские путевые заметки. М.-Т., 1933. С. 133.

⁵ ЦГА РУз. Ф. Р-2464. Оп. 1. Д. 3. Л. 318-321

⁶ Так как не было средств на обеспечение жалованьем должность комиссара Памирского района, то было принято решение временно назначить И.И. Зарубина на должность чиновника особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе с окладом 2000 руб. в год и суточно-порционные деньги по 5 руб. в сутки (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3676. Л. 84-84об; Там же. Д. 3678. Л. 37-37об). О назначении его на эту должность состоялся приказ по Туркестанскому краю за № 144, от 28 июня 1917 г. (Там же. Л. 33).

⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3676. Л. 84.

⁸ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 6. Д. 519. Л. 255-256.

⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3678. Л. 32-32об. Интересно что проект этого Временного положения состоял из 42 пунктов и затрагивал в подробностях очень многие и различные стороны жизни и деятельности как властей так и местного населения. Но в итоге был принят очень сокращенный вариант (см.: ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 6. Д. 519. Л. 270-273) состоящий всего лишь из 17 пунктов. И если первые семь пунктов остались без изменений, то остальные полностью отличаются от первоначального варианта, а большинство вообще не вошли в окончательную редакцию, например, и утверждение что «избирательным правом пользуется каждый без различия пола, религии, национальности».

должен быть Хорог, для чего в его распоряжение передавались часть помещений Памирского отряда.

В положении также отмечалось что «в ведение комиссара переходят базары и базарные площади со всеми постройками на постах, бывшая крепость в Кала-и-Вамаре с садом и прилегающими землями и вообще все казенные земли района за исключением чисто отрядных».

В документе отмечалось что «права и обязанности районного комиссара соответствуют, в общем, правам и обязанностям уездных комиссаров с изменениями, вызываемыми местными условиями». Комиссару предписывалось организовать пере выборы «туземной» администрации и организация повсеместно «народных комитетов». При этом подчеркивалось, что «общие основания организации туземных комитетов и вообще народного управления вырабатываются комиссаром в соответствии с пожеланиями населения и представляются на утверждение в Туркестанский Комитет»¹.

Что касается судебных дел, то во Временном положении отмечалось что «судебные дела разрешаются исключительно судебными властями».

В случае если нужно было разрешить вопрос о «высылке вредных и опасных для общественного спокойствия лиц», то он должен был разрешаться специальной комиссией. Она должна была состоять из комиссара, начальника Памирского отряда, одного представителя от солдатской организации и двух представителей от народного комитета с соблюдением этнического паритета, т.е. одного киргиза и одного таджика.

При этом комиссару предоставлялись полномочия, для решения различных «мелких» дел, не имеющих политического характера, вступая для этого в сношения с «властями пограничных иностранных государств»².

Часть положений Временного положения разъяснены и развернуты в «Объяснительной записке к Временному положения об управлении Памирским районом»³.

В документе указывалось, что из-за тяжелого финансового положения не возможно «производить каких бы то ни было коренных преобразований впредь до определения основных начал государственного устройства России и... ее окраинной политики»⁴. Здесь же высказывалось осуждение сосредоточения всей полноты власти (военной, гражданской, судебной) в руках Начальника Памирского отряда⁵. Функции гражданского управления отныне передавались в руки комиссара. Первейшей обязанностью комиссара и комиссии признавалось «организация населения и подъем его культурно-экономического уровня»⁶.

Сам И.И. Зарубин указывал на большие трудности и проблемы, существующие на Памире и поэтому в своем донесении в Совет при бывшем Туркестанском генерал-губернаторе от 30 июня 1917 з. за № 1 он доносил что «вновь назначенному Комиссару также необходимо, если только он хочет удовлетворить своему назначению, проводить большую часть своего времени в разъездах в особенности на первых порах своей деятельности когда старый порядок управления перестраивается на новых основаниях»⁷.

Была утверждена и «Годовая смета расходов по учреждению памирского районного комиссариата». Согласно смете на содержание районного комиссара выделялось 5775 руб.; на первого помощника районного комиссара 3303 руб.; второго помощника районного комиссара 2640 руб. Все эти суммы включали в себя как жалованье, так и столовые,

¹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 6. Д. 519. Л. 255-255об.

² Там же. Л. 256.

³ Там же. Л. 258-260об. Также см.: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3678. Л. 45-47.

⁴ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 6. Д. 519. Л. 258.

⁵ Там же. Л. 258об.

⁶ Там же. Л. 259об.

⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3678. Л. 34об.

разъездные и добавочные деньги¹.

Согласно отношению начальника Генерального штаба, командующему войсками Туркестанского военного округа от 6 июня 1917 г. за № 35033, в Памирский район «в настоящее время необходимо назначить районного комиссара, хорошо знакомого со страной и бытом населения. Таким лицом Военным Министерством избран этнограф Иван Иванович Зарубин, в течение 3-х лет изучавший, по поручению Академии Наук, язык и быт Памирских племен и о назначении коего ходатайствует русская администрация и колония на Памирах»². В журнале Совещания по делам края от 26 июня 1917 г. за № 14 об этом было сказано следующее: «Совещание нашло целесообразным предложение Туркестанского комитета назначить Зарубина на вакантную должность Младшего Чиновника для поручений при Туркестанском Комитете, с откомандированием его к исполнению должности Памирского Комиссара»³. И. И. Зарубин 26 июня 1917 г. был утвержден Совещанием при Туркестанском Комитете⁴ первым гражданским комиссаром Памирского района и председателем районного комитета.

В этот же период возник и Общепамирский комитет солдат, председателем которого был рядовой Памирского отряда П. Воловик, и постовые комитеты солдат⁵.

С 23 июля 1917 г. начальником Памирского отряда вместо полковника И.Д. Ягелло, не раз просивший о смене⁶, был официально назначен подполковник В.В. Фенин⁷, хотя, первый, еще, по крайней мере, до середины августа продолжал оставаться на Памире.

Ситуация на Западном Памире в это время была очень сложной и противоречивой. Существовали различные партии и мнения о дальнейшей судьбе западнопамирских владений. На 25 июля, как сообщал в своем донесении от 11 августа 1917 г. И.Д. Ягелло Председателю Туркестанского комитета Временного Правительства, был назначен «всепамирский съезд комитетских представителей» на котором должен был быть избран Комиссар Памирского района. Ранее, на эту должность был избран И.Д. Ягелло, но он отказался. Сославшись на отъезд с Памира. После того как И.Д. Ягелло узнал о назначении И.И. Зарубина на должность Комиссара Временного правительства и о скором его прибытии в Хорог он предложил дожидаться приезда последнего. Но съезд продолжал настаивать и И.Д. Ягелло был вынужден согласиться. На съезде депутаты выразили мнение «о непризнании комиссара Зарубина», и предложили, не смотря на возражения И.Д. Ягелло, сделать комиссаром Т.Н. Белова. После прибытия И.И. Зарубина во второй половине того же дня, И.И. Ягелло сообщил съезду о том что Временным правительством назначен И.И. Зарубин, после чего «туземцы признали Зарубина»⁸. Такова версия произошедшего И.Д. Ягелло.

Несколько по другому события излагаются В.В. Фениным. Кроме того, как сообщал В.В. Фенин в письме Начальнику Штаба Туркестанского военного округа В.М. Макковееву. В.В. Фенин утверждал, что о приезде начальника отряда и И.И. Зарубина утром 25 июля 1917 г. было известно в Хороге заранее. Но, несмотря на это, полковник И.Д. Ягелло не стал откладывать на полдня заседания Совета сельских депутатов от Западного Памира. А утром 25 июля за несколько часов до приезда В.В. Фенина и И.И. Зарубина, И.Д. Ягелло, объявил населению, что оно вольно само себе избрать комиссара по своему усмотрению. На

¹ Там же. Л. 44.

² ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 6. Д. 519. Л. 263об-264.

³ Там же. Л. 254.

⁴ Там же. Л. 254^б.

⁵ Ниалло А. У подножья солнца // Просвещение национальностей. 1934. № 6. С. 73.

⁶ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2168. Л. 5-6.

⁷ Там же. Л. 698.

⁸ Там же. Л. 556-557.

должность комиссара был избран заурядный военный чиновник Т.Н. Белов. Но уже в 3 часа того же дня, после ознакомления с бумагами Временного правительства, на собрании тех же депутатов И.Д. Ягелло объявил о своей ошибке и что комиссаром Памирского района Временным правительством был назначен И.И. Зарубин¹. Трудно сказать что происходило на самом деле, но все же, возможно версия И.Д. Ягелло ближе к истине.

Против кандидатуры И.И. Зарубина выступил также и Совет солдатских депутатов, поддержавших Т.Н. Белова².

Среди основных противников комиссара И.И. Зарубина был и военный зауряд-чиновник Т.Н. Белов, поддерживаемый многими офицерами Памирского отряда. Т.Н. Белов, видимо, не смирился с тем, что ему не удалось занять должность комиссара Памирского района. Он начал распространять слухи, что 24 тысячи рублей, которые были выделены на содержание комиссариата, будут взысканы с населения. Претензии Т.Н. Белова активно поддерживали штабс-капитаны Вельгорский II-й и Чапрацкий³.

Начальник Памирского отряда В.В. Фенин и считал что «если останется комиссаром Зарубин то необходимо для спокойствия приграничного населения откомандировать от отряд[а] чиновника Белова и штабс-капитанов Вельгорского II-й и Чапрацкого⁴.

Т.Н. Белов, объявленный председателем Общепамиского временного правительства, действовал совместно с шахдаринским ишаном Сайид-Махмуд-Шо и сучанским ишаном Сайид-Мурсалом выступали против избрания И.И. Зарубина комиссаром Памирского района и им удалось отстранить И.И. Зарубина от исполнения должности Комиссара. Но большая часть населения и, что особенно важно, влиятельный поршневицкий ишан Сайид-Юсуф-Алишо, а также районный комитеты Временного правительства поддержали кандидатуру И.И. Зарубина. Значительную поддержку в восстановлении И.И. Зарубина в должности оказал В.В. Фенин, хотя и считал последнего не самой удачной кандидатурой на эту должность. 15 августа, на заседании Общего собрания членов сельских комитетов Западной части Памирского района, И.И. Зарубин он был допущен «к исправлению должности комиссара Памирского района, возложенной на него Туркестанским Комитетом Временного Правительства»⁵.

Среди первых действий нового комиссара было объявление об отмене всех натуральных повинностей. Также, И.И. Зарубин потребовал, чтобы шахдаринский ишан Сайид-Махмуд-Шо и сучанский Сайид-Мурсал потребовал не вмешиваться в административные дела Памирского района, что по мнению В.В. Фенина, было со стороны комиссара «нетактично»⁶.

Бывший Шахдаринский волостной Азиз-хан, совместно с обоими ишанами, воспользовавшись тем, что комиссар И.И. Зарубин выехал на Восточный Памир и в другие районы для организации новой администрации, «от лица всего народа» 10 октября 1917 г. отправили письмо эмиру, в котором просили, чтобы он «распространил тень своих ног... на головы всего народа». По мнению В.В. Фенина, оба ишана и все остальные, подписавшие это письмо, являются, «пешками, в руках Азии Хана, желающего вернуть себе прежнюю власть и опасаящегося ответственности за свои прежний деяния»⁷. Дарвазскому же беку Тураб-Кули-беку они писали, чтобы тот «придя, овладел шугнанским народом», иначе, угрожали они, «войска афганские приведя, область Шугнанскую во владение их

¹ Там же. Л. 601-601об.

² Ниалло А. По горным тропам. Памирские путевые заметки. М.-Т., 1933. С. 133.

³ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2168. Л. 601об-604.

⁴ Там же. Л. 602-603об.

⁵ Там же. Л. 609-610.

⁶ Там же. Л. 600-601.

⁷ ЦГА РУз. Ф. Р-2464. Оп. 1. Д. 3. Л. 309-310.

передадим»¹. Однако письма Азиз-хана и ишанов были перехвачены и не дошли ни до эмира, ни до дарвазского бека².

Начальник Памирского отряда подполковник В.В. Фенин в рапорте генерал-квартирмейстеру Туркестанского военного округа от 20 октября 1917 г. сообщил об отправке письма Азиз-ханом и ишанами Сайид-Махмуд-Шо и Сайид-Мурсалом и о перехвате его разведчиком Абдул-Гияз-ханом. Последний, в пакет отправленный эмиру, вместо письма вложил чистый лист бумаги. В.В. Фенин характеризуя Азиз-хана писал что «Начальники отряда очень ценили его службу, ласкали и награждали его. После революции, население постаралось в первую голову избавиться от него, так как считает несправедливым, ибо он заботился главным образом о Шах-Даре, из которой он сам происходит, освобождая ее от всяких повинностей и сваливая их на другие аксакальства». Указывая на причины стремления Азиз-хана восстановить власть бухарцев на Западном Памире, от которых столько страдали местные жители и ярким противником коих он ранее являлся, за что в свое время именно по представлению бухарской памирской администрации был даже выслан в Афганистан³, В.В. Фенин считает, что они заключались, в том что «теперь, когда население управляется своим шугнанским комитетом, Шах-Даре пришлось наравне с другими вести реквизиционные повинности по разверстке комитета. Кроме того Шах-Дара, знает, что г. Зарубин, еще будучи секретарем по административной части, настаивал на отобрании Шахдаринских свободных земель, для населения на них безземельных Рушанцев. Все это вызвало недовольство Шах-Дары, разжигаемое Азиз-Ханом, оказавшимся не у дел... Ни чем другим нельзя объяснить желание этих людей опять попасть в бесправное положение бухарско-подданных»⁴.

Кроме того, в этом же рапорте В.В. Фенин доносил что «идет усиленная агитация со стороны Дарвазского бека Тураб-Кули-бек-бия о том, чтобы население Шугнана, Рушана, Ишкашима и Вахана просило себе у Эмира бухарского бека». Далее начальник Памирского отряда сообщает что «в народной массе эта агитация успеха не имеет»⁵.

Действия Азиз-хана и его сторонников обсуждались Шуганским волисполкомом 24 октября 1917 г.⁶, а 29 октября состоялось заседание комиссии, образованной на основе «Временного положения об управлении Памирским районом», в которой участвовали представители Шугнанского волисполкома, начальник Памирского отряда подполковник В.В. Фенин, представители солдатского отрядного комитета Сайид-Хайдар-Шо и комиссар И.И. Зарубин⁷. Заседание постановило «на основании ст[атьи] 16 вр[еменного] пол[ожения] об упр[авлении] Пам[ирским] районом в виду вредной и опасной для общественного спокойствия для населения нового правового порядка на Памирах, деятельности Азиз-хана, выслать бывшего вол[остного] упр[авителя] Азиз-хана в пределы Сарыкола, под надзор и в распоряжение начальника Ташкурганского поста, впредь до получения распоряжений высших краевых учреждений»⁸.

Еще одной революционной инициативой комиссара И.И. Зарубина было то, что Памирский районный исполнительный комитет принял решение переселить на свободные

¹ Там же. Л. 311.

² Там же. Л. 311-312.

³ См.: ЦГА РУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 8052. Л. 1-7.

⁴ ЦГА РУз. Ф. Р-2464. Оп. 1. Д. 3. Л. 312-313.

⁵ Там же. Л. 314.

⁶ Там же. Л. 316.

⁷ Любопытно что Азиз Ниалло (псевдоним А.В. Станишевского) в своей книге утверждал что И.И. Зарубин на этом заседании «совершенно не присутствовал» и что «решение комитета встретило противодействие и его (Зарубина – *О.М.*) и Фенина» (Ниалло А. По горным тропам. Памирские путевые заметки. М.-Т., 1933. С. 135), хотя найденный самим А.В. Станишевским протокол заседания указывает на обратное (см.: ЦГА РУз. Ф. Р-2464. Оп. 1. Д. 3. Л. 317).

⁸ ЦГА РУз. Ф. Р-2464. Оп. 1. Д. 3. Л. 317.

земли шахдаринских «баев» безземельных крестьян из Рушана, Гунта и Горона¹.

Октябрьские события в Петрограде, а затем большевистский переворот в Ташкенте², в корне изменили всю ситуацию в крае, в том числе и на Памире. 5 декабря 1917 г. было проведено объединенное заседание солдатского комитета Памирского отряда, Шугнанского волостного комитета и 2 представителей Памирского районного комитета. На нем было принято решение о ликвидации комиссариата Временного правительства и избран новый комитет под председательством фельдшера Памирского отряда Гуминского, а членами были избраны от Памирского отрядного комитета Волков, Трофимов, Середюк, Ильин и Неченкин, а от местных жителей – Амонбек, Якуб-Али-шо, Курбон-хан, Сайид-Джалал, Сайид-Хайдаршо Мубаракшоев³. Секретарем комитета был утвержден прапорщик Готшалк. Объединенное заседание признало пребывание комиссара Памирского района И.И. Зарубина в его должности «невозможным» и постановило, чтобы он «сдал немедленно должность и дела комиссариата Памирского района Начальнику Памирского отряда или выборной комиссии от туземного комитета и Памирского отрядного комитета»⁴.

Как 6 декабря 1917 г. доносил сам И.И. Зарубин, уже не существовавшему к тому времени Туркестанскому комитету Временного Правительства, «хотя я (И.И. Зарубин – О.М.) и признавал подобное постановление незаконным, но я вынужден был подчиниться ему, не имея другого выхода». В этот же день Иван Иванович сдал дела комиссариата явившимся к нему Начальнику Памирского отряда подполковнику В.В. Фенину, члену Комитета Памирского отряда Готшалку и члену Шугнанского волостного комитета Сайид-Хайдаршо Мубаракшоеву⁵, а сам был вынужден, «экстренно покинуть пределы Памирского района и вернуться в Петербург»⁶.

Новый этап в политической жизни Памира начался после того как приказом по Рабоче-Крестьянской Красной Армии от 30 августа 1918 г. Памирский отряд был подчинен непосредственно управляющему обороной Военного комиссариата Туркестанской АССР⁷. Но начальник Памирского отряда подполковник В.В. Фенин отказался подчиняться приказам, исходящим от большевистского правительства Туркестана и полностью сохранил систему власти, установленную при Временном правительстве.

Но действия начальника Памирского отряда В.В. Фенина и установленная им система управления вызывали недовольство местного населения. Так весной 1918 г. жители четырех кишлаков Рушанской волости – Баррушана, Дерзуда, Барзуда и Вомара, а также прилегающих к ним местностей разоружили дежурных казаков поста и попытались захватить крепость Кала-и Ватар, но будучи плохо вооруженными, сделать это не смогли⁸.

¹ Ниалло А. У подножья солнца // Просвещение национальностей. 1934. № 6. С. 73.

² Об этом см.: Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости. Т., 2000. С. 61-67.

³ ЦГА РУз. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 15. Л. 55.

⁴ Там же. Л. 48.

⁵ Там же. Л. 55-55об. В. Г. Бухерт, со ссылкой на статью Ш. Юсупова (см. выше), ошибочно указывает, что И.И. Зарубин пробыл на этой должности до февраля 1918 г. (Бухерт В.Г. «Настоятельнейшие нужды Памирского района». Записка И.И. Зарубина // Восточный архив. 2011. № 2 (24). С. 30).

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 102. Л. 2. Возвращение в Петербург, по словам И.И. Зарубина, обошелся ему очень дорого. Ему пришлось потратить те скудные средства которые у него были, взять в долг 1000 р. и даже продать за 400 р. револьвер принадлежавший Русскому Комитету по изучению Средней и Восточной Азии, выданный И.И. Зарубину при его командировании на Памир в 1915 г. (Там же).

⁷ ЦГА РУз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 1169. Л. 175.

⁸ Бахрамов З. Земельные отношения в Шугнани в конце XIX – начале XX в. (1896-1920) // Очерки истории Таджикистана. Сталинабад, 1957. С. 84.

Об установлении власти большевиков в Петрограде и Ташкенте населению Памира не было известно. Известие об этом было получено из письма П. Воловика, отправленное им из Ташкента в Общепамирский комитет солдат. 2 июля 1918 г. оно было обсуждено на отрядном комитете солдат, рекомендовавший обсудить его во всех постовых комитетах¹.

В ноябре 1918 г. подполковник В.В. Фенин с некоторыми офицерами и солдатами Памирского отряда в числе 32 человек ушли в Индию², забрав всю отрядную кассу³.

После их ухода Общепамирский комитет Временного правительства распался. В конце 1918 г. вместо него был образован Памирский революционный комитет. Это был конец старой жизни на Памире.

СНК Туркестанской АССР направил на Памир специальную Военно-политическую комиссию и добавочный отряд во главе с большевиком А.А. Холмаковым, бывшим писарем штаба Памирского отряда⁴, прибывший в начале февраля 1919 г. в Хорог⁵.

Укрепление власти большевиков на Памире затруднялось тем, что отряды борцов с советской властью с середины 1918 г. прервали связь между Памиром и Туркестанской АССР.

23 июля 1919 г. А.А. Холмаков был убит⁶. На следующий день исполнение обязанностей политического руководителя Памирского района было возложено на П. Воловика. Когда же в сентябре 1919 г. «белогвардейцы» и отряды местных антибольшевистских повстанцев заняли Ош, сочувствовавшие им офицеры Памирского отряда, захватив пулеметы и большую сумму денег, бежали к Монстрову.

25 сентября Красной армией был захвачен Ош. Монстров и Мадамин-бек со штабом и небольшим отрядом двинулись в Иркештам⁷. А 24 октября 1919 г. недалеко от границы Восточного Памира, в местечке Гульчи Монстров и Мадамин-бек образовали «Временное правительство Туркестана». На Памир был отправлен вооруженный отряд, в значительной мере состоявшем из белочехов, во главе с полковником Тимофеевым⁸, прибывший в Хорог в конце декабря 1919 г. С его приходом власть большевиков на Памире была свергнута.

Антибольшевистские силы на юге Киргизии и в Ферганской области терпели неудачу за неудачей. 17 января 1920 г. сдался большевистским войскам генерал Монстров, а 21 февраля 1920 г. Куршермат и Холходжа вынуждены были отступить в горы.

27 мая 1920 г. в Алайскую долину выступил красный кавалерийский отряд. Узнав об этом, Тимофеев бежал в Индию. Туда же разрозненными группами бежал и его отряд⁹.

В Хороге утвердились бухарцы, поддерживаемые некоторыми представителями знати и исмаилитского духовенства. Но в результате начавшегося восстания, 29 июня 1920 г.

¹ Назаршоев М. Партийная организация Памира в борьбе за социализм и коммунизм (1918-1968 гг.). Душанбе, 1970. С. 12.

² ЦГА РУз. Ф. Р-2464. Оп. 1. Д. 3. Л. 325.

³ Во время этого похода умирают от простуды жена и новорожденный сын В.В. Фенина. Весной 1919 г. он с остатками Памирского отряда прибывает в Индию. В эмиграции он являлся членом боевой организации генерала А.П. Кутепова. В 1929-1930 гг. являлся председателем Русского дома в Багдаде. Скончался в Багдаде 7 апреля 1933 г. от воспаления легких (Захарчев Н.А. Тайны Памирского поста. Ульяновск, 2014. С. 151). По другой версии, В.В. Фенин с 1918 года служил в РККА. Готовил антибольшевистское восстание, с целью захвата Памира. Являлся членом Туркестанской подпольной организации. Ряд случайных арестов навёл ЧК на нить заговора. После чего В.В. Фенин ранней весной 1919 года вместе со своей семьёй, офицерами и юнкерами отряда пробился через снежные перевалы Гиндукуша в Индию (Лепехин Н. Полковник В.В. Фенин. Некролог // Часовой. 1933. № 106).

⁴ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2168. Л. 399об.

⁵ ЦГА РУз. Ф. Р-2463. Оп. 1. Д. 3. Л. 326.

⁶ Там же. Л. 326.

⁷ Краткий очерк возникновения и развития басмачества в Фергане. По сведениям разведывательного управления Штаба Туркестанского фронта. Т., 1922. С. 18.

⁸ ЦГА РУз. Ф. Р-2463. Оп. 1. Д. 3. Л. 334.

⁹ Ниалло А. По горным тропам. М.-Т., 1933. С. 138.

бухарцы были вынуждены уйти¹.

Правительство Туркестанской АССР выслало для охраны государственной границы новый пограничный отряд во главе с Семькиным, прибывшим в Хорог в начале декабря 1920 г. Летом 1921 г., ему на смену был отправлен отряд под командованием Гладышева².

Вскоре после этого была образована Военно-политическая тройка (ВПТ) Памира, в которую вошли памирец Ширин-шо Шотемор, узбек Т. Хусейнбаев и представитель ЧК Т.М. Дьяков (он же представитель ТуркЦИКа). Тройку сопровождал отряд из 200 человек под командованием Т.М. Дьякова. В начале сентября ВПТ прибыла в Хорог³. Именно с деятельностью ВПТ связано окончательное утверждение власти большевиков на Памире и проведение преобразований в системе управления и социально-экономической жизни местного населения.

В дальнейшем, пережив годы гражданской войны, Памир вступил в новый этап своей истории, насыщенный преобразованиями, достижениями и трагедиями. Период между февралем после 1917 г. до конца 1922 г. был весьма характерным и показательным, но в то же время являлся частью процессов происходящих на территории всей огромной бывшей Российской империи, одной из отдаленных окраин которой, со своими особенностями, являлся Памир.

¹ Харюков Л. Н. Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. М., 1995. С. 118.

² Назаршоев М. Партийная организация Памира в борьбе за социализм и коммунизм (1918-1968 гг.). Душанбе, 1970. С. 29-30.

³ Там же. С. 120.

VI. Насилие и политический террор

Ольга Сергеевна Поршнева

Практики насилия в воспоминаниях рабочих - участников Гражданской войны на Урале

Рассмотрение Гражданской войны в России как части военно-революционного кризиса 1914-22 гг. является сегодня определяющим трендом мировой историографии. В приуроченном к 100-летию Первой мировой войны «Критическом словаре Русской революции: 1914–1921 гг.», составленном Э. Актоном, У. Розенбергом и В. Черняевым, хронологические рамки труда обосновывались следующим образом: «Русская революция стала главной осью событий XX века и эпизодом Первой мировой войны (курсив мой – О.П.), как и Революции 1918 г. в Германии и Австро-Венгрии. Гражданская война порвала пуповину, соединявшую Россию с прошлым, и изначально была войной Октября с Февралем и поэтому частью революции»¹.

Концепция европейского военно-революционного кризиса 1914–1921 гг., обоснованная П. Холквистом и Дж. Санборном², отражает значимую методологическую тенденцию последних двадцати лет, сохраняющую свою актуальность и сегодня. Она может быть обозначена как историческая компаративистика, «вписывание» русской Революции, ее преобразований и опыта в общеевропейский контекст, порожденный формированием индустриальных обществ, феноменов массовой политики, пропаганды и насилия, противостоянием империй и национализма³.

Другим важным для понимания природы насилия в условиях российской Гражданской войны концептом является теория военизированного насилия 1917-1923 гг. как последствия Первой мировой войны, когда «военные и квазिवоенные организации и практики либо дополняли, либо подменяли собой действия традиционных военных структур»⁴. К его основным, но не единственным, разновидностям относятся революционное и контрреволюционное насилие, связанное с главным идеологическим конфликтом общеевропейского масштаба, порожденным большевистской революцией. Другими факторами, порождавшими многообразные формы военизированного насилия в послевоенной Европе, стали распад империй и борьба за создание национальных государств, дезорганизация власти и радикализация политики, «травма поражения» и общая «культура насилия» как наследие мировой войны⁵.

¹ Критический словарь Русской революции. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 17.

² Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914 – 1921. Cambridge, Mass., London, 2002; Sanborn J. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905-1925. Dekalb, 2003.

³ Holquist, Op. cit.; Sanborn, J. A. Imperial Apocalypse. The Great War and the Destruction of the Russian Empire Oxford: Oxford University Press, 2014; Критический словарь русской революции, 2014; Hoffmann, David L. The Great Socialist Experiment? The Soviet State in its International Context // Slavic Review. Volume 76. Issue 3. Fall 2017, pp. 619-628; Ливен Д. Навстречу огню. Империя, война и конец царской России / пер. с англ. П.С. Бавина. М.: Политическая энциклопедия, 2017; Стейнберг М. Великая русская революция, 1905-1921 / пер. с англ. Н. Эдельмана; под науч. ред. М. Гершзона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018.

⁴ Герварт Р., Хорн Д. Военизированные конфликты в Европе после Первой мировой войны: введение // Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917-1923. / Сборник статей; Ред. Р. Герварт и Д. Хорн. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 8-9.

⁵ Там же. С. 10-31.

В России особую роль в формировании «синдрома насилия», проявившегося в условиях Гражданской войны, сыграли, помимо остроты социальных и этнических конфликтов, «почти всеобщие лишения и нужда, а также ожесточение, которое в течение долгого времени наскало пронизывало гражданскую, политическую жизнь и культуру»¹. К этому справедливому замечанию У. Розенберга следует добавить, что в ходе развития Революции 1917 г. насилие и принуждение по отношению к классовым врагам стали рассматриваться массами как необходимые условия решения насущных проблем, выхода из кризиса, ликвидации нужды и бедствий, создания более справедливого порядка. Эти психологические сдвиги во многом обусловили участие рабочих в разнообразных видах военизированного насилия в условиях Гражданской войны, ставшей продолжением Революции.

Другой предпосылкой широкого распространения «политизированных» практик насилия, осуществлявшегося Красной гвардией, боевыми дружинами, продотрядами и другими формированиями, стало его правовое и идеологическое обоснование большевистским государством. В качестве важнейшего условия достижения социального равенства выдвигался тезис «диктатуры пролетариата», предполагавший введение ограничений прав для социальных групп – противников революции и использование инструментов насилия (экспроприация, принуждение, уничтожение) во имя интересов революции. Параллельно с декларацией социального равенства стала формироваться система политического неравенства, основанная на идее насилия большинства над меньшинством². Насилие по отношению к явным или потенциальным противникам режима не только идеологически обосновывалось, но и было организованным³, играло особую роль в выработке «нового человеческого материала».

Военизированное насилие применялось в условиях Гражданской войны в повседневной политической практике всех противоборствующих сторон. Об этом свидетельствуют многочисленные документы личного происхождения, вышедшие из-под пера очевидцев и участников событий⁴. Так, например, в записке председателя общества домовладельцев г. Тюмени Н. И. Беседных председателю Совета министров Российского правительства от 23 апреля 1919 г. говорится о «*бесконтрольном и безвозмездном пользовании частной собственностью*» военными и милицейскими чинами колчаковского правительства⁵. С другой стороны, в заявлении заключенных Кокчетавского «дома лишения свободы», сделанном в начале 1921 г., звучит протест против произвола и насилия местных коммунистов: «*Застенки Колчака бледнеют перед тем, что творят сотрудники политбюро (Кокчетавского уездного органа РКП (б). – О.П.). Лица, которые били нас, – все коммунисты, они заклеили позором всю рабочую*

¹ Розенберг У.Г. Революция и контрреволюция: синдром насилия в Гражданских войнах России (1918 – 1920-е годы) // Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917-1923. С. 62.

² Мазур Л. Н. Формирование социальной структуры советского общества: от идеи равенства к новому неравенству // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сб. науч. тр. / гл. редактор Л.Н. Мазур; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 478.

³ Бразевич С. С. Историческая социология революционного насилия: концентрационные лагеря как организованная форма насилия в годы Гражданской войны // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию Революции 1917 г. в России. СПб., 2017. С. 285.

⁴ См, напр.: Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г). Сборник документов / Сост. В.И. Шишкин. Изд. 2, расшир. и доп. Новосибирск: Автограф, 2015.

⁵ Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г). С. 192.

Коммунистическую партию. Хотя я указывал, что такого декрета нет, чтобы были арестованных, но это не принимали во внимание»¹.

Формулируя методологическое положение, важное для понимания общего «фона» и контекста действий противоборствующих сил в условиях гражданской войны, П. Холквист отмечает, что политические и социальные практики, выработанные имперским государством в ситуации тотальной войны, конструировали общее наследие для всех движений периода гражданской войны, и Россия в этом отношении не отличалась от Европы².

Практики насилия, изучаемые на основе комплексного подхода и использования всего многообразия документальных свидетельств, могут быть исследованы под особым углом зрения на основе источников личного происхождения, одним из видов которых являются воспоминания. Речь идет о реконструкции способов описания насилия, использовавшихся авторами мемуаров для его обоснования и оправдания. Эти способы, или тактики легитимации, могут быть деконструированы на основе интерпретации языка мемуаров. А.К. Соколов отмечал, что источники личного происхождения «выступают прежде всего как массовые источники, т.е. такие, которые служат способом социальной идентификации людей и обозначения реально стоявших перед ними проблем. Язык источников приобретает в этом случае особую важность как способ самовыражения человека. Повторяемость и устойчивость речевых практик в источниках может служить основой для более широких обобщений в социальной истории»³. Интерпретация языка воспоминаний позволяет увидеть за символическими структурами текстов проявления существенных свойств политической культуры рабочих и их социальных практик.

Применительно к периоду гражданской войны среди источников личного происхождения выделяется огромный массив воспоминаний большевиков, собранных в 1920-е гг. Истпартом и отложившийся в архивах, а также опубликованных в виде отдельных сборников в 1920-30-е и 1950- 1960-е гг.⁴ За рубежом, а в 1920-е гг. и после 1991 г. – и в России, выходили воспоминания противников большевиков, в том числе из числа рабочих, участвовавших в противоборстве политических сил на Урале в 1918-19 гг.

5

При изучении воспоминаний рабочих-участников революции и гражданской войны следует учитывать наиболее важные достижения современных антропологически-ориентированных направлений историографии, источниковедения, а также смежных социально-гуманитарных дисциплин. Среди них особую значимость имеют подходы

¹ Там же. С. 338, 340.

² Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914 – 1921. Cambridge, Mass., London, 2002, p. 238.

³ Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 74.

⁴ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2 (Воспоминания участников революционного движения). Д. 52, 56, 352, 453, 456, 466; Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты. Екатеринбург, 1921; Революция. Устные рассказы уральских рабочих о гражданской войне. М.-Л., 1931; Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни. под ред. М. Горького и Д. Мирского. М., 1935.; Алексеев Г.Д. Страницы прошлого. Челябинск: Челябинское книжное изд-во, 1957. 40 с. За власть Советов. Воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье. Оренбург: Чкаловское книжное издательство, 1957; Коковихин М.Н. Миньярское подполье. Челябинск: Челябинское книжное изд-во, 1957. 208 с.; За власть Советов. Сб. воспоминаний участников Октябрьской революции и гражданской войны в Башкирии. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1961; и др.

⁵ См.: Октябрьская Революция. Мемуары. (Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев). М.-Л.: Государственное издательство, 1926; Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919. Документы и материалы. Париж: YMCA-PRESS, 1982; Ижевско-Воткинское восстание. М.: Посев, 2000. 116 с.; 1918 год на Востоке России. М.: Центрполиграф, 2003. 463 с.; и др.

новой политической и новой культурной истории, которые обращают исследователей к изучению политической культуры и политических практик участников событий 1914-1922 гг. Они позволяют учесть то обстоятельство, что формирование новой советской политической системы в годы революции и гражданской войны происходило на особой почве российской политической культуры, прежде всего, традиционной политической культуры массовых слоев населения, сопровождалось оформлением и укреплением новой, по сравнению с дореволюционной, политической культуры¹. В условиях глубоких социальных кризисов, гражданских войн, как показал Б.И. Колоницкий, происходит поиск новых форм социальных связей и обеспечения социального единства на новой основе, что обуславливает тягу сознания к семиотичности, возрастание роли политических символов².

Использование опубликованных в советское время и собранных Истпартом, хранящихся в архивах, мемуаров рабочих, участников гражданской войны, требует особого подхода. Очевидная их тенденциозность определяется тем, что в своем большинстве они были написаны, как метко заметил И.В. Нарский, по определенным «лекалам», «матрицам», заданным конспектами-минимумами для воспоминаний о революции и гражданской войне, – детализированными вопросниками-«подсказками», открывавшими простор «героическому» мифотворчеству, отфильтровывавшему «негероическое», будничное и живое³. Они были своеобразным результатом индоктринации сознания рабочих, усвоивших в той или иной степени и форме стереотипы и клише большевистской пропаганды, что проявлялось и в истолковании авторами происходивших событий, и в самом языке мемуаров. Поэтому важными методологическими принципами исследования воспоминаний является их «погружение» в систему всего комплекса источников, порожденных бурным периодом революции и гражданской войны, а главное – их интерпретация в качестве дискурсивных практик. Они имеют ценность, прежде всего, как воплощение способов легитимации насилия, использовавшихся в официальном дискурсе, форм их индивидуального усвоения и передачи авторами воспоминаний.

В распоряжении историков имеются сборники 1920-30-х гг.⁴, отмеченные важным достоинством – сохранением аутентичного стиля и языка их авторов. В предисловии к сборнику «Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни», изданном в 1935 г. под ред. М. Горького и Д. Мирского, говорилось, что в нем «сохранены особенности языка авторов. Здесь это обоснованно и оправданно. И именно эта запись живой речи рабочих неизбежно оказывается полемически направленной против дурно-интеллигентского «изобретения» слов и против народнического преклонения и сюсюкания перед местными словечками, перед “провинциализмами”. Рабочие-рассказчики стремятся найти слова, наиболее точно, наиболее ощутимо и в то же время наиболее лаконично передающие их воспоминания. Там, где это им удастся, – там рассказы начинают превращаться в типичные изображения, в художественные картины»⁵.

¹ Колоницкий Б.И. Политические символы и борьба за власть в 1917 году. Автореф. дис. докт. ист. наук. СПб., 2002. С. 6-7.

² См.: Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012.

³ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. С. 28.

⁴ Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты. Екатеринбург, 1921. С. 126-150; Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни. М., 1935.

⁵ Были горы Высокой... С. 6.

Аутентичность воспоминаний рабочих, опубликованных в другом сборнике, подтверждается обстоятельствами, временем и методом их составления: к четвертой годовщине Октября в короткие сроки были собраны документы и записаны беседы с участниками революции и гражданской войны на Урале – «никем (ранее. – О.П.) документально не зафиксированные»¹. Беседы из раздела «По уральским заводам» были взяты составителями из репортажа Урал-Роста, раздел «В колчаковском подполье» представляет собой «перекрестный опрос» двух оставшихся в живых свидетелей описываемых событий: Шепелева и Брагинского².

Источники красноречиво свидетельствуют, что весной-летом 1918 г. происходила резкая поляризация настроений и политических позиций рабочих Урала. Леворадикально настроенная их часть, вступавшая в Красную гвардию, Красную армию, продотряды, боевые дружины приступила к подавлению антибольшевистских выступлений, участию в экспроприациях, различных формах насилия над местным населением.

Мемуары показывают, что в ходе развития ситуации весной-летом 1918 г. активная часть рабочего социума делала личностный выбор, определяя, на какую сторону баррикад следует встать. Рабочие вспоминали, какие события дали импульс к принятию ими судьбоносного решения. Так, в воспоминаниях тагильских рабочих говорится о решающем значении Невьянского восстания, боевых действий против невянской «меньшевистско-эсеровской банды», разоружившей Красную гвардию и попытавшейся захватить Совет, для их перехода к вооруженной борьбе с «белогвардейцами»³. Рабочий-ломщик И.М. Пылаев вспоминал: «После Невьянского восстания беспартийные рабочие человек по 10, по 15 приходили к нам в третью часть проситься дежурить на случай второго восстания. Потом они в партию вступили. Мы организовали отряд (Красной гвардии. – О.П.) человек в шестьдесят»⁴. О таком же влиянии Невьянского выступления на личный выбор свидетельствует рабочий Медного рудника И.Т. Двойников: «До лета 1918 года я все работал на Медном руднике, а потом уже *после невянской банды* (курсив мой. – О.П.) записался в Красную гвардию»⁵.

Аналогичное невянскому восстанию действие на леворадикально настроенных рабочих Урала оказало выступление атамана Дутова. В воспоминаниях председателя Екатеринбургского Совета первого созыва П.М. Быкова с пафосом говорится о том, как «рабочие злоказовцы, депо, верх-исетцы были готовы бросить работу для вооруженной борьбы за Советы», что первые отряды, отправленные на Дутовский фронт, были составлены «из лучших екатеринбургских рабочих», что «вооруженные рабочие давали клятву умереть на подступах к Екатеринбургу»⁶. Подобные констатации можно встретить и в других воспоминаниях⁷.

Для рабочих – участников антибольшевистского сопротивления причинами перехода к вооруженной борьбе стали бессудные аресты, убийства, грабежи, чинимые красногвардейцами, красноармейцами, чекистами. Немаловажную роль в мотивации протеста играли голод, сокращение производства, принудительные мобилизации, левацкие меры местных большевиков по реквизиции домов рабочих, запрещению

¹ Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты. Екатеринбург, 1921. С. IV.

² Там же. С. 126-150.

³ Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни. М., 1935. С. 199-200.

⁴ Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни. С. 200.

⁵ Там же. С. 213.

⁶ Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты. Екатеринбург, 1921. С. 100.

⁷ Анишев А.Н. Начало повстанчества на Урале весной 1918 года // Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919. Документы и материалы. С. 61.

владеть покосами и т.п. Протест против широкомасштабной практики самовольных арестов, грабежей и расстрелов был четко выражен в «Воззвании Ижевского совета рабочих депутатов» (большинство Совета состояло из беспартийных рабочих¹) от 20 апреля 1918 г. В нем Красная гвардия характеризовалась как «преступная армия мародеров, грабителей и убийц»².

В рабочем антибольшевистском повстанческом движении участвовали, выступая его застрельщиками, Союзы фронтовиков³, боевые дружины и другие военизированные формирования рабочих. Так, в Невьянском восстании (июнь 1918 г.) действовала боевая дружина «автомобилистов» (рабочих 4-ой тыловой автомобильной мастерской Северного фронта, эвакуированных в Невьянск в конце марта 1918 г.)⁴. Начальник отряда Красной гвардии Бисерского завода И.П. Ермаков, участвовавший в боях с повстанцами, вспоминал: «На наше счастье, *белобандиты* (курсив наш. – О.П.) не были достаточно вооружены, хотя и имели в своём распоряжении несколько пулемётов, сотни две винтовок, основную массу оружия составляли охотничьи ружья и наспех скованные железные копыя, насаженные на деревянные пики»⁵. Красногвардеец, рабочий-электромонтер из Пашии К.А. Субботин, участник подавления восстания, так рассказывал об этом в мемуарах: «Около Невьянска, – верстах в трех, что ли, так, – была схватка, где наши броневики и пехотные части выбили из окопов наших противников. Выбили, – и вот тут-то увидели мы раненых и убитых рабочих, воюющих вместе с пиками»⁶. Большевики и их союзники использовали против рабочих – своей «социальной опоры» – силы Красной гвардии и Красной армии, проявляя жестокость и беспощадность при подавлении восстаний. Член Высшей военной инспекции С.М. Белицкий дал указания нижнетагильским большевикам и левым эсерам по подавлению Невьянского восстания, в которых призывал тратить «поменьше слов, побольше патронов», «беспощадно расстреливать»⁷. В другой инструкции и.о. командира 3-го Екатеринбургского полка Р.П. Вайняну, назначенного руководить подавлением восстания, говорилось: «Ваша задача беспощадно выжечь все те заводские посёлки, население которых принимало участие в контрреволюционном выступлении», а в приказе уральского окружного военного комиссара С.А. Анучина был призыв «не оставить от Невьянска камня на камне»⁸.

Воспоминания говорят о том, что важным мотивом участия в практиках вооруженного насилия была месть за убитых родственников и товарищей, что находит отражение в воспоминаниях представителей обоих противоборствующих лагерей. Стремление отомстить за убитых комиссарами, красногвардейцами родственников

¹ Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в советской России. 1917 -1918 годы. М.: РОССПЭН, 2004. С.261.

² Воззвание Ижевского Совета рабочих депутатов // Урал и Прикамье. Документы и материалы. С. 283.

³ Союзы фронтовиков – объединения солдат, офицеров, демобилизовавшихся с фронтов Первой мировой войны, преимущественно из рабочих и крестьян, участвовали в антибольшевистских восстаниях, в ряде случаев инициировали их. См.: Дмитриев П.Н. Организации бывших военнослужащих накануне Ижевско-Воткинского восстания // ИДНАКАР № 1 (18) 2014. С. 5-23.

⁴ Вебер М.И. Невьянское восстание против большевистской власти в июне 1918 года: фиаско «третьего пути» в гражданской войне // Веси. 2014. № 8. С. 4.

⁵ Цит. по: Там же. С. 6.

⁶ Субботин К.А. Невьянское восстание. // Революция. Устные рассказы уральских рабочих о гражданской войне. М.-Л., 1931. С. 97-98. «Пиками» автор иносказательно называет участников антибольшевистского восстания: «капиталистов», меньшевиков и эсеров. Этот термин получил хождение в связи с тем, что восставшие, как уже отмечалось, использовали кованные железные копыя, насаженные на деревянные пики.

⁷ Вебер М.И. Невьянское восстание против большевистской власти в июне 1918 года: фиаско «третьего пути» в гражданской войне. С. 7.

⁸ Там же.

побуждала часть рабочих и крестьян братья за оружие на стороне антибольшевистских сил. Так, В.М. Наумов, крестьянин Сарапульского уезда, добровольно вступивший в ряды Воткинских повстанцев¹, вспоминал, как красногвардейцы убивали, насиловали и грабили его родственников и односельчан². Автор, в частности, пишет: «Потом стали наезжать отряды красногвардейцев в села и города. Это, собственно, были просто шайки бандитов, они накладывали контрибуции, отбирали деньги, хлеб и скот... Банды эти, носящие имя красногвардейцев, были набраны из распущенных из тюрем и вооруженных преступников»³. В.М. Наумов свидетельствует и о расправах восставших рабочих и крестьян над своими противниками без суда, из мести, о том, как «приговорили к расстрелу взятого в плен комиссара», «решили заколоть комиссара на месте»⁴. В воспоминаниях другого участника Воткинского восстания рабочего-социал-демократа И. Уповалова, несмотря на его сознательное, идейное противостояние с большевиками, приверженность демократическим идеалам «мартовской революции», проявляется крайняя жестокость в отношении противников, которых он называет «беснующейся мразью», «палачами», «наильниками»⁵. Он говорит о желании рабочих и крестьян, «сражавшихся как львы» во время Воткинского восстания, «побить наильников», «до зубов вооруженных и в десять раз превосходящих их»⁶. Г.Б. Струмилло, профессиональный рабочий петроградского Трубочного, а затем, с весны 1918 г., – Пермского завода, меньшевик, в своих воспоминаниях также приводит многочисленные факты произвола и насилий, творимых большевиками и их сторонниками. При этом насильственные действия, беззаконие находят у него однозначное осуждение⁷. Он, в частности, называет большевиков «негодьями», которые «не стесняются действовать оружием, когда знают, что словам их никто уж не верит»⁸. Под впечатлением кровавой вакханалии расправ и он, однако, приходит к выводу, что «на силу нужна сила и такое же физическое противодействие, а не убеждение словом против револьвера»⁹. Подобный призыв к активной борьбе с большевиками встречаем в «Воззвании волостных союзов фронтовиков» к населению, распространявшихся в конце июля – начале августа 1918 г. В нем говорилось о необходимости вступить в волостную Народную армию ради «спасения

¹ Своеобразие рабочего протеста на Урале было связано с особым статусом значительной части рабочих, прежде всего бывших казенных и посессионных округов. Там рабочие владели домом, землей, вели на ней собственное хозяйство, соединяли в своем протестном поведении рабочие и крестьянские мотивы. На заводах использовался труд крестьян окрестных деревень. Эти черты социального облика рабочих позволили журналисту и издателю А.Я. Гутман-Гану, участнику Воткинского восстания, написать: «Рабочие завода, по-преимуществу местные крестьяне, в большинстве владели собственными домиками, участками земли, которые сами и обрабатывали». См.: Гутман-Ган А.Я. Два восстания. Ижевско-Воткинское восстание. М.: Посев, 2000. С. 55; Подобные характеристики Воткинских рабочих мы находим и в воспоминаниях другого участника восстания С.Н. Лоткова: «Каждый рабочий был владельцем усадебного участка земли, с небольшим домом, садом и огородом ... Рабочие жили в крепкой дружбе с крестьянами соседних деревень. См.: Лотков С.Н. Камско-воткинский завод и его рабочие // Ижевско-Воткинское восстание. М.: Посев, 2000. С. 60.

² Наумов В.М. Мои воспоминания // Ижевско-Воткинское восстание. М.: Посев, 2000. С. 81-86.

³ Там же. С. 80-81.

⁴ Наумов В.М. Мои воспоминания. С. 83, 86.

⁵ Уповалов И. Рабочее восстание против советской власти // 1918 год на Востоке России / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии доктора исторических наук С.В. Волкова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. С. 430, 431, 434, 437.

⁶ Уповалов И.Г. Как мы потеряли свободу. (Из записок рабочего социал-демократа) // Ижевско-Воткинское восстание. М.: Посев, 2000. С. 78.

⁷ Струмилло Г.Б. Из записок рабочего // Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919. Документы и материалы. С. 23, 33, 37, 43.

⁸ Там же. С. 43.

⁹ Там же. С. 43.

от насилия и грабежа большевистских банд»¹. Обращает на себя внимание, что, в отличие от воспоминаний «красных», в антибольшевистском лагере насилие и месть рассматривались скорее как вынужденная, ответная мера, не контролируемая реакция, не воспевались авторами.

В воспоминаниях рабочих из красного лагеря, помимо описания военных действий, политической и пропагандистской работы, встречаются упоминания тех методов, которые применялись в борьбе с врагами в условиях военной повседневности. Они носят характер невольных свидетельств насилия и беззакония, оправдываемого классовыми и идеологическими формулами. В частности, представителями красного лагеря описываются, как сами собой разумеющиеся, насильственные захваты оружия у возвращавшихся солдат-фронтовиков, аресты правых социалистов – членов Советов, аресты и расстрелы заложников из числа «эксплуататорских классов», расправы над крестьянами – участниками «кулацких» мятежей, экспроприации ценностей у местного населения и др. акции². Так, И.П. Павлов, являвшийся начальником штаба боевых дружин, а затем начальником базы снабжения в г. Котельниче и военным служащим для особых поручений у интенданта 2-ой Красной армии так вспоминал о расстреле заложников: «местное Чка расстреливало из пулеметов местных заложников – буржуа, в ответ на выстрел в В.И. Ленина. В Котельниче расстреляли несколько десятков человек, выстроив их вдоль берега реки Вятка. Буржуазия дорого заплатила за выстрел в Ленина»³. Далее, как техническая операция описывается конвейер смерти: «ЧК... каждую ночь расстреливала по несколько человек. Приговор в исполнение приводили на борту теплохода. Приговоренного к смерти ставили на борту теплохода лицом к воде, стреляли ему в затылок и человек летел за борт в воду»⁴. Подобные акции «оправдываются» в воспоминаниях с помощью политико-идеологических клише. «Снятие» этих легитимирующих формулировок открывает полную ужасов и трагедий действительность гражданской войны, вакханалию беззаконий и насилия.

Судя по воспоминаниям, уже летом 1918 г. для пробольшевистски настроенных уральских рабочих расстрел «классовых врагов» стал обычным делом. Ярче всего об этом говорит язык мемуаров, являющийся своеобразной вербальной репрезентацией социального явления – привычности и легитимности классового насилия. Так, упоминавшийся выше И.М. Пылаев, рассказывая о стычке красногвардейцев – рудничных рабочих с казаками в районе Шайтанского завода, говорит о расстреле захваченных в плен противников как о чем-то обыденном и не вызывающем никаких чувств и размышлений: «К поленнице их – суд известный»⁵.

¹ Воззвание волостных союзов фронтовиков Сарапульского и Глазовского уездов к населению Святогорской, Ключевской, Васильевской, Юкаменской и других волостей // Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919. Документы и материалы. Париж, 1982. С. 331.

² Алексеев Г.Д. Страницы прошлого. Челябинск, 1957. С. 24; Волков И.И. Белорецкие красногвардейцы // За власть Советов. Сб. воспоминаний участников Октябрьской революции и гражданской войны в Башкирии. Уфа, 1961. С. 272-273; Коростелев А. За власть Советов // За власть Советов. Воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье. Оренбург: Чкаловское книжное издательство, 1957. С. 64-65; Неверова А. Как мы боролись // За власть Советов. Воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье. С. 291-292; Быков П.М. Екатеринбургский Совет // Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты. Екатеринбург, 1921. С. 101; Воспоминания Ивана Петровича Павлова. Избранное. С 1906 по 1923 г. Сост. Е. Бурденков. Рукопись // Научный Архив Музея истории Екатеринбурга. Оп. 2. Д. 6. С. 151, 154, 155, 156, 157, 158, 162.

³ Воспоминания И.П. Павлова. С. 157.

⁴ Там же. С. 158.

⁵ Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни. С. 201.

Воспевание насилия было наиболее значимой, характерной чертой большинства стихотворных произведений представителей красного лагеря, опубликованных в периодической печати Урала в годы гражданской войны. Насилие рассматривается в стихах как неизбежное условие установления нового, более справедливого порядка, требующего уничтожения «угнетателей» и всех сопротивляющихся, способ мести классовым врагам¹.

Практика насильственного роспуска Советов, в которых возобладали антибольшевистские силы, применялась на Урале практически сразу после прихода к власти в Петрограде большевиков и осуществлялась с помощью частей Красной гвардии. В ситуации, когда явное большинство на перевыборах в Советы получали меньшевики и эсеры, большевики отказывались считаться с их результатами. Как вспоминал участник перевыборной кампании Г. Б. Струмилло, «большевики по распоряжению из центра исключили из Советов представителей других партий, как не стоящих на советской платформе. На будущие выборы было объявлено, что выбирать и быть выбранными имеют право только люди, признающие советскую власть... Там же, где все же удавалось провести настоящие выборы и большевики, конечно, оказывались в ничтожном меньшинстве, там просто разгоняли Советы при помощи латышей и мадьяров. Так был разогнан Совет Усть-Сысольский и другие»². О разгоне большевиками Воткинского совета рабочих депутатов повествует в своих воспоминаниях участник антибольшевистского сопротивления рабочий И. Уповалов³. Он описывает ситуацию в Воткинске в июле 1918 г.: «Организации меньшевиков и эсеры оставались еще на легальном положении, но партийная работа шла плохо, чувствовалась подавленность и боязнь всемогущей Чрезвычайки»⁴.

Впечатляющие свидетельства действий большевиков по разгону Советов, оставленные самими красногвардейцами, их видение и оценки ситуации предстают в ряде воспоминаний «старых большевиков». Среди них – мемуары Г.Д. Алексеева из г. Верхнего Уфалея. В них говорится о разгоне объединенным отрядом екатеринбургских и уфалейских красногвардейцев в конце 1917 года Тюменского Совета, где «засели кулаки, местная буржуазия»⁵. Г.Д. Алексеев пишет: «Отряду поручалось внезапным налетом обезоружить тюменских белогвардейцев⁶, арестовать кулацкий Совет... Красногвардейцы пробыли в Тюмени четверо суток. *За это время они помогли трудящимся провести выборы нового Совета* (курсив мой. – О.П.)⁷. Эта «помощь» силами «шести вагонов специального назначения», помимо захвата всех важнейших пунктов города, арестов членов Совета и всех сопротивлявшихся включала также грабеж местного населения. В воспоминаниях говорится: «Красная гвардия дала приказ: всем, кто имеет золото или

¹ Голдин В.Н. Поэзия гражданской войны в периодических изданиях Урала: 1917 – 1919 годы. Кн. первая, вторая. Екатеринбург, 2006; Поршнева О.С. Поэзия гражданского противостояния: опыт дискурсивного анализа стихотворных публикаций уральской периодической печати 1918 – 1919 гг. // Документ. Архив. История. Современность. Сб. науч. тр. Вып. 12. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 305-319.

² Струмилло Г.Б. Из записок рабочего // Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919. Документы и материалы. С. 32-33.

³ Уповалов И. Рабочее восстание против советской власти // 1918 год на Востоке России / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии доктора исторических наук С.В. Волкова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. С. 427.

⁴ Там же.

⁵ Алексеев Г.Д. Страницы прошлого. Челябинск, 1957. С. 24.

⁶ Термин «белогвардейцы» применяется автором к событиям конца 1917 г. в Тюмени неправомерно, под влиянием искажения исторической памяти, восприятия событий гражданской войны с позиций ее официальной идеологизированной советской версии.

⁷ Алексеев Г.Д. Страницы прошлого. С. 24.

золотые вещи, сдать в трехдневный срок. Конечно, это золото имела местная буржуазия»¹, – обосновывает автор с помощью классовой формулы действия красногвардейцев, – «собранные ценности под охраной красногвардейцев вывезли в Екатеринбург»².

Практика насильственного разгона небольшевистских по составу Советов широко применялась в 1918 г. В воспоминаниях командира Белорецкой боевой дружины большевика И.И. Волкова рассказывается, как в феврале 1918 г., по решению большевистского партийного комитета, с помощью боевой дружины была арестована «соглашательская» часть Белорецкого Совета рабочих депутатов и проведены перевыборы Совета³. Признавая, что «значительная часть белорецких рабочих в то время находилась под влиянием эсеров», «в Белорецком вовсю орудовали эсеры и меньшевики», «и Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, и рабочий контроль над производством, и земская управа, – все они плясали под дудку эсеро-меньшевиков», И.И. Волков считает оправданными действия местных большевиков даже с учетом того, что и после перевыборов «в состав Совета вошли, правда, в меньшем количестве, эсеры и меньшевики»⁴. Игнорирование волеизъявления белорецких рабочих дошло до того, что параллельно с не устроившим большевиков вновь в связи со своим составом Советом был создан военно-революционный комитет. Автор так пишет об этом: «Тогда партийный комитет выносит решение о создании Временного Белорецко-Тирлянского военно-революционного комитета»⁵.

Свидетельство распространенности практики разгона «кулацких» Советов находим и в воспоминаниях представителя антибольшевистского лагеря В.М. Наумова. Он пишет: «Как только проходили наши выборы, приезжали комиссии из городов и сразу же назначали перевыборы, смещая нами выбранных людей... И снова население перебирало отставленных комиссией лиц, которым народ доверял и кого знал за дельных работников. Опять наезжала комиссия и разгоняла наш Сельсовет»⁶.

После перехода правых социалистов к поддержке вооруженной борьбы с большевиками в июне 1918 г. они стали подвергаться массовым арестам. Так, в распоряжении председателя Уральского областного Совета А. Белобородова Пермской окружной ЧК от 18 июня 1918 г. говорилось: «Уважаемые товарищи! По приказанию Председателя ЦИК предлагаю вам арестовать представителей буржуазии, лидеров правых эсеров и меньшевиков. Они должны содержаться под стражей как заложники. Необходимо провести до 100 арестов минимум в Перми, Мотовилихе и окрестностях»⁷.

Воспоминания говорят о том, что деление мира на «своих» и «чужих» было свойственно рабочим, воплощаясь в полной мере в их практиках в условиях Гражданской войны. Эта черта, присущая рабочим в целом, усугублялась из-за психологических особенностей горнозаводского населения Урала – продукта традиционалистской горнозаводской культуры⁸. Традиционная настороженность и враждебность горнозаводских рабочих по отношению к большинству инженеров, интеллигенции,

¹ Там же.

² Там же.

³ Волков И.И. Белорецкие красногвардейцы // За власть Советов. Сб. воспоминаний участников Октябрьской революции и гражданской войны в Башкирии. Уфа, 1961. С. 272-273.

⁴ Там же. С. 273.

⁵ Там же.

⁶ Наумов В.М. Мои воспоминания. С. 80.

⁷ Гражданская война в Прикамье. Май 1918 – январь 1920 гг. Сб. док. Пермь, 2008. С. 126.

⁸ См. Голикова С.В. «Люди при заводах»: Обыденная культура горнозаводского населения Урала XVIII – начала XX века. Екатеринбург, 2006. С. 9-23.

«чужакам»¹ усилилась в годы революции и гражданской войны, когда к социальному и культурному противостоянию прибавилось военно-политическое и идеологическое.

Недоверие и враждебность в отношении офицеров проявлялись рабочими обоих противоборствующих лагерей. Участник антибольшевистского Воткинского восстания А.Я. Гутман-Ган вспоминал: «Офицерство, даже вышедшее из местного заводского населения, рассматривалось как «Необходимое зло»². Другое свидетельство – решение правления Ижевского «Союза солдат-рабочих», одобренное общим собранием, о его преобразовании в «Союз рабочих, прибывших из разных мест России», вступающие в который должны были документально подтвердить, что их постоянное место жительства находится «не менее 100 верст от Ижевска»³. Эта мера должна была «очистить» Союз фронтовиков от офицеров и военных чиновников, несмотря на общность их интересов в борьбе с большевиками. Репрезентация подобной враждебности присутствует в разнообразных источниках личного происхождения. Так, в каждом письме принудительно мобилизованных солдат колчаковской армии к красноармейцам, опубликованном в сборнике «Рабочая революция на Урале», офицеры-колчаковцы называются «золотопогонниками»⁴, что имело в сознании рабочих явно выраженный негативный смысл и воплощало образ врага. Интересно, что в одном из писем белые называются «крокодилами»⁵, что отражает дегуманизацию их образа в пропаганде и в восприятии рабочих, психологически облегчавшую насилие. Изображения врагов (буржуазии, белого офицерства и т.п.) в зооморфном виде широко представлены в поэтических текстах сторонников Красного лагеря, опубликованных в периодической печати Урала в годы Гражданской войны⁶.

Несмотря на недовольство в рабочей среде политикой большевиков в первой пол. 1918 г., реалии курса «белых» правительств обусловили разочарование в них как в возможной альтернативе большевистскому режиму. Произвол военных, несмотря на присутствие в структурах Временного областного правительства Урала умеренных социалистов, стал одной из черт социально-политической действительности вскоре после свержения большевиков летом 1918 г., а в прифронтовой полосе от него не были застрахованы и сами представители правительственных партий⁷. Сотрудник газеты «Вперед» в 1918 г. И.И. Шеломенцев вспоминал позднее о реакции рабочих на террор военных: «Бесчинства белочехов никак не гармонировали со словами эсеров и меньшевиков. Рабочие все чаще спрашивали друг друга: - Как же так? Где же народовластие? Хватают ни за что, ни про что! Издеваются! И действительно, в городе всю свирепствовала контрразведка. Людей, будь то рабочие или служащие, хватали на улицах, в домах, на работе... Их сажали в тюрьму, заключали в концентрационный лагерь. В уфимской тюрьме в августе 1918 года содержалось около 500 заключенных – сторонников Советской власти или просто заподозренных в сочувствии ей»⁸. Автор описывает, по сути, общую практику террора, характерную для действий обеих

¹ Алеврас Н.Н. «Заперты мы на заводе»: локальный мир горнозаводской культуры дореволюционного Урала // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX – XX веках. Сб. ст. Челябинск, 2003. С. 67.

² Гутман-Ган А.Я. Два восстания. С. 58.

³ Дмитриев П.Н. Организации бывших военнослужащих накануне Ижевско-Воткинского восстания // ИДНАКАР № 1 (18) 2014. С. 6-7.

⁴ Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты. С. 182-183.

⁵ Там же. С. 182.

⁶ Голдин В.Н.. Поэзия гражданской войны в периодических изданиях Урала: 1917 – 1919 годы. Екатеринбург, 2006. Кн. 1. С. 119, 129, 142, 147, 173; Кн. 2. С. 46-47.

⁷ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 667. Л. 3-4.

⁸ Шеломенцев И.И. В большевистском подполье // За власть Советов. Сб. воспоминаний участников Октябрьской революции и гражданской войны в Башкирии. Уфа, 1961. С. 287.

противоборствующих сторон. Важным в этой ситуации является отмеченное несоответствие ожиданий рабочих, уставших от произвола красных и ожидавших «народовластия» от белых, реалиям нового политического курса антибольшевистских правительств.

Следует рассмотреть особенности лексики мемуаров рабочих, важные для изучения легитимации практик насилия. Прежде всего, отметим частое использование рабочими термина «банда» для обозначения врагов, что подразумевало олицетворение их с преступниками, убийцами, вызывало сильную негативную ассоциацию. Он встречается в документах всех противоборствующих сторон¹, в том числе в воспоминаниях красных – для обозначения участников белого лагеря в целом («белая банда»²), а также отдельных представителей антибольшевистских сил (казаков, чехо-словаков), противников из числа умеренных социалистов («меньшевистско-эсеровская банда»³). В сводке информационного отдела Уральского Управления НКВД о положении в Екатеринбургском уезде в июне 1918 г. «бандами» и «белогвардейцами» называются Невьянские, Тагильские и Шайтанские повстанцы, в большинстве своем рабочие, а также меньшевики и эсеры. Там говорится: «Под влиянием агитации белогвардейцев бандами правых социалистов-революционеров и меньшевистской были организованы волостные земства (вместо Советов – О.П.), начиная от Невьянска до Петрокаменска... Контрреволюционное движение, подавленное в Невьянске и Тагиле, начинало вспыхивать и в Алапаевском районе, как, например, в Арамашевской, Коптеловской, Мироновской волостях состоялись перевыборы Совдепов, куда под флагом беспартийных прошли социалисты-революционеры и меньшевики... Из Алапаевска выступил отряд для ловли и разоружения разбегающихся банд»⁴. Отметим, что термины «банда», «белогвардейцы» для характеристики всех групп населения, сопротивлявшихся большевикам в период Гражданской войны, широко представлены в советских воспоминаниях 1930-60-х гг., что свидетельствует о формировании устойчивых стереотипов, берущих начало в пропаганде 1918 – 1920 гг.

Кроме того, воспоминания пробольшевистски настроенных рабочих изобилуют лексемами, являющимися символами-кодами, требующими расшифровки, прояснения смысла явлений, за ними скрывающихся. Это связано с тем, что большевистская пропаганда целенаправленно вмешивалась в лексическую систему языка с целью создания образа классового врага, используя для этого разнообразные средства. Так, практиковалось увязывание образов конкретных врагов с политическими и социальными явлениями, к которым эти враги в действительности не имели отношения, но которые могли вызвать резко отрицательные ассоциации. К ним относятся лексемы «колчаковские агенты» в отношении бастовавших рабочих, «кулаки», «кулачье» в отношении крестьян и рабочих, поднимавших восстания против большевиков⁵, «бандиты», «банда» в отношении всех участников антибольшевистского движения. Использовалась особая

¹ См.: Голдин В.Н. Поэзия гражданской войны в периодических изданиях Урала: 1917 – 1919 годы. Кн. первая, Кн. вторая. Екатеринбург, 2006. Кн. 1. С. 79; Наумов В.М. Указ. соч. С. 80-81 Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919. Документы и материалы. С. 116-117, 331; и др.

² Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты. С. 182.

³ Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни. С. 199, 200, 201, 202, 213.

⁴ Сводка информационного отдела Уральского Управления НКВД о положении в Екатеринбургском уезде в июне 1918 г. // Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919. Документы и материалы. С. 116-117.

⁵ Например, красногвардеец А.И. Медведев в своих воспоминаниях о подавлении антибольшевистского восстания в поселке Шемахинского завода называет рабочих «кулачьем» («...в районе завода взбунтовалось кулачье»: см.: Медведев А.И. Помню, как мы ездили на усмирение. Записки красногвардейца // Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919. Документы и материалы. С. 75.

лексика, представлявшая врага в наиболее негативном свете («предатели революции», «прислужники Колчака»), создавались с этой целью новые лексемы (белобандит, белопартизанское движение, белочехи)¹.

Поскольку воспоминания, как мы показали, изобилуют данными лексемами, то можно согласиться с мнением С.В. Ярова, что «языковое рабство» – подчиненность большевистскому политизированному языку – играло значительную роль в изменении мировоззренческой самоидентификации рабочих².

Воспоминания, как один из видов источников личного происхождения, позволяют осмыслить практики военизированного насилия периода российской Гражданской войны. На основе анализа языка воспоминаний рабочих, участвовавших в гражданском противостоянии на Урале, можно говорить об общих чертах и различиях способов легитимации насилия представителями красного и антибольшевистского/белого лагерей. Представители красного лагеря осознанно поддерживают насилие над классовыми врагами как правомерное. Это происходило под влиянием целенаправленного формирования властью в сознании рабочих образа классового врага, пропаганды справедливой, «священной» борьбы за светлое будущее, вмешательства в систему языка. При этом обоснование насилия пробольшевистски настроенными рабочими было тесно связано с отвержением традиционной морали в пользу «революционной», не вызывало моральной рефлексии. Представители антибольшевистского лагеря выступали за приверженность традиционным ценностям (частной собственности, правопорядка, религиозной веры), а также, в своей политизированной части, – демократическим ценностям Февральской революции. Они рассматривали насилие как вынужденное, вызванное необходимостью обороняться от жестокого и беспощадного врага. Однако раскол рабочих, как подтверждают мемуары и другие источники, не исключал проявлений общих черт их социального поведения и психологии, влияния объединяющего наследия «эпохи насилия», порожденной Первой мировой войной.

Харриет Мурав

Некрополитика и художественная литература в эпоху Гражданской войны в России

В эпоху революции и гражданской войны в России, мирное население становилось объектом произвола и насилия со стороны противоборствующих государственных и негосударственных армий, повстанческих группировок, военизированных формирований и отдельных лиц, которые захватывали и уничтожали имущество, вымогали деньги, занимались внесудебными расправами, убийствами, изнасилованиями и наносили увечья. На Украине особой мишенью были евреи, по разным оценкам, от 30 000 до 100 000 из них были убиты. Оказавшись вне защиты закона, евреи и другие гражданские лица столкнулись с необузданной властью своих временных правителей. Царь отрекся от престола, и любой мог быть «царем на день». Верховная власть растеклась из центра по

¹ О языковой составляющей создания образа врага см.: Костылев Ю.С. Лексические средства создания образа врага (на примере текстов советской массовой печати 1919–1953 гг., освещающих локальные и региональные конфликты). Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2012.

² Яров С.В. Политическое мышление рабочих в 1917 – 1923 годах: элементы трансформации // Менталитет и политическое развитие России. М., 1996. С. 120–123; Он же. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917 – 1923 гг. СПб, 1999. С. 15–22.

всему общественно-политическому пространству, и люди, которые раньше являлись политическими субъектами, стали просто-напросто плотью, пригодной для убийства.

Художественная литература приоткрывает уникальное окно в мир такого насилия. В этой статье анализируются мемуары Виктора Шкловского «Сентиментальное путешествие», документальный роман 1926 года Ицика Кипниса «Месяцы и дни» и поэзия о погромах на идише Лейба Квитко (1890-1952). Кипнис (1896-1974) был свидетелем погрома 1919 года в Словечно. Воспоминания Шкловского дают представление о географии насилия, которая охватывает Санкт-Петербург, Елизаветград и Урмию, на севере Персии. Лейб Квитко пережил майский погром 1919 года в Умани. Никто раньше не сравнивал эти тексты и их авторов. Я преследую две цели. Во-первых, проанализировать погромы, в частности те, которые были проведены местными полевыми командирами, в более широком контексте насилия гражданской войны. Центральными для моей аргументации являются концепции отвержения, некрополитики, разновидности биополитики, и связанной с ними категории, известной на иврите как *hefker* – «бесхозная собственность», и первая часть статьи посвящена обсуждению этих идей. Во-вторых, я прочитала художественные произведения, упомянутые выше, не только из-за взгляда авторов на опыт, эмоции и восприятие насилия, но также из-за их концептуализации насилия.

Политика отвержения и смерть

Краткий экскурс в историографию поможет уточнить мою аргументацию. Приводятся различные объяснения причин антиеврейского насилия на Украине, в том числе в контексте событий Первой мировой войны. Антиеврейские настроения и политика царской армии, депортировавшей тысячи евреев, проложили путь для жестокости в том же регионе в ближайшем будущем¹. Период 1918-1921 гг. является лишь одной из фаз «непрерывной череды конфликтов», который начались во время Первой мировой войны и продолжались до окончания Второй мировой войны². Антибольшевистские настроения, стремление к земле, наличие оружия и «длительное отсутствие центральной власти на Украине» были одними из наиболее важных факторов, приведших к погромам³. Фокусировка на контексте не учитывает того, что происходило в конкретных местах, и не может объяснить специфическую природу погромного насилия, о которой я расскажу позже.

Рассматривать насилие как простое причинение физической и психологической боли – большое упрощение. Чтобы рассуждать о страхе, неуверенности, дезориентации, антисемитизме и этническом национализме необходимо добавить дополнительные факторы, не прибегая к проблеме опыта и эмоций. Концепции отвержения и некрополитики расширяют аналитическую апертуру, помогая рассмотреть силовое поле насилия в этот период, в целом, и, таким образом, поместить антиеврейское насилие в более широкий контекст. Действия, совершенные против евреев воюющими государственными и негосударственными армиями, бандами и отдельными лицами, были частью более широкой сферы насилия. В пространстве ничем не ограниченной власти каждый становился её субъектом, вне зависимости от благоприятной биополитики.

¹ Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми. М., 2005.

² Holquist P. Making War, Forging Revolution : Russia's Continuum of Crisis, 1914-1921. Cambridge: Harvard University Press, 2002.

³ Abramson H. A Prayer for the Government : Ukrainians and Jews in Revolutionary Times, 1917-1920 / (Cambridge, Mass. : Distributed by Harvard University Press for the Harvard Ukrainian Research Institute and Center for Jewish Studies, Harvard University, 1999). P. 109–139.

Биополитика

Агамбен утверждает, что политическая жизнь строится вокруг продолжающегося производства голый жизни, обыкновенной смертной плоти. В то время как Фуко показал, что современные формы власти создают субъекта как получателя помощи, для Агамбена суверенная власть производит голую жизнь и зависит от производства голый жизни. Фуко утверждает, что биополитика возникает в политическом переходе от власти суверена к суверенитету народа и современного административного государства. Агамбен объединяет правовые и «биополитические» измерения власти, чтобы утверждать, что «производство биополитического тела является первоначальной деятельностью суверенной власти»¹. Суверен определяет исключительное положение, приостановление нормального юридического порядка для некоторой части населения, хотя возможность утраты защиты и осуществления абсолютной власти над простой биологической жизнью всегда присутствует в обычной жизни обыкновенных граждан, которые лишь временно «одеты» в свои права, нормы, ограничения и привилегии. Эти временные «одеяния» спали во время гражданской войны.

Те, кто оказались в исключительном положении, попадают в категорию находящуюся в рамках закона, но они отделены и исключены из сообщества, запрещены. Процесс отвержения предполагает «открытость для всех», доступность без ограничений, лишение всякого общественного признания, правовой защиты и уязвимость для прямого воздействия власти. Для Агамбена самые экстремальные условия современной биополитики находят свое наиболее полное воплощение в лагере смерти, где суверенная власть реализует полное превосходство над голый жизнью.

Однако условия в лагере смерти и погромное насилие имеют свои отличия. В постреволюционной Украине, в отличие от гитлеровской Германии, отсутствовала государственная власть. Но я утверждаю, что, несмотря на эти различия, отвержение может иметь место как в контексте гиперлегальности, как в гитлеровской Германии, так и в тех случаях, когда закон и социальный смысл разрушаются в контексте гипопегальности, как это было в постреволюционной России и Украине в период с 1917 по 1922 год.

Тем не менее, использование биополитических концепций представляет трудности в случае несостоявшихся государств. Оставление определенных групп населения наедине с насилием – это то, что делает государство. Критикуя Агамбена, Ади Офир по-прежнему опирается на понятие государства, хотя он различает провиденциальное государство, которое обеспечивает заботу, и катастрофическое государство, управляющее населением, которое может пострадать и лишиться помощи, не вызывая сдвига в государственном аппарате². Катастрофическое государство использует свою неспособность оказать помощь жертвам стихийных бедствий или жертвам «ярости жестокий соседей» в качестве средства управления³. Преднамеренная политика использования техногенного или стихийного бедствия для управления населением все еще зависит от функционирующего биополитического аппарата.

Некрополитика

И напротив, анализ войны в Африке, как некрополитики, проведенный Ахиллом Мбембе, демонстрирует существенные параллели с российским опытом. Мбембе пишет,

¹ Agamben G. Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life, Meridian: Crossing Identities. Stanford: Stanford University Press, 1998. P. 6.

² Ophir A. The Two-State Solution: Providence and Catastrophe Critical Modernities: Politics and Law beyond the Liberal Imagination // Theoretical Inquiries in Law. 2007. № 8. P. 117–160.

³ Ophir. P. 137.

что вместо единственного источника суверенитета «возникает пестрая смесь из частично совпадающих и неполных прав на власть, которые неразрывно накладываются друг на друга и запутываются, в которых различные де-факто юридические инстанции географически переплетены, и в большом количестве присутствуют различные подданства, асимметричные сюзеренитеты и анклавы»¹. Агентами насилия являются: «городские ополченцы, частные армии, армии региональных правителей, частные охранные фирмы и государственные армии», все они «претендуют на право убивать»². Характеристики, которые Мбембе находит типичными для того, что он называет «машинами войны» в Африке, а именно: плавное рассеивание власти, проницаемые политические границы, временный характер власти и правление с опорой на насилие, также характерны для эпохи гражданской войны в России и Украине.

Мексика дает нам еще один пример. В книге «Necropolitics and Living Death in Mexico» Р. Гай Эмерсон использует термин «безнаказанное насилие», чтобы охарактеризовать насилие, совершаемое правительством, организованной преступностью и группами самообороны, *autodefensas*, которые вступают в различные союзы с картелями и правительством. В отличие от правительственных органов власти, действующих вокруг тех, кто может или не может получать помощь, в Мексике «властные структуры, позиционировавшие себя в соответствии с отношением к насильственной смерти, действовали способом, чуждым администрации»³. Принципы некрополитики, как указывают Мбембе и Эмерсон, могут пролить свет на насилие российской гражданской войны, в том числе и за пределы насилия местных военных правителей на Украине. Билл Розенберг утверждает, что лишения, унижения и потери были более важными, чем идеология, в жестоком насилии российских гражданских войн. Сергей Екельчик, проанализировав гражданскую войну на Украине, подчеркивает важность насилия, не используя термин «некрополитика». По его словам, «украинский случай помогает проблематизировать наши представления о «революционном», «контрреволюционном» и «этническом» насилии», демонстрируя общую культуру насилия».

Интерпретации власти в 1919 году

Документ, появившийся во время непрерывного насилия в мае 1919 года в Елисаветграде, добирается до сути вопроса: отношения между сувереном и органами, которыми он управляет, хотя бы и недолго. Некий П. Павлов, называющий себя «командующим фронтом», по-видимому, из Красной Армии, опубликовал следующее заявление в газете («Наша жизнь») 19 мая 1919 года.

Товарищи рабочие и крестьяне:

Я услышал голос крестьян и ваших представителей и решил покончить немедленно с разгромом трудовой жизни. Рабочие и крестьянские представители должны повести решительную борьбу с бандитизмом и провокациями. Со всеми нарушителями порядка ... я расправлюсь по своему усмотрению. С момента опубликования сего приказа власть переходит к рабочим и крестьянам. Личность граждан и его жилище неприкосновенны⁴.

Этот приказ является учебным пособием по установлению суверенитета. Между двумя категориями людей, которых называет Павлов, не существует ни механизма, ни

¹ Mbembe A. Necropolitics / translated by Libby Meintjes // Public Culture 15, no. 1 [39] (2003 Winter 2003). P. 31.

² Mbembe. P. 31.

³ Emerson R. G. *Necropolitics, Living Death in Mexico*, Studies of the Americas (Palgrave Macmillan, 2019), 22, https://doi.org/10.1007/978-3-030-12302-4_1.

⁴ Elisavetgrad (Kirovograd, Kropyvnytsky) - Yaruga (Yaruha) (Folder 316) Mizrakh Yidisher Historisher Arkhiv, RG 80 Source : Folder 316 (RG 80).

процесса переговоров. Он решает, чья личность и имущество неприкосновенны, а с кем можно иметь дело по своему усмотрению.

Литература свидетелей погромов 1919 года на Украине описывает множество других временных правителей. В отличие от риторики, ссылающейся на законность, сформулированной Павловым, эти временные правители демонстрировали и применяли свою власть в отношении плоти своих подданных. Кипнис описывает атамана Олеса Козыря-Зирка, ответственного за погром в Овруче, как «большого, высокого, черноволосого красавца, героя»¹. Перед тем как покинуть Овруч, он вызвал делегацию городской элиты на вокзал, где заставил их петь «песни Сиона», танцевать и шлепать друг друга по щекам, пока он наблюдал, затем его люди открыли огонь по евреям из винтовок и пистолетов². «Король на день» придумывает сценарий, в котором ритуальное унижение предшествует убийству. Сексуальный импульс присутствует как в организации, так и в созерцании зрелища танцующих еврейских тел, вынужденных бить друг друга.

Одной из отличительных черт антиеврейского насилия в гражданской войне была его гротескная жестокость. пытки и изнасилования были нормой. Тела подвергались надругательству до и после смерти; Трупы оставлялись на улице, потому что в разрешении на похороны отказывали, в результате чего выжившие должны были наблюдать, как их поедали собаки и свиньи. Эта практика описана медицинским отделом еврейских гуманитарных организаций и в поэзии Квитко. Трупы оставляли в разных позах, в том числе в позе человека, сидящего за столом в своей столовой, живого младенца у груди мертвой матери, труп в позе стоя, который использовали в качестве мишени. За счет этого смерть превращалась в зрелище и становилась частью повседневной жизни выживших. Это техника террора, которая служит режиму смерти.

Hefker и отвержение

Литературные источники не только дают отражение насилия; они адресуют ему вопросы, используя терминологию, знакомую по их жизненному миру. Ключевым термином в еврейских источниках является еврейское слово *hefker*, что означает «бесхозная собственность»³. Термин *hefker* встречается в повседневной еврейской практике. Домохозяева провозглашают любые закваски, оставшиеся после пасхальной чистки, «*hefker*, словно прах земли»⁴. Чтобы объявить что-нибудь *hefker*, нужно отречься от этого, убрать его из сферы заботы и ответственности. Семён Дубнов и Ахад ха-Ам, создатель культурного сионизма, писали в ответ на погром 1903 года в Кишинёве, используя один и тот же термин – «*hefker*», чтобы охарактеризовать еврейскую жизнь в царской России: жизнь, собственность и честь евреев «не признаются (*hefker*)», и их кровь «пропала без вести»⁵.

В произведении Кипниса «Месяцы и дни» недвусмысленно используется термин *hefker*. Уроженец Словечно, Кипнис работал кожевником до 1920 года⁶. «Месяцы и дни» стали первой работой, которая привлекла значительное внимание критиков; он был

¹ *Kipnis I. Khadoshim un teg: A khronik. Kiev: Kultur-Lige, 1926. P. 58.*

² *Kipnis. P. 62.*

³ Ноам Лешем обосновывает связь между *hefker* в еврейском правовом каноне и представлением Агамбена о политической отвержения. См.: *Leshem N. Spaces of Abandonment: Genealogies, Lives and Critical Horizons // ENVIRONMENT AND PLANNING D-SOCIETY & SPACE 35, no. 4 (August 2017): P. 620–636.*

⁴ *Eider S. D. Halachos of Pesach. Lakewood, N. J.: Feldheim Publishers, 1998. P. 107.*

⁵ «Прокламация союза еврейских писателей» // *The Literature of Destruction: Jewish Responses to Catastrophe*, ed. David G. Roskies, 1st ed. (Philadelphia: Jewish Publication Society, 1988). P. 157. Я в долгу перед Кеном Моссом, который указал мне на это.

⁶ Я опираюсь на данные следующей публикации: *Altshuler M. Itsik Kipnis: The 'White Crow' of Soviet Yiddish Literature // Jews in Russia and Eastern Europe. 2004. № 52/53. P. 68–167.*

широко известен как детский писатель, с произведениями на идише и в русском переводе¹. После Второй мировой войны он вернулся к теме своего родного местечка и послевоенной еврейской жизни в Киеве. Его похвала еврейской звезды, как объекта гордости, и общий антиеврейский поворот в Советском Союзе привели к его аресту в 1949 году. Кипнис провел семь лет в ГУЛАГе, был реабилитирован в 1956 году и умер в Киеве в 1974 году².

Роман Кипниса на идише «*Khadoshim un teg*» («Месяцы и дни») был впервые опубликован в 1926 году; русский перевод появился в 1930 году. С точки зрения Кипниса, изложенной в «Месяцах и днях», русская революция 1917 года имела мало смысла, кроме спровоцированного ей насилия. Он задается вопросом: «Кто же не знает, что в России прошел год после великой революции? Конечно, мы знаем. Но в тех местах, где жили мы, революция не произошла»³. В Словечно в 1919 году было около 1475 жителей, 905 из которых были евреями. В городе располагались: мельница, несколько кожевенных заводов, скотобойня, церковь и два еврейских кладбища. Евреи из Словечно и крестьяне из окрестных селений знали друг друга. Крестьяне приносили евреям картофель, муку, мед, телятину, а евреи предоставляли обработанные шкуры животных, шубы и ботинки⁴. У отца Кипниса, кожевника, были и еврейские и нееврейские клиенты.

Один из источников напряженности между еврейским и христианским населением был связан с экономическими трудностями, вызванными реквизициями промышленных товаров, проводившимися новым советским правительством; Евреи и неевреи оказались по обе стороны этого конфликта. Кипнис обвиняет в разжигании насилия в его родном местечке своего соседа Марко Лухтана, начальника милиции, и человека по фамилии Косенко, а также крестьян из города и окрестностей. Имена Лухтана и Косенко встречаются как в архивных документах, так и в «Месяцах и днях»⁵. Кипнис описывает Лухтана, который был ветераном Первой мировой войны, как «лжеца, цыгана и нищего»⁶.

Согласно свидетельскому показанию из архива Киевской районной комиссии, Косенко был молодым человеком в возрасте девятнадцати или двадцати лет. Он был грамотным и некоторое время работал клерком в Продовольственной комиссии; в период до июля 1919 года не имел определенного места работы, но затем поступил на службу в местную милицию и вместе с начальником милиции начал антиеврейскую агитационную кампанию в близлежащих деревнях и поселениях. Косенко утверждал, что евреи собираются захватывать церкви и превращать их в синагоги, заставлять крестьян регистрировать браки и рождения через раввинов, а также, что евреи накапливают промышленные товары для того, чтобы обобрать крестьян как липку⁷.

Слухи о вспышке антиеврейского насилия побудили евреев искать гарантий и защиты у Лухтана, как начальника милиции. Показания Исаака Гольдберга позволяют

¹ О другой дискуссии по поводу «Месяцев и дней» см.: *Krutikov M. Rediscovering the Shtetl as a New Reality // The Shtetl: New Evaluations / ed. Steven T. Katz. New York: New York University Press, 2007. P. 211–232.*

² Подробнее о Кипнисе см.: *Murav H. Music from a Speeding Train: Jewish Literature in Post-Revolutionary Russia. Stanford, CA: Stanford University Press, 2011. P. 248–258.*

³ “Ver veyst es nit, as in Rusland iz shoyn a yor nokh der groyser revolutsye? Avade veysn mir. Ober in undzere mekoymes gufe zaunen nokh keyne shum revolutsyes nit forgekumen.” *Kipnis. Khadoshim un teg: A khronik. P. 24.*

⁴ *Kipnis. P. 52.*

⁵ Свидетельское показание Л. Каплан Testimony из фонда Киевской районной комиссии еврейского общественного комитета по оказанию помощи пострадавшим от погромов // ДАКО. Ф. 3050. Оп .1. Д. 225. Л. 17-17 об.

⁶ *Kipnis. Khadoshim un teg: A khronik. P. 41.*

⁷ Свидетельское показание Л. Каплан Testimony из фонда Киевской районной комиссии еврейского общественного комитета по оказанию помощи пострадавшим от погромов // ДАКО. Ф. 3050. Оп .1. Д. 225. Л. 17-17 об.

предположить, что Лухтан заранее договорился с группой «бандитов» о штурме города по его сигналу. Ицко-Мордакович Пашковский, который работал в лесу в окрестностях Словечно, также показал, что он услышал крик «Начинай!» около 2:30 утра 15 июля 1919 года¹. В «Месяцах и днях» Кипнис и его жена ложатся спать в одежде. Звук стрельбы будит его, и пара бежит через сады домов своих соседей. На следующий день они узнают, что одного еврея жестоко избили, другого убили, а магазины и дома обыскали. Убийства и разрушения продолжались еще два дня. Кипнис пишет: «Все наши улицы были окутаны нитями страха»². Один свидетель сообщил о 68 убитых и 45 раненых в Словечно; в других отчетах фигурируют немного другие оценки³.

В «Месяцах и днях» Кипнис неоднократно использует термин *hefker*. Когда в Словечно стало царить насилие, его отец запер дом и покинул его, как говорит Кипнис, «на поругание и произвол» («af zidleray un af hefker»)⁴. Использование этого термина в отношении собственности не редкость; однако Кипнис использует это же слово для описания людей. Он описывает евреев, бегущих из своих домов во время насилия, следующим образом: «Мы были подобны существам, которые с наступлением темноты были совершенно заброшены [*hefker*] и беспомощны»⁵. Обратите внимание на термин «существа» (*bashefenishn*), то есть не просто животные (*beheymes*), слово, которое Кипнис использует в других частях текста, а существа, которых постигла определенная участь: их хозяин отрекся от них (отсюда и их состояние – *hefker*), и поэтому они подвержены прихоти кого угодно. Вопрос в том, кто в этом случае выступает в роли хозяина или суверена? Бог? Обычные нормы? Государство? Кипнис ставит важный вопрос с точки зрения более широкой проблемы суверенной власти и безнаказанности насилия, продолжая дискуссию, начатую Дубновым и Ахадом ха-Амом.

В раввинистической литературе, когда термин *hefker* и связанные с ним слова относятся к человеку, в центре дискуссии находится вопрос о девиантной сексуальности⁶. Различные вопросы, которые рассматривают раввины, сосредоточены на делах об освобожденных женщинах-рабынях. Так, свободные мужчины не стремились жениться на женщинах, которые раньше были рабынями, потому что как таковые они напоминали «бесхозную собственность», иными словами, эти женщины могли безнаказанно подвергаться сексуальному насилию. В другом случае, раввины настаивали на том, чтобы женщина, которая была наполовину рабыней и наполовину свободной, была бы полностью освобождена, чтобы окружающие ее люди не относились к ней как к бесхозному имуществу, другими словами, распутно. Их забота была не столько о самой женщине, сколько о сообществе. Я предлагаю установить связь между биополитической концепцией запрещенных лиц и лиц, попадающих в категорию *hefker*, «бесхозной собственности»⁷. *Hefker* описывает пограничное условие, определяющее границу между

¹ Показание Ицко-Мордаковича Пашковского // ЦДАВО. Ф. 2497. Оп. 3. Д. 154.

² *Kipnis. Khadoshim un teg: A khronik.* P. 103.

³ Книга погромов : погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918-1922 гг. : сборник документов / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения, Гос. архив Рос. Федерации ; отв. ред.: Зюзина И.А. [и др.] отв. ред. Милякова Л.Б. М.: РОССПЭН, 2007. С. 179.

⁴ *Kipnis. Khadoshim un teg: A khronik.* P. 84. В русском переводе *hefker* назван «произволом»: «оставлен на поругание и произвол». Кипнис И. Месяцы и дни / перевод Б. И. Маршака. М.; Л.: Государственное издательство, 1930. С. 77.

⁵ *Kipnis. Khadoshim un teg: A khronik.* P. 92. В русском переводе «бездомные и беспомощные». Кипнис. Месяцы и дни. С. 85.

⁶ Я опираюсь на данные публикации: *Labovitz G. More Slave Women, More Lewdness: Freedom and Honor in Rabbinic Female Sexuality // Journal of Feminist Studies in Religion* 28, no. 2 (Fall 2012). P. 69–87.

⁷ Я не первая, кто предлагает такой подход. Подробнее о дискуссии по поводу людей со статусом *hefker*, в контексте нынешней израильской администрации, см.: *Leshem. Spaces of Abandonment.*

теми, кто пользуется защитой своей телесной неприкосновенности, и теми, кто ее не имеет, иными словами, теми, чьи тела являются простым материалом для удовольствия, которое другие получают от них. Пограничное положение возбуждает своенравное желание тех, кто оскорбляет других. В «Месяцах и днях» пограничной категорией в основном являются евреи, но она не ограничивается ими; Кипнис также описывает репрессии, совершенные евреями против преступников, включая его соседа Лухтана, который был застрелен.

Шкловский, отвержение и превращение в обыкновенную плоть

Виктор Шкловский, известный как теоретик литературы, реже воспринимается читателями как теоретик насилия. В книге «Сентиментальное путешествие: Воспоминания, 1917–1922» Шкловский описывает более широкое силовое поле насилия русской революции, включая насилие против евреев, но не фокусируясь на нем. Его рассказ о повседневной жизни в революционных Петрограде и Москве раскрывает принцип действия некрополитики в революционной России.

Насилие на местном уровне, совершаемое определенными группами и отдельными лицами, было столь же неизбежно, как погода: в воздухе были пули, словно облака на небесах. «Кровь революции, – пишет Шкловский, – вошла в повседневную жизнь». Разница между живыми и мертвыми телами стирается в то время, когда нормой становится нерегламентированная скорая казнь (самосуд), «господство толпы»¹. Вопрос заключался не в том, умрут ли жертвы, а в том – каким образом они умрут, и Шкловский рассказывал о различных ужасных методах пыток и лишения жизни. Шкловский беседовал с солдатом о самосуде, который заявил: «тогда покойник и говорит». Когда Шкловский спросил, что это означает, он ответил: «А тот, значит, которого убьют сейчас, говорит»². Суверенные решения, принимаемые кем угодно, и все они совершенно необратимы; смертные приговоры «безжалостны». Режим смерти превращает человеческие тела в обыкновенную убиваемую плоть.

После революции запасы продовольствия катастрофически сократились. Когда обыденная задача поддержания жизни в теле стала почти невозможной, тучность тела стала еще более заметной³. Возник парадоксальный избыток плоти в то время, когда ее не хватало для поддержания жизнедеятельности, таким образом, обилие плоти и ее недостаток сосуществовали в одном и том же пространстве. Я использую термин «enfleshment» (превращение в обыкновенную плоть), который я позаимствовала у Александра Вейли, для описания, как самого этого феномена, так и связанного с ним феномена насилия эпохи гражданской войны⁴. Шкловский описывает мозг как плотский орган с собственными потребностями, как если бы он был отдельным организмом, и ему

¹ Максим Горький также писал о господстве самосуда в революционной России. Википедия любезно указала мне на этот текст; см.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4>. См.: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/articles/article-376-1.htm>.

² *Shklovsky V. A Sentimental Journey: Memoirs, 1917-1922* / trans. Richard Sheldon. Normal, IL: Dalkey Archive Press, 2004. P. 140. Шкловский, «Еще ничего не кончилось,» 148.

³ Дискуссию об избыточной плоти в осажденном Ленинграде во время Второй мировой войны, где также анализируется «Сентиментальное путешествие», см.: *Barskova P. Beseiged Leningrad: Aesthetic Responses to Urban Disaster*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2017. P. 51–72.

⁴ Мбембе и Александр Вейли критикуют фокусировку Агамбена исключительно на лагерях смерти, утверждая, что рабство и колониальная оккупация также служат примером состояния исключения и отвержения. Вейли исследует практики рабовладения, прослеживая, как рабовладельцы превращали людей в обыкновенную плоть. См.: *Weheliye A. G. Habeas Viscus: Racializing Assemblages, Biopolitics, and Black Feminist Theories of the Human*. Durham: Duke University Press, 2014.

был нужен сахар¹. Трупы бросали в опустевших жилищах, потому что не было возможности их похоронить. По мере того, как запасы продовольствия уменьшались, люди задавались вопросом, какую зелень, которую они разыскивали, лучше употреблять в пищу, и готовили суп из овса, но время, потраченное людьми на пропитание своей иллюзорной плоти, было потрачено впустую, потому что это было просто-напросто способом отвлечься от смерти. Шкловский фокусируется на плотских телах созданий, порожденных внешними силами, которые поработили их, механически воспроизводящих те же формы жизни, даже когда жизнь в них больше не теплилась.

Отвержение и превращение в плоть – лейтмотив «Сентиментального путешествия». Шкловский описывает брошенных детей, заключенных и лошадей в Персии, и брошенные автомобили и предприятия в Санкт-Петербурге и других частях России. Он был ранен в кишечник, и в его руках взорвалась бомба, которую он собирал, в результате чего по все его тело оказалась покрыто ранами, которые оставались открытыми и из которых продолжала вылезать шрапнель. Сам Шкловский является порождением насилия, которое он фиксирует, и в котором он принимает участие.

Форма отвержения может быть обнаружена во фразе «Налетай!» («На шарап!»), которая, как объясняет Шкловский, вышла из преступного жаргона². После взрыва бомбы, Шкловский был госпитализирован в Херсоне и оказался рядом с одноногим «местным коммунистом» по имени Горбань. Член партии эсеров, Горбань сидел в тюрьме в царские времена и сражался, как против греков, так и против немцев, оккупировавших Херсон. Он был тяжело ранен в ногу, и, по-видимому, ее ампутировали «перочинными ножами». Что выделяется в данном фрагменте текста: акцент на тело и его увечья.

Горбань одновременно является и жертвой насилия и насильником. Он «проявил себя» в Николаеве. Город Николаев, примерно в сорока трех милях от Херсона, стал ареной трехдневного погрома в мае 1919 года, во время которого было убито около ста евреев. Женщины и девушки были изнасилованы, а еврейские магазины разграблены³. Горбань рассказывает Шкловскому, как в Николаеве он и его люди «захватывали железнодорожные станции и объявляли: «На шарап!»⁴. Любой мог взять все, что ему захочется, и хотя добыча могла быть незначительной, по словам Горбаня, это было «весело» (интересно). Они «устраивали резню в поездах, полных беженцев», то есть еврейских беженцев, убивали всех, но сохранили жизнь еврейской женщине весом в 350 фунтов, потому что она была «редкостью». Обратим внимание на акцент на избыточности плоти.

После описания того, что произошло в Николаеве и Херсоне, Шкловский сообщает своим читателям, что его и других людей из перевязочного пункта посадили в поезд до Елисаветграда и поместили в местную еврейскую больницу. Шкловский добавляет в свое повествование комментарий личного характера: «Теперь я должен сказать несколько слов о своей генеалогии»⁵. Семья Шкловских происходила из Умани и «стала жертвой резни в Умани»; оставшиеся в живых члены семьи отправились в Елисаветград⁶. Умань была местом антиеврейского насилия в 18 и 20 веках. В 18 веке крестьянское восстание и капитуляция командира гарнизона Ивана Гонты привели к массовым убийствам тысяч

¹ *Shklovsky. A Sentimental Journey: Memoirs, 1917-1922. P. 232.*

² *Шкловский В. Еще ничего не кончилось. М. : Вагриус, 2002. С. 217; Shklovsky. A Sentimental Journey: Memoirs, 1917-1922. P. 221.*

³ Книга погромов : погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918-1922 гг. С. 238–239.

⁴ *Shklovsky. A Sentimental Journey: Memoirs, 1917-1922. P. 221.*

⁵ *Shklovsky. P. 226.* В оригинальном русском тексте использован термин «родословная».

⁶ *Shklovsky. P. 227.*

поляков и евреев. Оценки числа погибших евреев в Елисаветграде во время погромов времен Гражданской войны колеблются от 1300 до 3000 человек¹.

Описание Шкловским его вмешательства в погром на рынке в Урмии также демонстрирует превращение человеческой жизни и сложных систем, придуманных людьми, – в обыкновенную плоть. Русские солдаты были взбешены курсами валют и мстили местным торговцам. Вот как описывает Шкловский то, что произошло дальше:

и там воцарился непрекращающийся крик: «Ой, ой, ой», как в бане. Слепая, тупая ярость охватила меня. Я схватил доску и с криком побежал по темному туннелю, поражая всех на своем пути. ... Люди рылись в закромах темных палаток, вытягивая длинные полоски материала, похожие на кишки ... Пыль, поднятая вандалами, заставляла вас кашлять и выплевывать внутренности [добавлено многоточие]².

Метафора тела, особенно внутренностей, доминирует в описании погрома. Его звук напоминает баню, где собираются обнаженные тела; Базар, в целом, представляет собой большое тело, полное многочисленных внутренних пещер и пространств. Мародеры проникают сквозь скрытые внутренности, вырывая кишки базара, их поведение напоминает действия хищных животных.

Записки Шкловского об исчезающей Российской империи раскрывают то, что происходит, когда всякую привычку и правило, каждый хозяйственный механизм и произведенный механизм, включая фабрики и машины, и каждую структуру, как физическую, так и образную, насильственно разрывают в клочья. Или, как говорит Шкловский, используя слово, для которого нет английского эквивалента, исчезает быт, «привычная жизнь»³. Без привычной жизни, люди, живут ли они в Санкт-Петербурге, Елисаветграде или Урмии – это просто плоть.

Лейб Квитко

Квитко (1890?–1952) известен, прежде всего, как детский писатель. «Практически каждый русскоговорящий ребенок в Советском Союзе» был знаком с его поэзией – в русском переводе⁴. Его известность в качестве детского автора, междоусобная полемика на идише, в которой он участвовал в конце 1920-х годов, и его трагическая гибель, по указанию Сталина, в 1952 году, в качестве члена Еврейского антифашистского комитета – затмили его прежние сочинения: в частности, книгу «1919»⁵, которую он не хотел называть погромной поэзией. Квитко осиротел и был отправлен на работу в раннем возрасте, он начал свою карьеру в поэта, когда ему было 12 лет, и публиковался в рукописном журнале, который он и несколько его друзей выпускали в Умани. Квитко начал работать в киевской Культур-Лиге в качестве писателя и доставщика книг. Квитко эмигрировал из Советского Союза вместе со многими писателями в 1921 году, отправился в Берлин, но вернулся в 1925 году. Погромный цикл «1919» был опубликован в Берлине в 1923 году.

Квитко использует ивритский термин *hefker* во многих смыслах, включая: лишение прав собственности, распущенность, бесстыдство и свобода. Он развивает четкую связь

¹ *Budnitskii O.* Russian Jews Between the Reds and the Whites, 1917-1920. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. P. 218.

² *Shklovsky.* A Sentimental Journey: Memoirs, 1917-1922. P. 92. Я изменила перевод. Оригинальный текст см.: *Шкловский В.* Еще ничего не кончилось. С. 106.

³ *Шкловский В.* Еще ничего не кончилось. С. 142; *Shklovsky.* A Sentimental Journey: Memoirs, 1917-1922. P. 134.

⁴ *Krutikov M.* An End to Fairy Tales: The 1930s in the Mayselekh of Der Nister and Leyb Kvitko // Children and Yiddish Literature: From Early Modernity to Post-Modernity / ed. Gennady Estraiikh, Kerstin Hoge, and Mikhail Krutikov. Oxford: Legenda, 2016. P. 111.

⁵ Продолжение дискуссии на эту тему, см.: *Estraiikh G.* In Harness: Yiddish Writers' Romance with Communism, Judaic Traditions in Literature, Music, and Art. Syracuse: Syracuse University Press, 2005. P. 132–134.

между политической конфискацией имущества во время гражданской войны и разоблачением плотской, животной жизни людей, того аспекта человеческой жизни, который и так присутствуют в повседневности, но гиперболизируется в мире погромов. В поэзии Квитко озвучка так же важна, как и осмысление. Язык на границе смысла выражает состояние людей на границе человечности. Hefker соединяет разрушение пределов и границ, как феномен насилия в сфере погромов, и превращает его в формы поэтических экспериментов в эстетической сфере.

Умань в 1919 году

Евреи составляли больше половины населения Умани во время Российской революции. В 1919 году город подвергся серии вторжений и штурмов, которые совершали полдюжины полевых командиров, крестьянские повстанческие армии и Красная армия. Квитко, вместе со своей женой, находился в Умани во время майского погрома 1919 года, когда было убито более 150 евреев. Он описывает неопределенность, порожденную постоянной сменой власти: «Зачем плакать, я до сих пор не знаю / кто взял город?»¹. Грабежи, изнасилования, убийства и избиения происходили публично. Еще раз процитирую Квитко: «Они делают с нами, что хотят»². Современники свидетельствовали, что «все население Умани» было во власти вооруженных воинских частей³.

«Тяжёлое ярмо полуночи» («Halb nakht zitst a shverer yokh») рассказывает о неудачном бегстве семьи от нападения. Ребенок становится свидетелем смерти своего отца и «возлагает ухо на кровавую рану отца»⁴. Трудно понять смысл этого жеста. Вместо того, чтобы смотреть на смертельную рану отца, ребенок слушает ее. Синестезия замены одного органа чувств другим указывает на очертания задачи Квитко как поэта: слушать насилие. Поэт – архивариус насилия, переводящий опыт насилия в звучание поэзии.

Акустический архив насилия начинается с «Запутанных улиц» («Farmishte trotuarin»), первого стихотворения в цикле. Четвертая строфа явно делает предметом обсуждения значение звука, в частности, комбинацию «sh»:

Zaynen take shorkhn eserig?

Un di shmuesn un di vunken

Take khshodig? Take vundig vey?⁵

Разве шелест кусается?

Разве разговоры и подмигивания могут быть дурным знаменем?

Разве могут мучительно ранить?

Поэт развивает связь между «sh» идишского слова «шелест» (shorkhn) и болью («vey»). Звук «sh» появляется в слове из заглавия «farmishte» (запутанные) и во фразах, указывающих на гибель людей, в том числе: «shtotn-shtot» (город теней), «meshugematuref» (используется для обозначения бешеных собак), «sharfn» (здесь, увядшие травинки) и «lesht oys» (тушить). Это стихотворение и поэтический цикл «1919» создают ощущение насилия через ощущение звука.

¹ “Vos heyst ikh shray, az kh’veys nokh nit/Bay vemen s’iz di shtot haynt?” Из “Iz vos, az kloyster glokn”, см.: Kvitko L. 1919. Berlin: Lutze & Vogt, 1923. P. 46.

² “Zey varfn mit undz.”

³ Книга погромов : погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918-1922 гг. С. 118–133.

⁴ В оригинале: “Legt s’oyerl tsum vund tsu/Hert zikh ayn.” Kvitko. 1919. P. 43–44. Еще один анализ стихотворения, см.: Koller S. «The Air Outside Is Bloody»: Leyb Kvitko and His Pogrom Cycle 1919,” // Yiddish in Weimar Berlin: At the Crossroads of Diaspora Politics and Culture / ed. Gennady Estraiikh and Mikhail Krutikov. London: Legenda, 2010. P. 105–122.

⁵ Kvitko. 1919. P. 12.

Превращение в плоть

Еще до выхода книги «1919», современники Квитко характеризовали его эстетику как «удивительно развитое чувство осязания», которое привело его к созданию осязаемых, плотских образов¹. Книга «1919» усиливает поэтику плоти. В произведении «Она снова приходит просить милостыню» («*Zi shnoret shoyn vider*») фигура смерти, олицетворяющая собой агрессивного нищего, «извергает / шипы и тлеющие угли / на обнаженную плоть города». Это стихотворение связывает темы отвержения и превращения в плоть, используя ключевой термин *hefker*. Поэт заранее знал, что произойдет, что «дома... будут заброшены (*af hefker*)». Мотив заброшенного, плотского, дома также появляется в произведении «Мы скитаемся» (*Mir voglen*):

Теперь этот дом заброшен (*hefker*)

Раздет догола, кожа его содрана (88-90).

Однако сравнение дома с телом, с которого была содрана кожа, наводит на мысль, которая выходит за рамки исторической реальности погромного мародерства. Насилие отвержения превращает весь город в обнаженную плоть. Предполагается, что уязвимость физической наготы является частью большей уязвимости, вызванной насилием отвержения: потеря прав, потеря права на владение имуществом или даже права на адрес, где можно разместить чье-либо тело. Даже самый верхний слой обнаженного тела, его кожа – удаляется. Город, пространство политической жизни, превращается в обыкновенную уязвимую плоть.

Восставшие из мертвых

В предисловии к книге «1919» Квитко пишет, что различие между жизнью и смертью было всего лишь тончайшей мембраной. Его поэзия наполняет сферу погрома живыми мертвецами. В двух стихотворениях подряд используется этот мотив: «Гости внизу» («*Untn shorn um di gest*») и «Смотри, я моргаю» («*Kuk, ikh pintl mit di oygn*»)². Во втором стихотворении моргающие глаза поэта доказывают, что он жив:

«Смотри, я моргаю, видишь?»

Мой сосед говорит, что я мертв,

Они убили меня, говорит он.

Должен ли я верить христианину?

Они настроили против меня ящериц с зелеными ороговевшими глазами.

Я срывал одеяла с кровати ночью

Измерял их сотни раз

Сотни раз закрывал окна и двери³.

Эта первая строфа начинается в реалистическом, почти беллетристическом стиле, включая использование косвенной речи и восклицаний. Говорящего, скорее всего, с кем-то спутали; его сосед говорит, что его убили, и ему трудно убедить его в обратном. Моргание глазами не помогает.

Неопределенность в отношении его собственной жизни и смерти ужасает, и четвертая строка переходит от реалистического повествования к области фантазии и гротеска: поэт вспоминает ночь, когда его дом осаждали ящерицы с зелеными глазами⁴.

¹ *Dobrushin Y. Dray dikhter // Oygang. 1919. № 1. P. 73–98.*

² *Kvitko. 1919. P. 59–62; 63.*

³ *From Revolution to Repression: Soviet Yiddish Writing 1917-1952 / ed. Joseph Sherman. Nottingham: Five Leaves Publications, 2012. Я использовала измененную версию перевода Хизер Валенсии, P. 57.*

⁴ Эдгар По использовал образ ящериц на стенах в своем стихотворении «Колизей»: Где, развались на золотом престоле, / Сидел монарх, теперь, как привиденье, / Под сумрачным лучом луны двурогой, / В свой

Игра звуков объединяет два измерения стихотворения. Ключевой звук, звук «sh» встречается в словах «сосед» sheykhn, «ящерицы», shrotsim, «ороговевшие глаза», ougn-shtekher, «царапали», gesharevet и «пугает», shrekt. Использование этих звуковых элементов во всех трех строфах поэмы формирует ассоциации между «ящерицами», «соседями» и страхом. Шуршащий звук «sh» – это шум, который издавали бы ящерицы, если бы они скребли по стенам в сухом подлеске. Звуковые и визуальные образы переносят состояние страха, переживаемое поэтом, в искусно организованное состояние страха читателя.

Гротеск достигает своего пика в «Гостях, просящих милостыню внизу» («Untn shnorn um di gest»). Поэт прячется на чердаке от нежелательных «гостей»:

Гости копошатся внизу
Каждый несет венок смерти,
Каждый венок цвета больного глаза
Они хотят меня мучить.
Я на чердаке,
Среди обломков¹.

Поэт постепенно понимает, что среди вломившихся к нему – его мертвая мать. Ее замогильные глаза, полные боли, «как будто она смогла снова умереть», заставляют его спуститься с чердака и присоединиться к ней.

Ужас насильственной смерти проявляется в образе матери-монстра – живого мертвеца и её сестер из братской женской могилы. Игра слов между «маткой» (womb) и «гробницей» (tomb) нагоняет сверхъестественного страха. Мертвая мать разговаривает, не используя голоса, её череп покрыт платком из тростника, а её костлявые руки тянутся к поэту, как будто пытаюсь схватить его. Одинокая фигура насильственной смерти в более раннем стихотворении превратилась в толпу. Мать вернулась домой, привезла своих «соседей» из могилы; здесь, как и в «Смотри, я моргаю», слово «сосед» перекликается с террором. Как и в стихотворении о ложном сообщении о его собственной смерти, Квитко создает звуковую картину шелестящих согласных для управления страхом: слова «камни» («af di shtheyner»), братская женская могила («shvester-grub»), и «женщины-соседки» (shkheyne) все содержат звук «sh», как в ключевом термине предисловия и в других стихах цикла «1919» «mise-meshune».

Заключение

Я выступила в поддержку концепций некрополитики и отвержения как способов понимания различных форм, выражений и репрезентаций насилия в постреволюционной России и Украине. Отвержение и уклонение от власти приводит к потере покровов социального признания и правовой защиты, многочисленных способов, которыми социальное / политическое пространство маркируется, определяется, формируется с учетом человеческого местообитания. Во время русской революции и гражданской войны многочисленные акторы превратили все социальное пространство в зону смерти и неопределенности. Художественная литература, которую я проанализировала, в высшей степени чувствительна к культуре насилия, и в работах таких разных авторов, как Шкловский, Квитко и Кипнис, плотский мотив указывает на постоянное смещение границы между жизнью и смертью. Отвержение, и связанный с ним ивритский термин hefker, предлагают исследовательский скальпель, с помощью которого можно

каменистый дом, храня молчанье, /Проскальзывает ящерица скал! (Перевод К. Бальмонта, 1901 г.)
<https://www.eapoe.org/works/mabbott/tom1p061.htm>

¹ Этот и другие отрывки, приведенные ниже, являются моим переводом стихотворения, найденного в книге: Kvitko. 1919. P. 59–62.

анализировать различные виды современных войн, не знающих границ. Гражданская война в России является одним из таких примеров. Уникальный язык литературного произведения не только вносит вклад в историю эмоций эпохи гражданской войны, но и предоставляет фундаментальные условия для понимания её насилия.

Перевод с английского Николая Родина

Белый концлагерь: жизнь заключенного Гражданской войны в России

Изучение истории гражданской войны в России всегда сталкивалось с попытками её толкования (причин, хода, итогов) в свою пользу. Участники гражданской войны, а также первые исследователи гражданской войны часто оказывались по разные стороны соперничавших государственных систем, как применительно к гражданской войне, так и по отношению к географическим границам советской государственности. Схожие явления происходили и в источниковом разрезе. Как справедливо указывает д.и.н. И.Н. Гребенкин — «Источники по истории гражданской войны с самого момента своего появления и на долгие десятилетия оказались по разные стороны фронта — сначала настоящего, военного, после — не менее непримиримого, идеологического»¹. Поэтому многие важные явления гражданской войны становились предметом изучения только одной из сторон. Так, о красном терроре больше писали в эмиграции (в СССР эта тема изучалась только применительно к деятельности ВЧК), а о белом терроре в СССР.

Это не означало отсутствия достижений в разработке этих тем у противостоящих сторон, но значительно политизировало изучение проблемы. Это же относится и к постановке изучения репрессивной белой практики в период гражданской войны в России в советский период.

Можно согласиться, что тюремная система белых режимов достаточно подробно освещалась в довоенных советских исторических исследованиях. Однако это изучение имело ряд особенностей.

В первую очередь речь идет о региональном акценте. В советских исследованиях указанного периода преимущественно изучались тюрьмы и концлагеря Северной Области, как и колчаковские тюрьмы и концлагеря. В этом отношении можно отдельно выделить вклад академика И. Минца. Практически не изучались подобные явления в «зоне ответственности» Добровольческой армии - Вооруженных сил России (ВСЮР). Имелись только отдельные публикации по подпольному движению в этом регионе, в т. ч. об использовании городских тюрем в качестве основы для пенитенциарной системы². Подобная акцентированная «география изучения», на наш взгляд, была связана с внешнеполитической привязкой белого террора к действиям Великобритании и США, Японии в восточных и северных регионах России. Таким образом, Правительства Чайковского-Миллера и Колчака тесно увязывались с иностранными государствами, делегируя ответственность за репрессивную практику. Подобный подход давал важный внешнеполитический посыл.

Во-вторых, само обобщение количественных цифр часто сводилось к итоговым цифрам Всесоюзного общества жертв интервенции³. Характерны в этом отношении вошедшие в советскую историческую практику цифры по Северной области: через архангельские тюрьмы прошло 52 тыс. человек, Мудьюг — более одной тыс. человек, Иоканьга — 1200 политкаторжан. Всего на Белом Севере будет расстреляно 4000 человек⁴. Сейчас эти цифры в ряде исследований подвергаются критике. В этом отношении можно упомянуть монографию д.и.н. Л.Г. Новиковой «Провинциальная

¹ Гребенкин И.Н. Рецензия на «Материалы для истории Корниловского полка» // Новейшая история России. 2016. № 2. С. 299.

² В этом отношении выделим публикации рьковского исторического журнала «Летопись революции».

³ ГАРФ. Ф. Р-7628. Всесоюзное общество жертв интервенции.

⁴ Интервенция на Советском Севере 1918-1920 гг. Архангельск, 1939. С. 14.

контрреволюция»¹. В ней уточнена тюремная статистика Архангельской тюрьмы при белом режиме. Более правдоподобными выглядят итоговые цифры украинского подразделения этого общества по Украине. Неполные данные выявленные с 1 апреля 1924 г. по 1 апреля 1925 г. Всеукраинским обществом содействия жертвам интервенции зафиксировали 237.227 претензий на общую сумму материальных убытков — 626.737.390 р. 87 к. Убитых — 38.436 чел., изувеченных — 15.385 человек, изнасилованных — 1.048 женщин, случаев ареста, порки и т. д. — 45.803². Указанные цифры по Украине представляются близкими к истинным, о чем свидетельствуют, в частности, исследования по белым репрессиям в Харькове д.и.н. С.Н. Полторака. Согласно найденным им в местном городском архиве архивным материалам, за период белой власти в городе было убито 1285 человек³. Эта цифра близка к данным Бадилы Гагиева, который руководил похоронами жертв в Харькове — 1028 человек⁴.

Имевшиеся «чекистские материалы» по белому террору в указанный период хотя и были задействованы, но в значительно меньшей степени. Более того, именно опубликованные в это время материалы вызывают сомнения (в постсоветский период вводимые «чекистские материалы более достоверны»). Это, наш взгляд, связано с обстоятельствами ввода этих данных, в т. ч. в предверии судебных процессов. Типичным пример данные о белых репрессиях в Екатеринбургской губернии, которые сейчас заслужено подвергаются научной критике. По неполным данным собранными чекистами в 1920 г. к процессу над колчаковскими министрами в 1918–1919 гг. белыми было расстреляно 25 тыс. человек⁵. Впоследствии эти данные вошли во многие издания⁶. Хотя сам факт массовых репрессий в регионе достоверен, но его цифры были явно преувеличены⁷.

В целом, можно констатировать, что советскими довоенными историками было выявлено большое количество материалов по теме белого террора, но часто эти материалы подавались и оценивались не критически. Вместе с тем, следует отметить, что многие выводы, сделанные ранее советскими довоенными историками, о характере белого террора нашли подтверждение в современных исследованиях. Так, сейчас можно считать установленным государственный характер белых репрессий с соответствующей законодательной базой, собственноручными приказами руководителей (вождей) белого режима. В т.ч. важным моментом стало введение в научный оборот в довоенный период целого ряда приказов А.В. Колчака и его генералов применительно к карательной практике к партизанскому движению. Введены в научный оборот и многие приказы военного руководства Белого Севера.

Разработка проблематики белого террора в период гражданской войны в последующий советский период изучения имела свои особенности. Опять-таки приоритет отдавался Белому Северу и Востоку. Характерны в этом отношении труды известного

¹ Новикова Л.Г. Провинциальная «контрреволюция»; Белое движение и гражданская война на русском Севере, 1917-1920. М., 2011.

² История советского рабочего класса. Т. 1. М., 1989. С. 291.

³ Полторак С. Победоносное поражение. СПб., 1994. С. 178

⁴ Книга о харьковской ЧК: развенчание мифов или восстановление. [Электронный ресурс]. URL: <http://kharkov-online.com/news/n164925.html>. Дата снятия информации 1 марта 2019.

⁵ Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003, С. 376.

⁶ Гойхбарг И.Г. Преступления Колчака. Заключение по делу членов самозванного правительства зав. отд. юстиции Сибревкома // Колчаковщина. Екатеринбург. 1927. С. 130

⁷ Ратьковский И.С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917-1920) 2-е изд., доп. и испр. М., 2017. С. 16.

историка Г.З. Иоффе¹. Новым же было большее внимание к репрессиям периода «демократической контрреволюции», в первую очередь в Поволжье. Однако белый террор на Юге России по-прежнему сводился к тюремной практике, без упоминания системы концлагерей².

Перестройка и последовавшие события обозначили новый этап изучения проблематики белого террора. В первую очередь выделим работы докторов исторических наук А. М. Литвина³, В. П. Булдакова⁴, П. А. Голуба⁵. Первым впервые дана сравнительная характеристика белого и красного террора, вторым исследованы социально-психологические истоки этого явления, третьим подробно рассмотрена практика тюремного строительства на Севере и Востоке России. Также уточнение тюремной статистики Белой Сибири нашло отражение в работах сибирских историков⁶.

Отметим вклад и других историков. Так, выделим важные в постановке вопроса о системности белого террора статьи д.и.н. В.Ж. Цветкова⁷. Важной представляется и статья д.и.н. В.Б. Жиромской⁸. На региональном уровне, на материалах Оренбуржья, эту тему недавно начал разрабатывать д.и.н. А.В. Ганин⁹.

Вместе с тем, во всех указанных исследованиях проблематика истории белых концлагерей либо не раскрыта и сводится к тюремной практике, либо рассмотрена на примере опять-таки двух вышеуказанных регионов. Часто тюремная система колчаковского режима сводится к «наследованию» системы лагерей для военнопленных.

Между тем, достаточно массовым явлением была организация новых специализированных концлагерей для красных военнопленных и реорганизация старых лагерей уже летом 1918 г. Так, после занятия 7 июня 1918 г. войсками чехословацкого корпуса совместно с отрядом атамана И.Н. Красильникова Омска арестованные были направлены в концлагерь, расположенный на территории Западно-Сибирской выставки¹⁰. По воспоминаниям Ф.А. Березовского, «концентрационный лагерь был обнесен высоким забором, а сверх него еще колючей проволокой. Кроме того, внутри бараков тоже были сделаны перегородки из колючей проволоки. ...вокруг лагеря стояли сторожевые вышки

¹ *Иоффе Г. З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983.

² Героическое подполье. В тылу деникинской армии. Воспоминания. М., 1975.

³ *Литвин А. Л.* Красный и белый террор в России // Отечественная история. 1993. № 6; *Литвин А. Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004.

⁴ *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; *Булдаков В. П.* Революция, насилие и архаизация массового насилия в Гражданской войне: провинциальная специфика // Белая гвардия. № 6. Антибольшевистское повстанческое движение. М., 2002; *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010; *Булдаков В. П.* Гражданская война и проза 20-х гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 5 (25).

⁵ *Голуб П. А.* Белый террор в России (1918–1920). М., 2006.

⁶ *Звягин С. П.* Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001; *Тимербулатов Д. Р.* «Баржи смерти» в Сибири в годы Гражданской войны (1918–1919) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 4; *Тимербулатов Д. Р.* Проведение эвакуации мест заключения и тюремного ведомства российского правительства А. В. Колчака на территории Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2–3.

⁷ *Цветков В.Ж.* Репрессивное законодательство белых правительств // Вопросы истории. 2007. № 4; *Цветков В.Ж.* Месть и закон. Белое движение: политика и право // Родина. 2008. № 3.

⁸ *Жиромская В.Б.* Проблема красного и белого террора 1917–1920 гг. в отечественной историографии // Труды Института российской истории РАН. 2004. № 4.

⁹ *Ганин А.В.* Статистика заключенных Оренбургской губернии под властью белых (1918–1919) // Гороховские чтения: материалы восьмой регион. музейн. конф. / сост., науч. ред. А.Э. Алакшин. Челябинск, 2017.

¹⁰ Энциклопедия города Омска в 3 т. Т. 1. Омск от прошлого к настоящему (период с 1716-го по 2008 год). Омск, 2009. С. 273.

с пулеметами. По ночам лагерь освещался сильными прожекторами; на территорию его выпускались дрессированные собаки ... По ночам из лагеря в фургонах или в открытых повозках навалом вывозились трупы людей, погибших от недоедания и болезней»¹. Хорошо раскрыто положение красных военнопленных в статье В.Д. Вегмана, в ней он указывал о массовых случаях смерти, в т.ч. от тифа и недоедания².

После занятия 4 июля 1918 г. Уфы в ней также был образован концлагерь, рассчитанный на 2 тыс. человек³. Подобные же действия были произведены после занятия Ирбитского завода 21 сентября 1918 г. Для него будут характерны крайне тяжелые условия содержания, болезни (тиф), голод. Согласно данным начальника Уральского края инженера Постникова, в одну из недель там умерло 178 человек из 1600 заключенных⁴.

Таким образом, еще до колчаковского переворота можно говорить о появлении новых концлагерей в ряде городов. Они дополняли прежнюю систему концлагерей для военнопленных, которая также использовалась для размещения военнопленных уже гражданской войны. Отметим, что в указанный период фиксируются не только расстрелы красных военнопленных в лагерях по результатам «расследований», но и в результате первых попыток побега. Так, в омском 1-й концлагере для военнопленных после обнаружения чешской охраной в ночь на 1 октября 1918 г. попытки массового бегства заключенных, согласно рапорту «убиты и там же зарыты в землю 12 человек»⁵. Данные события, к сожалению, часто находятся вне внимания изучения проблемы белого террора.

Существует соблазн объяснить появление на Востоке России новых белых концлагерей спецификой именно данных регионов и возможной связью с инициативой союзнического командования. Это же применительно к Белому Северу. Тем более, что менее изученный в этом отношении до недавнего времени Юг России, был наиболее длительным периодом под властью белых правительств и тем самым наиболее типичным для белого движения. А на указанной территории не «фиксировались» белые концлагеря.

Однако на наш взгляд это будет глубокой ошибкой, т. к. для белого Юга России будут характерны все те же явления что и для других регионов, которые контролировались белыми властями. Впрочем, отметим, что многие из этих явлений, в т.ч. и система концлагерей, будут характерны и для советской системы, примерно в то же время.

Основной отправной точкой для формирования специальных лагерей на Юге России будет появление собственной территории у Белого движения летом 1918 г. До этого практика белых репрессий на Юге России сводилась преимущественно к расстрелам захваченных при боевых действиях. Местные тюрьмы находились под контролем казачьих властей и не могли быть использованы белым движением.

Более того, сами эти тюрьмы были переполнены, поэтому применение расстрелов к большим партиям задержанных лиц применяли и донские казаки. Характерно в этом отношении судьба разоруженного вблизи хутора Мешков 6 апреля (24 марта) 1918 г. Тираспольского отряда революционного отряда⁶. Согласно В.А. Антонова-Овсеенко по

¹ Палашенков А. Д. Памятники и памятные места Омска и Омской области. Омск, 1967. С. 110–111.

² Вегман В. Д. В Сибири ужас и смерть // Сибирские огни. 1935. № 1.

³ Костицын Е. Злые чехи. В концлагере, расположенном на месте «Уфа-Арена», уничтожали тысячи уфимцев // Уфа-МК. 2014. 17 сентября.

⁴ Гинс Г. К. Сибирь, Союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Т. 2. Пекин, 1921. С. 186.

⁵ ГАОО Ф. 391, Оп. 1, Д. 347а. Л. 118.

⁶ Ратьковский И.С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917-1920) 2-е изд., доп. и испр. М., 2017. С. 65-69.

дороге к новочеркасской тюрьме было порублено до 500 солдат Ставропольского полка и 225 китайцев¹. Современными исследователями, на наш взгляд завышенно, называются и вдвое большие цифры².

Интерес представляет рассказ одного из уцелевших бойцов тираспольского отряда Н.Д. Рябушенко. В нем описывает не только сами репрессии, но последовавшее за ним заключение в тюрьму, условия заключения. Доставка была осуществлена по железной дороге в закрытых вагонах со ст. Чертково до Новочеркасска. Заключение в поезде трое суток не давали есть, а на 4 день дали по две селедки на человека, не дав воды. При этом местные жители несли на промежуточных станциях заключенным яйца, пасху и т. д. (все это проходило в пасхальные дни), но все это съедалось охраной. Расстрелы заключенных в Новочеркасске имели место и далее. Только после возмущения местных жителей, которые указывали среди прочего, что трупы заключенных разбросаны по округе, эта практика была прекращена и оставшихся заключенных направили на принудительные работы в шахты Парамонова в Александровск-Грушевск. Подобные условия ареста, содержания в тюрьме и т. д. готовили обратную радикальную реакцию. Как писал автор воспоминаний: «Я, сидя в тюрьме в Новочеркасске, кричал в окна офицерам, казакам: останемся живы, лампы будем вырезать, топором вырубывать гадам проклятым. И то, что я говорил, сбылось. Я им пощады не давал»³.

Таким образом, расстрелы в январских сражениях и во время Первого Кубанского похода были следствием не только известного приказа генерала Л.Г. Корнилова «Пленных не брать!», но и отсутствия условий для их конвоирования и заключения в тюрьмы.

Только утвердившись на Северном Кавказе в августе 1918 г., белое руководство инициирует создание новых тюрем и концлагерей в Ставрополье и близлежащих территориях. Уже ранней осенью 1918 г. начинает функционировать специально организованный для военнопленных Новороссийский концлагерь. Его заключенные использовались в т. ч. для выполнения различных трудовых работ. **Заявки на их выполнение коменданту Новороссийского концентрационного лагеря следовали от различных учреждений. Военнопленные использовались для выполнения работ в госпиталях, больницах, военных учреждениях. Работы производились и в мастерских лагеря. Сам лагерь просуществовал до декабря 1919 г.**⁴.

Здесь, безусловно, был учтен опыт подобной практики применительно к военнопленным Первой Мировой войны. В самом регионе (Ставрополье) уже имелись подобные лагеря. Так, трудовому лагерю в Ставрополье посвящена специальная статья И.В. Крючкова. Заключенные лагеря использовались как на работах в городе, так и крестьянских хозяйствах. Постепенно доля последних увеличивалась, отчасти заменяя труд батраков. Данный лагерь будет функционировать и в 1919 году. В этом году произойдет изменение состава заключенных, когда преобладающим элементом станут красные военнопленные. Летом 1919 года все пленные (иностранцы и «красные») были переведены в созданный в Петропавловских казармах новый лагерь для военнопленных⁵.

Также труд заключенных использовался не только на территориях, примыкающих к лагерям, но и в отдалении от них. Например, при занятии Лежанки 6 марта

¹ Антонов-Овсеенко В.А. Записки о Гражданской войне. Т. 2. М., 1928. С. 283.

² Венков А.В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. М., 2008. С. 155.

³ Корниенко Наталья. «...Душою плачешь и смеешься от души». Письма читателей М. Шолохову. 1933—1938 // Наш современник. 2004. № 5.

⁴ ГАРФ. Р-3437. Новороссийский концентрационный лагерь для военнопленных. 1918-1919.

⁵ Крючков И.В. Военнопленные в сельском и городском хозяйстве Ставрополья в 1918-1919 гг. // Новая локальная история. Сб. ст. Ставрополь, 2009.

(21 февраля) 1918 г. Добровольская армия «столкнулась» с австрийскими военнопленными, которые использовались в сельских работах. Большинство австрийцев, без всякого разбирательства было расстреляно, о чем, в частности, вспоминал Эрик Бред¹.

Помимо Новороссийского и Ставропольского лагерей в дальнейшем на юге России будут основаны новые лагеря. Их созданию предшествовало весеннее наступление деникинских войск, с захватом большого количества военнопленных. Также сыграет свою роль процесс фильтрации населения на захваченных территориях.

Все военнопленные делились на три категории:

1) лица «интеллигентных профессий» и казаки, добровольно вступившие в ряды красных; комиссары, агитаторы, матросы, командиры частей; лица, совершившие уголовные преступления, и иногородцы (евреи, латыши и прочие). Военнопленных этой категории предавались военно-полевому суду на месте. Итогом данного разбирательства был расстрел или повешенье.

2) шахтеры, рабочие, бывшие воинские чины, «забывшие присягу». Их отправляли в имевшиеся или образуемые концлагеря.

3) насильственно мобилизованные и не проявившие активной деятельности. Они разделялись на две группы. В случае готовности сражаться с большевиками с оружием в руках эта возможность им предоставлялась. Менее «решительные» оставались для тыловой службы в станицах прифронтовой полосы или для принудительных работ под охраной. При этом альтернативой этим двум вариантам, был переход во вторую категорию и заключение в концлагерь.

Упорядочение этого процесса было произведено приказом 7 июня (25 мая) 1919 г. генерал-лейтенанта Генштаба Н. М. Кисилевским. В нем был указан секретный перечень управлений и учреждений Добровольческой армии, в т.ч. указывалось на пять концентрационных лагерей («лагерей пленных красноармейцев»): в Азове, Новороссийске, Ставрополе, в Медвеженском и Святокрестовском уездах Ставропольской губернии.

Наиболее масштабным на Юге России в 1919 г. из вышеперечисленных лагерей стал Азовский концлагерь, размещенный на окраине города, в деревянных бараках 235-го запасного пехотного полка, находившегося здесь в 1916-м – начале 1918 г. Лагерь был обнесен высоким забором, двумя рядами колючей проволоки, дополнительно окопан вокруг широкой канавой, с размещением у центральных ворот пулемета. Согласно современным исследованиям в нем погибло от различных причин (прежде всего от истощения и болезней) около 10 тыс. человек. Положение в лагере зафиксированы в материалах ГАРФ: тиф, дизентерия, скудное питание (полфунта хлеба, треть солдатского котелка похлёбки), практически изношенная одежда².

При этом многие из заключенных погибали еще до прибытия в лагерь. Так, 3 октября 1919 г. в Азов прибыл поезд с заключенными для местного концлагеря. Согласно рапорту дежурного врача Е.Е. Ажогойной: при приемке больных с эшелона был подан список на 66 человек, из них 31 человек умерло в пути. При приемке умерло, еще 3, а на следующий день 10 человек. Из второй партии, принятой в тот же день, из 65 человек прибывших умерло в пути 7, а при приемке умерло 2, еще 4 тяжелобольных были в предсмертном состоянии³.

¹ Бред Э. Моя жизнь, любовь и невзгоды на Ставрополье. Записки немецкого актера-военнопленного. 1916–1917 гг. М., 2015.

² ГАРФ. Ф.104. Оп.1. Д.13. Л.14.

³ Боранова Г. Н. Лагерь смерти. Азов в годы Гражданской войны // Краеведческий библиотечно-библиографический журнал Донской временник. 2009. № 12. [Электронный ресурс].

Характерно, что данные архивов подтверждают современные археологические раскопки в Азове. Здесь после вырытия несакционированной траншеи были обнаружены массовые захоронения. Ведущий сотрудник Азовского музея-заповедника, археолог Андрей Масловский в 2018 г. так характеризовал эту историю: «В течении двух недель приходилось сторожить раскоп до глубокой ночи. Было расчищено 117 костяков. Экскаватор В. В. Бессмертного очень удачно уничтожил среднюю часть братской могилы, так что общее число погребенных составляло не менее 200 человек. Честно говоря, автор давно привык не доверять рассказам местных жителей и поначалу счел, что перед нами ещё одно свидетельство кровавых событий 14 в. Увы, всё было ещё печальнее. Перед нами оказалось захоронение Азовского концлагеря 1919 г., устроенного здесь деникинцами. Многие ли из вас знают о нем? Между тем по официальной версии здесь погибло 10.000 человек. Вечерами, охраняя раскоп и слушая рассказы местных жителей, картина вырисовывалась куда более апокалиптическая. Захоронения концлагеря занимают примерно 1 кв. км. Расстояние между ними небольшое. Ближайшее было замечено всего в 10 м от исследованного. Оно, к счастью, не было повреждено строителями и было оставлено для будущих исследований. Кажется захоронений здесь сотни и в каждом сотни скелетов молодых парней. Так что жертв концлагеря было куда больше»¹.

Данное свидетельство носит не единичный характер. Еще осенью 2012 г. на окраине Азова было обнаружено захоронение, которое также можно увязывать, в т.ч. антропологически, с трагическими судьбами заключенных азовского концлагеря. Согласно исследованию В. Ф. Батиевой, в этом захоронении были обнаружены костные останки не менее 172 человек, в т. ч. 152 мужчин, 4 женщин и 16 взрослых, пол которых достоверно не устанавливается. Возраст смерти погребенных от 17 до 40 лет: 69 человек умерли в возрасте 17–25 лет (40,1%), 101 человек в возрасте 25–35 лет (58,7%) и 2 человека в возрасте 35–40 лет (1,2%). Характерно, что автор публикации на основе антропологического исследования останков сделал вывод, что жертвы относились к южнорусскому типу и, скорее всего, были представителями рабочего населения².

Таким образом, можно утверждать, что для Юга России были характерны те же явления, что для других территорий контролируемых Белым движением. Более того, это было общим явлением гражданской войны, характерным для обеих противостоящих сторон. Достаточно указать на практическое совпадение дат становление систем концлагерей на Белом юге и Советской России в апреле 1919 г. В данном случае можно указать на Постановление Президиума ВЦИК от 11 апреля 1919 г. «О лагерях принудительных работ». В них помещались помимо «нетрудового элемента», военнопленные и дезертиры.

Отличие заключалось в относительно лучшем обеспечении продовольствием и медицинской помощью в советских лагерях для военнопленных (в советских тюрьмах снабжение было хуже). Однако данное отличие, на наш взгляд проистекало в ином отношении советской власти к военнопленным в период гражданской войны (за исключением завершающего этапа). В них видели насильно мобилизованных, а также

URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m6/0/art.aspx?art_id=422. Дата снятия информации 1 марта 2019.

¹ Масловский А. Лагерь каннибалов Сообщение от 2 мая 2018 г. // <https://vk.com/id205829370> . Дата снятия информации 1 марта 2019.

² Батиева В. Ф. К антропологии населения Подонья начала XX века // Международная научная конференция «Население Юга России. С древнейших времен до наших дней (донские антропологические чтения)». Сб. статей 23–30 августа 2013. Ростов-на-Дону, 2013. С. 164.

возможную базу для переформирования в ряды Красной армии. На наш взгляд, это различие наблюдалось и в ходе советско-польской войны 1920 г.

В целом же методы белой и красной репрессивной практики в период гражданской войны мало отличались, отличилась только социальная направленность.

Женская жестокость времен Гражданской войны в свете мифов и документов

Фактором массового сознания стала эмигрантская оценка роли большевичек в революции в форме мифа о женщинах-палачах, который выступает дополнительным пунктом обвинений в адрес советской власти и большевизма как идеологии, развратившей русскую женщину. Р. Гуль составил список большевичек с перечнем преступлений, в которых проявилась их кровожадность и идейный фанатизм. Он приведен в книге «Дзержинский. Начало террора»: «В ВЧК женщины густо вмешались. “Землячка” – в Крыму. Конкордия Громова – в Екатеринославе. “Товарищ Роза” – в Киеве. Евгения Бош – в Пензе. Яковлева и Елена Стасова – в Петербурге. Бывшая фельдшерница Ревекка Мейзель-Пластинина – в Архангельске. Надежда Островская – в Севастополе»¹. К сожалению, обо всех упомянутых конкретных материалах найти не удалось. Но кое-что все же есть, что свидетельствует о некоей тенденции в восприятии женских имён, прозвучавших в годы Гражданской войны. О них писали эмигрантские мемуаристы и авторы литературных произведений типа С. Мельгунова и А. Ветлугина в первые годы после своего поражения. Ныне если их и вспоминают, то журналисты и психиатры. Особенно, Розалию Землячку, разумеется, за цифру в 120 тыс. казненных в Крыму. Состав Крымского ревкома, на который возлагается ответственность, таков: латыш (Ю. П. Гавен), венгр (Бела Кун), еврейка (Р. С. Землячка), русские (Г. Л. Пятаков и Д. И. Ульянов). «Чрезвычайную тройку по Крыму», возглавляемую Пятаковым, включала также Куна и Землячку. Обычно вспоминают в связи с темой крымской трагедии Куна и в особенности Землячку. Явно присутствует национальные и гендерные предубеждения.

Ныне раздаются голоса сомневающихся, прежде всего, в количестве жертв. И. С. Ратьковский, А. Г. и В. Г. Зарубины ставят под сомнение факт столь массовых казней офицеров в Крыму хотя бы потому, что после эвакуации Русской армии П. Н. Врангеля физически неоткуда было взяться 50 или 150 тыс. офицеров. По их сведениям, общая численность врангелевского войска была чуть более 30 тыс., а с учетом числа эвакуировавшихся (вместе с гражданскими лицами) – около 150 тыс. – получается, что численность оставшихся и казненных не может быть и близко соответствующей той, что сообщается белоэмигрантскими источниками и ссылающейся на них литературой. Крымский историк В. Г. Зарубин обращал внимание на то, что массовые захоронения (в десятки тысяч тел), относящиеся к тому времени, на территории Крыма обнаружены так и не были². Он же реабилитировал в связи с подобными обвинениями Надежду Островскую, при этом за сёстрами Немич обвинения в личном участии в казнях в Евпатории оставлены в силе. Историк О. И. Капчинский проследил происхождение и становление мифа об одесской палачке Доре Явлинской³.

¹ Гуль Р. Дзержинский. Начало террора. URL: <http://lib.ru/RUSSLIT/GUL/dzerzhinsky.txt> (дата обращения: 2.12.2017).

² Мишин С. У гражданской войны победителей не бывает. Доказано: Интервью с историком В. Г. Зарубиным / Информационно-аналитическая газета «Крымское эхо» (24 ноября 2008 г.). URL: <http://politika-crimea.ru/z/437-zarubin-vyacheslav-georgievich-dose/30147-u-grazhdanskoj-vojny-pobeditelej-ne-byvaet-dokazano> (дата обращения: 19.09.2014).

³ Невидимый фронт [Видеозапись] / ТК «Столица», реж. В. Аверкиев, автор сценария и вед. – С. Униговская. Дата эфира: 29.02.2008. URL: www.chekist.ru/article/2053 (дата обращения: 23.09.2018).

Проверка эмигрантских баек необычайно трудна, главным образом, из-за недостатка документов обоюбого порядка – как подтверждающих, так опровергающих. Ведь главными источниками продолжают оставаться личные свидетельства.

В отечественных архивах хранятся документы, способные внести некоторую определенность в этот вопрос.

Евгения Богдановна Бош в сознании интересующего читателя находится в одном ряду с революционными фуриями вместе с Верой Фигнер, Розалией Землячкой, Марией Спиридоновой. Бош обвинялась в личном расстреле крестьянина в с. Кучки, который не пожелал отдать свою лошадь. Многие изломы ее биографии неизвестны, а известные факты пристрастные жизнеописатели трактуют в русле своего видения революции.

В личном фонде Евгении Бош (РГАСПИ) можно обнаружить не одну автобиографию, составленную уже в конце жизни. Те, которые были написаны как официальная автобиография, состоят из сплошных предикатов: работала, сидела, бежала; отмечено много передвижений по стране, но только в интересах партии и по ее поручению! Ответа на интересующий нас вопрос они не имеют. Но обширный текст, написанный ею в 1922-1923 гг. по просьбе дочерей, пожелавших узнать о жизненном пути матери от нее самой, при всей его сумбурности и эмоциональности более информативен. Он написан уже совсем обессиленной от болезней женщиной. Но с его помощью можно понять и ее саму, и то время. Включенные в автобиографический текст сюжеты показывают, что кое-что от комиссара из «Оптимистической трагедии» в ее судьбе было. И револьвером в нее целились, и матом обкладывали устремившиеся в тыл братишки.

Бош находится в списке Р. Гуля за то, что лично застрелила крестьянина, воспротивившегося конфискации продовольствия. Инцидент произошел в Пензенской губернии, куда она была направлена на работу в августе 1918 г. Направление было не случайным, т. к. в губернии прошла мобилизация в 1-ю армии второго формирования. В составе этой армии первого формирования она с дочерьми отступала из Киева к Таганрогу. В августе Пензенская губерния находилась в 50 км от фронта с белочехами. Мобилизация шла с определенными трудностями. Крестьяне все же шли в армию, поскольку уборка уже закончилась. Сказывался традиционный крестьянский расчет: отчего бы не перейти на казенные харчи в преддверии зимы. То есть в армию шли, а хлеб свой не сдавали.

Прояснение ее роли в этих событиях как председателя Пензенского губкома РКП(б) требует дополнительных исследований, что принципиально – на основе документов. Следуя уже устоявшейся традиции, в 2001 г. историк В. В. Кондрашин, ссылаясь на воспоминания очевидцев, писал, что «в с. Кучки Бош во время митинга на сельской площади лично застрелила крестьянина, отказавшегося сдавать хлеб. Именно этот поступок возмутил крестьян и вызвал цепную реакцию насилия»¹. Примечательно, что в переиздании монографии автор опустил этот эпизод, и имя Бош в связи с событиями в с. Кучки им не упоминается².

Краевед С. Н. Кузичкин изложил события в Кучках более подробно, не упоминая причастность к ним Е. Бош³. По документам Пензенского областного архива он установил, что Бош прибыла в губернию на третий день после бунта в Кучках – 8 августа. Но Кузичкин пишет, что ликвидация бунта проходила уже при ней, где она вместе со своим заместителем С. С. Турло старалась сломить чрезмерно мягкую линию местных

¹ Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918-1922 гг. / Отв. ред. В. П. Данилов. М., 2001. С. 279-280.

² Его же. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 103-104.

³ Кузичкин С. Н. Пензенские правители. Пенза, 2015. С. 15-16.

большевиков В. В. Кураева и А. Е. Минкина¹. Краевед дает ей эпитет «железная леди», главным образом в связи с широко известными телеграммами Ленина с инструкциями о мерах по наискорейшему подавлению крестьянского восстания.

Однако следующие телеграммы вождя показывают, что она (впрочем, как и другие пензенские большевики) не демонстрировала революционную кровожадность: «Получил Вашу телеграмму. Крайне удивлен отсутствием сообщений о ходе и исходе подавления кулацкого восстания пяти волостей. Не хочу думать, чтобы Вы проявили промедление или слабость при подавлении и при образцовой конфискации всего имущества и особенно хлеба у восстававших кулаков»².

В своих воспоминаниях период, наступивший после ухода с Украины, она называет самой тяжелой страницей ее революционной деятельности, потому что именно тогда она окончательно была сломлена. Теперь ей приходилось действовать по указаниям ЦК, не имея возможности дискутировать (!) по поводу принимаемых решений: «Так я поставила крест на своей самостоятельной политической работе и стала рядовым партработником Советской России»³. По-видимому, жесткая линия не была чем-то ей близким и естественным.

Как представляется, возникновение репутации пензенской вешательницы произошло благодаря оппонентам внутри лагеря.

Евгения писала, что первые упреки в причастности к кровопролитию, она получила в ноябре 1917 г. в Киеве. Она не верила в политическую перспективу межпартийного Комитета по охране революции, призывала вооружаться против юнкеров, и комитет действительно просуществовал три дня. Она была душой Киевского ревкома во время подготовки восстания рабочих завода «Арсенал» накануне Всеукраинского съезда советов, которое должно было повторить петроградский сценарий. В первый же день работы съезда, узнав о предотвращении киевского восстания войсками Рады, СНК выступил с обращением ко всему населению «О борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина, Корнилова, Дутова, поддерживаемым Центральной Радой»⁴. Исторический факт, что ни одна из этих ситуаций не закончилась реальным кровопролитием. Обвинения киевских товарищей были связаны с ее ориентацией на петроградский СНК, в частности через члена Совнаркома и Комитета по делам военным и морским Н. В. Крыленко, в то время мужа ее сестры Е. Розмирович.

Чужой она была в среде украинских коммунистов, преследовавшей линию самостоятельности от Москвы даже в вопросе завоевания власти в Киеве. Но непосредственно в это время она, по сути, возглавляла советское правительство Украины. В Харькове 17 декабря 1917 г. была избрана народным секретарем внутренних дел, который в отсутствие председателя Народного секретариата (причина по ее объяснению: не оказалось подходящего кандидата с украинской фамилией) координировал работу правительства.

Евгения Богдановна в своих воспоминаниях ни разу не упоминает о с. Кучки. Но тему пензенских расстрелов поднимает. Ей же приписывалось требование расстрела заложников, арестованных в Пензе после покушения на В. И. Ленина. Сама Евгения знала об обвинениях в свой адрес и дала объяснения по этому поводу. Губком большинством голосов постановил расстрелять часть арестованных «белогвардейцев» и немедленно. Евгения пишет, что возражала против этого решения, но оно все же было принято. И только на втором заседании ей удалось убедить отменить первое решение и перевести

¹ Там же. С. 12.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 148.

³ РГАСПИ. Ф. 287. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

⁴ РГАСПИ. Ф. 287. Оп. 1. Д. 1. Л. 12-13.

террор в правовое русло: в трехдневный срок рассмотреть дела и принять решение по существу совершенного против советской власти. Неслучайность этого эпизода Евгения подчеркивает: «Привожу этот случай, так как в дальнейшем мне приписывали первое требование – массового и немедлен[ного] расстрела белогвард[ейцев]. Эта ересь выдуман[а] белогвард[ейцами] и использовали тов[арищи], лично вражд[ебно] настр[оенные]»¹. О конфликте с местными работниками, которые проводили линию на сохранение губернии как очага тишины и согласия, основанную на продовольственном благополучии, писал и С. С. Турло².

Нередко высказывается мнение, что отказ признавать свое участие в терроре или убийствах периода революции является попыткой уйти от ответственности. Однако никому в те годы не могло прийти в голову ставить так вопрос по отношению к борющимся за советскую власть. Они сами ни в коей мере не стремились себя обелить или оправдать. Раннесоветские тексты, написанные участниками Гражданской войны, показывают наличие у них специфических логических конструкций: убийство – грех, но брал его на себя во имя революции. Участие в боях, в расстрелах, отказ от семьи и детей – все это считалось жертвой, принесенной на алтарь революции. А чем больше жертва, тем с большим правом миссия могла считаться выполненной.

За телеграммами вождей следует признать недобрую роль.

Главная компрометирующая Евгению Бош телеграмма Ленина содержит слова: «Повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц!» (от 11.08.1918). Подобная была направлена и в Крым. Ленин и Троцкий писали Крымскому ревкому, требуя суровости и отмены обещания Фрунзе, что оставшиеся врангелевцы и сочувствующие не будут преследоваться новой властью. Сама эта телеграмма свидетельствует, что суровости было недостаточно не только у Фрунзе, но и у Крымского ревкома. Телеграмма адресована коллективному органу, а воспринимается как адресованная лично Землячке – единственной женщине среди четырех мужчин. Тут и наш современник, с удовольствием цитирующий эту телеграмму, демонстрирует политический сексизм как инструмент обесценивания, девальвации личности, к которой он обращен.

Все это требует объяснения причин появления множества подобных обвинений, которые появившись в белоэмигрантской литературе, были подхвачены современной российской, ориентированной на "интересующегося читателя".

Первый вопрос – существовали ли действительно женщины, работавшие в советских карательных органах. Да, и немало. Они попадали туда чаще всего в качестве технических сотрудников – секретарей и делопроизводителей. Как образованных девушек их привлекали для ведения документооборота. Большевики с самого начала стремились строить деятельность своих карательных органов на правовых основаниях, поэтому и уделяли много внимания бумажной работе и привлекали грамотных людей для её обеспечения. В качестве примера можно сослаться на материалы в киевской газете «Большевик» (1919 г.), рассказывающие о работе народного суда и военно-революционного трибунала. Часто председатель чека мужчина, а секретарь – женщина. Со временем они вырастали до следователей и председателей комиссий. Пожалуй, типичным можно признать случай Нины Торской. Вместе со своим мужем, анархистом-коммунистом, она оказалась в Ростове весной 1918 г. в момент отступления советских отрядов с Украины. Торский возглавил Донскую чрезвычайную комиссию, а его жена стала секретарем. В феврале 1919 г. Торский погиб во время страшного бурана в

¹ Там же. Л. 27.

² РГАСПИ. Ф. 287. Оп. 1. Д. 14. Л. 12.

Астраханской степи, уничтожившего XI армию. У Нины началась новая жизнь, в Астрахани она заняла должность «начпоарма» – начальника политотдела армии, стала близкой сотрудницей С. М. Кирова, в 1920-1930-е гг. ее ждала успешная юридическая карьера, затем арест и расстрел.

Ряд большевиков с дореволюционным стажем были направлены на работу в революционные карательные органы: Вера Швейцер и Варвара Яковлева во время наступления войск Н. Н. Юденича на Петроград были на должности политкомиссара ревтрибунала; Конкордия Самойлова – в Екатеринославской чека. Вопрос о женском присутствии в составе ревтрибуналов и чрезвычайных комиссий еще ждет своего беспристрастного исследователя.

Немаловажен тот факт, что все из упомянутых женщин – профессиональные революционерки с дореволюционным стажем. Для них облик присоединившейся к революции массы был большим разочарованием. Отсюда их конфликты с местными работниками и испорченные их докладами в центр репутации.

Имеет хождение миф о том, что женщин приводили в чека личные трагедии, хотя количество семейных пар среди чекистов должно поставить его под сомнение.

Но существует история Нины Введенской, которая могла бы при наличии подобной цели выступить как подтверждение мотива жажды мести. Однако тексты её записок показывают иное. Личная боль от потери мужа не сделала месть причиной ее участия в работе Бердянской чека в качестве со-председателя.

Нина Введенская в 1922 г., пребывая на должности сотрудницы потребкооперации и изнывая от конторской работы, на бланках служебных документов записывала воспоминания о совсем недавнем прошлом. В первом же абзаце она обозначила содержание своих записок: только личные впечатления и переживания на фоне исторических событий; и их цель: в память мертвых товарищей и в память крови, своей и чужой, которую они пролили: «Так щедро все залито кровью, что нельзя пройти мимо, не отдав должное бесславному, бесследному герою»¹. Узнаем, что в годы Гражданской войны ее муж, Петр Введенский, левый эсер, был одним из 19-ти бердянских комиссаров, расстрелянных отрядом М. Г. Дроздовского 24 апреля 1918 г.

В рукописи Введенской наряду с другими темами встречаются и размышления о смысле революционного террора. Тут и кроется ответ на вопрос – как совмещались в деятельности идейных революционеров высокие гуманистические лозунги и кровавая практика революции, в которой они выступали не только как идеологи, но и непосредственные руководители структур, осуществляющих эту доктрину. Понимание того, что это совершалось нормальными людьми из лучших, как им казалось, побуждений при страстной и самоотверженной любви к народу делает этот факт еще более страшным. Самоотверженность заключалась даже в том, что они совершали противное своей натуре. Лично ими террор осуществлялся крайне редко. Введенская писала, что к нему нельзя привлекать интеллигентов с их гуманистическими предрассудками, они сделают террор еще страшнее; нужны люди, которые умеют «ладить со смертью». Таковыми она считала городских босяков, уголовных. А вот террор в исполнении махновцев ей показался самым страшным².

Итак, даже причастная к деятельности чека Введенская не выглядит помешавшейся фурией. Встает вопрос о происхождении обвинений в кровавых преступлениях, превосходящих «нормальные» для времен гражданской войны. Откуда брались подобные нападки можно попытаться проследить по материалам, связанным со

¹ Государственный архив Днепропетровской области. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336. Л. 1.

² Там же. Л. 102 об.

следователем Кисловодской чека Ксенией Ге. В 1990-е гг. ее обвиняли в бессудных расправах и циничных декретах.

История ее жизни и смерти известна в различных вариантах. Советская версия представлена биографическими очерками разных лет¹, но они мифологичны по-своему. А. Ветлугин писал о Ксении Ге в характерной для эмиграции тональности – как об обладательнице смеси богемности, порочности, развращенности и садизма². Оттуда пикантные и шокирующие детали, путешествующие из текста в текст. Откуда они взялись? Явно от тех, кто находился зимой 1918-1919 гг. в Кисловодске.

Рождение мифа о кровавой чекистке относится к 1919 г. В вышедшей тогда в Ростове-на-Дону брошюре рядом с фамилиями Атарбекова, Стельмаховича, Щипулина, М. Осипова, действительно подписавших резолюцию о расстреле пятигорских заложников, среди которых были генералы Рузский и Радко-Дмитриев, значится и имя Ксении Ге. Но приведенная тут же копия документа ее фамилию не содержит! Ксения оказалась в рядах пятигорских чекистов по воле сотрудников Особой комиссии³.

Очерк П. Е. Кофанова, бывшего командира 1-го рабочего полка Совета обороны Северного Кавказа, лично знавшего супругов Ге в кисловодский период их жизни, содержит некоторые ранее не известные детали произошедшей трагедии⁴.

Как представляется, роковым для Ксении стало решение о помиловании заложников – генерала Петренко и некоего ессентукского врача, фамилия которого нигде не приводится. В январе 1919 г. из Кисловодска уходит Красная армия. Но Александр Ге и двухлетняя Виктория больны тифом. Петренко обещает Ксении покровительство, поэтому она и остается в городе вместе с больной семьей. Петренко обещал им помочь покинуть город после выздоровления и проехать в Закавказье. Но вечером 8-го января 1919 г. Ге в состоянии тифозного бреда был вывезен на тачке к товарной станции и там зарублен. Преданная Ксении девушка-горничная Варя из гостиницы «Гранд-отель», где проживали Ге, сообщила о том, что Александра Юльевича повезли на вокзал. Женщины бросились туда и с помощью испуганного стрелочника нашли истерзанное, практически расчлененное тело. Ксения явилась к Петренко, гневно обвиняя его в вероломности; тот сообщил ей, что и ее ожидает та же участь. У ее комнат выставили караул. Подкупив казака, она бежала. Была поймана. Охранять ее поставили офицерский караул. Ксении удалось уговорить поручика-карачаевца бежать вместе с ней. В Ессентуках она обратилась за помощью и укрытием ко второму выпущенному ею из чека. Но «благодарный» врач сообщил о ней новым властям. Поручик был казнен, а Ксению насильничали в контрразведке, а потом, 24-го января, повесили на Солнечной площадке над Кисловодском. В итоге Нину не только казнили, но и посмертно ославили. Возникает впечатление, что кровавая репутация Ксении Ге рождена стремлением объяснить ее собственную казнь. Кстати, отсутствуют списки казнённых Кисловодской чека. Вот если в Пятигорске состоялась массовая казнь заложников осенью 1918 г., так имеются и списки жертв, и детальные воспоминания об этом самих палачей и белогвардейцев, принявших участие в эксгумации трупов.

В качестве примера обратного характера можно привести вышеупомянутую Нину Торскую, секретаря Ростовской чека периода Донской советской республики весны 1918

¹ *Понятовская С.* Ксения Ге // Женщина в гражданской войне. С. 36-52; *Усыскин Г. С.* Старший следователь ЧК // Октябрь мобилизованные. М., 1987. С. 198-212.

² *Ветлугин А.* Авантюристы Гражданской войны.

³ Акт расследования по делу об аресте и убийстве заложников в Пятигорске в октябре 1918 г. Подлинный акт за подписями председателя и членов Особой комиссии. Ростов н/Д., 1919. С. 10, 20.

⁴ Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 71. Л. 1-39.

года. Её имя не фигурирует в черных списках эмигрантских авторов, хотя даже советские мемуаристы отзывались о ней как о жёстком и резком человеке. Анонимный автор одного из истпартовских текстов, написанного в форме художественного произведения, выведен на его страницах как начподив Изломов. Тот, чудом добравшись в Астрахань, встретил в жарко натопленных штабных помещениях сытых порученцев и «начпоарма» Тарскую. Женщина лет под тридцать в пенсне встретила его с негодованием: «Где ваша дивизия? Думаете, вашей персоне здесь рады больше, чем вашей дивизии?» И пригрозила ему трибуналом. Повстречав старых товарищей, также раздосадованных крепнущим бюрократизмом, Изломов покинул Астрахань. Они вернулись через фронт в свои края, где можно бить белых, почти ничем не рискуя (!)¹. Итак, как видим, Торская не была кротким и мягким человеком. И свою жизнь она связала с советской судебной системой. В 1937 г. была арестована, являясь членом Верховного суда СССР. Но в анналах белоэмигрантских историографов кровавой фурией не числится. Почему? По-видимому, ей просто «не повезло» оказаться в поле зрения кого-то из будущих белоэмигрантов, имеющих склонность к литературному труду. Так ее обошел стороной миф как о кокаинистке, истеричке с помутневшим рассудком.

При всем разнообразии собранного материала и его интерпретаций объединяет их только эффект действия гендерных стереотипов. Как пренебрегшие традиционными нормами эти женщины, принадлежащие к стану противника, были наделены набором злодейских черт в утрированной форме.

Соратницы же наделялись самыми высокими качествами. В эмигрантских мемуарах образы добровольцев чрезвычайно идеализированы в том смысле, что они выведены носителями всех крайних черт Белого движения. Исключительное личное мужество, бесстрашие перед лицом смерти, беспощадность к врагам, мщение за убитых близких, поруганную Родину и собственную исковерканную судьбу, отсутствие конструктивного начала. Легко найти подобные манипуляции в отношении известной «первоходницы» Софии де Бодде. Белая Фурия – исстрадавшаяся и мстящая – такой она показана в романе П. Н. Краснова «От двуглавого орла к красному знамени», где баронесса София де Бодде выведена под именем баронессы Борстен. В этой части романа описываются первые дни отступления из Ростова, т. е. сразу после 9 (22) февраля 1918 г.

Автор уделяет внимание ее «ненормально оживленному» лицу и репутации безжалостного карателя: «Ее считали ненормальной за ее суровую ненависть к большевикам, но добровольцы преклонялись перед ее сверххладнокровием в опасности. Когда она видела серые шинели без погон, задранные на затылке папахи, челки неопрятных волос, по-женски выпущенные на лоб, наглые еврейские фигуры в офицерских френчах с алыми повязками на руках, странная усмешка кривила ее нежные, еще пухлые губы, и зубы хищно показывались из-за них. В серых глазах загорался огонь. Страшные воспоминания бороздили ее мозг. Сверхчеловеческая страсть загоралась в глазах, и редкий доброволец мог тогда прямо смотреть в эти мечущие искры прекрасные глаза. Зрачок почти исчезал в сером стальном райке, и тем острее горел из него жестокий внутренний огонь». Далее по сюжету баронесса хладнокровно расстреливает из маузера 12 пленных.

По-видимому, Краснов переложил на бумагу устные предания о де Бодде, курсировавшие в среде денкинцев. Эти же рассказы услышал и зафиксировал будущий писатель-эмигрант В. А. Амфитеатров-Кадышев². Оба повествования совпадают вплоть до деталей.

¹ ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 195. Л. 2-3.

² Амфитеатров-Кадышев В. Страницы из дневника // Минувшее. Т. 20. М.; СПб., 1996. С. 580.

Чтобы объяснить особенности поведения баронессы Борстен, шокировавшие даже первопоходников, Краснов дает информацию о ее семье: «Два месяца тому назад на ее глазах солдаты-дезертиры сожгли ее имение, привязали ее отца к доске и бросали на землю доску с привязанным бароном до тех пор, пока он не умер, и глаза не вылетели из орбит. На ее глазах солдаты насильовали ее мать и ее двенадцатилетнюю сестру. Ей грозила та же участь. Но вдали показались германские войска, и солдаты, бросив ее, разбежались». Достоверность этих событий применительно к настоящей судьбе де Боде вызывает сомнения, т. к. ее отец Н. А. де Боде умер в эмиграции в 1924 г. Возможно, потому что Краснов «приукрасил» биографию реального исторического лица, он и дал ему другое имя.

Как персонаж литературного произведения баронесса Борстен приобрела трагическую судьбу, которая сделала из неё мстителя, превосходящего по решительности и жестокости мужчин. Чтобы понять, как ваяются мифы, можно обратиться к трём текстам, в которых фигурирует реальная баронесса де Боде. Первый – воспоминания деятельницы женского движения 1917 г. М. А. Рычковой.

Рычкова познакомилась с Софией, когда та пришла записываться в московский батальон смерти. Ей запомнилась красота девушки, а не какие-то из ее личностных качеств: «Своей выдающейся наружностью, изящным костюмом и манерой держать себя она привлекла общее внимание. Казалось странным видеть эту девушку в подобной обстановке. <...> С нами (к начальнику военного Александровского училища – О. М.) отправилась и де Боде в мужском военном костюме. Она была так хороша со своей шапкой черных кудрей, что каждый встречный юнкер, буквально ломал шею, оглядываясь на нее, и невольно напрашивалась мысль о “маскорде”»¹. По сведениям Рычковой, в ноябрьских боях в Москве де Боде руководила отрядом юнкеров у Никитских ворот и сожгла двухэтажное здание меблированных комнат, в котором находился штаб большевиков. Рычкова пишет, что София, подлечив ногу, благополучно добралась из Москвы на Дон к Корнилову. Рычковой ничего не известно о визите в родовое имение.

Второе свидетельство – это воспоминания о 1-м Кубанском походе Л. В. Половцева. Некоторую осязаемость образу Софии придает рассказанная им история периода Ледяного похода. Половцев, не называя имени, дал надежные опознавания виновника события: «дочь титулованного генерала, женщина-прапорщик, говорившая о себе всегда в мужском роде». Генерал Л. Г. Корнилов увидел добровольца, резавшего у ворот железнодорожной казармы петуха. Факт его покупки доброволец не смог подтвердить. Корнилов, только что отдавший приказ о самом суровом наказании за мародерство, не мог его отменить: прапорщику грозил трибунал. Выручил офицерский суд и свидетели, нашедшие смягчающие обстоятельства и оправдания – бесхозность петуха, чистосердечное признание и то, что прапорщик не ел уже два дня. Боде получила не петлю, а сутки ареста².

И третий документ – это докладная записка на имя генерала М. В. Алексева. В рапорте от 16 февраля 1918 г. докладывается об установлении (!) факта причастности прапорщицы де Боде к разгрому железнодорожной будки близ станции Злодейской³. Значит, чистосердечного признания не было? Значит, дисциплинарное нарушение не сводилось лишь к присвоению петуха? Так или иначе, прапорщица вела себя как настоящий солдат в походе.

¹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 458. Л. 4об.

² Половцев Л. В. Рыцари тернового венца // Зарождение добровольческой армии / Сост., науч. ред., предисл. и комм. С. В. Волкова. М., 2001. С. 176.

³ НИОР РГБ. Ф. 855. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.

Итак, третий текст ставит под сомнение второй, а первый объясняет логический механизм возникновения мифа о прекрасной мстительнице. Желая возвеличить подвиг белых патриотов, мемуаристы сослужили им плохую службу. В результате, мы так ничего и не знаем о настоящей де Боде. Остаются загадкой, как и истинные черты личности женщины-добровольцы, так и причины ее безграничной беспощадности, если таковая имела место в действительности. Подлинный мир чувств и мыслей оказался утерянным.

Время Гражданской войны – время далеко не вегетарианское. Но конкретные обвинения в адрес Евгении Бош и Ксении Ге пока не нашли документального подтверждения. Присутствие же персонажей «второго эшелона» показывает, что можно говорить о существовании исторического типажа и соответствующей ему модели поведения, мышления, судьбы, куда более сложного, чем стереотип.

VII. Историография и историческая память

Кирилл Михайлович Александров

Профессор Николай Николаевич Головин и его сотрудники о социальном поведении в годы Гражданской войны: концептуальные тезисы

Профессор Императорской Николаевской военной академии и Русского историко-филологического факультета в Париже, Георгиевский кавалер, участник Великой войны 1914–1918 годов и Белого движения, Генерального штаба генерал-лейтенант Николай Головин (1875–1944) стал одним из самых известных теоретиков и мыслителей Русского Зарубежья 1920-х — 1940-х годов¹. Немногие эмигранты оставили после себя столь богатое наследие², и корпорацию мотивированных учеников, ревностно продолжавших самостоятельные исследования десятилетия спустя после смерти своего научного руководителя³. Его многолетним усилиям по сохранению и преумножению академических знаний в трудных условиях беженского быта, отдавали должное не только генералы и кадровые офицеры Императорской армии, но и штатские профессора⁴. В качестве «блестящего выразителя лучших традиций и успехов русской военной науки, как

¹ Подробнее о нем см.: *Алексеев Н. Н.* Профессор Имп.[ераторской] Ник.[олаевской] Военной Академии, Ген.[ерального] Шт.[аба], Ген.[ерал] Лейт.[енант] Н. Н. Головин // *Русский Военный Инвалид* (Париж). 1933. 22 февраля. № 52. С. 1–2; *Ростовцев Ф. И.* Профессор Николай Николаевич Головин // *Часовой* (Париж). 1933. 1 марта. № 99. С. 7–9; *Жеребков Ю. С.* Памяти генерала Н. Н. Головина // *Парижский Вестник*. 1944. 15 января. № 82. С. 1; *Пятницкий Н. В.* Профессор генерал Н. Н. Головин // Там же. С. 2–3; *Поляков В. Н.* Памяти профессора ген. Н. Н. Головина // *Возрождение* (Париж). 1957. Август. Тетрадь 68. С. 125–132; *Зарубежные Высшие военно-научные курсы под руководством профессора, генерал-лейтенанта Н. Н. Головина*. 1927–22 марта–1977 / Изд. на правах рукописи. Мюнхен, 1977 [далее ЗВВНК-1977]. С. 4–15; *Образцов И. В.* Исследование войны как специфического социального процесса // *Социологические исследования* (Москва). 1992. № 3. С. 135–139; *Образцов И. В.* Военная социология: проблемы исторического пути и методологии. Ч. II // Там же. 1994. № 1. С. 92–98; *Образцов И. В.* Н. Н. Головин и высшая военная школа русского зарубежья // *Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940*. В 2 кн. Кн. 1-я. М., 1994. С. 370–376; *Трамбицкий Ю. А.* Головин Николай Николаевич // *Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь*. М., 1997. С. 175–178; *Александров К. М.* Ревнитель военных знаний // *Родина* (Москва). 2009. № 4. С. 76–78; *Домнин И. В.* Генерал-лейтенант Николай Николаевич Головин — крупнейший деятель военной культуры Русского Зарубежья // *Труды II Международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина*. Белград, 10–14 сентября 2011 / Сост. К. М. Александров, О. А. Шевцов, А. В. Шмелёв. СПб., 2012. С. 5–15; *Ганин А. В.* Генштаб и предвыборные технологии // *Родина*. 2014. № 11. С. 70–74; *Александров К. М.* Николай Николаевич Головин: последние годы жизни // *Труды III Международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина*. Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 / Сост. К. М. Александров, О. А. Шевцов, А. В. Шмелёв. СПб., 2013. С. 33–102; и др.

² См. Печатные труды профессора генерала Н. Н. Головина // *Головин Н. Н.* Наука о войне. Париж, 1938. С. 229–237; *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 года. Дни перелома Галицийской битвы (1–3 сентября нового стиля). Париж, 1940 (форзац, обложка); *Shmelev A.* The Gering Bibliography of Russian Émigré Military Publications. N. Y., 2007. P. 22–24, 120–121.

³ *Зарубежные Высшие военно-научные курсы*. Указ. соч. С. 33; *Михеев Л. М.* Институт по исследованию проблем войны и мира, имени проф. ген. Головина // *Часовой* (Брюссель). 1956. Август. № 367⁽⁷⁾. С. 19.

⁴ *Александров К. М.* Николай Николаевич Головин. Указ. соч. С. 34; *Поляков В. Н.* Указ. соч. С. 132.

самоотверженного ученого и лучшего русского человека»¹, приветствовал заслуженного генерала протопресвитер Георгий Шавельский.

В исторической ретроспективе с именем Головина связана учебная деятельность Зарубежных высших военно-научных курсов (ЗВВНК), созданных в 1927 году в Париже с целью предоставить качественное высшее образование желающим офицерам², а также исследовательская работа сотрудников Института изучения современных проблем войны и мира (ИИСПВиМ), к которому с 1932 года причислялись их выпускники³. Сорбонна предоставила Институту право присваивать ученые степени по итогам защиты научных работ⁴. Ближайшим помощником Головина в деле практической организации ЗВВНК и ИИСПВиМ был Георгиевский кавалер, участник Великой войны и Белого движения на Юге России, Генерального штаба полковник Арсений Зайцов (1889–1954), защитивший в 1930 году на курсах первую диссертацию по управлению дивизией на соискание звания экстраординарного профессора общей тактики. Его перу принадлежит ряд специальных трудов и публикаций⁵. Объединенные общей доктриной и методологией, сотрудники ИИСПВиМ сохраняли творческую преемственность и живую организацию, верную принципам своего основателя: «Единство взгляда родит единство мысли, единство мысли — единство действий»⁶. Напряженная учеба по вечерам и систематические занятия в Институте, совмещавшиеся с ежедневной необходимостью зарабатывать на жизнь, зачастую в тяжелых условиях, требовали особой заинтересованности, немалых сил, редкого усердия и прилежания. Фактически единомышленники и воспитанники Головина добровольно посвятили себя трудной и долголетней научной работе без какой-либо реальной перспективы⁷, так как эмигрантские надежды на возвращение в Россию с каждым годом становились все более призрачными.

В 1927–1940 годах через ЗВВНК в Париже прошли более трехсот слушателей, из них окончили сложный пятилетний курс 81 офицер и 1 чиновник⁸, а еще несколько десятков человек с 1931 года получили образование заочно⁹. К 1939 году в состав Общества по изучению Мировой войны и её последствий при ИИСПВиМ входили 4 группы,

¹ Протопресвитер Георгий Шавельский — профессору Н. Н. Головину, 4. I. 1933 в: *Александров К. М.* «Вы — достойнейший из всех». Неизвестные письма 1933 года протопресвитера Георгия Шавельского и генерала от кавалерии Петра Николаевича Краснова профессору Николаю Николаевичу Головину // *Petra Philologica: профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню шестидесятилетия* / Отв. ред. Н. А. Гуськов и др. СПб., 2015 (Литературная культура России XVIII века. Вып. 6). С. 551.

² Зарубежные Высшие Военно-Научные Курсы Генерала Головина. Париж, 1931. С. 15. Официальное название ЗВВНК с 22 марта 1928 распоряжением Великого князя Николая Николаевича (Младшего): Зарубежные Высшие Военно-Научные Курсы генерала Головина (Там же. С. 5–6). О деятельности ЗВВНК см. *Виноградский А. Н.* Из жизни парижских высш.[их] воен.[но]-науч.[ных] курсов // *Возрождение* (Париж). 1930. 4 сентября. № 1920. С. 4; *Н. Н. Р.* Зарубежные высшие военно-научные курсы генерала Головина в Париже // *Военная Быль* (Париж). 1962. Март. № 53. С. 40–42; *Бобарыков И. И.* Парижские военно-научные курсы генерала Головина // *Военно-Исторический Вестник* (Париж). 1970. Май и Ноябрь. № 35 и 36. С. 18–22; и др.

³ *Н. Н. Р.* «Институт по изучению современных проблем войны и мира» // *Военная Быль* (Париж). 1962. Май. № 54. С. 38–39.

⁴ *Александров К. М.* Николай Николаевич Головин. Указ. соч. С. 35.

⁵ *Shmelev A.* Op. cit. P. 39–40, 144.

⁶ Hoover Institution Archives, Stanford University (HIA). Golovin Nicolai N. Collection. Box 13. Folder «Awards and another». Приветственный адрес профессору Н. Н. Головину от слушателей ЗВВНК I выпуска 1927–1932 (оттиск).

⁷ *Домнин И. В.* Указ. соч. С. 5.

⁸ ЗВВНК-1977. С. 14–15, 17.

⁹ Зарубежные военно-научные заочные курсы генерала Н. Н. Головина // *Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции* / Сост. И. В. Домнин. Российский военный сборник. Вып. 16 / Ред. А. Е. Савинкин. М., 1999. С. 420–421.

объединявшие 160 выпускников и учащихся ЗВВНК (генерал-майор Алексей Олехнович, 33 штаб- и 116 обер-офицеров, 2 корабельных гардемарина и 8 вольноопределяющихся)¹. Великий князь Андрей Владимирович и историк Сергей Мельгунов, оппонировавший Головину по ряду вопросов, с удовлетворением отмечали дисциплинированность его учеников². Позднее многие из них участвовали в боевых действиях, зачастую считая их продолжением гражданской войны, не завершившейся с эвакуацией Белых армий. Так, в 1937 году в рядах Испанской Национальной армии погиб Георгиевский кавалер, генерал-майор Анатолий Фок, сражавшийся среди франкистов в скромном обер-офицерском чине *teniente* (поручика)³.

В начале Второй мировой войны (1939–1940) некоторые курсовики воевали на стороне III Французской Республики, а в 1942–1945 годах целый ряд выпускников и слушателей ЗВВНК служил в Восточных войсках Вермахта, антибольшевистских казачьих формированиях и частях власовской армии. Среди последних — полковник-первопоходник, Евгений Кравченко (кубанец), подполковник Андрей Архипов (марковец), войсковой старшина и первопоходник Владимир Нефёдов (донец), Л.-гв. есаул Александр Авилов (лейб-казак, убит на Восточном фронте в 1942), ротмистры Александр Денисов (павлоградец, убит на Восточном фронте в 1943) и Михаил Золотавин (дроздовец), Л.-гв. штабс-капитан Всеволод Григор (измайловец), сотник-первопоходник Владимир Поляков (чернецовец), подпоручик Николай Галай (дроздовец)⁴ и другие офицеры. С некоторыми из своих парижан, попавших на оккупированные территории СССР, Головин поддерживал письменную связь, публикуя для эмиграции их свидетельства об изменениях, произошедших на родине и в характере «подсоветских» людей за минувшие двадцать лет⁵.

На Балканах через Белградское отделение ЗВВНК в 1931–1944 годах прошли около двухсот слушателей, из них успешно окончили курс 77 человек⁶. В югославской столице работой ЗВВНК руководил Генерального штаба генерал-майор Александр Шуберский, а с 1936 года выпускники и их преподаватели продолжали исследовательскую деятельность в рамках Русского военно-научного института (РВНИ). В 1941–1945 годах белградские ученики и сотрудники ЗВВНК служили в частях и подразделениях Русского Корпуса генерал-лейтенанта Бориса Штейфона: полковник Константин Антонов (авиатор), Генерального штаба — полковник Владимир Бальцар, подполковник Евгений Месснер, капитан Евгений Гарабурда⁷ и другие офицеры. Таким образом, многие представители головинской школы смогли непосредственно на поле боя воспользоваться полученными знаниями, и опытом решения задач, разбиравшихся в курсовых аудиториях на основе прикладного метода.

В своих трудах и лекциях профессор Головин предлагал рассматривать войну не только с точки зрения совокупности боевых действий, особенностей оперативного

¹ Александров К. М. Николай Николаевич Головин. Указ. соч. С. 35.

² Бобарыков И. И. Указ. соч. С. 22; 6 июня [1939] в: «Так изменяются принципиальные позиции». Дневник С. П. Мельгунова. 1933, 1939–1944 гг. // Исторический архив (Москва). 1999. № 5. С. 102.

³ Людигсхаузен-Вольф фон, Б. С. Годовщина гибели ген.-майора А. В. Фока // *Яремчук 2-й А. П.* Русские добровольцы в Испании. Сан-Франциско, 1983. С. 256–258.

⁴ Александров К. М. Николай Николаевич Головин. Указ. соч. С. 66–67; Александров К. М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова 1944–1945 / Биографический справочник. 2 изд. М., 2009. С. 156, 362, 447; Бобарыков И. И. Указ. соч. С. 22.

⁵ Головин Н. Н. Едущим освобождать Россию от большевиков // Парижский Вестник. 1942. 12 июля. № 5. С. 4; 26 июля. № 7. С. 4.

⁶ ЗВВНК-1977. С. 15.

⁷ Волков С. В., Стрелянов (Калабухов) П. Н. Чины Русского Корпуса. Биографический справочник в фотографиях. М., 2009. С. 25, 33, 88, 279.

искусства и достигнутых результатов, но, в первую очередь, как явление общественной жизни, призывая к социологическому изучению её разносторонних процессов, неотъемлемой частью которых становилось создание массовых армий¹. «Человек есть главное орудие войны»², — утверждал ученый, предупреждая о неизбежности ошибочных заключений в случае его неверного использования. Головину принадлежит разработка системы таких показателей как «военное напряжение страны» и «моральная упругость войск», позволявших вести комплексное исследование боевых действий³. В полной мере вышеуказанный подход, тесно связанный с исследованием социальных реакций, непосредственно влиявших на особенности и исход вооруженной борьбы, касался и проблематики гражданской войны в России. Соответствующие вопросы обсуждались на страницах научных трудов и периодической печати, в ходе публичных сообщений, докладов и дискуссий с привлечением других заинтересованных участников. Поэтому в контексте тематики нашего коллоквиума имеет смысл акцентировать внимание на четырех концептуальных тезисах, защищавшихся генералом Головиным и его единомышленниками.

I. Начальный период гражданской войны — от Октябрьского до Омского переворотов — необходимо рассматривать в качестве органичной и неотъемлемой части заключительного этапа (1917–1918) Великой войны⁴, продолжавшей влиять на коллективные и личные поступки. «Октябрьский переворот практически означал окончание трехлетней вооруженной борьбы с коалицией центральных держав на русских фронтах. Но от этого мировая война лишь вступала в новую фазу»⁵, — утверждал Зайцов. Один из важнейших мотивов в поведении создателей «Алексеевской организации» и Добровольческой армии заключался в том, чтобы при помощи Антанты восстановить антигерманский фронт на Востоке. Поэтому Головин подчеркивал важнейшее значение для зарождения Белого движения «психологии большой войны», которую собирались продолжать его участники⁶. Современные исследователи в целом согласны с такими оценками⁷, объясняющими «союзническую» ориентацию командования Добровольческой армии, особенно Генерального штаба генерал-лейтенанта Антона Деникина, и его непримиримое отношение к немцам, оккупировавшим после подписания Брестского мира часть Юга России.

¹ НИА. Vrangeli M. D. Collection. Reel 11. Box 10. Folder 1. Программа доклада генерала Головина «Пути современной военной науки». Машинопись; Головин Н. Н. Наука о войне. Указ. соч. С. 11, 17–22, 37.

² Головин Н. Н. Наука о войне. Указ. соч. С. 26, 28.

³ Образцов И. В. Военная социология. Указ. соч. С. 93.

⁴ НИА. Golovin Nicolai N. Collection. Box 15. Folder «Russian Academic Association in Paris». Головин Н. Н. Письменный доклад представленный в Правление РАГ «Ответ на критику Г[осподи]на Мельгунова». Машинопись [далее: Головин Н. Н. Письменный доклад]. С. 12; Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. [Париж — Tallinn, 1937]: Ч. II. Кн. 3. Приложение к «Иллюстрированной России» на 1937. Кн. 25. С. 101; Ч. V. Кн. 12. Приложение к «Иллюстрированной России» на 1937. Кн. 34. С. 94–95; Зайцов А. А. 1918 год. Очерки по истории русской гражданской войны. Париж, 1934. С. 17–20.

⁵ Зайцов А. А. Указ. соч. С. 17.

⁶ Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. II. Кн. 3. Приложение к «Иллюстрированной России» на 1937. Кн. 25. С. 101; Ч. V. Кн. 12. Указ. соч. С. 95.

⁷ Бортневский В. Г. Белое движение в годы гражданской войны в России // Бортневский В. Г. Избранные труды. СПб., 1999. С. 352–362; Бутаков Я. А. Белое движение на Юге России: концепция и практика государственного строительства (конец 1917 — начало 1920 г.). М., 2000. С. 27; Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 1999. С. 80–81; Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008. С. 193, 196, 199, 230; и др.

Политические ошибки, как указывал Головин, немедленно вели к ошибкам стратегическим¹. Морально-психологическое нежелание Деникина отказаться от «продолжения» де-факто завершившейся — для русских — войны с Центральными державами, с точки зрения Головина и Зайцова, вынудило его принять неверное оперативное решение, имевшее большие последствия. Вместо совместного движения с донцами на Царицын и Волгу, куда в июне 1918 года сместился центр противостояния между сторонниками и противниками ленинского государства, командующий Добровольческой армией повел её на периферию, к отдаленным от центра Кавказским горам, чтобы не допустить оккупации войсками Рейхсхеера* Кубани, где на Таманском полуострове высадился немецкий десант. Прагматическую целесообразность Деникин принес в жертву местным кубанским интересам и идеалистической верности союзникам, тогда как Зайцов считал политический романтизм анахронизмом². Он подвергал сомнению деникинский тезис о немецкой угрозе добровольцам с запада при наступлении на Волгу, так как точно такая же опасность, только с тыла, сохранялась при походе с Дона на Кубань, и указывал, что вместо кубанцев Добровольческая армия могла рассчитывать на пополнение из немецких колонистов³. Как следствие — белым не удалось взять вовремя Царицын, имевший в тот момент ключевое значение для РСФСР. Они не смогли установить локтевую связь с Народной армией Комуча, успешно действовавшей в Поволжье⁴, а затем и с уральцами, что позволило большевикам выиграть драгоценное время для создания полноценного партийно-государственного и карательного аппарата.

Разъединение и несогласованность действий сил российской контрреволюции летом 1918 года дали ленинцам возможность закончить создание регулярной Красной армии, удержать в Поволжье первостепенный Царицын, вернуть вскоре Казань и Симбирск. В краткосрочной перспективе, по мнению выпускника ЗВВНК и лектора по стратегии ИИСПВиМ полковника Николая Пятницкого, «Деникин обрек борьбу с большевизмом, вместо действия единым общим Белым фронтом, на разрозненные действия отдельными фронтами, чем воспользовалось красное командование, чтобы бить эти фронты по частям, по очереди во времени и пространстве»⁵. В первую очередь в сентябре 1918 года был потерян важнейший рубеж на Средней Волге, откуда по линии в 700–800 километров открывался прямой путь на Москву. Возможно, поэтому, как полагает автор доклада, решающие события гражданской войны произошли не в октябре 1919-го, а период с конца мая и до середины ноября 1918 года, когда капитуляция Германии резко отразилась на положении сил российской контрреволюции и временных областных образований.

Решение Деникина предопределило и ожесточенное сопротивление добровольцам многочисленных защитников советской власти на Кубани, сражавшихся под руководством главкома-самородка Ивана Сорокина. Немалую роль среди них играли демобилизованные солдаты бывшего Кавказского фронта, чье поведение мотивировалось острым нежеланием возвращаться на возобновленную войну с Центральными державами в случае победы деникинцев. В глазах десятков тысяч бойцов

¹ Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. V. Кн. 11. Приложение к «Иллюстрированной России» на 1937. Кн. 33. С. 17.

* *Reichsheer* (нем.) — Германская Имперская армия.

² Зайцов А. А. Указ. соч. С. 20.

³ Там же. С. 198–199.

⁴ Там же. С. 197–199; Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. V. Кн. 11. С. 9.

⁵ НИА. Golovin Nicolai N. Collection. Box 15. Folder «Russian Academic Association in Paris». Приложение № 5. Член ИИСПВиМ; лектор по стратегии Н. В. Пятницкий // Протокол общего собрания членов Русской Академической Группы (РАГ) в Париже от 5 июня 1939 года. Машинопись. С. 25.

Сорокина они стремились «поработать крестьян» и принуждать трудящихся далее вести «войну между капиталистами»¹. Летом — осенью 1917 года «солдатская масса не хотела воевать»², поэтому важнейшие большевистские лозунги, сыгравшие роль социального динамита, обещали мир с Германией и безнаказанность «черного передела» помещичьей собственности³. В целом 2-й Кубанский поход закончился успешно, деникинцы приобрели прочный тыл на Кубани, но огромные потери, включая лучших командиров частей и соединений, в немалой степени обескровили Добровольческую армию, понизив её качество и боеспособность⁴.

Напротив, с точки зрения Головина и Зайцова, прагматичное отношение в 1918 году к немецким оккупантам на Юге России Донского атамана генерала от кавалерии Петра Краснова обеспечило Области Всевеликого Войска Донского мирную передышку и относительное спокойствие, благодаря чему донцы послужили надежным ресурсом для мобилизации и формирования постоянной («молодой») Донской армии, насчитывавшей примерно 20 тыс. чинов, а всего Дон выставил под ружье летом 1918 года до 70 тыс. бойцов. Красновский «мир» с немцами способствовал быстрому восстановлению в Области культурно-образовательной и хозяйственно-экономической жизни⁵, основанной на поощрении свободной конкуренции и частной инициативы. Результаты современных исследований по истории Дона в годы гражданской войны подтверждают общее значение политики генерала Краснова, отказавшегося от психологического состояния войны с Центральными державами. Он смог обеспечить безопасность западной границы Области, лояльное поведение донского казачества, использовать его потенциал для планомерной организации собственных вооруженных сил, а также оказывать значительную помощь вооружением и боеприпасами Добровольческой армии⁶.

II. Инициаторами и ядром вооруженного сопротивления большевикам в 1917 году стала часть кадровых офицеров и учащаяся молодежь, в первую очередь военно-учебных заведений (юнкера и кадеты старших рот кадетских корпусов), принадлежавшие к однородной интеллигентской среде⁷. В этом заключалась их сила и объективная слабость. По мнению Головина, русский офицерский корпус образца 1917 года не носил «классового характера», но приобрел черты обособленной социальной группы под влиянием «психологии войны» и своеобразного «военного патриотизма», обусловленного готовностью к личному самопожертвованию и верой в решающее значение силовых методов. С осени 1917 года настроения и рефлексивные переживания офицеров стали доминировать в среде патриотически-настроенной русской интеллигенции⁸. Более того, генералов от инфантерии Михаила Алексея и Лавра Корнилова, генерала от кавалерии Алексея Каледина, и самого генерала Деникина,

¹ Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. V. Кн. 11. Указ. соч. С. 12–13.

² НИА. Golovin Nicolai N. Collection. Box 15. Folder «Russian Academic Association in Paris». Головин Н. Н. Письменный доклад. С. 72.

³ Зайцов А. А. Указ. соч. С. 9.

⁴ Там же. С. 246; Гагкуев Р. Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. С. 219–223, 261–262.

⁵ Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. V. Кн. 10. Приложение к «Иллюстрированной России» на 1937. Кн. 32. С. 17–18; Зайцов А. А. Указ. соч. С. 154–159, 166–167.

⁶ Венков А. В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. М., 2008. С. 175–178.

⁷ НИА. Golovin Nicolai N. Collection. Box 15. Folder «Russian Academic Association in Paris». Головин Н. Н. Письменный доклад. С. 72; Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. II. Кн. 3. Приложение к «Иллюстрированной России» на 1937. Кн. 25. С. 29, 31.

⁸ Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. I. Кн. 2. Приложение к «Иллюстрированной России» на 1937. Кн. 24. С. 131, 133; Ч. II. Кн. 3. Указ. соч. С. 99–100.

Головин считал «типичными русскими либеральными интеллигентами»¹. Поэтому, кроме офицеров, зимой 1917/18 годов «Алексеевскую организацию» и Добровольческую армию в первую очередь пополняли студенты, гимназисты, реалисты и другие учащиеся, в связи с чем Головин обращал внимание на разницу в поведении участников студенческих беспорядков в царской России и многих студентов после Октябрьского переворота².

В свою очередь ученики Головин категорически отрицали сословный характер даже кадрового офицерского состава, не говоря уже об офицерах производства военного времени. «Офицером-дворянином становился каждый, кто кончал военное училище, а в военные училища вступали молодые люди всех сословий, — отмечали профессор Месснер и его соавторы. — По сословному признаку офицерство [накануне Великой войны] не было расслоено, будучи формально дворянским, оно фактически было всесословным по составу и надсословным по духу»³. Абсолютное же большинство офицерских чинов по состоянию на осень 1917 года, по оценке Генерального штаба полковника Месснера*, следовало считать «гражданами, составлявшими интеллигентский слой нашего народа»⁴. По его мнению, доля кадровых офицеров в офицерском корпусе, потерявшем свою корпоративность, при ликвидации большевиками Российской армии зимой 1917/18 годов не превышала 10 %⁵.

Разные исследователи подтверждают тезисы Головина и его учеников о роли интеллигентской молодежи в пополнении «Алексеевской организации» и развернутой на её основе армии, об отсутствии аристократического происхождения с сословными преимуществами, крупной собственности и высокого материального достатка у большинства добровольцев, включая их начальников и командиров, положивших на Юге России начало Белому движению⁶. Таким образом, с точки зрения Головина, реактивное поведение добровольцев по отношению к большевикам и их действиям, особенно в начальный период гражданской войны, начиная с первого дня Октябрьского переворота, определял не материально-имущественный или привилегировано-сословный ценз, а *уровень образования и общей культуры*, свойственный русскому middle class эпохи столыпинской модернизации⁷. В этом смысле показательны биографии первопоходников, известных полковников-корниловцев: Владимир Индейкин — сын крестьянина, кадровый офицер пехоты, Иван Кондратьев и Василий Щеглов — сыновья мещан, кадровые офицеры пехоты, Михаил Дашкевич и Михаил Левитов — сыновья

¹ Там же. Ч. II. Кн. 5. Приложение к «Иллюстрированной России» на 1937. Кн. 27. С. 38.

² Там же. С. 23, 45–46.

³ Месснер Е. Э., Вакар С. В., Вербицкий Ф. В., Гранитов В. И., Каширин С. К., Петрашкевич А. Ф., Рожченко М. Е., Цешке В. К., Шайдицкий В. И., Эйхенбаум И. А. Российские офицеры. Буэнос-Айрес: Южно-Американский Отдел Института по исследованию проблем войны и мира имени генерала проф. Н. Н. Головина, 1959. С. 7, 9.

* Начальника штаба Корниловской Ударной дивизии, Генерального штаба капитан Е. Э. Месснер (1891–1974) при эвакуации Крыма (1920) был произведен в подполковники Русской армии с переименованием в полковники, но не получил подтверждающего документа, поэтому до 1941 именовался подполковником. В 1941 заведующий делами КИАФ генерал-лейтенант К. В. Апухтин по представлению Генерального штаба генерал-майора Б. А. Штейфона издал приказ, в соответствии с которым Месснеру подтверждался чин полковника. В 1942 на Белградском отделении ЗВВНК он защитил диссертацию «Маневренная война» и получил звание профессора военных наук.

⁴ Месснер Е. Э. Белые не были черными // Перекличка (Нью-Йорк). 1959. Март. № 89. С. 11.

⁵ Там же. С. 12.

⁶ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 35–37; Волков С. В. Трагедия русского офицерства. Указ. соч. С. 7–9, 77; Гагкуев Р. Г. Указ. соч. С. 56, 73–74, 80, 82, 593, 598–599, 603–604, 607.

⁷ Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. II. Кн. 5. С. 46.

клириков и семинаристы, офицеры военного времени¹. Первопоходник, генерал-майор Гавриил Жданов, командовавший в эмиграции кадрированным Марковским пехотным полком, происходил из крестьян Тамбовской губернии². В своем интеллигентском составе времен 1-го Кубанского («Ледяного») похода Добровольческая армия обрекала себя на героическое самоубийство и от полной катастрофы её спас постепенный переход в антибольшевистский лагерь южнороссийского казачества, начавшийся весной 1918 года. Его пассивное отношение к событиям гражданской войны закончилось по мере знакомства с реалиями советской власти.

Зайцов обращал внимание на инертное поведение зимой и весной 1918 года крестьянского населения, как будто получившего от Совнаркома чаемый «мир» и помещицью «землю»³. Конечный исход красно-белого противостояния теперь зависел от того, кто сумеет привлечь его на свою сторону³. Однако, если по заключению Головина, «Добровольческая армия с самого начала приобрела характер “офицерской” части», и стала «ополчением “патриотически-настроенной интеллигентной молодежи”, морально

¹ Волков С. В. Первые добровольцы на Юге России. М., 2001. С. 89, 125, 150, 176, 358.

² Columbia University Libraries, Rare Book and Manuscript Library, Bakhtmeteff Archive (BAR). ROVS Collection. Box 31. Folder «Correspondence 1944 (II). I otдел». Письма за 1943. Копия письма К[оманди]ра М.[арковского] пех.[отного] полка в эмиграции Ген.[ерал]-майора Г. В. Жданова от 28 марта 1943 г. Ген.[ерал]-лейт.[енанту] [А. А.] Власову. Машинопись.

* В пореформенной России дворянское землевладение неуклонно сокращалось и более трех четвертей пахотных земель к 1917 уже находились в крестьянских руках. За период 1905–1914 в 47 губерниях Европейской России (без прибалтийских) земельная собственность дворян, чиновников и офицеров сократилась с 54,1 млн. га до 43 млн. (почти на 22 %), духовенства — с 364,6 тыс. до 330 тыс. (на 9,5 %), купцов и почетных граждан — с 14 млн. до 12,1 млн. (более чем на 13 %), а крестьянская существенно выросла: частных хозяев — с 14,4 млн. до 18,3 млн. (на 27 %), обществ — с 4 млн. до 5 млн. (на 25 %), товариществ — с 8,3 млн. до 13,6 млн. (на 64 %) (см. Россия 1913 год / Ред.-сост. А. М. Анфимов, А. П. Корелин. СПб., 1995. С. 63. Расчет сделан в га). При этом большая часть еще остававшейся у помещиков земли была заложена в банки без особых шансов на обратный выкуп. Таким образом, вопрос о ликвидации дворянского землевладения в краткосрочной исторической перспективе разрешался в пользу хлеборобов естественным путем. Однако эсеры и большевики эксплуатировали лозунг о насильственном отчуждении или даже прямом захвате помещицьею собственности для революционизации солдатской — преимущественно крестьянской по происхождению — массы и разжигания её низменных инстинктов. После «черного передела» и насильственного присвоения крестьянами частновладельческих земель в конце 1917-го — начале 1918 года по оценкам сотрудников наркомата земледелия РСФСР увеличение земельной площади на едока выразилось в ничтожных величинах: десятых и даже сотых доли десятины на душу. В большинстве губерний размер крестьянского подворного надела вырос не более чем на 0,54 га (в среднем около четверти крестьянских дворов имели менее 5,5 га, более 40 % — до 10 га, и более 30 % — более 10 га). «Положительные итоги [уравнительного] раздела для малоземельных и безземельных слоев крестьянства были ничтожны, — честно констатировал Б. Н. Книпович, управлявший отделом сельскохозяйственной экономии и статистики Наркомата земледелия РСФСР (1920). — Отрицательные же были чрезвычайно ощутительны. Крупные владельческие хозяйства, дававшие высокие урожаи, представлявшие собою большую ценность, снабжавшие рынок большим количеством продуктов, были “разорваны на части”, были уничтожены», однако «революция могла проходить только в форме захвата земли и уравнительной дележки», так как «иной лозунг не мог бы иметь успеха среди крестьянства» (см. Книпович Б. Н. Очерки деятельности Народного Комиссариата Земледелия за три года (1917–1920). М., 1920. С. 9; Пушкарёв С. Г. Ленин и Россия / Сб. статей. Франкфурт-на-Майне, 1978. С. 14–16; Пушкарёв С. Г. О захвате и дележе помещицьих имений в 1918 г. // Посев (Франкфурт-на-Майне). 1979. Июль — сентябрь. III. С. 96; Пушкарёв С. Г. Россия 1801–1917 гг.: власть и общество. М., 2001. С. 328–330; Серёда С. П. Основные задачи социалистического земледелия. М., 1920. С. 4; Френкин М. С. Трагедия крестьянских восстаний в России 1918–1921 гг. Иерусалим, 1987. С. 4; и др.). Поэтому для радикального улучшения крестьянского благосостояния лозунг «Земля — народу!» значения не имел. Но зато он всецело способствовал взрывному развитию в России социальной революции, которая к 1934 году закончилась для крестьянского населения СССР сталинским колхозным рабством и «вторым крепостным правом (большевиков)».

³ Зайцов А. А. Указ. соч. С. 11.

оторванным от народных масс»¹, то завоевание крестьянских симпатий в краткосрочной перспективе превращалось для белого командования в высшей степени сложную задачу.

III. Большевистский террор, проводившийся с целью разрушения общественной структуры и истребления части населения по социальному признаку, начался после Октябрьского переворота. Его жертвами в превентивном порядке, в первую очередь, становились демобилизованные офицеры, мгновенно превратившиеся в объект травли и гонений, а также представители общественных групп, способные по своим морально-нравственным и личным качествам принять участие в сопротивлении ленинцам и их временным союзникам². Головин рассматривал большевизм как социальную болезнь, разрушавшую человеческую культуру, поэтому считал логичным и естественным использование «лидерами большевиков крайнего террора» в качестве основного метода для «утверждения своей власти». По мнению ученого, «чтобы оставаться вождями дичающих толп, Ленин и его сторонники должны были руководствоваться в предпринятом им кровавом завоевании России правилами первобытных дикарей»³. Лозунги, призывавшие к истреблению «эксплуататоров» и подавлению «буржуазии», способствовали эскалации насилия, разнузданию варварских инстинктов в малокультурных массах и активизации наиболее преступных элементов. Красный террор превращался не только в инструмент покорения страны, но и в один из главных методов государственного управления⁴, а кроме того невольно способствовал консолидации значительной части офицеров и других «контрреволюционеров», помимо прочего, стремившихся защитить свою жизнь⁵. В то же время ответную жестокость добровольцев, веселую легкость и нередкое упоение убийством, в том числе со стороны молодых людей, Головин не отрицал, но вслед за Деникиным связывал их с неизбежным для гражданской войны одичанием нравов, неизбежным разрушением морали и личным озверением⁶ — и видел в том серьезное отличие от красного террора, бывшего партийно-государственной практикой.

Председатель Совнаркома и член ЦК РСДРП(б) Владимир Ульянов (Ленин) после Октябрьского переворота действительно не собирался церемониться с русской буржуазией. 1 ноября он предложил товарищам по партии лишать представителей «буржуазии» хлебных карточек, чтобы «бороться хлебными карточками» против классовых врагов⁷. Три дня спустя о неизбежности политического террора, как необходимого средства призванного обеспечить «сохранение чисто большевистского правительства»⁸, предупреждала группа известных большевиков во главе с Алексеем Рыковым, покинувших должности наркомов в знак протеста против создания в России однопартийной власти. В телеграмме от 26 ноября главному комиссару Черноморского флота Совнарком требовал: «Действуйте со всей решительностью против врагов народа»⁹. В конце декабря Ленин написал статью «Как организовать соревнование», провозгласив полезность и целесообразность «очистки земли российской от всяких вредных насекомых», включая «клопов — богатых». Одних «насекомых» автор предлагал

¹ Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. II. Кн. 5. С. 23.

² НИА. Golovin Nicolai N. Collection. Box 15. Folder «Russian Academic Association in Paris». Головин Н. Н. Письменный доклад. С. 72.

³ Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. II. Кн. 3. Указ. соч. С. 91–92.

⁴ Там же. С. 93–94.

⁵ Там же. С. 91, 99–100.

⁶ Там же. Ч. II. Кн. 5. Указ. соч. С. 39–43.

⁷ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003. С. 537–538.

⁸ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б) август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 136.

⁹ Цит. по: Бобков А. А. Разворот солнца над Аквилоном вручную. Феодосия и феодосийцы в Русской смуте. Год 1918. Феодосия — Симферополь, 2008. С. 112.

сажать в тюрьму, других — заставлять чистить сортиры, третьих — после карцера — превратить в изгоев, выдав им для опознания специальные «желтые билеты», четвертых — расстреливать через десяток. Ради такой чистки Ленин предлагал развернуть «соревнование коммун и общин», а наиболее «талантливым» и отличившимся товарищам — открывать возможности для карьерного роста¹. В марте 1918 года в одной из своих статей председатель Совнаркома отметил: «Россия завоевана большевиками»². Образ мышления и приоритеты Ленина, как будто подтверждали тезисы Головина. Тем более, коммуны и общины «соревновались» в «очистке земли» от «вредных насекомых».

Например, массовые убийства офицеров, а также в отдельных случаях юнкеров и даже воспитанников старших рот кадетских корпусов произошли зимой 1917/18 годов при активном участии местных ревкомов и советских властей в Крыму, Киеве и других городах. Жертвами полномасштабного террора пали тысячи человек³, а совокупная численность погибших превышала в тот момент общее количество чинов Добровольческой армии и донских партизанских отрядов, сражавшихся на Юге с красногвардейцами, солдатами и матросами. Наконец, в революционной атмосфере уничтожения «старого мира» обыденно выглядели регулярно происходившие на железных дорогах бесчисленные убийства офицеров, возвращавшихся после демобилизации домой или заподозренных в попытках пробраться с севера на Дон⁴.

Однако консолидации в оценках вышеописанных событий нет. Одни историки в той или иной степени согласны с тезисами Головина, отмечая «сознательное властное воздействие» большевиков на варварский социум, а также указывая на разницу между красным и белым террором⁵. Другие исследователи связывают начало красного террора лишь с деятельностью органов ВЧК во II–III кварталах 1918 года, представляют его в качестве неизбежного ответа на контрреволюционные выступления, не делают различия между крайним насилием противоборствующих сторон, подчеркивают справедливость, объективность и своевременность задач, которые Ленин ставил перед чекистами⁶.

IV. Политические итоги гражданской войны обусловлены равнодушно-пассивным или враждебным отношением большинства крестьянского населения к Белым армиям в 1918–1919 годах. «Всякая малокультурная масса в тех случаях, когда разрушено ее традиционное представление о государственности, впадает в узкий классовый эгоизм. Такой же процесс происходил в недрах русского крестьянства к концу 1918 года»⁷, — утверждал Головин. Соответственно, единственный способ привлечь на свою сторону крестьян заключался для белого командования в том, чтобы признать необратимым захват дворянской земли. «Не страх, а согласие населения дает конечную победу в

¹ Как организовать соревнование? // *Ленин В. И.* Полное собр. соч. Изд. 5. Т. 35. М., 1974. С. 204–205.

² Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи советской власти» // Там же. Т. 36. М., 1974. С. 128.

³ *Бобков А. А.* Указ. соч. С. 113–114, 139, 154; *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. Указ. соч. С. 45–50, 60–62, 70; *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997. С. 53–54, 59–60, 65–73; *Красный террор в годы гражданской войны* / Ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. Лондон, 1992. С. 187–192, 195–197; *Могиланский Н. М.* Трагедия Украины (Из пережитого в Киеве в 1918 году) // Архив Русской Революции издаваемый И. В. Гессеном. Т. XI. Берлин, 1923. С. 77–78.

⁴ *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. Указ. соч. С. 43–44.

⁵ *Бортневский В. Г.* Красный и белый террор гражданской войны // *Бортневский В. Г.* Избранные труды. Указ. соч. С. 267–286; *Бортневский В. Г.* К вопросу о красном и белом терроре // Там же. С. 287–288; *Симбирцев И.* ВЧК в ленинской России 1917–1922. М., 2008. С. 28, 232, 237–263. 270; *Тепляков А. Г.* Деятельность органов ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД (1917–1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты / 2 изд., испр. и доп. М., 2018. С. 60.

⁶ *Тепляков А. Г.* Указ. соч. С. 60, 78; *Ратьковский И. С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006. С. 234–236.

⁷ *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. V. Кн. 12. Указ. соч. С. 77.

гражданской войне»¹, — дополнял Месснер. В противном случае Белое движение уподоблялось двигателю, работавшему без приводных ремней, то есть вхолостую. При этом профессор признавал «трудности подобного решения», обусловленные необходимостью приносить в жертву крестьянским интересам культурного помещика, но полагал, что Белой армии во имя общенационального блага требовалась «жертва имущих классов в пользу неимущих»². Однако в 1919 году генерал Деникин и Верховный правитель России адмирал Александр Колчак так и не смогли разрешить узловое противоречие между целесообразностью и принципом неприкосновенности частной собственности³. Отчасти это произошло не только вследствие их личных качеств, но и потому, как рассуждал Головин, что «Белое движение не дало [народу] никакой *социальной идеи*»⁴, хотя ученый и не касался вопроса о принципиальной возможности её возникновения и широкой общественной популяризации в условиях гражданской войны. «Крымский период» реформаторской деятельности правительства Юга России генерал-лейтенанта барона Петра Врангеля и Александра Кривошеина Головин не рассматривал, так как в 1920 году исход боевых действий выглядел предрешенным. Все же наиболее последовательные и перспективные попытки разрешить аграрный вопрос в историографии традиционно связываются с именами Врангеля и Кривошеина⁵.

В результате в 1919 году Белые армии массовой поддержки крестьян не получили, тем более Деникин, выбирая главное операционное направление, повел наступление на Москву через губернии, где господствовала крестьянская община, а местное население составляли преимущественно потомки крепостных⁶. Враждебное отношение к мобилизациям и реставрационно-реституционным проектам выражалось в распространении в белом тылу партизанщины или пестрого «зеленого» движения⁷, о чем свидетельствовали и нейтральные современники⁸. Вместе с тем Головин и его ученики не питали иллюзий по поводу хозяйственного значения «черного передела»: большевистская доктрина не признавала права собственности, поэтому «величайший из демагогов — Ленин» по мере упрочнения власти собирался отобрать землю у крестьян, в итоге жестоко пострадавших во время сталинской коллективизации⁹. Однако, с точки зрения Головина, существовала еще одна веская причина, в значительной степени повлиявшая на поведение основной части населения: решающие военные события и сражения 1918–1919 годов между красными и белыми произошли *слишком быстро*, до того момента, когда главная масса крестьянства осознала коренное расхождение своих

¹ Месснер Е. Э. О войне «гражданского образца» // Хочешь мира, победи мятежвойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. М., 2005. С. 287.

² Там же. С. 87; Головин Н. Н. Путь к уничтожению большевиков в России // Парижский Вестник. 1943. 24 апреля № 45. С. 4.

³ Пути возрождения России // Александров К. М. Николай Николаевич Головин: последние годы жизни. С. 53.

⁴ Цит. по: Там же. С. 47. Курсив Н. Н. Головина.

⁵ Росс Н. Г. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982. С. 139–190; Цветков В. Ж. Земля и земство — основы Белой России // Белая Россия. Опыт исторической ретроспекции. Материалы международной научной конференции в Севастополе. СПб. — М., 2002. С. 25–43.

⁶ НИА. Golovin Nicolai N. Collection. Box 15. Folder «Russian Academic Association in Paris». Приложение № 8. Слово члена ИИСПВиМ, лектора по военной географии России В. Г. Яновского // Протокол общего собрания членов РАГ в Париже от 5 июня 1939 года. С. 33–34.

⁷ Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. V. Кн. 12. Указ. соч. С. 90–91.

⁸ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. М. — СПб., 1995. С. 524.

⁹ НИА. Golovin Nicolai N. Collection. Box 15. Folder «Russian Academic Association in Paris». Приложение № 8. Слово члена ИИСПВиМ, лектора по военной географии России В. Г. Яновского // Протокол общего собрания членов РАГ в Париже от 5 июня 1939 года. С. 33–34. С. 34–35; Пути возрождения России. Указ. соч. С. 53.

интересов с долгосрочными целями большевиков¹. Лектор по истории военного искусства ИИСПВиМ подпоручик Андрей Власов полагал, что это произошло в 1921 году², хотя, возможно, в действительности еще позднее — в 1929–1932 годах.

Вышеизложенные четыре концептуальных тезиса ни в коей мере не исчерпывают богатого творческого наследия головинской школы Русского Зарубежья. Её представители уделяли постоянное внимание событиям гражданской войны и её результатам, в том числе и в связи с последствиями социального поведения, обусловленного разными причинами, влияниями и обстоятельствами. Профессора Николая Головина и его учеников из числа офицеров Белых армий, несмотря на резко враждебное отношение к сталинской власти, трудно упрекнуть в бездумной апологии Белого движения и намерении придать ему образ героической легенды. Напротив, заслуживают внимания их попытки рассматривать минувшие исторические события в широком контексте, не избегая критических замечаний и заключений, вызвавших, кстати, остро-негативную реакцию генерала Деникина³, чтобы не только проанализировать накопленный опыт, но и использовать его в дальнейшей военно-политической деятельности. В определенной степени рассмотренные в нашем докладе тезисы и выводы преимущественно сформулированные в период 1930-х—1940-х годов, нашли свой отклик в более поздней историографии, в связи с чем трудно поставить под сомнение стремление Головина при исследовании войны искать не просто правду, но — всю правду⁴. Поэтому, как полагает автор, они сохраняют свою актуальность и значение.

¹ Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. V. Кн. 12. Указ. соч. С. 96.

² НИА. Golovin Nicolai N. Collection. Box 15. Folder «Russian Academic Association in Paris». Приложение № 6. Слово члена ИИСПВиМ, лектора по истории военного искусства А. А. Власова // Протокол общего собрания членов РАГ в Париже от 5 июня 1939 года. С. 27.

³ Лехович Д. В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992. С. 361.

⁴ Головин Н. Н. Наука о войне. Указ. соч. С. 71.

Вспоминая повседневность войны (по материалам устных рассказов нижних чинов Северо-Западной армии белых, записанных писателем Л. Ф. Зуровым)

Писатель и участник Белого движения Леонид Федорович Зуров (1902 – 1971) вошел в историю русской культуры в первую очередь как литературный секретарь Ивана Алексеевича Бунина. Между тем, деятельность Л. Ф. Зурова была намного более многогранна, и лишь немногие ее плоды были оценены по достоинству. В октябре 1918 г. шестнадцатилетний реалист из уездного города Остров Псковской губернии добровольно вступил в ряды формировавшейся тогда Северной (впоследствии — Северо-Западной) армии. В ходе боевых действий он был дважды ранен и после неудачи осеннего похода 1919 г. отступил вместе с армией на территорию Эстонии.

После ликвидации армии Л. Ф. Зуров приехал в Латвию, где жили его родственники, и продолжил прерванное войной обучение — окончил Рижскую городскую русскую среднюю школу (бывшую Ломоносовскую гимназию). В первой половине 1920-х гг. он ненадолго переехал в достаточно гостеприимную к русским эмигрантам Чехословакию Томаша Масарика и Эдварда Бенеша, где пытался получить политехническое образование, а также участвовал в работе Семинария имени известного русского византиста Никодима Павловича Кондакова. В 1928 г. Зуров участвовал в экспедиции профессора Латвийского университета историка и юриста Василия Ивановича Синайского в Псково-Печерский монастырь. Л. Ф. Зуров не имел профессионального исторического образования, но сохранял связи с академическим гуманитарным миром всю свою активную творческую жизнь¹.

События революции и Гражданской войны, сознательный выбор стороны белых стали узловым моментом в жизни Зурова. Впоследствии он постоянно возвращался в своем творчестве к этой эпохе и как писатель, и как историк. Долгие годы шла работа над монументальным романом «Зимний дворец» об октябре 1917 г. Роман не был написан, но сохранились ценнейшие воспоминания участников тех событий, записанные Л. Ф. Зуровым². Им также была написана статья по истории Северо-Западной армии³, но лишь сравнительно недавно появилась возможность более полно оценить вклад писателя в дело сохранения исторического наследия Белого движения.

Архив Дома русского зарубежья им. А. И. Солженицына хранит немало количество материалов по истории Северо-Западной армии. Основу архивной коллекции составило собрание Солженицына, в число переданных им материалов входил и личный архив Л. Ф.

¹ Показательна в этом смысле ведшаяся Л. Ф. Зуровым в течение 35 лет переписка с преподававшим в Кембриджском университете историком-эмигрантом Н. Е. Андреевым. (Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Вып. 13: «Только Вы поймете следующий текст...»: Переписка Н. Е. Андреева и Л. Ф. Зурова. Таллин, 2013). Среди других корреспондентов Л. Ф. Зурова — историк и культуролог Г. В. Вернадский, создатель Древлехранилища Пушкинского дома В. И. Малышев, искусствовед и реставратор В. В. Косточкин, историки Т. Н. Михельсон и П. А. Раппопорт, археолог В. В. Седов, директор Печорского музея М. С. Вильниц (см.: Зуров Л. Ф. Статьи и письма / Под ред. А. Пономарева. М., 2014. С. 49—90).

² Архив Дома русского зарубежья им. А. И. Солженицына (далее — ДРЗ). Ф. 39 (Северо-Западная армия). Оп. 2 (Архив «Белое дело»). Д. 32 (Н. Скородинский. Ответы Л. Ф. Зурову на его вопросы относительно обороны Зимнего). Часть материалов хранится в архиве Лидского университета (Великобритания); см.: Балтийский архив. Русская культура... С. 59

³ Зуров Л.Ф. Формирование Северной армии // Белое движение на Северо-Западе России / Ред. В. Ж. Цветков. М., 2003 С. 17—29.

Зурова¹. Был сформирован отдельный фонд писателя (ф. 3), а собранные им источники по истории Северо-Западной армии были включены в состав фонда «Северо-Западная армия» (ф. 39)². Второй описью в состав фонда 39 включено собрание рижского отделения редакции альманаха «Белое дело», должность секретаря которой во второй половине 1920-х гг. занимал Л. Ф. Зуров. Эти материалы – свидетельства огромного труда по собиранию мемуаров для публикации, ведению переписки с потенциальными авторами альманаха, литературной и редакторской обработке текстов. Так, в альманахе «Белое дело» были опубликованы литературно обработанные Л. Ф. Зуровым мемуары полковника³ Алексея Даниловича Данилова, посвященные истории его партизанского отряда, разросшегося со временем в 12-й Темницкий полк Северо-Западной армии⁴. После окончания работы над этим текстом Зуров предполагал заняться написанием истории Островского полка, в котором служил сам⁵, но, по всей очевидности, завершить эту работу ему не удалось. В 1929 г. по приглашению И. А. Бунина он перебрался во Францию и отошел от дел, связанных с изданием альманаха, но не терял интереса к истории вообще и истории Белого движения на Северо-Западе России, в частности.

В 1930-х гг. Зуров неоднократно участвовал в археолого-этнографических экспедициях по изучению русскоязычного населения Эстонии. В 1935 г. он отправился в Эстонию на собранные русскими эмигрантами во Франции пожертвования (определенную поддержку оказал также Музей человека в Париже), чтобы убедить эстонские власти в необходимости проведения реставрационных работ в звоннице Никольской церкви Печерского монастыря и самому принять участие в этих работах. В 1937 г. Зуров организовал новую экспедицию в Печорский край (эстонское название – Петсери) совместно с сотрудниками наследовавшего пражскому семинарию Института им. Н. П. Кондакова. Еще одна экспедиция состоялась уже в следующем, 1938-м, году. Результатом стали многочисленные записи ритуалов, говора, фольклора, сведений по топонимике и ономастике, зарисовки курганов и священных камней, сотни фотографий. В декабре 2014 г. часть этих материалов была опубликована⁶.

Во время своих поездок Зуров собирал также исторические свидетельства по истории Северо-Западной армии, ведь Прибалтика была одним из основных мест расселения бывших участников Белого движения на Северо-Западе России. Писатель не упускал возможности побеседовать с ветеранами-белогвардейцами, а также с людьми, не участвовавшими в боевых действиях, но бывших свидетелями эпохи. Их рассказы дошли до нас в его записях, хранящихся в Доме русского зарубежья им. А. И. Солженицына. Особенно ценно то, что Зуров записывал в основном свидетельства

¹ После смерти Л. Ф. Зурова, согласно его завещанию, его личный архив и архив семьи Буниных, хранившийся у него, унаследовала его добрый друг, преподаватель Эдинбургского университета Милица Эдуардовна Грин. Архив Буниных и часть архива самого Зурова в 1980-е — начале 1990-х гг. были переданы в архив Лидского университета (Великобритания). См.: *Белобровцева И.* «Предчувствие мне подсказывает, что я недолгий гость»: Переписка И. А. Бунина и Г. Н. Кузнецовой с Л. Ф. Зуровым (1928 — 1929) // И. А. Бунин: Новые материалы / Под ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М., 2004. Вып. 1 С. 232—233). Значительная часть архива Л. Ф. Зурова (в первую очередь, материалы по истории Белого движения) через посредничество А. И. Солженицына попала в Москву.

² ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 129—135.

³ Производства Н. Н. Юденича 12 октября 1919 г.

⁴ *Зуров Л. Ф. Даниловы // Белое дело: Летопись белой борьбы: Материалы, собранные и разобранные бароном П. Н. Врангелем, герцогом Г. Н. Лейхтенбергским и светл. князем А. П. Ливеном / Под ред. А. А. фон Лампе. Берлин, 1927. Т. 2. С. 158—196.*

⁵ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. Д. 5 (Переписка Л. Ф. Зурова о сборе материала для архива «Белое дело»). Л. 28 об.

⁶ *Зуров Л. Ф.* Статьи и письма... Публикаторами заявлено, что издание будет продолжено.

рядовых участников событий, тех «простых» или «маленьких» людей¹, которые редко оставляют после себя мемуарное наследие. В 1940 г. Прибалтика вошла в состав СССР, что повлекло за собой преследования белогвардейцев и сделало невозможным продолжение работ Зурова. Для нас сегодня важна фиксация исторической памяти о событиях Гражданской войны, сформировавшейся в среде русскоязычного населения Прибалтики в 1920-е – 1930-е гг. В дальнейшем эта историческая память была подвергнута серьезной корректировке и в каком-то смысле стёрта...

Записи Зурова составляют 7 единиц хранения общим объемом в 1485 листов². Писатель записывал рассказы своих респондентов, как правило, в школьных тетрадях или на отдельных листах бумаги чернилами или химическим карандашом. Зачастую текст записывался в спешке, поэтому почерк разбирается с большим трудом, а в некоторых местах и вовсе не поддается прочтению. Впрочем, эта спешка свидетельствует и о том, что писатель не делал литературной обработки устных рассказов, а значит их можно рассматривать как аутентичную фиксацию устной истории. Воспоминания посвящены в основном событиям на территории Псковской губернии, где была сформирована Северо-Западная армия. Зуров помечал отдельные рукописи заголовками: «Псков» (описание формирования ядра будущей Северо-Западной армии – отдельного Псковского добровольческого корпуса и оставления Пскова в конце ноября 1918 года), «Изборск» (о событиях в Изборске в это же время), «Печоры» (о событиях в Печорах), «Остров» (о событиях в Острове), «Талабск.» (о формировании отряда из жителей Талабских островов) и т. д. Зуров проставлял даты в некоторых рукописях, хотя далеко не во всех. Наиболее часто встречаемая дата — 1938 год³, год последней экспедиции Зурова в Прибалтику⁴. Рукописи, датированные этим годом, объединены в одну архивную единицу хранения (№ 134). В. В. Кругликов высказывал мнение о том, что записи Зурова можно датировать 1919 годом⁵. На наш взгляд, эта датировка остается спорной и, во всяком случае, не может распространяться на весь комплекс записей Зурова, учитывая датировку ряда рукописей 1938 года самим писателем⁶. Были собраны свидетельства порядка 97 респондентов (точное число установить трудно, так как далеко не во всех случаях мы располагаем конкретными указаниями автора на личность опрашиваемого). 62 из них принимали участие в боевых действиях на стороне Белой армии, 35 — были очевидцами событий (среди очевидцев 11 респондентов женщин). Записи 1938 г. были сделаны на территории Печорского края (исключение – воспоминания В. К. Видякина), часть записей была, по всей очевидности, сделана в других областях Эстонии и в меньшей степени Латвии (поэтому понятие «Прибалтика» в настоящем докладе включает в себя пограничный Печорский край (Петсери) и не включает Литву). Большинство опрошенных составляли нижние чины Северо-Западной армии, что делает рассматриваемый источник особенно

¹ См. Маленький человек и большая война в истории России: Середина XIX – середина XX в.: Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 17 – 20 июня 2013 г.) / Под ред. Т. А. Абросимовой, Б. Б. Дубенцова, Б. И. Колоницкого и др. СПб., 2014.

² ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 129–135.

³ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 134 (Зуров Л. Ф. Записи со слов участников Северо-Западной армии). Л. 1, 41, 48, 60–62, 69, 74, 76, 81, 96, 104, 105, 117, 118, 124, 128.

⁴ Эту экспедицию спонсировал Музей человека в Париже. (Зурин С. Г. Голгофа Северо-Западной Армии. 1919–1920 гг.: Венок памяти соотечественникам. СПб., 2011. С. 144–145).

⁵ Кругликов В. В. Талабский рейд осенью 1918 года: Проблемы датировки и состава. Хронология // <http://northwestarmy.ru/talabskij-rejd-osenyu-1918-goda-problemy-datirovki-i-sostava-xronologiya/> Сайт «Северо-Западная армия». Состояние на 11.12.2018

⁶ Подробнее см. наши аргументы в статье: Мажара П. Ю. «Всё это преодоление отрыва от России...»: писатель Л.Ф. Зуров и сохранение исторической традиции в эмиграции // Текст и традиция: альманах, 4. СПб., 2016. С. 416 – 417.

ценным. Делая записи, Зуров сохранял особенности устной речи, стремился передать специфические черты псковского говора. В тексте встречается немало просторечных выражений. Основные сюжеты воспоминаний были определены самим Зуровым как расспрашивающим и записывающим.

Возникновение Северо-Западной армии стало одним из частных следствий германской оккупации территорий бывшей Российской империи в 1918 г. В ночь с 27 на 28 февраля 1918 г. в ходе наступления 8-й армии кайзеровских войск ими был взят Псков. Таким образом создавалась угроза Петрограду, «столице трёх революций» – серьёзный аргумент для возобновления ведения переговоров о мире в Брест-Литовске на максимально выгодных для Германии условиях. Оккупация Пскова и юго-западной части псковской губернии включая город Остров не прекратилась и после подписания договора о мире 3 марта 1918 г. Хотя 27 августа 1918 г. был заключен добавочный русско-германский мирный договор, согласно которому эти «временно оккупированные» территории должны были быть освобождены, последнее произошло лишь в ноябре 1918 г., когда война уже была проиграна Германией в целом¹.

Создание белой Северо-Западной армии (стало возможным благодаря тому, что немцам было необходимо создать противовес на случай наступления Красной армии. Таким образом тактически их задачи совпали со стремлениями антисоветского офицерства, стремившегося к активному противостоянию разрушившим старую армию большевикам. Касаясь темы немецкой оккупации региона, отметим и ощущения самого Л. Ф. Зурова, выраженные им в его собственном очерке «Формирование Северной армии», опубликованном уже в наши дни: «Многим русским был не по душе вежливый, но суровый тон прусского лейтенанта, умные реквизиции и редкие расстрелы неповинующихся немцам мужиков»². Эта фраза передаёт восприятие германского присутствия на псковской земле как, с одной стороны, чего-то чуждого, а с другой – как рационально организованного (суровая вежливость, «умность» проводившихся реквизиций, не частое, но суровое в своей неотвратимости наказание за нелояльность к оккупантам). Это восприятие немцев как носителей начал рациональности, контрастно подчёркиваемой хаосом разгорающейся в России Гражданской войны, достаточно характерно и для свидетельств респондентов Л. Ф. Зурова.

«Видели, как при немц[е] было и вдруг при красных ничего не ста[ло] и псковский наш мужик не мог смириться с этим»³, – весьма категорично формулировал в разговоре с Л. Ф. Зуровым некий ветеран Белого движения на Северо-Западе (предположительно, Иван Павлович Изменов⁴). Можно привести и вовсе скорее одобрительные отзывы о немцах. «Немецкая оккупация прошла безобидно. Склады лесных материалов они раздавали бедным крестьянам для обстраивания своих домов»⁵, – поведал Л. Ф. Зурову начальник железнодорожной станции «Новоизборск» (в 1918 г.), чья фамилия, к сожалению, не была зафиксирована в записях писателя. О том, что при немцах «было лучше», чем при большевиках, заявили также ветеран Талабского отряда, сельский учитель из Изборска и попадьё из церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Изборске, чьи имена, к сожалению, также не были записаны писателем⁶. «Барышни с немцами

¹ Интервенция на Северо-Западе России (1917 – 1920 гг.) / Под ред. В. А. Шишкина. СПб., 1995. С. 98 – 102.

² Зуров Л. Ф. Формирование Северной армии... С. 17.

³ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 129. Тетрадь 2-я. Л. 13 об.

⁴ Там же. Л. 1а.

⁵ Там же. Д. 131. Тетрадь 1-я. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 20 – 52 об. См. также – тетрадь 2-я. Л. 182 об. Попадья – предположительно супруга протоиерея И. Н. Коведяева, служившего в церкви Рождества Пресвятой Богородицы с 1917 по 1935 г. С 1935 г. – настоятель церкви Сорока мучеников Севастийских в Печорах. В 1940 г. арестован НКВД и приговорен к

танцевали, на них смотрели как на освободителей, на избавителей»¹, – описывал жизнь псковского общества в 1918 г. ещё один респондент, чья личность, к сожалению, не идентифицирована. «Это была хорошая власть»², – заявил о немецкой комендатуре некий Мирзинский («р» в рукописи можно прочесть и как «д»), в 1918 г. – житель Пскова.

С точки зрения сравнения белых и германской армии, любопытны записанные (по-видимому, во Франции, а не в Прибалтике) Зуровым свидетельства Александра Яковлевича Горюшина, служившего в 1918 г. в Псковской артиллерийской бригаде³. Горюшин вспоминал, что «у русских [т.е. в формировавшемся Псковском корпусе] не было нормальной бухгалтерии»⁴, но представители германского командования не хотели наводить порядок в этой сфере, так как на это у них не было ни времени, ни желания. Впрочем, респонденты также отмечали и моменты разлагающего воздействия обстановки революционной России на германскую армию: «во Пскове, у немцев пошло разложение. Началось, без погон ходят. <...> Я не видел лично, но, говорят, были случаи, что погоны срывали»⁵. О разложении немецкой армии вспоминал респондент, записанный Л. Ф. Зуровым как «Вирб»⁶, утверждавший, что немецкие солдаты теряли уважение к собственному генералитету.

Однако, напомним, что помимо «порядка» германская армия, согласно Зурову, принесла на псковскую землю и «умные» реквизиции, и расстрелы нелояльного населения. Свидетельства о грабежах и насилии можно найти и среди зуровских записей. «Немцы старались всех обобрать, все увезти из запасов старой армии и охранять себя, себя уберечь, чтобы вернуться в Германию»⁷, – сообщал о «крохоборах»⁸ один из его респондентов. «При немцах были колокольня разграблена и барин был удавившись»⁹, – поведал Зурову некий житель Печор по фамилии Царев. Барсова, учительница из Печор, жаловалась на то, что «ни немцы, ни красные не платили жалования учителям»¹⁰. Другая респондент-женщина сообщала о трудностях с продовольствием¹¹. Офицерство, составившее костяк формирующейся белой армии, для выживания в условиях немецкой оккупации также было вынуждено браться за любую работу¹². Сохранились и мемуарные свидетельства о стычках между германскими солдатами и крестьянами¹³.

Помимо всего прочего у респондентов, принимавших участие в Гражданской войне на стороне Белого движения, были претензии к германской армии за то, что та

расстрелу. (Псковский синодик пострадавших за веру Христову в годину гонений священнослужителей, монашествующих и мирян Псковской епархии XX столетия. Москва; Псков, 2005. С.258 – 259).

¹ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 132. Л. 27 – 28 об.

² Там же. Л. 57.

³ *Бойков В. А.* Краткий биографический словарь офицеров, чиновников и служащих белой Северо-Западной армии (1918 – 1920 гг.) Таллинн, 2009. С. 101.

⁴ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 131. Тетрадь 2-я. Л. 132 – 132 об.

⁵ Запись рассказа некоего Александра Ильича, служившего в 1918 г. в 1-й батарее Псковской артиллерийской бригады // ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 132. Л. 13. Так же см. л. 19.

⁶ Возможно, Алексей Людвигович Вирбелауэр (Вирбеляуэр), служивший во 2-м дивизионе Псковской артиллерийской бригады. О нем см.: Сайт «Русская Эстония» http://russianestonia.eu/index.php?title=%D0%92%D0%B8%D1%80%D0%B1%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%83%D1%8D%D1%80_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%B9_%D0%9B%D1%8E%D0%B4%D0%B2%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 Состояние на 01.04.2019

⁷ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 133. Тетрадь 2-я. Л. 78. См. также – Д. 132. Л. 139 – 160.

⁸ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 132. Л. 15 об.

⁹ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 134. Л. 54 об.

¹⁰ Там же. Л. 81.

¹¹ Там же. Д. 132. Л. 172 – 179.

¹² Интересны свидетельства о заработке офицерами перевозом жителей и грузов через реку Великую. (ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 132. Л. 3 об.

¹³ Там же. Л. 77 – 80.

практически без боёв сдала Псков 25 ноября 1918 г. Красной армии, не предупреждая о своих планах русских союзников. Были и случаи стычек между германскими частями и частями белых¹. Вообще при описании отступления германской армии (как, впрочем, и белой Северной армии) исчезают слова о «рассудительности»² и рациональности немцев. Респонденты Зурова вспоминают о хаосе, царившем при оставлении Пскова, о запруженных немецкими подводами Ольгинском и Рижском железнодорожном мостах через Великую, растерянном немецком генерале Георге фон Штангене³.

Безусловно, нельзя забывать ни о казнях, ни о реквизициях, проводившихся на территориях, оккупированных Германией⁴. Но при этом отметим, что последующие казни, репрессии и реквизиции, продолжившиеся на территории Псковской губернии в ходе взаимного ожесточения Гражданской войны, способствовали тому, что в исторической памяти населения период немецкой оккупации стал тесно связан с памятью о Гражданской войне. Опрашиваемые Зуровым жители Петсери (название района Печор в составе Эстонской республики) находились вне зоны активного влияния советской пропаганды, поэтому на фоне эксцессов террора, сопровождавших неоднократную смену властей в Пскове и его округе в 1919 г., и просто безыдейного бандитизма разного рода, период немецкой оккупации в исторической памяти оказался зафиксирован как время относительного порядка сравнительно с последующей эпохой, а потому тот уровень насилия, который был присущ ему, представлялся не переходящим, условно говоря, некоторый критический порог. Открытым, но, безусловно, интересным остаётся вопрос влияния на историческую память русской эмиграции идеологии авторитарного общества, каковым являлась Эстония 1930-х гг., а также влияния фашистской идеологии, которая пользовалась определенной популярностью в русскоязычной среде Прибалтики. В Эстонии действовало несколько русских фашистских организаций⁵.

Респонденты Зурова вспоминали о неразберихе и неорганизованности, царивших во время псковских боев в ноябре 1918 г. и при отступлении на территорию Эстонии. Естественно, в рассказах встречается и недостоверная информация, и противоречия, но чувства участников боев, личный опыт, атмосфера царившей сумятицы лучше всего передаются именно через эти индивидуальные свидетельства. Немало интересных подробностей содержится в воспоминаниях о хаотичном отступлении из Пскова — через Изборск, Печоры, а также другими путями, — на территорию Эстонии. Примечательны описания разбоев, учинявшихся крестьянами села Сенно (рядом с Новым Изборском) под предводительством Василия Миколахина⁶. Миколахинцы грабили отступавшие части немцев и белогвардейцев, при этом какой-либо идейной подоплеку в этих грабежах, судя по всему, не было⁷. Хотя земляк Миколахина, некий Ефимов из Сенно (в 1920-е – 1930-е

¹ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 131. Тетрадь 1-я. Л. 134 об.

² Там же. Д. 130. Тетрадь 1-я. Л. 15 об.

³ Командующий 5-й эрзац-дивизией 8-й армии. (См. Боевое расписание войск на Востоке по состоянию на начало ноября 1918 года // Описание послевоенных боёв германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока / пер. с нем. и комм Л. В. Ланника. М., 2014. С. 225). Один из респондентов Зурова даже уверял, что фон Штангена застрелили собственные солдаты (в действительности отставной генерал от кавалерии фон Штанген скончался в преклонном возрасте в 1940 г.)

⁴ См. подробнее: Интервенция на Северо-Западе России... С. 107 – 112.

⁵ Базанов П. Н. Братство Русской Правды – самая загадочная организация Русского Зарубежья. М., 2013. С. 142; Исаков С. Г., Бойков В. А. Русский фашизм в Эстонии в 1920-е – 1930-е годы // Русская эмиграция и фашизм: Статьи и воспоминания / Отв. ред. и сост. В. Ю. Жуков, науч. ред. В. Ю. Черняев. СПб., 2011. С. 49 – 65.

⁶ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 134. Л. 54 об.

⁷ Там же. Д. 131. Л. 15. Д. 132. Л. 139. Д. 134. Л. 54—54 об. Вероятно, можно в данном случае говорить о стихийно-социалистическом сознании (см. материалы дискуссии «Революция и власть» // Эпоха войн и революций: 1914 – 1922: Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 9 - 11 июня 2016

гг. село входило в эстонскую область Петсери), охарактеризовал крестьянского вожака так: «Миколахин, солдат, доброволец, помощник Соломина [неясно, о ком идет речь, по спискам Северо-Западной армии известен пулемётчик Дмитрий Соломин, однако подробности его биографии, к сожалению, неизвестны], организовал добровольческий отряд, сильный был, бесстрашный малец, молодой. Он не против немцев, а против сверхзажиточного населения. А он, после ухода немцев, вот тут, в промежности [до прихода Красной армии] Миколахин орудовал. Обирал зажиточных людей»¹. Интересны и свидетельства некоего майора Мальшина²: «Миколахин из Сенно – небольшого роста, приземистый, тип озлобленного негодования, пользовался уважением населения»³. Мальшин (Мальш?) поведал Зурову и об обстоятельствах гибели Миколахина: «Во время налета слетел с лошади, началась водянка, постепенно его раздувало, он распух, он умер в страшных мучениях»⁴. Сведения о действиях этой банды особенно ценны, так как в известной нам историографии ни личность самого Василия Миколахина, ни учиненные им разбои не становились предметом изучения и практически не упоминались⁵.

В собранных Зуровым воспоминаниях встречаются и свидетельства о событиях 1919 г., хотя большая часть повествований охватывает исключительно 1918 г. Есть интересные воспоминания о набегах в тылы красных белогвардейского отряда «батьки» Станислава-Мариин (Станислава-Мариана) Никодимовича⁶ Булак-Балаховича. Записаны рассказы жителей Пскова о жизни в городе под властью Булак-Балаховича в 1919 году⁷. Интересны свидетельства псковитянок о популярности портретов атамана («портреты Балаховича рвали с аукциона, в большой цене был»)⁸; а также семьи Шамбирских об истории с помилованием «батькой» красноармейца, на груди которого висел крест⁹. В целом же,

года) / Под ред. Т. А. Абросимовой, Б. И. Колоницкого, Н. В. Михайлова и др. СПб., 2017. С. 234), не забывая при этом о том, что это скорее умозрительный концепт, нежели описание реальной структуры сознания.

¹ Там же. Д. 131. Л. 157.

² Возможно, речь идет о подпоручике Сергее Владимировиче Мальше, бойце партизанского отряда Карла Бадендика, присоединившегося к Белому движению. Мальш был причислен к офицерскому резерву Эстонской армии с 5 октября 1919 г. и уволен в отставку 19 апреля 1926 г. в чине алам-капитана (примерно соответствует майору) // <http://prosopos.esm.ee/index.aspx?type=1> Просопографическая картотека сайта эстонского военного музея им. генерала Лайдонера. Состояние на 12.12.2018.

³ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 132. Л. 139.

⁴ Там же.

⁵ А. В. Смолин упоминает о том, что «при отправлении со станции [Новый Изборск] состав [в котором ехал штаб Псковского корпуса] попал под обстрел местных крестьян» (Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России. СПб., 1999 С. 45).

⁶ Иногда встречается вариант «Михайловича» (см., например: Рутыч [Рутченко] Н. Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 112). Отец Булак-Балаховича, поляк по происхождению, носил двойное имя Никодим Михаил (см.: Белое движение: Исторические портреты / Сост. А. С. Кручинин. М., 2014 С. 1143; Богомазов Н. И. Начальный этап Белого движения на Северо-Западе России. 1918 г.: Дисс ... канд. историч. наук. СПб., 2011 С. 55). Следует отметить также, что в некоторых источниках встречается иной вариант воспроизведения фамилии «батьки»: Бей Булак-Балахович.

⁷ Псков был без боя занят эстонскими войсками в ночь с 25 на 26 мая 1919 г. 29 мая в город вошли части Булак-Балаховича, которому 30 мая, согласно приказу Главнокомандующего эстонской армией Йохана Лайдонера, была передана вся власть в городе. Был установлен режим личной диктатуры «батьки», запомнившийся псковитянам жестокостями и публичными казнями (подробнее об этом см.: Рутыч [Рутченко] Н. Н. Белый фронт генерала Юденича... С. 113—114; Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России... С. 142—143, 210—220).

⁸ Запись рассказа Горошиной и Зензиновой (Зенчиновой?) // ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 133. Л. 173.

⁹ Запись рассказа Шамбирских // ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 134. Л. 92. Эту же историю рассказывает журналист, редактор «Вестника Северо-Западной армии» Г. И. Гроссен в своих воспоминаниях «На буреломе» (Нео-Сильвестр [Гроссен Г. И.] На буреломе: Воспоминания журналиста. Франкфурт н/М., 1971. С. 56, 58).

образ Булак-Балаховича в восприятии респондентов Зурова представляется весьма неоднозначным и амбивалентным: он одновременно и опереточный персонаж, и «гроза» Белого движения. В 1938 г. в Таллинне Зурову удалось записать воспоминания полковника¹ Владимира Константиновича Видякина (в армии известного под именем «Борис»), близкого соратника Булак-Балаховича до времени исключения последнего из списков Северо-Западной армии приказом Н. Н. Юденича (24 августа 1919 г.) Как бы оправдываясь перед Зуровым за сомнительную связь, Видякин заявил: «Если хотите, это для меня – человек недостойный, но нас связала судьба»². Интересна также следующая его фраза: «Ядро [отряда] Балаховича составляли отвратительные солдаты, но настоящие воины: много поляков, литовцев, католиков»³. По-видимому, Видякин имел в виду недисциплинированность «настоящих воинов», именуя их «отвратительными солдатами». Своего бывшего товарища Видякин охарактеризовал в разговоре с Зуровым как «позёра»⁴. Это перекликается со словами другого респондента, чья личность, к сожалению, не идентифицирована, который характеризовал Булак-Балаховича как «феерическую личность и опереточного ротмистра»⁵. Александр Яковлевич Горюшин, в 1918 г. служивший в Псковской артиллерийской бригаде, рассказывал Л. Ф. Зурову (по-видимому, во Франции, а не в Прибалтике), что после появления Булак-Балаховича в Пскове в начале ноября 1918 г. начались «по русскому образцу»⁶ неоправданно шикарные балы, сопровождавшиеся пьянством. Также можно найти сведения о том, что Балахович и его соратники были кокаинистами⁷. Но, по-видимому, тот же респондент (не Горюшин) говорил Зурову, что «войска Балаховича были грозой всех белых»⁸. Очень интересно замечание респондента Зозулина о том, что псковское купечество стало жертвовать на формирование белой армии действительно значимые суммы денег только после появления в Пскове Балаховича, т. к. «на чистых не рассчитывали, а на отчаянных»⁹. Под «отчаянными» имеются в виду балаховцы. «Много возлагали надежд на Балаховича»¹⁰, – вторил респондент из числа артиллеристов, чья фамилия, к сожалению, не была записана Зуровым.

Записи рассказов респондентов также чрезвычайно интересны с точки зрения уточнения сведений о ходе военной кампании на Северо-Западе осенью-зимой 1918 – 1919 гг., хотя, безусловно, при работе с историческим источником в этих целях необходима крайняя осторожность (по нашему мнению, это все же мемуары, записанные 20 лет спустя после описываемых событий).

Интересно отметить и те аспекты истории Гражданской войны на Северо-Западе, которые либо становились «фигурами умолчания» при разговорах, либо сознательно не брались Зуровым «на карандаш». В первую очередь, речь идет о взаимоотношениях между русскими и эстонцами. Причины коллективного молчания респондентов Зурова могут быть различны, пока же мы лишь ограничимся констатацией этого факта.

Подводя итоги, отметим, что записи Л. Ф. Зурова представляют собой уникальный исторический источник, фиксирующий состояние исторической памяти русскоязычного

¹ Производства Н. Н. Юденича 12 октября 1919 г.

² ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 134. Л. 105.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 107 об.

⁵ Там же. Д. 132. Л. 189 об. Отметим, что тот же респондент характеризует далее В. К. Видякина как «картёжника» и «плута».

⁶ Там же. Д. 131. Л. 132.

⁷ Там же. Л. 32 об.

⁸ Там же. Л. 29 об.

⁹ Там же. Д. 132. Л. 39.

¹⁰ Там же. Л. 135.

населения Прибалтики накануне очередных грандиозных перемен в её государственной и общественной жизни. События Первой мировой и Гражданской войн способствовали политизации «народных масс», о чём ярко свидетельствуют рассказы респондентов Л. Ф. Зурова, повествующие о псковской земле после исчезновения порядка (как российского, так и оккупационного немецкого). При этом интересно отметить формирования в этих условиях института «народных вожakov» (термин А. В. Посадского)¹. Записи Зурова создают выразительные устные портреты двух «народных вожakov»: известного историкам «бабки» Станислава-Марии (Мариана) Булак-Балаховича и Василия Миколашина, чье имя стало известно благодаря рассказам респондентов Зурова. Обоих вожakov объединяет невнятность их политической программы, идейная амбивалентность, готовность сменить революционные лозунги на «контрреволюционные», если этого требует необходимость поддержания своего личного авторитета для сохранения лидерства. Формула В. К. Видякина «отвратительные солдаты, но настоящие воины» ярко подчёркивает «иррегулярность» военного таланта «народного вожака». Булак-Балахович, миловавший не снимавших креста красноармейцев, и Миколашин, с оружием в руках выступавший против «копящих сокровища земные», предстают в устных рассказах патерналистскими лидерами, апеллирующими скорее к Библии, нежели к советским/антисоветским лозунгам. «Криминальный» характер их лидерства может напомнить нам и о более современном термине «полевой командир»². В этой связи выскажем и некоторые общие соображения относительно небольшой по меркам Белого движения Северо-Западной армии (20 тыс. человек под ружьем в самые лучшие времена). Мемуаристы в эмиграции сетовали, что армия так и не смогла изжить в себе такие явления, как партизанщина, плохая дисциплина и плохое исполнение приказов. Многие военные соединения внутри армии носили неофициальные названия по имени своих командующих (вожakov): это не только балаховцы, но и даниловцы, и ливенцы, и т.п. В связи с этим интересно поставить вопрос о характере лидерства внутри белой Северо-Западной армии как таковой, хотя здесь необходимо избегать соблазна экстраполировать наши представления об изгнанном из армии Н. Н. Юденичем Булак-Балаховиче на лидеров белой армии вообще.

Во всяком случае, можно отметить, что записи Л. Ф. Зурова требуют дальнейшего научного изучения и, желательно, публикации как уникальный источник по истории повседневности Первой мировой и Гражданской войн, революционных и контрреволюционных процессов в одном из наиболее интересных пограничных регионов России – на псковской земле.

¹ *Посадский А. В.* Народные элиты Гражданской войны: Источники и пути формирования // Эпоха войн и революций: 1914 – 1922: Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 9 - 11 июня 2016 года) / Под ред. Т. А. Абросимовой, Б. И. Колоницкого, Н. В. Михайлова и др. СПб., 2017. С. 175 – 184.

² См. материалы дискуссии «Революция и власть» // Эпоха войн и революций: 1914 – 1922: Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 9 - 11 июня 2016 года) / Под ред. Т. А. Абросимовой, Б. И. Колоницкого, Н. В. Михайлова и др. СПб., 2017. С. 239.

Гражданская война как место и практики памяти в 1920-е — 2000-е гг.: случай Самары

§1. Введение. Вопрос о памяти в российском обществе

Обращение к прошлому в современной России принимает порой патологические формы, поскольку вопросы о надлежащей памяти о том или ином событии захватывает все сферы общественной жизни и становится вопросом не только научного, но и политического плана.

Все подобные случаи связаны с той или иной исторической фигурой или событием, память о котором по мнению государства и общества (или значительной его части) должна выстраиваться определенным образом: сопровождаться правильными ритуалами, правильными терминами для описания прошлого, а также правильно репрезентироваться в СМИ, художественных произведениях (любого характера) и вообще в искусстве.

Примеры столкновений памяти можно приводить бесконечно, и заметно, что особенное внимание общества и государства привлекают сюжеты и герои Великой Отечественной войны (причем, в центре скандала оказываются казалось бы чисто научные работы, и даже в научном сообществе нет консенсуса по этому поводу). Повидимому, это связано с тем, что Великая Отечественная война воспринимается как точка отсчета современной истории России, а празднование Дня Победы видится «основополагающим ритуалом» страны и подлинным временем национального единства, точкой сборки большого российского политического организма. К Великой Отечественной войне привязывается и имя Сталина, фигура которого регулярно попадает в списки наиболее выдающихся деятелей прошлого и расценивается как идеал политика.

Другой, не менее дискуссионной, остается тема революционных событий 1917 г. и Гражданской войны 1918 г.¹ Вопросы о причинах победы большевиков и поражении белых, а также роли в событиях 1917 — начала 1920-х гг. (даже и даты революции и войны не до конца определены) различных социальных групп и вкладе тех или иных возникают у российского общества с завидной регулярностью, а если учесть, что оценки действий красных и их противников регулярно менялись за последние десятилетия, то понятен повышенный интерес к этим темам не только историков-профессионалов² или, допустим, краеведов-любителей, но и политиков, стремящихся в прошлом обрести твердую основу для оправдания своей деятельности сегодня³. Прошлое действительно «актуализируется», становится «непредсказуемым», начинает использоваться как ресурс. Таким образом, в изучении Гражданской войны можно наблюдать не только противостояние идеологий, но и противостояние между различными памятьми (например, всероссийской и региональной, государственной и частной).

¹ Petrone K. The Great War and the Civil War in Russian Memory / K. Petrone // Russian Culture in War and Revolution, 1914–22, Book 2: Political Culture, Identities, Mentalities, and Memory : Cultural History of Russia in the Great War and Revolution 1914–22 / ed. M. Frame [et al.]. – Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2014. – P. 259–272.

² Колоницкий Б.И. #1917: Семнадцать очерков по истории Российской революции / Б.И. Колоницкий. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. – 144 с.; Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны / А.В. Ганин. – М.: Пятый Рим, 2018. – 864 с.

³ См., например: Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности : Россия. В поисках себя. Актуальное прошлое / О.Ю. Малинова. – Москва: Политическая энциклопедия, 2015. – 206 с.

Подобная актуализация прошлого происходит и на уровне отдельных регионов по всему пространству бывшего СССР. В данном докладе предполагается рассмотреть формирование и функционирование памяти о Гражданской войне в одном конкретном городе — Самаре, — ставшем в 1918 г. столицей оппозиционных большевикам сил и альтернативной столицей России в противовес Петрограду и Москве¹. Думается, что надо обратить особое внимание на две проблемы: 1) эволюция политики памяти относительно наследия Комуча (органов власти, армии, отдельных представителей) после бегства его представителей из города и губернии с сравнением с коммеморацией большевистских героев Гражданской войны; 2) складывание памяти и коммеморативных практик, касающихся Комуча и Чехословацкого легиона, бывшего союзником первого и оставившего довольно противоречивое впечатление о себе как у союзников, так и противников, уже в пост-советской России.

Источников базой исследования выступают, во-первых, архивные материалы из областного архива Самарской области и областного архива социально-политической истории, во-вторых, материалы СМИ советского и пост-советского периода, позволяющие проследить изменения позиции власти относительно памяти о событиях Гражданской войны и трансляцию населению официальных трактовок тех или иных событий, и, в-третьих, это эго-документы современного периода, в первую очередь это материалы веб-дневников (блогов), соцсетей, различных интернет-площадок (форумов) коллективного обсуждения и т.д.

§2. Эволюция советской политики памяти о Гражданской войне

Члены Комуча (за исключением двух-трех человек, все члены партии социалистов-революционеров) видели себя, во-первых, наследниками революционной традиции XIX — начала XX вв., и, во-вторых, представителями главного политического органа, призванного установить судьбу России на десятилетия вперед. При этом Комуч, в отличие от большевиков, не успевший осуществить какую-то определенную программу монументальной пропаганды, и не апеллировал к какому-то, пусть и революционному, наследию прошлого, указывая своими главными задачами прежде всего уничтожение классовых трений, восстановление единой России и повторный созыв Учредительного собрания².

У самарского Комуча просто не хватило сил и времени поставить и спроектировать памятники основоположникам революционного движения в России, вместо этого имела место стихийная коммеморация, выразившаяся, например, в разборе ограждения, поставленного большевиками, вокруг памятника Александру II (зарисовку этого весьма символического события дал в своем романе Алексей Толстой³). Официальные мемориальные инициативы коснулись прежде всего создания памятников, отмечавших захоронения чехословацких легионеров или солдат Народной армии Комуча⁴.

Окончательно утвердившись в Самаре после бегства Комуча, советская власть выдвинула свой контрпроект по объяснению и увековечению событий 1917–1918 гг. в

¹ Голубинов Я. Неопределенное прошлое: Комуч и Чехословацкий легион в памяти российских регионов / Я. Голубинов // Scando-Slavica. – 2018. – Т. 64. – № 1. – С. 47–63. Goloubinov I. Un champ de bataille mémoriel: la guerre civile de 1917-1921 à Samara / I. Goloubinov // Le Mouvement Social. – 2017. – № 260. – С. 53-70.

² Из речи П. Д. Климушкина на заседании чрезвычайного Самарского уездного земского собрания о задачах Комуча // Под знаменем Комуча: сборник документов и материалов. — Самара, 2018. — С. 17.

³ Перепелкин М.А. Ходившие по мукам [Электронный ресурс]. – URL: <http://samcult.ru/heritage/10204> (дата обращения: 20.04.2019).

⁴ См., например, Заметка о состоявшемся в Бугуруслане конкурсе проектов памятника погибшим чехословакам // Под знаменем Комуча: сборник документов и материалов. — Самара, 2018. — С. 187.

городе и губернии. Именно в это время родился термин «самарская учредилка (учредилровка)», ставший затем общеупотребительным для советской историографии (с 1919 г.¹ и вплоть до второй половины 1980-х г.²) обозначением и самого Комуча, и его деятельности.

В принципе, вытеснение и подавление памяти о политических противниках в Самаре (с 1935 г. Куйбышеве) велось сходным с другими городами образом.

Прежде всего, важной частью политики памяти стало проведение ежегодные празднества и регулярное отмечание годовщин (особенно юбилеев) побед большевиков и советской власти. Внимание уделялось не только 1917 и 1918 гг., но революции 1905–1907 гг. и более ранним свидетельствам «революционных выступлений» масс против «врагов пролетариата» (т.е. самодержавия, помещиков, капиталистов). Однако события революции и Гражданской войны рассматривались как начало новой эпохи, потому им отводилось особое место в пропаганде и коммеморативных инициативах вплоть до начала 1990-х, что хорошо заметно, например, по материалам прессы.

Вслед за многими другими революционерами прошлого, а также охваченными революционной лихорадкой столицами самарские власти поспешили начать переименования улиц и площадей, стремясь в названиях увековечить имена выдающихся (на тот момент) деятелей борьбы против самодержавия в прошлом и настоящем. В 1935 г. название изменилось и у самого города, после смерти В. В. Куйбышева Самара была переименована в память о нем. Та же судьба постигла и многие окрестные населенные пункты (так, поселок Иващенково стал в 1927 г. городом Троцком, а уже в 1929 г. стал Чапаевском, легендарный «красный» командир Гражданской войны незадолго до того стал одним из героев большой скульптурной группы работы Г. М. Манизера, водруженную в центре Самары).

Вообще установка памятников была призвана обозначить места гибели красноармейцев и мирных граждан³. В некоторых случаях открытие памятников превращалось в общегородской праздник. Так, открытие памятника Ленину в 1927 г., приуроченное к десятилетию революции, было обставлено с необычайной торжественностью⁴.

Задачам пропаганды должны были следовать и музеи. Большой президиум Средневолжского крайисполкома «в целях усиления Музея Революции художественными картинами революционного содержания, в ознаменование 15-летия Октябрьской Революции» постановил передать краевому Музею Революции в качестве подарка картину «Расстрел бакинских комиссаров»⁵. Однако пользовались популярностью и местные революционные сюжеты, по крайней мере, в числе картин, которые члены самарского АХР отправили на центральную выставку в Москве в 1929 г., были и такие полотна как «Расстрел рабочих в подвале дома Курлина чехами», «Расстрел в доме Курлина», «Террорист», «Заградительный отряд на Волге»⁶. По-видимому, эти картины были написаны после экскурсии, которую специально устроил для художников

¹ Четыре месяца Учредилковщины: ист.-лит. сб. — [Самара] : Изд. Самар. общегород. ком., 1919.

² Гражданская война и военная интервенция в СССР. 1918-1922: Энциклопедия. — М.: Советская Энциклопедия, 1983. — С. 267.

³ Так, в 1929 г. было задумано поставить обелиски и памятные доски в честь погибших в Самаре, Чапаевске, Ставрополе и нескольких селах. См. Памятники героической борьбы // Средневолжская Коммуна. 15.06.1929; Антропов. В Троцке. Памятник жертвам чехословацкой авантюры // Коммуна. 07.06.1923.

⁴ Н.Б. Памятник Ильичу // Коммуна. 10.11.1927. Вокруг пребывания Ленина в городе сложился после революции настоящий культ, так или иначе были отмечены все места, где он появлялся. Путеводитель 1981 г. отводит 75 из 221 страниц на описание ленинских мест города.

⁵ ГУСО ЦГАСО. Ф. Р-779. Оп. 2. Д. 146. Л. 82.

⁶ Картины самарских художников на московской выставке // Средневолжская коммуна. 02.04.1929.

самарский Истпарт двумя годами ранее¹. А сам дом стал одним из мест официальной политической памяти о «белочехах» и Комуче и замученных и расстрелянных ими жителях Самары (в практически неизменном виде рассказ об этом отображался в газетах² и путеводителях по историко-революционным местам Куйбышева). Куйбышевские газеты из года в год продолжали печатать статьи, в том числе известных краеведов-историков Ф.Г. Попова и Е.И. Медведева, под названиями типа «Разгром учредилки»³, «Клуб коммунистов» (место памяти, связанное с убийством нескольких большевиков самарской толпой после захвата города чехами)⁴, «Здесь был расстрелян» (о рабочем, убитом во время захвата города «белочехами»)⁵, «Подпольный горком действует» (о большевистском подполье в период власти Комуча)⁶ и др.

С начала 1920-х гг. и до начала 1990-х гг. велась работа по подготовке и публикации научных трудов и сборников документов, отображавших прежде всего позицию большевиков в революционной борьбе⁷. Особенное внимание архивные работники уделяли именно сбору воспоминаний о Комуче и «белочехах», подчеркивая, что должна быть отображена именно «геройская борьба пролетариата за свою свободную будущность», а история 1918 г. безусловно «кровавая история событий», «написанная на скрижалях сердца»⁸.

Надо отметить, что власть постаралась противопоставить «белочехам»⁹ красных чехов, среди которых особенно выделялась фигура Ярослава Гашека. Хотя своеобразный культ Гашека сложился далеко не сразу. Еще в 1929 г. чешского писателя упрекали, что он «удивлял своих товарищей странным сочетанием энтузиазма борца с обывательскими настроениями», просиживая «целыми часами без дела, предаваясь мечтам о пражском пиве и крендельках»¹⁰. Таким образом, и писатель и его герой Швейк казались подозрительными и в любой момент могли быть разоблачены, допустим, как представители мелкой буржуазии.

Однако все меняется в 1950-х гг., когда после юбилея революции в 1957 г. и публикаций 1958 г. о Гражданской войне вновь возник вопрос о Гашеке. В итоге, в «1961 г. в своем постановлении, бюро Куйбышевского горкома КПСС "учитывая заслуги известного чешского писателя-интернационалиста Ярослава Гашека, комиссара пятой Красной армии, организатора чехословацкой части Красной армии в Самаре", поручило Куйбышевскому горисполкому установить мемориальную доску со следующим текстом: "В этом здании с апреля по июнь месяц 1918 года жил и работал известный чешский

¹ Колосов А. По следам 1918 года в Самаре. Художники на экскурсии // Коммуна. 30.04.1927.

² Впервые в каноническом виде рассказ об особняке Курлина, страшном месте, в котором разместилась чешская контрразведка, был, по-видимому, отображен в публикации — Смоллер Д. Особняк: Рассказ // Волжская коммуна. 06.10.1933. Но сообщения и краткие упоминания на протяжении 1920-х гг. шли постоянно.

³ Волжская коммуна. 07.10.1958.

⁴ Волжская коммуна. 05.09.1977.

⁵ Волжская заря. 10.03.1969.

⁶ Волжская коммуна. 07.10.1967.

⁷ Надо отметить работу самарского Истпарта в 1920-1930-е гг. и затем партийного архива Куйбышевского обкома КПСС. См. Митрофанова И.В. Деятельность Истпартов и партийных архивов в Среднем Поволжье (1920-1930-е гг.). Дисс. ... к.и.н. Самара: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, 2015.

⁸ Ко всем рабочим города Самары от Истпарта // Коммуна. 08.06.1923.

⁹ Любопытно, что в 1923 г. самарская газета называла их «обманутыми и преданными» капиталистами и белогвардейцами, что, в общем, перекликается с оценками в известной книге — Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус: Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М., 1965.

¹⁰ Ярослав Гашек — бывший красноармеец // Средневолжская коммуна. 21.04.1929.

писатель Ярослав Гашек"»¹. В 1962 г. доска была установлена, а в газетах стали регулярно появляться материалы о Гашеке, рисующие его как верного защитника молодой советской республики².

Естественно, местные герои-большевики, борцы с Комучем и «белочехами», также получили свою долю славы, став героями многочисленных публикаций. В первую очередь это были местные вожди и командиры РККА, обладавшие нужным классовым происхождением или биографией типа председателя самарского ревкома (революционного комитета) В.В. Куйбышева³ или легендарного командира дивизии В.И. Чапаева⁴.

Естественно, местные историки и краеведы не могли пройти темы революции и Гражданской войны. Собственно, именно революционная тематика на долгие годы стала преобладающей в научных публикациях по истории в местных вузах. Детально были разобраны вопросы работы большевистских организаций в разные годы, детально изучены биографии активных подпольщиков и командиров Гражданской войны. Интересно, что собственно Комучу и «белочехам» было уделено не так много места. Пожалуй, только монография Ф.Г. Попова «Чехословацкий мятеж и самарская учредилка», выпущенная в 1932 г. и неоднократно переиздававшаяся в 1930–1950-х гг., да статья С.Г. Басина⁵ были единственными детальными описаниями политики Комуча и действий чехословаков в Самаре и Самарской губернии. По-видимому, они заложили восприятие городским сообществом событий тех лет, а также указали, например, на связь между «белочехами» и фашистами⁶.

§3. Постсоветские режимы памяти о Гражданской войне

В современной России можно наблюдать продолжение старых, еще советских, стратегий поддержания памяти о Гражданской войне. Однако одновременно с этим процессом заметно появление в мемориальном дискурсе новых тем и мест памяти.

Профессионалы обратили свое внимание и на Комуч⁷, но эта тема не получила поначалу большого отклика в СМИ или интереса властей. Хотя любители исторической реконструкции, поддержанные местным краеведческим музеем, с благодарностью ухватились за сюжет о противостоянии «белых» и «красных» частей⁸, причем за несколько лет проведения реконструкторских встреч инсценировка боев за Самару осенью 1918 г. превратилась в крупный фестиваль, тематика которого вышла далеко за пределы противостояния Комуча и большевиков⁹.

¹ Цит. по: Доценко А.М. Ярослав Гашек и Йозеф Поспишил - красные чехи в Самаре в 1918 г. / А.М. Доценко // Самарская Лука. – 2011. – № 18. URL: <http://www.samluka.ru/1811/gashek.html> (дата доступа: 19.04.2019).

² См., например, Щербаков Ю. Ярослав Гашек // Волжская коммуна. 30.04.1958; Попов Ф. Новое о Ярославе Гашеке // Волжская коммуна. 20.05.1962; Щербаков Ю. Писатель — политический борец. Новое о деятельности Я. Гашека в Советской России // Волжская коммуна. 10.01.1969 и т.п.

³ В.В. Куйбышев в Среднем Поволжье (1916–1919 годы). Куйбышев: Куйбышевское издательство, 1936 и т.п.

⁴ Боргенс В.А. Чапаев. Куйбышев: Облгиз, 1939; Легендарный начдив. Куйбышев, 1974; и др.

⁵ Басин С.Г. «Комуч» в Самаре в 1918 г. // Ученые записки КПИ. Вып. 18. Куйбышев, 1957. С. 107–128.

⁶ В монографии Ф.Г. Попов есть специальное упоминание о Радоле Гайде как «лидере чехословацких фашистов». См. Попов Ф.Г. Чехо-словацкий мятеж и самарская учредилка. М.-Самара, 1933. С. 17.

⁷ См. Кабытов П. С., Курсков Н. А. Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917–1918 гг.). Самара: Самарский госуниверситет, 2004.

⁸ В музее Алабина прошел историко-патриотический фестиваль «Ожившие страницы истории», посвященный 98-й годовщине КОМУЧа. [Электронный ресурс]. – URL: <http://old.alabin.ru/alabina/news/2016/10/1187/> (дата обращения: 20.04.2019).

⁹ В Самаре прошел историко-патриотический фестиваль «Ожившие страницы истории» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.samregion.ru/press_center/news/v-samare-proshel-istoriko-patrioticheskij-festival-ozhivshie-stranitsy-istorii/ (дата обращения: 20.04.2019).

Вообще отношение властей к Октябрьской революции и событиям последовавшим после нее в 1991–2010-х гг. было и остается двойственным. Опереться на нее, как на главный смыслообразующий элемент нового государства, было уже нельзя, но в то же время совсем не считаться с ней было невозможно, потому что герои и события революции живы в пространстве повседневности россиян (через топонимику, литературные произведения, старые кино- и телефильмы и т.п.)¹.

И обращение к тематике Комуча и чехословаков и введение этих сюжетов в общественный дискурс произошло по другому поводу. По-видимому, чешские политики, общественные деятели и историки решили, что в связи с распадом СССР и исчезновением советского идеологического аппарата легко будет добиться увековечения памяти о павших legionерах. Последние рассматривались как отцы чешской нации. И сегодня официальные лица Чехии выражают точку зрения, что «если бы не было legionеров, не было бы Чехословакии»².

После распада Советского Союза Чехия и Россия официально признали друг друга и заключили договор о мирном сотрудничестве в 1993 г. Через шесть лет после этого представители двух стран подписали «Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Чешской Республики о взаимном содержании военных захоронений»³. Аналогичное соглашение было заключено и со Словакией⁴.

До того деятельность по сохранению захоронений должны была вестись на территории СССР согласно четырем Женевским конвенциям 1949 года о защите жертв войны и двум дополнительным протоколам к ним. Однако никаких попыток сохранить могилы чехословацких legionеров просто не предпринималось. Так, например, на месте старого кладбища в Самаре, где покоились не только чехословацкие legionеры, но и сражавшиеся с ними красноармейцы (и убитый толпою большевик Франциск Венцек), был в 1930–1940 гг. выстроен завод⁵. Естественно, в 1920–1930 гг. разговор о мемориальных сооружениях между Чехословакией и СССР был невозможен, а после Второй мировой войны ЧССР даже не поднимала вопроса об этом.

После 1991 г. именно вопрос об установке памятника погибшим legionерам всколыхнул общество в Самаре и обозначил раскол в памяти о Гражданской войне. С инициативой постановки памятника с самарской стороны выступил в 2007 г. главный библиограф областной библиотеки А.Н. Завальный, которого поддержали его коллеги по «Комиссии по увековечиванию памяти выдающихся личностей и исторических событий Самары»⁶. Составленная по распоряжению мэра из чиновников городского «Департамента по вопросам культуры, спорта, туризма и молодежной политики» и представителей учреждений сферы образования и культуры (государственный университет, областная библиотека, областной музей) эта комиссия должна была

¹ См. подробней анализ изменений в 1990-2000-х в политике памяти о революции — Малинова О. Ю. Ук. соч. С. 32–87.

² Цит. по: Выставка «Чехословацкие legionеры в России 1914-1920» URL: http://www.mzv.cz/minsk/ru/x2002_05_17_4/x2014_07_29.html.

³ Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Чешской Республики о взаимном содержании военных захоронений. 15 апреля 1999 г. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_71391.html

⁴ Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Словацкой Республики о захоронениях павших военнослужащих и гражданских жертв войны (заключено в г. Братиславе 13.02.95). URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_673/doc673a825x544.htm

⁵ См. отчет самарского блогера-краеведа Игоря Кондратьева. URL: <https://gregorkon.wordpress.com/2013/07/25/9398989/>

⁶ В Самаре появится памятник белочехам [Электронный ресурс]. – URL: <https://63.ru/text/gorod/136538.html> (дата обращения: 20.04.2019).

заниматься вопросами установки новых памятников в Самаре. Судя по всему, никакого политического подтекста в своем предложении Завальный не видел. В интервью 2008 г. он заявил, что «если разобраться, то ничего крамольного в создании памятника так называемым белочехам нет», а также «мы [т.е. самарцы] не переписываем историю, мы возвращаемся к истокам, к исторической правде»¹.

Дальнейшие события развивались, как указывает депутат областной думы Михаил Матвеев, следующим образом². Сначала состоялась встреча самарских официальных лиц с представителями чешской стороны (об участии словаков речи никогда не шло), но затем план установки небольшой мемориальной доски был изменен в пользу проекта довольно большого памятника, а также перенесено место его размещения. Из сквера в историческом центре города памятный знак должен был быть установлен на месте захоронения, как раз на бывшем кладбище у закрывшегося к тому времени завода. По словам Матвеева автор предложения не известен, «но именно он... создал вокруг темы скандал», а «мотив этого поступка глубоко провинциален и лежит в извечном заигрывании с иностранцами» (опять-таки никакого политического подтекста депутат не усматривает). Именно это решение вызвало бурю негодования у представителей коммунистической партии (любопытно, что сам Матвеев, будучи членом этой партии, сумел сохранить более-менее нейтральный тон при обсуждении вопроса). Соединение памяти о красноармейцах с памятью об убийцах-легионерах выглядело в глазах коммунистов кощунством. К началу 2019 г. позиции сторон никоим образом не изменились, хотя власти пытаются путем переноса места будущего памятника как-то разрядить обстановку путем переноса памятника³. В конце концов, тема была объявлена «болезненной», а ситуация с памятью и памятником — «непростой и неоднозначной»⁴, а чешские власти в конце концов пересмотрели свои планы по сооружению мемориалов именно из-за протестов в российских городах⁵.

Надо сказать, что даже далекие от политики и коммунистической партии люди были захвачены этой темой. Не только в Самаре, но и во многих других местах подобная личная инициатива по установке памятников, даже поддержанная местными властями, натолкнулась на жесткую реакцию части жителей. Одной из главных в системе категорий коллективной памяти в данном случае выступает слово «интервенция», привычное еще по советским текстам. Комментарии на новостных сайтах типа: «...что делали чехи в Зауралье? Это была интервенция, Россию хотели раздербанить»⁶, «наша страна — не

¹ Интервью с Александром Завальным. URL: <http://63.ru/text/person/62454.html> (дата обращения: 20.04.2019).

² Откуда есть пошла тема установки памятника белочехам в Самаре. Генезис идеи и документы чиновников. URL: <http://blog-matveev.livejournal.com/769080.html> (дата обращения: 20.04.2019).

³ В Самаре памятник чехословацким легионерам поставят в парке Щорса // 63.RU. Новости. 06.04.2017. URL: <http://63.ru/text/newslines/284867451707392.html> — особенно показательны комментарии, первый же из которых сравнивает установку памятника чехам с памятным знаком немцам к концлагерю Терезин. Впрочем, еще в 2008 г. комментаторы новостей сравнили чехословацких легионеров и солдат СС. см. <https://63.ru/text/gorod/2008/08/25/55550381/comments/41073176/>

⁴ Дмитрий Азаров: «Время для появления памятника чехословацким легионерам в Самаре еще не пришло» [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.vkonline.ru/news/archive/224665/dmitrij-azarov-vremya-dlya-royavleniya-pamyatnika-chehoslovackim-legioneram-v-samare-eshe-ne-prishlo> (дата обращения: 20.04.2019).

⁵ Чехия прекратила финансировать установку памятников белочехам в РФ [Электронный ресурс]. — URL: <https://rossaprimavera.ru/news/be0b4c49?ts=1555733716> (дата обращения: 20.04.2019).

⁶ Чехия выделит средства на создание памятника в Зауралье. URL: <http://www.kurgan.ru/news/society/2062-chehiya-vydelit-sredstva-na-sozdanie-pamyatnika-v-zaurale/> комментарий пользователя Геннадий, 7 июня 2016.

помойка, в ней не место памятнику оккупантам»¹, — не редкость. При акцентировании внимания на чехах как оккупантах (интервентах) некоторые самарские журналисты проводили чрезвычайно сомнительные исторические параллели:

*Кто такие чехи в Австро-Венгерской империи? Это как чеченцы в России. Кстати, чеченцев совсем не зря наши военные зовут сейчас "чехами" [...] в средние века наёмники-чехи считались ещё более свирепыми, нежели общепризнанные звери-швейцарцы. Чехи вырезали города подчистую. Горцы, оттуда и нравы. Вот это очень важно: в Самару пришёл иностранный завоеватель*².

Однако стоит все же отметить, что вслед за некоторыми историками, подвергшими пересмотру советскую концепцию мятежа Чехословацкого легиона или же возродившими эмигрантские теории о «третьем пути» Комуча в Гражданской войне³, и любители — непрофессионалы, интересующиеся военной историей, стали пересматривать прежние догмы.

При этом в дискуссиях заметно оживление семейной памяти, но вот насколько она зависит от сконструированной в советское время официальной версии, установить не представляется возможным. Основной категорией такой памяти оказывается «насилие»: «Прабабка рассказывала про их [чехов и словаков — Я.Г.] зверства и насилие, направленное на женщин, насиловали всё что движется и носит юбку, и им памятник? Вообще охерели что ли?»⁴ По признанию одной из жительниц Самары рассказ о «белочехах»: «потряс мою детскую душу. Долго я боялась возвращения чехов, пока отец не убедил меня, что они не вернуться»⁵.

На этом фоне не вызывает особых вопросов схождение и, видимо, взаимовлияние городских легенд и остатков официальной советской пропаганды о «зверствах белочехов». Так, согласно собранным популярным интернет-изданием городским легендам, в одном из сохранившихся купеческих особняков Самары «белочехи расстреливали коммунистов», потому здесь могут быть призраки казненных⁶. Однако это практически дословное повторение версии из советского указателя (в нем, конечно, не было упоминания привидений) «историко-революционных мест» города и области⁷.

И подобная контаминация памятей заходит еще дальше, поскольку ведет к смешению памяти о Гражданской войне и Второй мировой войне, чего в СССР не наблюдалось. Апеллирования к памяти о жертвах фашистов в разговорах о жертвах «белочехов» и Комуча никогда не было. Тем не менее, риторические вопросы типа «Памятник белочехам? А что дальше? Памятник фашистам?» или же восклицания, что «это то же самое, что установить памятник фашистам на Мамаевом кургане!» в последние

¹ Цит. по: «Такого памятника нам не надо» // Социальная газета. <http://www.socgaz.ru/ru/news/2563-ltakogo-pamjatnika-nam-ne-nado>

² «Ах, шарабан мой!» // Социальная газета. URL: <http://socgaz.ru/index.php/ru/the-social-aspect/2543-lah-sharaban-mojr.html>

³ См. полемику по этому поводу между Л. Прайсманом, В.М. Рынковым и А.Ю. Суловым — http://istorex.ru/page/rinkov_vm_suslov_ayu_rets_praysman_lg_tretiy_put_v_grazhdanskoy_voynе и http://istorex.ru/page/praysman_lg_otvet_na_retsenziyu_rinkova_v_m_suslova_a_yu_na_monografiyu_praysman_l_g_tretiy_put_v_grazhdanskoy_voynе_demokraticeskaya_revolyutsiya_1918_g_na_volge

⁴ Холодный душ для защитников белочехов. URL: <http://samara.ru/read/50027> комментарий Самарец, 29 мая 2013, 10:17

⁵ Цит. по: «Такого памятника нам не надо» // Социальная газета. <http://www.socgaz.ru/ru/news/2563-ltakogo-pamjatnika-nam-ne-nado>

⁶ Городские легенды: привидения Самары // Большая деревня. URL: <https://bigvill.ru/city/1825-1825/>

⁷ Историко-революционные места города Куйбышева и области. 4-е изд, дополненное. Куйбышев, 1981. С. 172–173.

несколько лет постоянно задаются левой печатью¹. «Зверства белочехов», работа чешских предприятий в годы Второй мировой войны на немецкий вермахт и оппозиция чехов социалистическому режиму неожиданно оказываются звеньями одной цепи². Хотя можно встретить и высказывания о том, что в российской исторической памяти «есть не только 1918-й, но и 1945 год, год спасения славянства от истребления, год нашей общей Великой Победы»³.

Акцентирование на противопоставлении памяти о погибших в Гражданскую войну и в годы Великой Отечественной — яркая черта современного мемориального дискурса. Два топоса российской памяти XX века — Гражданская и Великая Отечественная — неожиданно сближаются. А к категориям «насилие» и «оккупация» добавляется еще одна — «неправда» или «несправедливость». Мемориальный дискурс получает морально-этическое измерение, а разговоры о необходимости памятников legionерам переходят в дискуссии о справедливом отношении к памяти советских солдат в современной Чехии, Польше, Венгрии, странах Балтийского региона и других государствах бывшего Восточного блока и республик СССР.

Среди морально-этических проблем возникла и окрепла тема «предательства»: чехи «предали своего императора. Они предали членов самарского КОМУЧа. Они предали адмирала Колчака»⁴. При этом к воспоминаниям о Гражданской войне, Великой Отечественной войне и событиях 1968 г. подвёрстывается анализ современной политической ситуации, который, неожиданно, становится ведущим инструментом объяснения и формирования памяти. Так, оказывается, что «реальность такова: Чехия — составная часть Евросоюза, решившего сурово "наказать" нашу страну за Крым», поэтому пока неизвестно, «стоит ли ожидать ответных действий России в случае отмены санкций Евросоюза», и в Самаре, Сызрани и любом другом российском городе «не стоит торопиться с принятием решения по установке мемориального знака»⁵.

К подобного рода рассуждениям близки конспирологические теории (особенно популярные среди тех, кто вообще знает хоть что-то о событиях 1918 г.), что «золота в России они [легионеры] награбили много и в Чехословакии открыли "Банк Легионеров"..."»⁶, и надо заставить вернуть «украденное и вывезенное чехами золото Российской империи»⁷. С одной стороны, это свидетельствует о высокой популярности романа Толстого «Хождение по мукам», в котором тема «похищения» золотого запаса прописана достаточно подробно⁸. С другой же, это знак, что современные исторические исследования (так, О.В. Будницкий обстоятельно доказал, что чехи не присваивали золота⁹) почти никак не влияют на общественное мнение и коллективную память.

¹ Самара. Что дальше — памятник фашистам? URL: <https://kprf.ru/actions/kprf/115647.html>

² Комментарий в Живом Журнале. URL: <http://analizator-sam.livejournal.com/262458.html?thread=821818#t821818>

³ Шеремеев Е.Е. Аберрации (погрешности изображений) в истории: к дискуссии о памятнике чехословацким legionерам в г. Самаре // Журнал для учёных «Клио». 2013. № 5 (77). С. 126.

⁴ «Ах, шарабан мой!» // Социальная газета. URL: <http://socgaz.ru/index.php/ru/the-social-aspect/2543-lah-sharaban-mojr.html>

⁵ Знак уважения и памяти еще нужно заслужить // Читай и думай. Сызрань. URL: <http://syzrantoday.ru/articles/item/7487-znak-uvazheniya-i-pamyati-eshche-nuzhno-zasluzhit>

⁶ Холодный душ для защитников белочехов. URL: <http://samara.ru/read/50027> комментарий Патриот, 29 мая 2013, 12:17

⁷ Там же. Комментарий 112, 28 мая 2013, 17:25

⁸ Впрочем, в этом можно усмотреть влияние и других советских публикаций. Например, книги — Кладт А., Кондратьев В. Быль о «золотом эшелоне». М., 1962.

⁹ См. Будницкий О.В. Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918–1957. М.: НЛО, 2008.

Любопытно, что робкие попытки привязать «белочехов» к памяти об участии России в Первой мировой войне не находят должной поддержки. Наоборот, «предательство» чехов по отношению к Австро-Венгрии расценивается в негативном ключе (предали сначала свою империю, а потом Комуч, адмирала Колчака и вообще Россию¹). Анализ современных российских коммеморативных практик, связанных с поддержанием памяти о Первой мировой войне, показывает, что чехословацкому легиону там практически нет места².

Самое интересное изменение в памяти о легионе и Комуче заключается в том, что два этих прежде неразрывных феномена (если упоминаются «белочехи», то следом будет идти речь об «учредилке» и наоборот) оказались разделены в современном российском мемориальном дискурсе. И Комуч, и легион по-прежнему вместе рассматриваются в исторических трудах, но в коллективной памяти они отображены теперь по-разному. На легион сыплются проклятия и обвинения в жестокости, мародерстве, предательстве и т.п., а любые коммеморативные практики в его отношении сразу же отвергаются. И, по-видимому, на ближайшие годы разговор о могилах солдат Чехословацкого легиона будет предметом черного политического пиара, которым он уже, собственно, и является³.

Несколько другая ситуация сложилась с памятью о Комуче, которая, судя по всему, просто перестала быть востребованной как на российском, так и на локальном уровнях. Один из самарских блогеров-краеведов с удивлением отмечает, что «имеющий сходную судьбу Омск (...там была столица Российского Государства, возглавляемого адмиралом А.В. Колчаком)» использует свою историю в качестве туристического бренда⁴. «Там организованы экскурсионные маршруты по местам, связанным с Колчаком и событиями тех лет, выпускается соответствующая сувенирная продукция. В Самаре, к великому сожалению, ничего похожего нет даже и близко»⁵. Действительно, лишь историки⁶ (и их довольно много, как это показывают соответствующие обзоры историографии⁷) и архивисты⁸ обращаются именно к теме Комуча. Для публичного обсуждения темы «третьего пути» или «демократической контрреволюции» не годятся в силу полного безразличия широких масс. Среди объяснения такого безразличия можно указать отсутствие харизматичных лидеров среди членов Комуча, сложность восприятия тонких идеологических споров между эсерами и большевиками для современного российского общества, и, самое главное, провинциальность темы. Может быть, сыграло свою роль и отсутствие ярко выраженного регионального или этнического самосознания, для

¹ В этом можно увидеть продолжение старых претензий к легиону. Обыкновенно в этом случае идут ссылки на книгу — Сахаров К. В. Чешские легионы в Сибири: чешское предательство. Берлин, 1930.

² См. Пахалюк К. Первая мировая война и память о ней в современной России // Неприкосновенный запас. 2017. № 1 (111). С. 106–128. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/8306/>

³ Откуда есть пошла тема установки памятника белочехам в Самаре. Генезис идеи и документы чиновников // Блог депутата Михаила Матвеева. URL: <http://blog-matveev.livejournal.com/769080.html>

⁴ Эксплуатация памяти о Колчаке в Омске стала предметом специального исследования Фонда «Общественное Мнение» и НИУ ВШЭ. Детальные отчеты см. <http://kolchak.specials.zapovednik.space/>

⁵ Самара — столица Российской Федеративной Демократической Республики // Блог краеведа Алексея Малявина. URL: <http://a-malyavin.livejournal.com/79181.html>

⁶ Особо стоит отметить труды В.А. Лапандина, А.В. Калягина и некоторых других.

⁷ Валиахметов А.Н. Чехословацкий корпус в России (1917-1920): Историография / А.Н. Валиахметов. Дисс. ... к.и.н. — Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005.; Коробкин А.А. Отечественная историография «демократической контрреволюции» (лето - осень 1918 г.) в России / А.А. Коробкин. Дисс. ... к.и.н. — Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2003. — 255 с.

⁸ Знаменателен выпуск сборника — Под знаменем Комуча: (Самарский край, июнь–октябрь 1918 г.): сборник документов и материалов. Самара, 2018 — вызвавшего полярные отзывы среди самарской общественности: от восторгов до обвинений в оправдании зверств «учредиловки».

которого Комуч и антибольшевистская позиция Самары во второй половине 1918 г. была бы ключевой при конструировании идентичности.

Провинциальность вообще, видимо, является ключевой для понимания ситуации с памятью о Гражданской войне. Инициативы, связанные с коммеморацией Комуча и Чехословацкого легиона (с последним даже в большей степени), становятся факторами сиюминутной политической борьбы между региональными политиками. Однако никакого полноценного историко-мемориального дискурса взамен официального советского при этом не сформировано. Центральная власть не заинтересована, судя по всему, в поддержке проектов, связанных с Комучем или Чехословацким легионом, предоставив все на откуп региональной администрации. Последняя пытается использовать решение вопроса о захоронении «белочехов» для получения каких-то бонусов в виде международных контактов, но, натолкнувшись на сопротивление снизу, на данный момент заморозила всю деятельность по этим вопросам.

Парадоксальным образом память о Комуче и «белочехах» оказалась востребована в другом, патриотическом ключе. Критика коммеморативных практик оказалась пронизана риторикой, связанной с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг. Последняя же является любимым историческим периодом нынешнего российского руководства, поскольку именно героический нарратив Великой Отечественной войны стал тем идеологическим «цементом», что скрепляет российское общество. Можно вспомнить такие акции как «Бессмертный полк», связанный с актуализацией и репрезентацией семейной памяти о погибших участниках войны, или массовое повязывание т.н. «георгиевских ленточек» во время празднования Дня Победы 9 мая. Потому использования языка Великой Отечественной войны при описании войны Гражданской (самый яркий образ: «белочехи» — это «фашисты») свидетельствует, скорее, о расширении границ памяти о конфликте 1941–1945 гг., который поглощает все остальные периоды советской и российской истории до и после себя. С одной стороны, это помогает актуализировать (поскольку война 1941–1945 гг. все еще очень актуальна как для власти, так и для общества) события столетней давности, уже основательно подзабытые и практически не отраженные в повседневности посредством названий городских мест и памятников. С другой, обращение к памяти о Комуче и «белочехах» с использованием терминов Великой Отечественной войны ведет к однозначной «демонизации» антибольшевистских сил (они же «фашисты»!) и закрепляет политический раскол еще советского времени на «своих» и «чужих», практически не оставляя шансов на формирование новой памяти политического компромисса и примирения.

**Празднования годовщин революционного Октября в эпоху Гражданской войны:
эмоции, сакральность, власть**

Образ революционного Октября был «важным информационным и символическим ресурсом, который был открыт для различного, порой непредсказуемого использования»¹. Это замечание исследователя российской революции характеризует и историю Дня Пролетарской революции – «дня основания» Советского государства, и особенно применимо к начальному этапу его бытования. Наличие масс людей, настроенных использовать свободное время с той или иной целью, особая организация пространства, использование специфической риторики и символики – эти важные характерные особенности праздника открывали возможности и сторонникам, и критикам существующего политического порядка.

Подход – рассмотрение праздника в качестве важного политического ресурса, используемого и сакрализуемого разными силами – определил и основной прием работы с источниками. Необходимо изучить, как религиозные метафоры преломлялись в материалах различного характера: в речах большевистских лидеров, в праздничных лозунгах, в различного уровня и характера дискуссиях, в оценках оппонентов правящей партии. Исследуя эти тексты, можно выявить некоторые важные особенности психологии различных политических групп, механизмы легитимации революционной власти, охарактеризовать восприятие революционной символики и риторики людьми, в той или иной степени испытавшими на себе влияние религиозного дискурса.

Представитель комбеда Орловской губернии писал в газету «Беднота» о своем впечатлении от праздничного шествия, состоявшегося 7 ноября 1918 года на Красной площади в Москве: «Я сожалею, что не могу выразить все чувство, овладевшее моею душою. Праздник объединения городского пролетариата с деревенской беднотой. Праздник всех праздников!». Свою заметку корреспондент назвал «Красная Пасха»².

Сравнение годовщины революции с главным праздником христианского календаря не было случайным. Разные люди в разных частях страны называли первую годовщину Октября «Красной Пасхой» или «Пролетарской Пасхой». Эту метафору использовал и Г.Е. Зиновьев в речи на торжественном заседании Петроградского Совета³, и историк Ю.В. Готье⁴ в своем дневнике, весьма критичном по отношению к большевикам. Использовали его и авторы праздничных телеграмм, направляемых советским лидерам⁵.

В статье наркома просвещения А.В. Луначарского первая годовщина Октября сравнивалась и с религиозными празднованиями: «Из седой древности дошли до нас солнечные празднества, усвоенные христианством: Рождество и Пасха, рождение солнца, рождение весны. Когда сбросим мы с этих старых поэтических праздников поповские руки – мы сможем их любить языческой любовью, но никогда не будут они нам милее хмурого

¹ Kolonitskii B. Unpredictable Past: Politics of Memory and Commemorative Culture in Contemporary Russia // 1917: Revolution (Russia and the Consequences) / Deutsches Historisches Museum and the Schweizerisches Nationalmuseum. Sanstein Verlag, 2017. P. 156.

² Красная Пасха // Беднота. 1918. 12 ноября.

³ Заседание Петроградского Совета рабоч[е]-крест[ьянских]и красноар[мейских]. Деп[утатов]. 1 ноября 1918 года // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 14. Л. 65(об).

⁴ Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 194.

⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1235, Оп. 93. Д. 10. Л. 12; Ф. 1235, Оп. 5. Д. 19. Л. 37.

Октября, когда в питерском тумане родилось социалистическое солнце, когда произошел мировой солнцеворот и в сырую осень природы запахло непреходящей весной победы Труда»¹. Если корреспондент «Бедноты» и иные комментаторы сравнивали годовщину революции с Пасхой, описывая их как равновеликие праздники, то Луначарский писал о необходимости разрыва с христианским смыслом традиционных праздников, апеллируя к их языческим корням, при этом Октябрь характеризовался им как сакральное событие. Вероятно, можно говорить о том, что разные люди использовали разные техники сакрализации революции.

Попытки перекодировать значение сакральных метафор можно встретить и в иных пропагандистских текстах. В приуроченном к празднованию первой годовщины революции «Письме к детям», подписанным рабочим Г. Ляхиным, описывалось отношение к Первой мировой войне различных групп населения. После Февраля группа рабочих «говорила, что мы воевать больше не должны, раз у нас свобода и мы друг друга должны любить, уважать и помогать во всем, кто бы он ни был, это и Христос говорил: любите всех врагов, как самих себя – слова эти очень хорошие. Но нам попы почему-то не хотят все это сказать, а, наоборот, велят убивать друг друга и молятся, чтобы Господь помог этому победить, например, скажем, Германию – но вы знаете, что есть заповедь, данная самим Богом, она называется не убий, которая учит, что убивать никого нельзя и за это будет наказан тот, кто это проповедует и говорит. Но мы видим, что никого и никто не наказывает за то, что у нас убито уже двадцать миллионов во время этой войны. Из этого я заключаю, что все, что говорят попы – все это ложь и неправда, а поэтому их не надо слушать и гнать, как нехороших людей»². Сочувственное цитирование библейских заповедей использовалось для критики «попов». Заканчивалось письмо сравнением годовщины Октября с главным христианским праздником: «И пусть этот Праздник [7 Ноября] будет праздник всех праздников, и мы будем его чтить, как Пасху»³. Религиозные метафоры, с помощью которых автор стремился подчеркнуть особое значение праздника, сочетались с критикой священнослужителей.

Можно говорить о том, что празднования годовщин революции описывались как «Красная Пасха», «пролетарская Пасха» в различных городах, понятие в том или ином виде встречается в различных источниках.

Вероятно, на распространенность этой метафоры оказали влияние революционные праздники 1917 года – именно тогда получила свое развитие традиция восприятия революции как Пасхи. Весной 1917 года политическое пространство революционной России было наполнено сильными эмоциями – «удовольствием или счастьем<...>, чувством существования в эру чудес, ощущением невероятного спасения, пришедшего в разгар неслыханных катастроф, потерь и разрушений»⁴. Как отмечает исследователь революции, в этот момент «вера в Чудо политического, экономического и морального Воскресения страны и нации, обещанного революцией, стало важнейшим элементом массового политического (в действительности – политико-морально-религиозного) сознания»⁵. Церемонии Февраля, способствовавшие сакрализации образа революции, оказали воздействие и на формирование советской праздничной традиции. Организаторы первых советских торжеств пытались перенести эйфоричную

¹Луначарский А.В. Великая годовщина // Пламя. 1918. № 27. С. 3.

²Ляхин Г. Письмо к детям // Центральный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 1817. Оп. 1. Д. 209. Л. 9.

³ Там же. Л. 10.

⁴Стейнберг М. Великая русская революция, 1905-1921. М., 2018. С. 38.

⁵Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры 1917 года. СПб., 2012. С. 85.

эмоциональную атмосферу на годовщины Октябрьской революции уже в иной политической ситуации.

Заведующий отделом внешних сношений ВЦИК К. Радек писал о том, что в октябре 1917 года русский народ «разогнал купцов из Храма Господня и встал у алтаря, дабы провозгласить миру, залитому кровью, миру, истерзанному войной, великие права трудящегося народа. Русский народ сбросил иго капитала»¹. Освобождение России от власти буржуазии характеризовалось видным экспертом по международной политике как событие сакральное, автор статьи сопоставлял его с библейским сюжетом. Едва ли употребление подобных метафор было уникальной и маргинальной чертой конкретного текста: Катерина Клар не без оснований видит в «истории о Христе, изгоняющем торговцев из храма»², одну из распространенных метафор, оформляющих антибуржуазное сознание радикальной интеллигенции.

Описание роли Советской России в подобных категориях было связано и с конкретной политической ситуацией. Поздняя осень 1918 года стала одной из поворотных точек «эпохи войн и революций». Окончание важнейшего этапа Великой войны и нарастание революционного движения в Европе оказали серьезное воздействие на ход событий в Советской России. Особая, эйфоричная атмосфера октябрьских торжеств, которую стремились сформировать организаторы праздника, использовалась различными силами для тиражирования представления о наступлении новой эпохи в мировой истории. Идея о скорой победе революции в мировом масштабе нашла отражение в пропагандистских материалах различного характера: в речах вождей, праздничных лозунгах, визуальных символах, резолюциях различного уровня. Разнородные тексты, посвященные празднованию, были насыщены религиозными метафорами и аллюзиями.

Секретарь Интернационала Анжелика Балабанова писала в дни празднования второй годовщины Октября: «От Октябрьской Революции трудящиеся массы всего мира ведут летосчисление, а уж не от того дня, к которому человеческое воображение и поповская хитрость приписывают рождение Божьего Сына, умершего на кресте. И раскрывшие глаза трудящиеся массы считают 7-ое ноября второй годовщины воскресением трудового народа от вековой смерти, голода и унижений.

В эту годовщину они вспоминают бесчисленное количество светлых сознательных героев, добровольно дающих себя распять за великое дело свободы и счастья народов. 7 ноября 1919 года на всех языках мира, на необъятном пространстве миллионы сыновей и дочерей труда будут воспевать тебя, великий и непобедимый петербургский пролетариат, клянясь раз навсегда покончить с покушающимися на красную столицу обетованной земли братства, равенства и свободы, где впервые осуществился интернациональный коммунизм»³. Идею об особой роли Петрограда Балабанова пыталась донести с помощью религиозных образов, критикуя при этом «поповскую хитрость».

Не было случайным упоминание распятия: метафора распятой на кресте России и образ тернового венца использовалась в период празднований Октября разными авторами⁴: российские революционеры должны были погибнуть, и своей гибелью положить начало мировой революции.

¹Радек К. Вильсон и Ленин // Правда. 1918. 6 ноября.

²Кларк К. Петербург, горнило культурной революции. М., 2018. С. 13.

³Балабанова А. Герой мировой революции // Красная газета. 1919. 7 ноября.

⁴Ивнев Юрий Октябрь // Известия. 1918. 6 ноября; Славатинский А.С. Первому среди равных Северной Коммуны, товарищу Г. Зиновьеву. 25 окт. 1917 г. – 25 окт. 1918 г. // Великая Годовщина пролетарской революции. Сб. Пг., 1918. С. 8.

Возникает вопрос: говорит ли употребление религиозных метафор о сакральном восприятии праздника, или это был лишь литературный прием, инерция языка, риторика, которую не следует воспринимать буквально.

Для ответа на этот вопрос необходимо процитировать один из текстов, посвященных празднованию первой годовщины революции. Корреспондент «Известий Олонецкого Губернского Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов» писал в дни подготовки празднования первой годовщины Октябрьской революции: «Как в великие дни христианской Пасхи подлинно верующие забывают и о своих недугах, и о своем горе и в приобщении к воскресшему Христу под малиновый звон праздничных колоколов ликуют целую неделю, точно такое же настроение должны мы вызвать в себе в дни октябрьского юбилея. <...> Дни 7-8 ноября должны стать днями всеобщего митингования. Крылатым праздником духа должны мы их сделать. Это дни смотра наших сил, и мы должны ревностно к ним подготовиться, употребляя церковный оборот, постом и молитвою. За дни 7-8 ноября мы все обязаны стать зрелыми. Кто чего не понимает, должен понять. В работе коллективной мысли должен найти свое успокоение. После 7-8 ноября не должно остаться никаких недоумений. Все должны быть приведены к одному знаменателю в эти дни великого братского обучения.

Но эти дни, помимо учебного их содержания, должны быть днями и великой радости. Так в пасхальные дни верующий разумом уподобляется воскресшему Христу и с чувством радуется под веселый звон праздничных колоколов торжеству Воскресшего Великого Сына»¹.

Корреспондент затронул несколько тем: праздник, по его мнению, должен был стать временем коллективного квазирелигиозного обращения, способствующего духовному преображению празднующих, участники революционного праздника должны были испытать эйфорию, сопоставимую с эйфорией участников религиозного торжества.

Это свидетельство позволяет связать тему сакрализации революции с темой эмоций.

Некоторые особенности политики эмоций в ее связи с сакрализацией образа Октября можно проследить на материалах обсуждений звукового оформления празднеств.

19 сентября 1918 года председатель Петроградского совета профсоюзов Н.М. Анцелович говорил о том, что «надо разбудить обывательщину. Для этого [праздничный] день начать следовало бы сильным колокольным звоном с громкими звуками трубы»². Один из организаторов праздника открыто говорил о необходимости учитывать настроения горожан, безразличных к политическому смыслу праздника, использовать привычные для них элементы ритуала.

Эта идея - привлечь дополнительное внимание к празднику с помощью привычного для горожан звука – была поддержана комиссаром театров и зрелищ Союза коммун Северной области М.Ф. Андреевой, которая на заседании Петроградского Совета 24 сентября предложила использовать для оповещения горожан колокольный звон, «конечно, не церковный»³. На заседании представителей культурно-просветительных отделов 2-го района Петрограда 9 октября была высказана идея «поставить на площади

¹Рачков А.К. Октябрьской годовщине // Известия Олонецкого Губернского Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 25 октября.

²Организация октябрьских празднеств // Северная коммуна. 1918. 21 сентября.

³ Заседание Петроградского Совета 24 сентября [1918 года] // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 10. Л. 2.

большой колокол, сняв его для этого с какой-либо церкви, и звоном привлекать граждан для торжественного объявления значения торжеств»¹.

Если организаторы праздника в Петрограде предлагали использовать колокола, снятые с церквей, то в программе празднования Октября в Олонецком уезде колокольный звон напрямую связывался с сакральным характером праздника: в плане торжеств говорилось о том, что «в 9 час. утра во всех церквах уезда в течении 15 минут должен быть колокольный звон, который возвестит наступление великого праздника пролетарской Пасхи»².

Отношение к празднику как к особому времени требовало и использования специфического звукового фона, воспоминанию о революции некоторые организаторы торжеств стремились придать сакральное значение. Трудно судить о том, насколько было распространено подобное представление, но его попытались воплотить в жизнь в таком географически отдаленном от Петрограда и Петрозаводска городе, как Витебск. Вопрос о совмещении такого элемента традиционной праздничной культуры, как колокольный звон, с революционными лозунгами и плакатами обсуждался членами Витебской комиссии по празднованию годовщины Октябрьской революции³.

Инициатива вызвала недовольство корреспондентов «Известий ВЦИК»: «Мы думаем, это совершенно неуместно, хотя бы и для вящего торжества, пользоваться для пролетарского праздника этим специальным поповским инструментом»⁴. Публикация в центральной советской газете могла восприниматься как указание, однако по свидетельству корреспондента, давшего обобщенную характеристику празднований Октября в провинции, празднование годовщины революции в Воронеже сопровождал «колокольный пасхальный неумолчный перезвон»⁵. Представление о том, что празднование годовщины революции должно начинаться с колокольного звона, едва ли формировалось праздничными комиссиями столичных городов. Вернее было бы предположить, что отношение к празднику как к особому, сакральному времени было частью политического сознания организаторов праздника в различных городах. Общие установки политической культуры (в частности – стремление к сакрализации памяти об Октябре) связывали пространства, находящиеся под контролем Советов, в эпоху, когда институционализация власти еще в полной мере не произошла.

В празднованиях годовщин Октября образ революции должен была обрести цвет, запах, звук. Залпы с Петропавловской крепости в Петрограде, колокольный звон в некоторых провинциальных городах, фейерверки и сожжения чучел, живопись авангардистов, акции заботы (в частности, раздачи пайков), особая организация пространства темных и холодных городов превращали праздник в действие, которое трудно было игнорировать. В этом отношении празднования годовщин революции могут быть описаны в качестве одной из техник мобилизации эмоций, и эти эмоции должны были иметь отчетливый сакральный оттенок. Праздник должен был стать временем особой эмоциональности, которая предполагала и особую сакрализацию.

Стремление создать особую эмоциональную атмосферу оказало воздействие и на репрезентации образов политических лидеров в ходе празднований Октября.

¹ Протокол заседания представителей Культурно-просветительных отделов 2-го городского района 9 октября 1918 года // ЦГАИПД СПб. Ф. 1817. Оп. 1. Д. 204. Л. 4.

² Программа празднования Отдела народного образования при Олонецком губсовдепе // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15/179. Л. 76.

³ *Шамшур В.В.* Празднества революции. Минск, 1989. С. 26.

⁴ В провинции. Провинциальная хроника // Известия ВЦИК. 1918. 23 октября.

⁵ Советская провинция в великую годовщину (Обзор I-й) // Известия Тверского Губернского Исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 12 ноября.

Авторы резолюции, составленной на станции Альмеж (Вологодская губерния) писали (авторская орфография сохранена): «Интузиазм населения не поддается описанию[,] декорированный портретами Ленина Троцкого и Маркса и плакатами поезд фронтовой секции с восторгом встречается крестьянами и рабочими на станциях пути следования Котлас на фронт опаздывает на один ден[ь]»¹. Независимо от того, насколько распространенной и искренней была описываемая в резолюции реакция сельчан, важно, что в ходе празднования годовщины Октября современное средство коммуникации использовалось для тиражирования традиционного элемента праздника – изображений правителей.

Выступления В.И. Ленина на праздновании первой годовщины Октября были одним из первых появлений лидера большевиков на публике после покушения на его жизнь 31 августа 1918 года. Не случайно риторика заботы о здоровье вождя стала важным элементом поздравительных телеграмм. Школьники села Краснояра писали: «Ваше выздоровление, товарищ Ильич – хроническая болезнь империализма, укрепляет нас в надежде на скорую гибель врагов»². Успех мировой революции зависел, по мнению авторов телеграмм, от состояния здоровья российского лидера. Представители дивизии подводных лодок Балтийского моря писали: «Твоя чистая, невинная и святая кровь принесла братьям Запада Свободу, а наша смерть принесет освобождение всех трудящихся от рабства и тиранства пауков-капиталистов»³. Выздоровление Ленина описывалось как необходимое условие победы над врагами революции, а покушение на него характеризовалось с помощью религиозных метафор. Представители профсоюза медицинских помощников города Мценска писали: «Ты – вождь русского пролетариата, каким-то чудом спасся от руки злодея, покушавшегося на твою жизнь, а вместе с тем и на всю завоеванную кровью пролетариата русскую революцию. <...> Шлем тебе свой товарищеский сердечный привет, а также желаем тебе полного здоровья, дабы Ты, наш светлый луч настоящего и будущего счастья, шел вперед и вел с собой русского пролетариата для дальнейшего и полнейшего завоевания дорогой для нас свободы от тех уз и цепей, которыми русский пролетариат был скован целыми веками при самодержавии»⁴. Выздоровление Ленина («чудо», в риторике составителей телеграммы) описывалось как необходимое условие победы революции.

Пространство праздника наполнялось образами политических лидеров, как визуальными, так и речевыми. При этом большинство создающих особую эмоциональную атмосферу элементов прославления «вождей» - от переименования улиц до упоминания в праздничных телеграммах – было унаследовано от праздничной культуры монархической эпохи и от празднований февральского этапа революции⁵. И та, и другая традиции способствовали сакрализации образов политических лидеров.

¹[Резолюция красноармейцев 17 инженерного отряда] // ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1 Д. 248. Л. 81.

² Телеграмма из Краснояра // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 9. Л. 13.

³ Телеграмма коллектива коммунистов дивизии подводных лодок Балтийского моря // ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 468. С. 76.

⁴ Приветствие профессионального союза медицинских помощников города Мценска // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 10. Л. 76.

⁵Как показывают новейшие исследования, пантеон советских вождей складывался и под влиянием монархической культуры, и под воздействием первого культа «революционного вождя» - культа А.Ф. Керенского: *Колоницкий Б.И.* «Товарищ Керенский»: Антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март-июнь 1917 года). М., 2017.

Впрочем, процессы сакрализации вождей в эпоху Гражданской войны не были линейными и однонаправленными¹. Автору данной статьи не удалось обнаружить данных, которые могли бы свидетельствовать о целенаправленно создаваемых культах вождей в ходе празднований Октября. Политические лидеры, советские и партийные активисты, организующие праздник, не столько принуждали участников торжеств к интериоризации образов вождей, сколько играли роли, отведенные им различными накладывающимися друг на друга политико-культурными традициями.

Особая атмосфера праздника становилась важным политическим ресурсом, который не могли не использовать разные силы. В частности, обсуждение празднования первой годовщины революции в Петрограде было использовано как повод для дискуссии о характере праздника, допустимости амнистии и масштабах террора, состоявшейся между Д.Б. Рязановым и Г.Е. Зиновьевым².

На заседании Петроградского Совета 24 сентября 1918 года профсоюзный деятель Д.Б. Рязанов поднял вопрос об улучшении к празднику положения арестованных. Основным аргументом Рязанова заключался в том, что эта мера создаст эмоциональный настрой, необходимый для празднования годовщины революции: «... для того, чтобы этот праздник был проведен как праздник радости, как праздник, не омраченный ни одним пятнышком, для этого необходимо приготовить соответствующую психологическую атмосферу»³. Рязанов полагал: «только тогда, когда питерский пролетариат сможет с уверенностью сказать, что собрались под этим красным знаменем как в Смольном институте, так и во Дворце Труда⁴, что на этом красном знамени нет ни одной капли невинной крови пролетариев и городской бедноты, только тогда с чистой совестью и с чистым сердцем мы можем праздновать перед лицом всего международного пролетариата этот праздник»⁵. Докладчик констатировал, что «...к сожалению, на этом красном знамени отложились капли невинной крови пролетариев и деревенской бедноты»⁶. От террора, по его мнению, страдали те группы населения, от имени которых большевики проводили свою политику и для которых предназначалось готовящееся празднование.

Рязанов предложил создать комиссию, которая к празднику «поможет Чрезвычайной Комиссии выпустить тех невинных, бедных, больных, исстрадавшихся людей и облегчит муки страдания тех людей, которые топчутся около чрезвычайных, около предварительных, чтобы мы могли с чистым сердцем и совестью и энтузиазмом сказать, что 25 октября в наших тюрьмах томятся только действительно виновные, только те, по отношению которых мы можем установить индивидуальную ответственность»⁷. Создание такой комиссии, полагал докладчик, даст «возможность с чистой совестью и гордостью поднять голову перед международным пролетариатом и праздновать день

¹См. об этом: *Резник А.В.* Политическая агиография Льва Троцкого и сакрализация революции: случай Георгия Устинова // Политизация языка религии и сакрализация языка политики во время революции и гражданской войны. Сб. ст. Под ред. Б.И. Колоницкого – СПб., 2018. – С. 99-121.

² О прагматике дискуссии упоминают авторы важных работ по раннесоветской политической истории: *Рабинович А.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2008. С. 500-501; *Ратьковский И.С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006. С. 182-184. В контексте данной статьи важно охарактеризовать особенности политического языка, на котором говорили оппоненты.

³ Заседание Петроградского Совета 24 сентября [1918 года] // ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 10. Л. 3.

⁴ Дворец Труда – бывшее здание Ксениинского института неподалеку от Зимнего дворца, после революции перешедшее в ведение профсоюзов. Открытие здания было приурочено к празднованию годовщины Октября.

⁵ Заседание Петроградского Совета... Л. 3-4.

⁶ Там же. Л. 4.

⁷ Там же.

начала создания социалистической революции»¹. Праздник Рязанов использовал в качестве важного информационного повода, стремясь своей речью приковать внимание к волновавшей его проблеме.

Выступление Рязанова вызвало резкую реакцию Г.Е. Зиновьева, который утверждал, что террор и праздник совместимы. Глава Петроградского Совета подчеркивал: «Конечно, можно выступать против массового террора. Либерал, меньшевик, правый эсер, буржуй должен выступить против него, но марксист никогда не будет выступать»². Корреспондент «Красной газеты» передал эту мысль Зиновьева так: «Лишь либералы, правые эс-эры, буржуи против массового красного террора. Марксисты же признают этот священный террор»³. В этом варианте речи председателя Петросовета критика оппонентов большевиков подкреплялась сакрализацией террора.

«Кто желает делать историю, кто желает очистить наш грязный мир от буржуазии и ее прислужников, тот не может отказаться от террора, тот должен обнажить меч и тот не должен отложить его до той минуты, пока победа [не] будет обеспечена вполне»⁴ - так описывал председатель Петроградского Совета значение революционного насилия. В соответствии с этой логикой террор – не только необходимое средство победы в Гражданской войне, но и инструмент борьбы с главным врагом революции – буржуазией – в мировом масштабе. Этот аргумент был частью характерной для некоторых большевиков стратегии оправдания террора: насилие революционного государства - временная мера, направленная против врагов революции – приведет к полному искоренению самого феномена насилия в будущем⁵. Сомневающиеся в необходимости подобной политики обвинялись в стремлении остановить революцию и помешать установлению нового мирового порядка.

Предложение улучшить положение арестованных было в резкой форме отвергнуто Зиновьевым. Корреспондент, кратко пересказавший суть полемики Рязанова и Зиновьева на страницах «Известий», приписывал последнему слова: «Все знают, что в чрезвычайную комиссию посланы наши лучшие силы»⁶. В варианте речи, опубликованном на страницах газеты «Северная коммуна», эта мысль передавалась еще более красноречиво: «Здесь не может быть брошено никакого упрека чрезвычайной комиссии, в которую мы посылаем наших лучших, наших святых людей, таких как тов. Дзержинский – этот апостол коммунизма. На эту работу мы отдаем все лучшее, что есть у рабочего класса»⁷. В этом варианте речи Зиновьев пытался легитимировать террор путем его сакрализации, не считая необходимым создавать дополнительную структуру при ВЧК. Закончил свою речь Зиновьев следующим образом: «Мы будем идти дальше путем, который завещал великий наш учитель Маркс, который говорил: будьте террористами, расправляйтесь с вашими врагами по-плебейски и в день торжественной годовщины мы с высоко поднятой головой, в полном сознании того, что наше знамя чисто и что держим его высоко, мы отпразднуем рабочий праздник и предоставляет людям охочим говорить все, что угодно. Знамя наше не запятнано и никогда запятнано не будет. Да здравствует красный террор»⁸. Корреспондент «Северной коммуны» так передал эмоциональную реакцию зала на

¹ Там же.

² Там же. Л. 6.

³ Отповедь тов. Зиновьева // Красная газета. Вечерний выпуск. 1918. 25 сентября.

⁴ Заседание Петроградского Совета... Л. 6.

⁵ Ryan J. The Sacralization of Violence: Bolshevik Justifications for Violence and Terror during the Civil War // Slavic Review. 2015 (Winter). No. 4. P. 822.

⁶ Заседание Петроградского Совета (От собственного корреспондента) // Известия. 1918. 26 сентября.

⁷ Расширенное заседание Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов // Северная коммуна. 1918. 25 сент.

⁸ Заседание Петроградского Совета.... Л. 6.

подобное окончание речи: «Долго несмолкаемые аплодисменты всего зала, переходящие в овацию»¹.

В дискуссии Рязанова и Зиновьева проявились не только и не столько различные представления о празднике – видные большевики по-разному представляли себе, кто является врагом революции, а кто – ее жертвами и какими методами революция может достичь полной победы. Оба политика описывали террор в контексте перспектив мировой революции. Если Рязанов полагал, что насилие ухудшит репутацию Советской России в глазах западных рабочих, то Зиновьев описывал террор в качестве необходимого средства победы мировой революции. Лидер петроградских большевиков настаивал на том, что добиться перехода к новому этапу мировой истории можно лишь с помощью насилия. При этом террор он описывал как сакральный акт, используя по отношению к нему эпитет «священный», представители ЧК характеризовались как «святые люди», а Ф.Э. Дзержинский – как «апостол коммунизма».

Вспоминая о своем пребывании в Великоустюжской тюрьме, П.А. Сорокин писал, что накануне праздника «...„красные попы“ принесли своему ненасытному богу небывалые человеческие жертвы. Двенадцать казненных сразу. Теперь, сказали нам, три дня никого не будут казнить. В официальной газете это представлено как «амнистия». <...> мы все получили три лишних дня жизни, пока чудовище будет переваривать мясо последних жертв. Возможно, через три дня оно так проголодается, что потребует дополнительного питания»². Обстоятельства пребывания П.А. Сорокина в тюрьме требуют исследования³, а свидетельство противника большевиков, вышедшее в свет спустя полвека после описываемых событий – критического прочтения. Но важно обратить внимание на то, какой язык использовал автор мемуаров для описания логики организаторов террора и праздничной амнистии: террор «красных попов» становился сакральным актом принесения жертв в честь «ненасытного бога», под которым П.А.Сорокин подразумевал революцию⁴.

В акте Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков при главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России говорилось о том, что организаторы красного террора в Пятигорске «Атарбеков, Стельмахович, Кравец и Ге, по своему понявшие призыв встретить приближавшуюся годовщину Октябрьской социалистической революции достойным для граждан таковой образом, при деятельном соучастии некоторых других "товарищей", внимая жестоким указаниям, идущим из Москвы, принесли столь богатую кровавую жертву злему духу большевизма»⁵. Противники большевиков сравнивали красный террор с языческими жертвоприношениями, приуроченными к празднованию годовщины Октября, не только постфактум, но и в ходе Гражданской войны.

Квазирелигиозное напряжение политической борьбы эпохи Гражданской войны проявилось и в организации актов символического насилия – актах сожжений чучел врагов революции, приуроченных к годовщине Октября.

¹ Расширенное заседание Петроградского Совета...

² *Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография.* М., 1992. С. 122.

³ Как отмечают комментаторы, «Все, что пишет Сорокин об истории своего ареста и т.д. мягко говоря, не совсем правдиво»: *Комментарии и примечания // Сорокин П.А. Указ. соч. С. 285.*

⁴ В другом месте своей автобиографии П.А. Сорокин писал: «... революция – наше божество<...> А божеству вопросов не задают»: *Сорокин П.А. Указ. соч. С. 117.*

⁵ Акт расследования по делу об аресте и убийстве заложников в Пятигорске в октябре 1918 года // *Красный террор в годы Гражданской войны / Под ред. Ю.Г. Фельштинского.* М., 2004. С. 64-65.

Свидетель сожжений в селе Котлы Ямбургского уезда¹ описал празднование следующим образом: у праздничных арок «был построен костер из правителей и слуг старого строя, внизу, как основание костра, стояло 5 смолевых бочек, кругом щиты с портретами бывших царей, министров и генералов, а наверху два гипсовых бюста, хорошо известного котельским крестьянам крепостника-помещика «Альберта», который отличался тем, что запарывал крестьян на своей конюшне»². Сожжение этих изображений в «костре революции», ставшее центральным элементом праздника, корреспондент характеризовал так: «Глазам присутствующих представилась долго незабываемая картина, когда убеленные сединами, помнящие из рассказов своих отцов и дедов все ужасы власти крепостников – помещиков, веселились как малые дети, видя, как огненные языки касаются изображений когда-то сильных мира сего, на которых их приучали смотреть, как на божества, и когда вихрь огня подточил гипсовые изображения бывшего котельского крепостника «Альберта», и бюст рухнул с пьедестала в море огня, рассыпавшись на сотни мелких частиц, восторженное ура вырвалось из груди всех участников, на время оторванных от своих земледельческих и хозяйственных забот»³. Радость, по мнению автора отчета, спланивала участников праздника: «В этот момент все были как бы спаяны электрическим током одного торжества, полного уничтожения всех остатков старого рабского строя, под зарево пожара мировой революции и восходящего светоча нового социалистического строя в многострадальной Европе»⁴. Акты сожжений могли описываться как акты ритуального очищения и десакрализации⁵.

Особую эмоциональную атмосферу празднований стремились использовать не только организаторы торжеств. В праздничной листовке левых эсеров описывались эмоции, которые необходимо было переживать празднующим: «радость и гнев должны испытывать вы, рабочие и крестьяне России в эти Октябрьские дни. Великую радость по поводу первой годовщины первой победы труда над капиталом, годовщины Октябрьского переворота, впервые в истории человечества поднявшего красное знамя международной социалистической революции и передавшего трудящимся России власть, землю, фабрики и заводы – великую радость по поводу первых революционных ударов пролетариата Австрии, Германии, Болгарии, встающего ныне на собственные ноги для спасения себя и других»⁶. Другая сильная эмоция, которую, по мнению составителей листовки, должны были испытывать празднующие – это «великий гнев на партию Октябрьского переворота, партию большевиков, быстро изменившую его славным заветам и прикрываясь именем рабоче-крестьянской власти, растлившую душу русской социалистической революции и растоптавшей ее великие лозунги. Позор и стыд изменникам и предателям»⁷. Память о революции использовалась левыми эсерами против большевиков. Силой, «единственно оставшейся верной заветам Октября», составители листовки представляли партию левых эсеров, которая описывалась как «партия подлинного революционного социализма»⁸.

¹ Были сожжены изображения членов царской семьи и местного помещика «Альберта».

² Бюллетень Петроградского бюро Российского телеграфного агентства о праздновании годовщины Октябрьской революции в деревне // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 63. Оп. 1. Д. 62. Л. 74.

³ Там же. Л. 75.

⁴ Там же.

⁵ Подробнее об организации сожжений см.: *Годунов К.В.* Образы врагов революции в праздновании годовщин Октября: сожжение изображений противников (1918-1920 гг.) // Вестник Пермского университета (серия «История»). 2015. № 2. С. 104-112.

⁶ Наши лозунги в день годовщины Октябрьской революции // ЦГАИПД СПб. Ф. 459. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Одним из наиболее ярких случаев использования праздника левыми партиями был случай Петрозаводска. В соответствии с планом праздничных торжеств, с 12 до 1 часу дня 7 ноября 1918 года к манифестантам должны были обратиться с речами представители губернского и городского советов и представители партий анархистов, левых эсеров и меньшевиков¹. Празднование первой годовщины Октября было задумано как совместная политическая акция социалистов и анархистов Петрозаводска. Однако левые эсеры использовали торжества для критики правящей партии, выступив с антибольшевистскими лозунгами.

Это выступление имело последствия. В декабре 1918 года большевики объявили о ликвидации петрозаводской организации ПЛСР. «Накануне празднования годовщины Октябрьской революции, в ночь поднимавшейся взлетной волны революционного подъема пролетариата, в эту ночь, в темноте, крадучись, трусливая рука предателя разбрасывала по празднично убранным улицам возмутительные антисоветские прокламации с призывом омрачить наше торжество, пролить кровь, подменить смятением и ужасом великую радость великого дня... Это воззвание распространяли «левые» соц.-рев. интернационалисты»². Симптоматично, что действия левых эсеров описывались в категориях эмоций – противникам большевиков приписывалось желание испортить эмоциональную атмосферу празднования. Это стало одним из поводов для нового витка преследований большевиками бывших союзников по коалиции³.

Исследование связи праздника, сакральности и политических конфликтов разного уровня показывает, что трудно понять феномен раннесоветского праздника, рассматривая власть как единственную и единую силу, конструирующую праздничный ритуал. Точнее было бы говорить о том, что важнейшими акторами, участвующими в создании праздничной традиции, являются политические элиты, подчас конкурирующие между собой. Кроме того, праздник являл собой потенциальный ресурс политической мобилизации, который стремились использовать не только организаторы церемоний, но и их противники. Различные силы использовали ресурс праздника в своих интересах, сама ситуация праздника способствовала мобилизации различных представителей политического спектра. Можно говорить о том, что в рассматриваемый период времени существовало «многоголосие» памяти об Октябре. Не существовало единого центра сакрализации революции, в ее различных проявлениях были заинтересованы представители различных политических, общественных, культурных групп. Используя различные диалекты формирующегося политического языка, руководствуясь различными мотивами, представители различных сил способствовали сакрализации образа Октября.

Авторы различных текстов не просто использовали знакомые им метафоры, находясь в поле влияния инерции языка. Существенно, что используемые ими образы были эмоционально нагружены, а в некоторых случаях организаторы торжеств стремились подкрепить сакральную риторику элементами ритуала (в частности, колокольным звоном). Важно, что сакральные метафоры использовались в политических дискуссиях (одной из наиболее важных из них стала дискуссия о соотношении праздника и террора). Различные силы использовали образ Октября для усиления своих позиций в

¹ Программа празднования первой годовщины Октябрьской революции в г. Петрозаводске // НА РК. Ф.Р-28. Оп.1. Д. 21/156. Л.180-187.

² Заметка о ликвидации петрозаводской организации ПЛСР // Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917–1925 гг. : в 3 т. Т. 2. Ч. 3. Октябрь 1918–март 1919 г. М., 2017. С. 154.

³ Подробнее об использовании ресурса первых советских празднований левыми партиями см.: *Годунов К.В.* Левые оппоненты большевиков и революционные празднования 1918 г. // *Российская история.* 2016. № 5. С. 184-195.

ходе политических споров. Это позволяет поставить под вопрос распространенное представление о раннесоветской политической культуре как о культуре исключительно большевистской.